

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская академия наук
Институт российской истории
Научный совет по проблемам российской
и мировой экономической истории

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2008

Москва
РОССПЭН
2009

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52:63.3(2)6-2+65.9(2Рос)
Э40

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 07-01-16225д

Редакционная коллегия:
Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров,
С.А. Саломатина (ответственные редакторы),
Б.В. Ананьич, С.А. Афонцев, А.М. Маркевич, И.В. Поткина,
А.К. Соколов, А.К. Сорокин

Э40 **Экономическая история: Ежегодник. 2008.** — М.: Рос-
сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. —
479 с.

ISBN 978-5-8243-1185-3

В десятом выпуске ежегодника публикуются новейшие исследования по экономической истории.

Экономика дореволюционной России представлена статьями, посвященными истории деятельности и банкротства одного из старейших в России банковских домов «А.А. Печенкина и К^о», особенностям развития сельских имений московских предпринимателей, истории знаменитой суконной мануфактуры «Июкиш», участию швейцарцев в создании сыроваренной отрасли в Смоленской губернии, деловой этике известных предпринимателей Стасеевых, развитию системы мелкого кредита в российской деревне в конце XIX — начале XX в., социальной поддержке рабочих на промышленных предприятиях. Экономическая история СССР освещается в статьях о коллективных хозяйствах 1920-х гг., проблеме занятости населения на концессионных предприятиях в 1920-е гг., истории крупнейшего производственного главка ГУЛАГа — Главпромстроя, состоянии советской нефтяной промышленности накануне Великой Отечественной войны. В отдельный раздел выделена статья, посвященная проблемам российской модернизации в XXI в.

В данном выпуске публикуются исторические источники, содержащие аналитические материалы, раскрывающие процессы и явления экономической жизни прошлого, — труд Е.И. Ламанского о реформировании денежного обращения в России и записка Г. Гартмана об истории Русского общества машиностроительного завода в Луганске.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также тех, кто интересуется экономической историей.

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2)52:63.3(2)6-2+65.9(2Рос)

ISBN 978-5-8243-1185-3

© Коллектив авторов, 2009
© Российская политическая
энциклопедия, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ежегодник «Экономическая история» выходит уже в десятый раз. Этот выпуск, как и предыдущие, подготовлен Центром экономической истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при участии Института российской истории РАН и Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории.

Большая часть статей в данном выпуске посвящена истории России XIX — начала XX в. Тем не менее раздел по экономической истории СССР, несмотря на меньший, чем в некоторых предыдущих выпусках, объем, получился достаточно интересным.

Открывает ежегодник традиционный раздел по истории предпринимательства дореволюционной России. Центральной темой раздела стали вопросы управления: бизнесом, личными капиталами, земельными активами, причем в статьях представлены примеры как успешного, так и неудачного распоряжения богатствами и возможностями.

Статья П.В. Лизунова посвящена одному из старейших банкирских заведений России — банкирскому дому «А.А. Печеникина и К^о». С 1872 по 1904 г. фирма слыла весьма солидным заведением, прошедшим путь от меняльной лавки до банкирского дома с отделениями в разных городах страны. Банкротство фирмы в 1904 г. стало для многих совершенно неожиданным. Причины краха анализируются в статье, в частности, выявляются грубые просчеты в управлении банкирским бизнесом.

Е.Н. Савинова рассматривает в своей статье особенности развития сельских имений московских предпринимателей рубежа XIX—XX вв. В работе выявляется тенденция, в соответствии с которой московская буржуазия постоянно расширяла и совершенствовала свои хозяйства, делая их более рациональными, организуя технические производства, работающие на рынок.

В статье Е.Г. Петровой рассматриваются основные этапы развития одного из старейших и наиболее крупных предприятий дореволюционной России по выработке шерстяных тканей — суконной мануфактуры «Йокиш» в Москве. История фирмы представлена в разных аспектах: в сравнении с другими предприятиями отрасли, в связи с биографиями владельцев фабрики, с точки зрения взаимоотношений рабочих и предпринимателей, в аспекте взаимодействия предпринимателей с государством.

А.В. Тихонова освещает историю участия швейцарцев в создании российской сыроваренной промышленности в XIX —

начале XX в. В работе приводятся данные, характеризующие технологию производства, ассортимент продукции, организацию ее сбыта, а также анализируется состав швейцарской колонии в Смоленской губернии — средоточии швейцарского сыроварения в России. При этом автор доказывает, что промышленное сыроварение, начатое швейцарцами, стало стимулом для развития предпринимательской активности местного населения.

Статья И.В. Масловой посвящена известным предпринимателям Поволжья Стахеевым. На основе анализа деловой этики регионального купечества XIX в. автор приходит к выводу, что стремление к обогащению у представителей этого социального слоя основывалось на идее достижения успеха путем деловитости и бережливости. Провинциальным предпринимателям были присущи противоречивые черты: черствость природы сочеталась у них с широкомасштабной благотворительностью, неспешность и размеренность в быту — с энергией и компетентностью в коммерческих делах. Особая тема в данной работе — патернализм предпринимателей по отношению к своим служащим.

В разделе «Институциональные аспекты экономической истории дореволюционной России» опубликована статья Б.И. Подколзина, посвященная развитию системы мелкого кредита в российской деревне в конце XIX — начале XX в. Кредитная кооперация рассматривается автором как важный опыт общественного самоуправления российского крестьянина. В ходе длительного периода исканий была найдена удачная форма мелкого кредита — ссудное товарищество, в российских условиях эта форма оптимально сочетала небогатые финансовые возможности крестьян с эффективной организацией государственного участия и контроля.

История трудовых отношений в дореволюционной России выделена в данном выпуске ежегодника в особый раздел. Исследование, выполненное группой авторов (Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, И.В. Шильникова) на делопроизводственных материалах двух крупных текстильных предприятий Центрального промышленного района, посвящено малоисследованной проблеме — социальному страхованию и обеспечению рабочих дореволюционной России. В статье делается вывод о том, что хотя до 1886 г. закон даже не упоминал о каких-либо пособиях для рабочих (а до 1902 г. не требовал назначения им пенсий), все же на крупных фабриках уже с 1880-х гг. предприниматели вводили правила, по которым нуждающиеся рабочие имели право на получение определенных социальных гарантий, денежной поддержки.

Статьи в разделе, посвященном экономической истории Советского Союза, в некоторой степени объединяет общая проблема изучения знаковых для советской системы институтов, занимавшихся, помимо прочего, организацией и перераспределением трудовых ресурсов. Отдельной большой темой раздела стало состояние советской нефтяной промышленности накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В статье И.В. Гончаровой рассматривается малоисследованный процесс формирования коллективных хозяйств в 1920-х гг. Автор делает вывод, что первые колхозы были слабо связаны с кооперативной системой, среди них было мало коммун и артелей. Преобладали ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли), создаваемые по причине крестьянского малоземелья. Поскольку ТОЗам выделялась «лучшая» земля и кредиты, эти объединения привлекали предприимчивых крестьян. Большинство колхозов были временными объединениями с часто меняющимся составом, в них сохранялась связь с общиной, наблюдались внутренняя эксплуатация, непроизводительное расходование государственных средств, слабая трудовая дисциплина, низкая товарность. Накануне коллективизации многие из таких колхозов оказались несостоятельными.

В статье Т.В. Юдиной анализируются проблемы занятости населения СССР на концессионных предприятиях в 1920-е гг. Опираясь на архивные документы, автор раскрывает способы решения задачи сокращения масштабов безработицы в стране, отмечает преобладающую роль государственной формы занятости в годы новой экономической политики, выявляет проблемы, возникавшие во взаимоотношениях между советскими органами власти, профсоюзами и иностранными предпринимателями в вопросах регулирования трудовых отношений.

Исследование А.А. Цепкаловой посвящено одному из крупнейших производственных главков НКВД/МВД — Главпромстрою, созданному в ходе реорганизации ГУЛАГа начале 1940-х гг. Главк занимался организацией использования труда заключенных на строительстве многочисленных промышленных, коммунально-бытовых и военно-стратегических объектов в СССР. В статье рассматриваются функции и задачи Главпромстроя, эволюция его структуры, дается характеристика основных строительных объектов, определяется география и численность подчиненных ему исправительно-трудовых лагерей.

В статье А.К. Соколова подробно анализируется состояние советского нефтяного хозяйства накануне Великой Отечествен-

ной войны. Уделяется большое внимание вопросу об отношении сталинского руководства к проблеме производства топлива на военные нужды, потому что нефть играла ведущую роль в надвигающейся «войне моторов». В то же время рассматриваются причины постоянного отставания нефтяной отрасли от плановых заданий: было ли это связано с органическими пороками советской экономической системы или вызывалось специфическими хозяйственными особенностями.

В отдельный раздел ежегодника выделена проблема российской модернизации. В статье В.А. Мау ставятся вопросы об особенностях модернизации современной России: как соотносится сегодняшняя российская политика и задачи модернизации, какие риски и опасности подстерегают Россию на путях модернизации в XXI в.? Комплексная модернизация рассматривается автором как достижение технологиями и институтами уровня, характерного для современных западных демократий. Это чрезвычайно сложная задача, и мировая история знает примеры как успешных, так и неудачных модернизаций. Как показывает автор, в начале XXI в. доминирующими социально-экономическими проблемами России являются кризис индустриальной системы и трудности формирования социально-экономических основ постиндустриального общества. На современном этапе речь идет о выработке стратегии социально-экономического прорыва в условиях постиндустриального общества.

В данном выпуске ежегодника появился новый раздел, в котором публикуются исторические источники, содержащие аналитические материалы, посвященные процессам и явлениям экономической жизни прошлых эпох. В частности, вниманию читателей предлагается аналитическая записка известного государственного деятеля середины XIX в. и банкира Е.И. Ламанского «Причины расстройств денежной кредитной системы и средства к ее восстановлению», подготовленная к публикации А.В. Бугровым. В этой записке, относящейся к началу 1860-х гг., Е.И. Ламанский предлагал восстановить расстроенное Крымской войной 1853—1856 гг. денежное обращение за счет создания из внутренних резервов разменного фонда (золотая и крупная серебряная монета), а также реформирования Государственного банка по образцу европейских центральных банков с предоставлением ему эмиссионного права. Однако денежная реформа была проведена министром финансов М.Х. Рейтерном (1862—1863 гг.) по другому плану, за счет крупного иностранного займа, и завершилась неудачей. Восстановление размена бу-

мажных денег на звонкую монету было отодвинуто на десятилетия и в итоге было проведено в 1890-е гг. С.Ю. Витте с учетом принципов, сформулированных Е.И. Ламанским.

Вторым источником, публикуемым в данном разделе, является «Записка о возникновении и развитии Русского общества машиностроительного завода Гартмана, Луганск, Екатеринославская губерния, Юг России», написанная германским предпринимателем Г. Гартманом в 1905 г. Документ к публикации (включая перевод на русский язык, вводную статью и комментарий) подготовлен А.Ю. Петровым и Ю.А. Петровым. Записка, представляющая собой мемуары предпринимателя, впервые публикуется на русском языке. Особый интерес мемуары Гартмана представляют по той причине, что в них раскрывается эволюция предпринимательской стратегии иностранных фирм на российском рынке с тенденцией перехода от торговли к прямым инвестициям. Эта эволюция стала следствием повышения ввозных пошлин на готовые изделия российским таможенным тарифом 1891 г. При этом высока была роль технологического трансферта, поскольку подавляющая часть оборудования для паровозостроительного предприятия Гартмана ввозилась из-за границы, равно как и значение правительственных заказов, которые обеспечивали стабильный спрос на продукцию заводов.

Десять выпусков ежегодника — это десять лет работы редколлегии с расширяющимся кругом авторов — специалистов в области отечественной и мировой экономической истории. Среди наших авторов — известные историки, работающие в различных научных центрах Москвы и С.-Петербурга, ряда регионов России, включая Европейский Север, Урал и Сибирь. На страницах ежегодника регулярно появлялись статьи наших коллег из Беларуси, Бельгии, Великобритании, Германии, Голландии, США, Украины, Финляндии, Швеции. Российские читатели получили возможность познакомиться с трудами целого ряда ведущих зарубежных специалистов (в том числе — четырех президентов Международной ассоциации экономической истории — ИЕНА). Как показывает анализ массива статей, опубликованных в десяти томах ежегодника, большинство авторов занимаются экономической историей России XIX—XX вв. Как правило, это профессиональные историки (хотя доля экономистов в каждом томе нередко достигает четверти).

За прошедшие годы издание обрело свое лицо, заняло определенную «нишу» среди научных изданий. Ежегодник публику-

ет исследования, выполненные на высоком профессиональном уровне, в основе которых лежит большая работа по введению в научный оборот нового исторического материала; статьи, содержащие существенные теоретические и аналитические разработки. Жанр публикаций ежегодника позволяет авторам давать развернутую аргументацию своих выводов, включать обширные приложения, раскрывающие исследовательскую «кухню».

Среди важнейших задач, поставленных редколлегией ежегодника на ближайшие годы, — представление на общероссийском уровне новых интересных авторов благодаря публикациям в ежегоднике, расширение проблематики издания, дальнейшее ознакомление российских читателей с новыми тенденциями развития исследований в области отечественной и мировой экономической истории.

Редколлегия выражает благодарность Г. Перельману (Калифорнийский университет, США) за помощь в работе над данным выпуском.

*Л.И. Бородкин,
Ю.А. Петров,
С.А. Саломатина*

История предпринимательства дореволюционной России

*П.В. Лизунов**

Банкирский дом, «который лопнул»

Одним из старейших банкирских заведений в России было товарищество на вере «А.А. Печенкина и К^о», прошедшее путь от мелкой меняльной лавки до банкирского дома с несколькими отделениями в разных городах страны. В глазах большинства обывателей эта фирма представляла «из себя большое банкирское дело с хорошо известным среди торгового мира именем»¹. В течение 32 лет фирма «А.А. Печенкина и К^о» занималась банковской деятельностью и слыла самым солидным заведением в России. Однако в августе 1904 г. стало известно о несостоятельности этого банкирского дома. Весть о его крахе поразила многих своей неожиданностью и невероятностью. В тот момент, когда Петербургский Коммерческий суд выносил свою резолюцию об объявлении фирмы «А.А. Печенкина и К^о» несостоятельной, было немало лиц, желавших внести свои деньги на хранение в этот банкирский дом.

Компаньоны

Основателями банкирского дома (полными товарищами) были казанские купцы Василий Иванович Заусайлов и Василий Васильевич Мартинсон. Еще в 1872 г. они открыли на одной из бойких улиц Казани небольшую меняльную лавку. Складочный капитал предприятия составлял всего 6000 руб. Владельцы были настолько стеснены в средствах, что были не в состоянии выбрать необходимые купеческие документы и платить обоим капитал по 1-й гильдии. Было решено: чтобы сократить расходы, открыть лавчонку на имя матери В.И. Заусайлова — Анастасии Афанасьевны Печенкиной. Ранее она выбрала документы казанской временной 1-й гильдии купчихи для своих собственных дел. А.А. Печенкина являлась подрядчиком по городскому

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук, профессор (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск). Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 07-06-00377а.

уличному освещению Казани². Ее сын В.И. Заусайлов по доверенности матери был контрагентом в этом деле. Поскольку все три компаньона хорошо знали друг друга, то никакого официального договора между ними изначально не было.

В.И. Заусайлов происходил из купеческой семьи, начало благосостояния которой положил его дед — Василий Якимович Заусайлов, человек в Казани известный. В 1824—1826 гг. он выбирался городским головой. В некоторых источниках упоминается о том, что Василий Якимович был старообрядцем³. В 1849 г. дед умер, оставив, согласно завещанию, малолетним внукам Василию и Федору весь свой капитал и дом в Казани. Здесь на углу Большой Проломной и Гостинодворской улиц позже будет находиться первая контора товарищества и ссудная касса. По какой-то причине покойный в завещании своему сыну Ивану Васильевичу Заусайлову предоставил право пользоваться и распоряжаться наследством только в течение 20 лет. Через год, в мае 1850 г. у Василия Заусайлова умирает отец, а спустя две недели и брат Федор.

Над имуществом 6-летнего ребенка была назначена опека, опекуницей стала мать. В 1858 г. она вторично вышла замуж за военного интенданта, капитана Ивана Алексеевича Печенкина, взяв его фамилию. Вскоре по инициативе И.А. Печенкина опека над ребенком была снята и учреждено попечительство, которое было доверено матери и отчиму. В 1860 г. или чуть позже И.А. Печенкин открыл торговлю на имя жены только что появившимися керосиновыми лампами и керосином, употребив наследственный капитал пасынка, составлявший около 5000—6000 руб. Дело пошло и давало небольшой доход. Отчим основал торговлю с согласия пасынка, но торговля велась от имени матери.

В.И. Заусайлов вольнослушателем окончил Казанский университет по естественному факультету, работая в химической лаборатории профессоров А.М. Бутлерова и А.М. Зайцева. Прослушав полный курс, Заусайлов сдавать экзамен не стал, поэтому диплом не получил. Он вынужден был заняться коммерческим делом, к которому, по его словам, не испытывал особого влечения. К этому времени семья увеличилась. У Печенкиных родились дети: Мария, Флорентин, Анна, Алевтина и Анастасия (последняя умерла в младенчестве). Жили они, по воспоминаниям Заусайлова, дружно, он любил не только мать, но и отчима, которого почитал как родного отца, брата и сестер⁴.

В 1867 г. В.И. Заусайлов вопреки желанию матери и отчима женился на Елизавете Карловне Ланге — девушке из небогатой

семьи. Вскоре родственники смирились с выбором сына и вновь стали жить дружной семьей. Однако с этого времени родители перестали вмешиваться в торговые дела, и Заусайлов стал во главе семейного предприятия. Но по-прежнему торговые обороты совершались под фирмой матери. В начале 1870-х гг. торговля керосиновыми лампами была прекращена, так как стала приносить убытки вследствие возросшей конкуренции. Ламповый магазин был продан купцу Кузявину в расщочку, но всех денег получить, кроме 2000 руб., не удалось.

Главным двигателем всего предприятия являлся коммерции советник В.В. Мартинсон, человек предприимчивый, широко, но вместе с тем обдуманного размаха. Он получил образование в С.-Петербургском коммерческом училище. После окончания учебы Мартинсон поступил на службу в Государственный банк с жалованьем 25 руб. в месяц⁵. Через три года он оставил службу, решив устроить нечто вроде ссудной кассы или меняльной конторы, и вернулся в Казань.

Операции по продаже и покупке процентных бумаг в меняльной лавке Печенкиной пошли очень успешно, поскольку в Казани подобных контор к тому времени еще не существовало. Тогда стали сильно подниматься в цене билеты 1-го и 2-го внутренних 5 %-ных выигрышных займов, и лавка А.А. Печенкиной начала удачно их продавать с рассрочкой платежа помесечно. В результате появились свободные средства, которые компаньоны стали употреблять на операции учета векселей. Не обладая достаточным опытом в этом рискованном деле, владельцы меняльной лавки на первых порах понесли серьезные убытки. Но банкирские операции с выигрышными билетами продолжали развиваться успешно, и сами клиенты стали предлагать свои деньги в качестве вкладов⁶.

В 1875 г. компаньоны заключили между собой договор (до этого времени действовало устное соглашение) об учреждении товарищества на вере «А.А. Печенкина и К^о» с капиталом 45 000 руб., внесенных в равных частях по 15 000 руб. каждым⁷. Однако, как объяснял позже в своих показаниях В.И. Заусайлов, эти 45 000 руб. в действительности внесены не были, а операции производились на прежний капитал меняльной лавки. По словам же В.В. Мартинсона, он внес в предприятие около 40 000—50 000 руб. (точную сумму он не помнил), заложив свой дом в Казани⁸. Часть этих денег, как раз 15 000 руб., была его наследством, которое он получил от своей матери⁹. А.А. Печенкина никакого взноса точно не делала, поскольку только числилась компаньоном фирмы. По словам сына, она за всю жизнь

денег никогда не имела. Отсутствие средств у матери и отчима, как утверждал В.И. Заусайлов, могли подтвердить его сестры Мария Ивановна Печенкина и Алевтина Ивановна Леонтьева¹⁰.

Приобретения и потери

Согласно договору товарищество «А.А. Печенкина и К°» собиралось «производить всякого рода коммерческие предприятия, как банкирско-комиссионерские, так и торгово-промышленные, не ограничивая района своей деятельности ни местом, ни временем». Делами заведовали каждый из участников товарищества, один или по двое по доверенности остальных. Прибыли, как и убытки согласно договору делились поровну на три части: одна часть принадлежала В.В. Мартинсону, другая — А.А. Печенкиной и третья — В.И. Заусайлову.

В середине 1870-х гг. в России сохранялся устойчивый спрос на выигрышные билеты, и у конторы «А.А. Печенкина и К°» имелось немало покупателей. Билеты 1-го и 2-го выигрышных займов номинальной стоимостью 100 руб. раскупались на расхват. Цена билетов 1-го займа на С.-Петербургской бирже в начале 1875 г. достигла 194 руб. Билеты 2-го займа поднялись еще выше, до 198 руб.¹¹ Вместе с тем росли вклады, по которым банкирская контора «А.А. Печенкина и К°» платила от 10 до 12 % годовых. В 1875 г. компаньоны открыли вторую банкирскую контору по продаже и покупке процентных бумаг в Казани в доме Мартинсона на Воскресенской улице¹². Оно получило название «Воскресенское отделение» банкирской конторы «А.А. Печенкина и К°», тогда как первое именовалось «Проломное отделение». Оба отделения работали ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, с 9 до 15 час.

Банкирская контора «А.А. Печенкина и К°», согласно распространяемой рекламе, продавала и покупала по курсу С.-Петербургской биржи билеты 1-го и 2-го внутреннего с выигрышами займов, 5 %-ные билеты Государственного банка, облигации восточных займов и другие ценные бумаги. При продаже и покупке комиссионные составляли полпроцента. Билеты 1-го и 2-го займов продавались с рассрочкой платежа по 10 руб. и более в месяц. Условия рассрочки, как утверждала реклама, были самые выгодные, а именно: цена билета как за наличные деньги, так и в рассрочку (оплата билета от 6 до 24 месяцев) взималась по 50 коп. в месяц. При покупке билета первый взнос (заток) составлял 25 руб., после которого «могущий пасть на билет выигрыш» принадлежал полностью покупателю.

Канторой принимались также вклады срочные, до востребования и на текущий счет, по которым платили по текущему счету 6 % годовых, по вкладам до востребования — также 6 %, на шесть месяцев — 8 %, на один год — 9 %, на два года — 10 %. Ссуды выдавались под билеты 1-го и 2-го займов до 200 руб. и более и под прочие бумаги. Билеты 1-го и 2-го займов страховались от тиражей погашения по 45 коп. за билет на один тираж. Размен купонов был бесплатным¹³.

На Проломной улице в доме Заусайлова располагался также магазин товарищества «А.А. Печенкина и К°» по продаже минеральной лечебной воды, лимонада, всевозможных шипучих напитков, а также одеколona под названием «Казанская вода Марии Бенуа». В доме Мартинсона на Воскресенской улице был открыт магазин товарищества, в котором торговали обширным ассортиментом иностранных вин, разлива Е. Леве в Москве, водки, ликеров и наливок заводов Штритер, А.М. Попова и Казанского водочного завода. Здесь можно было купить китайский чай, кофе, сахар, сигары, папиросы, табак известных фабрик «Ф. Рейнгарт», «Богданов и К°», «Бр. Шапшаль», «Бр. Эгиз», товарищества «Лаферм» и товарищества «Чубарь и К°». Каждому покупателю владельцы магазина обещали скидку 10 % с рубля, а также принять обратно не понравившийся чай или поменять его на другой сорт¹⁴.

Избыток денег заставил компаньонов открыть в Казани также две ссудные кассы на условиях частных ломбардов. В залог принимали как новые, так и подержанные вещи. За ссуду под бриллианты, золотые, серебряные и другие драгоценные вещи взимали 2 %, под другие вещи — 3 %, за хранение и страхование — 1 %¹⁵. В ссудной кассе на Проломной улице в залог принимали экипажи, мебель и рояли¹⁶. Дело шло ходко, и компаньоны хорошо зарабатывали.

Рост свободных капиталов подтолкнул В.В. Мартинсона и В.И. Заусайлова к открытию новых отделений в других городах и расширению банковских операций. В 1876 г. они открыли контору в Екатеринбурге, в 1877 г. — в Саратове и в 1886 г. — в Нижнем Новгороде. В течение 13 лет банкирская контора «А.А. Печенкина и К°» покрыла почти все Поволжье своими отделениями и агентствами. Во всех отделениях производились наряду с банковскими операциями и ссуды под движимое имущество.

В ссудной кассе конторы «А.А. Печенкина и К°» в Казани начинал свою трудовую деятельность 13-летний Ф.И. Шаляпин. После окончания школы его в контору писарчуком устроил отец. Шаляпин позже вспоминал, как сидел за конторкой с 9 до

14 часов: «Приносят разные невеселые люди кольца, шубы, ложки, часы, пиджаки, иконы; оценщик оценивает все это в одну сумму, называет к выдаче другую; происходят споры, торг, кто-то ругается, кто-то плачет, умоляя прибавить, ссылаясь на болезнь матери, смерть сына, а я пишу квитанции и думаю о театре». Прослужив в течение 2 месяцев бесплатно, Шалапин стал получать жалованье 8 руб. в месяц. Однако он вскоре ушел из банкирской конторы Печенкиной «из-за театра, который убивал», как он утверждал, все его радение к службе¹⁷.

С расширением дела и для помещения образовавшихся свободных капиталов товарищество организовало ряд предприятий. Одно время оно имело винокуренный завод в Самаре и арендовало несколько золотых приисков в Оренбургской губернии. Однако все эти предприятия, кроме ссудных касс, принесли одни убытки. Так, затратив большие капиталы на покупку приисков, которые оказались с очень низким содержанием золота, компаньоны потеряли более 90 000 руб.

Неудачно завершилось еще одно начинание. В 1878 г. товарищество «А.А. Печенкина и К^о» приобрело большой участок леса более 10 000 десятин в Нижегородской губернии Семеновского уезда, остров сенных покосов и затон «Люলেখовский». Мотивом покупки послужили избыток конторских денег и казавшаяся выгода. Лесной товар и дрова были в очень высокой цене, и компаньоны рассчитывали получить более 1 млн руб. прибыли и покрыть все имеющиеся у них убытки от других предприятий. Однако участок оказался в 30 верстах от Волги, и пришлось строить конную железную дорогу от леса до реки. Дорога и лес обошлись почти в 300 000 руб. Когда дорога была готова к эксплуатации, внезапно почти несколько сот пароходов на Волге и многие близлежащие заводы перешли с дров на нефть. В результате дрова, продававшиеся от 30 до 40 руб. за пятачок (5 сажений), упали в цене до 50 %, а за ними упали в цене и другие товары из дерева (балки, шпалы и пр.). Дело, сулившее миллионы, вновь принесло компаньонам один ущерб.

Коллекционирование и меценатство

С личным обогащением у В.И. Заусайлова и В.В. Мартинсона появляются барские замашки, увлечения, страсть к коллекционированию и меценатству. Так, в 1882 г. в казанских газетах «Волжско-Камское слово» и «Казанские губернские ведомости» появилось объявление о том, что на Воскресенской улице в доме Мартинсона открыт кабинет с телефонами для прослуши-

вания театральных постановок, которые шли на сцене городского театра. Члены Казанского отделения Императорского Русского технического общества, присутствовавшие на сеансе связи, отметили хорошую слышимость передачи. Сеанс произвел на них большое впечатление¹⁸.

В.В. Мартинсон становится антрепренером и открывает в Казани увеселительный сад и театр. Однако как антрепренер Мартинсон оказался не на высоте. Просуществовав два года, театр, не выдержав конкуренции, прогорел¹⁹. Позже Мартинсон увлекся коллекционированием картин старых мастеров, приобретя несколько полотен художников школы Рафаэля.

В.И. Заусайлов в конце 1870-х гг. заинтересовался археологией. Началом этой страсти послужила выставка-коллекция, приуроченная к проходившему в Казани IV археологическому съезду. В.И. Заусайлов вспоминал: «Мысль о собирании в пределах Казанской губернии останков произведений рук доисторического человека возникла у меня при изучении коллекций, находившихся на выставке, бывшего в 1877 году в Казани, IV российского археологического съезда и при слушании в заседаниях сего последнего сообщений, относившихся к доисторической Археологии России»²⁰. Когда в 1878 г. при Казанском университете было создано Общество археологии, истории и этнографии, В.И. Заусайлов стал его деятельным членом. Вскоре он превратился в крупнейшего коллекционера первобытных древностей.

Заусайлов сам принимал участие в археологических раскопках и скупал всякие древние находки у населения Казанской губернии. В результате ему удалось собрать уникальную коллекцию. В 1884 г. Заусайлов опубликовал иллюстрированный альбом каменных орудий с 473 рисунками. Свою книгу Заусайлов посвятил графу Алексею Сергеевичу Уварову, «творцу российских археологических съездов». Во введении к альбому Заусайлов писал: «Орудия в огромном большинстве случаев отыскивались таким образом, что я объезжал поочередно деревни, губернии, и в каждой из деревень, по прибытии, собирал сведения, не имеет ли кто из жителей громовых стрел, так как только под этим названием известны крестьянам древние каменные орудия; оказавшиеся предметы покупал, — разумеется, при согласии на то владельцев. Только в очень немногих местностях мне удалось добыть каменные орудия путем производства раскопок»²¹. Очень скоро казанцы признали собрание Заусайлова частным музеем. Профессор Н.П. Загоскин в своем путеводителе по Казани включил его коллекцию орудий каменного века в число городских достопримечательностей²².

В.И. Заусайлов также являлся составителем и издателем миниатюрного «Казанского календаря» на 1882 г. Календарь был издан в пользу столовой дешевых обедов и чайной Казанского Попечительского о бедных комитета ведомства Императорского человеколюбивого общества и продавался по 6 коп. Издатель не упустил возможности разместить в календаре рекламу своего банкирского заведения²³.

Кроме того, В.И. Заусайлов являлся одним из основателей Казанского городского научно-промышленного музея (ныне Государственный музей Республики Татарстан). В мае 1891 г. он вошел в состав комиссии по организации музея, члены которой были избраны на заседании Городской думы. В 1892 г. В.И. Заусайлов был избран членом попечительства Лихачевского отдела. В 1895 г. музей был официально открыт в здании бывшего Гостиного двора. Накануне, в марте 1895 г., Заусайлов был избран казначеем. Ему поручалось закупать различные экспонаты для научно-промышленного музея. Например, он приобрел коллекцию античной керамики из Темрюка. Все эти закупленные им вещи до сих пор в описях обозначены как «заусайловские» экспонаты²⁴.

Дела семейные

Отчим Заусайлова, выйдя в отставку, занимал в товариществе «А.А. Печенкина и К^о» должность управляющего по лесному делу. Главным образом он ведал торговлей дровами. В связи с болезнью отца его сын, отставной поручик Флорентин Иванович Печенкин, занял это место. Позже он пожелал баллотироваться в мировые судьи, но не имел ценза. Тогда В.В. Мартинсон фиктивно продал ему 700 десятин из общего леса, взяв в обеспечение закладную.

После смерти в 1891 г. А.А. Печенкиной ее наследник Ф.И. Печенкин, не желая оставаться членом товарищества, все свои права продал в 1893 г. своему брату В.И. Заусайлову за 15 000 руб.²⁵ Все три сестры также отказались от наследства матери в пользу брата Флорентина. Он получил половину лесных дач товарищества в размере 4518 десятин земли в Семеновском уезде, оцененных в 690 500 руб. Туда вошли также 700 десятин, на которые была закладная. Последняя по обоюдному согласию компаньонов была уничтожена. При совершении акта на ведение хозяйства Ф.И. Печенкин получил деньгами 23 000 руб.²⁶

В 1894 г. отчим, живший в Нижнем Новгороде, прислал письмо В.И. Заусайлову оскорбительного содержания с требо-

ванием переписать купчую на его имя оставшейся части леса, то есть еще на 4518 десятин. За неисполнение требований он угрожал судом уничтожить нотариальную сделку, по которой якобы Заусайлов купил у брата Федора, больного психическим расстройством, наследство деда в 165 500 руб. — всего за 15 000 руб. Боясь, что подобный судебный процесс может пагубно сказаться на репутации фирмы, В.И. Заусайлов и В.В. Мартинсон решили, что будет лучше отдать этот лес Печенкину. Ультиматум отчима был выполнен полностью.

Настоятельные просьбы выдачи денег поступали и от других родственников В.И. Заусайлова. Так, его сестра А.И. Большакова требовала выделять ей по 150 руб. ежемесячно, также угрожая судом. Хотя и так все семейство Печенкиных содержалось на средства В.И. Заусайлова: жалованье отчиму, приданое двум сестрам, все свадебные расходы, когда выдавал замуж двоюродных сестер и племянницу. Он никому не отказывал в помощи, был мягок, чем и пользовались все родственники.

Жена Заусайлова совместно с наследниками торгового дома Вараксина и С.Л. Венециановым в конце 1880-х гг. составили компанию для производства «Дрожжевого-винокурного завода Е.К. Заусайлова в Самаре». Этот завод обошелся товариществу в 100 000 руб., которые были взяты из средств банкирской конторы. Деятельность завода принесла одни убытки, и его пришлось продать с огромными потерями²⁷.

Новые проекты и новые неудачи

После смерти в 1891 г. А.А. Печенкиной Мартинсон и Заусайлов стали вдвоем полными товарищами и собственниками предприятия под старым названием банкирского дома товарищества «А.А. Печенкина и К°». К этому времени компаньоны превратились в солидных банкиров и уважаемых горожан. Особенно преуспел В.И. Заусайлов. Он являлся членом Городской думы г. Казани, губернским гласным Общего присутствия по делам дополнительного промыслового налога, почетным блюстителем по хозяйственной части Казанского Епархиального женского училища, членом Попечительского комитета о бедных, членом местного управления Красного Креста и т.д.²⁸

В 1878 г. В.И. Заусайлов и В.В. Мартинсон решают открыть контору своего банкирского дома в Петербурге. С этой целью Мартинсон приехал в столицу и через своего товарища-одноклассника, известного спортсмена Ивашова, хлопотал по этому делу²⁹. Вскоре правление банкирского дома «А.А. Печенкина

и К°» переносится в столицу, и с тех пор петербургская контора получила статус главной. Располагалась она на Невском проспекте, 58. Это было сделано для более удобной покупки и продажи ценных бумаг на Петербургской бирже. Вскоре на фондовом рынке произошло падение почти всех процентных бумаг, и контора понесла на первых порах большие убытки.

В 1888 г. Мартинсон знакомится в Петербурге с Осипом Антоновичем Пржещлавским, у которого на руках имелся только что утвержденный устав Петербургского Столичного ломбарда. Тот предложил товариществу «А.А. Печенкина и К°» вступить в число основателей ломбарда, так как учредители не могли отыскать денежных лиц, пожелавших бы воспользоваться готовым уставом для открытия ломбарда. Зная хорошо ссудное дело и питая надежду на улучшение состояния дел товарищества, Мартинсон сразу согласился. Он даже стал директором-распорядителем Петербургского Столичного ломбарда³⁰. Ломбард был открыт, но акции его поднимались очень медленно, и только через 15 лет цена их выросла с 500 до 785 руб. Разочарование постигло компаньонов и в этом предприятии. Убытки их не уменьшались, а, наоборот, только увеличивались.

Принадлежавшие банкирскому дому «А.А. Печенкина и К°» ссудные кассы в 1889 г. были проданы за 800 000 руб. группе лиц, учредивших товарищество Петербургский Столичный ломбард. В Казани было открыто отделение Столичного ломбарда для ссуд под залог движимости. Оно располагалось в «Проломном» и «Рыбнорядском» отделениях банкирской конторы товарищества «А.А. Печенкина и К°»³¹. После уступки ссудных касс деятельность товарищества сосредоточилась на одних банкирских операциях. Компаньоны использовали кредит не только клиентов, но и биржи.

В 1892 г. В.В. Мартинсон, пытаясь найти выход из сложившегося кризиса, покупает у самого г. Вильно, по другую сторону р. Вилии, участок земли размером около 175 десятин. В этом месте река огибает полуостров, носивший название «Зверинец» или «Александрия». Местность эта принадлежала когда-то князьям Радзивиллам, затем — генерал-фельдмаршалу князю П.Х. Витгенштейну, позже — супруге германского канцлера княгине Гогенлое, которая продала его помещику Бергу. Урочище «Зверинец» представляло собой красивую местность, покрытую наполовину старым сосновым лесом. Мартинсон намеревался присоединить «Зверинец» к городу и продавать наделы под застройку жителям города с рассрочкой на 10 и 18 лет.

Мартинсон разделил всю территорию «Зверинца» на равные участки и проложил по ним улицы. Часть участков он стал сда-

вать в аренду, а часть продавать в собственность разным лицам. Проложенные улицы стали понемногу застраиваться, и в 1901 г. по постановлению Виленской городской думы вся местность была включена в городскую черту. На высоком берегу Вилии возвысилась красивая церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы. От Георгиевского проспекта мимо кафедральной площади до самого Заречного моста была проложена конно-железная дорога.

Продажа участков земли первоначально шла успешно. Но оказалось, что по закону в Северо-Западном крае поляки и евреи не имели права покупать недвижимость вне городов, а русское население было невелико, а посему на быструю распродажу рассчитывать не приходилось. К тому времени Мартинсоном было израсходовано 400 000 руб. За присоединение «Зверинца» к Вильно необходимо было передать городу бесплатно 24 000 кв. саженей земли в лучшей части урочища и уплатить деньгами 180 000 руб. Из них 45 000 уже было внесено на строительство моста. Кроме того, Мартинсон подарил Ольгинскому приюту 12 000 кв. саженей земли, за что получил высочайшую благодарность, а также около 2000 кв. саженей земли под церковь «Знамения», которая к тому времени была построена и освещена.

Банкротство

С началом русско-японской войны вкладчики банкирского дома «А.А. Печенкина и К°», особенно в Казани, стали волноваться и требовать обратно свои деньги. К 1 февраля 1904 г. товарищество имело свободных средств до 1 700 000 руб., из них до 1 августа было возвращено вкладчикам 1 200 000 руб. К этому времени требования утихли. Но вдруг разразились крахи банковских контор «Осипов К. и К°» в Москве и «Наследников А.П. Андреева» в Екатеринбурге. Вкладчики, опасаясь за свои деньги, бросились в отделения банкирского дома «А.А. Печенкина и К°», полагая, что кассы банковских заведений «Наследников А.П. Андреева» и «А.А. Печенкина и К°» были тесно связаны между собой. Удовлетворить все требования сразу банкирский дом «А.А. Печенкина и К°» не мог, и 12 августа 1904 г. было объявлено о приостановке платежей.

Закрытие банкирского дома товарищества «А.А. Печенкина и К°» вызвало сенсацию в Казани, Саратове, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде, где имелись отделения с весьма значительным кругом клиентов и многочисленными делами.

В Казани, как сообщала газета «Казанский телеграф», в толпе, с самого утра собравшейся у банковской конторы «А.А. Печенкина и К°» на Проломной улице, происходили «потрясающие душу сцены». Вход в контору был занят полицией. На дверях висело объявление: «По распоряжению правления банковской конторы с 12 августа прекращает выдачу». Несмотря на то, что около дверей Петербургского Столичного ломбарда было вывешено объявление, что ломбард с банковской конторой не имеет ничего общего, публика ломилась и туда, спеша выкупить заложенные вещи. На следующий день в газете «Казанский телеграф» появилось аналогичное заявление Петербургского Столичного ломбарда за подписью управляющего Р. Миттермана³². Такое же объявление появилось в «Саратовском листке» за подписью управляющего местным отделением Петербургского Столичного ломбарда М. Черкасова³³.

Еще накануне казанская контора банковского дома «А.А. Печенкина и К°» выдала вкладов на 100 000 руб. и отослала в Екатеринбург 150 000 руб., а в Петербург — 500 000 руб. В Казанских конторах к вечеру 12 августа наличность составляла около 19 000 руб., на Проломной — 12 648 руб. и на Воскресенской — 6240 руб. Более того, Столичный ломбард должен был конторам около 2 млн руб.³⁴ Управляющий Казанской конторой Евгений Иванович Телегин уехал срочно в Петербург для получения инструкций³⁵.

Около отделения конторы на Воскресенской улице, как и в отделении на Проломной улице, стояли околоточный надзиратель и полицейский. Шторы на окнах были опущены, на дверях прикреплен листок, на котором было написано: «По распоряжению правления товарищества действие конторы с 12 сего августа временно приостановлено».

На следующий день весть о крахе Печенкиной дошла до деревни. 13 августа около контор толпились уже деревенские вкладчики, сбережения которых не превышали 100 руб.³⁶ Желая успокоить публику, В.И. Заусайлов дал интервью, опубликованное в «Казанском телеграфе», в котором сообщил, что «глубоко убежден» в том, что кредиторы товарищества вскоре получат свои деньги «полным рублем»³⁷.

В Екатеринбурге контора накануне краха выдала своим клиентам в течение нескольких дней более 300 000 руб. по текущим счетам и срочным вкладам, но затем последовало распоряжение главной конторы из Петербурга о временном прекращении платежей. Значительная группа клиентов местного отделения обратилась по телеграфу к министру финансов с просьбой заставить контору полностью возвратить им вклады.

В Саратове до последнего момента служащие местного отделения конторы не знали о состоянии дел своей главной конторы в Петербурге и продолжали принимать и выдавать вклады. Однако когда дошли слухи о затруднениях в Екатеринбурге, в Саратове «произошел штурм» отделения, которое не смогло удовлетворить все требования вкладчиков. В результате отделение было «временно закрыто впредь до особого распоряжения»³⁸.

13 августа на дверях конторы в Нижнем Новгороде было вывешено объявление об учреждении администрации и о том, что вкладчики будут удовлетворены более 80 %. В объявлении сообщалось, что впредь до учреждения администрации и точного выяснения процентов контора будет закрыта. О дне открытия будет объявлено особо. Распоряжение о закрытии конторы было дано 12 августа, после чего кассу закрыли и более не открывали. Обороты нижегородской конторы простирались до 10 млн руб. в год, вкладов было более 1 млн руб., причем большинство вкладчиков были люди среднего достатка, получавшие большие проценты, поэтому они и несли сюда свои сбережения. Целый день перед зданием конторы стояла толпа вкладчиков, но, кроме объявления, никаких сведений им получить не удалось.

В газете «Петербургский листок» появились следующие строки:

*Всюду плач, кругом содом
От печали и кручины:
Прогорел банкирский дом
От неведомой причины*³⁹.

Однако закрытие банкирского дома товарищества «А.А. Печенкина и К°» не произвело какого-либо сильного впечатления в Петербурге, где контора вела не особенно крупные операции.

Петербургская фондовая биржа оказалась почти не затронута приостановкой платежей разорившейся конторой. Ее биржевые операции за свой счет даже «славились» своей микроскопичностью, не выходя за пределы того, что может позволить себе даже самый захудалый кулисье. Контора «А.А. Печенкина и К°» оперировала на Петербургской бирже совершенно мизерными партиями в какой-нибудь десяток другой «штук». Незначительными были и ее онкольные операции, не превышавшие 350 000—400 000 руб. «Излюбленной ценностью» конторы были «тяжелые» и мало распространенные среди «публики» и профессиональных биржевиков акции Петербургского Столичного ломбарда. Правление ломбарда было близко к фирме «А.А. Печенкина и К°», главным образом потому, что последняя была

основным денежным источником, когда-то питавшим это предприятие и продавшей ему свои провинциальные кассы ссуд. Фирма Печенкиной на бирже считалась своего рода «патроном» акций Столичного ломбарда, устанавливая на них цену. Хотя у самой банкирской конторы «А.А. Печенкина и К°», как выяснилось из ее баланса, указанных акций имелось всего 485 штук⁴⁰.

13 августа 1904 г. вся касса петербургской конторы, документы, книги и бумаги были опечатаны прокурорским надзором Петербургского Окружного суда. В тот же день Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов была произведена тщательная ревизия общей деятельности компании.

Кредитная канцелярия попыталась выяснить официальное местопребывание торговой фирмы товарищества «А.А. Печенкина и К°», для чего сделала запрос в Петербургский биржевой комитет. Оказалось, что из документов, имеющихся у биржевого комитета, невозможно понять, какая из контор товарищества — в Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде или Саратове — считается главной⁴¹.

В Петербурге на квартире присяжного поверенного Гаврила Андреевича Тиктина состоялось предварительное совещание лиц, заинтересованных в делах банкирской конторы «А.А. Печенкина и К°». Выяснилось, что ее положение не так уж плачевно, как это казалось сразу, при первом известии о «недоумениях». На состоявшееся затем официальное собрание кредиторов пришло всего 35 человек, что было в несколько раз меньше, чем заинтересованных лиц. Так, некоторые частные банки не прислали своих представителей, считая свои претензии вполне обоснованными и бесспорными.

Общее собрание кредиторов выяснило положение дел банкирского дома «А.А. Печенкина и К°». По балансу в его активе значилось: касса — 120 000 руб., на текущих счетах — 18 417 руб., процентных бумаг — 244 225 руб., 485 акций Столичного ломбарда на сумму 336 038 руб., ссуды под бумаги на 1 517 495 руб., онколи — 309 748 руб. Затем имелось недвижимое имение «Зверинец» в г. Вильно, оцениваемое в 3 500 000 руб.⁴²; недвижимость в Казани на 600 000 руб., но под нее уже была взята ссуда в размере 541 000 руб.; недвижимость в Саратове и Екатеринбурге на сумму 350 000 руб. В разделе дебиторы значилось: по виленскому имению и по всем конторам — 218 989 руб. Весь актив определялся в 7 185 914 руб. Часть присутствовавших на собрании не согласилась с указанной оценкой, а один из членов собрания назвал ее «сказочной, фантастической и положительно маловероятной».

Пассив баланса конторы определен в следующем виде: срочные вклады — 5 821 142 руб., вклады до востребования — 2 657 781 руб., долг коммерческим банкам по перезалогу ценных бумаг — 1 487 000 руб. и разные кредиты — 138 619 руб. Весь пассив равнялся 10 104 542 руб., следовательно, недостача (дефицит) составляла 2 918 028 руб.⁴³

Часть кредиторов товарищества, согласно действующему законодательству, обратились в Петербургский биржевой комитет с просьбой об учреждении по делам товарищества банкирского дома «А.А. Печенкина и К°» администрации. Ходатайство было рассмотрено 31 августа 1904 г. Однако биржевой комитет не признал возможным учреждение администрации и постановил «отклонить ходатайство ввиду угнетенного положения денежного рынка»⁴⁴.

Тем не менее в газете «Петербургский листок» от 11 сентября 1904 г. была опубликована статья под названием «К краху конторы Печенкиной и К°», в которой говорилось, что «Биржевой комитет, назначив администрацию, сделал небольшую по существу, но громадную по результатам ошибку. Комитет допустил администрацию над товариществом, а владельцы конторы или товарищества остались в стороне»⁴⁵. Биржевой комитет в письме к редактору газеты Н.А. Скроботову обращал внимание на то, что писавший эти строки не знаком с делопроизводством по делам об учреждении администраций, так как, согласно Судебному уставу, торговые дела об учреждении администраций решаются не биржевым комитетом, а судом почетнейших лиц биржевого купечества. Последние при рассмотрении ходатайства петербургских кредиторов об учреждении администрации по делам товарищества «А.А. Печенкина и К°» не только «не уважили», но, напротив, единогласно его отклонили⁴⁶.

2 сентября 1904 г. Петербургский коммерческий суд под председательством действительного статского советника И.Г. Данилова после продолжительного совещания объявил признать товарищество на вере «А.А. Печенкина и К°» несостоятельным. Присяжными попечителями были назначены купцы Ф.Ф. Осипов и А.Т. Чекалов. Для наблюдений за действиями последних был назначен член коммерческого суда статский советник Н.А. Лоссовский⁴⁷. После данного решения в коммерческий суд стали поступать иски вкладчиков конторы.

По высочайшему указу по делам несостоятельного должника товарищества «А.А. Печенкина и К°» в сентябре 1906 г. была сформирована правительственная ликвидационная комиссия, состоящая из 7 членов во главе с председателем Н. Лазаревским.

Комиссия проработала до 1914 г., ежегодно публикуя отчеты о состоянии счетов конторы⁴⁸.

В ходе разбирательства выяснилось, что фактически всеми делами правления заправляли В.В. Мартинсон и «главноуправляющий конторами» Федор Петрович Иванов⁴⁹. Последний поступил в «Воскресенскую контору» товарищества в Казани сначала простым конторщиком, потом стал бухгалтером этой конторы, а затем был назначен ее управляющим. После перехода его на службу в Нижний Новгород он исполнял обязанности управляющего конторой товарищества и принадлежащей товариществу кассой ссуд. В 1891 г. он перешел в правление товарищества в Петербурге, где был сначала главным бухгалтером, а затем «главноуправляющим над всеми конторами». В.И. Заусайлов, проживавший почти все время в Казани, принимал в делах товарищества менее активное участие.

Оказалось, что долгое время в банкирском доме «А.А. Печенкина и К°» отсутствовала бухгалтерия, хотя ежегодные обороты простирались до 10 000 000 руб. в год, а в балансе числилось вкладов до 1 000 000 руб. Только с 1892 г. товарищество обзавелось бухгалтерией и стало публиковать ежегодные общие балансы.

Именно тогда бухгалтер Ф.П. Иванов выявил «чистый убыток» товарищества в размере 2 003 850 руб. при складочном капитале в 45 000 руб. После составления этого отчета Иванов становится центральной фигурой товарищества, имевшей в нем значение не меньше, чем оба полных товарища. Временами он вообще заправлял всеми делами фирмы. Укрывательство действительного положения вещей лежало на совести Иванова. Он всегда собственноручно вел «главную книгу» и «журнал» правления, он же составлял годовые балансы, им принимались меры к сокрытию состояния счетов от всех прочих служащих. В своих балансах с 1892 по 1902 г. Иванов неизменно ложно показывал нетронутым основной капитал товарищества (45 000 руб.), в действительности давно не существовавший. В этих балансах им при помощи ложных проводов скрывался имевшийся дефицит⁵⁰.

Из отчетов ликвидационной комиссии следовало, что основными должниками товарищества являлись В.В. Мартинсон (3 427 325 руб.) и В.И. Заусайлов (3 727 841 руб.)⁵¹. Комиссия признала, что эти долги не только не были обеспечены какими-либо ценностями, поступившими в распоряжение товарищества, но не были обеспечены имуществом, которое бы принадлежало лично Мартинсону и Заусайлову. Поскольку эти счета ничем были не покрыты, по мнению членов комиссии, их надлежало признать как «маскированный убыток». Этот вывод возмутил

кредиторов, которые стремились возложить все свои потери на владельцев банкирского дома «А.А. Печенкина и К°»⁵².

В.И. Заусайлов и В.В. Мартинсон объясняли, что эти суммы возникли не из действительно израсходованных денег, а, главным образом, из наросших процентов на проценты на суммы, употребленные в течение 24 лет, с 1880 по 1904 г., на вышеназванные неудачные операции. Компаньоны уверяли, что за вычетом этих сумм получится остаток 2 057 152 руб. Вот эта сумма и заключает в себе действительные убытки, которые пошли на их проживание в течение 32 лет существования фирмы⁵³.

В 1906 г. ликвидационная комиссия возбудила судебные процессы о возврате в конкурсную массу имущества, неправильно отчужденных полными товарищами. Иски были предъявлены к сестрам Заусайлова дворянкам М.И. Печенкиной, А.И. Балышевой и А.И. Леонтьевой об уничтожении купчей крепости на безденежно переведенное на их имя братом имение в Нижегородской губернии. Иск о возврате в состав конкурсной массы был предъявлен также к дочери В.И. Заусайлова — дворянке А.В. Геркен (урожд. Заусайловой) — о признании недействительности актов безденежного перевода на ее имя дома и дачи в Казани. Кроме того, подобные иски были направлены матери несостоятельного должника В.В. Мартинсона — А.Г. Мартинсон, его жене — А.А. Мартинсон и жене другого полного товарища В.И. Заусайлова — Е.К. Заусайловой о возврате в конкурсную массу переведенных на их имена земли в имении Мартинсона «Зверинец» в г. Вильне⁵⁴.

На покрытие долга в конкурсную кассу поступило наличными деньгами от обоих полных товарищей 47 398 руб. (от Мартинсона — 45 000 руб., от Заусайлова — 2398 руб.). Затем от продажи двух домов в Казани, принадлежавших компаньонам, в конкурсную кассу поступило еще 180 917 руб. Дом Мартинсона на Воскресенской улице был продан за 100 000 руб., но при этом пришлось погасить долг по закладной в 47 199 руб. Дом Заусайлова на Большой Проломной улице был продан за 190 000 руб. с вычетом погашенного долга по закладной в 61 884 руб. Таким образом, цифра убытков товарищества в 7 849 439 руб. была уменьшена на 1 299 705 руб.⁵⁵

На покрытие долга пошла знаменитая коллекция археологических древностей В.И. Заусайлова, состоящая из 10 935 предметов. Около половины их относились к каменному веку, примерно четверть — к бронзовому и железному, остальное — керамика, стекло и предметы разных эпох. В описи ликвидационной комиссии коллекция числилась под № 502. Стоимость коллекции Заусайлова была настолько велика, что ни музей, ни универси-

тет в Казани, ни научные общества не могли ее выкупить. Заусайлов пытался сохранить свою коллекцию в целостности и оставить ее непременно в Казани. Он обращался в Общество археологии, истории и этнографии, членом которого состоял долгое время, с просьбой приобрести ее для музея общества. Продажная цена коллекции была занижена Заусайловым до 5000 руб. Дважды назначался аукцион по продаже коллекции, но никто не захотел приобрести ее даже за эти небольшие деньги. В результате коллекция, не имевшая себе равных, несколько раз по заниженным ценам продавалась с молотка.

В 1908 г. с ее описью ознакомился финский историк и археолог А.М. Тальгрэн. По его рекомендации коллекцию Заусайлова приобрел Национальный музей Финляндии, где она под названием «Волжско-Камские древности» хранится и сейчас. Собрание было куплено дирекцией музея за 10 000 финских марок или за 3750 российских руб. Тальгрэн в 1916 г. издал первый том «Коллекция Заусайлова» и начал подготовку второго, посвященного главным образом болгарским древностям. В 1918 г. этот том был опубликован.

В конце концов кредиторы получили по 15 коп. на рубль. Однако оставалось непроданным имение «Зверинец», принадлежавшее Мартинсону и оцененное ликвидационной комиссией в 1 208 192 руб. Реализация оставшегося имущества, полагали, даст еще по 15 коп. на 1 руб.⁵⁶

Ликвидационная комиссия после пяти лет работы пришла к окончательному заключению, что несостоятельность торгового дома «А.А. Печенкина и К°» имела «все признаки злостности» и что виновными в ней являются, во-первых, бывшие полные товарищи его В.В. Мартинсон и В.И. Заусайлов, а во-вторых, бывший главный бухгалтер и главноуправляющий всеми счетами товарищества Ф.П. Иванов. Согласно слухам, доходившим до членов ликвидационной комиссии, Иванов составил себе крупное личное состояние, сохраненное им и после объявления несостоятельности товарищества.

После краха В.И. Заусайлову пришлось отказаться от многих своих прежних привычек и увлечений. Он был вынужден переехать из большого родового дома на Проломной улице в скромное жилье на окраине Казани. Еще до банкротства Заусайлов передал в собственность своего зятя, отставного поручика В.П. Геркена, небольшой лесопильный и фанерный завод под Алатырем, на р. Суре, доход от которого позволял сводить концы с концами. Переживания сказались на здоровье Заусайлова, со времени краха его стали преследовать различные болезни, и

через четыре года он умер⁵⁷. Его компаньон В.В. Мартинсон уехал за границу, а в 1920 г. поселился в Вильно, где, по-видимому, у него сохранилась какая-то собственность. Он даже пользовался определенным положением в обществе, являлся членом литературно-художественной секции Виленского Русского общества. Умер Мартинсон в Вильно 18 февраля 1932 г.⁵⁸

Крах банкирского дома «А.А. Печенкина и К°» был не первым и не последним в России. Банкирский промысел всегда сопровождался особым риском. Случаи несостоятельности банкирских заведений в России были известны и ранее (Ф.П. Баймаков, И.К. Лури, К.К. Фелейзен, «Шаскольский и Кан», Ф.А. Клима, С.В. Розенблюм, Р.Х. Мантке и др.). Конец XIX — начало XX в. ознаменовался очередным экономическим кризисом, совпавшим с русско-японской войной и революцией 1905—07 гг. в России. В этот период «ввиду полной несостоятельности» закрылись только в Петербурге банкирские дома и конторы А.А. Зингера, С.А. Никитина, Шнакенбурга, Грабовского, М. Де-ла-Фара, А.Э. Альванга, А.Н. Кутузова, Г.Г. Блокка, А.Н. Трапезникова, Н.Н. Озерова, Д.А. Полуэктова. Приостановили свои платежи банкирские конторы И.Г. Зейферта в Киеве, К.В. Осипова в Москве, «Наследники А.П. Андреева» в Екатеринбурге. В результате пострадало немало лиц, почти полностью или частично утративших свои капиталы.

Министерство финансов крахи банкирских заведений рассматривало как результат «недобропорядочности их владельцев»⁵⁹. По мнению «Торгово-промышленной газеты», официального органа финансового ведомства, главной, если не единственной причиной несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°» являлось «пренебрежение основными требованиями здоровой банковской деятельности, выразившейся... в том, что, не взирая на краткосрочность поступивших в распоряжение конторы средств, они затрачивались на долгосрочные операции»⁶⁰. Главную часть своих средств, при крайне незначительном собственном капитале, контора помещала в недвижимость, покупая дома и земляные участки, картины. В неблагоприятном исходе неправильно и недобросовестно поставленных операций неповинны были явления общего характера или же какие-либо стеснения в кредите. Они лишь сыграли роль катализатора в процессе банкротства товарищества «А.А. Печенкина и К°».

Владельцы банкирского дома «А.А. Печенкина и К°» во многом сами были повинны в крахе своей фирмы. Удивительно, что она вообще просуществовала более 30 лет. К причинам банкротства следует отнести: во-первых, некомпетентность в управ-

лении делами руководителей товарищества; во-вторых, непрофессиональное ведение бухгалтерии в течение многих лет; в-третьих, излишняя доверчивость хозяев, которые часто были не в курсе финансового состояния своей фирмы; в-четвертых, неконтролируемо высокие расходы и неоправданное распоряжение наличностью; в-пятых, неспособность предвидеть финансовые риски; наконец, отсутствие среднесрочного и долгосрочного планирования бизнеса.

Примечания

¹ Прощение кредиторов товарищества «Печенкина и К°» // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 1.

² Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°» и о свойстве несостоятельности его полных товарищей Мартинсона и Заусайлова. СПб., 1912. С. 68.

³ Агафонов Н.Я. Казань и казанцы. Вып. 2. Казань, 1907. С. 137.

⁴ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°»... С. 66—67.

⁵ По поводу краха банкирской конторы Печенкиной и К° // Петербургский листок. 1904. 21 августа.

⁶ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°»... С. 61.

⁷ Выпись из актовой книги для актов казанского нотариуса К.Ф. Гегель на 1885 г. // ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 16—17.

⁸ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°»... С. 3—4, 68.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ С.-Петербургские ведомости. 1875. 5 января.

¹² Воскресенская улица считалась лучшей в городе, своеобразным казанским Невским проспектом в миниатюре. Здесь находились гостинный двор, Пассаж, лучшие магазины и отели Казани. См.: Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. С. 566—567.

¹³ Казанский календарь на 1882 г. / Сост. и изд. В.И. Заусайлов. Казань, 1882. С. 86—87.

¹⁴ Там же. С. 79, 81, 82—83.

¹⁵ Календарь-указатель города Казань на 1882 г. / Сост. П. Васильев. Казань, 1881. С. 94.

¹⁶ Казанский календарь на 1882 г. С. 89.

¹⁷ Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни // Литературное наследство. Письма: В 2 т. Т. 1. М., 1959. С. 55—56; Гольцман С.В. Ф.И. Шаляпин в Казани. Казань, 1986. С. 66—68.

¹⁸ Самая первая телефонная линия Казани была построена накануне, в 1881 г. Она соединяла юнкерское училище, располагавшееся в Кремле, со зданием офицерского собрания на Воскресенской улице. Этой линией пользовались только военные. См.: <http://www.kazan1000.ru/rus/history/oldpop.htm>

¹⁹ Петербургский листок 1904. 21 августа.

²⁰ Заусайлов В.В. Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии В.И. Заусайловым. Вып. 1. Казань, 1884. С. 6.

²¹ Там же.

²² Загоскин Н.П. Спутник по Казани... С. 365.

²³ Казанский календарь на 1882 г. С. 79, 81, 82—83, 86—87, 89.

²⁴ Карташова Е.И. В.И. Заусайлов в формировании коллекции историко-этнографического отдела Казанского городского научно-промышленного музея. Тезисы конференции // Дьяконовские чтения в Национальном музее Республики Татарстан. Казань, 2001. (<http://www.tatar.museum.ru/nm/kartashova.htm>); Ивановский С. «Белая ворона» из Казани // Независимая газета. 2000. 10 октября (http://www.ng.ru/stule/2000-10-10/16_raver.html).

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 18—19.

²⁶ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К^о»... С. 69.

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ Вся Казань. Адресная и справочная книга. Казань, 1899. С. 53, 99, 121, 138, 139, 167, 353.

²⁹ Петербургский листок. 1904. 21 августа.

³⁰ Весь Петербург на 1901 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1901. С. 357.

³¹ Загоскин Н.П. Спутник по Казани... С. 637.

³² Казанский телеграф. 1904. 13, 14 августа.

³³ Саратовский листок. 1904. 13 августа.

³⁴ Казанский телеграф. 1904. 15 августа.

³⁵ Там же. 13 августа.

³⁶ Там же. 14 августа.

³⁷ Там же. 15 августа.

³⁸ Саратовский листок. 1904. 13 августа.

³⁹ Петербургский листок. 1904. 18 августа.

⁴⁰ Банковая и торговая газета. 1904. 21 августа. С. 587.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 21, 26.

⁴² Польская газета «Краj», весьма осведомленная в земельных вопросах западной полосы России, в номере от 3 сентября указывала, что оценка «Зверинца» в 3,5 млн руб., сделанная Мартинсоном, «чрезвычайно преувеличена». Автор публикации писал: «Если бы удалось продать весь Зверинец сразу, то пришлось бы получить не более полутора миллиона, т.е. более в два раза меньше оценки, выдуманной хитроумным Мартинсоном. Но продать Зверинец в одни руки теперь рассчитывать трудно, не

только ввиду строительного кризиса, охватившего Вильно, но и потому, что в самом Зверинце *не все абсолютно принадлежит Мартинсону*. Часть земли принадлежала частным владельцам на правах долгосрочной аренды с правом ее продления. Кроме того, часть Зверинца была заложена городу Вильно до тех пор, пока Мартинсон не покончит денежных расчетов и обязательств с городским управлением. Все усматривали как умышленное раздувательство оценки Зверинца Мартинсоном». Статья была перепечатана в газете «Казанский телеграф». 1904. 11 сентября.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 2—3; Банковая и торговая газета. 1904. 21 августа. С. 585—586.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 33.

⁴⁵ Петербургский листок. 1904. 11 сентября.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5471. Л. 40—40 об.

⁴⁷ Петербургский листок. 1904. 3 сентября.

⁴⁸ Банковая и торговая газета. 1906. № 3. С. 53; Отчет правительственной комиссии по делам несостоятельного должника товарищества «А.А. Печенкина и К°» за время с 1 сентября 1906 по 1907 г. СПб., 1907 (далее — в 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1914); ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 289.

⁴⁹ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°»... С. 58.

⁵⁰ Там же. С. 58—59.

⁵¹ Там же. С. 8—9.

⁵² Докладная записка кредиторов товарищества «А.А. Печенкина и К°» члену Государственной думы А.А. Савельеву. СПб., 1912. С. 1—3.

⁵³ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°»... С. 65.

⁵⁴ Банковая и торговая газета. 1906. № 3. С. 53.

⁵⁵ Заключение правительственной ликвидационной комиссии по делам несостоятельности товарищества «А.А. Печенкина и К°»... С. 25—26.

⁵⁶ Биржа. 1911. № 13. С. 11; Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1911. № 5. С. 5.

⁵⁷ Ивановский С.И., Ивановская Н.И. Родные образы из прошлых лет // Казань. 2002. № 9. С. 65.

⁵⁸ Русская эмиграция в Польше 1919—1945 гг. Алфавитный указатель / Сост. А.Р. Мохоля, П.М. Лавринец.

(См.: http://www.mochola.org/russiaabroad/rusemig_pl.htm)

⁵⁹ Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860—1914 гг.: Очерки истории предпринимательства. М., 2006. С. 39.

⁶⁰ Торгово-промышленная газета. 1904. 20 августа.

*Е.Н. Савинова**

Землепользование предпринимателей в имениях Московской губернии

В отечественной науке изучение землепользования и состояния владельческих хозяйств во второй половине XIX — начале XX вв. началось еще в начале XX в., однако тема хозяйственного устройства усадеб предпринимателей не входила в круг интересов исследователей. Тем не менее работы, касающиеся состояния и истории частновладельческих имений после реформы 1861 г., содержат важные положения о помещичьем землевладении, его связи с аграрной политикой правительства, о динамике продаж дворянских имений лицам иных сословий, о характере земельной аренды и особенностях сельскохозяйственного кредита в России, о положении в русской деревне¹. Эти исследования важны для изучения землепользования в частных имениях, поскольку «в условиях Российской империи земля определяла все прочие отношения собственности между сословиями»².

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть особенности землепользования в подмосковных имениях буржуазной элиты, которая одновременно представляла собой страту новых землевладельцев. Как известно, на рубеже XIX—XX вв. сословная структура общества под влиянием объективных социальных процессов подверглась значительным изменениям. Исследования отечественных историков показали, что в этот период купечество отнюдь не было синонимом буржуазии, поскольку та абсорбировала выходцев из других сословий, в том числе дворян, мещан и крестьян. Уже в конце XIX в. обозначился процесс формирования новой элиты российского общества, в состав которой входили представители как «привилегированных», так и низших сословий³.

Класс предпринимателей был чрезвычайно разнородным не только по составу, но и по уровню культуры и образования, ценностным установкам и мировоззрению. Но для тех представителей торгово-промышленных кругов, которые прошли сложный путь от сословной ограниченности до общественно-поли-

* Савинова Елена Николаевна — кандидат исторических наук (Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»).

тического лидерства, и предпринимательство, и общественная деятельность, и меценатство, и приобретение имени были возможностью повысить свой социальный статус, утвердить себя как личность⁴. Эти же особенности самосознания деловая элита реализовала в пространстве сельской усадьбы, где предприниматель мог создать свой частный мир, соответствующий его хозяйственным потребностям и мировоззренческим установкам.

Экономические условия Российской империи обуславливали взаимозависимость дельцов из «низших» сословий и дельцов-дворян, объединенных общей потребностью войти в мир прибылей и слой социальных лидеров. Однако и в начале XX в. представитель Москвы купеческой оставался одинокой фигурой, не имеющей общественной поддержки за пределами своей среды⁵. Это в какой-то степени и толкало его к поиску новых видов деятельности, имеющих большой социальный престиж. Московские предприниматели вкладывали в развитие своих имений капиталы, полученные от торгово-промышленной, а позже — от банковской и биржевой деятельности. Финансовая свобода давала им возможность творчески проявить себя в обустройстве усадеб, тем более что, став сельскими хозяевами, они снова почувствовали себя стоящими у истоков нового, никем не опробованного «дела».

В 1896 г. обозреватель журнала «Хозяин», рассчитанного на широкий круг российских землевладельцев, отмечал: «В настоящее время от щедрот России с излишеством наделены всеми благами мира процента три населения, а пожалуй, и того меньше; в изобилии, очень близком к излишеству, живут не более трех процентов. Эти приблизительно шесть процентов населения до пресыщения наслаждаются на жизненном пиру России: у них в руках вся индустрия, сосредоточены все капиталы; они руководят всей внутренней и внешней торговлей; за ними все должности; пути сообщения, горная промышленность и прочее у них в руках; весь рынок со ста с лишним миллионным населением служит им ареной для их торговли и промышленности». Рассматривая далее отношение разных категорий городского населения к деревне, столичный публицист пришел к выводу, что именно эти «ландлорды новейшей формации» более всех других слоев общества с ней «соприкасаются», зная сельское хозяйство «как доходную статью, оправдывающую себя без труда»⁶.

Заметим, что утверждение журналиста о численности крупных капиталистов оказывается не вполне верным для Москвы и Московской губернии. Предприниматели, согласно сведениям, собранным в 1909 г. Департаментом окладных сборов Министер-

ства финансов, составили более значительную долю лиц с высоким доходом в этом регионе. В то время как по России в целом насчитывалось менее 5 % средних и крупных налогоплательщиков, в Москве их было 10 %, и это при том, что часть дохода от денежных капиталов «ускользнула» при регистрации⁷.

В среде наиболее состоятельной городской элиты лидерство принадлежало активно функционирующим предпринимателям, крупным рантье и домовладельцам. Московские богачи с годовым доходом свыше 10 тыс. руб. владели свыше $\frac{2}{3}$ всех доходов по Москве, что объясняется ее положением как всероссийского торгово-промышленного центра, где накапливались особо крупные состояния. При этом для крупной буржуазии совершенно не имел значения доход от земли, зато другие виды дохода получили преимущественное развитие⁸.

Интенсивное помещение капиталов буржуазии в недвижимость было закономерным в условиях развивающегося капитализма. Обобщение данных о купеческом землевладении в целом заставляет говорить о тенденциях, проявивших себя в пореформенный период: оно постепенно вытесняло дворянское землевладение из общего земельного фонда, способствовало разрушению сословного характера поземельной собственности и формированию сословного земельного рынка.

В состав московской деловой элиты вливались различные социальные слои, которые оказывали влияние на ее противоречивое внутреннее развитие. Теряя облик патриархального купечества, она хранила признаки сословной ограниченности, религиозные традиции и черты быта, вынесенные из крестьянского прошлого своих предков. И если в городе эти черты проявлялись в основном в обстановке замкнутого мира семьи, то на уровне частного хозяйства в загородном имении личность хозяина и особенности менталитета его сословия выдвигались на первый план.

Московские предприниматели в конце XIX — начале XX в. играли существенную роль в землепользовании в Московской губернии. Их земельная собственность имела коммерческий характер. На первых порах они получали доход не за счет земельных перепродаж, а за счет сдачи своих владений арендаторам. Движимые целью формирования рационального землевладения, соответствовавшего предполагаемой специализации будущего хозяйства, предприниматели пускали в продажу только чересполосные с крестьянами земли или неудобные им по каким-то причинам угодья, приобретая прилегавшие к рекам и транспортным магистралям имения и лесные участки. Вложе-

ние капитала в земельную собственность продолжалось длительное время, но это в купеческой среде не было свидетельством регресса, а, наоборот, создавало базу для устойчивых капиталистических имений.

Реконструировать внутреннюю жизнь пореформенного сельского имения нелегко. Общая картина складывается из множества на первый взгляд разрозненных фактов, которые требуют интерпретации с точки зрения не только экономической, но и социально-психологической. В земских книжках, составленных в конце 1890-х гг. служащими Московской губернской земской управы при посещении наиболее примечательных усадеб Московской губернии, мы находим сведения о прогрессивных и даже образцовых усадьбах, владельцами которых были представители московской буржуазии. Здесь в одном ряду с крупнейшими помещичьими латифундиями графа С.Д. Шереметева Михайловское в Подольском уезде, графа В.А. Орлова-Давыдова Отрада в Серпуховском уезде, князя Н.Н. Гагарина Никольское в Рузском уезде, князя С.М. Голицына Кузьминки Московского уезда и Дубровицы Подольского уезда, князя П.Н. Трубецкого Узкое Московского уезда и другими названы 15 усадеб представителей московской буржуазии.

Среди них оказались: Быковка Подольского уезда члена правления Торгово-промышленного товарищества «Бландовы бр. В. и А.» Н.И. Бландова; Горки Подольского уезда владельца косметического производства, воскресенского купца И.А. Прокофьева; Кленово Подольского уезда потомственного почетного гражданина А.И. Шамшина, совладельца меднопрокатного и кабельного заводов «Алексеев В., Вишняков П. и Шамшин А.»; Неклюдово Московского уезда потомственной почетной гражданки А.Р. Вогау, жены владельца Торгового дома «Вогау и К°»; Осташево Можайского уезда потомственного почетного гражданина А.Г. Кузнецова; Вешки Московского уезда потомственного почетного гражданина, совладельца предприятий Товарищества «В. Третьякова вдова с сыновьями» К.В. Третьякова; Черемушки Московского уезда фабриканта и владельца кирпичных заводов, члена совета Купеческого, Учетного банков, члена правления Торгового банка В.И. Якунчикова; Киреево Московского уезда потомственного почетного гражданина, основателя Закаспийского торгового товарищества, железнодорожного предпринимателя И.Ф. Мамонтова; Дугино Подольского уезда потомственного почетного гражданина, домовладелицы, супруги основателя Даниловской мануфактуры в Москве М.Я. Мещериной; Троице-Лыково Московского уезда Ю.М. Карзинкиной, супруги 1-й гильдии купца, директора правления Товарищества Ярослав-

ской Большой мануфактуры; Шумово Можайского уезда совладельца предприятий Торгового дома «Редлих Александр» А.А. Редлиха.

«Интересные» хозяйства московской буржуазии отличались между собой достаточно сильно по специализации, методам организации производства, доле наемного труда, степени распространения в них аренды и другим показателям. Каждое из них фактически представляло собой самостоятельную единицу, строй жизни которой отличался от других.

Владения московских капиталистов никак нельзя отнести к мелким, хотя в период их складывания земля часто покупалась небольшими участками. Кстати, это большое количество перепродаж мелких земельных наделов, став обезличенными статистическими данными, сильно увеличивало показатели мелкого землевладения в Московской губернии. Поясним, что мелкими именьями считались владения, имевшие в своей окружной меже 50—100 десятин, средними — от 100 до 500, а крупными — свыше 500⁹.

Если говорить об именьях московских дельцов как о хозяйственных единицах, то можно их отнести к средним или крупным, т.е. превышающим 100 дес. При этом в начальный период своего существования эти владения уже имели тенденцию к укрупнению. Воспользовавшись разрозненными сведениями об именьях Московской губернии и их описаниями, находящимися в самых разнообразных источниках, попытаемся обобщить информацию о положении усадеб московской буржуазии в конце 1890-х гг., дополнив эти сведения имеющимися в нашем распоряжении данными о владельцах.

Обычно поместье в Московской губернии на своих землях имело усадьбу, т.е. дом со всеми хозяйственными постройками. Однако если в эпоху классицизма владелец создавал усадьбу, следуя традициям и исходя из законов гармонии единения человека и природы, то в жесткое время индустриализации деловые люди подчинялись рынку и тем обстоятельствам, в которые поставила их сама жизнь.

Отдельные владения нового времени представляли собой странное сочетание купленных в разное время участков земли, на которых еще сохранялись остатки опустевших и обветшавших усадеб, мельниц, лесных сторожек. Так, внучка банкира М.Ф. Марка — М.А. Добровейн вспоминала об имении Архангельское при селце Тюрикове: «На территории земель дедушки были еще две бывшие усадьбы. В одной, которая называлась Заболотье, были остатки фундаментов и даже фундамента маленького театра, был большой очень мрачный парк, в котором со-

хранились мощные дорожки и, конечно, было озеро, очень заросшее»¹⁰.

В эти причудливые по своим очертаниям землевладения денежной аристократии клиньями вторгались земли крестьянских обществ или соседские угодья. Именно таким было находившееся в восьми верстах от станции Кунцево Московско-Брестской железной дороги имение Ю.М. Карзинкиной при селе Троицком (Лыкове) площадью 776 дес., единоличной хозяйкой которого она стала в 1889 г.¹¹

Стоимость владения потомственной почетной гражданки, вдовы купца 1-й гильдии, директора правления Товарищества Ярославской большой мануфактуры С.И. Карзинкина, составляла в общей сложности 173 тыс. руб. Своеобразием своих очертаний имение отражало все этапы его формирования с тех пор, как в 1876 г. свёкор Юлии Матвеевны, И.И. Карзинкин, стал хозяином усадьбы Троице-Лыково¹². В центре владений Карзинкиной располагалось крестьянское поле, а вокруг живописным веером раскинулись пашни, сенокосные луга, болота, сосновый бор, березовые рощи, смешанный лес.

Усадьба Карзинкиной с трехэтажным домом, службами и двухсотлетним парком находилась на высоком берегу Москвы-реки, в трех верстах от всех остальных участков. Расположенная там нарядная церковь в стиле барокко была построена в конце XVII в. Нарышкиными. Другая — Успенская церковь — напоминала о роде Бутурлиных, владевших этим имением в середине XVIII в. В главном доме набожная хозяйка устроила собственную домовую церковь.

Когда после смерти С.И. Карзинкина вдова разделила имение с сыном Сергеем, в глубине сада для его семьи был возведен другой дом «в русском стиле» по проекту архитектора И.П. Ропета. Один из флигелей в саду Карзинкина сдавала под дачу за 150 руб. в год.

В имении хозяйка развивала скотоводство и коневодство. Для этого были построены несколько скотных дворов с выгонами, молочная кладовая, сарай для хранения сена, весовая для кормов. При конном дворе находилась кузница, мастерские, каретный сарай. Для хозяйства было закуплено 39 коров «вестермаркской» породы, 15 овец, несколько свиней с поросятами. В хозяйских конюшнях содержали 5 племенных, 12 рабочих лошадей и 10 мерин, также приобретенных на конных заводах.

27 десятин пашни были разделены на обычные для Подмосковья три поля. Карзинкина сажала рожь и овес, выращивала картофель, а иногда сеяла гречиху. Все, что производило хозяйство, владелица имения использовала для своей семьи, питания

прислуги, работников, обитателей приюта и богадельни. Окрестных жителей на работы не нанимали. Им иногда продавали тальник для плетения корзин или саженцы плодовых деревьев из своего сада¹³.

Юлия Матвеевна тратила много средств на филантропическую деятельность: содержала переправу через Москву-реку и паром, открыла школу, лечебницу, сиротский приют и богадельню. В своем имении Карзинкина в начале XX в. не только расширила Успенский храм, но и стала создавать Свято-Троицкую женскую общину, которая после смерти благотворительницы в 1915 г. унаследовала недвижимость в имении Троице-Лыково.

В ряде случаев усадьбы деловой элиты становились полем для хозяйственных экспериментов. На 20-й версте Петербургского шоссе, в Черкизовской волости Московского уезда, небольшое имение при селе Киреево принадлежало очень известному в России человеку — И.Ф. Мамонтову¹⁴. Родом из Сибири, Мамонтов появился в Первопрестольной уже человеком богатым. Вместе с братьями он нажил состояние на винных откупах в ряде губерний России. В 1857 г. Иван Федорович выступил соучредителем Закаспийского торгового товарищества, осуществлявшего операции с шелком, а также был домовладельцем. Одна из первых в России железных дорог до Троице-Сергиевой лавры строилась при участии его капиталов.

Мамонтов часто бывал в Европе, увлекался коллекционированием, в своем доме в Москве он устраивал обеды и балы для именитого купечества. Любитель музыки, близкий друг промышленника, мецената и собирателя В.А. Кокорева, он был своим человеком в литературных, художественных и театральных кругах. Имение Мамонтов купил у своего близкого знакомого, композитора А.Н. Верстовского. К Ивану Федоровичу в Киреево приезжали погостить художники К.А. Трутовский и Н.В. Неврев. В 1865 г. в усадьбе состоялась свадьба П.М. Третьякова и В.Н. Мамонтовой, племянницы хозяина Киреева, бывшего к тому же крестным отцом невесты.

При этом имение Мамонтова отнюдь не было только «приютом муз и вдохновения». Общая площадь землевладения составляла 302 дес. 1431 саж., при этом под усадьбу было отведено 13 дес. 1560 саж., под пашню — 59 дес. 1200 саж., для сенных покосов — 34 дес. 1520 саж., под огород — 3 дес. 1460 саж., под лес — 139 дес. 2260 саж., остальные угодья лежали под вырубками и «неудобьями». Границы имения продолжали расширяться: по данным Оценочного отделения, буквально через несколько

месяцев после покупки имения за И.Ф. Мамонтовым числилось уже 325 дес. 464 саж. земли¹⁵.

Об имении Киреево, находящемся с 1889 г. в единоличной собственности И.Ф. Мамонтова, в земской книжке сделана запись: «Есть претензии на правильное ведение дела на научных основаниях». И действительно, у Мамонтова практиковался восьмипольный севооборот, что встречалось у сельских хозяев в Подмоскovie крайне редко. Здесь выращивали рожь, овес, корнеплоды, чередуя их с клевером и паром. Молодой, закончивший земледельческую школу управляющий использовал в хозяйстве современную технику: шведскую сеялку, жнейку, борону Говарда, хотя вязкой снопов крестьянки занимались вручную.

В хозяйстве земли не сдавались в аренду, но само имение было заложено в банке. Лесные угодья не рубили, а прореживали для собственных хозяйственных нужд. Один участок в 5 десятин был отведен под питомник и засажен елью. В 1896 г. было получено 11 тыс. пудов сена, 296 пудов клевера и 94 пуда овса, которые были проданы на московском рынке. Что касается молочных продуктов и даров сада и огорода, то их потребляла семья Мамонтова¹⁶. Известно, что в Кирееве разводили коров «ярославской» и «холмогорской» пород, которых продавали в другие хозяйства¹⁷.

Отдельные представители предпринимательского класса, не оставляя свою основную деятельность, достигали замечательных успехов в сельскохозяйственном производстве. В их усадьбах на рубеже XIX—XX вв. возникали научные центры и лаборатории. Так, опытные поля для выращивания зерновых культур имел у себя в Вешках Московского уезда фабрикант К.В. Третьяков.

Имение находилось в четырех верстах от Дмитровского тракта. Потомственный Почетный гражданин, мануфактур-советник К.В. Третьяков купил его в 1882 г. у капитан-лейтенанта А.К. Еремеева, причем 228 дес. 2309 саж. усадебной, полевой и лесной земли обошлись ему в 44 тыс. руб.¹⁸ Несмотря на обветшалость построек, усадьба была одним из самых прелестных уголков в этих краях. Барский дом, построенный бригадиром П.Н. Алмазовым, владевшим Вешками в начале XIX в., был поэтическим напоминанием об эпохе Александра I. Будучи родственником Шереметевых, женатый на М.Б. Голицыной, Алмазов был богат, образован и склонен к романтическому восприятию мира. В своей усадьбе он построил маленькую копию итальянской «виллы древних», применив естественный для подмосковных мест материал — дерево. В парке сохранился небольшой пруд, а на границе имения — деревянная Ильинская церковь с колокольней, построенная в 1767—1769 гг.¹⁹ Таким

было имение Вешки, когда Третьяков решил сделать его своей центральной усадьбой.

В те годы Константин Владимирович хотя и продолжал числиться в купеческом звании, но торговой деятельностью на Чижовском подворье уже не занимался. Коммерсант, промышленник, кавалер нескольких орденов, дворянин «за заслуги», он до середины 1880-х гг. держал семейное дело «В. Третьякова вдова с сыновьями». Его фабрики — бумаготкацкая при деревне Скрылья в Серпуховском уезде и набивная при селе Горенки в Московском уезде — приносили устойчивый доход, позволявший Третьякову называться миллионером. Он был крупным московским домовладельцем и не менее значительным благотворителем. В 1902—1910 гг. Третьяков пожертвовал Московскому городскому общественному управлению на помощь бедным семействам, выдачу пособий, постройку лечебных учреждений 1 млн 20 тыс. руб.²⁰

Бог не дал ему наследников, и Константин Владимирович, обладая достаточным капиталом и высоким положением в торгово-промышленной сфере, со временем решил продать свое дело. Деньги предприниматель вложил в имение за городом. Действуя в традициях своего сословия, он купил в окрестностях станции Петровское-Разумовское по Савеловской железной дороге несколько дворянских имений. Объединяя их в единое целое, он приобретал наделы у жителей деревень Кожино, Вешки и Парфенки. В 1896 г. в границах его владения находилось 547 десятин усадебной, полевой и лесной земли.

Третьяков развернул на купленных угодьях колоссальное строительство и затратил почти 115 тыс. руб. В итоге в имении были устроены два скотных двора, телятник, овчарня, три конюшни с манежем, кузница, два свинарника «с двориками», амбары с погребями, весовая, молочная кладовая, сенной сарай, зерносушилка, «прекрасный птичий двор», жилой флигель для рабочих, изба для старосты, баня, школа и амбулатория. Для сельскохозяйственных работ куплен был новый инвентарь, и более 2 тыс. руб. пошло на пожарное оборудование. Всеми работами и обустройством имения руководил сам владелец, который считал себя «больше спортсменом, чем хозяином»²¹.

Поля в имении занимали почти 100 десятин, и на них Константин Владимирович, который был незаурядным агрономом, постоянно экспериментировал. Он придерживался шестипольного оборота и выращивал обычные для этих мест культуры, добиваясь при этом невиданных показателей. У него урожаи ржи достигали уровня от «сам-16» до «сам-31», озимой пшеницы — от «сам-4» до «сам-29», пшеницы яровой — от «сам-3» до «сам-10».

Лес в имении хозяин не вырубал, а, наоборот, проводил работы по посадке хвойных деревьев. При имении был огород и маленькая ферма, откуда вся продукция поступала в московский дом Третьякова, но некоторое количество молока и масла продавалось и местным жителям. Третьяков не только добился высоких урожаев, но и стремился популяризировать свой опыт среди окрестных землепашцев, причем делал это весьма хитроумно.

Потомок крестьян Калужской губернии, он понимал народную психологию. В 1886 г. он получил прекрасный урожай ржи и распорядился бесплатно дать крестьянам по одной мере для посева. В итоге селяне получили урожай в 12—17 раз больше, чем посеяли. С тех пор во всех селах рожь принято было покупать только у Третьякова по рублю за меру.

В образцовой «экономии» Третьякова использовались удобрения, проводилась мелиорация земель. Вешки неоднократно являлись экспонатом сельскохозяйственных выставок в Москве, на которых демонстрировался и продавался выращенный там молочный скот. Увлеченный сельскохозяйственной деятельностью, Константин Владимирович до конца жизни занимался развитием и совершенствованием своего детища. После его смерти, по завещанию, в 1909 г. имение с опытными полями перешло в собственность Московского общества сельского хозяйства.

Интересной категорией сельских хозяев в Российской империи были иностранные подданные, которые составляли небольшой процент в группе московских предпринимателей. Среди сельских помещиков особенно выделялась группа «московских немцев», внесшая в усадебную культуру немало европейского рационализма. Когда «иностранные подданные» получили возможность покупать имения, Московский уезд, наиболее привлекательный для этой категории населения, был достаточно заселенным. Хотя еще и существовали уголки, где усадьбу с лесными угодьями можно было купить сравнительно недорого. Например, местность к северу от Троицкой дороги была живописной, но не пользовалась спросом у любителей загородного времяпрепровождения из-за отсутствия удобных дорог.

В 1902 г., когда была открыта Савеловская железная дорога, прилегающие к ней участки мгновенно стали востребованы земельными собственниками. На рубеже XIX—XX вв., выкупив из частных рук окружавшие столицу рельсовые линии, государство принялось активно торговать остановочными пунктами вдоль магистралей. Многие представители деловой элиты увековечили свои имена в названиях полустанков и «постов» в окрестностях

Москвы. Среди них оказался и крупный банковский делец М.Ф. Марк.

Саксен-кобурготский подданный, он происходил из семьи немецкого торговца, ведущего дела в Петербурге и Одессе. Удачно женившись на дочери одного из основателей Торгового дома «Вогау и К°», торгующего колониальным и химическим товаром по всей России, он стал одним из руководителей фирмы. Высокое положение совладельца фирмы и выборного Московского биржевого общества требовало покупки престижного городского особняка и загородного имения. Это, заметим, совпадало и с личными желаниями представителя клана, который контролировал тринадцать российских торгово-промышленных компаний, а еще восемь банковских и страховых имели с ним общие интересы²².

По его указанию в 1878 г. супруга М.Ф. Марка Софья Карловна, которая, кстати, доводилась мужу кузиной, приобрела имение Архангельское-Тюриково у генерал-майора А.А. Шуленикова, вступив во владение 172 десятинами земли²³. В 1878—1882 гг. она оформила еще шесть купчих на прилежащие к ее владению «оскудевшие» усадьбы. Таким образом, имение стало одним из самых крупных в этом уезде и составляло к началу XX в. не менее 600 десятин²⁴.

Выбрав из всех приобретенных имений Архангельское для постройки усадьбы, Марк возвел двухэтажный деревянный дом с просторными террасами и с пристройкой — кухней. Вот как его описывала М.А. Добровейн: «На первом этаже дачи был славный белый зал, большая гостиная, дедушкин кабинет, столовая. Наверху были спальные комнаты для детей, гувернанток, приживалок и гостей. Электричества в “Архангельском” не было, только керосиновые лампы. ...Зато был телефон, одна главная линия для всех дач, а распределитель помещался в доме управляющего на скотном дворе»²⁵.

В имении были ферма, две конюшни, дома для работников, птичник и оранжерея, где поспевали вишни и персики. Украшением усадьбы служила белокаменная церковь Успения Пресвятой Богородицы, возведенная в 1758 г. В старом парке с тенистыми аллеями было два пруда: один — близ скотного двора — для хозяйственных нужд, а другой — с островом — был местом отдыха владельцев. Кроме главного дома в имении были и другие летние постройки, где всем домочадцам и гостям находилось место.

По мере того как дети вырастали, глава семейного клана выделял им участок на своем владении, с тем чтобы они строили свои усадьбы. Сын Гуго, унаследовавший позже и Архангель-

ское, и пост в семейном предприятии Вогау, поднялся до положения члена совета Частного банка, директора правления Московского металлического завода, латунного и меднопрокатного заводов в городе Кольчугине, акционерного общества Московского электролитного завода, Московского сахарорафинадного завода и других.

Все дни, кроме воскресенья, отцы семейств ранним утром уезжали на лошадях до устроенной ими платформы, а затем по железной дороге в Москву в контору Вогау. Кстати, и сами Вогау жили тут же неподалеку в имении Неклюдово. Потомственная Почетная гражданка Э.Ф. Вогау в 1876 г. купила около 370 десятин земли у купца Н.Г. Куманина. Несколько столетий назад Неклюдово находилось во владении семьи бояр Морозовых. Переходя из рук в руки, усадьба попала к князю С.М. Голицыну. Построенный им в 1804 г. храм Владимирской Богоматери находился недалеко от владельческих строений. Последующие хозяева «проживали» свою собственность: имение перепродавалось и даже выставлялось на аукцион. Во второй половине XIX в. оно было в довольно запущенном состоянии²⁶. Купив Неклюдово, Вогау наладили за городом молочное хозяйство и держали на скотном дворе 60 коров, а, кроме того, супруга директора Торгового дома (оборот которого к концу XIX в. достиг 40 млн руб.), торговала лесом и занималась лесоразведением.

Породнившись, династии «московских немцев» укрепили свои позиции как на финансовом рынке, так и на земельном. В своих имениях родственники общались исключительно семейным кругом, играли в теннис или катались верхом. Иногда охотились на лисиц и зайцев в бывшем имении А.Д. Дыргант, приобретенном С.К. Марком «на будущее» для своей дочери Фанни, вскоре вышедшей замуж за А.А. Руперти. Для молодого поколения этих семей развалины старинных домов, заросшие травой белокаменные лестницы, ведущие к покрытым ряской прудам с замшелыми гротами, были «древними руинами» — непременным атрибутом усадебных парков старины, которые существовали в их обширных владениях сами по себе.

Рассматривая социальные параметры предпринимательской элиты конца XIX — начала XX в., нельзя не заметить наличия в ее среде носителей различных гражданских, военных и придворных званий. Уже в 1860—1870-е гг. наметилось сближение интересов дворянско-бюрократических и купеческо-предпринимательских кругов. В «Дневнике писателя за 1876 г.» Ф.М. Достоевский отмечал: «Прежние рамки прежнего купца вдруг страшно раздвигаются в наше время. С ним вдруг роднится европейский спекулянт, на Руси еще прежде неведомый, и

биржевой игрок. Современному купцу уже не надо получать к себе на обед “особу” и давать ей балы; он уже роднится и братается с особой на бирже, в акционерном собрании, в устроенном вместе с особой банке: он уже теперь сам лицо, сам особа»²⁷.

Действительно, одной из составляющих крупнобуржуазного слоя было дворянство, вовлечение которого в сферу предпринимательства началось задолго до XX в.²⁸ Участие в акционировании фирм, связанных с обработкой сельскохозяйственной продукции, производством сахара, виноводочных, пищевкусовых изделий, было особенно распространено среди «высшего сословия». Интересно, что значительную часть «благородных» буржуа составляли выходцы из губерний Царства Польского или другие иностранные подданные, которые вошли в правления торговых домов или финансово-промышленных групп. Как землевладельцы они стали проявлять себя несколько позднее именитого купечества, но к концу XIX в. усадьбы таких хозяев стали заметным явлением в Московской губернии.

Когда представители Московской губернской земской управы в 1889 г. наведались в усадьбу заседателя дворянской опеки А.А. Редлиха при селе Шумово Можайского уезда, их поразила «отрадная картина» постановки лесного и полевого дела²⁹. О владельце имения было известно, что он происходил из военной среды — дед его получил дворянский титул во время войны с Наполеоном, сражаясь в Ганзейском легионе Ф.К. Теттенборна. Отец же «образцового помещика» Можайского уезда, А.Ф. Редлих, был человеком знаменитым в Москве: врач Старо-Екатерининской больницы, владелец первой в Москве водолечебницы и клиники лечебной гимнастики. Нижние этажи своего доходного дома на Страстном бульваре Адольф Федорович сдавал Гимнастическому обществу, которое посещали любители померяться силами, а богатые купцы только платили взносы, но считали престижным в этом обществе состоять.

Сыновья известного медика оказались еще более предприимчивыми и основали производство «зельтерской», фруктовой и содовой воды, которую разливали в пузатые бутылки с тисненой надписью «Докторь Редлих». Воду продавали в городских аптеках, подавали в кафешантанах, ресторациях и ротондах увеселительных парков — и дело семейства Редлих процветало.

Альфред Адольфович, владелец Шумова, входил в правление Торгового дома «Редлих Александр», был московским домовладельцем. Имение в Можайском уезде располагалось в 130 верстах от Москвы и занимало 533 десятины 1800 кв. саж. земли. Между тем в 1883 г. о Редлихе как о можайском землевладельце

имелись такие сведения: в собственности — 6426 десятин земли (причем под его усадьбой тогда состояло 16 десятин), пахотной земли — 418, сенокосы и запущенная пашня с кустарником составляли 3095 десятин, строевой лес — 23, дровяной — 324, а остальные угодья представляли собой «сечу», т.е. землю с вырубленным лесом, кустарник по вырубкам и неудобные земли.

На полях по 8 десятин владелец ввел девятипольный севооборот, чередуя пар, рожь, горох, овес, клевер и лен. Его урожай обычно составлял: рожь — «сам-12», овес — «сам-5», горох — «сам-10», картофель — «сам-10». Льна получали 40 пудов семени и 35 пудов волокна, а клевера — до 250 пудов. В имении продавались «на сторону» рожь, льняное семя, горох. Основными покупателями у Редлиха были крестьяне. Льняное волокно скупали купцы из города Гжатска по 3 руб. за пуд. Ежегодно хозяйством реализовалось до 2 тыс. пудов сена. Местные жители «за угодья» обрабатывали поле, убирали яровой и озимый хлеб, косили клевер.

В имении выращивали рожь, овес, гречиху, горох, кормовые травы. На скотном дворе держали 51 рабочую лошадь, 3 выездные, 241 голову крупного рогатого скота, среди них 129 дойных коров «местной породы» и 74 теленка. Молока продавали на 3200 руб. Начала работать сыроварня. Охраной леса занимались 13 лесников. В аренде у Редлиха находились 3 дес. земли под огороды за 270 руб. в год, до 2000 дес. отдавалось мелким арендаторам и крестьянам за 680 руб. и «под работу». Получал Редлих доход и от «держания кабака» — до 600 руб.³⁰

Уборку урожая производили за обработки местные крестьяне, которые жали рожь, косили клевер и овес. Они же сушили в риге собранный хлеб, молотили его цепами и сортировали. Лесные угодья у Редлиха представляли собой три участка со смешанным лесом, где отдельные делянки вырубались полностью. Вырубка одной десятины приносила хозяйину чистый доход до 250 руб. Редлих продавал хворост и сучья по 60 коп. за воз. За предоставление лесных полян для пастьбы скота хозяин требовал от крестьян выполнения разных работ по хозяйству и в садоводстве. При имении был построен кирпичный завод, вырабатывающий до 80 тыс. штук кирпича.

Заметим, что имение Редлиха к концу 1890-х гг. существенно изменилось со времени его покупки. Его площадь сократилась в 11,6 раза. Владелец продал неудобную и ненужную ему землю, оставив за собой лучшие пахотные угодья, сенокосы и лес. От скотоводства он также отказался, а занялся полеводством, льноводством и лесоводством. Его владение представляло собой три куска, из которых два ежегодно сдавались в пользование крес-

тянам, а на примыкающем к усадьбе участке велось хозяйство, которым управлял сам владелец³¹.

В 1880-е гг. достаточная часть перешедших в руки московского купечества имений представляла собой огромные, но нерационально организованные хозяйства, тем не менее достаточно прибыльные для хозяев за счет варварского использования земли. Например, в Карачаровской волости Можайского уезда владение купца 1-й гильдии В.И. Ананьина занимало в общей сложности 6886 десятин земли, заключенной в участках при разных деревнях. Его усадьба при селе Болычеве была ветхой и запущенной. Лес, вырубленный практически полностью до покупки имения в 1882 г., хозяином не восстанавливался. Сад на 3 десятины сдавался ежегодно в аренду за 200 руб., огород в 5 десятин за 95 руб. также использовался окрестными крестьянами.

Ананьин сдавал местным жителям покосы и выгоны, за которые они работали на его пашне с собственным инвентарем. Небольшое количество патриархальных орудий имелось и в хозяйстве имения: ветхие деревянные бороны и плуги. Землепашество велось «по крестьянской схеме»: выращивали рожь, овес и клевер. Продукция шла на нужды «конного завода», но научная постановка дела там отсутствовала.

Построенный на одном из участков кирпичный завод давал хозяину доход около 100 тыс. руб. при продаже продукции на месте. В собственности Ананьина находился трактир, приносящий до 700 руб. в год. Имение было заложено за 150 тыс. руб. Со слов управляющего стало известно, что хозяйство «дает доход 15 тыс. руб. от конного завода, лугов, полей и молочного хозяйства». Однако в книжке указано, что на ферме дела идут плохо и падеж скота достигает 5 % из-за плохих кормов. В заключение осмотра земский корреспондент подвел итог: «Не закрывают ничего, а взять стараются все»³².

В практике подмосковного землевладения нередко встречались случаи, когда имение организовывалось на земле, арендованной у крестьянского общества. Например, в Подольском уезде таким частным хозяйством было имение Дугино М.Я. Мещериной. Вдова главы Даниловской мануфактуры вела хозяйство экономно и, можно сказать, по-крестьянски. В имении, насчитывавшем 426 десятин разного рода земли, возделывали 40 десятин пашни, засевая овес, рожь, картофель, горох и гречиху. Для земледельческих работ приглашали все тех же крестьян, т.е. собственников земли, расплачиваясь с ними деньгами, а часто — зерном, правом на покосы или выпас скота в дугинских рощах.

Вышедшая из народной среды владелица заключала с работниками уговор: «заходи, а потом еще возьми», что означало выдачу муки до начала работ и окончательный расчет мукой же — по окончании страды. Это давало ей возможность заранее нанять нужное количество рабочей силы.

Для работы на пашне крестьян нанимали со своими лошадьми, деревянными плугами и сохами. Сеяли работники вручную, и так же убирали урожай. Единственное, что имелось в патриархальном хозяйстве Мещериной, — это молотилка. Но потом зерно просто сушили на солнце, как столетия назад. Луга и лесные поляны в хозяйстве выкашивались полностью, а сено — примерно 2000 пуд., и даже солому с полей отправляли в Москву для собственных нужд и продажи, отчего крестьяне «роптали». Мещерины держали лошадей для поездок по городу и в имение, а сено стоило дорого. На покосе, помимо поденной платы в 45 коп., наемные работники получали ежедневно «хозяйский» завтрак, два стакана вина и пять раз пили чай. Своих покосов Мещериным постоянно не хватало, их арендовали у священника села Колычева, сами же в аренду земли они не сдавали.

В Дугине первоначально построек было немного. Кроме господского дома, возведенного в 1880 г., Мещерины построили избу для рабочих, баню, скотный двор, ригу для хранения зерна и несколько сараев. С годами владение развилось в хорошо налаженное хозяйство, где все производилось «для своего обихода». После смерти матери благоустройством имения занимался один из наследников — Н.В. Мещерин. По его указанию были разбиты молодые липовые аллеи, формирующие новый усадебный парк, где были высажены голубые ели и кедры, жасмин, ирга и другие декоративные кустарники. На лесной поляне у большого оврага устроили пчельник и рядом с ним — на значительном удалении от дома — свинарник, конюшню и помещение для овец. Ближе к дому возвели оранжерею и парник. А в 1910-е гг. были построены водонапорная башня и электростанция³³.

На содержание Дугина шли средства, получаемые от торговой деятельности «Мещеринского подворья» — торгово-гостиничного комплекса в деловой части города. К тому же Мещерины были состоятельными московскими домовладельцами. Живший постоянно в имении Николай Васильевич был художником-любителем и хлебосольным хозяином, к которому приезжали гостить практически все русские «пленэристы». Для них в Дугине была построена отдельная мастерская, а проживание в усадьбе не требовало от живописцев никаких расходов.

История купеческого землевладения знала случаи, когда великолепное имение оказывалось в собственности всей семьи

фабрикантов вследствие невыплаченной закладной. Такое неожиданное «счастье» досталось семье Бахрушиных. В 1894 г. во владение Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей перешло имение Ивановское в Подольском уезде, находившееся в собственности графини С.В. Келлер³⁴.

Грандиозный дворцовый комплекс она приобрела в 1873 г. у А.Ф. Закревской, которая более уже не могла содержать дворец своего отца — сенатора, графа Ф.А. Толстого. Когда графиня Закревская рассталась с имением Ивановское, ее поместье представляло собой 424 десятины земли, господский дом с домовою церковью и театральным павильоном, роскошный сад с оранжереями и суконную фабрику, которая уже находилась в аренде у купца В.В. Алексеева³⁵. Новая владелица, графиня С.В. Келлер, купила его вместе со всеми долговыми и арендными обязательствами.

Софья Васильевна, жившая в обеих столицах светской жизнью, известная дама-благотворительница, приобретя такое огромное имение, переоценила свои силы. Она старалась содержать усадьбу, получив средства у совладельцев Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей под закладную. Семья Келлер попыталась использовать Ивановское как дачу и сдавала флигеля для летнего отдыха московским аристократам. Но подошел срок выплаты процентов, а деньги Бахрушиными так и не были выплачены.

В 1895 г. Товарищество обратилось в суд, требуя оплаты векселей. Графиня думала найти поддержку и деньги у своих великосветских знакомых, но безуспешно. Вынесенное на торги Ивановское было передано Бахрушиным, которые, однако, вовсе не обрадовались такому подарку.

Заметим, что изысканные интерьеры и предметы убранства многочисленных залов продолжали оставаться за графиней Келлер. Не сумев распродать или вывезти своего огромного имущества, она в отчаянии велела управляющему распахнуть двери дворца и позволить местным жителям брать все, что им понравится. Освободив залы таким образом, графиня Келлер не захотела оставить ничего из великолепия богатейшей оранжереи. Бывшая хозяйка велела открыть окна теплиц ноябрьскому холоду, погубив плоды векового труда сотен крепостных³⁶.

Став обладателями грандиозного имения, Бахрушины также оказались неспособными найти ему применение. В доме было более двухсот комнат, театральная зала могла вместить около трехсот человек. Парк был огромен, павильон «Чайный домик» сильно обветшал, а садовая скульптура почти не сохранилась.

Но многочисленные хозяйственные постройки были в порядке, и первое, что предприняли Бахрушины, — стали сдавать их под дачи³⁷. И сами они также стали дачниками в обретенном доме-дворце.

В 1903 г. Василий Алексеевич Бахрушин, полагая, что в Ивановском все же должен быть один хозяин, выкупил у братьев их доли и передал имение своему племяннику Владимиру Александровичу, который и раньше более других занимался его благоустройством. Однако содержание поместья требовало непомерных расходов, которые все время росли. В конце концов в 1916 г. было решено передать имение Московской городской управе для устройства детской оздоровительной «колонии». Впрочем, часть дома была сохранена для дачного отдыха Бахрушиных, которые так и не смогли наполнить теплом и семейным уютом покинутое «дворянское гнездо».

К концу XIX в. рыночное перераспределение дворянской земли в Московской губернии практически завершилось, о чем говорит резкое увеличение ее стоимости: в 1883—1887 гг. она была 71 руб. за десятину, а в 1898—1902 гг. увеличилась до 183 руб., т.е. в 2,6 раза³⁸. На земельном рынке вращались или средние имения «на ходу», или маленькие участки, причем в купле-продаже, при доминирующей роли дворянства, участвовали представители разных сословий³⁹.

Спрос на сельскую недвижимость продолжал оставаться высоким в среде городской буржуазии, в ряды которой вливались разные категории предпринимателей⁴⁰. Специальные издания знакомили покупателей с выставленными на продажу усадьбами. Обратившись к такому богатому источнику, как «Торгово-промышленный листок объявлений», который издавался в 1892—1913 гг., можно узнать много и о самих имениях, и о потенциальных покупателях.

За годы существования издание поместило на своих страницах около 15 тыс. описаний имений, которые были сделаны доверенными Московской комиссионной конторы⁴¹. Газета в 1902 г. считала, что отразила все потребности спроса, предлагая подписчикам выбрать себе имение из «заявленных на много миллионов рублей», а именно:

«с огромными торфяными залежами, блестящая и полезная будущность которых ныне уже ни в ком не возбуждает сомнений;

с винокуренными заводами, о доходности которых мы не рискуем распространяться;

без всяких заводов, с одним хлебным хозяйством, оплачивающим благородный труд сельского хозяина хотя и не столь высоко, как фабричное дело, но все же настолько, что многие

лица, получающие большие оклады, предпочитают, при первом же удобном случае, променять эти оклады на предпринимательскую прибыль сельского хозяина;

небольшие, для лиц, желающих прожить безбедно и спокойно в тиши и вдали от шума городского и житейских треволнений;

маленькие, для лиц, ищущих доходов при участии в деле личного физического труда;

имения-дачи для людей труда, скопивших небольшой капитал;

имения-дачи для людей со средствами, с изысканным вкусом и без оного, желающим пожить в свое удовольствие на лоне природы;

имения с дворцами в 100—200 комнат, отделанных в разных стилях, начиная с мрачного и неуклюжего староанглийского и оканчивая кокетливым французским рококо»⁴².

Рекламное издание позволяет увидеть конечный результат преобразования московской буржуазией своих поместий, некогда попавших к ним в руки, но теперь, по разным причинам, вновь вынесенных на земельный рынок.

Приведем как пример усадьбу Свистуха потомственного Почетного гражданина, московского купца и фабриканта К.В. Осипова, которую он создал на участке пустоши на берегу реки Клязьмы в Озерецкой волости Московского уезда, купленным им в 1890 г. От станции Сходня Николаевской железной дороги до имения было восемь верст езды по владельческой дороге. Владения Осипова занимали 214 десятин, из которых 86 было под лесом, 52 — под покосом и заливными лугами, 44 — под пашней, 15 — под усадьбой с парком, а 17 десятин занимали река, дороги и прочее.

На реке была построена мельница с домом для мельника, а рядом — молочная ферма с необходимыми производствами. На ферме — всего 23 строения, в том числе жилые отделения для скотницы и пастуха, молочная, сепараторная. Отдельно расположена кухня для рабочих фермы, погреб, конюшня для рабочих лошадей, молотильный сарай, баня и прочее. Там же — дом управляющего. В 1902 г. им являлся немец, имевший сельскохозяйственное образование.

Из 32 голов рогатого скота, содержащегося на ферме, числилось 16 дойных коров. Хозяйственные инструменты самых новых образцов: жнейка Дези, молотилка и веялка Липгарта, косилка Мак-Кормика, сортировка и другие. При построенной специально при ферме кузнице — дом кузнеца.

Собственно господская усадьба находилась поодаль на возвышенности. Двухэтажный деревянный барский дом с балкона-

ми и террасами имел паркетные полы, камины, голландские печи, «воздушные звонки», ванны, ватерклозеты. Под домом был подвал с бетонными полами.

Другое строение представляло собой благоустроенный гостевой флигель с голландскими печами и с водной системой отопления. В третьем — восемь комнат для прислуги, господская и «людская» кухни, пекарня, подвалы для продуктов. Флигели были соединены с главным домом «говорильными трубами». С Москвой существовала телефонная связь.

Парк и цветники в Свистухе были спланированы архитектором. В парке — несколько дачных построек. Хозяйственные службы включали в себя большую конюшню, амбар, погреб, сарай, прекрасные оранжереи и в значительном отдалении — птичник. Отдельно построенная баня имела пристройку — прачечную. При усадьбе был пожарный сарай с «машиной Листа». На реке устроена купальня и лодочная станция. Имение было застраховано в Московском страховом от огня обществе. Владелец оценивал его в 130 тыс. руб.⁴³

Из «Торгово-промышленного листка объявлений» можно узнать и о судьбе тех усадеб, которым земские статистики предсказали гибель в 1870—1880-е гг. Так, купец Аигин, который попал тогда в число нерачительных хозяев, не только сохранил усадьбу князей Гагариных Богословское-Могильцы в Дмитровском уезде, но и превратил ее в «роскошное дачное имение» с великолепным парком, прудами, с модернизированным и богато обставленным домом, флигелями, службами, оранжереями и фруктовым садом. Заметим, что площадь имения уменьшилась с 2000 десятин в 1872 г. до 86 в 1901 г. За годы, которые прошли с момента покупки предпринимателем имения, произошла его трансформация из гигантской латифундии в роскошную усадьбу-дачу⁴⁴. Но на этом история усадьбы предпринимателя не закончилась. Купленная фабрикантами Армандами, она приобрела новые черты своего быта, детерминированные новыми владельцами и новой эпохой XX в.

Московская буржуазия оказалась достаточно стабильной в помещичьем мире — она постоянно увеличивала и развивала свои хозяйства, делая их более рациональными, организуя технические производства, работавшие на рынок. Свидетель указанных процессов, экономист А.В. Шестаков замечал: «Земля тянулась к крепкому хозяину с капиталом, с умелой организацией хозяйства, независимо от того, “барин” это или “мужик”. И капитал в результате занял почти все экономические высоты в сельском хозяйстве, овладев в значительной степени лучшими участками “удобной” земли, обеспечив за собою также все воз-

растающую эксплуатацию лесов и вод, которую он всюду или “прибрал к рукам”, или невозбранно хозяйничал в них “снимая сливки”»⁴⁵.

При всем разнообразии типов хозяйств деловой элиты в период с 1870-х гг. до начала XX в. можно заметить в землевладении московских предпринимателей некоторые объединяющие их черты.

1. Имена московской буржуазии относились в массе своей к средним и крупным и тяготели к укрупнению со временем. Но это было не слепое накапливание земельной собственности, а разумное «складывание» рационального земельного участка, пригодного для правильного ведения экономической деятельности.

2. Вся постановка хозяйства определялась самим владельцем, который непосредственно управлял имением и другими своими предприятиями.

3. Методы землепользования диктовали в значительной мере материальное обеспечение имения.

4. В большинстве случаев наблюдалось современное оснащение хозяйств инвентарем и семенным материалом, обеспечение необходимых санитарных и гигиенических условий для жизни и работы постоянных рабочих. Новые владельцы подводили к своим усадьбам частные шоссе, соединенные с трактами и железными дорогами. Они строили «остановочные» пункты на проходящих мимо рельсовых магистралях.

5. Имена предпринимателей финансировались за счет капиталов из доходов, полученных в других сферах коммерческой, торговой и банковской деятельности.

6. В землепашестве новые помещики предпринимали сокращение неэффективной в условиях Московской губернии запашки, но вводили многополье, внедряли современные агрикультурные знания, использовали удобрения и проводили мелиорацию.

7. Значительные средства вкладывались в модернизацию старинных усадеб, где строились водонапорные башни, электрифицированные фермы и конные дворы, парники, оранжереи и грунтовые сараи. Строительство новых усадеб предпринималось с учетом требований санитарии и комфорта.

Среди имений московского купечества в конце XIX в. трудно было встретить многопрофильные «экономии», но они все же существовали. Однако развитие всех видов сельского производства свойственно было купеческим имениям лишь на ранних этапах, когда они пытались копировать «дворянские гнезда». В начале XX в. такая система существовала лишь в небольшой

степени для снабжения своей семьи. Но буквально в предреволюционные годы возникла тенденция создания многоотраслевых латифундий. Процесс их формирования наметился, но не завершился, как это было в имении З.Г. Морозовой-Рейнбот Горки в 1914—1917 гг.

Обычно же выделялось какое-то одно или два направления, которые получали преимущественное развитие. Для купеческих «экономий» это — лесоводство и лесоразведение, мясомолочное и молочное хозяйства с элементами полеводства и луговодства в той степени, в какой это было необходимо для создания кормовой базы. Также предпочтением пользовались в имениях буржуазии коневодство и садоводство, но более как «спорт», т.е. как увлечение владельцев.

Не все частные землевладельцы стремились развивать свое хозяйство: доход, получаемый от сдачи в аренду луговин, пахотных угодий и усадебных построек, их вполне удовлетворял. В конце 1870-х гг. о землевладельцах из купеческой среды современник замечал: «Даже те из членов этого сословия, которые сами вышли из крестьян-земледельцев, вышли именно потому, что предпочитали торговое занятие земледельческому труду, и потому не имеют ни охоты, ни привычки к земледелию»⁴⁶. Заметим, что сдача угодий в аренду в Московской губернии была делом выгодным для землевладельца, получающего прибыль без труда и риска⁴⁷. А.М. Анфимов, исследовавший арендные отношения в России в начале XX в., показал, что 38,3 % частновладельческих земель в стране арендовалось крестьянами⁴⁸. В Московской губернии, как и в России вообще, аренда земли характеризовалась разнообразием типов, что было вызвано запутанностью и пестротой аграрных отношений. Цена аренды определялась поземельной ситуацией в данной местности⁴⁹. Тот, кто стремился добиться в имении коммерческой прибыли, не всегда достигал этой цели. Помещичье хозяйство развивалось в условиях сложных аграрных отношений в России и было неустойчивым.

К тому же эволюция имений предпринимателей была прервана социальными катаклизмами в первое десятилетие XX в. Вместе с тем экономическая независимость поместий буржуазии позволила им сделаться примером использования современных сельскохозяйственных технологий, внедрения новых моделей взаимоотношений между хозяином и работником и способствовала проникновению элементов городской культуры в быт крестьянского окружения усадьбы.

Примечания

¹ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918; Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; Дубровский С. «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925; Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство в Европейской России. (Конец XIX — начало XX века). М., 1969; Минарик Л.А. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978; Проскурякова Н.А. Статистика землевладения и землепользования // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979; Он же. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988; Литувев В.Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: Теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997.

² Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. С. 15—76.

³ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922; Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2, 3; Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 166—188; Лаврычев В.А. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900). М., 1974; Ананьич Б.Н. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; Предпринимательство и городская культура в России. 1861—1914. Сост.: Брумфилд У., Ананьич Б.В., Петров Ю.А. М., 2002; Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797—1917. М., 2004.

⁴ Эти особенности менталитета российских предпринимателей были выявлены в следующих работах отечественных историков: Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985; Боханов А.Н. Коллежники и меценаты в России. М., 1989; Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992; Гавлин М.Л. Меценатство в России. М., 1994; Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв.: Сборник статей. М., 1996; Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997; Поткина И.В. Деловая Москва. Очерки по истории

предпринимательства. М., 1997; Морозовы и Москва: Труды юбилейной научно-практической конференции «Морозовские чтения». Москва, 26—27 декабря 1997 г. М., 1998; Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998; Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1960—1914. М., 1999; Брянцев М.В. Культура русского купечества. (Воспитание и образование). Брянск, 1999; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000.

⁵ Подробнее о месте крупной буржуазии в сословно-иерархической системе Российской империи см.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России, конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.

⁶ Хозяин. 1896. № 9. С. 164.

⁷ Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002. С. 40.

⁸ Там же. С. 41, 43—44.

⁹ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969. С. 21.

¹⁰ Добровейн М.А. На рубеже двух эпох. М., 2001. С. 19.

¹¹ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 995.

¹² Бялая Г.Р. Троице-Лыково // История московских районов. Энциклопедия. М., 2005. С. 261.

¹³ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 1216—1266.

¹⁴ Судьба усадьбы Киреево и его владельцев. М., 2003. С. 19.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 994.

¹⁶ Там же. Оп. 10. Д. 2460. Л. 1069—1115.

¹⁷ Московский листок. 22 ноября 1895 г.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 1939.

¹⁹ Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. 1994. № 32. С. 101—102; Молева Н.М. Земля и годы. М., 1990. С. 14—47.

²⁰ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914 гг. М., 1999. С. 467.

²¹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2560. Л. 973—1022.

²² Петров Ю.А. Указ. соч. С. 195.

²³ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 672. Л. 12—13.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 581. Л. 23, 1539, 1694, 1794, 1862, 1865, 1874; Добровейн М.А. Указ. соч. С. 12—13.

²⁵ Добровейн М.А. Указ. соч. С. 19—20.

²⁶ Русина О.Н. Архангельское-Тюриково, Неклюдово, Вешки... // Московский журнал. 1992. № 32. С. 53—57.

²⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. СПб., 1883. С. 332.

²⁸ См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России в конце XIX — начале XX вв. 1861—1904 гг. М., 1979. С. 106—122.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 829—836.

³⁰ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 2. Табл. 2. С. 6—8.

³¹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2460. Л. 828—876.

³² Там же. Л. 622—673.

- ³³ Там же. Л. 1116—1161.
- ³⁴ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 184.
- ³⁵ Поцелуев В.А., Петреев И.В. Подольск и окрестности. М., 1999. С. 383; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 184.
- ³⁶ Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 372, 373.
- ³⁷ Поцелуев В.А., Петреев И.В. Указ. соч. С. 491.
- ³⁸ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие. 1862—1902 гг. СПб., 1907. Гл. III. С. XIV.
- ³⁹ Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 65; Литуев В.Н. Указ. соч. С. 128—136.
- ⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9 (Оценочное отделение Московской губернской земской управы. Нотариальная акты о переходах земли в Московской губернии. 1825—1917 гг.).
- ⁴¹ Цит. по: Фролов А.И. Подмосковные усадьбы на страницах «Торгово-промышленного листка объявлений» // Русская усадьба: Сборник ОИРУ. М., 2001. Вып. 7 (23). С. 84.
- ⁴² Торгово-промышленный листок объявлений. 1902. 11 марта. № 125. С. 1.
- ⁴³ Там же. 21 февраля. № 119. С. 2—3.
- ⁴⁴ Там же. 1901. 13 марта. № 34. С. 1.
- ⁴⁵ Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924. С. 39.
- ⁴⁶ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. М., 1879. С. 120.
- ⁴⁷ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1937.
- ⁴⁸ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 14—15.
- ⁴⁹ Там же. С. 74, 77.

Мануфактура «Йокиш»: из истории российской суконной промышленности (1838—1918 гг.)

В 2008 г. исполнилось 170 лет замечательному предприятию российской суконной промышленности — мануфактуре «Йокиш», одному из старейших и наиболее крупных предприятий по выработке шерстяных тканей в дореволюционной России. Производимые ею ткани, отличавшиеся умеренными ценами при неизменно высоком их качестве, пользовались спросом по всей стране. Бывшая фабрика Товарищества «Йокиш» в Москве продолжает работать до сих пор, правда, после национализации в декабре 1918 г. она сменила свое название и утратила былую славу. История создания и развития мануфактуры «Йокиш» уникальна, как история любой крупной компании. В то же время она интересна тем, что на примере этой фирмы можно проследить основные пути и особенности формирования отечественного предпринимательства, характерные черты его отношений с государством. История этой компании, прошедшей эволюцию от небольшой красильной мастерской во второй трети XIX в. до крупного предприятия к началу XX в., представляет интересный материал для анализа исторического развития российской суконной промышленности в целом.

В данной статье впервые прослежены основные этапы развития мануфактуры от создания до национализации, показано ее место среди других суконных предприятий дореволюционной России, проанализированы особенности взаимодействия с государством и отношения владельцев мануфактуры с рабочими.

Трудности, с которыми пришлось столкнуться в процессе исследования, заключаются не только в отсутствии в архивах единого фонда Товарищества «Йокиш», как это, например, имеет место в отношении некоторых других акционерных обществ и торговых домов. Гораздо более сложные проблемы возникают в связи с тем, что значительная часть документов, находившихся на фабрике самого Товарищества в Михалково, была утрачена во время крупного пожара в 1910 г. Вместе с тем в фондах

* Петрова Елена Геннадиевна — кандидат географических наук (Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

других учреждений и организаций, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы, имеется целый ряд интереснейших документов, непосредственно относящихся к деятельности мануфактуры «Йокиш» и ее взаимодействию с различными органами государственной власти. Так, много информативных документов удалось отыскать в фондах Управления генерал-губернатора (до 1865 г. — военного генерал-губернатора. Ф. 16); Канцелярии московского губернатора (до 1865 г. — московского гражданского губернатора. Ф. 17); Купеческого отделения Московского градского общества (Ф. 2); Московской купеческой управы (Ф. 3); Московской казенной палаты (Ф. 51); Московского губернского правления (Ф. 54); Московского окружного суда (Ф. 142); Московской городской думы и управы (Ф. 179); Московской губернской земской управы (Ф. 184), а также в фондах московских нотариусов и некоторых других. Помимо архивных документов при написании данной работы были использованы и опубликованные источники: указатели, статистические сведения и отчеты о всероссийских мануфактурных и промышленно-художественных выставках; статистические сведения о промышленных предприятиях и отчеты фабричных инспекторов; атласы мануфактурной промышленности Московской губернии; материалы периодической печати, в т.ч. официальный правительственный «Вестник финансов, промышленности и торговли» и др.

Несмотря на то что основатель мануфактуры и промышленной династии — суконных дел мастер Вильгельм Август Йокиш (Jokisch) — был выходцем из Германии и до прибытия в Россию имел прусское подданство, его все же нельзя рассматривать как представителя иностранного капитала. Созданная им фирма была именно российской, поскольку Йокиш приехал в Москву в 1832 г. совсем молодым (в возрасте 22 лет) и небогатым человеком и все необходимые для открытия собственного предприятия денежные средства заработал своим трудом уже здесь (для этого ему потребовалось 6 лет). Получаемые фирмой доходы также целиком оставались в России. Обращаясь в 1851 г. к московскому военному генерал-губернатору графу А.А. Закревскому с просьбой разрешить ему дальнейшее производство, Йокиш подчеркивал, что его деятельность была «не без пользы для России»¹.

С самого начала он стремился интегрироваться в российское общество: принял российское подданство, изъявил желание приписаться к московскому купечеству. Женился также в Москве в 1839 г. на 18-летней мещанке московской Голутвенной слободы Анне Ивановне Гармут. Сохранив свою принадлежность к

лютеранской вере, Йокиш вместе с тем выбрал невесту православного вероисповедания и венчался с ней в православной церкви (хотя это не было обязательным). В феврале 1840 г. он был причислен вместе с женой в московское купечество по 3-й гильдии. Детей своих — у них было четыре сына и три дочери — крестил и воспитывал в православии². Сам он стал также именоваться по-русски — Василием Ивановичем, это имя закрепилось позднее и во всех официальных документах.

В то же время В.И. Йокиш был, конечно, прежде всего, носителем европейской культуры. В отличие от многих других российских текстильных предпринимателей, вышедших из крестьян-кустарей, традиционно занимавшихся этим видом промысла (таких, например, как известные в середине XIX в. суконные фабриканты Четвериковы, Алексеевы, Селиверстовы, Бабкины, Исаевы и др.), он принадлежал к потомкам городских ремесленников. Йокиш приехал в Москву, уже обладая определенными профессиональными знаниями и навыками, в надежде найти здесь применение своим способностям и начать собственное дело, но не располагал пока достаточными для этого финансовыми возможностями.

Поэтому сначала он устроился работать красильным мастером на ситцевой фабрике купцов Грачевых в подмосковном селе Михалково (расположенном теперь на территории Северного административного округа Москвы). Благодаря своим знаниям, трудолюбию и предприимчивости Василий Иванович не только смог довольно скоро подняться по служебной лестнице от простого мастера до управляющего производством, но и сумел уловить тенденцию в развитии российской промышленности того времени. Он переориентировал предприятие на выпуск более доходной на тот момент продукции — сукна, производство которого поощрялось государством. Накопив необходимый первоначальный капитал, он открыл по соседству сначала небольшую красильную мастерскую (по некоторым источникам, в 1835 г.), а с 1838 г. — уже собственную фабрику, занимавшую первые 13 лет своего существования только отделкой и окраской «суровых суконных товаров», поступавших от других владельцев, так называемых «давальцев».

Фабричная обработка сукна в России, как и многие другие отрасли промышленности, берет свое начало с царствования Петра I, который стремился обеспечить созданную тогда русскую армию собственным обмундированием. До этого времени выделка грубых шерстяных тканей, производство которых было известно на Руси с глубокой древности, производилась ручным домашним способом. Вырабатывавшиеся таким образом ткани

шли в основном на удовлетворение нужд беднейших слоев населения. Почти в каждом крестьянском дворе производилось сермяжное сукно, которое использовалось для потребностей семьи, а позднее — и на продажу. В то же время тонкие сукна красивой расцветки, употреблявшиеся дворянами и купцами, привозились из-за границы.

При Петре I появились в России первые казенные суконные предприятия. Сначала они выпускали исключительно армейское сукно. В 1712 г. Петр I издал указ о том, чтобы «завод суконный размножить не в одном месте, так, чтоб в 5 лет не покупать мундира заморского»³. Он повелел использовать для обмундирования войск сукна преимущественно русского изготовления. С этого времени государство стало принимать определенные поощрительные меры, направленные на развитие отрасли: владельцы суконных фабрик освобождались от уплаты пошлин, им отводились земли, предоставлялись ссуды и т.д. Между тем, несмотря на все льготы и усилия правительства по развитию суконной промышленности, она росла довольно медленными темпами и до 20-х гг. XIX в. служила исключительно для казенных нужд.

Только в 1822 г. суконные фабрики впервые выполнили свое предназначение, которое правительство имело в виду при их учреждении: объемы их производства превзошли нужды армии, и они смогли, наконец, начать удовлетворять потребности гражданского населения⁴. Способствовало этому и принятие в 1822 г. очередного таможенного тарифа, который установил низкие пошлины на ввоз пряжи и высокие — на ввоз готовых тканей. Тем самым отечественные фабриканты были надежно защищены от конкуренции импортной продукции. Однако по-прежнему вырабатывались в основном грубые сукна и каразея (легкая подкладочная материя). На их долю приходилось почти 90 % всего производства. Техника изготовления суконных тканей до 30-х гг. XIX в. была целиком ручной и практически не отличалась от ремесленно-кустарной. Только валка сукна производилась, как правило, на сукновальных мельницах, приводимых в движение силой воды. Красили ткани в чанах также ручным способом с использованием в основном натуральных красителей растительного происхождения. Производительность труда и качество выпускаемой продукции были низкими. Обозреватель первой публичной выставки российских мануфактур 1829 г. отмечал, что «только за последние 20 лет суконщики начали по настоящему производить. Недостаток механических и химических сведений и хороших машин много препятствует

успехам в сей части»⁵. Лишь с 1830-х в отрасли стали появляться первые машины.

Созданная В.И. Йокишем фабрика быстро росла. На Московской выставке мануфактурных изделий 1843 г. Василий Иванович получил уже свою первую награду от государства — большую серебряную медаль «за превосходную отделку и хорошую окраску сукна»⁶. Это достаточно высокая оценка, особенно если учесть общий уровень российских суконных предприятий того времени, качество продукции которых пока еще сильно уступало иностранным. Вот как оценивалась в обзоре упомянутой выставки 1843 г. российская суконная промышленность в целом: «Сколь ни велики успехи суконной промышленности в России, но произведения ее еще не могут равняться с иностранными. Главные сему причины: 1) свойство шерсти; 2) несовершенство и дороговизна машин; 3) недостаток искусства и старания многих фабрикантов»⁷. Последнее замечание к В.И. Йокишу явно не относилось. Его предприятие уже успело завоевать добрую славу и занять прочные позиции в отрасли, о чем свидетельствует не только полученная награда, но и сам факт включения этой, пока еще скромной по своим размерам фабрики в изданный в 1845 г. Атлас промышленности Московской губернии (составленный председателем Московского отделения Мануфактурного совета Леонтием Самойловым). К этому времени, через 7 лет после основания фабрики, на ней числилось 74 рабочих, было установлено 32 машины, приводившиеся в действие тремя конными приводами, годовой оборот производства составлял 160 тыс. руб. серебром. Отдельвалось сукно высшего и среднего сортов⁸.

Документы Канцелярии московского гражданского губернатора, подготовленные в связи с намерением В.И. Йокиша участвовать в Санкт-Петербургской выставке отечественных мануфактурных изделий 1849 г., также говорят об успешности предприятия уже в первые годы его существования. Причем в этих документах не только говорится о том, что «отделочная суконная фабрика Йокиша принадлежит к числу первенствующих в Московской губернии в сем роде заведений», но и отмечается личный вклад в это самого предпринимателя: «Всем по фабрике без постороннего посредства заведует сам владелец»⁹. К 1849 г. на фабрике работали уже 155 рабочих (т.е. всего за четыре года численность их более чем удвоилась) и 2 иностранных мастера. Производилась окраска и отделка тонких сукон до 3 тыс. кусков ежегодно. Количество машин также возросло. Имелось 38 ворсовых, стригальных и бастовальных машин, действующих

силою двух конных приводов, 4 промывальных машины, приводимых в действие водяным колесом, и 2 гидравлических прессы.

В выданном В.И. Йокишу свидетельстве для участия в Санкт-Петербургской выставке 1849 г. особо указывалось, что «после последней выставки на фабрике устроены 3 стригальные машины нового изобретения»¹⁰. Присущий предпринимателю интерес к инновациям и стремление к постоянным техническим усовершенствованиям настойчиво отмечается и в других архивных документах. Знание иностранных языков помогало Василию Ивановичу следить за европейскими техническими новинками в отрасли и проводить соответствующие изменения в производственном процессе на своей фабрике. Устаревшее оборудование он регулярно заменял новым, более совершенным. В документах также подчеркивались его хорошие отношения как с рабочими, так и с местным населением: «Фабрика приносит пользу жителям окрестных селений, которые поставляют на оную съестные приносы и иные материалы, а также нанимаются для работ»¹¹. С самого момента основания предприятия на нем применялся только вольнонаемный труд, что, безусловно, положительным образом сказывалось на его производительности. В.И. Йокиш не использовал подневольную рабочую силу, как многие другие предприниматели дореформенного периода.

Архивные источники дают также возможность проследить, как складывались отношения российских предпринимателей, представителем которых был В.И. Йокиш, с государством. Еще в 30-е гг. XIX в. в России была издана серия законов и указов, таких как вексельный устав, уставы о банкротах, о бирже, об акционерных компаниях и ряд других. Они предусматривали многие вполне современные нормы коммерции, банковского дела, но в то же время закрепляли жесткий надзор и вмешательство в эту деятельность со стороны центральных и местных органов власти¹². В дальнейшем государство стремилось сохранить бюрократическую регламентацию деловой жизни. Действовавшее законодательство накладывало на создание новых промышленных заведений большое число ограничительных правил¹³.

Особые ограничения существовали в отношении промышленных предприятий в Москве и Московском уезде. Так, 28 июня 1849 г. была принята статья 72 Устава о промышленности, запретившая учреждение в Москве и уезде «бумагопрядилен, шерстопрядилен, чугунолитейных, стеариновых, сальных, лаковарных и вообще таких заводов, которые производят горючие химические продукты»¹⁴. Что касается лаковарных заведений, где производство велось холодным способом, а также ткацких, набивных, аппретурных и красильных фабрик, то для

их открытия требовалось личное разрешение московского генерал-губернатора, которое должно было согласовываться с Министерством финансов. Положение это распространялось и на уже существовавшие на тот момент предприятия, которым необходимо было теперь получить соответствующее разрешение для продолжения деятельности.

За таким разрешением вынужден был обратиться к московскому военному генерал-губернатору А.А. Закревскому в январе 1850 г. и В.И. Йокиш. В своем прошении он писал: «Эта фабрика существует с 1838 года, и по прежнему порядку ежегодно была подаваема мною ведомость. А как Высочайше утвержденным в 28 день июня 1849 г. положением Комитета Г.г. Министров вменено фабрикантам в обязанность испросить у начальства особые дозволительные свидетельства на продолжение действия их заведений, какового свидетельства у меня еще нет, то я имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою о приказании Кому следует выдать мне означенное Свидетельство для сукноотделочной и красильной моей фабрики»¹⁵. В дальнейшем проведение любых построек, перестроек и переоборудования на фабрике требовало согласования с соответствующими государственными органами. Вместе с тем, поскольку правительство стремилось поддержать и поощрить крупную промышленность, запрашиваемые разрешения, как правило, незамедлительно выдавались.

Законодательством предпринимателям предоставлялась и определенная свобода в их экономической деятельности: «Владелец вправе на своем заведении употребить такой капитал и такой способ обработки изделий, какой заблагорассудит, равно усилить, уменьшить или вовсе уничтожить действие своего заведения, не давая в том никому отчета, обязываясь токмо доставлять о всех сих переменах сведения правительству»¹⁶. Определенными льготами обладали старейшие предприятия, к числу которых принадлежала и фабрика Йокиша: «Увеличение числа рабочих, станков и машин, по мере надобности, равно и уменьшение оных предоставляется на существовавших до 28 июня 1849 г. в Москве и уезде ее фабриках и заводах собственному усмотрению владельцев»¹⁷.

Со второй половины XIX в. начался новый важный этап в развитии мануфактуры. Главные «давальцы» Йокиша завели к этому времени на своих предприятиях собственную отделку сукон и практически перестали поставлять их для обработки на его фабрику, которая поэтому не могла продолжать работать в прежнем режиме. Однако Василий Иванович опять сумел вовремя сориентироваться в рыночной ситуации. Для того чтобы

не останавливать действие своего предприятия и не снижать загрузку его мощностей, он решает наладить собственный выпуск тканей. Уже в 1851 г. он открывает самостоятельное прядильное и ткацкое производство, предварительно запросив и получив необходимое разрешение от московских властей. С этого времени фабрика была фактически преобразована в суконный комбинат, объединивший в себе все производственные стадии от сортировки и промывки шерсти до выпуска готовых тканей¹⁸.

Для этого половина имевшихся на ней ворсовальных, стригальных и бастовальных машин была заменена тремя аппаратами с 50 ткацкими станами. Одновременно, одним из первых в Московской губернии, В.И. Йокиш установил на своей фабрике 20-сильную паровую машину, заменив ею конные приводы. Это позволило не только значительно сократить издержки производства, но и существенно повысить качество выпускаемой продукции, поскольку, по замечанию проводившего осмотр предприятия фабричного инспектора, «конные приводы, действительно производя неравномерное движение, имеют влияние на то, что сукно не может иметь надлежащей ровности и доброты»¹⁹.

Необходимость преобразований объяснялась в донесении представителя Комитета для надзора за фабриками и заводами в Москве и Московском уезде. Он обследовал фабрику по поручению А.А. Закревского, прежде чем В.И. Йокишу было выдано запрашиваемое разрешение: «Чтобы выдержать соперничество с заграничными сукнами и не лишиться возможности сбыта его изделий, Йокиш находит необходимым, во-первых, ограничить и уменьшить издержки на содержание его фабрики и, во-вторых, употребить тот способ производства, который принят на лучших суконных фабриках, чтобы не отстать от усовершенствования и лучшей отделки сукон и тем не лишиться того доверия, которым он пользовался за доброту своих изделий, и капитала, употребленного на устройство его фабрики в продолжение 13 лет»²⁰.

Уже в 1853 г. на Выставке мануфактурных изделий в Москве фабрика В.И. Йокиша, превратившаяся теперь в прядильную, ткацкую и сукноотделочную, получила большую серебряную медаль. Таким образом, несмотря на произошедшие существенные перемены — переориентацию предприятия от простой отделки и окрашивания сукна к полному производственному циклу, оно смогло не только сохранить, но и упрочить свое положение. В середине 1850-х гг. В.И. Йокиш вступил в 1-ю гильдию московского купечества. К следующей выставке, проводившейся в Варшаве в 1857 г., на его предприятии работали

450 человек, количество машин возросло до 116, годовой оборот достиг 170 тыс. руб. серебром. И опять была проведена модернизация всего оборудования: «Со времени последней мануфактурной выставки Йокиш устроил новые сушильные и отбельные помещения для рабочих светлые и просторные», а все старые машины были «заменены другими новейшей системы»²¹. Надо отметить, что к 1858 г. лишь небольшая часть шерстяных заведений России имела паровые двигатели и механические ткацкие станки. Механическое ткачество давало только 8 % стоимости всей продукции отрасли²².

К началу 1860-х гг. происходят крупные сдвиги в шерстяной промышленности России в целом. Отмечается не только количественный рост продукции, но и существенным образом меняется ее ассортимент. Входят в употребление безворсовые или камвольные и смешанные ткани. Продукция отрасли становится уже способной конкурировать на внутреннем рынке с импортными тканями. Как отмечалось в обзоре 1860 г., «все классы народа как низшие, так и средние, а отчасти и высшие употребляют отечественные шерстяные произведения; одни только модные и дорогие шерстяные изделия привозятся к нам из чужих земель». Основную массу продукции суконной промышленности стали составлять сукна средней добротности, увеличилась доля тонких и дорогих сукон, сукна же простые, армейские выступали на первый план лишь во время военных действий, например, в период Крымской кампании 1853—1856 гг. Так, в 1856 г. было поставлено до 13 млн аршин сукна для армии.

Качество изделий стало понемногу улучшаться, хотя в основном это относилось к тканям более дорогих сортов. В обозрении Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 г. отмечалось возросшее значение отрасли, «почти вытеснившей сукна заграничные или оставившей их для весьма ограниченного кружка; одевшей все среднее сословие, значительную часть сословия выше среднего и некоторую часть сословия ниже последнего в сукно русского приготовления, сделанного из русских же материалов»²³. При этом говорилось об увеличении производства и улучшении качества продукции именно для гражданского населения. В обозрении подчеркивалось, что в области изготовления солдатских сукон замечается некоторая «неподвижность, тогда как фабрикация сукон для частного потребления заметно совершенствуется»²⁴.

Фабрика Йокиша продолжала успешно выдерживать конкуренцию с другими суконными предприятиями. К концу 1860 г., когда Василий Иванович запрашивал в Канцелярии московско-

го гражданского губернатора очередное свидетельство, на этот раз для участия в упомянутой Санкт-Петербургской выставке мануфактурных произведений, на его фабрике числилось уже 500 человек «рабочих всех сословий» (при 220 рабочих на одно предприятие в среднем по отрасли), выделялось ежегодно до 4200 кусков сукна разного цвета, а также казимира и других видов тонких шерстяных тканей на сумму до 200 тыс. руб. В документах канцелярии губернатора сохранился подробный перечень машин, которыми была оснащена фабрика на тот период. Подчеркивалось, что за последние четыре года «строение почти все выстроено новое, машины старые уничтожены, вместо них поставлены новейшей конструкции, от сего уменьшилось народу, а дело пошло успешней»²⁵. В донесении Московского отделения Мануфактурного совета на запрос губернатора сообщалось, что «на сей фабрике вырабатываются разного рода тонкие сукна и сукнообразные материи из тонкой шерсти, которые по достоинству своему весьма известны в торговле, в особенности по тщательной и отличной их отделке. По устройству своему фабрика эта относится к числу лучших средних размеров сукнопроизводительных заведений в Московской губернии, так как для производства на ней изделий употребляются все лучшие и усовершенствованные машины»²⁶. Положительно характеризовались условия содержания рабочих: «Рабочие, живущие на фабрике, помещаются на ночь в особых строениях, мужчины и женщины отдельно, и помещение это весьма удобно. В случае внезапной болезни рабочих приглашается из Москвы врач»²⁷. С учетом всего перечисленного фабрика была отмечена на Санкт-Петербургской выставке 1861 г. малой золотой медалью.

В 1860 г. В.И. Йокиш сумел выкупить у прежних владельцев Грачевых «вторую часть сельца Михалкова», на которой располагалась его фабрика (ранее он арендовал эту землю у Грачевых)²⁸. В 1863 г. она была переведена из деревянного здания во вновь построенный каменный четырехэтажный корпус (существующий до сих пор и лишь надстроенный еще одним этажом в конце 1920-х гг.) и на ней была установлена вторая паровая 20-сильная машина, что позволило увеличить технический уровень производства. На тот момент из 69 ткацких станков 18 были механическими. В том же году Йокиш арендовал небольшую сукновальную фабрику в расположенном неподалеку сельце Гаврилково, сделав ее филиалом основной фабрики в Михалково. В 1874 г. он выкупил и это предприятие, а в 1875 г. выстроил для него новый каменный двухэтажный корпус. В Гаврилково была переведена часть производственных стадий — валка и про-

мывка сукна, а также крашение шерсти, сукон и готовых шерстяных товаров.

В 1865 г. на Московской выставке русских мануфактурных произведений фабрика В.И. Йокиша была впервые удостоена высшей награды — права употреблять на своих вывесках и изделиях государственный герб Российской империи. Принимая такое решение, эксперты выставки отмечали, что «фабрика Йокиша по устройству своему и обширности производства занимает в ряду наших суконных фабрик видное место». Очень важным при получении награды было и то обстоятельство, что фабрика в полной мере отвечала тем задачам, которые государство предполагало решить, поощряя развитие российской суконной промышленности, а именно — снижению зависимости от импортных тканей и обеспечению отечественным фабричным сукном самых широких слоев населения. Фабрика Йокиша вполне соответствовала этому назначению: «Изделия этой фабрики, отличаясь высоким достоинством, вместе с тем по умеренности цен доступны и для потребителей, не располагающих большими средствами». Принималось также во внимание, что «владельцем фабрики постоянно прилагаются старания к улучшению производства и содержания рабочих, и что он в выделке средних сортов достиг весьма значительной степени совершенства». К этому времени предприятием вырабатывалось 120 тыс. кусков сукна, сатина, драпа и др. тканей на сумму до 256,5 тыс. руб. и окрашивалось материи на 42 тыс. руб. Сбыт изделий производился уже практически по всей стране, «в столицах и внутри Империи»²⁹.

До середины 1860-х гг. В.И. Йокиш сам управлял производством. Однако когда стали подрастать сыновья, он начал привлекать их к семейному бизнесу, предварительно позаботившись о том, чтобы они получили необходимое техническое образование и вошли в дело подготовленными специалистами. Три сына Василия Ивановича — Василий, Александр и Федор — в разные годы обучались в Германии, в Технической академии г. Дармштадта. В начале 1867 г. вместе со старшими сыновьями Василием и Александром, уже завершившими свое обучение и достигшими к тому моменту совершеннолетия, отец открыл Торговый дом в образе полного товарищества под фирмой «Василий Йокиш с сыновьями» с основным капиталом 40 тыс. руб. серебром.

Подобная организационная форма предпринимательской деятельности — в образе товариществ полных и на вере — рекомендовалась правительством российским купцам еще со времен Александра I, даровавшего своим Манифестом 1807 г. особые

права «третьему сословию». «Товарищество полное слагается из двух или многих товарищей, в равную гильдию записанных, которые положили воедино торговать под общим названием всех. Оно называется торговым домом под их именем. Товарищи сего торгового дома ответственны за все долги оного вообще и порознь имуществом своим движимым и недвижимым»³⁰. Для возникновения товарищества необходим был договор между его учредителями, который составлялся на основании правил, изложенных в Уставе торговом и ст. 2132 Законов гражданских. При открытии торгового дома в Москве этот договор необходимо было предъявить Московской распорядительной думе, которая давала разрешение на открытие. При этом требовалось представить слепок с фирменной печати и копии «известительного письма» ко всем лицам, имеющим торговые дела с учредителями вновь открываемого товарищества, и объявления об открытии торгового дома «для припечатания о сем в Ведомостях»³¹. Кроме того, необходимо было поставить в известность о создании торгового дома Купеческую управу, Биржевой комитет, Торговую депутацию, Московский почтамт и уведомить Департамент мануфактур и внутренней торговли. С учредителей бралась подписка «в том, что в учреждаемом ими торговом доме никто из живущих в России, кроме их не участвует»³².

В договоре об организации Торгового дома «Василий Йокиш с сыновьями» специально оговаривалось, что два других сына Василия Ивановича, если пожелают, также смогут присоединиться к фирме по достижении ими совершеннолетия. Этим правом впоследствии воспользовался младший сын — Иван. Между тем, несмотря на создание Торгового дома с участием трех учредителей, все бразды правления в осуществлявшемся ими промышленном производстве и торговле по-прежнему были полностью сосредоточены в руках самого В.И. Йокиша. Сыновья не только не имели права выделить из фирменного капитала свою долю или даже взять из него какую-то часть без разрешения отца, но и раздавать какие-либо обязательства от имени фирмы или от себя лично без доверенности от него.

По данным Атласа мануфактурной промышленности Московской губернии Николая Матисена 1872 г., фабрика, принадлежащая торговому дому, была в числе самых передовых в Московской губернии по уровню механизации производства. Она входила в пятерку предприятий, на которых механические станки давали более половины продукции, т.е., как отмечалось, только их и можно было отнести к фабрикам «в настоящем смысле слова»³³. При этом она делила второе место с фабрикой Ивана Четверикова по числу механических станков, была вто-

рой по общему количеству станков, первой по числу ручных станков и третьей по численности рабочих и объему производства (таблица 1). К этому времени на фабрике действовало уже три паровые машины суммарной мощностью в 75 л. с. и четыре паровых котла. Надо при этом отметить, что, по данным на 1871 г., из 63 суконных предприятий Московской губернии всего 26 были оснащены паровыми двигателями и механическими ткацкими станками. В целом по губернии механическое ткачество давало только 25 % продукции суконной промышленности, к 1879 г. его доля увеличилась до 35 %.

Таблица 1

Крупнейшие суконные фабрики Московской губернии, 1872 г.

| Владелец | Количество станков | | Число рабочих, чел. | Объем производства, тыс. руб. |
|---------------------------|--------------------|--------|---------------------|-------------------------------|
| | механических | ручных | | |
| Анис Тюляев | 100 | 100 | 1468 | 1574,8 |
| Василий Йокиш с сыновьями | 40 | 107 | 697 | 700,0 |
| Иван Четвериков | 40 | 82 | 684 | 575,0 |
| Дмитрий Ремизов | 39 | 105 | 1111 | 765,2 |
| Дмитрий Четвериков | 36 | 16 | 363 | 272,1 |

Источник: Матисен Н. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 72—75.

В последующие годы предприятие продолжало укрупняться и развиваться, число рабочих увеличивалось, объемы производства росли, строились новые производственные корпуса и дома для рабочих и служащих. Об этом свидетельствуют многочисленные документы строительного отделения Московского губернского правления, куда В.И. Йокиш обращался за необходимыми разрешениями на производимые им строительные работы. Об этом же говорят и документы Канцелярии московского губернатора, регулярно выдававшей ему свидетельства для участия во всероссийских мануфактурных и промышленно-художественных выставках, откуда предприятие каждый раз возвращалось с наградами за высокое качество своей продукции. Большое внимание при этом предприниматели по-прежнему уделяли постоянной модернизации оборудования и созданию удобных условий для работы, что также скрупулезно фиксировалось в официальных бумагах.

В 1878 г. было образовано акционерное общество (товарищество на паях) под названием Товарищество суконной мануфактуры «Йокиш» с основным капиталом в 800 тыс. руб., разделенным на 800 паев по 1000 руб. каждый³⁴, что ознаменовало начало следующего этапа в развитии предприятия. При этом капитал Товарищества был сосредоточен в руках представителей семьи Йокишей, в т.ч. 600 паев принадлежало самому Василию Ивановичу. Учредителями Товарищества помимо него стали два его старших сына — В.В. Йокиш и А.В. Йокиш. К этому времени фабрика в Михалково имела уже 155 ткацких станков, на ней работали 916 рабочих. Поскольку в России в то время и вплоть до начала XX в. действовала разрешительная система учреждения акционерных обществ, этот важный этап в жизни фирмы также не обошелся без контроля со стороны государства. Товарищество регулярно проходило все требуемые проверки и согласовательные процедуры, ежегодно предоставляло подробные финансовые отчеты в Московскую казенную палату и публиковало извлечения из них в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях» и «Московских губернских ведомостях».

На Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве Товарищество суконной мануфактуры «Йокиш» вновь вторично получило право отмечать продукцию гербом Российской империи. Как отмечалось в решении экспертной комиссии, эта награда была присуждена «за совершенное по качествам изготовление сукон, сатина, драпа и др. шерстяных валяных изделий при значительных размерах производства»³⁵.

Кризис перепроизводства, разразившийся в суконной промышленности России в первой половине 80-х гг. XIX в. и пришедший на смену значительному подъему отрасли после русско-турецкой войны 1876—1877 гг., на деятельности суконной мануфактуры «Йокиш» существенно не сказался. Кризис был вызван несоразмерным со спросом выпуском текстильной продукции в конце 1870-х гг. На снижение сбыта продукции немалое влияние оказали также неурожаи начала 1880-х в самых хлебодородных губерниях России. Особенно сильно кризис 1884—1886 гг. отразился на производстве суконных тканей. Даже после 1886 г., когда стали отмечаться признаки улучшения, суконное производство продолжало пребывать почти в том же кризисном состоянии. Между тем, по воспоминаниям рабочих, фабрика Йокиша продолжала работать даже в то время, когда другие предприятия разорялись и закрывались³⁶. Это косвенно подтверждается и архивными документами: в самый раз-

гар кризиса на обеих фабриках Товарищества велось строительство каменных складских помещений³⁷. Произведенная за годы кризиса продукция была успешно реализована, когда на нее вновь возрос спрос.

В марте 1887 г. скончался основатель фирмы Василий Иванович Йокиш. Он был похоронен на московском Введенском кладбище. Его могила, а также могила его жены, средней дочери — Елизаветы Васильевны (в замужестве Ципсер) и ее мужа, по счастью, сохранились, в отличие от других захоронений семейной усыпальницы Йокишей, находившейся на кладбище Казанского Головинского монастыря, которое было полностью уничтожено в послереволюционные годы³⁸. Сохранился уникальный документ — собранные Ю.П. Злыгостевым и опубликованные в 1937 г. — к 100-летию предприятия — воспоминания рабочих фабрики, в то время еще помнивших ее основателя и даже в самый разгул сталинских репрессий отзывавшихся о нем и о существовавших на фабрике порядках вполне положительно. По их словам, почтить память Василия Ивановича в день его похорон собралось так много людей, что пришлось нанять 25 карет и 60 линейек, и все равно многие шли пешком³⁹.

Помимо самого Василия Ивановича Йокиша, который возглавлял правление мануфактуры, в число директоров Товарищества входили также два его старших сына — Василий и Александр, — выступившие вместе с отцом учредителями Товарищества, а также младший сын — Иван Васильевич. После смерти Ивана Васильевича (он умер в 1895 г., немного не дожив до 40 лет) в состав правления вошла его вдова — Прасковья Ивановна. Она была единственной женщиной, которая до самой своей смерти в 1910 г. бессменно выбиралась на должность одного из трех директоров мануфактуры, избираемых согласно уставу Товарищества общим собранием владельцев паев каждые 3 года. Ее имя упоминается в юбилейном издании, вышедшем в 1911 г. к 25-летию со дня учреждения Казанского Головинского монастыря, среди многих благотворителей, имена которых «сестры обители хранят в молитвенном воспоминании»⁴⁰. Памяти этой удивительной женщины, в день прощания с ней, была посвящена заметка в газете «Московский листок»⁴¹.

Участвовали в управлении Товариществом и дочери В.И. Йокиша — Юлия, Елизавета и Мария, а со временем — его внуки, внучки и их мужья. Старшая дочь Юлия Васильевна (в замужестве Форрат) на протяжении многих лет вплоть до 1917 г. входила в состав ревизионной комиссии Товарищества. Она была последним представителем династии Йокишей в правлении мануфактуры. Третий сын В.И. Йокиша — Федор

Васильевич имел собственное производство и торговлю коженным товаром и в семейном бизнесе не участвовал.

После смерти отца директором-распорядителем мануфактуры стал старший сын Василий Васильевич, который до этого заведовал технической частью. После его кончины в 1897 г. мануфактура перестала быть чисто семейным предприятием. Пайщиками Товарищества в разные годы были Ю.И. Бернгоф, представители фирм «В. Алексеев», «А. Пельтцер» и др., а с конца 1916 г. — члены товарищества «Н. Дербенева сыновья» и Н.Т. Каштанов, которые входили в состав правления и также избирались на должность директоров. По уставу Товарищества, директорами могли быть избраны лица, имеющие на свое имя не менее 5 паев.

После 1897 г. управление фирмой перешло к следующему по старшинству брату — Александру Васильевичу Йокишу. Он, как и Василий Васильевич, достойно продолжил семейное дело. Предприятие при нем продолжало развиваться и модернизироваться, из года в год старое оборудование заменялось новым. В 1890 г. деревянные чесальные машины и аппараты бельгийского и французского производства были заменены новыми металлическими австрийского завода Йозефи. К 1896 г. на фабрике полностью исчезли ручные деревянные ткацкие станки, была установлена 300-сильная паровая машина. На Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде Товарищество получило своего третьего «орла» — «за отличное изготовление сукон, сатина, бибера и кастора при значительных размерах производства и во внимание к долголетнему существованию фирмы»⁴².

В 1902 г. красильная и отбельная фабрика была переведена из Гаврилково обратно в Михалково и рационализирована. В 1906 г. с разрешения министра торговли и промышленности основной капитал Товарищества был увеличен до 1 млн руб. (было выпущено еще 200 паев по 1000 руб. каждый). На фабрику провели электричество, установили 600-сильную паровую машину, новые паровые котлы, а к 1910 г. она была полностью механизирована. На этот период на предприятии было занято 1000 рабочих, годовое производство достигало 2 млн руб. в год.

Когда 15 ноября 1910 г. прошло учредительное собрание Всероссийского общества суконных фабрикантов, Товарищество суконной мануфактуры «Йокиш» вошло в него полноправным членом. В 1913 г. по сумме основного капитала — 1 млн руб. — Товарищество занимало 12-е место среди суконных мануфактур Российской империи. В Московской губернии оно было пятым по этому показателю после фабрики Демида Хутарева с сыновь-

ями (в Серпуховском уезде), подмосковной Купавинской, московской братьев Носовых и фабрики Владимира Лыжина в Ивантеевке. По количеству веретен — 6 млн — Товарищество стояло на 9-м месте в стране и на 3-м — в Московской губернии (разделяя это место в обоих случаях с Городищенской фабрикой С. Четверикова)⁴³. Именно по этому последнему показателю и распределялись голоса в обществе суконных фабрикантов, в котором было представлено 46 компаний.

Таблица 2

Крупнейшие суконные мануфактуры Московской губернии, 1913 г.

| Название | Год образования товарищества | Капиталы, тыс. руб. | | Имущество, тыс. руб. | Веретена, тыс. шт. | Ткацкие станки, шт. |
|------------------------------|------------------------------|---------------------|----------|----------------------|--------------------|---------------------|
| | | основной | запасной | | | |
| Д. Хутарева с сыновьями | 1909 | 3600 | 70 | 1851 | 8700 | 180 |
| Купавинская Бабкиных | 1873 | 1850 | 231 | 397 | 8000 | 150 |
| Братьев Носовых | 1886 | 1800 | 440 | 452 | 5500 | 140 |
| В. Лыжина | 1908 | 1500 | 150 | 1011 | 3600 | 110 |
| Йокиш | 1878 | 1000 | 494 | 643 | 6000 | 130 |
| Городищенская С. Четверикова | 1873 | 1000 | 466 | 982 | 6000 | 130 |

Источник: ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 593. Л. 104—105.

Фирма «Йокиш» имела свои конторы по продаже, на склады которых поставлялась готовая продукция не только в Москве, но также в Санкт-Петербурге, Варшаве и Харькове. Выпускались практически все виды тонкой шерстяной материи: безворсовое сукно для офицерского и солдатского обмундирования, ворсованное сукно различных цветов, бильярдное сукно, а также драп, кашемир, трико, твид и другие ткани. Для их производства использовалась как отечественная, так и зарубежная шерсть-сырец. Сбыт готовой продукции осуществлялся через представительства Товарищества практически во всех губерниях Европейской и Азиатской России, включая территорию современной Польши. В 1914 г. был также заключен договор с фирмой Р. Лобека в Риге о продаже продукции Товарищества в Прибалтийском крае.

В годы Первой мировой войны, когда значительно возросли потребности страны в выпуске обмундирования для армии, государство приняло меры, поощрявшие суконные предприятия работать на военные нужды. Фабрики стали во все возрастающем масштабе выполнять заказы интендантства, причем в результате сокращения привоза тонкорунной шерсти сильно сократилось производство тонких видов сукна. Вместе с тем казенные заказы создавали обеспеченный спрос на продукцию суконных и шерстообрабатывающих заведений. Интендантство заботилось и о пряже для предприятий, работавших на военное ведомство, разверстывая между ними реквизируемую шерсть, поскольку после объявления войны привоз заграничной шерсти стал резко сокращаться и обнаружились затруднения в получении сырья. Напряженное положение на шерстяном рынке побудило правительство принять целый ряд мер для урегулирования торговли и обеспечения сырьем фабрик, работавших для армии.

Так, 15 декабря 1915 г. были утверждены правила снабжения суконных фабрик сырьем, был учрежден Комитет по делам суконной промышленности. 16 апреля 1916 г. вышло постановление этого Комитета, предоставившее право покупать сырую шерсть только владельцам суконных фабрик, целиком работавших на армию. Остальные могли приобретать шерсть только с письменного разрешения Комитета, которое надо было специально запрашивать в каждом конкретном случае. Были установлены твердые цены на шерсть и шерстяные изделия. В Московской губернии суконные фабрики получали крупные заказы Московского окружного интендантского управления. В их числе была и мануфактура «Йокиш», работавшая с 1915 г. исключительно для нужд государственной обороны. В 1915 г., например, таких заказов было выполнено на сумму 3,4 млн руб.⁴⁴ В 1917 г. основной капитал Товарищества увеличился до 6 млн руб.

Говоря об истории суконной мануфактуры «Йокиш», невозможно обойти такой важный момент, как положение ее рабочих, отношения между ними и предпринимателями. Одновременно с развитием производства основатель фирмы, а позднее и его преемники масштабно решали проблемы жизнеобеспечения рабочих, о чем свидетельствуют как архивные документы, так и другие источники. Причем в решении этих проблем Василий Йокиш пошел оригинальным путем, отличавшим фабрику от других предприятий.

Со временем он, как упоминалось, выкупил у прежних владельцев Грачевых всю располагавшуюся по соседству уникальную усадьбу Михалково. Эта усадьба была создана во второй

половине XVIII в. для сподвижника Екатерины II, генерал-аншефа графа П.И. Панина, как полагают многие исследователи, по проекту самого В.И. Баженова. Современники отмечали, что В.И. Йокишу усадьба досталась уже в полуразрушенном состоянии, но он сумел на собственные средства провести реставрацию усадьбы и, может быть, благодаря его усилиям она сохранилась до наших дней. Однако купив эту роскошную усадьбу, Василий Иванович не сделал ее исключительно достоянием своей семьи. Напротив, он создал на ее основе социально-культурный комплекс для своих рабочих и служащих. По берегам красивого усадебного пруда он построил для них жилые корпуса (до сих пор используемые, но надстроенные и значительно упростившиеся в своей архитектуре). Вход в парк, окруженный баженовскими стенами и башнями, с беседками-ротондами, великолепными липовыми аллеями и каскадными прудами, всегда был открыт для рабочих и местного населения, по праздникам там для них играла музыка. В одном из флигелей усадьбы были размещены заводская больница и школа. Для своей семьи В.И. Йокиш построил дом рядом с фабрикой, не отделяя себя от остальных рабочих и служащих⁴⁵.

Обе фабрики Товарищества удостоились положительной оценки известного своей требовательностью и демократическими взглядами санитарного врача, профессора Ф.Ф. Эрисмана, исследовавшего в 1882—1883 гг. фабричный быт Московской губернии. Он оставил очень подробное описание обеих фабрик. По его свидетельству, среди рабочих фабрики в Михалково было «весьма значительное количество старожилов, т.е. таких, которые уже давно работают на этой фабрике; многие живут на ней непрерывно лет 10—20 и больше, до 35 лет». Рабочие охотно переходили к Йокишу от других владельцев, с предприятий не только Московской, но и других губерний. Более 48 % рабочих были жителями других уездов, а 37 % — даже других губерний. «За исключением небольшого количества рабочих из ближайших деревень, все остальные рабочие живут на фабрике, да и ближние, в случае дурной погоды или зимой, остаются в будни ночевать на фабрике»⁴⁶.

Спальни для рабочих отапливались печами, коридоры ночью освещались керосиновыми лампочками за счет владельца. Помимо жилых корпусов при фабрике для рабочих имелись баня и прачечная. По словам Эрисмана, они были новые, хорошо устроены. Существовало два отделения: для служащих и для рабочих, каждое снабжено просторным теплым предбанником. Хорошо было налажено продовольственное обеспечение. Имелись две харчевые артели, забиравшие провизию у московских

лавочников, с которыми затем раз в месяц расплачивалась контора. Имелась артельная кухня. Вода для приготовления пищи бралась из расположенного на фабричном дворе колодца. Как отмечал Эрисман, «количество воды весьма значительно» и она «весьма хорошего качества».

Фабричные помещения, по наблюдению Ф.Ф. Эрисмана, были светлые и просторные: «Размеры мастерских в главном фабричном корпусе весьма значительны, большинство из них имеют 200—300 куб. саженей, они представляют собой большие залы, занимающие всю ширину здания. В мастерских почти повсюду довольно просторно и на каждого рабочего приходится от 4 до 9,5 куб. саженей пространства. Дневное освещение удовлетворительное. Искусственное освещение производится газом; по заявлению рабочих, оно достаточно. Это единственная из осмотренных нами до сих пор фабрик, где и ручные ткацкие мастерские пользуются хорошим освещением — именно в них проведен газ и устроено весьма значительное количество рожков (на каждый стан 2 рожка). Стены мастерских оштукатурены и окрашены, сухие. Полы деревянные, ровные. В общем, машины расположены довольно просторно. Мастерские содержатся сравнительно опрятно; пыль умеренная»⁴⁷.

Особое внимание уделялось технике безопасности: «опасные части машин почти везде прикрыты надлежащим образом, шестерни на аппаратах защищены деревянными или железными щитами; приемные цилиндры и валики — железными листами» (там же). В особых фабричных правилах, вывешенных в мастерских, рабочим разрешалось проводить чистку механизмов только «по совершенной их остановке». Не удивительно, что травматические повреждения случались на фабрике крайне редко (не более 4 % от всех обращений за медицинской помощью). Для рабочих были устроены больница и аптека с необходимыми лекарствами (позднее был организован также и родильный приют). Медицинское обслуживание проводилось бесплатно: «Какого-либо сбора с рабочих за медицинскую помощь не существует. В случае серьезных заболеваний, увечий и проч. рабочие отправляются конторой в Москву, в Мариинскую больницу, где они по знакомству принимаются на бесплатные койки». Причем во все время пребывания в больнице им продолжали выплачивать жалованье. Стоит отметить, что больница и аптека были организованы при фабрике Йокиша еще до принятия соответствующего распоряжения правительства, обязавшего к этому всех московских фабрикантов. Постановление «Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных

помещений» было принято Комитетом министров только в феврале 1887 г.⁴⁸

На фабрике существовала касса вспомоществования, куда выделялись ежегодно 5 % с чистой прибыли и направлялись вычитаемые с рабочих по 30 коп. за каждый прогульный день. Из образовавшегося фонда получали пособия увечные или больные рабочие, погорельцы и др. В существовавшей при фабрике школе обучались около 65 детей (45 мальчиков и 20 девочек), большей частью — не работавших на фабрике. Обучение было также бесплатным, жалование учителю, его проживание и другие школьные расходы оплачивались правлением из средств Товарищества. Имелась при фабрике и библиотека. Существовал также театр, труппа которого насчитывала 27 человек. Дважды в год — в Святки и на Пасху рабочие ставили спектакли. По праздникам для рабочих устраивались богослужения.

«Вообще фабрика Йокиш, представляя, в общем, те же неблагоприятные для здоровья рабочих условия, которые при существующих порядках свойственны всем шерстопрядильным, сукноткацким и сукноотделочным фабрикам, не отличается, с другой стороны, никакими антигигиеническими особенностями. Наоборот, видимое отсутствие систематической эксплуатации рабочих в мелочах и известная гуманность в отношении к ним хозяев фабрики производят, бесспорно, благоприятное впечатление», — так заключает Ф.Ф. Эрисман свое исследование. Положительно оценил он и состояние сукновальной и красильной фабрики Товарищества при селце Гаврилкове, отметив, что «фабрика в санитарном отношении устроена вообще довольно удовлетворительно. Кроме резких переменов в температуре и влажности воздуха, которым рабочие часто подвергаются в силу самих условий производства, других выдающихся вредных моментов не замечается».

Не удивительно, что революцию 1905 г. рабочие Товарищества «Йокиш» встретили спокойно, долгое время они не участвовали в забастовочном движении. «Мы машины и фабрику свою жалели, чтобы нам ею кормиться. Когда в декабре 1905 г. в Москве восстание шло, мы тут у себя начеку стояли. Пока на Пресне пушки гремели, мы фабрику свою оберегали от черносотенцев. Пуще всего старички наши боялись, что какие-нибудь погромщики машины на фабрике поломают, и мы останемся без работы», — так вспоминали сами рабочие эти дни⁴⁹. Только в 1911 г. ткачи выдвинули ряд экономических требований к хозяевам, в результате чего им была поднята зарплата. В 1913 г. подпольной группе удалось организовать трехдневную экономическую забастовку, которая, однако, окончилась вполне мир-

но — через три дня рабочие вернулись на свои рабочие места, и фабрика возобновила работу. В немецких погромах лета 1915 г. рабочие Товарищества «Йокиш» не участвовали. Что касается революции 1917 г., то, по словам рабочих, «только единичные товарищи с фабрики принимали непосредственное участие в революции»⁵⁰.

В.И. Йокиш и его сыновья вели активную общественную деятельность, входили в деловую элиту Москвы. Василий Иванович был купцом 1-й гильдии, в 1864 г. удостоился звания потомственного Почетного гражданина. Причем В.И. Йокиш получил это почетное звание еще до 1865 г., когда оно стало даваться всем купцам 1-й гильдии, беспорочно состоявшим в гильдии не менее 20 лет. В.И. Йокиш был выборным Московского биржевого общества — главной представительной организации московской буржуазии, а его сын Александр Васильевич Йокиш являлся не только выборным Московского биржевого общества (с 1888 г.), но и гласным Московской городской думы.

Как это было принято в среде российских предпринимателей, Товарищество «Йокиш» занималось благотворительностью. На его средства велось строительство церкви Святителя Николая в Старом Коптеве, фундамент которой был заложен в 1907 г. (на месте современной Коптевской ул. в Москве). К сожалению, в 1920-е гг. церковь эта была полностью разрушена. Оказывалась благотворительная помощь Казанскому Головинскому монастырю. Поддерживались различные учебные заведения — Комиссаровское техническое училище, школа кочегаров и др. Производились отчисления в пользу голодающих, обществу попечения о детях-сиротах, Российскому обществу Красного Креста. В годы Первой мировой войны проводились пожертвования на военные нужды, при фабрике содержался лазарет для раненых воинов, перечислялись средства для других госпиталей, выплачивались пособия призванным на войну рабочим и служащим, оказывалась помощь военнопленным.

Все члены семьи Йокишей не забывали оставлять немалую часть своих капиталов на благотворительные цели, специально оговаривая это в своих духовных завещаниях. Так, сам Василий Иванович завещал по 2 тыс. руб. церкви Всех Святых в селе Всехсвятском (в приходе которой находилось Михалково), Лютеранской церкви святых апостолов Петра и Павла в Москве, а также Мужскому училищу при этой же лютеранской церкви. По завещанию Александра Васильевича Йокиша в Комиссаровском техническом училище была учреждена стипендия его имени. Он оставил также особые капиталы, проценты с которых должны были использоваться на улучшение быта рабочих и слу-

жащих. Сумма их составляла 100 тыс. и 50 тыс. руб. соответственно. Вдова Ивана Васильевича Йокиша — Прасковья Ивановна завещала 2 тыс. руб. Казанскому Головинскому монастырю.

В 1918 г. фабрика Товарищества суконной мануфактуры «Йокиш» была национализирована. Однако практически до августа 1920 г. она простояла без действия из-за отсутствия топлива, потеряв за это время все технические силы, квалифицированных рабочих и значительную часть оборудования. Только с конца 1920 г. фабрика возобновила работу, превысив уровень производства рекордного для нее 1915 г. только к 1927 г. Сейчас бывшая фабрика Йокиша продолжает работать и остается крупным предприятием текстильной промышленности Москвы, хотя и утратила свою былую славу. В советское время ей было присвоено имя Петра Алексея — революционера, не имеющего никакого отношения не только к самому Товариществу суконной мануфактуры «Йокиш», но и к текстильной промышленности вообще.

Примечания

¹ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 16. Оп. 24. Д. 4153. Л. 13.

² См.: Петрова Е.Г. Товарищество суконной мануфактуры «Йокиш» // Московский журнал. 2001. № 4. С. 34—39.

³ Цит. по: Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955.

⁴ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 593. Л. 48—54.

⁵ Цит. по: Пажитнов К.А. Указ. соч.

⁶ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 69. Л. 4—5.

⁷ Обзорение Московской выставки мануфактурных изделий 1843 г. М., 1843 г.

⁸ Указатель фабрик и мануфактур Московской губернии за 1845 г. // Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845. С. 14.

⁹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 69. Л. 8—8 об.

¹⁰ Там же. Л. 7—7 об.

¹¹ Там же.

¹² См.: История предпринимательства в России. Книга II. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000.

¹³ Свод законов. Т. XI. Устав о промышленности фабричной и заводской. Ст. 69.

¹⁴ Там же. Ст. 72.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 24. Д. 4153. Л. 1; сохранена орфография и пунктуация оригинала.

¹⁶ Свод законов. Т. XI. Устав о промышленности фабричной и заводской. Ст. 64.

¹⁷ Там же. Примечание к ст. 46.

¹⁸ Такое сосредоточение всех стадий производства на одной фабрике было вообще характерно для большинства текстильных предприятий.

- ¹⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 24. Д. 4153. Л. 16—20.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Ф. 17. Оп. 31. Д. 38. Л. 4—5.
- ²² Пажитнов К.А. Указ. соч.
- ²³ Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 г. СПб., 1861. С. 116.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 14. Л. 7—8.
- ²⁶ Там же. Л. 10.
- ²⁷ Там же. Л. 10 об.
- ²⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 23. Д. 3223. Л. 3.
- ²⁹ О выставке мануфактурных произведений в Москве в 1865 г. // Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1867. С. 42.
- ³⁰ Иванов П.И. Обзорение прав и обязанностей Российского купечества. М., 2005. § 272.
- ³¹ ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 365. Л. 4.
- ³² Там же. Л. 5.
- ³³ Матисен Н. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 72—75.
- ³⁴ Устав Товарищества суконной мануфактуры «Йокиш». М., 1878. § 9.
- ³⁵ Отчет о Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве. Т. V. Работы экспертных комиссий. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. СПб., 1883. С. 235.
- ³⁶ Век нынешний и век минувший: Рассказы рабочих суконной фабрики им. Петра Алексеева. Запись Ю.П. Злыгостева. М., 1937.
- ³⁷ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 141. Д. 24; Оп. 144. Д. 46.
- ³⁸ Об этом см.: Петрова Е.Г. Фамильная усыпальница Йокиш // Надгробия Введенского некрополя. М., 2004. С. 72—75.
- ³⁹ Век нынешний и век минувший... М., 1937.
- ⁴⁰ Казанский Головинский общежительный женский монастырь. (По поводу 25-летия со дня учреждения обители 1886—1911 гг.). М., 1911.
- ⁴¹ Московский листок. 1910. 12 ноября. С. 2.
- ⁴² Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. СПб., 1897.
- ⁴³ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 593. Л. 104—105.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 51. Оп. 10. Д. 481. Л. 21.
- ⁴⁵ См.: Petrova E. Historical development of Landscape in Moscow Environs (Mikhalkovo example) // Transformation Processes of Cultural Landscapes, Abstracts of the 13th International Conference of Historical Geographers. Hamburg, 2006. P. 52.
- ⁴⁶ Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда Ф.Ф. Эрисмана. Часть III. М., 1883. С. 108—136.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений // Правительственный вестник. 1887. № 27. 4 (16) февраля.
- ⁴⁹ Век нынешний и век минувший... М., 1937.
- ⁵⁰ Там же.

*А.В. Тихонова**

Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX — начале XX в.

В современных условиях развития России, отмеченных расширением внешнеэкономических связей с мировым сообществом, проблема участия иностранцев в создании и развитии различных отечественных отраслей промышленности приобретает особую актуальность. Изучение истории возникновения и постепенного укрепления новых производств в России, интеграции экономического и социально-культурного характера со странами — обладательницами соответствующих технологий вызывает особый интерес исследователей¹.

В развитии индустриального и сельскохозяйственного секторов экономики императорской России в XIX в. принимали участие предприниматели многих европейских стран, в том числе и Швейцарии. Известно, что швейцарские эмигранты работали не только в столицах России. По оценкам специалистов, они проживали в 16 регионах страны, включая европейскую ее часть (14), азиатскую (2), а также Урал и Кавказ. Деятельность швейцарцев в России охватывала 24 отрасли промышленности². Разброс данных о численности швейцарских эмигрантов в России значительный: от 5902 (по данным переписи населения России 1897 г.) до 38—57 тыс. человек в 1880-х (по сведениям швейцарских исследователей, учитывающих членов семей эмигрантов)³.

Проблема деятельности швейцарских эмигрантов в России, в том числе в сфере экономики, нашла отражение в современной историографии. Изучение вклада швейцарцев в российскую экономику — одно из направлений исследований швейцарских ученых⁴. При этом внимание уделяется не только отраслям крупной промышленности, как в работе У. Раубера⁵, но и традиционным технологиям — таким, как сыроварение, чему посвящено диссертационное исследование Гизелы Чудин⁶. Труд

* Тихонова Анастасия Владимировна — кандидат исторических наук (Смоленский филиал Орловской региональной академии государственной службы).

Г. Чудин в значительной степени основан на документах «Архива русских швейцарцев», созданного при Отделе Восточной Европы Цюрихского университета. Архив включает большое число писем швейцарцев родным, а также воспоминаний тех, кто вернулся на родину после длительного пребывания и работы в России. Архив содержит семейные документы «смоленских» швейцарцев: Бергеров, Карленов, Штукки, Кюнгов и др. Среди материалов, изученных Гизелой Чудин, письма сыровара-швейцарца Вальтера-Альфреда Штеттлера (Walter-Alfred Stettler), трудившегося в 1890-х гг. в Смоленской губернии.

При Отделе Восточной Европы Цюрихского университета действует исторический семинар. Историки, работающие в рамках семинара, публикуют труды под общим названием «К истории российских швейцарцев» («Beiträge zur Geschichte der Russland-Schweizer»). За период с 1985 по 2006 г. в свет вышло 9 книг, в их числе — глубокое исследование Г. Чудин «Швейцарский сыр в царской империи: менталитет и хозяйство фермеров-эмигрантов»⁷, написанное на материалах «Архива русских швейцарцев». В 2007 г. опубликовано исследование Курта Стейнеггера «Невероятная история Альфреда Хофера»⁸ о молодом швейцарском сыроваре, отправившемся в Россию в 1913 г. и оказавшемся очевидцем начала Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. в Смоленской губернии. А. Хофер сумел выехать на родину, а затем по окончании Первой мировой войны переехал во Францию, где стал свидетелем Второй мировой войны. В дальнейшем А. Хофер передал материалы своего архива К. Стейнеггеру, на их основе тот написал названную книгу, включив в нее публикации документов и редкие фотографии.

В настоящее время и российские ученые активно стали изучать различные аспекты российско-швейцарских отношений. В публикациях бывшего посла Российской Федерации в Швейцарии, доктора исторических наук А. И. Степанова предпринята попытка обобщить накопленный опыт разносторонних связей между нашими странами за всю их многовековую историю⁹. Монография А. И. Степанова содержит историографический обзор крупных работ по данной тематике.

Из сборников документов по истории отношений России и Швейцарии, вышедших в свет в последние годы, интерес представляет книга «Россия — Швейцария. 1813—1955»¹⁰, в которую вошли документы и материалы из швейцарских и центральных российских архивов (Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, Российского государственного исторического архива и др.). Главным образом опубликованные источники

касаются дипломатической и политической истории, но среди них встречаются документы, освещающие участие швейцарских эмигрантов в развитии российской экономики, в том числе легкой и пищевой промышленности.

Проблема создания сыроваренной промышленности в Смоленской губернии и участия в этом швейцарцев до сих пор не привлекала внимание отечественных исследователей. Швейцарские ученые рассматривали деятельность своих соотечественников в общероссийском контексте, используя «Архив русских швейцарцев», который в основном содержит документы личного происхождения.

В настоящей статье впервые предпринята попытка осветить вклад швейцарских сыроваров в экономическое развитие конкретной губернии в XIX — начале XX в., опираясь в основном на документы Государственного архива Смоленской области. В первую очередь, из фондов полицейских и судебных учреждений губернского и уездного уровней. Так, в документах Сычевского земского суда удалось обнаружить первое по времени упоминание о пребывании в губернии швейцарских сыроваров в октябре 1823 г.¹¹

Фонд канцелярии смоленского губернатора содержит разнообразные документы о швейцарских сыроварах. В их числе описания имений, где они работали; списки заводов по уездам губернии, составлявшиеся уездными исправниками, и др.

Метрические книги евангелическо-лютеранской церкви в Смоленске подтверждают факт сплоченности швейцарской колонии в Смоленской губернии, ее стремление не выходить из круга соотечественников при заключении браков, приглашать на таинство крещения и отпевания только представителей колонии¹².

В фонде Статистического отделения Смоленской губернской земской управы сохранилось описание сыроваренного завода одного из швейцарских граждан Федора Яковлевича Линдера за 1911 г. с общим планом расположения построек и планом помещений сыроваренного завода¹³.

Благодаря имеющимся в фонде Смоленского губернского жандармского управления поименным спискам иностранных подданных, составленным уездными исправниками по распоряжению губернского начальства в 1914—1917 гг., удалось установить 155 имен «смоленских» швейцарцев. Восемьдесят из них (т.е. 53 %) занимались сыроварением, в том числе сыроварами были шестеро женщин. Подавляющее большинство швейцарцев поселилось на Смоленщине еще до проведения Всеобщей переписи населения России 1897 г.¹⁴ Списки велись ежемесячно и

направлялись уездным исправником начальнику губернского жандармского управления. Обычно список представлял собой машинописную таблицу, в графах которой были указаны порядковый номер, имя иностранца, его возраст, национальность, принадлежность к государству, срок пребывания в России, семейное положение, образование, занятие в России и место проживания в России. Серьезными недостатками списков являются многочисленные опечатки и ошибки, но сличение списков за разные месяцы, а также сравнение данных с другими материалами делопроизводственной переписки позволяет исправить неточности.

Материалы советских учреждений губернии также содержат ценнейший материал, характеризующий деятельность швейцарских сыроваров не только в новых политических и экономических условиях, но и в предшествующий период. Так, в фонде административного отдела Смоленского губернского исполнительного комитета за 1918—1925 гг. отложились национальные паспорта иностранцев, главным образом, швейцарцев, консульские документы начала XX в. и прежде полученные годовые билеты-виды на пребывание не только в РСФСР, но и в Российской империи. При некоторых видах на жительство имеются фотографии.

Многие швейцарцы-сыровары желали остаться в советской России, чтобы не оставлять налаженного дела. В первые годы советской власти они работали уже на национализированных сыроваренных заводах, служили в органах губернского совета народного хозяйства, губернском земельном управлении. В фондах этих учреждений сохранились послужные списки и анкеты, собственноручно заполненные швейцарскими гражданами с биографическими данными и сведениями об их деятельности до начала Первой мировой войны и революции 1917 года.

Важную информацию по истории сыроварения в губернии дают опубликованные статистические сведения и отчеты должностных лиц, газетные статьи из «Смоленских губернских ведомостей» и «Смоленского вестника».

Изучение копий писем швейцарского сыровара Альфреда Штеттлера родным за 1885—1899 гг. позволило узнать о важных бытовых деталях работы обычного сыровара-швейцарца в российской глубинке¹⁵. Письма дополнили сведения из мемуаров Н. В. Волкова-Муромцева¹⁶, семья которого владела Хмелитой Вяземского уезда Смоленской губернии в 1895—1917 гг.

Комплекс перечисленных выше источников дал возможность создать достаточно целостную картину деятельности швейцарских сыроваров в Смоленской губернии.

Известно, что в допетровское время на Руси изготавливали «сырный творог» — продукт, полученный путем естественного свертывания молока. Петр пригласил в Россию голландских мастеров-сыроделов. Однако зарождение сыроварения в России относят к концу XVIII в., что связывают с тверским имением князя Ивана Сергеевича Мещерского (1775—1851) Лотошино, где была основана первая сыроварня¹⁷. Согласно справочнику заводов и фабрик России за 1894 г., первый в России сыроваренный завод был открыт в Лотошине в 1812 г. Мастером на нем был швейцарец Иоганес Мюллер, проживавший в имении Мещерского вместе с семьей. Сыр, изготавливаемый в Лотошине, получил название «мещерского». Позже, в 1891 г., в Лотошине была открыта школа сыроварения, где обучение вели швейцарцы¹⁸.

Однако основоположником отечественного сыроварения принято считать Н. В. Верещагина, брата известного художника-баталиста. Николай Васильевич Верещагин (1839—1907), выпускник естественного факультета Петербургского университета, решил освоить азы сыроварения. Для этого он поехал в Швейцарию, где на сыроварнях в деревушке Коппе возле Женевы и близ Фрейбурга изучил приготовление разных видов сыров. Вернувшись в Россию, Верещагин открыл в 1865 г. сыроварню в селе Городне Тверской губернии, а через год — первую русскую крестьянскую артельную сыроварню в селе Отроковичи той же губернии и в семи верстах от Отрокович, в Видогощах, сыроваренный завод на артельных началах, где производили голландский и швейцарский сыры. С 1866 г. сыроварение получило распространение не только в Тверской, но и в Вологодской, Ярославской, Новгородской, Костромской и Вятской губерниях. Сам Н.В. Верещагин нанимал для работы мастеров из Швейцарии (сыроваров), Голштинии и Дании (маслоделов). В 1871 г. в селе Единонове Корчевского уезда Тверской губернии Н. В. Верещагин открыл школу молочного хозяйства. За 27 лет в ней прошли обучение 1200 человек, школа действовала до 1901 г. С целью пропаганды сыроварения и маслоделия в России Н.В. Верещагин много выступал с докладами в различных сельскохозяйственных обществах. Его работы были изданы отдельными брошюрами: «О сыроделии и сыроваренных ассоциациях в Швейцарии» (1866); «О мерах к развитию в России молочного хозяйства на артельных началах» (1869) и «Артельное сыроварение в Новом Свете» (1870); «По поводу неурожая текущего (1891) года». Кроме того, отдельные статьи Н. В. Верещагина были помещены в изданиях Императорского московского общества сельского хозяйства: «Об условиях сбыта коровьего

масла на заграничных рынках» (1869); «Об артельном изготовлении молочных продуктов и о мерах к развитию в России молочного хозяйства» (1871); «О степени жирности молока иностранного и русского скота» (1887) и др.

Примечательно, что перед поездкой в Швейцарию Н. В. Верещагин пытался взять уроки сыроварения у швейцарца, сыроварня которого находилась в Вологодской губернии в 120 верстах от имения отца. Однако тот отказал под предлогом: «Научи вас, русских, делать сыры, нам, швейцарцам, делать будет нечего»¹⁹.

Ко времени, когда Н. В. Верещагин заинтересовался сыроварением, швейцарские сыровары работали во многих российских губерниях. Первые сыровары-швейцарцы появились в России после 1814 г. Первым из них считают И. Мюллера из кантона Берн, выходца из деревни Райхенбах²⁰, работавшего у князя Мещерского в Лотошине.

Первые швейцарские сыровары на Смоленщине получили билеты на пребывание в губернии в октябре 1823 г. В рапорте бурмистра вотчины графа Панина Савелия Смирнова от 24 мая 1824 г. в Сычевский нижний земский суд бурмистр просил выдать швейцарцам Иоганнесу Цвайфелю, Николаусу Вильду, Феликсу Веберу, работавшим в имении Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии у графа Никиты Петровича Панина, новые билеты «на свободное в Сычевском уезде пребывание». Прежние билеты были получены швейцарцами от исправлявшего должность Смоленского гражданского губернатора 12 октября 1823 г.²¹ В новом рапорте в сентябре 1825 г. тот же бурмистр из вотчины графа Н. П. Панина вновь упоминал швейцарцев Иоганнеса Цвайфеля и Николауса Вильда, а также Балтавара Вильда, Елизавету Вильд с дочерью Анной, как «сырных дел мастеров», которые нуждались в новых билетах для дальнейшего проживания в вотчине²². Таким образом, можно утверждать, что первые швейцарские сыровары работали в имении Панина уже в мае 1824 г., а приехали в губернию не позднее 12 октября 1823 г.

В Описании имения Гжатского помещика титулярного советника князя Павла Алексеевича Голицына, составленном в марте 1836 г., в связи с намерением владельца заложить имение в Московский Опекунский Совет, указаны помимо прочего постройки и заведения в селе Алексеяновке (другое название Самуйлово). В описании упоминается, что помимо каменного двухэтажного господского дома, каменной двухэтажной вотчинной конторы, каменной двухэтажной больницы, каменного двухэтажного корпуса для помещения дворовых людей, каменных оранжереи, теплицы и грунтового сарая, пяти деревянных

жилых флигелей, ветряной мукомольной мельницы «о четырех поставах», в имении находится «сыроваренная фабрика с нужными пристройками и двухэтажным подвалом, на которой готовится швейцарским мастером ежегодно сыров до тысячи пудов суммою на восемнадцать тысяч рублей»²³. В Государственном архиве Российской Федерации удалось обнаружить билет от сентября 1836 г., принадлежавший швейцарскому подданному из кантона Берн сыроделу Якову Карлену. Он вместе с женой Анной отправлялся в поместье князя Голицына в Смоленскую губернию²⁴.

В документах канцелярии Смоленского губернатора за 1839 г. упоминается семейство Карлен (Карлин), которое занималось сыроварением в Гжатском уезде. Это были выходцы из кантона Берн швейцарцы Яков Карлен, с билетом от Военного губернатора, и Самуил Карлен, проживавший в губернии по паспорту Швейцарского консульства от 19 апреля 1839 г. за № 809. Оба работали в имении князя Александра Голицына, при этом Самуил Карлен в селе Пречистом. Еще один швейцарец-сыровар Иоганн-Рудольф Карлен с женой Сусанной и двумя сыновьями, имея паспорт от Военного губернатора, жил в имении князя Алексея Голицына²⁵. Судя по «Ведомости об иностранцах», составленной гжатским исправником, Иоганн-Рудольф Карлен в сентябре 1845 г. по-прежнему варил сыр в имении князя Алексея Голицына, проживая в Смоленской губернии по годовому билету от 26 мая 1845 г., выданному исправлявшим должность смоленского губернатора. К этому моменту Иоганну-Рудольфу Карлену было 36 лет, как и его жене Сусанне, их детям Иоганну 7 лет, а Елизавете 4 года. С ними жила племянница Екатерина Карлен 16 лет²⁶.

Яков Карлен с женою Анной и детьми занимался сыроделием сначала в том же Гжатском уезде в имении князя Антона Голицына в селе Столбове. В ведомости в сентябре 1845 г. указано, что Якову Карлену 34 года, его жене Анне 27 лет, детям Ивану 4 года и Елене 3 года. Годовой билет Яков Карлен от 14 июля 1845 г. получил от исправлявшего должность смоленского губернатора²⁷. В сентябре 1846 г. — мае 1847 г. тот же Яков Карлен с женою Анной и детьми уже трудился в Вяземском уезде в селе Новом у помещика Рибопьера. Его билет был продлен до 31 августа 1848 г.²⁸

В селе Пречистом у князя Александра Голицына в сентябре 1845 г. указан сыроваром швейцарец из Берна Иван Готлиб Ребер 30 лет с женой Елизаветой 36 лет и сыном Иваном 2 лет. Иван Готлиб Ребер имел годовой билет от 30 ноября 1844 г., выданный исправлявшим должность смоленского губернатора²⁹.

В селе Самуйлове (другое название — Алексияновка) у князя Павла Голицына в сентябре 1845 г. занимались сыроварением два швейцарца из Берна — Христиан Христианов Витвер и Христиан Ваглобах. Христиан Христианов Витвер 28 лет с женой Сусанной Карлен 27 лет получил годовой билет от 14 июня 1845 г. от исправлявшего должность смоленского губернатора³⁰. Другой сыровар Христиан Ваглобах, 33 лет, жил без семьи, по годовому билету от 24 октября 1845 г.³¹

С 1841 по июль 1849 г. в имении помещиков Логиновых в Сычевском уезде Смоленской губернии изготовлением домашнего сыра занимался швейцарец Давид Карлен. Он упоминается в списках, составленных уездным исправником по предписанию губернских властей³².

Пока швейцарские сыровары были на Смоленщине редкостью, как, впрочем, и в целом в России. В отчете консула Швейцарской конфедерации в С.-Петербурге И. Боненбуста Федеральной директории от 12 января 1844 г. упоминалось, что в России «есть даже несколько швейцарцев-сыроваров, которые производят сыры, внешне такие же, как швейцарские, но, естественно, имеющие другой вкус. Некоторые заработали себе приличные состояния»³³.

Швейцарский сыр считался образцовым. Сравнивая собственные впечатления от хозяйства А. А. Вонлярлярского в Вонлярове Смоленского уезда Смоленской губернии с сообщениями барона Унгер-Штернберга в «Путевых записках», корреспондент «Смоленских губернских ведомостей» Я. Соловьев писал в 1851 г.: «Вонляровский сыр не только не похож на Швейцарский, а далеко уступает Голландскому, к которому он ближе подходит. Он не имеет остроты, пресен и мягок, и имеет еще тот существенный недостаток, что не может долго лежать. Я видел кусок такого сыра, в котором было более гнили, чем самого сыру. Вонляровский сыр продается в Смоленске 20 и 25 коп. сер. за фунт. Возится ли он в Петербург и продается ли там по 60 коп. сер., как говорит г. Унгер-Штернберг, я не знаю. Но только одно непонятно: почему же тогда весь сыр не продается в Петербурге; ибо, если взять почтовую плату за пересылку одного фунта — 10 коп. сер., то и в таком случае он продавался бы в Петербурге вдвое дороже, чем в Смоленске»³⁴.

На Смоленщине промышленное сыроварение даже в середине XIX в. только зарождалось. Если по данным официальной статистики в 1857 г. в губернии было 24 сыроварни³⁵, то в списках заводов по уездам Смоленской губернии, составленных уездными исправниками, сыроваренные заводы упоминаются лишь в Гжатском уезде. В 1859 г. — их пять, а в 1860 г. — семь.

**Сыроваренные заводы в Гжатском уезде Смоленской губернии
в 1859—1860 гг.**

| № п/п | Имя владельца | Местонахождение завода | Годовой доход в 1859 г. | Место сбыта | Годовой доход в 1860 г. | Место сбыта |
|---------------------|---|-----------------------------------|-------------------------|-------------|-------------------------|----------------------------|
| 1 | Кн. Николай Долгоруков | Село Вырубово | 3000 руб. | В Москву | 2470 руб. | В Москву и Санкт-Петербург |
| 2 | Наследники князя Василия Долгорукова, с 1860 г. кн. Варвара Долгорукова | Село Мокрое | 2472 руб. | В Москву | 1152 руб. | В Москву и Санкт-Петербург |
| 3 | Наследники действительного статского советника Павла Ильина | Сельцо Варганово | 1120 руб. | В Москву | 480 руб. | В Москву |
| 4 | Кн. Павел Голицын | Село Самуйлово (Алексияновка тож) | 8400 руб. | В Москву | 4900 руб. | В Москву |
| 5 | Кн. Елизавета Голицына | Село Столбово | 1000 руб. | В Москву | 1000 руб. | В Москву |
| 6 | Кн. Алексей Голицын | Село Пречистое | — | — | 10 345 руб. | В Москву |
| 7 | Кн. Николай Голицын | Село Карманово | — | — | 3737 руб. 50 коп. | В Москву |
| Итого годовой доход | | | 15992 руб. | | 24 084 руб. 50 коп. | |

Источник: ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 684. Л. 17—17 об.; Ф. 1. Оп. 4. Д. 151. Л. 23.

Данные табл. 1 показывают, что сыроварение приносило владельцам доход в среднем от 3 до 3,5 тыс. руб. в год. Можно с уверенностью утверждать, что сыроварение во владениях князей Голицыных (селах Самуйлове, Пречистом и Столбове) связано именно с деятельностью швейцарцев.

Швейцарские сыровары намеренно выбирали имения крупных вотчинников, каковыми были графы Панины в Сычевском уезде и князья Голицыны в Гжатском уезде. Логично предположить, что в таких хозяйствах был породистый скот и имелись большие пастбища. К тому же Гжатский уезд граничил с Московской губернией, что давало возможность организовать сбыт продукции в Москву.

Если до эпохи реформ 1860—1870-х сыроварение на Смоленщине делало лишь первые шаги, то уже в 1878 г. на страницах только что созданной в губернии газеты «Смоленский вестник» появилась примечательная заметка: «Сыроварение в Смоленской губернии составляет не последнюю отрасль сельскохозяйственной промышленности. Находят, что травы наших пастбищ особенно благоприятны для выработки хорошего сыра, и потому швейцарцы охотно работают на сыроварнях Смоленской губернии»³⁶.

Деятельность швейцарских сыроваров становилась стимулом и для предприимчивых крестьян. В том же «Смоленском вестнике» сообщалось, что «с 1 июня (1878 года) в Духовщинском уезде начали варить сыр “честер” — которого еще в губернии не производили. Сыр этот варит не англичанин, а крестьянин той же самой местности, где происходит варка, и выучился он своему ремеслу в школе Н. В. Верещагина, в Тверской губернии. Сыр этот имеет перед Швейцарским то преимущество, что вызревает через шесть недель, что может быть доставлен хорошего качества даже из сборного молока, и потому более удобен для приготовления на артельных сыроварнях. Сбыт этому сыру преимущественно в Англию, в самом городе Честере, от которого он получил имя и где русский честер предпочитают своему местному; первые честеры Духовщинской варки будут 15 июля в продаже в одном из лучших магазинов г. Смоленска и не по дорогой цене — *само собой разумеется, если продукт будет удачен*»³⁷.

Смоленские сыровары в том же 1878 г. получили медали на первой очередной выставке молока и молочных произведений в Москве за швейцарский сыр, честер и «зеленый сыр». Среди обладателей медалей за швейцарский сыр — князь Павел Александрович Голицын и швейцарец Федор Иванович Ягги, работавший в имении графа Гейдена³⁸.

Рост числа сыроварен в Смоленской губернии на рубеже XIX—XX вв. был значителен (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика роста сыроварен в Смоленской губернии
в конце XIX — начале XX в.**

| Годы | Число сыроварен | Число работников на сыроварнях |
|------|-----------------|--------------------------------|
| 1894 | 70 | 225 |
| 1907 | 114 | |
| 1908 | 124 | |
| 1909 | 135 | |
| 1910 | 150 | |
| 1911 | 171 | 525* |

Источники: Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Издание Смоленского губернского земства. Вып. I. Смоленск, 1894. С. 28—29; Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Издание Смоленского губернского земства. Вып. II. Смоленск, 1896. С. 433; Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. Издание Смоленской губернской земской управы. Смоленск, 1912. С. 168, 170.

Сыроварни были во всех 12 уездах губернии³⁹. При этом швейцарские подданные, сведения о которых удалось найти в архивных документах, имели сыроварни в 9 из 12 уездов Смоленской губернии. Обычно швейцарцы выступали арендаторами сыроварен у помещиков, реже были владельцами самой сыроварни и небольшого участка земли, собственно под строениями и близ сыроваренного завода. Тем не менее были и исключения. Так, в 1878 г. швейцарский подданный Иван Иванович Ленгахер выставил на продажу собственное имение при селе Марьине и в пустоши Тарасовой Дорогобужского уезда общей площадью 1150 десятин⁴⁰.

* Следует учитывать, что при каждой сыроварне имелось стадо коров и 15—25 скотников, пастухов, доярок, а потому реальное число занятых в производстве значительно выше (Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Издание Смоленского губернского земства. Вып. II. Смоленск, 1896. С. 433).

Что представляла собой средняя сыроварня? Проводивший санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии Д. Н. Жбанков в начале 1890-х гг. указывал, что на каждой сыроварне занято обычно от 3 до 6 человек: один мастер и от 2 до 5 рабочих. На вспомогательных работах (пастухи, доярки и др.) рабочих в два, а то и в четыре раза больше, чем сыроваров. «Сыроварни пользуются исключительно ручной силой, на некоторых для сбивания масла применяется ножная сила женщин, приводящих в движение ногами маховое колесо. Для сыроварен устраиваются особые помещения и подвалы, но все дело ведется очень просто и каких-либо сложных приборов не требуется; сравнительно более сложные приборы нужны для приготовления масла»⁴¹ (имеется в виду конная сила и использование паровых двигателей⁴²). В год на средней сыроварне перерабатывали до 15 тыс. ведер молока в год⁴³.

В 1911 г. по заданию Смоленского земства была описан сыроваренный завод швейцарского подданного Федора Яковлевича Линдера в сельце Митюренки Духовщинского уезда. Сыроварением на предприятии занимались сам Ф. Я. Линдер и его сын. Сыроваренный завод состоял из ряда построек: здания, где под общим навесом находились парня, собственно сыроварня и соляница. Отдельно располагались: ледник, конюшня, а также подвал для выдержки сыра. Всего земли, в том числе под заводскими зданиями, — 96 десятин. Линдер был владельцем завода и земли при нем. В 1910 г. сыроваренный завод Линдера произвел 350 пудов русско-швейцарского сыра и 30 пудов подсырного масла, переработав 5500 ведер молока. Сыр отправлялся в Москву. Цена пуда сыра составляла 9 руб.⁴⁴

Что привлекало швейцарских сыроваров в Смоленскую губернию? Вероятно, тому было несколько причин. Среди них — качество скота: помещики губернии разводили в имениях рогатый скот симментальской и альгауской пород. Большинство сыроварен располагались в крупных помещичьих имениях и снабжались «исключительно молоком коров, принадлежащих владельцу экономии: на других скупается молоко у крестьян окружающих деревень»⁴⁵. На Смоленщине значительные площади были заняты заливными лугами: в 1890-х гг. — это 88 962 десятины земли, сена накашивали до 50 млн пудов⁴⁶.

К концу XIX в. в губернии появилась сеть железных дорог. В 1868 г. была открыта Рижско-Орловская железная дорога, предназначавшаяся для экспорта хлеба из черноземных губерний через Рижский порт. В 1870 г. было начато движение по дороге Москва—Смоленск, в 1871 г. — Смоленск—Брест (так называемая Александровская железная дорога). На участке

Вязьма—Калуга движение было открыто в 1870 г., а по всей Сызранско-Вяземской дороге, имевшей хлебовозное значение, — в 1874 г. Кроме того, с 1888 г. была построена дорога Вязьма—Ржев, а в 1899 г. — дорога Смоленск—Козлов (ныне Мичуринск), обеспечив перевозки хлеба от Саратова к балтийским портам. «Все перечисленные дороги были однопутными, но на Московско-Брестской дороге по настоянию военного ведомства в 1877 году было проведено сооружение вторых путей»⁴⁷.

Земские статистики в начале XX в. сообщали, что главным потребителем сыра являлась Москва, а потому наиболее активно была задействована Московско-Брестская железная дорога⁴⁸, по которой только в 1909 г. было отправлено 107,2 тыс. пудов всех молочных грузов, или 67 % всей отправки губернии⁴⁹. Помимо Москвы сыр вывозился в Петербург, Харьков, Киев и другие города. «В губернии сыра остается ничтожное количество — около 3,4 %. Наоборот, до 75 % масла потребляется внутри губернии, преимущественно в Смоленске и уездных городах».

Сыроделие и маслоделие тесно связаны: «Едва ли не все сыроварни являются в то же время и маслоделками; на них готовится постоянно масло из остающейся после сыра сыворотки, а зимой, когда молока от коров получается мало для сыроварения, оно все идет на приготовление масла»⁵⁰.

В начале XX в. ассортимент продукции смоленских сыроварен был достаточно широк: «Сыры были преимущественно твердые — голландский и русско-швейцарский и в меньшем количестве — мягкие: бакштейн, тильзитский, мальбри, бри, невшаталь, комамбер, честер и другие. Маслодельни вырабатывали масла: подсырное, получаемое от пропуска сыворотки через сепаратор и сливочное (разных сортов), получаемое от пропуска через сепаратор цельного молока»⁵¹. Для примера: согласно рекламе в 1903 г. в г. Смоленске в молочной швейцарца Эдуарда Петровича Витвера можно было приобрести молоко, сливки, масло сливочное (голштинское соленое и русское); сыры (русско-швейцарский, бакштейн, голландский и др.), а братья К. и А. Витвер вели торговлю молоком, сметаной, творогом и «разными мелкими сырами», а также русско-швейцарским сыром⁵².

Один из швейцарского семейства Витвер — Христиан — уже упоминался нами как сыровар в имении князя Голицына в Самуйлове в 1845 г. В рекламе речь идет о 1903 г., и снова — Витверы. Это не случайность.

Инструктор молочного хозяйства Смоленской губернии В. А. Маковский в своем отчете за 1900 г. отмечал, что сыроварни основываются «сырорами, приехавшими из Швейцарии

попытать счастья на русском молоке, или близкими родственниками уже прижившихся к России и давно работающих у нас сыроваров-швейцарцев. Эти сыновья и племянники работают с известной поддержкой своих отцов и дядей, сыроваров уже нам знакомых, и преследуют одну цель — заблаговременно, пока не распался тот или иной крупный центр, или пока жив и процветает дядя в том или ином пункте, создать себе самостоятельную деятельность. Или же просто расширить сеть своих заводов и вместе с тем благосостояние»⁵³. В отчете В. А. Маковского, в частности, говорится: «Мне известны целые серии сыроварен, принадлежащих одной фамилии. Если подсчитать общее количество перерабатываемого молока во всех этих пунктах одной какой-нибудь фамилией, то цифра эта возрастает в ином случае почти до 100 000 ведер ежегодно. Таковы семейства Витвер, Карлен и др.»⁵⁴

Действительно, одни и те же фамилии швейцарцев, являвшихся родственниками, — скорее правило, нежели исключение. Особенностью швейцарской миграции в Россию являлось поддержание и укрепление семейных связей, стремление к расширению швейцарской колонии. Если вспомнить первых швейцарцев-сыроваров из семейства Карлен, то даже покидая имение и налаженное производство, перебираясь на новое местожительство в губернии, швейцарец Самуил Карлен оставлял сыроварню другому швейцарцу Ивану Готлибу Реберу. К тому же подавляющее большинство швейцарцев-сыроваров были из одного кантона Берн.

В архивных документах начала XX в. упоминаются четверо сыроваров из большой семьи Карлен, которые трудились в Ельнинском уезде в имении Мачулы у известного смоленского помещика А. А. Энгельгардта⁵⁵. Трое представителей фамилии Витвер к 1916 г. занимались сыроварением в Смоленском уезде, а один — в Рославльском уезде⁵⁶.

Распространенной фамилией среди швейцарцев-сыроваров было семейство Бергеров. В документах встретилось шесть представителей этой фамилии без учета жен и детей. Бергеры в начале XX в. трудились в Ельнинском (1), Краснинском (2), Смоленском (2) и Сычевском (1) уездах губернии⁵⁷. Сыровары Даувальдеры были владельцами пяти сыроварен из семнадцати в Бельском уезде и двух из девяти — в Гжатском уезде.

Обычно швейцарские сыровары ехали в Россию к родственникам, но были и «первопроходцы». К ним можно отнести швейцарца Вальтера-Альфреда Штеттлера (1869—1908), который в возрасте 21 года отправился в Россию к другу Фрицу Виссу, работавшему сыроваром в селе Александровском Вяземского

уезда. До своей поездки в Россию Альфред Штеттлер уже трудился сыроваром в Западной Пруссии, а в 1890 г. решил попытаться счастья в России. Главная причина поездки Штеттлера в Россию, как и многих его соотечественников, — стремление заработать средства и обзавестись собственным хозяйством. После необходимых походов в швейцарское консульство и русское посольство Штеттлер отправился в Россию: сначала в Минск, а затем через Смоленск и Вязьму — в Москву, где от швейцарского консула получил рекомендации к швейцарцу Дубаху, который имел в Москве большую сырную лавку. «Дубах — это пожилой добродушный мужчина, который в России с 1853 года, он объяснил мне кое-что из русских понятий и сказал, что это очень рискованное дело приезжать сюда, не имея рекомендаций, то есть только лишь из-за заработка и ради путешествия» (Письмо от 1 апреля 1890 г.). Дубах дал Штеттлеру точный адрес Ф. Висса и объяснил, как добраться. Дубах как старожил и торговец сыром был связан и со смоленскими сыроварами, потому мог дать Штеттлеру хорошую консультацию. Прожив у Ф. Висса два месяца, Альфред Штеттлер получил место сыровара в селе Никольском Вяземского уезда у вдовы Карлен, уроженки кантона Берн. В своих письмах родным Альфред сообщал, что в сезон в Никольском делают каждые два дня три вида сыра (Письмо от 17 мая 1890 г.). Альфред критически относился к возможности изготавливать на Смоленщине сыр высокого качества: «Делать сыр здесь очень тяжело, то есть здесь в Смоленской губернии. Наиважнейший и первейший фактор в Швейцарии, чтобы сделать хороший сыр, — нужно хорошее и свежее молоко. То есть, которое при доении отвечает высоким требованиям. Таков порядок». Штеттлер сокрушался, что крестьяне не придерживаются элементарных гигиенических правил, постоянно нарушают график доения коров. В результате «производство сыра здесь находится в убогом состоянии по сравнению со Швейцарией, а в России это считается хорошим» (Письмо от 25 июля 1890 г.). Штеттлер сообщал родным цены на молоко (30—35 коп. за ведро) и готовый сыр (8—10 руб. за пуд хорошего и 2—3 руб. за пуд сыра плохого качества). Альфред признавался, что в первый год его пребывания в России примерно 20 кусков сыра не удалось из-за низкого качества молока, но он искренне радовался первым своим успехам в России. Сваренный им сыр «прекрасный, так что все другие сыроделы удивляются, что я в первый же год в России смог сделать такой сыр. /.../ образец формы и вкуса. /.../. Нужно быть эмментальцем, чтобы делать такой сыр. Здесь

в Смоленской губернии большое число швейцарцев и других жителей северных земель. Эмментальцы только Фриц Висс и автор этих строк» (Письмо от 10 марта 1891 г.).

Чтобы обеспечить сыроваренный завод достаточным количеством молока, его приходится привозить из округи, иногда из шести селений, самое ближнее в двух верстах от завода, самое дальнее в восьми (5 верст — 1 час езды). Обычно изготавливалось в сезон ежедневно два-три вида сыра. «Сыроварня здесь устроена на русский манер. /.../ переделана из старого хлеба для свиней, но несмотря на это мы делаем здесь хороший сыр. Торговля сыром должна идти в этом году хорошо, хотя пока еще ничего не распродано. У меня дела идут хорошо. Я получаю свою зарплату в зависимости от цен на сыр. Если сыр продается по 7 рублей, то я получаю 250 рублей. Если по 8 рублей, то 300 рублей — это составляет 20 %. У нас будет примерно 800 пудов сыра, масло продаем мы по 8 рублей за пуд» (Письмо от 27 сентября 1891 г.). В другом письме Альфред сообщал, что «сыры мы продали этому Дубаху в Москву по 8 рублей 50 копеек. Жалованье получилось 370 рублей. Итак, центнер продается по 75 франков, что при такой организации и таком порядке довольно-таки хорошо» (Письмо от 14 декабря 1891 г.).

Альфред все время лелеял мысль о возможном отъезде, избирая мечтой то Сибирь, то Америку. Но вскоре Альфред был помолвлен с дочерью швейцарского сыровара Фридриха Шильдта из Хмелиты Вяземского уезда — Магдаленой. И мысли об отъезде были отложены: «Как я вычитал из газет, торговля сыром в Швейцарии пойдет на спад. В России же дела будут обстоять совершенно по-другому. Здесь в России мало чем рискуем или, можно сказать, вообще ничем. Хороший сыр здесь всегда продается по хорошей цене. Ну а плохой, как и везде. Я сейчас делаю здесь голландский сыр, такого в Швейцарии я не делал, это такие маленькие сырные шарики весом по 5—6 фунтов. Если я приеду в Швейцарию, то обязательно парочку привезу» (Письмо от 12 марта 1892 г.).

Свадьба с Магдаленой Шильдт состоялась 13 мая 1892 г. в Смоленске. В евангелическо-метрической книге лютеранской церкви (запись № 10 за 1892 г.) указано, что первым браком сочетались Вальтер-Альфред Штеттлер, 23 лет, швейцарский гражданин, сыровар в Хмелите Вяземского уезда Смоленской губернии, и Магдалена Шильдт, 25 лет, дочь швейцарского гражданина Фридриха Шильдта. Вальтер-Альфред Штеттлер родился в Швейцарии, мать его умерла, а отец Симон Христиан Штеттлер был жив. Магдалена Шильдт родилась в Смоленской губернии, родители ее были живы на момент заключения бра-

ка⁵⁸. Сведения о родителях в метрическую книгу вносились, чтобы зафиксировать факт родительского благословения. Благодаря браку с Магдаленой Шильдт Вальтер-Альфред Штеттлер и его друг Фриц Висс стали свояками: их жены были родными сестрами.

Тесть Фридрих Шильдт передал сыроварню в Хмелите под управление Альфреда, это окончательно изменило настрой молодого человека: он решил остаться в России. «Сыр здесь производится хорошего качества и если дальше так пойдет, то, надеюсь, у нас будет своя прекрасная сыроварня» (Письмо от 14 июня 1892 г.). Постепенно Альфред Штеттлер привык к российской глубинке и занял достойное место в швейцарской колонии.

В воспоминаниях Н. В. Волкова-Муромцева, семья которого владела Хмелитой Вяземского уезда, упоминается сыроварня Шильдта: «В Хмелите была сырная фабрика. Принадлежала она старому швейцарцу Шильдту. Он был старшиной всех смоленских сыроваров, которых было более двадцати в Вяземском, Бельском, Сычевском, Дорогобужском и Духовщинском уездах. У старого Шильдта было много сыновей и племянников, его дочери, за исключением младшей Софки, были замужем за сыроварами. Софка младшая была немного глумная и вышла за крестьянина хмелитской деревни.

Много времени в детстве я проводил в сыроварне. К 1910 году мой отец отстроил новый дом для Шильдта и сыроварню с сырным складом на первом этаже.

Это была колоссальная выгода для окружающих крестьян и для нас. Шильдт устроил производство грюера, крестьяне удвоили количество коров и стали интересоваться качеством. Шильдт скупал все молоко, которое ему привозили. Недалеко, в четырех верстах, в Григорьевском у Лыкошиных, был сыроваром его сын Карл, в Старом Селе, в десяти верстах, сын Рудольф. Как ни странно, пятипудовые круги смоленского грюера Шильдт вывозил в Швейцарию. Оттуда он, вероятно, возвращался в Россию и в другие страны как швейцарский грюер. Сыр был великолепный. И нам, и крестьянам сыр продавался за полцены»⁵⁹. В архивных документах встречается информация о Карле, Рудольфе Шильдах (буква «д» в фамилии часто опускалась. — *A.T.*), проживавших и занимавшихся сыроварением в Вяземском уезде⁶⁰.

В этом небольшом отрывке из мемуаров многое подмечено: стремление швейцарцев, несмотря на долгое пребывание в русской среде, сохранить взаимные связи (родственные, дружеские, профессиональные); желание их уберечь свои традиции; умение поддерживать высокое качество производимой продук-

ции, а для этого много трудиться; наконец, правильно организовать сбыт продукции для получения максимальной прибыли. Все это отвечало особенностям национального характера швейцарцев: любовь к своей родине, совесть, трудолюбие, прагматизм⁶¹.

Проследить карьеру некоторых швейцарских сыроваров на протяжении значительного времени позволяют делопроизводственные документы Государственного архива Смоленской области. Вот история швейцарца Вильгельма Христиановича Ленгахера, 1876 г. рождения. Он окончил «высшую промышленную школу», приблизительно с 1893 г. с семьей жил в России. На Смоленщине В.Х. Ленгахер занимался сыроварением при крупных имениях (сначала в Вяземском уезде в Масолове, а с сентября 1916 г. в Дорогобужском уезде — Федоровщине)⁶². Другой швейцарец, Эдуард Христианович Даувальдер, 1872 г. рождения, уже родился в России. Здесь получил домашнее образование (7 лет обучался при учителе), овладел русским и немецким языками, женился и обзавелся детьми. С 1902 г. работал сыроваром и маслоделом «в имениях Сычевского уезда у князя Урусова, у Н.А. Хомякова и в Гжатском уезде у Шапошниковых», а затем с 1906 г. вел дела «по сельскому хозяйству самостоятельно»⁶³.

Несмотря на то что сыроварением в Смоленской губернии стало заниматься местное население, швейцарские сыровары продолжали свою деятельность на Смоленщине. По сведениям Всеобщей переписи населения 1897 г., в Смоленской губернии находился 591 иностранный подданный, при этом Швейцария занимала первое место по числу иностранцев, проживавших на Смоленщине (282 человека, или 47,7 % от общего числа иностранных подданных), на втором месте была Германия (201 человек, или 34 %), на третьем месте — Австро-Венгрия (55 человек, или 9,3 %)⁶⁴. После 1900 г. поток швейцарских сыроваров продолжал расти, о чем свидетельствуют документы Смоленского губернского жандармского управления.

С началом Первой мировой войны благополучие швейцарской колонии было подорвано, а в годы революции и Гражданской войны практически уничтожено.

Примечания

¹ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997; Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных про-

цессов на Российскую империю: вторая половина XIX — начало XX столетия // Логос. 2004. № 5. С. 201—215 и др.

² Степанов А.И. Русские и швейцарцы: Записки дипломата. М., 2006. С. 305. Со ссылкой на: Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. R. Bühler, H. Gander-Wolf, C. Goehrke, U. Rauber, G. Tschudin, J. Voegeli. Zürich, 1985. S. 203, 370, 491, 495—497, 500—501.

³ Степанов А.И. Указ. соч. С. 336, 305.

⁴ Schweizer im Zarenreich. S. 519.

⁵ Rauber U. Schweizer Industrie in Russland: Ein Beitr. zur Geschichte der industr. Emigration, des Kapitalexportes u. des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760—1917) / Urs Rauber. Zürich, 1985. S. 460.

⁶ Tschudin G. Schweizer Käser in Russland. Zürich, 1988.

⁷ Tschudin G. Schweizer Käse im Zarenreich. Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhner und Bauerntöchter. Zürich, 1990. S. 328.

⁸ Steinegger K. Die unglaubliche Erzählung des Alfred Hofer. Taschenbuch, Simowa. S. 115.

⁹ Степанов А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 120—151; Его же. Русские и швейцарцы: Записки дипломата.

¹⁰ Россия—Швейцария, 1813—1955: Документы и материалы. М., 1995.

¹¹ Филиал Государственного архива Смоленской области (далее — ГАСО) в г. Вязьме. Ф. 89. Оп. 1. Д. 357. Л. 55.

¹² Государственный архив Смоленской области (далее — ГАСО). Ф. 204. Д. 11, 12, 13.

¹³ Там же. Ф. 815. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—12.

¹⁴ Там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518, 533.

¹⁵ Автор статьи выражает искреннюю благодарность сотрудникам музея имени А. С. Грибоедова в Хмелите Вяземского района Смоленской области за возможность использования данного источника.

¹⁶ Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902—1920). М., 1997.

¹⁷ Сахаров И. В. Мещерские // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. М., БРЭ. 1994. Т. 3. С. 572—573.

¹⁸ Шереметев С. Д. Лотошино. М., 1899.

¹⁹ Молочное хозяйство, сыроварение и скотоводство. Сост. по новейшим русским и иностранным источникам и трудов известных специалистов, как-то: придвор. ветеринара Пашкевича, проф. Менделеева, Л. Черняева и др. / Изд. под ред. русского сыровара и фермера Д. Серова. Санкт-Петербург, 1872. С. 4, 38, 41, 257—276; Кондратьев М.Н. Памяти Н. В. Верещагина // Молочное хозяйство. 1907. № 1. С. 271—389.

²⁰ Степанов А.И. Русские и швейцарцы: Записки дипломата. С. 306.

²¹ Филиал ГАСО в г. Вязьме. Ф. 89. Оп. 1. Д. 357. Л. 55.

²² Там же. Ф. 89. Оп. 2. Д. 442. Л. 146.

²³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Описание имений. Л. 169.

- ²⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Оп. 122. Д. 15. Л. 2—2 об.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 11—11 об. Рапорт неперменного заседателя Гжатского земского суда № 6380 31 декабря 1839 г. смоленскому губернатору и ведомость об иностранцах, проживающих в Гжатском уезде.
- ²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 283. Л. 12.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. Л. 17, 52.
- ²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 283. Л. 12.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 13.
- ³² Филиал ГАСО в г. Вязьме. Ф. 89. Оп. 3. Д. 353. Л. 7 об.; ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 283. Л. 6 об.; ГАСО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 785. Л. 12 об., 34 об.
- ³³ Цит. по: Россия—Швейцария, 1813—1955. С. 89.
- ³⁴ Соловьев Я. Смоленская губерния по наблюдениям барона Унгер-Штернберга // Смоленские губернские ведомости. Прибавление. 1851 год. № 45. Часть неофициальная. С. 317—321.
- ³⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Смоленская губерния. Составил генерального штаба штабс-капитан М. Цебриков. СПб., 1862. С. 227.
- ³⁶ Смоленский вестник. 1878. 11 (23) июня. С. 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Смоленский вестник. 1878. 19 октября (1 ноября). С. 1.
- ³⁹ Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. Издание Смоленской губернской земской управы. Смоленск: Электротиполитография Я. Н. Подземского, 1912. С. 169. В 1911 г. лидерами по числу сыроварен были уезды: Духовщинский — 38 сыроварен, Бельский — 28 и Дорогобужский — 16, а наименьшее число сыроварен в Рославльском уезде — 5.
- ⁴⁰ Смоленский вестник. 1878. 18 (30) июня. С. 4.
- ⁴¹ Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Вып. I. Смоленск, 1894. С. 7.
- ⁴² Там же. С. 4.
- ⁴³ Отчет инструктора молочного хозяйства Смоленской губернии В.А. Маковского за 1900 год. Смоленск, 1900. С. III—IV. Выражаю благодарность Ю. Шорину, предоставившему информацию об этом издании.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 815. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—12.
- ⁴⁵ Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Вып. I. С. 7.
- ⁴⁶ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30 а. С. 550.
- ⁴⁷ Ковалев Ю. П. Транспорт // Смоленская область: Энциклопедия. Смоленск. СГПУ, 2003. Т. II. С. 516.
- ⁴⁸ Краткие хозяйственно-статистические сведения... С. 160.
- ⁴⁹ Там же. С. 160.

⁵⁰ Жбанков Д.Н. Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Вып. I. С. 7.

⁵¹ Краткие хозяйственно-статистические сведения С. 168.

⁵² Памятная книжка Смоленской губернии на 1903 год. Смоленск, 1902. Вклейка.

⁵³ Отчет инструктора молочного хозяйства Смоленской губернии В. А. Маковского за 1900 год. Смоленск, 1900. С. III—IV.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 57 об.—58, 133 об.—134, 181 об., 183. Об усадьбе подробнее см.: Тихонова А.В. Смоленская усадьба «Мачулы» // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2001. Вып. 7 (23). С. 450—456.

⁵⁶ Информация о сыроварах Витверах см.: ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 5 об.—6, 17 об.—18, 42 об.—44 и др.; Д. 498. Л. 35.

⁵⁷ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 24 об.—25; 45 об.—46, 114 об.—115, 125 об.—126, 203 об.—204, 217 об.—218, 255 об.—256, 293 об.—294, 403 об.—404.

⁵⁸ ГАСО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 12. Л. 70 об.—71.

⁵⁹ Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902—1920). М., 1997. С. 72—73.

⁶⁰ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 584. Л. 85; ГАСО. Ф. Р-78. Оп. 1а. Д. 87. Л. 366.

⁶¹ Степанов А.И. Русские и швейцарцы: Записки дипломата. С. 302.

⁶² ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 518. Л. 56 об.—57, 134 об.—135, 183 об.—184.

⁶³ Там же. Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 488. Л. 1.

⁶⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XL. Смоленская губерния. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1904. Краткий обзор цифровых данных по Смоленской губернии. С. XVI—XVII.

*И.В. Маслова**

Стахеевы — предприниматели и благотворители**

Среди главных ресурсов стратегического значения, позволяющих современной России вступить на путь стабильного развития, следует выделить предпринимательство как структуру со специфической шкалой ценностей, культурой отношений и деловой этикой, гибко встроенную в социально-экономическую систему. При этом не следует забывать, что судьба предпринимательства определяется историческими эпохами, каждая из которых порождает свои уникальные образцы предприимчивости, ее масштабы, объем, право и мораль.

В последние годы предпринимательство в нашей стране стало играть все более заметную роль в подъеме различных отраслей экономики. Однако при этом остается открытым вопрос, в какой мере обеспечивается приоритет основополагающих экономических целей национальной экономики над конъюнктурными корпоративными интересами. Поэтому эффективное развитие рыночной экономики в России требует не только создания конкурентоспособного производства на базе новых приемов хозяйствования и управления, внедрения прогрессивных технологий и форм организации производства, но и формирования нового экономического менталитета российских предпринимателей.

Как показывает история, наибольших успехов в сфере бизнеса достигли именно те предприниматели, которые помимо получения прибыли стремились решать острые социальные проблемы общества, кто занимался благотворительностью и меценатством. Их созидательная деятельность была направлена на достижение высоких нравственных и этических ценностей общественного значения. При этом в России на протяжении многих столетий закреплялся приоритет духовно-нравственного начала над материальным, гармонизация индивидуального и

* Маслова Инга Владимировна — кандидат исторических наук (Елабужский государственный педагогический университет).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Менталитет уездного купечества XIX — начала XX вв.: на примере купеческих династий Казанской и Вятской губерний», проект № 07-01-29101a/B.

коллективного труда. Доминирующей основой предприимчивости был не только экономический успех, но и служение общественно значимой идее.

Яркий пример организации активного предпринимательства в сочетании с широкомасштабной благотворительной и общественной деятельностью в России XIX — начала XX в. дает купеческая династия Стахеевых.

Елабужские купцы Стахеевы играли видную роль в жизни Прикамского края. Новый человек, посетивший Елабугу, небольшой уездный городок в Вятской губернии, с первой минуты слышал «о местных воротилах». Они же определили и облик города. Прекрасные добротные дома, ставшие украшением города, многочисленные магазины и лавки принадлежали Стахеевым. Не случайно журналист Н. Никифоров в своих путевых заметках писал: «Вообще Кама полна стахеевского влияния. Имя Стахеева на устах всего прикамского люда, имеющего хотя бы малейшее соприкосновение с торговлей, а елабужане прямо говорят, что только «Стахеевыми и держимся»¹.

В дополнение к сказанному приведем выписки из путевого дневника А. Макка (А.А. Городкова), где он очень образно характеризует купцов Стахеевых. Путешественник добирается на пароходе до Святого Ключа и начинает разговор о Стахеевых: «красивый уголок этот носит название «Святого ключа» имение принадлежит Стахеевым. Собственно, мне следовало бы, еще говоря о Челнах или Елабуге, упомянуть эту фамилию местных крезов. Но я умышленно отложил это до Святого Ключа, чтобы не повторять через строчку имя этих королей среднего Прикамья У них денег множество они чем только не занимаются: хлебное дело у них, винокурение, мануфактура, бакалея, своих баржей до сотни, пароходов свыше десятка. В имении у них электричество, и лодки моторные и автомобили»². Это был могущественный род, который опирался на огромные капиталы, созданные в течение веков.

Иван Иванович Стахеев (1807—1885), купец-миллионер 1-й гильдии, уже в середине XIX в. развернул широкие торговые операции по всей России, наладил чайную торговлю с Китаем (через Кяхту). К концу XIX в. Стахеевы организовали уже три торговых дома, ставшие крупнейшими хлеботорговыми фирмами Прикамья. Им принадлежали десятки промышленных предприятий, среди которых мельницы, пивоварни и винокуренные заводы, электрическая станция, буксирные пароходства, насчитывавшие сотни хлебных и нефтеналивных барж.

Вершиной предпринимательской деятельности династии стал концерн Путилова—Стахеева—Батолина, организованный

в 1917 г. по инициативе Ивана Ивановича Стахеева (1869 — год смерти неизв.). Концерн Стахеева стал крупнейшим монополистическим предприятием дореволюционной России. Он контролировал важнейшие сырьевые базы, предприятия основных отраслей российской промышленности (нефтяной, металлургической, легкой, пищевой и др.), железные дороги, крупные банки. Годовой баланс головного общества концерна в 1917 г. составлял 300 млн руб., а обороты всех предприятий, связанных с концерном, исчислялись миллиардами³.

В фирмах Стахеевых присутствовал особый корпоративный дух, в котором воплотились православные традиции, связанные с единением и сближением людей. Семейный характер предпринимательства, свойственный Стахеевым, способствовал созданию особой системы отношений, основанной на взаимной связи и взаимной ответственности членов рода, которые буквально жили общим делом.

Во второй половине XIX в. в Елабуге осуществляли торговлю сразу пятнадцать членов династии. Объемы торговых операций были различны. В роду Стахеевых были миллионеры, предпринимательская деятельность которых простиралась по всей России. Среди них Иван Иванович, Дмитрий Иванович (1819—1888), Иван Григорьевич (1837—1907). Торговля купцов среднего достатка ограничивалась территорией Елабуги. Например, Владимир Иванович Стахеев (1838 — год смерти неизв.), купец второй гильдии, владел лавкой с мануфактурным товаром, годовой оборот которой составлял 5000 руб.⁴ В целом к середине XIX в. торговое предпринимательство стало семейным бизнесом. Рожденный в роду Стахеевых обязан был продолжить семейное дело — такова традиция династии. В этой связи вполне закономерным выглядит решение Ивана Ивановича лишить сына Дмитрия Ивановича, который нашел себя на литературном поприще, средств к существованию и доли наследства. Ведь основное наследство — это семейное дело, и отказ от него означал отказ от сложившихся традиций, а значит, и от семьи.

Расширение коммерческих операций требовало привлечения дополнительных ассигнований. Для достижения этой цели сыновья Григория Ивановича (1815—1854), Иван и Василий, организовали в 1865 г. полное товарищество под фирмой «Григория Стахеева сыновья — Елабужские купцы».

Наследники каждого из братьев выступили учредителями собственных семейных торговых домов «В.Г. Стахеев и наследники» и «Иван Григорьевич Стахеев». Такое деление бизнеса позволило теперь уже двоюродным братьям, во избежание конкуренции между собой, распределить сферы влияния и товарные рынки

Прикамья, что в конечном итоге способствовало дальнейшему расширению предпринимательской деятельности. Так или иначе, семейное дело оставалось главным предметом заботы и внимания каждого члена большого купеческого рода.

Семейные устои, особая отеческая забота характеризовали отношения, сложившиеся внутри фирмы и каждого структурного подразделения. На торгово-промышленных предприятиях Стахеевых трудился целый штат приказчиков. В небольших торговых точках, таких как пивные лавки или трактиры, работали по одному приказчику первого класса. В крупных лавках и магазинах, а также на промышленных предприятиях работали от двух до восьми приказчиков первого и второго классов.

Согласно Российскому законодательству приказчиком назывался всякий, кто управлял торговыми делами своего хозяина или исполнял его поручения в течение определенного времени⁵. Приказчики делились на два класса: к первому принадлежали главные приказчики, ко второму — их помощники и другие торговые служащие. Срок службы приказчика, размер жалованья, условия жизни зависели от договора с хозяином. Тяжелое положение приказчиков в Российской империи XIX в. не раз становилось предметом оживленных дискуссий на страницах периодических изданий. Обращалось внимание на различные стороны их жизни: имущественное положение, уровень образования и т.д. Н. Котолин, автор статьи «О положении приказчиков», опубликованной в «Волжском вестнике», указывал, что заработная плата большинства приказчиков составляла не более 200 руб., «что касается приказчика, получающего 500 руб., то у «солидного» купца такой, вероятно, один, для «выставки»⁶.

Стать приказчиком стaxeевской фирмы считалось не только большой удачей, но и огромной честью. Человек, получивший место в фирме, старался сохранить его за собой путем добросовестного выполнения возложенных на него обязанностей. Он не меньше хозяев был заинтересован в процветании стaxeевского дела, которое гарантировало ему не только регулярный и неплохой заработок, возможность карьерного роста, но и определенные социальные дотации.

Размер жалованья стaxeевских приказчиков колебался от 200 до 600 руб. в год и зависел от стажа работы и от объемов торговли, осуществляемой в торговом заведении, где он служил. Например, приказчик первого класса, торговавший в винной лавке с годовым оборотом 4000 руб. в селе Танайка, получал жалованье 200 руб. в год. Приказчик того же класса, работавший в заведении по тому же профилю и с такими же размерами денежных оборотов в селе Котловка, получал до 300 руб. Повыше-

ние жалованья было вызвано увеличением срока службы последнего в фирме И.Г. Стахеева. Наибольший размер жалованья устанавливался для приказчиков, занятых в крупных торговых предприятиях. Например, приказчик первого класса М.Я. Назаров, руководивший от имени И.Г. Стахеева торговлей в гуртовой лавке с годовым оборотом 400 000 руб., получал жалованье в размере 600 рублей⁷.

Приказчики Стахеевых пользовались льготами при покупке товаров в торговых точках фирмы. Они могли брать в лавке или магазине продукты под запись в специальной книге, при этом сумма долга не вычиталась из жалованья. «На Святочной неделе доверенный Стахеева подводил итоги, т.е. производил учет товаров, приход-расход и делал выводы. После этого он с ведома хозяев фирмы подзывал задолжавшего служащего и, поблагодарив за хорошую работу, ставил крест на долге, т.е. прощал долг»⁸.

Практиковали Стахеевы и единовременные выплаты своим служащим, по особым случаям. Д.И. Стахеев в домашнем духовном завещании, помимо детального выделения имущества каждому члену семьи, в отдельном разделе завещает всем своим служащим, «кроме доверенных братьев Атамановых и Гуничева, как людям по содержанию более обеспеченным», выдать единовременные годовые оклады. Служанке, которая проработала в семье Стахеевых более двадцати лет, Дмитрий Иванович сверх выдачи единовременно годового жалованья назначает своего рода пожизненную пенсию по 100 руб. в год⁹.

Поддерживали Стахеевы и семьи своих служащих. Елабужанка В.А. Черемных (в девичестве Бусыгина) вспоминала, что ее отец Александр Петрович Бусыгин служил приказчиком у И.Г. Стахеева. Хозяин отправил его на работу в Рыбинск, где у Стахеевых были торговые предприятия, оттуда его мобилизовали в армию (началась Первая мировая война). Пока Александр Петрович находился в армии, Стахеев выплачивал супруге своего приказчика его жалованье. Более того, оплачивал обучение его дочери в женской гимназии, а сына — в реальном училище.

Родители Василия Александровича Чикина работали у Стахеева: отец Александр был приказчиком, а мать Екатерина Максимовна работала на Святом Ключе, ухаживала за садом. В.А. Чикин вспоминает, что им, детям приказчиков, к каждому большому празднику (Рождество, Пасха), а иногда и ко дню рождения присылали подарки от Стахеева.

Корреспондент из Елабуги, неоднократно поднимавший вопрос о необходимости праздничного отпуска для приказчиков на страницах «Волжского вестника», справедливо замечал, что

только три фирмы в городе предоставляют приказчикам право отдыха в праздничные дни — это «Григория Стахеева сыновья», «Товарищество П.К. Ушков и К°» и «Ф.П. Гирбасов с сыновьями и К°»¹⁰.

Большое внимание уделяли Стахеевы уровню образования своих служащих. Например, Глафира Федоровна Стахеева, известная любительница садоводства, командировала своего садовника на учебу в Германию и Финляндию, где он должен был совершенствовать свое мастерство¹¹.

В воспоминаниях Л.А. Гронской, внучки служащего И.Г. Стахеева, содержатся сведения о том, с какой заботой купец относился к молодым работникам. Увидев работу молодого крестьянина, который искусно изготавливал, или, как было принято говорить, «писал» дуги, Стахеев пригласил его к себе на работу. Но сначала Иван Григорьевич отвез юношу (И.А. Мокрова) в Казань, где определил его на учение. «В конце учебы вышел грамотный человек, знающий и полевое дело, и садоводство, и скотоводство. А когда кончилось учение, Стахеев привез его в лес, в сторожку лесника и сказал: “Вот тебе место, чтобы здесь была разбита усадьба: дом, двор, сад фруктовый, скотный двор и все, что нужно. Вот тебе срок, постарайся сделать”»¹². Видя в Иване Александровиче Мокрове хорошего и преданного работника, Иван Григорьевич не раз оказывал помощь ему и его семье. Узнав, что зять Ивана Александровича — Вялов, стал пить, доставляя семье много неприятностей, Стахеев вызвал его к себе для разговора. Иван Григорьевич предложил Вялову оплатить его обучение в Казанском университете при условии, что тот не будет употреблять спиртного. Таким образом, Стахеев сумел не только уберечь человека от пагубного пристрастия к спиртному, но и помочь ему получить высшее образование.

Подобного рода акции не имели случайного характера. Из источников нам известно, что дети стახеевских служащих бесплатно (т.е. все расходы брали на себя предприниматели) обучались в учебных заведениях города.

Стахеевы полностью доверяли своим служащим, что иногда использовалось последними для достижения собственной выгоды в ущерб авторитету хозяина. Известен случай, когда И.Г. Стахеев поручил своему доверенному Черепанову отправку в Мамадыш 150 кулей муки с тем, чтобы продажа муки осуществлялась не более куля в одни руки, по цене 90 коп. за пуд. Таким образом Иван Григорьевич надеялся помочь населению в неурожайный год. Черепанов, обманув хозяина, продал всю муку своему родственнику купцу Захарову, который в дальнейшем реализовывал ее населению по цене 1 руб. 15 коп. за пуд. Тот же дове-

ренный, по поручению Стахеева, должен был нанять рабочих для нагрузки дубовыми досками баржи, но Черепанов, чтобы избавиться себя от излишних хлопот, сдал подряд подрядчику по 80 коп. за тысячу погрузки, а подрядчик нанял рабочих по 30 коп. за ту же тысячу¹³. Подобные случаи серьезно дискредитировали купечество в глазах общественности.

Династия Стахеевых была носителем той деловой этики, в рамках которой формировалась система морально-нравственных ценностей купечества. Требовательный к себе и к окружающим, заботящийся о процветании своего дела, купец-хозяин не забывал о людях, работающих на него. Более того, предприниматель с государственным мышлением думал не только о своей прибыли, но и о поддержании экономической стабильности.

И.Г. Стахеев, став крупнейшим коммерсантом в сфере хлебной торговли в Прикамье, определял цены в своем регионе. В условиях низкой рыночной конъюнктуры он сдерживал их рост, тем самым протягивая руку помощи тысячам непосредственных товаропроизводителей, мелких торговцев и массовых потребителей. Когда в 1891 г. черноземные губернии европейской части России пострадали от засухи, повлекшей за собой недород хлебов, Стахеевы во многом скорректировали ситуацию, сняв острое напряжение. В 1891 г. елабужский корреспондент на страницах «Казанских вестей» сообщал: «В прошлом году в это время мука стоила от 50 копеек, а в июне достигала 1 рубль 20 копеек за пуд, а не подержи цены Стахеевы, то, наверное, возвысилась бы до полутора рублей»¹⁴.

Известна также щедрая благотворительность Стахеевых. Пожертвования представителей купеческой династии являлись мощным стимулом развития системы социальной поддержки, здравоохранения и просвещения в Прикамье. Отметим, что в России благотворительностью занимались не только богатые предприниматели, но и мелкие и средние торговцы.

В 1876 г. с пожертвования Ивана Ивановича Стахеева начал свою работу в Елабуге Стахеевский благотворительный комитет. Тогда Стахеев передал городу каменное здание для устройства в нем женской богадельни на 60 мест. Кроме того, он обратился к городскому управлению с просьбой предоставить ему часть городского места для постройки мужской богадельни с церковью, на постройку которой приготовил 75 000 руб.¹⁵

В дальнейшем, предоставив в распоряжение благотворительного комитета 300 000 руб., И.И. Стахеев определил основные сферы его деятельности. Ими стали: постройка церквей и монастырей, поддержание уже существующих церквей и монастырей и оказание помощи бедным людям¹⁶.

Характеристика деятельности комитета в сфере строительства и поддержания церквей и монастырей будет наиболее показательной, если проследить географию распространения благотворительных средств. В 80-е гг. XIX в. из 50 губерний России церкви и монастыри двадцати двух губерний получали помощь из средств комитета. В их составе не только Вятская и прилегающие к ней губернии, но и более удаленные, такие как Новгородская, Харьковская, Таврическая и др.

Ежегодно из средств комитета выделялись деньги на выдачу пособия бедным людям. Подобные выплаты производились 3—4 раза в год, преимущественно в феврале, мае, октябре и декабре. Право на получение благотворительного вспомоществования имели представители основных сословий города Елабуги, которые «случайно или по какому-либо несчастию попали в положение, требующее покровительства»¹⁷. Отметим, что помощь предоставлялась исключительно елабужанам, точнее людям, прожившим в городе не менее трех лет.

По характеру выплат пособия делились на единовременные, срочные и связанные с каким-либо событием (например, вступление в брак). Право на получение срочного пособия, выплачиваемого три раза в год, давало специальное свидетельство, выдаваемое комитетом на срок не более года, в котором фиксировалось имущественное положение нуждающегося. Единовременные же пособия выдавались всем нуждающимся без представления свидетельства.

Размер пособия был определен И.И. Стахеевым и составлял сумму от 15 до 50 руб. в год на семью.

Учрежденный Иваном Ивановичем Стахеевым комитет стал настоящей обителью милосердия для сотен елабужан, которые нашли в нем поддержку в трудное для себя время и получили благотворительную помощь.

Главное руководство комитетом было возложено на председателя, которым, как правило, являлся городской голова, если он принадлежал к купеческому или мещанскому сословию, в противном случае Городская дума сама выбирала председателя. В год основания благотворительного комитета эту должность занимал брат И.И. Стахеева — Дмитрий Иванович. Непосредственный контроль за деятельностью комитета возлагался на совет, в состав которого входили председатель и четыре члена, двое из них должны быть представителями династии Стахеевых: ими стали Федор Кириллович Стахеев (племянник И.И. Стахеева), Александр Иванович Стахеев (сын Ивана Ивановича) и два священника: священник монастыря Василий Лобовиков, священник богадельни Павел Беляев¹⁸.

Основную статью доходов комитета составляли проценты с капиталов, пожертвованных учредителем. Эти средства были помещены в билеты Елабужского городского общественного банка, в свидетельства 4-процентной государственной ренты и в облигации восточного займа.

Следующие статьи доходов складывались, во-первых, от поступлений с недвижимого имущества, находящегося в распоряжении комитета; во-вторых, от ассигнований общественных учреждений и взносов частных лиц. Что касается последнего, то средства комитета пополнялись не только за счет поступлений от представителей династии Стахеевых или других предпринимателей города, но и от рядовых жителей города.

Так, в 1880 г. к капиталу, находящемуся на счетах комитета, были добавлены еще 7400 руб., пожертвованные ранее жителями Елабуги и уезда на строительство церкви в деревне Юмашево Белебейского уезда, но не использованные по назначению из-за бюрократических проволочек местных чиновников¹⁹.

В мае 1883 г. граждане города пожертвовали 188 238 руб. «для употребления процентов с них специально на учреждение и содержание в Елабуге приюта для бедных»²⁰. Указанная сумма была присоединена к средствам комитета.

За полезную деятельность на поприще благотворительности учредитель комитета И.И. Стахеев был награжден орденами Святой Анны 3-й и 2-й степени, золотой медалью для ношения на шею на ленте ордена Святого Владимира, неоднократно удостоивался высочайшей благодарности²¹.

Преемником благотворительной деятельности Ивана Ивановича стал его брат Дмитрий Иванович Стахеев. Помимо активной деятельности на посту председателя благотворительного комитета Дмитрий Иванович оказывал помощь нуждающимся из собственных средств. В традициях династии сделан ряд других пожертвований Дмитрия Ивановича: на постоянное содержание священника Иосифовской церкви, состоящей в городе при бывшем тюремном помещении, на постройку собора в г. Глазове общей суммой 7000 руб.²² Примечательно, что, занимая пост городского головы, Дмитрий Иванович отказывался получать жалованье за эту должность, направляя причитающиеся ему деньги на нужды города.

Присвоение комитету имени благотворителей стало свидетельством признания огромных заслуг Стахеевых на общественном поприще. После смерти Дмитрия Ивановича созданная им организация получила название «Благотворительный граждан И.И. и Д.И. Стахеевых комитет». Согласно завещанию Дмитрия Ивановича на счета комитета было перечислено 800 000 руб.,

проценты с которых должны употребляться на благотворительные нужды²³.

Каждый последующий представитель купеческой династии Стахеевых вносил свой вклад в работу комитета, участвуя таким образом в благородном деле культурного созидания и помощи нуждающимся людям.

Благотворительный комитет продолжал свою деятельность вплоть до 1917 г., когда вместе с имуществом династии Стахеевых советская власть уничтожила и их благие начинания.

Российское купечество XIX столетия было заинтересовано в том, чтобы иметь квалифицированный персонал, способный работать на новом оборудовании, владеющий новейшими приемами ведения хозяйства для того, чтобы выдержать жестокую конкуренцию. Этим и объясняется заинтересованность предпринимателей в развитии образования, в первую очередь профессионального.

К пореформенному периоду относятся шаги по созданию в городах учебных заведений по подготовке кадров для коммерческой деятельности. Из средних общеобразовательных учебных заведений к нуждам предпринимательства в наибольшей степени были приспособлены программы реальных училищ.

В 1874 г. с инициативой устройства реального училища в Елабуге выступили Д.И. и И.Г. Стахеевы, которые пожертвовали сумму 35 000 руб. Несмотря на то что эта идея нашла широкий отклик в среде местного купечества, собранных средств оказалось недостаточно. Тогда было принято решение привлечь к делу постройки училища «первостепенного елабужского капиталиста» Ивана Ивановича Стахеева, который выделил на его устройство 100 000 руб.²⁴ Эта сумма втрое увеличила пожертвованный на создание учебного заведения капитал и позволила не только открыть реальное училище, но и построить для него прекрасное здание. Ремесленная школа в Елабуге также появилась благодаря стараниям Стахеевых. Самая большая сумма была пожертвована Иваном Григорьевичем. В новом профессионально-техническом заведении вместе с преподаванием Закона Божьего и общеобразовательных предметов ученики проходили практический курс слесарного, столярного, токарного, резного, кузнечного и каретного мастерства. Оборудование школы было приспособлено к потребностям названных ремесел. В 1901 г. в учебных мастерских был поставлен механический нефтяной двигатель в 6,5 л.с. стоимостью более 2000 руб., пожертвованный коммерции советником Иван Григорьевичем Стахеевым и инженером-механиком Федором Васильевичем Стахеевым. Почетными членами попечительского совета Александровского

ремесленного училища стали: Иван Григорьевич, Василий Григорьевич и Николай Дмитриевич Стахеевы²⁵.

Достаточно высокая плата за обучение в училище (75 руб. в год) делала его труднодоступным для детей из малообеспеченных семей. На помощь вновь пришли частные благотворители. На счет училища был положен капитал, проценты с которого пошли на учреждение стипендии имени инженера-механика Ф.В. Стахеева для обучения и содержания в училище одного пансионера (полный пансион предусматривал не только питание, но и выделение одежды и жилья). Благотворительный комитет, основанный И.И. Стахеевым, выделил 500 руб., которые предназначались для двух пансионеров²⁶.

Самым крупным вкладом династии в дело народного просвещения в Вятской губернии стало строительство в Елабуге Епархиального женского училища. В 1897 г. Глафира Федоровна Стахеева, с целью увековечения памяти о ее покойном муже Василии Григорьевиче, пожертвовала 200 тыс. руб. на устройство в городе женского учебного заведения.

13 июня 1898 г. Епархиальный съезд духовенства Вятской епархии принял решение об открытии училища в Елабуге, с составом учащихся из всех уездов епархии. Съезд постановил избрать госпожу Стахееву пожизненной Почетной попечительницей Елабужского епархиального женского училища, а имя ее покойного мужа Василия Григорьевича — записать в синодики всех церквей епархии на вечное поминовение. Вновь образованному учебному заведению было присвоено имя благотворителя. Оно получило официальное название «Стахеевское епархиальное женское училище»²⁷.

Через год после его открытия, 8 июня 1889 г., была совершена торжественная закладка дома. В 1903 г. строительные работы были завершены. Здание Стахеевского епархиального женского училища по своей красоте и технической оснащенности заняло одно из первых мест среди других подобных учебных заведений России.

Сооружение выдающейся архитектурной достопримечательности обошлось Глафире Федоровне в сумму, в два раза превышающую размер первоначального пожертвования, а именно 400 000 руб.²⁸ Через два года после постройки здания училища в нем был возведен великолепный храм во имя священномученика Василия, отделанный в строго выдержанном византийском стиле, с белоснежным мраморным иконостасом. Вся церковная утварь и ризница стоимостью в 6000 руб. была устроена на средства Глафиры Федоровны. Ежегодно Г.Ф. Стахеева вносила десятки тысяч рублей на различные нужды училища: на разведение

училищного сада, благоустройство и украшение училищного храма. Кроме того, она также оплачивала учебу беднейших учениц.

За выдающийся вклад в дело развития образования в Вятской губернии Г.Ф. Стахеева была удостоена высочайшей награды — золотой медали, украшенной бриллиантами, для ношения на шее на Андреевской ленте²⁹.

Сегодня, когда многие в нашем обществе устремились в бурные воды предпринимательства, самое время оглянуться на историю выдающихся купеческих родов России и вспомнить, что те, кто сделали нашу страну в XIX в. богатой и сильной, умели не только брать от народа, но и щедро воздавать ему.

Историческая справка

Иван Иванович Стахеев (1807—1885) — купец-миллионер 1-й гильдии. Сфера коммерческих интересов — торговля чаем, сахаром и мануфактурой. Торговые операции производил по всей России. Награжден золотой медалью на Владимирской ленте и орденом Святой Анны 3-й и 2-й степеней «за полезную деятельность».

Дмитрий Иванович Стахеев (1819—1888) — купец 1-й гильдии. В сферу предпринимательских интересов входили торговля чаем, мануфактурой, бакалейным товаром и хлебом. За заслуги и пожертвования по духовному ведомству неоднократно получал благословения Святейшего Синода «с выдачею установленных грамот». Награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на Станиславской ленте.

Иван Григорьевич Стахеев (1836—1907) — купец 1-й гильдии, коммерции советник. Глава торгового дома «Григория Стахеева сыновья». Сфера коммерческих интересов — промышленное предпринимательство (владел винно-водочным, пивоваренным и другими производствами); осуществлял также торговлю хлебом, вином, пивом. Владелец собственного пароходства. В 1904 г. совместно с детьми учредил торговый дом (с головной конторой в Казани) «Иван Григорьевич Стахеев», занявший лидирующие позиции в сфере хлебной и нефтяной торговли в Прикамье.

Василий Григорьевич Стахеев (1842—1896) — купец 1-й гильдии. Совладелец торгового дома «Григория Стахеева сыновья».

Глафира Федоровна Стахеева (1852—1827) — супруга Василия Григорьевича. Потомственная почетная гражданка, почетная попечительница Стахеевского епархиального женского училища.

Иван Иванович Стахеев (1869 — год смерти неизв.) — сын Ивана Григорьевича. В 1912 г. организовал совместно с

П.П. Батолиным Торгово-промышленное товарищество «Иван Стахеев и К°». В конце 1916 г. членом товарищества стал А.И. Путилов. К 1917 г. товарищество стало головным предприятием концерна Путилова—Стахеева—Батолина. Основные сферы деятельности — торговля (в т.ч. на экспорт) зерном, нефтепродуктами, хлопком, лесом; мукомольная, нефтедобывающая, горнодобывающая, хлопчатобумажная, маслособойная, писчебумажная, деревообрабатывающая, металлообрабатывающая, металлургическая отрасли промышленности; железнодорожный транспорт.

Примечания

¹ Никифоров Н. По Волге и Каме, от Казаки до Гальянь // Волжский вестник. 1888. 4 августа.

² Макк А. По Каме. Путевые впечатления // Светоч и Дневник писателя. 1913. Декабрь. С. 24—25.

³ Краткий очерк о деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К°» // Исторический архив. 1957. № 3. С. 168. См. также: Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России, 1914—1917. Концерн Путилова—Стахеева—Батолина. Л., 1969.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 684. Оп. 1. Д. 110. Л. 62—64.

⁵ Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. Устав торговый. Раздел I.

⁶ Волжский вестник. 1882. 14 декабря.

⁷ Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 3394. Л. 225.

⁸ Там же.

⁹ Домашнее духовное завещание елабужского купца 1-й гильдии потомственного Почетного гражданина Д.И. Стахеева. РГИА. Ф. 799. Оп. 4. Д. 761. Л. 3—4 // Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии, вторая половина XIX — начало XX веков. Ижевск, 2001. С. 253.

¹⁰ Волжский вестник. 1894. 9 (21) августа.

¹¹ Лазарева Н.А. Воспоминания о Святом Ключе / Фонды музея истории ЕГПИ.

¹² Воспоминания Лидии Александровны Гронской / Научно-фондовый отдел Елабужского музея-заповедника. С. 2.

¹³ Казанский биржевой листок. 1891. 28 июня.

¹⁴ Казанские вести. 1891. 2 августа.

¹⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 846. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 92.

¹⁷ Там же. Л. 180.

¹⁸ Там же. Л. 61.

¹⁹ Отчет Елабужского комитета, учрежденного для заведования и распределения процентов с капиталов, пожертвованных потомствен-

ным Почетным гражданином И.И. Стахеевым на разные предметы благотворительности. Вятка, 1889. С. 94.

²⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 929. Д. 94. Л. 7.

²¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 846. Л. 110.

²² Вятские губернские ведомости. 1890. 3 апреля.

²³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 846. Л. 171.

²⁴ Историческая записка о состоянии реального училища за 25 лет его существования (1878—1903 гг.) / Сост. П. Дернов. Елабуга, 1903. С. 7.

²⁵ Шишкин Н.И. История города Елабуги с древнейших времен. Елабуга, 1901. С. 168.

²⁶ Отчет о деятельности Елабужской городской управы за 1907 г. Елабуга, 1909. С. 186.

²⁷ Историческая записка об открытии Елабужского епархиального женского училища. Вятка, 1903. С. 4.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 84. С. 247.

**Институциональные аспекты
экономической истории
дореволюционной России**

Б.И. Подколзин*

Самоуправление и государственная власть в становлении ссудных товариществ в российской деревне последней трети XIX в.

На роль нелепой архаики осуждена — и тем самым вообще поставлена под вопрос — вся та совокупность патерналистских и миссионерских отношений, которая сводится к классическому (и имевшему когда-то смысл) отношению между сознательным меньшинством и опекаемой им бессознательной массой — опекаемой от лица «Истины», «Добра», «Красоты», «Человека», «Истории», «Прогресса»¹

История российской сельской ссудной кооперации, центрального звена массового, «народного» кредита в последней трети XIX — начала XX в., неоднократно привлекала внимание исследователей. Судьба этого несомненно рыночного института, требующего инициативы, ответственности и полномочий для «хозяйствующей единицы», особенно поучительна ввиду его становления в среде традиционной деревни, делающей только первые шаги к новому способу экономических отношений. Сорок лет опытов, неудач и успехов, отступлений и наступлений — от первых товариществ в начале 1870-х гг. и до их распространения в числе многих тысяч по всей стране в 1910-х гг. — свидетельствуют о напряженном поиске достойного места для народного кредита и важной роли в пореформенной России и о том, что удачная форма функционирования была наконец найдена.

Роль этого фактора — как выражались современники, «хорошей постановки дела» — вполне реально отражалась на успехе как отдельных кооперативов, так и движения в целом, что ясно осознавалось реформаторами и не раз подчеркивалось в литературе². Она свидетельствует о больших возможностях активно проводимой правительственной экономической и социальной

* Подколзин Борис Иванович — кандидат исторических наук (Учебно-консультативная фирма «Промальпуниверсал», г. Киев, Украина).

политики, общественных и личных инициатив. В чем заключалась «хорошая постановка дела» в народном кредите, что к ней вело, благодаря чему удавалось достичь подъема хозяйственной инициативности, ответственности и полномочий, да еще таким образом, что этот подъем стал доступен для десятков миллионов рядовых, почти незнакомых с рыночными порядками россиян — это ценное достояние нашего исторического опыта и избрано предметом данной статьи.

Исследование «постановки дела» становится тем более необходимым потому, что строительство народного кредита в России преодолеvalo не только экономические или бюрократические препоны. Перед ним стояло также и такое препятствие, как традиционные культурно-психологические народные хозяйственные установки, устоявшиеся формы социального взаимодействия, затруднявшие возникновение и распространение активности «снизу». У крестьянина «выработалась привычка смотреть на казну, как на источник всяких благ и “способий”, — писал осенью 1904 г. управляющий Киевской конторой Государственного банка, сподвижник Витте, убежденный сторонник регулируемого рынка Г.Е. Афанасьев главе тогда только созданного в Петербурге Управления по делам мелкого кредита Л.С. Биркину, — но эта черта присуща не только крестьянам. Она в той же степени относится к чиновникам, к дворянам и к промышленным классам... Он [крестьянин. — *Б.П.*] способен более часто, чем то желательно, обращаться с ходатайствами, вместо того, чтобы действовать самому. Что делать, это слабая сторона тех народов, государство коих основано на системе опеки. С этим явлением надо считаться...»³

Но готовых рецептов, как «с этим... считаться», какая организация дела нужна, не существовало. Потребовалось долгое движение наощупь, с постепенным практическим и нормативным закреплением достигнутых форм и выработкой, в конце концов, специфически российской системы народного кредита — сочетания самодеятельности и внешнего воздействия (попечения). Совершенствование второго позволило постепенно найти такую его форму, которая обеспечила широкую и надежную дорогу для первой, и тем самым — для всего дела в целом.

Для освещения избранной проблемы привлечен широкий круг источников как архивных, так и опубликованных. Ведущую для автора роль в подходе к материалу и в постановке задачи сыграли работы В.В. Кабанова и А.П. Корелина, с тем, однако, что в нашем исследовании ряд оценок, связанных с поставленной проблемой, существенно пересмотрен и уточнен. Определенную ориентирующую роль имели разработки по истории

кооперации, выполненные возглавляемой Н.К. Фигуровской группой при Институте экономики РАН, а также группой исследователей в Ивановском университете⁴. Хронологически исследуемый период протянулся от формирования замысла и «кружка» инициаторов народного кредита на рубеже 60-х и 70-х гг. XIX в. и до начала XX в. включительно. Далее, в ходе начавшегося в силу революционных потрясений существенного сдвига в общественном сознании и социально-экономических отношениях и широко развернувшейся в России серии преобразований, предмет исследования оказался в существенно иной ситуации и заявленная нами тема должна рассматриваться в отдельной работе.

На рубеже 1860—1870-х гг. в петербургском кабинете общественного деятеля и литератора князя А.И. Васильчикова стала собираться небольшая, получившая позднее в литературе наименование «петербургский кружок», группа деятелей земского и городского самоуправления, экономистов и юристов, озабоченных поиском путей продолжения начатых Александром II либеральных преобразований. Положение 19 февраля 1861 г. освободило десятки миллионов крестьян от власти помещиков и предоставило им право содержать промышленные, торговые и ремесленные заведения, переходить в другие сословия, менять место жительства, приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, защищать свои права в суде. Однако личный опыт земской, судебной и общественной деятельности в столице и деревне убедил членов кружка в том, что даже через десять лет после отмены крепостного права силы народа по-прежнему «оставались мертвы», несмотря на «все казенные реформы и комиссии». Они отвергали утверждения, как иронизировал Васильчиков, «глубокомысленной теории» о том, что полученные права могут быть реализованы «без всякого искусственного обеспечения», о самоустановлении хозяйственной гармонии, предписывавшей государству и обществу «сложу руки» лишь «присутствовать при тяжкой работе хозяйственного развития народа». Этот путь, по их мнению, обрекал огромное множество людей на обездоленность, на деградацию. Нужно было найти такие «механизмы», такие социально-экономические формы, которые смогут подключить широкие слои производителей к «достижениям цивилизации», к ее ресурсам, смогут сыграть роль «приютов», «научить ходить без помочей», вызвать «самодетельность» в социальных низах, без чего устойчивое достижение человеческой свободы и благоденствия России невозможно. В этой области, отмечали они, в «экономической науке» зияет «огромный

пробел». Поэтому движение возможно только постепенно, путем практики⁵.

Зимой 1870 г. кружок публично выступил с программой «демократизации капитала» путем организации широкодоступного делового мелкого, или «народного», кредита как в городе, так и, главным образом, в деревне. Развитие торгово-промышленных отношений в пореформенной деревне создавало, на взгляд членов кружка, разнообразные возможности для приложения крестьянского труда и его оснащения капиталом. По деревням были развиты отхожие промыслы (уход на заработки, обычно требующий определенного кредитования) и особенно так называемое «домашнее производство», нередко весьма далекое от аграрной сферы. А.В. Яковлев еще в начале 1870-х гг. писал: «У нас что ни крестьянин, то и промышленник. А каждому промышленнику тоже деньги нужны: сырье ли купить, рабочими ли орудиями обзавестись, а то просто жить, пока не успеешь сработанный товар выгодно продать или оборот сделать»⁶.

Но организация широкого дешевого кредита в социальных низах не удавалась из-за абсолютной ненадежности возврата занятых денег⁷. Чтобы эту проблему решить, кружок, используя опыт подобной работы в Западной Европе и в России, избрал форму паевых ссудо-сберегательных товариществ (ССТ), способных контролировать хозяйственное поведение членов. Это позволяло им выдавать ссуды заемщикам, не требуя в залог собственности, а как имеющим определенный доход, заработок (т.е. как «кредит труду»), и благодаря этому действовать в слоях малоимущего крестьянства, не располагающего средствами производства и размерами «оседлости» сверх минимума, запрещенного законом к залогоу.

С другой стороны, товариществу легче достичь «главной сущности» народного кредита — «занять денег у постороннего капиталиста», опираясь на повышенные гарантии возврата займов с помощью характерной для товарищеских финансовых организаций круговой ответственности членов. Заклад крестьянской земли, затрагивавший надельный институт общины, не обсуждался. «Как бы община ни была несовершенна в своей настоящей форме, — писал князь Васильчиков, — но другой формы, другого органа для внутреннего общественного управления Русской земли в данный момент нет». Таким образом, народный кредит учреждался не вместо прежних институтов, а рядом с ними. Товарищества формировались из крестьян, проживавших в одной местности, в ходе взаимного «вольного»

подбора членов по критерию надежности делового поведения, с тем чтобы «быть вполне независимыми от волостной администрации и иметь свое особенное выборное управление»⁸. Для их успешного распространения, особенно на первых порах, основатели движения считали необходимым обязательную финансовую, законодательную и личную поддержку со стороны земств, а также государства и «лиц образованного класса, преданных делу народного развития», получавших статус «попечителей»⁹.

Попечитель, обычно являвшийся владельцем или представителем владельца льготной учредительной ссуды (частного лица или земства), оформлял свои полномочия специальным «Условием» и статьями в уставе, фиксируя в нем его право ревизии и решающий голос в важнейших финансовых решениях, изменениях в уставе, составе правления и бухгалтерии товарищества, разъяснял и помогал в правильном ведении счетоводческих книг и т.п. Его, как правило, высокое социальное положение и права по уставу «прикрывали» товарищество извне: от происков деревенских ростовщиков и «крестьянского начальства», в поддержке исков против должников и т.п. А с другой стороны, что еще важнее, должны были способствовать «согласному» переходу членов к новому хозяйственному поведению, исполнению обязательств, что именовалось «нравственным влиянием» и по сути выполняло, как мы сейчас бы сказали, квазиинституциональную роль¹⁰.

Описываемое здесь отношение «попечения» — специфической разновидности «внешней власти», фактора, вынесенного в заголовок статьи, — следует обозначить более определенно. Надо сразу же отмежеваться от одноименной правовой формы, которая произвольно вводит внешнюю по отношению к подопечным власть, не объединенную с ними единством имущественных интересов и ответственности. В противоположность этому, хотя основатели и активисты народного кредита руководствовались часто социальной и нравственной мотивацией, попечитель вводился в товарищество на почве общих с ним экономических интересов и получал, как мы видели, свои полномочия как займодаделец или представитель займодателя учредительной ссуды. Если «товарищи» обходились без такой ссуды, никто не навязывал им и попечителя, в силу того только, скажем, что они крестьяне. Множество крестьян вполне легально вели свои дела как в деревнях, так и в городах без всяких «попечителей».

Гораздо вернее взаимоотношения попечителя, с одной стороны, и товарищества, с другой, описываются (хотя и не полностью) соотношением прерогатив менеджеров разного уровня

в пределах одной организации или социально-экономической интегративной структуры, объединенных общей заинтересованностью в успехе дела. К этому добавлялось присутствие в описываемом отношении, помимо мер надзора и контроля, также и широкого диапазона — столь важных для основавших и поддерживавших движение «лиц преданных делу народного развития» — мер содействия и помощи, которые так хорошо объединяются в русском языке термином «попечение» («забота, усердие, раченье и старанье» о чем-либо)¹¹. Таким же, но уже сугубо в силу прагматических причин, было установлено позднее (о чем ниже) отношение к народному кредиту со стороны Министерства финансов (МФ), Госбанка и их агентов, как наилучший способ добиться успеха. Поэтому примененный основателями термин «попечение» в обычном для русской культуры смысле этого слова мы полагаем нужным сохранить как удачно акцентирующий специфику описываемого явления.

Инициаторам удалось придать движению весьма важный в условиях России полуофициальный статус, организовать представительство его интересов через специально созданный Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах (далее — Комитет) и его Петербургское отделение (далее — Отделение), действовавших под эгидой Московского общества сельского хозяйства — МОСХ (а в конечном счете Министерства государственных имуществ — МГИ), добиться финансовой поддержки земств, стремившихся таким образом упрочить свое место на общественной арене и привлечь значительное число активистов из образованного класса.

Число товариществ все 70-е гг. быстро росло и в 1883 г. перевалило за тысячу. Но уже с конца 70-х началось сокращение учредительной активности, которое в первой половине 80-х переросло в неуклонное уменьшение общего числа действовавших товариществ. Непрерывающийся спад, наступивший после довольно значительного взлета, привлек внимание современников и позднее подробно рассматривался в исследованиях Н.О. Осипова, С.Н. Прокоповича, М.Л. Хейсина, А.П. Корелина и др. Опираясь на их разработки и добавив собственные наблюдения по литературным и архивным источникам, постараемся разобраться характер и причины спада в ходе народного кредита в 80-х — первой половине 90-х гг.

Проведенные Петербургским отделением исследования показали резкое сокращение попечительской активности. По мере обнаружения сложности и трудноподъемности всего дела и в силу «общего понижения тона русской общественной жизни» в 80-е гг. число активистов, желавших стать попечителями, стано-

вилось все меньше и меньше. Снижала их число и жесткая критика, идущая как «слева» — со стороны народнически-социалистических кругов, обвинявших народный кредит в пособничестве исключительно «богатеям», так и «справа», обвинявшая его инициаторов в «социализме»¹². В свою очередь, земства стали тоже сторониться товариществ, встретив большие затруднения при возврате ссуженных им денег.

Место попечителей занимали распорядители из крестьян, но они были недостаточно образованы и недостаточно авторитетны. Неплатежи легко и прочно укоренялись. Ссуды переписывались на новые сроки без возврата денег, которых у заемщиков давно уже не было. Предполагавшееся основателями постепенное формирование полноценного «самоуправления» на смену попечительству не происходило. Иногда влиятельные «богатеи» подчиняли товарищество своим интересам, посадив «своих людей» в правление. Еще чаще встречалось создание кооперативов группой крестьян-учредителей специально для того, чтобы пользоваться «дешевыми деньгами» или даже попросту разделить учредительную ссуду между собой. Но и без подобных прямых нарушений ссудный процесс обычно начинал давать перебои или вообще стопорился даже при полной добросовестности членов и при руководстве, находящемся в руках, по выражению современника, «людей с сердцем» — «народников»¹³.

«Как же это так выходит?» — задавал себе и читателю вопрос 28-летний, но уже имевший за спиной ряд крупных работ по исследованию деревни статистик и экономист Николай Осипов, вступивший в 1886 г. в члены Петербургского отделения и развернувший, при горячей поддержке его ответственного секретаря В.Н. Хитрово, основательную работу по изучению ситуации в народном кредите¹⁴. Несмотря на почти поголовную безграмотность, размышлял он, и, как утверждают, «чуждость» для российского крестьянина идеи денежного займа, ростовщический кредит по деревням процветает: «кулак» раздает деньги и середнякам, и беднякам и успешно возвращает одолженное плюс «баснословные проценты, указаниями на которые полна современная литература», — 300—400 % и более в год. А ссудо-сберегательные товарищества, которые взимают всего 12—15 % в год, влачат жалкое существование, закрываются, оказались вынужденными пойти на почти сплошную переписку ссуд, потому что их члены не в силах вернуть одолженные деньги, а тем более процент¹⁵.

Осипов предложил разрешение этого, по его словам, «противоречия и с жизнью, и с прежними нашими мнениями». Сельский ростовщик, «кулак», раздавал деньги «с рассудком». Он

оценивал кредитоспособность каждого из своих клиентов, со-размерял кредит с хозяйственным положением заемщика, точно устанавливал, для чего тот берет ссуду, из каких источников и как возвратит ее. В свою очередь, крестьянин-заемщик, прося о ссуде, предварительно должен был хорошо понять смысл сделки, «досыта наговориться с Колупаевым (имя литературного персонажа, ставшее символом кулака-ростовщика в русской публицистике. — *Б.П.*) о своих делах и о том, как он возвратит полученные от Колупаева 10—20 руб.». Когда вся эта подготовительная работа была проделана, кулак уверенно ссужал даже и бедняку, имущественное обеспечение которого ничтожно. Лишь бы тот имел «репутацию сносного работника и честного человека». И эта уверенность кулака рождалась «не из априорных соображений», а из повседневного опыта и наблюдения. Надежным обеспечением возврата и долга, и процентов выступал труд, трудовые ресурсы крестьянской семьи, верно направленные во время обсуждения сделки, да еще усиленные полученным капиталом. «Вот где лежит подлинная кредитоспособность нашего сельского населения». Почему же ею не могли воспользоваться товарищества?

В товариществах ссудная операция была поставлена совершенно иначе. Каждый член имел право на максимальную ссуду, вне зависимости от своих возможностей и деловых намерений. Такой порядок был принят для того, чтобы перекрыть дорогу злоупотреблениям и мошенничеству и поддержать принцип равенства прав, который «составляет коренное начало всякого товарищества». Заодно перекрывалась очень беспokoившая лидеров движения опасность «захвата» капитала товариществ «богачами», которых вообще старались «устранить» от народного кредита, запугивая драконовской (как правило, неограниченной) персональной ответственностью по коллективным обязательствам. «Если пугать без всякой причины вообще нехорошо, — писал в 1880 г. по этому поводу компетентный современник, — то запугивать только во имя какого-то доктринерства, без всякой причины и себе же во вред, по меньшей мере, ни с чем несообразно». Это положение, продолжал он, «устранило» от товариществ целый класс достаточных и полезных, но осторожных людей, которые могли бы составить опору самоуправления. Без них остается уповать только на попечителей. Но пока учреждения народного кредита не смогут «держаться сами собою», у них нет будущего¹⁶.

Осипов вполне оправданно поставил в центр внимания то обстоятельство, что ссудный процесс в товариществах — при наличии активно работающего попечителя или без него — был

совершенно лишен коммерческой нацеленности, «стеснил всякую самодеятельность участников». Вопреки пространным разговорам о солидарности в народном кредите совершенно не было использовано совпадение интересов займодателя (товарищества) и заемщика (члена), обычное в кредитных отношениях¹⁷. Именно отсюда, подчеркивал Осипов, а не в силу непривычки крестьян к кредиту или бедности, как утверждали многие публицисты, рождалось непроизводительное расходование и переписка ссуд. Принцип кредита труду, заложенный основателями движения, он считал верным, но существующая организация товариществ мешала применению этого ресурса рационально. С другой стороны, Осипов полагал вредным накопление паев, которые зачастую пополнялись из полученных ссуд, уменьшая получаемую на руки сумму, а значит, возможность ее успешного использования и, кроме того, возводили ненужное препятствие для вступления в товарищества наиболее бедной части производителей. Предопределенная принятыми порядками «жалкая роль» руководства, лишённого права влиять на ссудный процесс, а значит, в большой мере, и на коммерческий успех членов и товарищества в целом, препятствовала формированию управленческих и деловых авторитетов, которые в дальнейшем могли бы быть использованы для пресечения исходящих от отдельных членов или групп злоупотреблений и нарушений. Случаи инициативы в создании ССТ, идущие из крестьянской среды, почти не встречались. «Лучшая часть членов» без поддержки «в трудную минуту» со стороны «внешнего контроля и авторитета» была неспособна противостоять «слабостям воли и духа», своеволию большинства и злоупотреблениям мошенников¹⁸.

Явное охлаждение со стороны «образованного класса» и земства понуждало обратиться надежды к третьему, из намеченных основателями, «попечителю» движения — государству. Но и здесь возможности были ограничены сдержанным, если не сказать прохладным характером взаимоотношений. Зачинатели народного кредита, тесно связанные с развернувшимся в 1870—1872 гг. земским движением за расширение самоуправления, видели свою задачу также и в том, чтобы не дать бюрократии перехватить общественную инициативу в данном конкретном вопросе о народном кредите. Поэтому они неоднократно публично отмежевывались от просьб в государственной поддержке и содействии в большей, чем по отношению к обычному бизнесу, мере. Бесконтрольность со стороны государства утвердилась и оставалась далее тем, констатировал Осипов, «на чем с особой гордостью и силой всегда настаивал Комитет»¹⁹.

Аналогичным образом официальный Петербург, в первую очередь МГИ и МФ, ведению которых подлежали народнокредитные учреждения, вполне доброжелательно шел навстречу начинаниям лидеров движения и даже оказывал ему определенное законодательное и материальное содействие, но следуя господствовавшим в тот период в экономической политике фритредерским установкам или, как писал современник, «увлекаясь духом времени», «признавал вмешательство в экономическую крестьянскую жизнь и руководство ею нарушением принципа самоуправления, положенного в основание правил 19 февраля»²⁰. В результате МФ ограничивалось правом производить ревизии ССТ только (!) по ходатайству пайщиков, а Государственный банк (ГБ) выдавал краткосрочные ссуды лишь по предоставлении первого годового отчета (т.е. товариществам, которые уже нашли каким-то образом средства открыть свои действия). В целом же «банку не предоставлено было, — объяснял ГБ свою позицию в тот период, — никаких способов влиять на исправление дел пошатнувшегося товарищества». В результате этот государственный орган лишь пассивно следовал за общим ходом народного кредита. С середины 1870-х до середины 1880-х гг. кредит ГБ, открытый товариществам, вырос вчетверо, но далее, вслед за спадом движения, стал неуклонно сокращаться, упав к концу века вдвое по сравнению с максимумом. Причины — «протест векселя» товарищества в силу его неспособности вернуть банку долг из-за расстройств дел и отказ ему со стороны банка в дальнейшем кредите²¹. Еще большей была отстраненность властей по отношению к задолженностям членов, объясняемая ссылками на отсутствие закона о ссудных товариществах. Соответствующие «разъяснения» Отделения оставались «без внимания». Государство действительно пустило процесс на самотек, не становилось, в общем-то говоря, «участником» народнокредитного дела. От его позиции веет отчужденностью, тем более неуместной, что дело касалось едва выходящей из архаичного хозяйствования крупнейшей части населения — крестьянства. Пагубность этой ситуации все яснее становилась лидером движения.

В период «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова (1880 г.), намечавшего ряд экономических преобразований, один из инициаторов движения князь А.И. Васильчиков счел своевременным написать только что получившему пост министра финансов в правительстве «любезному другу» А.А. Абазе, убежденному либералу и стороннику умеренных реформ, своего рода «памятную записку» с изложением своей оценки сложившейся ситуации и желательных перспектив народного кредита. Князь при-

знавал, что представляемые отчетами Комитета «круглые суммы не доказывают еще успеха и пользы кредитных операций», что многие товарищества «уклоняются от своих целей» и даже гибнут. «Я смею думать, — писал Васильчиков, — что если сначала и полезно было представить это новое дело частной инициативе, то в настоящее время оно приняло уже такое развитие, что необходимо ввести ССТ в круг ведения земских и правительственных учреждений». Он считал необходимым организовать «правильный надзор» и предлагал создать при МФ «Комиссию по делам мелкого сельского кредита» и поручить ей дальнейшее ведение дел «об ССТ». Так появились первые наметки организации, действительно созданной в России четверть века спустя. Однако вскоре Александра II убили, Абаза потерял пост министра, а через несколько месяцев умер и сам князь Васильчиков, и его предложения остались без каких-либо последствий²².

К концу 80-х руководство Отделением окончательно разочаровалось в земской работе в сфере народного кредита, не направлявшей «неопытных» «на правильную дорогу», и в новом поколении попечителей из образованного класса, большинство из которых не понимало задач ССТ. «В настоящее время большинство товариществ находится действительно непосредственно в руках членов, и тем более является необходимость», призывал 13-й отчет Комитета, в «облеченных правительственной властью» агентах, «которые были бы в состоянии на месте направлять дело и наблюдать за ними». Но министр финансов, как сообщил ответственный секретарь В.Н. Хитрово на заседании Отделения в 1889 г., все не находил свободного времени, чтобы заняться этим вопросом. Из этого, зная трудоспособность и деловую хватку тогдашнего министра финансов И.А. Вышнеградского, можно понять, на каком далеком месте в его перечне проблем российской экономики стоял народный кредит. В общественном сознании укреплялось мнение, что ссудные товарищества были всего лишь «благонамереннейшей русскою погудкою на немецкий лад», ошибочно воспринятый как «готовая формула, которую стоит только подставить во все-русское житейское уравнение.., чтобы получить тождество»²³.

Однако в этой безотрадной картине обращало на себя внимание одно не согласующееся с ней обстоятельство. Начиная с 1887 г., несмотря на безостановочно продолжающееся сокращение общего числа ССТ, суммарные показатели числа членов, ссудных оборотов, вкладов и займов народного кредита начали медленно, но неуклонно возрастать. Оказалось, что примерно $\frac{1}{7}$ товариществ «уцелели от разгрома и окрепли», нашли почву под ногами, собственный источник живучести. Именно они

стали давать тот рост, который потянул вверх общие показатели по России. Даже в самых благоприятных в природном и экономическом отношении регионах такие товарищества составляли лишь долю от общего числа, что несомненно указывало на весомость самой «постановки дела»²⁴.

Анализ «почвы», на которую смогли опереться «окрепшие» товарищества, был успешно выполнен Н.О. Осиповым, который по командировкам Отделения ознакомился на месте с делами целого ряда из них. Успех приходил там, сделал вывод исследователь, где руководство товариществ находило способ обойти или хотя бы ослабить изъяны уставов и имело в своем составе «толковых» крестьян, «грамотных и живущих постоянно в месте нахождения правления», которые, используя свои знания о крестьянских хозяйствах округа, вопреки требованию образцового устава о равном праве каждого члена получать ссуду в наивысшем размере, переходили к выдаче ссуд в соответствии с реальной кредитоспособностью заемщика и деловой перспективой конкретного займа. В результате существенно улучшался возврат ссуд и росло доверие вкладчиков. Однако этот успех всецело зависел от доброй воли людей, удачно оказавшихся в отдельных случаях во главе дела, чего было совершенно недостаточно для прочной постановки народного кредита в целом по стране. «Указанием самой жизни» следовало воспользоваться, существенно переработав уставы и поставив их соблюдение под государственный контроль, введения которого «все желают»²⁵.

* * *

Позиция государства начала изменяться только по мере втягивания правительственной политики в новую фазу — «эпоху контрреформ», экономической составляющей которой явилось развитие государственного протекционизма. «Победа во всем видимом мире разумного протекционизма, — писал в 1891 г. привлеченный к этой работе знаменитый химик и автор работ о производительных силах России Д.И. Менделеев, — над принципиальным фритредерством принадлежит, по моему мнению, к фактам, показывающим, что человечество начинает распутывать, а не рубить, сложные запутки, или гордые узлы, своего недавнего прошлого». Курс «молодого и энергичного С.Ю. Витте» и его сотрудников, пришедших в 1892 г. к управлению российской экономикой и финансами, редактор и издатель влиятельнейшей консервативно-либеральной газеты того времени А.С. Суворин приветствовал как «практическое осуществление

западничества и славянофильства» совместно, характеризующееся прагматизмом, прямым приложением их идей к жизни «и известною смелостью»²⁶.

Одной из своих главных целей Витте поставил «устранение неблагоприятных условий, стесняющих экономическое развитие страны, и возбуждение духа здоровой предприимчивости». Ради этого государство должно не самоустраняться, а, напротив, брать на себя инициативу, ибо, как он писал царю, «в понятиях русского народа глубоко коренится исконное убеждение, что царской власти присущ почин во всем, до польз и нужд народных касающемся»²⁷. Одним из условий успешного экономического подъема Витте считал организацию широкого, легкодоступного, в том числе мелкого, делового кредита как средства для подъема «торговли и промышленности вообще и сельскохозяйственной в особенности». Буквально через три дня после прихода нового министра к власти «Новое время» поместило 3 сентября 1892 г. большую статью без подписи, развернувшую основные положения осиповской, по сути, программы усовершенствования кооперативного кредита в России²⁸. В том же месяце была учреждена комиссия под руководством Витте по пересмотру устава Государственного банка, как главного звена будущей системы. На первом же заседании комиссии прозвучали мнения о желательности для продвижения кредитных потоков от ГБ к населению использовать союзы заемщиков, «ответственных друг за друга», и потому позволявших намного повысить обоснованность выдачи и обеспеченность возврата ссуд. «Восходящая звезда» новой финансовой политики киевский профессор политэкономии А.Я. Антонович, занявший вскоре пост товарища министра, развил, при поддержке Витте, мысль о необходимости широкого перехода банков России от «беспредметного кредита» к «кредиту предметному», определяемому деловым расчетом в зависимости от намечаемого применения ссуды. В этой связи он указал на германские сельские ссудные кооперативы системы Райффейзена, которые, не собирая паев, ведут дела с полным успехом благодаря «постоянному контролю над употреблением ссуд»²⁹.

Подобный подход как нельзя более совпадал с предложением Осипова. Заслуживает внимания тот факт, что в поисках причин неудач народного кредита молодой ученый сосредоточился не на неблагоприятных хозяйственных традициях крестьянства, не на слабом развитии денежного хозяйства и т.п. и даже не на упадке интереса со стороны земств и «образованного меньшинства», а на дефектах организации. Неблагоприятные экономические и культурные обстоятельства он предполагал

преодолеть посредством ее усовершенствования. Он делал акцент на обеспечении уверенной работы «сердца» кредитного процесса — хозяйственной результативности ссуд и во имя этого предусматривал их широкую дифференциацию по величине и условиям. Надежная работа этого «сердца» поддержит все финансовые обороты, привлечет вклады и тем самым сделает возможным не только дешевый краткосрочный, но и столь необходимый крестьянину долгосрочный кредит³⁰.

Эта позиция не встретила поддержки большинства Петербургского отделения во главе с его неформальным лидером, бесменным ответственным секретарем (1890—1904 гг.) и редактором «Отчетов» и «Сообщений» П.А. Соколовским. Соколовский, характеризуемый новейшим исследователем как «народник-реформист», исходил из мнения, что крестьянское хозяйство крайне мало, «а сплошь и рядом совсем бездоходно», и его взаимодействие с частным кредитом неизбежно приведет к разорению. Чтобы этого избежать, необходимо накапливать «собственный капитал», сделать народный кредит почти или совсем беспроцентным, увести кооперацию от рынка с его высокими процентами, вместо того чтобы преодолеть их³¹. Потому-то и отстаивался Отделением непоколебимо принцип сбора паев, минимизировался ссудный, а за ним и вкладной процент, не поощрялась дифференциация ссуд, оставались невостребованными деловые навыки «толковых крестьян», чем блокировалось формирование собственных лидеров. В итоге это обрекало народный кредит на постоянную нужду в капиталах и в руководстве со стороны попечителей. «Очень любили “друзья народа”, — пишет, обобщая подобные явления, новейший исследователь крестьянства, — мужика бедного, несчастного, забитого, голодного и бесправного и... столь же пламенно не любили зажиточного мужика. Расстраивал он их планы: не проявлял “недовольства существующим государственным устройством” и “никакого социализма” не выражал»³².

Этот курс Отделения вызвал оппозицию таких компетентных представителей нового поколения активистов народного кредита, как Осипов и А.А. Беретти (о котором подробнее речь пойдет ниже). По их мнению, руководство, состоящее «не из членов товариществ и вообще не из практических деятелей, материально заинтересованных в успехе дела», а из лиц интеллигентных, лишь «сочувствующих идее организации народного кредита», «не имеет органической связи с товариществами» и препятствует развитию в населении «способности самостоятельно вести это дело». Они полагали, что мелкокредитные учреждения могут и должны вести «толковые люди в деревнях»,

при условии, что все ошибки, которые они могут сделать, вовремя будут замечены и исправлены правительственными чиновниками. Те же самые члены правления и совета, писал Осипов, которые, по их собственным словам, чувствовали себя «дураками» и «баранами» по бумажной части, «вполне способны с величайшим успехом выполнить работу по оценке кредитоспособности членов, по выяснению размера необходимых им ссуд, по надзору за употреблением ссуд и т.д. — словом, они могут сделать все то, о чем мы говорили выше, и что составляет плоть и кровь всякого кредитного учреждения»³³.

На одно из последних заседаний Комиссии были приглашены представители Петербургского отделения. Кооператоры высказались за введение долгосрочного и залогового кредитования и за установление надзора (сводимого, впрочем, лишь к финансовым ревизиям, что сразу же вызвало критику Витте) над ссудными товариществами со стороны Госбанка, совершенно не упомянув, однако, ни о желательности государственных учредительных кредитов товариществам, ни об отмене паев, ни о введении — на основе делового обоснования — дифференциации ссуд, выдаваемых членам-заемщикам. Последнее, ключевое, положение появилось в проекте Отделения лишь в декабре 1893 г.³⁴

Используя страницы «Нового времени» и трибуну Общества для содействия русской промышленности и торговле, Осипов популяризовал и расширил свои предложения. Для рассмотрения его доклада Общество провело в апреле и мае 1893 г. шесть заседаний. В результате в ходе обсуждения проект был дополнен двумя существенными положениями. Первое из них предполагало, помимо краткосрочного кредитования, ввести также «стартовое», учредительное финансирование товариществ Государственным банком посредством низкопроцентных долгосрочных ссуд. Второе, помимо запроецированной докладчиком правительственной инспекции, предлагало предусмотреть непосредственный надзор за деятельностью товариществ также и со стороны земств, как более знакомых с местными условиями.

По итогам обсуждения Общество вошло в начале июня к министру финансов с ходатайством об устройстве товарищеского сельского кредита в соответствии с представленным проектом. Осенью в пользу беспаявого товарищеского кредита и существенного увеличения участия государства в его функционировании высказался еще один член Отделения, корифей кооперативного движения в России Н. Верещагин. Зимой 1893/94 года проект стал предметом рассмотрения особого совещания под руководством Антоновича. «Ходатайство это, — пишет Осипов, — принято было в Министерстве финансов с полным

сочувствием и вновь подверглось неоднократным обсуждениям в разных комиссиях и совещаниях, в которых автор также принимал ближайшее и постоянное участие»³⁵. По предложению представителей Отделения, привлеченных к работе совещания, будущий закон был дополнен посреднической деятельностью товариществ. Проект готовился двумя независимыми друг от друга группами «сведущих лиц».

Окончательно подготовленный проект Положения (закона) был передан в декабре 1894 г. министром финансов в Государственный Совет. В сопровождавшем его «представлении» (которое профессор А.И. Чупров, одна из ключевых фигур начавшегося вскоре подъема российской деревни, впоследствии назвал «замечательным по широте взглядов на постановку народного кредита в стране»³⁶) впервые на высоком государственном уровне была поставлена центральная задача народного кредита, почти дословно повторявшая формулировку «петербургского кружка», высказанную на двадцать лет ранее: проникать «в мельчайшие каналы народного обращения», чтобы придать силу хозяйству «мелкого землевладельца, мелкого промышленника, мелкого торговца»³⁷. Проект получил одобрение Госсовета, и император утвердил Положение об учреждениях мелкого кредита 1 июня 1895 г.

Не ставя своей целью всесторонний разбор реформы, включающей также реорганизацию крестьянских (сословных) сельских банков и т.п., мы остановимся на ее главных положениях в разрезе избранной темы. Три года, 1896—1898, потребовалось на — ранее, насколько нам известно, не отраженную литературой — «доводку» реформ. В этот период был разработан основной корпус подзаконных актов — наказов, правил, уставов и инструкций, которые в сопровождении циркулярных отношений Госбанка были отправлены во все его конторы и отделения.

Закон предусматривал два типа кооперативных ссудных учреждений: ссудо-сберегательные товарищества (ССТ), которые, как и прежде, собирали от членов паевые взносы, и новый тип, кредитные товарищества (КТ), которые обходились без паев. В основу обоих типов было положено важнейшее нововведение реформ — «предметность ссуд». Оно обязывало правление кооператива совместно с членом-заемщиком к деловому (коммерческому) обоснованию займа, исходя из перспективы его использования («назначения») и из оценки общей кредитоспособности члена, и, исходя из этого, — к дифференциации ссуд (кроме самых мелких). Витте называл это нововведение переходом от «личного кредита» к «кредиту предметному» — форме «гораздо более удобной и обеспеченной»³⁸. Это намного по-

вышало роль в кооперативе умелых и опытных домохозяев. Для того чтобы привлечь их, был принят комплекс мер по устранению помех, отталкивавших от товариществ частные капиталы и «толковых», хозяйственных крестьян, по защите и утверждению прав собственности, повышению выгодности вложений и гибкости кредита. В августе 1897 г. был утвержден новый, появившийся после обычно фигурирующих в литературе уставов 1896 г., еще более «коммерчески» ориентированный, чем они, составленный Государственным банком «Устав кредитных товариществ», которому последовало в дальнейшем подавляющее большинство кооперативов. Стоит отметить, что в это же время, в очередном экономическом и финансовом обзоре положения России, Витте впервые заговорил об «особой группе зажиточных крестьян» как силе, способной преодолеть «неблагоприятные условия сельской жизни»³⁹. Правительственная политика в деревне проявляла первые признаки стратегического поворота.

Нормативные документы реформы передали на усмотрение самих товариществ ограничение максимального размера ссуд и предельного размера вклада отдельного лица, отменили запрет на поручительство со стороны не членов, установили выплату процентов сразу по окончании срока изъятия вклада (а не в конце финансового года) и т.д. Вместе с тем устав 1897 г. положил предел традиционалистским, распределительным тенденциям сельских кооперативов и ограничил круговую ответственность члена по обязательствам товарищества всего 2-кратной суммой открытого ему кредита (ст. 13) и предоставил банку право изменять решения собраний (ст. 46 прим.), если они, стремясь к дешевизне кредита, принимали ссудные проценты настолько низкими, что исчезала возможность для назначения привлекательных вкладных и заемных процентов, т.е. для привлечения капитала.

В результате этих преобразований возникла новая обширная область функционирования, потребовавшая от товариществ и их членов принятия эффективных и ответственных деловых решений, т.е. самостоятельности. Это расширение свободы проводилось — и в этом второй главный принцип реформы — в неразрывной связи с расширением и совершенствованием внешнего содействия становлению и правильному ходу дел товариществ, которое специалисты, хотя и не в официальных документах, определили как «государственное попечительство»⁴⁰.

Внешнее содействие распадалось на два слагаемых. Первое из них имело финансовый характер. Ссудные кооперативы могли получать из Госбанка, как это было и раньше, краткосрочные деловые кредиты. Помимо того банк предоставлял новой

форме, кредитным товариществам, крупные (обычно 1—2 тыс. руб.) долгосрочные (10—15 лет и более) низкопроцентные (6 % в год) учредительные ссуды. Учредительные ссуды могли поступать также от земств и частных лиц. Вторая часть внешнего содействия создавала сложное сочетание конкурирующих полномочий в сфере управления и тесно переплеталась с «самодетельностью». «...Непосредственное управление делами товариществ могло бы находиться в руках выборных лиц из числа членов», говорил Витте, давая окончательную установку на реформу, но необходимо, «чтобы правительство в лице Государственного банка принимало деятельное участие не только в надзоре, но и в начальной постановке и в дальнейшем ведении самого дела»⁴¹.

Создаваемые при наибольшем финансовом содействии Госбанка кредитные товарищества действовали под «ближайшим наблюдением» его местных отделений и специальных агентов — инспекторов. Инспектора кредитных товариществ (КТ) собирали сведения о личных качествах инициаторов дела, присутствовали на учредительных собраниях товариществ, знакомили избранное руководство с порядком ведения дел, проводили ревизии финансов и делопроизводства уже действовавших КТ и «наблюдали» (контролировали) за исполнением ими требований закона и устава и в первую очередь главного из них: чтобы займы членам выдавались только в порядке сделанных заявок (социальный императив) и на основании деловой обоснованности (императив коммерческий, рыночный).

При исполнении такой сложной и тонкой работы инспектор опирался на свое право «присутствовать при занятиях» органов управления товарищества, просматривать его отчетную и текущую документацию и в особенности «Книгу требования ссуд», в которую в порядке поступления заявок вносились все выплаты и их деловое назначение. Она позволяла следить за правильностью выдачи ссуд и за «полным беспристрастием со стороны правления». Кумовство, предпочтение богатых или бесхозяйственность были отчетливо видны. Помимо того, как замечает Осипов, инспектор мог руководствоваться «сигналами» из крестьянской среды и личными впечатлениями о людях и общем характере деятельности товарищества.

Но, принимая такое большое участие в делах товарищества, инспектор — и это было принципиальным положением — не должен был переступать определенную грань: воздерживаться от участия в его распоряжениях, от вмешательства в назначение кредитов, в определение размеров выдаваемых ссуд, не брать на

себя какие-либо денежные поручения и т.п. И только в случае обнаружения злоупотреблений или беспорядков, которые «не могут быть устранены одними советами и указаниями», вступали в действие чрезвычайные распорядительные полномочия инспектора. В этих случаях он имел право созвать экстренное общее собрание членов КТ и возглавить его, мог временно отстранять от дел членов правления и совета и назначать лиц, на которых возлагалось управление товариществом впредь до новых выборов. Сходным — до определенного предела — было и отношение к ссудо-сберегательным товариществам. Однако относительно этих кооперативов, не получавших от Госбанка учредительных ссуд, даже не вставал вопрос о тех широких распорядительных, командных полномочиях, какие получали его представители в отношении КТ. Равным образом и в отношении КТ, не учреждавшихся на средства Госбанка, инспектор должен был ограничиться лишь ревизиями и «преподанием указаний и разъяснений». Во всех случаях банк требовал от своих агентов, чтобы «репрессивные меры» не вели к прекращению дел кооперативов. Напротив, им предписывалось, в интересах как местного населения, так и банка, способствовать «оздоровлению» товариществ, с тем чтобы сделать их «надежным посредником между Государственным банком и мелкими производителями». Обо всех возникающих между ним и товариществами коллизиях инспектор тут же докладывал в руководившее им подразделение Госбанка, которое, вдобавок, само регулярно получало финансовые отчеты товариществ и в любое время могло запросить у них дополнительные материалы. Действия инспекторов (в отличие от попечителей первой поры) были строго подконтрольны.

Новые порядки, продолжившие линию на «демократизацию капитала», были призваны обеспечить активность правительственной политики в отношении мелкого сельского кредита и крестьянского хозяйства вообще, курс которой, как совершенно справедливо отмечено в литературе, характеризовался в этот период несомненным прагматизмом — готовностью вступать на новые пути, если они вели к успеху⁴². Опирающиеся на накопленный опыт нововведения привели — и здесь мы обращаемся к одному из важнейших результатов реформы — к созданию «совершенно новой» формы народного кредита — кредитных товариществ. Обычно в литературе их сближали с успешно развивавшимися в Германии всю вторую половину XIX в. райффейзеновскими беспаяевыми сельскими кооперативами, практи-

ковавшими «предметность» ссуд. Однако это сближение не должно закрывать существенных различий. Важнейшим из них как раз и явилось «государственное попечительство». Эта своеобразная организация, писал участник событий, а впоследствии известный историк кооперации С.В. Бородаевский, может быть названа «российской системой кредитной кооперации» и была создана в соответствии с пониманием «руководящими кругами тогдашней российской действительности, и, возможно, именно соответствовала российской действительности того времени»⁴³.

В первые годы после введения нового законодательства усилия правительства были предоставлены сами себе, почти без поддержки «с мест». Основная тяжесть работ легла на специальный отдел Госбанка по учреждениям мелкого кредита — известный впоследствии в кооперативных кругах как IX отдел Инспекции, в функции которого входила подготовка, проведение по чиновничьим инстанциям и рассылка соответствующих нормативных документов и разъяснений. Штат отдела состоял поначалу всего из нескольких человек. Инспекторы (которых стали назначать только с 1898 г.), ведущие соответствующую работу на местах, практически все на первых порах были лишь совместителями, численность которых постепенно росла и к 1900 г. достигла тридцати человек. Перед этой небольшой группой людей стояла задача инициировать поворот в ходе народного кредита в России. Нельзя сказать, что они выполнили эту задачу самостоятельно, но ими была проделана, как увидим ниже, значительная работа, успешно совершенная в большой мере благодаря качеству персонала.

Вопреки распространенному мнению в рассматриваемый период за мундиром чиновника нередко скрывались — в частности, когда мы говорим о личном составе обновленного С.Ю. Витте Министерства финансов и, в особенности, о составе IX отдела Инспекции — не безразличие и своекорыстие, а профессионализм, активность и горячее сочувствие делу. Среди таких деятелей могут быть названы: профессор Г.Е. Афанасьев, в свое время «прикрытый» Витте от нападок властей за либеральность, и с 1895 г., с его же подачи, возглавивший Киевскую контору ГБ, энергично защищавший самостоятельность товариществ от давления администрации⁴⁴; глава IX отдела, кадровый работник банка и в то же время давнишний поборник кооперативного дела в России А.А. Беретти; контролер IX отдела и одновременно член Петербургского отделения С.В. Бородаевский и др. «В это трудно поверить, — писал впоследствии Бородаев-

ский, — но, тем не менее, множество лиц, принятых в тот период в ряды инспекторов кредитных товариществ, позднее стали энергичными проводниками кооперативных идей и помогали развитию ссудной кооперации в стране»⁴⁵. Отделу удалось сравнительно быстро разработать нужную документацию и содействовать формированию состава инспекторов из людей, которые верили, «что в общем-то они делают хорошее дело, а не исполняют только затеи начальства»⁴⁶.

Тем не менее ход дел в последовавшие годы показал, что банку все же плохо удавалось «спасение» многочисленных уже практически недееспособных ССТ. Количество учреждаемых КТ на первых порах также измерялось лишь единицами. Понимая недостаточность имевшихся сил, Беретти связывал надежды с подключением общественности.

* * *

Вновь оживавшее (не без влияния правительственной активизации в данной сфере⁴⁷) народнокредитное движение весьма сдержанно, особенно поначалу, отнеслось к реформе. В документах первого Всероссийского съезда ссудо-сберегательных товариществ, прошедшего в Москве в 1898 г., государственные усилия едва упоминались. Проект устройства кооперативных союзов, представленный съезду П. Соколовским, намечал объединение всей российской кооперации в единую систему, возглавляемую, по сути, Петербургским отделением. Переработанный уже в ходе съезда возглавленной им же комиссией проект Центрального банка учреждений мелкого кредита (впрочем, забракованный делегатами) не предусматривал участие в нем государственных, земских и общественных учреждений. Равно как и участие частных лиц — «из боязни злоупотребления ими своими правами»⁴⁸.

Это стремление избежать сотрудничества с государством, равно как и не допустить коммерциализации деятельности товариществ, поддерживалось и далее у какой-то части активистов, которые высказывали, как выразился Беретти, «удивительные» мнения о вреде «предметности» выдаваемых членам ссуд, о том, что кредитные товарищества следует избавить от наблюдения и кредитования со стороны Госбанка, от этой «чечевичной похлебки», которая лишает кооперативы самостоятельности, что кредитные товарищества не смогут развиваться за недостатком средств или, наоборот, что они станут служить

только людям зажиточным, и т.п. «Огульно отрицая» наработки проведенной Министерством финансов реформы, такого рода активисты, иронизировал Чупров, «ищут новых, своеобразных, неиспытанных построений». Новое законодательство, писал редактор «Сельскохозяйственного журнала» Н. Милицын, создало для народного кредита «верные условия для успеха», которые надо использовать не для создания союзов и центрального банка, к управлению которыми могут прийти случайные люди, а для развертывания практической работы на местах, что выдвинет деятелей и способы действия⁴⁹. Однако даже столь удачно разработанная форма недопустимо медленно воплощалась в жизнь.

Эта ситуация вызвала на рубеже столетий вал жестокой критики. «Повезло в этом году мелкому кредиту с обсуждениями», — писала редакция “Нового времени” весной 1900 г. Предпосылками этого критического всплеска стали участвовавшие недороды и голодовки (в том числе подряд в 1897, 1898, 1899 гг.) и начавшие как раз в эти годы широко поступать сведения о растущем успехе крестьянских хозяйств в Западной Европе⁵⁰. Особенно большую роль сыграли публикации профессора Московского университета А.И. Чупрова, обратившегося в 1900—1904 гг. прямо к широким слоям общественности со страниц одной из крупнейших газет России. Опираясь на опыт Западной Европы, Чупров показывал, что успех всяких широких государственных начинаний в области народного кредита приходит лишь при движении «рука об руку» с работой на местах. Эту работу могут выполнить только «местные люди», достаточно образованные и обладающие знанием местной среды. Слова «авторитетного профессора», вспоминал современник, высказанные «с подкупающей теплотой и непосредственностью», повернули «симпатии молодых поколений» к крестьянским хозяйствам⁵¹.

Инициативы общественности и активность государства все более перекрещивались, подхлестывая друг друга. В 1900 г. Госбанк, преодолевая собственную пассивность, выпустил и распространил через свои конторы и отделения бесплатную брошюру с подробным описанием устройства и шагов по созданию ССТ и КТ, которая угодила как раз в ситуацию бурного роста общественного интереса к делу кредитования крестьянских хозяйств. Брошюра была популяризована в большой прессе и разошлась в первый же год в количестве 30 тыс. экземпляров. Число инспекторов стало увеличиваться на 15—20 единиц еже-

годно. Периодический орган влиятельного в аграрных вопросах Московского общества сельского хозяйства в 1900 г. из ежемесячника превратился в еженедельник, выделив «Хронике учреждений мелкого кредита» (с доминирующим, заметим, участием сотрудников Министерства финансов — Бородаевского и Беретти) целый отдел. С 1902 г. «Хроника...» (в т.ч. с помощью субсидии Госбанка) стала выходить отдельным бесплатным приложением повышенным тиражом, выполняя пожелания практиков, чтобы сельские товарищества, «эти “союзы бедняков”, могли выписывать эти небольшие брошюры и обмениваться на их страницах опытом, “не стесняясь литературными требованиями”»⁵². В свою очередь, земства из года в год увеличивали ассигнования на учреждение ссудных товариществ. Наконец, Министерство финансов инициировало широкую народнокредитную и вообще аграрно-крестьянскую кампанию, опираясь на начавшее работать под руководством Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и на полторы сотни его комитетов на местах (1902 г.).

Выработанный в ходе реформирования курс был закреплён принятием нового закона об организации народного кредита — Положения от 7 июня 1904 г. Не вдаваясь в сколько-нибудь подробный анализ этого документа, который лег в основу государственного регулирования народного кредита уже после 1905 г., т.е. за пределами хронологических рамок данной статьи, отметим в целом, что, как справедливо резюмировал детально исследовавший его А.П. Корелин, новое Положение «в своей основе во многом повторяло» преобразования 90-х гг.⁵³, продолжая и расширяя уже опробованные подходы. Оно вводило и ССТ полностью в круг государственных «забот» на уровне, который имели КТ, делало систему государственного финансирования территориально разветвленной (создавались губернские комитеты по делам мелкого кредита), усиливало инструкторские и попечительские функции инспекторов и учредило при ГБ ответственный орган — Управление по делам мелкого кредита, — наделенный ресурсами и полномочиями по координации и расширению государственного содействия народному кредиту в масштабах всей страны.

Усилия государства, земств и общественности постепенно изменили ход народного кредита. «В последние пять-шесть лет, — писал Чупров в 1903 г., — произошел в этой области крупный поворот, появились новые веяния и загорелась новая жизнь». В динамике численности обоих видов товариществ обо-

значился с 1898—99 гг. медленный, но затем быстро ускорявшийся подъем (см. далее таблицы 1 и 2). С 1897 по 1903 г. было образовано 306 товариществ нового типа — кредитных, 97 % из них — на деньги Госбанка. Он же открыл им краткосрочные кредиты и текущие счета. Но даже эта щедрая поддержка была за тот же период втрое превзойдена величиной самостоятельно привлеченных кредитными товариществами частных вкладов, переваливших за 2 млн руб., что безусловно свидетельствовало о доверии. Старый тип, ссудо-сберегательные товарищества, по темпам роста численности был оставлен позади. Но и их число, после 15-летнего сокращения, выросло за те же годы на 132 единицы. И, наконец, самое убедительное свидетельство, что перед нами не «учредительский ажиотаж»: даже в условиях начавшегося быстрого роста количества кооперативов, число членов и особенно сумма вкладов, приходящихся в среднем на каждый из них, тоже росли, причем быстрее, чем раньше. С 1898 по 1903 г. число членов, приходящихся на одно ССТ, выросло (по разным данным) на 14—18 %, на одно КТ — на 40 %, сумма вкладов, приходящихся на одно ССТ, увеличилась на 126 % (и на треть больше, чем увеличилась за предшествовавшее 7-летие), на одно КТ — на 300 %⁵⁴.

Это была победа новых принципов организации народного кредита. Важнейшим из этих принципов была, говоря в общем, коммерциализация — существенное расширение роли коммерческих, рыночных факторов, возможностей для маневра ресурсами, увеличение весомости деловых качеств участника хозяйственного процесса. Эти нововведения оказались благоприятны для весьма важного типа хозяйствующего субъекта — «состоятельных» (т.е. выполняющих деловые обязательства) членов товариществ, заинтересованных в его успешной работе. В их числе (если оставить в стороне сопротивление немногочисленных ростовщиков, процветавших, напротив, в обстановке незрелых товарных отношений) были и «зажиточные» крестьяне, «денежная публика», охотно потянувшаяся со своими вкладами в кооперацию, когда увидела, что права ее хорошо защищены и «получка долга с самого товарищества... весьма надежна»⁵⁵. Статистический анализ за 1903 г., произведенный на базе 11 тыс. хозяйств членов кредитных товариществ, показал, что примерно 8 % из них имели пять и более лошадей, т.е. относились к типу «полупредпринимательских». Удовлетворяющий их размер кредита в товариществах стал возможен благодаря росту разрешенного максимума ссуд от 50—75 руб. в начале 70-х гг. до 300—500 руб. на рубеже веков⁵⁶.

Но «состоятельными» могли быть и середняки, и «мало-статочные» крестьяне — те, что «более порядливые, аккуратные, способные к труду и потому состоятельные»⁵⁷. Упомянутый выше анализ показал, что 76 % членов имели только 1—2 лошади или не имели вообще и получали кредит в размере 40—70 руб. на хозяйство. Доминирование этой имущественной группы в народном кредите подтверждается тем, что средний размер кредита на одного члена по всем товариществам в 1870—1900 гг. составлял примерно ту же сумму, а в начале XX в. даже проявлял тенденцию к снижению. Участие таких хозяев было облегчено тем, что реформа ввела беспаявое кредитование в КТ и дала право ССТ в разы сокращать размеры пая при одновременном увеличении кратности превышения ссуды над ним (чем не преминули воспользоваться многие товарищества). Это позволяло получить большую ссуду, предъявив малые средства, — лишь бы правление увидело надежность возврата. Коммерциализация, выдача ссуд строго в последовательности заявок под контролем инспектора побуждали руководство товариществ «работать» над успехом и таких заемщиков: рядовой крестьянин теперь не оставался один на один со своими проблемами.

Лучшие люди, «толковые крестьяне», призванные теперь определять кредитоспособность заемщика и обоснованность ссуд в интересах «общего для всех членов дела», получили возможность проявить себя, постепенно завоевать деловой авторитет. Кооперативы стали «заводить толстые тома» со сведениями о состоянии всех хозяйств округа (своего рода «кредитные истории»), выявлять их реальный ресурс и вместе с заемщиком отыскивать выгодное деловое решение, приносившее успех, что делало рядового производителя «состоятельным» участником нового активного хозяйственного процесса, вовлекало в «самодетельность». «Назначение ссуд», подчеркнул суть этого нововведения известный кооператор А.Е. Кулыжный, это и есть «одна из форм самодетельности населения». Обычно исследователи лишь упоминают, да и то не всегда, это важнейшее нововведение реформ, которое не просто провозглашало самоуправление, а создало на деле механизм для его становления⁵⁸. С его появлением социальная задача поддержки слабых, заложенная основателями движения в виде равной раздачи ссуд, решалась теперь через достижение ими посильного коммерческого успеха. Новое вводилось не вместо старого, а в сочетании с ним.

В новой ситуации, писал известный практик движения, постепенно отпала необходимость в «добром барине» или «хоро-

шем начальнике» для создания товариществ, вообще — в «банках благодетелей». Реформы 90-х гг. стали «началом как бы новой эры в жизни кредитных кооперативов» — они стали возникать «вследствие стремления народных масс улучшить свое положение при помощи кооперации». Место попечителя, «барина», читаем в обзоре деятельности ССТ (1900 г.), обладавшего статусом независимого от товарищества «начальства», на которого члены почти всегда смотрели «как на лицо, постороннее их интересам» и который вполне мог внезапно к кредитной затее «охладеть», все чаще стал занимать хороший распорядитель, готовый посвятить делу все свои силы и приглашенный (а в случае необходимости и увольняемый) правлением за постоянное вознаграждение (иногда сравнимое с жалованьем инженера — элиты той эпохи). Нередко это был простой человек из крестьян, добросовестный и достаточно развитой, чтобы руководить делом, учитель из крестьян, «мелкий местный купец», фельдшер и т.п. Это был лучший тип распорядителей, под руководством которых товарищества увеличивали свои размеры и обороты, строили обширные залы для проведения операций, организовывали «чайные», заводили библиотеки, школы, мастерские и склады⁵⁹.

В этот процесс органично вплетался и агент Государственного банка, поддерживая и расширяя его там, где собственных денег, знаний и уверенности крестьянам не хватало. Именно в это время, в самые первые годы XX в., стали появляться случаи, когда Госбанк открывал кредит прямо по ходатайству группы учредителей из крестьян, без предварительных «разговоров с учителем, священником или с помещиком». Агенты Министерства финансов ради будущих выгод от развития делового кредита в деревне шли даже, свидетельствуют источники, на несомненный финансовый риск, чтобы поддержать активность, в том числе и малодостаточных крестьян, в ходе создания и функционирования кредитных товариществ, делая при этом ставку на «производительные» возможности, а не на размеры имущества заемщиков. В свою очередь, крестьяне сами стали «перехватывать» «в соседней деревне» не такую уж редкость теперь на сельских просторах — инспектора, с «вниманием входившего во все мелочи их будущего существования и делавшего соответствующие указания и разъяснения». Получив консультацию, крестьяне по его совету расширяли число учредителей или привлекали лиц, способных «вести дело», например, «толкового» волостного писаря и т.п., избирали их в правление и в итоге, в присут-

ствии инспектора, открывали товарищество. «Устраивая в первый раз съезд, земство не рассчитывало на такое стечение участников.., — читаем в отчете о проходившем осенью 1904 г. съезде представителей кооперативных учреждений Саратовской губернии. — Состав последних по своему общественному положению был разнообразен: часть составляли учителя земских школ, были волостные и сельские писаря, помещики, но крестьянство составляло преобладающий элемент. Несмолкаемый гул от разговоров и бесед присутствующих... предвещал оживленное обсуждение вопросов»⁶⁰. Второй взлет ссудной кооперации шел полным ходом.

Динамика численности ссудных товариществ в переломное, говоря округленно, десятилетие (1895—1905 гг.) предстает в следующем виде⁶¹.

Таблица 1

Ссудо-сберегательные товарищества, 1895—1905 гг.*

| 1895 | 1896 | 1897 | 1898 | 1899 | 1900 | 1901 | 1902 | 1903 | 1904 | 1905 |
|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 3 | 23 | 13 | 31 | 56 | 72 | 97 | 110 | 89 | 76 | 82 |
| 729 | 720 | 704 | 699 | 703 | 745 | 799 | 844 | 836 | 894 | 898 |

* Верхняя строка — годы; вторая строка сверху — утверждено новых уставов в данном году; третья строка — действовало ССТ на конец года.

Источники: Отчет Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Отчет 22—30. М., 1897—1905; Отчет по мелкому кредиту с 1904 по 1907 г. Спб., 1909. С. 102, 138.

Таблица 2

Кредитные товарищества, 1895—1905 гг.*

| 1895 | 1896 | 1897 | 1898 | 1899 | 1900 | 1901 | 1902 | 1903 | 1904 | 1905 |
|------|------|------|------|-------|------------|------------|-------------|--------------|--------------|--------------|
| 0 | 0 | 3(6) | 2(5) | 8(16) | 27 (32) | 54 (62) | 82 (109) | 130 (151) | 231 (286) | 242 (327) |
| 0 | 0 | 3 | 5 | 13 | 40 | 94 | 176 | 306 | 537 | 782 |

* Верхняя строка — годы; вторая строка сверху — число открытых в данном году товариществ, в скобках — число утвержденных уставов; третья строка — общее число действовавших товариществ к исходу года.

Источники: Обороты кредитных товариществ за 1903 г. СПб., 1905. С. 3; Отчет по мелкому кредиту с 1904 по 1907 г. С. 138; Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. С. 134.

Подводя итоги, можно отметить, что проведенное исследование позволило выявить ранее не привлекавшие внимания эпизоды и более адекватно установить взаимосвязь слагаемых процесса становления народного кредита в России. Движение за распространение мелкого делового кооперативного кредита родилось из инициативы «выдающихся представителей русского общественного самосознания»⁶² в связи с неудачей (в силу массового невыполнения обязательств) частного кредитования и сохраняющейся хозяйственной застойности в крестьянской деревне, несмотря на предоставленные либеральными реформами 1860-х гг. права и учреждение независимой судебной системы. Начиная с рубежа 1860-х — 1870-х гг., было создано более тысячи ссудо-сберегательных паевых товариществ (ССТ) преимущественно в сельской местности при энергичном содействии земств и «лиц образованного класса, преданных делу народного развития», взявших на себя временно (до ожидавшегося становления в кооперативах «самоуправления») функции организаторов и попечителей. Но уже спустя 5—10 лет стало ясно, что самоуправление не возникает, движение вступило в фазу упадка, катастрофического роста задолженностей и сокращения поддержки извне. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. земский статистик Н.О. Осипов в ряде исследований показал, что причины неудачи лежали в серьезных дефектах организации народного кредита: (1) принципиальном (ради равенства прав членов на кредит и для затруднения злоупотреблений со стороны правлений) отказе от дифференциации ссуд в соответствии с их деловой обоснованностью, что вело к их неэффективному использованию; (2) обязательных паевых взносах членов, непосильных для многих крестьянских хозяйств. И то и другое приводило к несостоятельности заемщиков и препятствовало формированию деловых и управленческих авторитетов.

В ходе начатой новым министром финансов С.Ю. Вите в первой половине 1890-х гг. реорганизации кредитного дела в России для эффективной помощи промышленности и сельскому (в т.ч. мелкому) хозяйству выводы Осипова получили правительственную поддержку. В результате впервые в России был подготовлен и 1 июня 1895 г. утвержден закон (Положение) о мелком кредите. Закон и созданные на его основе уставы обязали товарищества дифференцировать ссуды исходя из делового расчета, намного увеличили защищенность и возможности оперирования для денежных ресурсов. В неразрывной связи с этим расширением коммерческих полномочий товариществ вводилось

их льготное долгосрочное учредительное кредитование со стороны Госбанка и поддержка, инструктаж и призванный содействовать исполнению законов и уставов контроль со стороны его специальных агентов (инспекторов), что в целом было определено современниками как «государственное попечительство».

Сначала в полной мере нововведения были применены в созданном реформой новом типе кооперативов — беспаявых кредитных товариществах, а затем распространены и на ссудо-сберегательные товарищества. В результате возникла своеобразная организация товарищеского кредита, отличная от широко известных в Европе «систем» Шульце-Делича и Райффейзена и именуемая в некоторых публикациях как «русская система кредитной кооперации». Предпринятая в 1896—98 гг. «доводка» реформ, когда новые принципы посредством подзаконных актов и распоряжений были приведены в действие, и последовавшая в 1900—1902 гг. энергичная популяризация новых порядков и возможностей, увеличение числа банковских агентов, активизация местных властей (административных, финансовых и земских) и общественности, из рядов которой нередко выходили инициаторы, привели к перелому в динамике народного кредита в самом конце XIX в., вскоре перешедшему в быстрый рост.

Созданная реформой ситуация совместного поиска кредитором и заемщиком (товариществом и членом под общим контролем государства) наилучшего способа приложения ссуды способствовала выявлению больших трудовых ресурсов крестьянской семьи, делало даже мелкие ссуды коммерчески оправданными, и — в условиях сравнительного невысокого разрешенного максимума и обязательной выдачи ссуд в порядке подачи заявок — помогало всем трудовым слоям деревни, в т.ч. средним и беднейшим крестьянам, ведущим свое хозяйство, стать полноправными, «состоятельными» (исполняющими обязательства) участниками кредитного процесса. Ориентацией заемщика на экономически эффективное вложение ссуды, т.е., в конечном счете, на получение прибыли, выполнялось обязательное условие, открывавшее дорогу к оперированию с капиталом (ресурсом, следующим закону максимизации прибыли), а значит, к предпринимательству⁶³. Крестьянские хозяйства приобретали способность получать ресурсы не в порядке внеэкономического распределения, а привлекая их прибылью, т.е. на коммерческих основаниях, что повело к приливу в товарищества частного капитала, расширению и удешевлению народного кредита.

Поставленная перед правлением задача эффективного использования ссуд выдвинула на передний план «толковых»

крестьян, «лучших людей» товарищества, заинтересованных в его успехе, дала им возможность проявить себя, постепенно завоевать деловой авторитет и, следовательно, власть. Под их контролем к руководству все чаще стали приходить не добровольцы «из образованного класса», наделенные чрезвычайными, независимыми от товарищества полномочиями, а профессионалы, приглашавшиеся правлением по найму. Введение ясного критерия экономической обоснованности при финансовой и организационной поддержке и контроле Госбанка позволило передать дело создания и успешного функционирования товариществ в руки самих членов, открыв возможности для неограниченного развития народного кредита на основе самоуправления. Самоуправление — подчеркнем парадоксальность данного исторического урока — получило развитие благодаря правильной постановке и усилению «попечения». Такое сочетание создало наиболее эффективную для российских условий организацию мелкого кредита в масштабах страны. Она в определенной мере оградила массового сельского производителя от произвола рыночной стихии и в то же время стимулировала его деловую инициативу, обеспечила ему возможность «подключиться» к капитальным ресурсам и в конечном счете внесла достойный вклад в начинавшийся подъем деревни. Как верно отметил в недавней работе один из известных отечественных экономистов, долговременный рост достигается только тогда, когда найдена оптимальная форма его функционирования — институциональное устройство, «в наибольшей степени отвечающее глубинным особенностям общественного и индивидуального сознания»⁶⁴.

Примечания

¹ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. М., 1971. № 4. С. 66.

² Мы коснемся соответствующих свидетельств ниже, а здесь дополнительно заметим, что отведение мелкому сельскому кредиту места лишь как следствия общего подъема крестьянской деревни свело бы к нелепости весь замысел инициаторов начинания. Они видели возможность придать ему роль локомотива. «Дать толчок к развитию большего благосостояния, дать толчок движению вперед может только народный кредит», — говорил А.В. Яковлев, положив начало кампании по созданию массового мелкого кредита в России. (См.: Яковлев А.В. / Доклад // Второй съезд сельских хозяев при императорском Московском обществе сельского хозяйства [МОСХ]. М., 1871. Отделение 1. Вечернее заседание 27 декабря 1870 г. С. 5.)

³ Государственный архив Киевской области (далее — ГАКО). Ф. 1643. Оп. 1. Д. 126. Л. 61—62.

⁴ Кабанов В.В. Кооперация как канал взаимодействия различных социально-экономических укладов (к вопросу о роли кооперации в социально-экономической структуре капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972; Он же. Пути и бездорожья аграрного развития России в XX в. // Вопросы истории. 1993. № 2; Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988; Он же. Зарождение кооперативного движения в России: взлеты и падения (1860-е — середина 1890-х годов XIX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003; Он же. Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895—1904 гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2004. М., 2004; Кооперация: Страницы истории. Ин-т экономики РАН / Ред. Н.К. Фигуровская. Вып. 1—8. М., 1991—1999; Кооперация как компонент рыночных отношений. Ивановский гос. ун-т. Вып. 1. Иваново, 1996; Вып. 2. Иваново, 1997; Подколзин Б.И. Крестьяне-плантаторы в отечественном свекловодстве начала XX в.: путь к рынку через экономическую интеграцию // Экономическая история России: проблемы поиска, решения. Ежегодник. Вып. 6. М.; Волгоград, 2004; Он же. Страница отечественного опыта перехода к свободной экономике: «народно-кредитные» начинания последней трети XIX в. // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 3. М.; Волгоград, 2002.

⁵ См. подр.: Подколзин Б.И. «Народный кредит»: страница отечественного опыта // Отечественная история. М., 1993. № 6; Фигуровская Н.К., Подколзин Б.И. Петербургский кружок князя А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России // Кооперация: Страницы истории: В 3 т. Т. 1. Кн. 2. 60-е годы XIX — начало XX века. Возникновение кредитной кооперации в России. Ч. 1. М., 2001.

⁶ [Яковлев А.В.] Сельские ссудо-сберегательные товарищества. Вып. 1-й. Образцовый устав с необходимыми к нему пояснениями. СПб., 1875. С. 8.

⁷ Свидетельствами об этом заполнены источники той эпохи, в том числе идущие от инициаторов народнокредитного движения и вообще от искренних сторонников освободительных реформ: крестьяне «занятые деньги старались не возвращать». (См., например: Заседания Петербургского собрания сельских хозяев. 1870. № 1. С. 10. Выступление В.Ф. Лугинина.) Известный земский деятель А.И. Кошелев писал в 1868 г. о «страшной неурядице [«неурядица» от «ряд» — договор. — Б.П.] в крестьянском самоуправлении», «постоянном неисполнении крестьянами всяких сделок, совершаемых ими как между собою, так и с лицами других состояний». Какой-либо силой, традицией, лежащей внутри крестьянства, частные интересы были практически не защищены. «Крестьяне, — писал далее Кошелев, — т.е. добропорядочные из них, шибко тяготятся этим положением». Их вопрос: «А кто же нами будет управлять? Теперь на сельское начальство можно еще пожаловаться хотя бы посреднику [“мировой посредник” — должность, учрежденная

реформой, занимаемая обычно местным дворянином-помещиком. — *Б.П.*], а если его не будет, то сходы, старосты и судьи [судьи крестьянского волостного суда, судившие на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту. — *Б.П.*] нас просто съедят — ложись и умирай». (См.: Кошелев А. Голос из земства. Сб. ст. М., 1869. С. 77, 83.)

⁸ Васильчиков А. О самоуправлении. Т. I. СПб., 1869. С. XXXVII; Лугинин В.Ф. и Яковлев А.В. Сельские ссудные товарищества. СПб., 1870. С. 11, 12, 18.

⁹ Мы сочли необходимым хотя бы перечислить главные основания народного кредита, принятые — после долгих опытов и обсуждений — инициаторами движения, ибо в этом вопросе иногда возникает путаница. Так, автор недавнего обширного и в целом содержательного исследования Я. Коцонис сообщает читателям, что «кооперативные деятели... в первые же десятилетия после Освобождения предполагали: крестьяне уже обладают всеми необходимыми навыками, чтобы действовать как свободные люди в обновленном обществе, а судебная реформа предоставит им нужные юридические гарантии...», а также то, что «финансовая бюрократия... изобрела трудовой принцип». Для читателя (а может быть, и для автора) остается неясным, что кооперативная форма была избрана для того, чтобы создать в социальных низах анклав, обеспечивающие надежность финансовых оборотов (чего «юридические гарантии» как раз сделать не смогли), чтобы доставить широким слоям сельских «бескапитальных» производителей беззалоговый «кредит труду», что с самого начала был установлен принцип «вольного» формирования состава товариществ (прямо противоположный общине), что в их работу были введены «попечители» etc. (См.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861—1914. М., 2006. С. 31—42, 47, 72 и др.). Несомненно, что подобная путаница уводит в сторону от понимания сути возникших проблем и, тем более, логики дальнейшего реформирования.

¹⁰ Ее крайняя важность становится ясной при чтении таких, например, сообщений из деревенской глубинки: «Крестьяне... взявши ссуду из банка, не возвращают ее, будучи уверены, что если они возвратят деньги, то другие крестьяне, получив эти деньги, не отдадут их» (Корчинский С. К вопросу о сельском крестьянском краткосрочном кредите. Киев, 1893. С. 19—20).

¹¹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 2003. С. 495.

¹² Для того чтобы дать представление об общественной обстановке, в которой приходилось прокладывать себе дорогу народнокредитному начинанию, приведем цитату из статьи Г.З. Елисеева, заместителя редактора самого популярного журнала тогдашней России — «Отечественных записок»: «За этой горстью [крестьян, которым, по мнению автора, лишь и поможет народный кредит. — *Б.П.*] стоит непроглядная масса, у которой никогда нет ни гроша и быть не может... которую через новые капиталы, выловленные из нее же и предназначенные тяготеть

над ней же, вы ставите еще в худшее и бедственнейшее положение, чем она была». (См.: [Елисеев Г.З.] Об устройстве сельских банков // Отечественные записки. СПб., 1870. № 2. Отд. II. С. 337—340). О пагубном влиянии подобной критики на ход дела см.: Чупров А.И. Развитие учреждений для мелкого кредита в Западной Европе и в России [1900 г.] // Чупров А.И. Мелкий кредит и кооперация: [Сб.] М., 1909. С. 115—116; а о ее безосновательности см.: Яковенко В.И. Миргородское ССТ по местному исследованию 1894 г. // Сообщения Петербургского отделения. Вып. 11. СПб., 1896. С. 15.

¹³ А. Беретти. Из прошлого // Хроника учреждений мелкого кредита. 1904. № 4—5. С. 12.

¹⁴ Нам уже приходилось упоминать о деятельности в сфере ссудной кооперации этого земского статистика, а позднее видного сотрудника Министерства финансов (Подколзин Б.И. «Народный кредит»: страница отечественного опыта. С. 170), а также рассматривать ее более развернуто, с выявлением центрального пункта его предложений: улучшение делового управления судами с помощью кредитора (Подколзин Б.И. Страница отечественного опыта перехода к свободной экономике: «народно-кредитные» начинания последней трети XIX в. // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 3. М.; Волгоград, 2002. С. 47—53). В своей недавней работе А.В. Соколовский привлек к освещению деятельности Осипова ряд новых материалов (Соколовский А.В. Сельская кредитная кооперация в России в 90-е годы XIX в.: выбор пути // Вопросы истории. М., 2002. № 3. С. 122—124).

¹⁵ Осипов Н.О. Обзор деятельности ссудо-сберегательных товариществ и проект организации сельского кредита. СПб., 1893. С. 116, 138—143. «Кулак» — термин, получивший хождение в общественном сознании той эпохи для обозначения обладающего сравнительно высоким доходом, «зажиточного» крестьянина, «богача», занимавшегося также и ростовщичеством. Заметим, что и в операциях кулака возврат ссуд был далеко не надежен — отсюда такой высокий ссудный процент, включавший страховую премию. Вообще вопрос о ростовщической или производственной направленности кулацкого кредита ждет еще своего обстоятельного исследования. О путанице в этом вопросе, иногда преднамеренной, см.: Гордон А.В. Цивилизационный сдвиг в пореформенной российской деревне (конец XIX — начало XX в. // Культура в эпоху цивилизационного слома. Материалы Международной научной конференции. Москва, март 2001 г. М., 2001. С. 666, 669.

¹⁶ Уманец Ф. Опыт одного ССТ // Новое время. СПб. № 1663. 14.10.1880. В изложении данного сюжета мы использовали также интересный архивный документ: Отношение председателя Прилуцкой уездной земской управы 29 июня 1894 г. в Киевскую контору Государственного банка (ГАКО. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 1805. Л. 197); приведенные принципы первоначальной организации товариществ подробно обоснованы в уже упомянутом вышедшем из «петербургского кружка» руководстве, имевшем установочное значение в народнокредитном движении

вплоть до середины 1890-х гг.: Лугинин В.Ф. и Яковлев А.В. Указ. соч. С. 12, 13.

¹⁷ Ср., например: Кредитование (Lending). Киев, 1994. (London, 1993.) С. 39.

¹⁸ Там же. Осипов Н.О. С. 118—119, 124, 180 и др.; «Как только члены товарищества, — вспоминал один из бывших членов правления ССТ, — стоящие во главе его управления, начинают устанавливать известный порядок в ведении дел, то остальные члены немедленно восстают против таких попыток, ... дело кончается обыкновенно тем, что все капиталы оказываются розданными и товариществу наступает неизбежный конец» (Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. СПб., 1893. Заседание 23 января 1893 г. С. 171). См. также анализ «безначалия» в товариществах в интересном ретроспективном обзоре, выполненном на основе изучения кооперативных архивов, позднее утраченных: (Управление по делам мелкого кредита) Отчет по мелкому кредиту с 1904 г. по 1907 г. (СПб., 1909.) С. 127, 128, 129, 202.

¹⁹ См. об этом: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 211—215; Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. СПб., 1903. С. 110. См. также: Стенографический отчет заседания ПЭК ВЭО 14 марта 1872 г. // Труды ВЭО. СПб., 1872. Т. II. С. 457, 458—460, 467—469, 475; Осипов Н.О. Обзор деятельности ССТ и проект организации сельского кредита. С. 118.

²⁰ Корчинский С. Указ. соч. С. 2—3; см. также об этом: Новый закон об устройстве мелкого кредита // Хроника учреждений мелкого кредита. 1904 г. № 9—10. С. 11.

²¹ Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг. СПб., 1910. С. 76—81; С. Б[ородаевский]. Обороты ССТ по займам ГБ // Сообщения Петербургского отделения. Вып. 15. СПб., 1900. С. 14—15, 55—57. Впрочем, надо заметить, что отношение ГБ к товариществам все же не было чисто коммерческим, а имело признаки «покровительства» (но чисто пассивного свойства): он допускал переписку полученных товариществами ссуд на новый срок, чего никогда не позволял частным дебиторам.

²² РГИА. Ф. 651 (Васильчиковы, князья). Оп. 3. Д. 785. Л. 2, 3, 5.

²³ Мелкий народный кредит // Новое время. № 6389. 10.12.1893; см. также: 13-й отчет Комитета. СПб., 1888. С. XXXVI; Хейсин М. История Петроградского (б. С.-Петербургского) отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах // Вестник кооперации. СПб., 1915. Кн. 8. С. 60, 61; «Кризис, переживавшийся кооперацией, — пишет А.П.Корелин, — едва не привел к полной дискредитации кооперативной идеи». (Корелин А.П. Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895—1904 гг.). С. 183.

²⁴ А. Б[еретти]. Обзор деятельности существующих ССТ // Вестник сельского хозяйства. М., 1900. № 36. С. 15; Соколовский А.В. Сельские кредитные кооперативы 70—80-х годов XIX в. // Кооперация как компонент рыночных отношений. Вып. 2. Иваново, 1997. С. 97—98; см.

также: Чупров А.И. Успехи ССТ за последние годы [1903 г.] // Чупров А.И. Мелкий кредит и кооперация. М., 1909; Хитрово В.Н. Введение к восьмому изданию (1889 г.) // Сельские ССТ. Вып. 1. СПб., 1899. С. 11.

²⁵ Осипов Н.О. Опыт статистического исследования о деятельности ССТ «Товарищества Больше-Токмакское и Мало-Васильевское Бердянского уезда Таврической губернии». СПб., 1887. С. 8—9, 17—18, 28—30, 141—144, 149; он же. Обзор деятельности ССТ и проект организации сельского кредита. С. 35.

²⁶ Менделеев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. // Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 19. Экономические работы, II. М.; Л., 1950. С. 259; Суворин А. Маленькие письма. С. XIV // Новое время. 1893. 13 января.

²⁷ Цит. по: Вессель Н.Х. Наша новая государственная финансовая деятельность (1892—1894). СПб., 1894. С. 36, 38.

²⁸ Основы мелкого сельского кредита // Новое время. 1892. 3 сентября. Можно с большой долей уверенности высказать предположение, что автором статьи был сам Н.О. Осипов (нам неизвестен какой-либо иной деятель, который уже в то время, лето—осень 1892 г., имел бы столь развитую программу реформы народного кредита, да еще такой направленности). Автор или он сам, или кто-то, знакомый с его предложениями и разделявший их. Например, А. Н. Гурьев, сотрудник Осипова по МФ, активно поддерживавший идею реформирования Госбанка и мелкого кредита и ведший в тот период экономическую рубрику в «Новом времени».

²⁹ Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседания 11 и 23 января 1893 г. С. 2, 16, 59, 60, 62, 63, 176; см. также: Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 524.

³⁰ Вывод о возможности в товариществах «бескапитальных» производителей выдачи долгосрочных ссуд, обобщенный на всероссийском материале, появился в работе: [Осипов Н.О.] Об операции вкладов и займов ссудо-сберегательных товариществ за последние 10 лет (1880—1889) // Сообщения С.-Петербургского отделения. Вып. 4. СПб., 1892. С. 21.

³¹ Жвания Дм. Дм. Народники-реформисты в 70—90-е годы XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский): Автореф. канд. дисс. СПб., 1997. С. 18, 24—26; Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 23 января 1893 г. [Выступление П.А. Соколовского.] С. 179. Как известно, ссудная кооперация на деле прошла путь в прямо противоположном направлении, усиливая продуктивность крестьянских хозяйств таким образом, что для них стало посильным широкое привлечение частного капитала на рыночных условиях, т.е. подключение к рынку. С 1901 по 1914 г. сумма «посторонних капиталов» (займов и вкладов), размещенных населением в ссудных товариществах, выросла в 27 раз и достигла 468 млн руб.,

составив $\frac{3}{4}$ имевшихся в их распоряжении средств. (См.: Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России... С. 134.)

³² Гордон А.В. Цивилизационный сдвиг в пореформенной российской деревне... С. 666.

³³ А.Б. (А.А. Беретти). Ссудо-сберегательные товарищества и кассы в Германии // Сообщения Петербургского отделения. Вып. 5. СПб., 1892. С. 69; см. также: 24-й отчет Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах: (Сообщение А.А. Беретти на общем собрании Отделения 18 декабря 1898 г.). СПб., 1899. С. II; Беретти А. Из прошлого // Хроника учреждений мелкого кредита. 1904. № 4—5. С. 13; Осипов Н.О. Обзор деятельности ССТ и проект организации сельского кредита. С. 180, 181, 187—188.

³⁴ Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 23 января 1893 г. С. 154—159, 161—162, 169—171; в публикациях встречаются необоснованные утверждения, что представители Отделения выступили на заседаниях комиссии с предложением «придать кредиту предметный, целевой характер» (ср.: Корелин А.П. Российская кооперация на рубеже веков... С. 185). Такие моменты важно уточнять, потому что, как мы видим, путь народного кредита отнюдь не был «объективно предрешен».

³⁵ Верещагин Н. Кредит населению // Новое время. 1893. 12 ноября. Осипов Н.О. Образцовый устав кредитных товариществ, утвержденный министром финансов 19 июня 1896 г., с разъяснениями и с приложением законоположений, касающихся мелкого кредита. СПб., 1897. С. II—III.

³⁶ Чупров А.И. Развитие учреждений для мелкого кредита в Западной Европе и в России (1900). С. 117; в названном исследовании Я. Коцониса все, здесь описанное, изложено следующим образом: «...Расторопные чиновники набросали текст и вскоре опубликовали Положение об учреждениях мелкого кредита 1895 г., практические последствия которого были, однако, минимальны» (Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми... С. 71).

³⁷ Проект «Положения об учреждениях мелкого кредита»: (Представление Министерства финансов об устройстве мелкого кредита в Госсовет в декабре 1894 г.) // Сообщения Петербургского отделения. Вып. 10. СПб., 1895. С. 139—140.

³⁸ Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 23 января 1893 г. С. 168. Возможности дифференциации дополнительно расширялись для успешных товариществ, получавших разрешение выдавать долгосрочные ссуды, ссуды под залог движимого и недвижимого имущества и производить посреднические операции по поручению членов. Несмотря на то что подавляющее число новых товариществ получило такие права, все эти виды кредитования приобрели в рассматриваемый период сравнительно мало развитие. Однако это не должно затемнять тот факт, что примерно 40 % ссуд направлялось на долгосрочные цели. (См.: Отчет по мелкому кредиту с 1904 по 1907 г. С. 161—166.)

³⁹ См.: Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Петроград, 1918. С. 259.

⁴⁰ Гурьев А.Н. К реформе Государственного банка. СПб., 1893. С. 114.

⁴¹ Журнал Высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. Заседание 23 января 1893 г. С. 168.

⁴² Одной из причин изменения правительственного подхода к аграрно-крестьянской проблеме в конце XIX в. Д. Мэйси называет появление сформированной пореформенной социально-экономической ситуацией «a new generation of enlightened bureaucrats or agrarian experts who brought to the government a new spirit of realism and pragmatism». (См.: Macey D.A.J. Government and Peasant in Russia, 1861—1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. De Kalb, IL, 1987. P. 45). — 2007-VI-26.

⁴³ Бородаевский С.В. Історія кооперації. Прага, 1925. С. 264—265; см. еще об этом: Чупров А.И. Развитие учреждений для мелкого кредита в Западной Европе и в России (1900 г.). С. 117.

⁴⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 69; Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары. Т. III. М., 2002. С. 86—87; см. также некоторые документы из деловой переписки Афанасьева в бытность его управляющим Киевской конторой: ГАКО. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 126. Л. 41—44.

⁴⁵ Бородаевский С.В. Історія кооперації. С. 259—261; Беретти видел наилучший путь для выхода России из «ее печального положения» в развитии самодетельности населения с помощью кооперации; когда он пришел к мнению, что принесет больше пользы как «свободный кооператор», он покинул свой пост в Госбанке (заметим, равный генеральскому) и стал частным образом издавать один из самых влиятельных кооперативных журналов в стране. (См.: Хроника учреждений мелкого кредита. СПб., 1906. № 1. С. 2.)

⁴⁶ ГАКО. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 126. Л. 59; оценка деятельности инспекторов, как и государственных усилий в сфере народного кредита в целом, требует известной осторожности. Разраставшаяся тенденция очернительного изображения тогдашней российской действительности, определяемая антиправительственным настроением большинства общественно-активной интеллигенции, превращала не только публицистику, но и научную литературу в своего рода «кривое зеркало». «Работать с подобным материалом, — замечает новейший исследователь, — не просто методологически, а психологически сложно». Позитивные свидетельства замалчивались, а негативные умножались. «По многим фактам давались опровержения, — пишет по этому поводу известный исследователь русской деревни В.Г. Тюкавкин, — но они тонули в массе новых обличающих заметок». (См.: Гордон А.В. Цивилизационный сдвиг в пореформенной российской деревне... С. 668; Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство. М., 2001. С. 12.)

⁴⁷ Перед началом обращения правительства к сфере народного кредита Петербургское отделение, по словам его историка, «вело уже много лет вялую жизнь». (Хейсин М. История Петроградского (б. С.-Петербургского) отделения Комитета... С. 62.)

⁴⁸ Заседания Съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ // Сельскохозяйственный журнал. 1897—98. 2-я половина. № 3. С. 20—23; Соколовский П.А. О союзах кооперативных товариществ // Там же. № 4. С. 38 и др.

⁴⁹ Милицын Н. Сельские ссудо-сберегательные товарищества // Сельскохозяйственный журнал. М., 1897—98. 1-я половина. № 8. С. 94—97, 102; Чупров А.И. Успехи ссудо-сберегательных товариществ за последние годы. С. 153; А.Б. [Беретти А.А.] Учреждения мелкого кредита и закон о них 1895 г. на суде общественного мнения // Хроника учреждений мелкого кредита. 1904. № 4—5. С. 4, 5.

⁵⁰ Назовем важнейшие работы, освещавшие эту тему: Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России: (Очерки по экономии сельского хозяйства). М., 1899; Булгаков С.Н. Капитализм и земледелие. Т. 1—2. СПб., 1900; см. также: Почему не двигается мелкий кредит? // Новое время. 1900. 5 апреля.

⁵¹ Статьи А.И. Чупрова в «Русских ведомостях» за 1900—1904 гг. были изданы позднее в упомянутом выше сборнике «Мелкий кредит и кооперация»; Чупров А.И. Об отношении русского общества и правительства к мелкому кредиту (1901 г.) // Чупров А.И. Мелкий кредит и кооперация. С. 142, 145; Корхов А.П. Свекловичные севообороты в условиях украинского свеклосахарного района. Харьков, 1918. С. 77—79.

⁵² Барановский Х. Дзэнгелевское ссудо-сберегательное товарищество // Сельскохозяйственный журнал. 1899. № 6. С. 27—28.

⁵³ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России... С. 117.

⁵⁴ Чупров А.И. Успехи ссудо-сберегательных товариществ за последние годы. С. 154; приведенные в тексте показатели подсчитаны нами по данным следующих источников: [Особенная канцелярия по кредитной части МФ]. Обороты кредитных товариществ за 1903 г. СПб., 1905. С. 5, 16, 19; Отчеты Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах: 25-й (СПб., 1900). С. 102—103; 29-й (СПб., 1904). С. 86—87); 30-й (СПб., 1905). С. I, II.

⁵⁵ О «слое зажиточных крестьян», уверенно фиксируемом земской статистикой уже с 80-х гг., говорит в новейшем руководстве Т.М. Тимошина (см.: Тимошина Т.М. Экономическая история России. М., 2003. С. 144); об отношениях этого слоя с народным кредитом см.: Пономарев И. Итоги 2-летней деятельности Салтовского КТ // Хроника учреждений мелкого кредита. 1906. № 1. С. 9; Барановский Х. Взыскание просроченных ссуд // Сельскохозяйственный журнал. 1899. № 10. С. 18—19; Гордон А.В. Цивилизационный сдвиг в пореформенной российской деревне... С. 665, 666; о термине «полупредпринимательский» см.: Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991. Ч. 1. С. 77.

⁵⁶ Обороты кредитных товариществ за 1903 г. С. 9, 23; Осипов Н.О. Обзор деятельности ссудо-сберегательных товариществ и проект организации сельского кредита. С. 92; [Бородаевский С.В.] Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Кредит. СПб., 1904. С. 247 прим.; Бородаевский С.В. Історія кооперації... С. 262.

⁵⁷ Разъяснение термина «состоятельные» дает один из основателей народного кредита: [Коллюпанов Н.П. Передовая статья] // [Газета] «Москва». 1868. № 49; см. также: Чупров А.И. Успехи ССТ за последние годы. С. 161, 166, 167; об упомянутом ниже по тексту массовом сборе «кредитных историй» кооперативами см.: Справки о благонадежности и имущественном положении членов товарищества // Вестник сельского хозяйства. М., 1902. № 45.

⁵⁸ Кулыжный А.Е. Назначение ссуд и производительный кредит // Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16—21 апреля 1908 г. Труды. М., 1908. 4-я паг. С. 1—2; к сожалению, весь этот аспект преобразований оказался за пределами внимания уже упомянутой (прим. 9 и 36) специально посвященной вопросам крестьянской самостоятельности работы Коцониса. Эта лакуна, как и в целом недостаточное внимание к организации народного кредита, привели автора к выводам об отсутствии в кооперативах «механизма дисциплинирования деловой активности», вытеснении «зажиточных» хозяев и компрометации «образа самостоятельного компетентного крестьянина». Эти пороки содействовали, по мнению исследователя, разворачиванию под конец самодержавного периода беспрецедентного натиска на деревню внешних для крестьянства, но претендующих на руководство им социальных и политических сил, что закрепило сословную дискриминацию и преградило путь развитию крестьянской самостоятельности, «сделав крестьян отсталыми» (Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми... С. 219, 279 и др.). Натиск этот безусловно имел место, и в нашем исследовании не раз отмечались его первые проявления. В последнее предвоенное десятилетие он, судя по всему, усилился, и его влияние на судьбу деревни и вообще на ход российской истории заслуживает самого серьезного внимания. Однако ожесточенная политическая и идейная борьба той эпохи не должна затемнять сам кооперативный процесс и его результаты. Кооперация решала проблемы, которые не исчерпывались сословной неполноправностью и не устранялись ее отменой. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что картина была намного более сложной и требует дальнейшей разработки.

⁵⁹ [Барановский Х.А.]. Очерк 15-летней деятельности Дзенгелевского ССТ. Умань, 1910. С. 4—5; А. Б[еретти]. Обзор деятельности существующих ССТ // Вестник сельского хозяйства. 1900. № 21. С. 14—15; № 22. С. 14—16; заслуживает внимания, что процесс профессионализации распорядителей в русских ссудных товариществах происходил одновременно и совпадал по сути с началом широкой корпоративизации и выделением амплуа менеджеров в передовых экономиках мира. Первое важное преобразование в концепции и структуре экономических организаций, пишет Петер Друкер, «took place in the ten years between 1895 and 1905. It distinguished management from ownership and established management as work and task in its own right. This happened first in Germany...» (См.: Drucker P. The Coming of the New Organisation // Harvard Business Review, 66, 1 (January—February 1988). P. 53.

⁶⁰ ГАКО. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 126. Л. 58 об.—61 об.; Съезд представителей кооперативных учреждений Саратовской губернии в 1904 г. // Хроника учреждений мелкого кредита. СПб., 1906. № 1. С. 13.

⁶¹ Хронологический диапазон 1895—1905 гг. выбран таким, чтобы иметь возможность, отталкиваясь от нижней точки «спада», отразить влияние рассмотренных в данной работе организационных преобразований 1890-х гг., действовавших по 1905 г. включительно, вплоть до завершения подготовительных работ по введению нового Положения 1904 г. Знакомясь с представленными таблицами, надо иметь в виду, что учет ссудных товариществ никогда не был строгим, данные литературы несколько разнятся (см. об этом: Отчет по мелкому кредиту с 1904 по 1907 г. С. 102). Но это не мешает достаточному для наших целей обнаружению несомненных тенденций.

⁶² [Осипов Н.О.] Об операции вкладов и займов ссудо-сберегательных товариществ за последние 10 лет (1880—1889). С. 1.

⁶³ Н.Л. Клейн пишет: «...Предпринимательство — это хозяйственная деятельность с целью получения прибыли (предпринимательского дохода) в результате применения собственного или заемного капитала». (Клейн Н.Л. Государство и частное предпринимательство в капиталистической России // Экономическая история России XIX—XX вв.: Современный взгляд. М., 2000. С. 358). Мы вполне разделяем эту точку зрения.

⁶⁴ Клейнер Г.Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. М., 2000. № 1. С. 5, 6.

История
трудовых отношений
в дореволюционной России

*Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, И.В. Шильникова**

Социальное страхование и обеспечение рабочих в России конца XIX — начала XX в.: опыт микроанализа

Важным фактором, оказывающим влияние на трудовую деятельность любого работника, является наличие (или отсутствие) некоторых социальных гарантий, не связанных непосредственно с трудовым процессом. Прежде всего, речь идет о пенсионном обеспечении тех работников, которые, честно прослужив определенное время на предприятии, становятся частично или полностью нетрудоспособными. Другой аспект системы социального страхования связан с поддержкой из средств предприятия (или государства) тех работников, которые оказываются в сложном положении в связи с чрезвычайными ситуациями, — в результате болезни, травмы, в связи с потерей имущества при пожаре и т.п.

Очевидно, что рассмотрение этих вопросов по отношению к промышленным рабочим России конца XIX — начала XX в. требует наряду с изучением эволюции страхового законодательства и анализа существовавших практик *на микроуровне*, по материалам архивов предприятий. В данной работе используются архивные фонды двух крупных текстильных предприятий дореволюционной России — Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове и Товарищества Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ). Отметим, что оба товарищества входили в число десяти самых крупных текстильных предприятий России начала XX в. — как по стоимости производства, так и по числу рабочих. Выбор этих объектов для нашего исследования обусловлен также хорошим состоянием источниковой базы. Делопроизводственная документация рассматриваемых предприятий хорошо сохранилась. Дела Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина

* Бородкин Леонид Иосифович — доктор исторических наук, профессор (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), Валетов Тимур Якубович — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), Шильникова Ирина Вениаминовна — кандидат исторических наук (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета).

находятся в фонде № 673 Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), а дела Товарищества ЯБМ — преимущественно в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), где имеется фонд ЯБМ (Ф. 674).

Отметим, что к началу XX в. на фабриках Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина работало более 11 тыс. рабочих, а на фабриках Товарищества ЯБМ — более 9 тыс.

Прежде чем перейти к анализу рассматриваемого направления социальной политики российских предпринимателей, обратимся к оценке этого направления, преобладавшей в советской историографии.

В капитальном обобщающем труде 1989 г. «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.», где материал о положении рабочих исследован до 1904 г., основная позиция по вопросу о социальном обеспечении выражена следующей фразой: «Тяжелое положение рабочих усугублялось отсутствием социального обеспечения на случай болезни, увечья и старости. При потере трудоспособности предприниматели выбрасывали рабочего просто на улицу или, в лучшем случае, выдав нищенское пособие, отправляли на родину, забыв о его дальнейшем существовании»¹. Там же в качестве описания типичного явления приводится газетная корреспонденция весны 1903 г.: «Пострадавшие от увечий остаются за бортом фабрики без всяких средств к существованию. Рабочие некоторых фабрик застрахованы, но страховая премия попадает в карманы ненасытных фабрикантов». О пенсиях для рабочих в данном исследовании речь вообще не заходит.

«Рабочие, потерявшие трудоспособность, не получали пенсий. В лучшем случае им выдавали небольшое пособие, которого хватало ненадолго, а потом его ждало нищенство и голодная смерть»². Хотя в приведенной цитате речь идет только о Ярославской Большой мануфактуре, этот тезис (в различных формулировках) присутствует во многих работах советских историков рабочего класса. Тем не менее такая оценка определенно нуждается в значительной корректировке. Вопрос об обеспечении дореволюционных рабочих, утративших трудоспособность, достаточно сложен. Не вызывает сомнений тот факт, что сфера социального страхования в Российской империи вообще, и в промышленности в частности, значительно уступала тем стандартам, которые считаются нормой в настоящее время, однако с подобных позиций оценивать историческую ситуацию некорректно. Сложно отрицать, что такая оценка социального страхования, как приведенная выше, допустима по отношению к отдельным предприятиям, прежде всего небольшим, причем

в ранний период индустриального развития, предшествовавший вмешательству государства в эти вопросы. На крупных же предприятиях ситуация нередко была иной и порой существенно отличалась от той трагичной картины, которая рисовалась большинством авторов. Не подлежит сомнению и то, что данная сфера, наравне с другими, претерпела существенную эволюцию за десятилетия дореволюционной индустриализации, на что в советской историографии предпочитали не обращать внимания.

При этом нужно особо отметить, что развитие системы социального страхования рабочих было различным в зависимости от тех проблем, на разрешение которых она была обращена, и подходить к оценке всей системы тоже нужно дифференцированно. Так, если дело пенсионного обеспечения старых рабочих развивалось относительно медленно, то на выплаты пенсий и пособий рабочим, получившим инвалидность вследствие несчастного случая на производстве, тратились значительные средства, и государственные органы затрачивали немало усилий для того, чтобы контролировать этот процесс (по крайней мере, после 1903 г.). В обоих случаях говорить о том, что рабочие никогда не получали пенсий, можно лишь закрыв глаза на многочисленные факты назначения рабочим пенсий разного рода.

Если мы обратимся к сообщениям различных изданий, подготовленных самими дореволюционными предприятиями, в частности, выпущенных к промышленным выставкам, то увидим совсем другую картину. Например, в издании ЯБМ, подготовленном к Парижской выставке 1900 г., читаем: «Заболевшим и вообще тем из рабочих, которые замечают, что их занятия отражаются вредно на их здоровье, предоставляется возможность перехода на более легкую или более подходящую для них работу или на время впредь до поправки здоровья, или навсегда, смотря по желанию рабочего; кроме того, таковым рабочим разрешаются: отпуска (часто продолжительные), выдача пособий деньгами или харчевыми припасами из лавки, наконец, не могущие работать помещаются в богадельню, или им назначается пенсия»³. Это явно противоречит приведенной выше цитате из издания 1970-х гг., посвященного истории того же самого предприятия. Однако для нас в этом вопросе главную роль играют архивные материалы, и они (как мы покажем) подтверждают наличие системы социальных выплат рабочим на крупных текстильных фабриках в конце XIX — начале XX в. Социальные выплаты в этот период в ряде ситуаций регулировались на законодательном уровне, но существенным было и то социальное пространство, на котором могла развернуться (и разворачивалась!) частная инициатива предпринимателей. Наиболее из-

вестный на сегодняшний день пример этого — Никольская мануфактура Морозовых⁴. И архивы рассматриваемых нами текстильных фабрик позволяют заключить, что Никольская мануфактура была не единственным предприятием, владельцы которого реализовывали достаточно активно социальные программы в порядке доброй воли, порой опережая и превосходя требования законодательства.

* * *

Оговорим более подробно, что именно мы будем понимать под социальным обеспечением и страхованием на фабриках. Материалы конкретных предприятий показывают, что на них — систематически или эпизодически — осуществлялись различные выплаты рабочим, оказавшимся в крайне затрудненном положении. Эти выплаты были возможны как в виде единовременных пособий, так и в виде пенсий, выплачивавшихся в течение продолжительного периода. О том, из каких средств производились эти выплаты и насколько заметные суммы они составляли, речь пойдет ниже; сейчас лишь перечислим категории рабочих, имевших в начале XX в. возможность рассчитывать на помощь от фабрики. Чаще всего фабрики не были обязаны оказывать рабочим вспомоществования того или иного типа, мы также не говорим о значительной распространенности всех перечисленных ниже вариантов выплат, но принципиальное существование их несомненно.

Прежде всего, промышленные предприятия несли определенную ответственность перед рабочими, пострадавшими в результате несчастных случаев на производстве. Из фабричных средств оплачивалось содержание пострадавшего в больнице до выздоровления или до признания инвалидности, при этом фабрика обычно платила некоторое пособие за время лечения. Тем рабочим, за кем признавалась «частичная утрата трудоспособности», выплачивалось единовременное пособие, размер которого зависел от тяжести повреждений. Инвалидам, совершенно потерявшим способность к работе, а также и семьям погибших рабочих назначалась регулярная пенсия. Пенсия также могла заменяться единовременной выплатой достаточно крупной суммы. Под «утрату трудоспособности на производстве» могли попасть не только пострадавшие от несчастных случаев, но и инвалиды, потерявшие здоровье в результате профессиональных заболеваний.

Мы встречаем также упоминания о регулярных пенсиях, назначенных старым рабочим, прослужившим на предприятии достаточно длительное время. Иногда такие пенсии продолжали

выплачиваться и семьям старых рабочих после их смерти. Пенсии по старости также могли заменяться единовременными пособиями или натуральным содержанием престарелых рабочих в богадельнях.

На отдельных предприятиях (а после 1912 г. — повсеместно в законодательном порядке) существовала система выплат пособий рабочим, которые временно не могли работать из-за болезни, хотя бы и не связанных непосредственно с производством. Отдельное место здесь принадлежит пособиям, которые выплачивались роженицам в последние недели беременности и первые недели после рождения ребенка, в том числе и на тот период, когда матери не находились в больнице стационарно.

Рабочие (или их семьи) также могли рассчитывать на небольшие пособия в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Наиболее распространенные причины подобных выплат — похороны рабочих или членов их семей и потеря имущества от пожара или в результате какого-либо иного несчастного случая. Однако рабочие могли обращаться за пособием и просто при стесненном положении, и такое пособие иногда выдавалось.

Некоторые из перечисленных аспектов социальных выплат с определенного момента прямо регулировались фабричным законодательством и таким образом становились обязательными к выполнению на всех промышленных предприятиях⁵. Как уже говорилось, в первую очередь это относится к выплатам пострадавшим от несчастных случаев на производстве.

«Вознаграждение рабочих, пострадавших от несчастных случаев»

Среди всех поводов для введения социального страхования наиболее очевидным являлась необходимость прямой ответственности хозяев предприятий перед рабочими, получившими увечье в результате несчастных случаев на производстве. Все прочие ситуации были сложнее; например, ответственность фабрики перед постепенно стареющими работниками была неявной, и там вполне можно было руководствоваться неписаными, освященными всей историей законами трудового рынка (пока рабочий может эффективно исполнять свои обязанности, он интересуется работодателя, и тот готов платить за труд по взаимному договору; как только рабочий перестает быть полезным, он не может больше предлагать свой труд и, соответственно, перестает интересовать работодателя, который теперь заключит договор с новыми рабочими, и все это как будто в рамках вза-

имного согласия). Но если рабочий терял здоровье на самой фабрике, и именно вследствие этого переставал быть полезным, то простое увольнение его было слишком уж очевидной социальной несправедливостью, и возмещение ущерба в какой-либо форме казалось совершенно необходимым.

Правительство довольно рано пришло к осознанию необходимости такого возмещения, хотя щедрость его простиралась не особенно далеко. В утвержденных в марте 1861 г. Правилах о найме рабочих на казенные работы было постановлено, что если при производстве кто-либо «получит тяжелые увечья и останется калекой», то подрядчик должен выплатить ему двойную плату за весь срок найма, та же выплата предназначалась семье рабочего, если тот погиб в результате несчастного случая^б. Уже в 1860-х гг. началась и разработка проекта об ответственности хозяев промышленных предприятий перед пострадавшими от несчастных случаев на производстве. Однако дело шло удивительно медленно, причем периодически доводившиеся до финальной версии проекты все равно не проходили через высшие инстанции вплоть до 1903 г.⁷

Нельзя сказать, чтобы при этом у рабочих не было совсем никаких прав. Они могли требовать возмещения ущерба через суд, руководствуясь общими положениями гражданских законов об ответственности за причинение вреда и убытков. Но тогда рабочим необходимо было доказать прямую вину хозяина, что было очень сложно; общее несовершенство судебной системы усугубляло трудности, так что успешное ведение судебного процесса было чрезвычайно проблематичным для потерпевших. Более распространенной была практика заключения «мировых сделок», когда хозяева выплачивали потерпевшим рабочим некоторую сумму, чаще всего ничтожную, а те давали обязательство отказаться от любых дальнейших претензий⁸.

Тем не менее предприниматели, подстегиваемые появлением соответствующих законопроектов, активно обсуждали проблему страхования от несчастных случаев и предлагали свои решения. Весьма распространенным вариантом стало использование услуг коммерческих страховых обществ. В.П. Литвинов-Фалинский писал, что в последние годы перед принятием закона 1903 г. в таких обществах в России было застраховано более миллиона рабочих, однако самим рабочим это давало немного, потому что «получение вознаграждения от страховых обществ было сопряжено для них с теми же затруднениями и спорами, как и от хозяев фабрик»⁹.

Неопределенность ситуации была разрешена принятием закона 2 июня 1903 г.¹⁰ Этот закон обязал владельцев промыш-

ленных предприятий выплачивать своим работникам пособия в установленном размере в случае полной или частичной потери последними трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве, за исключением таких, насчет которых было бы доказано, что причиной несчастного случая были «злой умысел» или «грубая неосторожность» пострадавшего. Больничное лечение полностью возлагалось на предприятие. Предусматривались компенсации потерпевшим в двух вариантах — пособия и пенсии. Пособия в размере половины заработка работника назначались при временной потере работоспособности, они выплачивались с момента несчастного случая до полного восстановления трудоспособности или же до признания утери трудоспособности постоянной (что должно было подтверждаться медицинским заключением). Пенсии назначались в случае постоянной — полной или частичной — утраты трудоспособности. В первом случае размер пенсии составлял $\frac{2}{3}$ заработка потерпевшего, во втором определялся в зависимости от серьезности полученных увечий. Пенсия назначалась пожизненно, однако через три года любая из сторон могла потребовать пересвидетельствования пострадавшего для уточнения степени трудоспособности. Если рабочий погибал в результате несчастного случая, законом предусматривалась выплата пенсии членам его семьи (в зависимости от степени родства, но суммарно не более $\frac{2}{3}$ заработка; родителям — пожизненно, вдове — до вступления в брак, детям — до достижения 15-летнего возраста). Закон вступил в силу с 1 января 1904 г. сразу на всей территории Российской империи. Хотя нормы «вознаграждения» рабочих, прописанные в этом законе, снизились по сравнению с предложенными в законопроектах, важным было основное преимущество — отныне рабочим не надо было доказывать недоказуемую «вину владельца предприятия», поэтому страхование от несчастных случаев стало для них реальным.

Обсуждение практики применения закона 1903 г. в промышленности Российской империи вообще выходит за рамки данного исследования; как бы то ни было, вопрос о страховании рабочих перешел с этого момента на качественно новый уровень.

Изучение материалов ЯБМ и коншинских фабрик показывает, что правления обоих Товариществ еще и до издания закона 1903 г. самостоятельно вводили некоторый общий порядок поддержки травмированных рабочих, а после — четко следовали закону.

В отчете о деятельности ЯБМ, составленном в 1905 г. управляющим ЯБМ А.Ф. Грязновым, сообщалось следующее: «До издания закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих от не-

счастливых случаев рабочим Мануфактуры, получившим машинные повреждения, Мануфактура выдавала вознаграждение, кому — единовременное, кому — ежемесячное, по нормам, принятым страховыми обществами России и Германии. В настоящее время, после издания закона 2 июня 1903 г., вознаграждение рабочим выдается по нормам, установленным этим законом»¹¹. Сообщение о том, что на фабрике существует четкий порядок выплат пособий пострадавшим от несчастных случаев, имеется и в официальном издании 1896 г.¹² Более показательным, однако, является изучение личных дел рабочих.

Например, ваточник И.Е. Бабушкин в 1884 г. получил «машинное повреждение», долгое время пробыл в больнице. В его личном деле имеется запись: «За все неработаемое время по распоряжению г. директора фабрики выдавалось жалование полностью в размере 50 коп. за рабочий день»¹³.

Второй присучальщик В.П. Багров в 1894 г. пробыл в больнице месяц «по случаю машинного повреждения, за что и было выдано вознаграждение в $\frac{1}{2}$ размере заработка за $24\frac{1}{2}$ дней» по 20 коп в день. Общая выданная сумма составила 4 руб. 90 коп.¹⁴

Запасная банкаброшница А.А. Базанова в 1898 г. перенесла травму с повреждением правой руки машиной. Она провела в фабричной больнице 40 дней, и за это время ей было выплачено 10 руб. 40 коп., при том, что ее обычный заработок составлял менее 6 рублей в месяц¹⁵.

В то же время, например, обмахивальщик И.Л. Багров в 1883 г. также попал в машину и некоторое время не работал вследствие травмы, но в его личном деле вообще нет пометок, что ему выдавалось какое-то пособие¹⁶.

Таким образом, по личным делам выясняется, что большинству рабочих ЯБМ, получивших травму на производстве, действительно выплачивались некоторые пособия за все дни, проведенные как в больнице, так и дома, независимо от длительности периода лечения, причем относительные размеры пособий различаются. Это мог быть половинный заработок, или полный, или пособие даже могло превышать заработок, как это было в случае с А.А. Базановой. Но фабрика могла и вовсе отказать в пособии. Очевидно, каждое дело рассматривалось индивидуально, и в назначении пособий не было единой нормы.

С июня 1903 г. выдача пособий пострадавшим при несчастных случаях происходила уже в соответствии с законодательно установленными нормами. Можно говорить о том, что на ЯБМ закон лишь закрепил уже сложившуюся практику; более того, на требования рабочих увеличить «размер вознаграждения за физические повреждения, полученные рабочими во время ра-

бот», Правление Товарищества теперь отвечало, что размер таких выплат «установлен законом одинаковый для всех рабочих в Империи, и потому никаких особых положений специально на нашей фабрике быть не может»¹⁷.

На фабриках Коншина к концу XIX в. существовал четкий порядок выплат пенсий и пособий пострадавшим рабочим из средств предприятия. В докладе о деятельности благотворительных организаций в 1899 г., подписанном директором Правления С.Н. Коншиным, мы находим, что рабочие были застрахованы в коммерческом страховом обществе. В случае гибели рабочего семье следовало единовременное пособие в размере 1200 подневных заработков; в случае инвалидности — пожизненная пенсия, «соответствующая степени инвалидности и рассчитанная согласно тарифу Общества на основании застрахованной на этот случай суммы, равной 1500-кратному подневному заработку потерпевшего от несчастного случая и включенного в страхование лица»; в случае временной потери трудоспособности — суточное вознаграждение до 50 % подневного заработка, однако не свыше 1 руб. в сутки¹⁸.

О том, как и когда этот порядок утвердился, говорить сложно. К сожалению, сохранившиеся материалы не позволяют в подробностях изучить историю выплат пособий, зато все пенсии, независимо от причин их назначения, записывались в специальную книгу¹⁹. Согласно этой книге первая пенсия была назначена в июне 1883 г. матери погибшего рабочего отбельного цеха ситценабивной фабрики. Пенсия составила 5 руб. в месяц, а в 1895 г. она была уменьшена до 3 руб. Пенсии семьям погибших на производстве рабочих были также назначены в 1889 г. (две), в 1892 г. (еще две) и в 1900 г. (одна), а первая пенсия по увечью была назначена только в марте 1897 г.

То же мы встречаем и на Ярославской мануфактуре. Так, в августе 1900 г. умер «от придавления машиной» Н.С. Бабушкин, проработавший на ЯБМ в течение трех лет. Из родственников у него оставалась только мать, вдова 62 лет, которая нигде на тот момент не работала. После смерти сына ей было назначено пособие сначала на полгода в размере 5 руб. в месяц (3 руб. — харчами, 2 руб. — деньгами). Затем выплата пособия в том же размере неоднократно продлевалась и завершилась только в сентябре 1902 г. в связи со смертью женщины. На ее похороны из средств ЯБМ было выделено 10 руб.²⁰

В фонде коншинских фабрик имеется черновик ответа Правления на анкету, разосланную Советом съездов представителей промышленности и торговли относительно несчастных случаев на двух ткацких фабриках²¹. О страховании в 1901—1903 гг.

здесь есть лаконичная запись: «Рабочие были застрахованы от несчастных случаев в страховом обществе»; очевидно, речь идет о таком коммерческом страховом обществе, как говорилось выше. С введением в действие закона 1903 г. Товарищество Н.Н. Коншина стало руководствоваться его нормами.

Несчастных случаев у Коншина было, если сравнивать с высоким уровнем травматизма в дореволюционной промышленности вообще²², относительно немного. В журнале заседания Больничного совета от 6 марта 1907 г. приводятся следующие данные: за два года было 868 несчастных случаев, «т.е. меньше, чем по 12 на день; из них в 59,9 % травмы были столь легки, что потерпевшие не бросали работы, в 34,3 % наблюдалась временная утрата трудоспособности, оплаченная в среднем по 6 руб. 40 коп., и только в 5,8 % повреждение было более серьезное»²³. Это, однако, все равно дает в среднем 25 серьезных несчастных случаев в год.

Можно привести и более детальную статистику — за несколько лет по двум ткацким фабрикам и за 1906/07 г. — по всем фабрикам товарищества.

Таблица 1

**Статистика несчастных случаев на ткацких фабриках
Н.Н. Коншина. 1901—1906 гг.**

| Год | Прядильно-ткацкая | | | | | Новая ткацкая | | | | |
|------|------------------------------|-------------------|--|---|-----------------------------------|------------------------------|-------------------|--|---|-----------------------------------|
| | Число рабочих на начало года | Смертельный исход | Неизлечимое увечье с полной потерей трудоспособности | Неизлечимое увечье с временной потерей трудоспособности | Временная потеря трудоспособности | Число рабочих на начало года | Смертельный исход | Неизлечимое увечье с полной потерей трудоспособности | Неизлечимое увечье с временной потерей трудоспособности | Временная потеря трудоспособности |
| 1901 | 5067 | — | 1 | 15 | 150 | 3257 | — | — | 3 | 18 |
| 1902 | 4874 | — | 2 | 10 | 113 | 3307 | — | 1 | 1 | 33 |
| 1903 | 4986 | — | — | 2 | 87 | 3276 | — | — | 1 | 21 |
| 1904 | 4799 | — | — | 4 | 35 | 3268 | — | — | 4 | 12 |
| 1905 | 4818 | — | — | 8 | 45 | 3261 | — | — | 1 | 17 |
| 1906 | 4781 | — | — | 4 | 37 | 3350 | — | — | — | 27 |

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16—17.

Таблица 2

**Статистика несчастных случаев на фабриках Н.Н. Коншина
за период с 1 января 1906 г. по 1 января 1907 г.**

| | Прядильно-ткацкая | Новая ткацкая | Ситценабивная | Красильно-отделочная | Литейн. завод и хоз. учр. | Всего | В % ко всему числу рабочих |
|--|-------------------|---------------|---------------|----------------------|---------------------------|-------|----------------------------|
| Смертельный исход | Не было | | | | | | |
| Увечье (пост. потеря трудоспособности) | 5 | 3 | 12 | 2 | — | 22 | 0,2 |
| Временная утрата тр. | 94 | 33 | 30 | 29 | 3 | 189 | 1,7 |
| Без последствий | 145 | 23 | 67 | 39 | 3 | 277 | 2,4 |
| Незаконченное | — | — | 1 | — | — | 1 | 0,0 |
| Итого | 244 | 59 | 110 | 70 | 6 | 489 | 4,3 |

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 453. Л. 61.

Приведенные в таблицах 1 и 2 данные показывают, что доля тяжелых производственных травм на фабриках Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина была относительно невелика.

В таблице 3 приводится статистика выплат рабочим коншинских ткацких фабрик.

Таблица 3

«Вознаграждение» (руб. в год) пострадавшим от несчастных случаев рабочим ткацких фабрик Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1904—1906 гг.

| Прядильно-ткацкая фабрика | | | |
|--|--------|---------|--------|
| | 1904 | 1905 | 1906 |
| Единовременными вознаграждениями за увечья | 258,40 | 3113,30 | 729,85 |
| Пенсиями за увечья | — | 26,21 | 21,85 |
| Временными пособиями | 176,54 | 324,03 | 191,88 |
| Новая ткацкая фабрика | | | |
| | 1904 | 1905 | 1906 |
| Единовременными вознаграждениями за увечья | 366,30 | 21,90 | н/д* |
| Пенсиями за увечья | — | — | — |
| Временными пособиями | 63,89 | 66,13 | 118,43 |

* В источнике записано: «Неизвестно, год не окончен».

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16—17.

В данные годы, в отличие от 1901—1902 гг., на фабриках не было тяжелых несчастных случаев, приводящих к полной инвалидности и требующих назначения пенсий; в прочих случаях дело обходилось выплатой единовременных пособий (средний размер их кардинально различается, — от 2 до 60 руб. на случай, — и, следовательно, не является показательным, потому что он оказывается слишком сильно зависящим от тяжести конкретных травм). Временные пособия — это те, что выплачивались во время нахождения рабочих в больнице, они фактически не представляют собственно «вознаграждения» как компенсации ущерба при несчастном случае, и общая сумма временных пособий заметно уступает сумме единовременных пособий. В случае выплаты единовременного пособия рабочий давал расписку в том, что в дальнейшем не будет иметь никаких претензий к владельцам предприятия и фабричной администрации.

Некоторые изменения в законодательстве о страховании рабочих от несчастных случаев появились в 1912 г., когда были приняты (23 июня) в едином комплексе несколько законодательных актов относительно страхования рабочих не только от несчастных случаев, но также и от болезней²⁴. В частности, новым законом было определено, что длительность рабочего года должна составлять 280 рабочих дней, а не 260, как считалось ранее, а это сказывалось на установлении размера пенсий и заменяющих их единовременных пособий. По новому закону содержание травматических больных в больнице в течение первых 13 недель перекладывалось на больничные кассы, средства которых лишь частично формировались из вкладов владельцев предприятий, зато размер этого содержания мог теперь достигать $\frac{2}{3}$ заработка, и после 13 недель болезни пособие назначалось в размере $\frac{2}{3}$ заработка, даже если потеря трудоспособности была временной (§ 18—19 Положения о страховании рабочих от несчастных случаев). Новым законом для обеспечения выплат по несчастным случаям в обязательном порядке учреждались страховые товарищества. Тем не менее законы 1912 г. не внесли принципиальных изменений в порядок страхования пострадавших на производстве рабочих и членов их семей; основное значение этих законов состояло в обеспечении заболевших рабочих, о чем речь пойдет ниже²⁵.

Пенсии по старости

Если с 1903 г. российское фабричное законодательство давало определенные гарантии для пострадавших на производстве, а с 1912 г. — еще и для тех, кто временно не работал по болезни,

то никакие другие случаи нетрудоспособности законодательством не рассматривались. Вопрос обеспечения стариков вообще был достаточно острым почти во всех сферах деятельности в дореволюционной России. Казна считала себя обязанной только в отношении государственных чиновников, руководствуясь Уставом о пенсиях и единовременных пособиях, принятым еще в 1827 г.* В Уставе очень подробно были прописаны все обязательства государства, и в качестве базового был принят срок «беспорочной выслуги» в 25 лет²⁶. Пенсионное обеспечение всех прочих работников возлагалось на усмотрение и добрую волю их работодателей. Иногда создавались специальные пенсионные кассы, в которые отчисляли определенный процент жалованья всех работников (так, например, было нередко организовано пенсионное обеспечение учителей и врачей). Чем более состоятельным в финансовом отношении был работодатель, тем реальнее было существование подобного обеспечения. Специальные постановления об открытии страховых касс для городских служащих и рабочих были приняты городскими думами нескольких крупнейших городов: в Риге — с 1879 г., в Петербурге — с 1888 г., в Одессе — с 1890 г.²⁷ Организация пенсионного обеспечения рабочих на частных промышленных предприятиях естественным образом возлагалась на хозяев, так что оно могло быть реализовано только в результате частной инициативы предпринимателей, и на крупных фабриках это иногда делалось. Посмотрим, как решался этот вопрос на рассматриваемых нами текстильных фабриках.

Как уже говорилось, выплата пенсий рабочим, получившим увечье от полученной на производстве травмы, а также семьям погибших в результате несчастного случая постепенно входит в практику на крупных предприятиях еще до принятия закона 1903 г. Однако в те же годы появляются и первые пенсии для рабочих, более не способных трудиться в силу возраста или тяжелого хронического заболевания. Эти пенсии поначалу не подчинялись никакой обязательной системе правил, а вводились на основе частных решений Правления по итогам рассмотрения каждого конкретного случая.

Как отмечалось выше, первая пенсия на фабриках Коншина (матери погибшего рабочего) была назначена уже в 1883 г., первая же пенсия по старости была установлена в 1887 г., однако первые пенсии назначались крайне редко. За время с июня

* Отдельные обязательства существовали у государства перед офицерами, для которых основой были Свод военных постановлений и Свод морских постановлений.

1883 г. по декабрь 1893 г. было назначено всего 9 пенсий, из них 6 случаев — возмещение родным за смерть рабочего в результате несчастного случая, в среднем по 5 руб. в месяц, а три — по старости (рабочий 88 лет, стаж 62 года; ярмарочный приказчик 88 лет, стаж 40 лет; ярмарочный паковщик 72 лет, стаж 50 лет)²⁸. При назначении пенсии, помимо длительности и добросовестности работы человека на предприятии (на что обращалось первоочередное внимание), учитывался целый ряд других критериев. В очерке о положении рабочих ткацких фабрик, подготовленном Правлением Товарищества Коншина в 1908 г., говорится: «Семьям бывших рабочих и служащих выдаются пенсии. Ни число лет службы, дающее право на пенсию, ни размеры пенсии — не установлены. При назначении пенсии принимается во внимание работоспособность и имущественное положение семьи. Точно так же назначаются пенсии и устаревшим и заболевшим рабочим, причем принимается во внимание не только продолжительность службы, но и степень ее добросовестности и семейное и имущественное положение, трудоспособность и другие условия»²⁹.

На основе тех же принципов происходило назначение пенсий и рабочим Ярославской Большой мануфактуры (хотя в документах этого предприятия слово «пенсия» фигурирует редко, гораздо чаще — «ежемесячное пособие бывшим рабочим»).

Как правило, одним из условий назначения пенсии было наличие заключения врача о нетрудоспособности рабочего. Так, в личных делах рабочих ЯБМ перед записью о назначении пенсии обычно присутствует заключение фабричного врача о причине невозможности данного работника продолжать трудовую деятельность. Из письма, направленного заведующему больничными учреждениями Товарищества Н.Н. Коншина в декабре 1903 г., следует, что в фабричной больнице старики, подавшие прошение о назначении пенсии, проходили освидетельствование на предмет возможности трудиться. При этом Правление хотело бы иметь не только заключение о состоянии здоровья рабочего, «но и выяснить, при наличии болезненных изменений, является ли болезненность следствием профессионального труда или стоит в связи с причинами, ничего общего с трудом и его обстановкой не имеющими, как то: наследственные болезни, возраст и т.п.»³⁰

В 1894—1900 гг. на фабриках Товарищества Н.Н. Коншина количество назначенных пенсий несколько увеличилось по сравнению с предшествующим периодом и составило несколько

десятков: если считать все пенсии старых рабочих, то таковых оказывается 34, если же считать также с пенсиями семьям старых рабочих, которых продолжили поддерживать и после смерти самого рабочего, то получается 41 случай назначения пенсии (табл. 4). Для того чтобы находить средства для поддержки постоянно увеличивающегося числа пенсионеров, с 1898 г. Товарищество начало отчислять из прибыли суммы в пенсионно-страховой капитал, и уже в июле того же года этот капитал составлял почти 32 тыс. рублей³¹.

Таблица 4

Статистика пенсий, назначенных бывшим рабочим фабрик Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1894—1900 гг.

| Год | Семье погибшего на фабрике рабочего | | По увечью | | По старости | | Семье умершего старого рабочего | |
|------|-------------------------------------|---------------------------|--------------|---------------------------|--------------|---------------------------|---------------------------------|---------------------------|
| | число пенсий | средний размер (руб./мес) | число пенсий | средний размер (руб./мес) | число пенсий | средний размер (руб./мес) | число пенсий | средний размер (руб./мес) |
| 1894 | — | — | — | — | 3 | 9,7 | — | — |
| 1895 | — | — | — | — | 1 | 15 | — | — |
| 1896 | — | — | — | — | 3 | 3,3 | — | — |
| 1897 | — | — | 1 | 4 | 2 | 6,5 | — | — |
| 1898 | — | — | 3 | 3 | 9 | 5,6 | 4 | 6,5 |
| 1899 | — | — | 4 | 6,5 | 10 | 7 | 2 | 4 |
| 1900 | 1 | 4 | — | — | 6 | 7 | 1 | 3 |

Источник данных для вычислений: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1202.

В 1900-х гг. число бывших рабочих, имевших от Товарищества пенсии, заметно увеличилось. Так, на 1 декабря 1908 г. пенсии получали уже 294 человека.

Возможно, именно в связи с возросшим числом пенсионеров в 1907 г. у Коншина был разработан достаточно подробный проект Правил о начислении пенсий, состоящий из 31 пункта. В проекте указывалось, при каких условиях и на какой размер пенсии имеют право рабочие, однако второй пункт

по-прежнему гласил: «Пенсии назначаются впредь до изменения, без всякого обязательства для Товарищества, а поэтому могут быть отменены во всякое время». Заметим, что согласно этим Правилам пенсионеры не имели права на проживание в фабричных казармах, хотя такие случаи и имели место — в 1907 г. в спальнях при прядильно-ткацкой фабрике жили 13 пенсионеров и при Новой ткацкой — 3 пенсионерки³². У нас нет точных данных, позволяющих утверждать, что данный проект был принят (в приведенном виде или с корректировками), но нет и оснований предполагать, что он был отвергнут.

Рост числа бывших рабочих, получавших пенсии, происходил и на ЯБМ. В 1907 г. пенсии получали 95 человек (рабочие и служащие), в 1910 г. — 107, в 1912 г. — 146 человек (в последних двух случаях учтены только рабочие). Данные табл. 5 свидетельствуют, что среди пенсионеров были люди разных возрастных групп, многие из которых, очевидно, вынуждены были уволиться не в силу «старческой дряхлости», а по причине разного рода заболеваний, не позволявших продолжать работу на фабрике (в их число входят и получавшие пенсии по закону 1903 г.).

Таблица 5

**Сведения о возрастном составе пенсионеров ЯБМ.
1907 и 1912 гг.**

| Возраст пенсионеров | 1907 | | | 1912 | | |
|---------------------|------|------|-------|------|------|-------|
| | муж. | жен. | всего | муж. | жен. | всего |
| До 55 лет | 18 | 21 | 39 | 27 | 18 | 45 |
| 55—59 лет | 6 | 6 | 12 | 11 | 11 | 22 |
| 60—65 лет | 5 | 11 | 16 | 10 | 11 | 21 |
| 65 и более лет | 15 | 13 | 28 | 24 | 23 | 47 |
| Возраст неизвестен | — | — | — | 2 | 9 | 11 |
| Всего | 44 | 51 | 95 | 74 | 72 | 146 |

Примечание. За 1907 г. учтены рабочие и служащие, за 1912 г. — только рабочие.

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 97. Л. 4; Оп. 1. Д. 7568. Л. 1—3.

Разброс в размерах выплачивавшихся пенсий был достаточно велик, однако подавляющее большинство бывших рабочих и у Коншина, и у Карзинкиных получали от 3 до 5 руб. в месяц (табл. 6 и 7).

Таблица 6

Распределение пенсионеров (рабочих и служащих) на фабриках Н.Н. Коншина по размеру выдаваемой пенсии. 1908 г.

| Размер пенсии (руб./мес) | Число пенсионеров | Процент от общего числа |
|--------------------------|-------------------|-------------------------|
| 1—2 | 4 | 1,4 |
| 3 | 115 | 39,1 |
| 4—5 | 116 | 39,5 |
| 6—10 | 37 | 12,6 |
| 12—15 | 7 | 2,4 |
| 16,5—20 | 7 | 2,4 |
| 25—35 | 6 | 2,0 |
| 50—75 | 2 | 0,7 |

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 51.

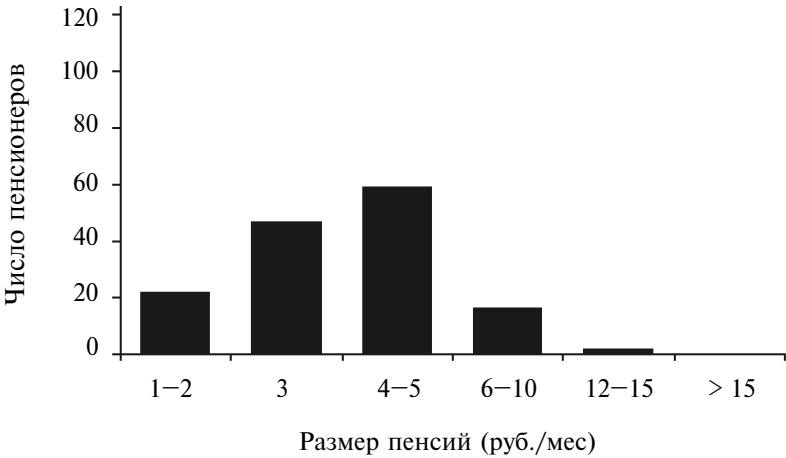
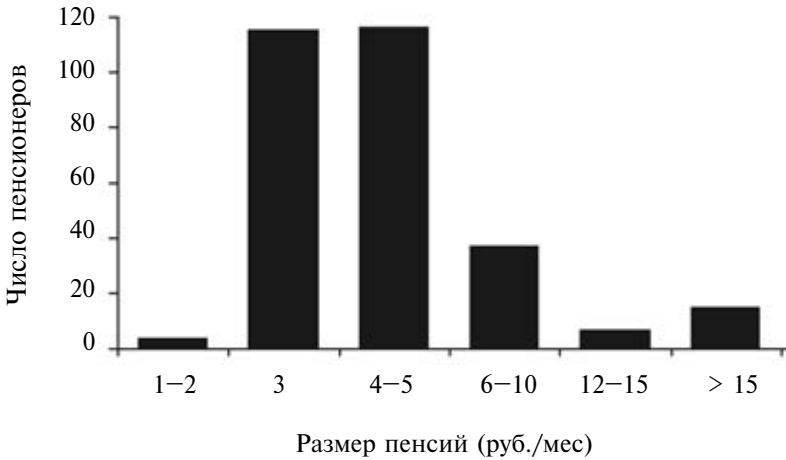
Таблица 7

Распределение пенсионеров (рабочих) при ЯБМ по размеру выдаваемой пенсии. 1912 г.

| Размер пенсии (руб./мес) | Число пенсионеров | Процент от общего числа |
|--------------------------|-------------------|-------------------------|
| 1—2 | 22 | 15 |
| 3 | 47 | 32,2 |
| 4—5 | 59 | 40,4 |
| 6—10 | 16 | 11 |
| 12—15 | 2 | 1,4 |

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7568. Л. 1—3.

**Распределение пенсионеров по размеру пенсий на фабриках
Н.Н. Коншина в 1908 г. (вверху)
и Товарищества ЯБМ в 1912 г. (внизу)**



Как показывают документы, средний размер пенсии у мужчин был несколько больше, чем у женщин. Так, на ЯБМ в сентябре 1910 г. ежемесячные пенсии из фабричных средств получили 50 мужчин и 57 женщин. Средний размер пособия на одного человека для мужчин составлял 4,06 руб., для женщин — 3,04 руб.³³ В 1912 г. в среднем бывший работник получал 4,02 руб., работница — 3,20 руб.³⁴ При этом существенной раз-

ницы средних показателей возраста и стажа пенсионеров (порядка 30 лет и более) у мужчин и женщин не наблюдается. Такое различие в пенсиях, впрочем, вполне объяснимо — женщины обычно получали меньшую заработную плату, а размер пенсий был напрямую связан с размером заработка.

На коншинских фабриках бывало, что пенсионеры просили выдать причитающиеся им суммы авансом на несколько месяцев вперед (10—15 руб.), и Правление иногда шло им навстречу. Так, 12 июня 1907 г. Правление удовлетворило ходатайства нескольких пенсионеров о выдаче им вперед некоторых сумм: одному — 30 руб., другому — 15 руб., еще двум — по 10 руб.³⁵ Но крупные авансы считались нежелательными. Так, в 1907 г. в Правление обратилась М.Г. Варакина, вдова рабочего, которой (вместе с тремя малолетними детьми) после смерти мужа в 1899 г. была назначена пенсия в размере 8 руб. в месяц (т.е. 96 руб. в год). Она просила выдать ей разово 250 руб. авансом на покупку дома, притом с разрешением в случае ее смерти продать дом в пользу Товарищества. Запрошенная сумма аванса тем не менее была сочтена чрезмерной, и в прошении было отказано³⁶.

Другой формой пенсионного обеспечения были единовременные выплаты, выдававшиеся возрастным рабочим при увольнении. Статистики на этот счет не имеется ни по одному из рассматриваемых предприятий, но архивные материалы дают основания предполагать, что такая форма расчета с рабочими была не слишком распространенной. Об этом свидетельствуют, в частности, данные отчета о деятельности ткацких фабрик Товарищества Н.Н. Коншина в 1902—1908 гг.: при наличии в нем множества различных статистических данных в разделе «Пенсии и пособия» приводятся только сведения о выплатах единовременных пособий в соответствии с законом 1903 г.*

Приведем примеры единовременных выплат, заменяющих пенсии по старости. В документах Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина зафиксирован следующий случай, относящийся к октябрю 1902 г.: ввиду сокращения штатов в рисовальном отделении ситценабивной фабрики решили уволить рабочего М.Б. Астапова, «причем в вознаграждение его долголетней службы» выдать ему единовременно годовой оклад получаемого им содержания. Однако рабочий ходатайствовал, что этого воз-

* Если говорить о страховании по инвалидности, то там единовременные выплаты случались часто; они могли — по взаимному согласию сторон — заменять и положенные пенсии; это было разрешено и законом 1903 г. (п. 19), и законом 1912 г. (п. 35 положения о страховании от несчастных случаев).

награждения мало, и ему было решено выдать еще и жалованье по Пасху 1903 г.³⁷ В личном деле ленточника В.А. Балашова, работавшего на ЯБМ с 1898 г., записано, что в 1912 г. вследствие болезни (что подтверждалось заключением врача фабричной больницы) он вынужден был уволиться и подал заявление с просьбой о выдаче 50 руб. в качестве единовременного пособия. Фабричная администрация удовлетворила эту просьбу за счет сумм штрафного капитала. Менее чем через месяц после подачи заявления Балашов получил единовременно 30 руб. (первоначальная сумма была снижена фабричным инспектором)³⁸.

Поскольку назначение пенсии не было обязательным, то были и работники, ничего не получавшие после окончания своей трудовой деятельности. Так, сторож ЯБМ П.Е. Баранов (возраст 70 лет, стаж — 16,5 лет, незначительное количество взысканий) при увольнении в январе 1904 г. вследствие болезни (после 1,5-месячного пребывания в фабричной больнице) получил отказ в выдаче какого-либо пособия³⁹. Известен случай, когда рабочий коншинской фабрики (47 лет, стаж — 18 лет в качестве фабричного рабочего, потом еще 8 лет в качестве сторожа, в 1875 г. потерял руку в результате несчастного случая, при этом не получил никакого пособия, семья — безработная жена и дочь 6 лет) был в 1900 г. просто уволен с фабрики, обратился в суд и с жалобой к фабричному инспектору, и лишь после долгих разбирательств получил небольшую компенсацию, причем по распоряжению фабричного инспектора, а не Правления.

В 1912 г. на одном из заседаний Правления Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина вопрос о пенсиях был поставлен по-новому: он был увязан с той пользой для производства, которую бы имело увольнение стариков и замена их более молодыми рабочими. Примечательно, что Правление не считало себя вправе просто уволить старых рабочих, а рассматривало вопрос о назначении пожизненных пенсий, хотя речь шла пусть и о нежелательных для производства, но все же еще вполне трудоспособных рабочих. Думается, что в такой постановке вопроса можно видеть эволюцию пенсионной политики на крупных частных предприятиях. Конечно, в плане пенсионного обеспечения речь может идти только о рабочих, которые долгое время добросовестно прослужили на этой фабрике, а также о квалифицированных рабочих и мастерах, обеспечение старости которых Правление считало необходимым принимать на свой счет. В 1890-х гг. это лишь считанные единицы, к 1910-м гг. число пенсионеров заметно увеличивается, так что на пенсию из средств предприятия могли рассчитывать уже многие из рабочих, отдавших фабрике силы.

Безусловно, та сумма, которая назначалась в качестве пенсии, в подавляющем большинстве случаев была явно недостаточной для обеспечения жизненных потребностей покинувшего предприятие работника. Общие затраты фабрикантов на выплаты пенсий были не так уж велики, хотя и постоянно росли. На Ярославской Большой мануфактуре в 1908 г. из фабричных средств рабочим было выдано пенсий на 7016,92 руб.⁴⁰, а в 1909 г. на пенсии рабочим и служащим было потрачено уже 17 700 рублей⁴¹. Трехгорная мануфактура в Москве в 1912 г. поддерживала 192 пенсионеров (включая служащих, размер пенсии которых мог достигать нескольких сот рублей в год), которым в течение года выплатила в общей сложности 27 428,86 руб.⁴² Однако при всем том решение о выплате пенсий бывшим рабочим, принимавшееся владельцами крупных текстильных предприятий, было достаточно серьезным шагом, к тому же опережающим законодательные предписания. И можно полагать, что наличие системы пенсионного обеспечения могло занимать достаточно важное место среди прочих факторов, привлекающих рабочих. Ведь на большинстве фабрик, особенно более мелких, не платили вообще никаких пенсий, выходящих за рамки требований закона.

Богадельни

Помимо денежных пенсионных выплат фабрика могла оказывать престарелым рабочим поддержку в виде натурального обеспечения; наиболее важным здесь было предоставление жилья. У Коншиных пенсионерам официально не было позволено занимать место в казармах для рабочих, хотя были и исключения из этого правила. А на Никольской мануфактуре Морозовых пенсионеры могли проживать в фабричных казармах, и тогда они получали меньшую пенсию, чем проживающие «на стороне»⁴³.

Но более распространенным был другой вариант натурального обеспечения престарелых рабочих. При некоторых фабриках по инициативе и на средства владельцев создавались богадельни, предоставление места в которых рассматривалось хозяевами как эквивалент (замена) пособия по нетрудоспособности (пенсии). Прохоровы, начиная с 1840-х гг., «давали помещение или оплачивали его стоимость для приходских (Никольской и Предтеченской) богаделен и выдавали значительные денежные пособия. Впоследствии была устроена и собственная богадельня»⁴⁴. С 1881 г. открылась богадельня при Никольской

мануфактуре, рассчитанная поначалу лишь на 15 мест, но к 1899 г. благодаря постройке нового каменного здания это учреждение вмещало уже 167 человек⁴⁵.

В ноябре 1892 г. для рабочих Ярославской Большой мануфактуры была организована богадельня им. И.И. Карзинкина, предназначавшаяся, как было записано в Уставе, «для призрения лиц обоюбого пола из числа рабочих и служащих мануфактуры, не имеющих средств к жизни и не способных к труду по старости или физическим недостаткам»⁴⁶. Она размещалась в специально построенном здании. Богадельня существовала на проценты с капитала в 100 тыс. рублей, пожертвованного Карзинкиными, а также на суммы, отчисляемые по решению общего собрания пайщиков Товарищества и на пожертвования частных лиц⁴⁷. В 1892 г. на содержание богадельни было израсходовано 2022,76 руб.⁴⁸ В последующие годы эта цифра колебалась в пределах 4200—4700 руб.⁴⁹

Попечителем богадельни с момента ее создания стал С.С. Карзинкин, на имя которого через директора (заведующего) мануфактуры рабочие и подавали прошение «о приеме на призрение»⁵⁰. Устав богадельни определял порядок получения мест, проживания и «увольнения» из нее бывших рабочих или членов их семей. Богадельня состояла из мужского и женского отделений. Проживавшие в ней бывшие рабочие предприятия находились на полном обеспечении. В случае болезни они могли рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь в больнице при мануфактуре (причем в случае хронического заболевания срок пребывания в больнице мог быть очень велик; случалось, что человека оставляли там на неограниченный срок, т.е. постоянно⁵¹), а в случае необходимости — в земской или городской больнице, где их лечение оплачивалось из средств богадельни. С разрешения попечителя призреваемые имели право заниматься «в свою пользу работами, не нарушающими чистоты и спокойствия богадельни». Помещенные в богадельню не были заперты в четырех стенах, однако отлучаться куда-либо могли только с ведома смотрителя (смотрительницы). Покинуть богадельню можно было опять-таки по распоряжению попечителя «в следующих случаях: а) по собственному их желанию, б) за предосудительные поступки, которые не могут быть терпимы в богоугодном заведении и в) за нарушение установленных попечителем правил». Точное число человек, которые могли одновременно пребывать в богадельне, Уставом не было определено и зависело «от денежных средств и помещения богадель-

ни». Желающих попасть в богадельню было больше, чем мест. Иногда прием новых людей временно приостанавливался до тех пор, пока «число призреваемых не уменьшится»⁵². В этой ситуации согласно Уставу при приеме в богадельню «преимущество отдается более нуждающимся, по усмотрению попечителя, в случае же одинакового положения они принимаются в богадельню по очереди поступления от них просьб, которые записываются с этой целью в особую книгу»⁵³. Случалось, вне очереди администрация удовлетворяла просьбы одиноких рабочих, за которыми некому было ухаживать. Записи же в личных делах позволяют заключить, что, кроме семейного положения, учитывались также стаж (как правило, не менее 15 лет, хотя были и исключения) и добросовестность работы текстильщика на фабрике.

В случае предоставления места в богадельне рабочему прекращали выплачивать пособие пенсионного типа, если таковое было назначено ранее, и наоборот. Так, П.И. Баранова работала на ЯБМ с 1884 г. ленточницей. В 1909 г. она получила награду за 25 лет работы на фабрике, а 26 марта 1910 г. была уволена в силу преклонного возраста (68 лет) и получила место в богадельне. Пробыв там 7 месяцев, она обратилась с просьбой на имя заведующего Старой фабрикой о назначении ей ежемесячного пособия взамен места в богадельне, объяснив это следующим образом: «Вследствие смерти свахи я по просьбе зятя заняла ее место, чтобы приглядеть за домом и ребятами, поэтому я оставила фабричную богадельню...» С 1 ноября 1910 г. ей было назначено пособие из средств фабрики размером 3 руб. в месяц, при этом Баранову предупредили, что «вторично в богадельню можно попасть только по очереди»⁵⁴.

Очевидно, бывали случаи, когда в богадельню принимали не только бывших рабочих, но и членов их семей. Так, на заседании Правления ЯБМ в январе 1895 г. было решено «шлихтовальщика Г.И. Иванова со старухой женой принять в богадельню Т-ва»⁵⁵. В протоколе того же заседания записано: «обмахивальщику Бурову, который служил 21 год и вследствие старости не может работать, выдавать ежемесячно харчами по 5 руб. сроком на 1 год, или же принять его в богадельню Т-ва»⁵⁶. В последнем случае уже фабричная администрация принимала решение, какой из двух вариантов будет реализован. Чаще всего это зависело от наличия (отсутствия) мест в богадельне.

Коншины тоже не остались в стороне от подобной благотворительной деятельности. Так, по завещанию А.Н. Коншиной в

деревне Скрылья близ ткацких фабрик были построены больница для неизлечимо больных, богадельня и церковь. Однако в завещании говорилось: «При помещении неизлечимо больных и призреваемых бедных должно быть отдаваемо преимущество лицам, которые находились у нас на службе, затем из всех прочих кандидатов преимуществом должны пользоваться жители города Серпухова»⁵⁷. Хотя бывшие рабочие и пользовались приоритетом, богадельня не была построена специально для них, Правление не занималось рассмотрением вопросов о помещении туда бывших рабочих, и сопряженные с поддержкой данных учреждений расходы относились не на счет Товарищества, а на капитал, предоставленный на благотворительные цели из личных средств жены владельца фабрики. Поэтому говорить о них как об элементе системы социального страхования коншинских фабрик не представляется возможным.

Пособия нуждающимся рабочим

Вопрос о пособиях нуждающимся рабочим, который, казалось бы, стоял менее актуально, чем вопрос о компенсациях потерпевшим от несчастных случаев, был поднят в российском фабричном законодательстве значительно раньше. Статьей 39 «Правил» 3 июня 1886 г. устанавливалось, что штрафные суммы должны поступать в особый штрафной капитал, расходовать который можно было «с разрешения фабричной инспекции, только на удовлетворение нужд самих рабочих». Очевидно, идея создания штрафного капитала родилась, прежде всего, не сама по себе, а как средство уменьшения заинтересованности владельцев фабрик в штрафовании; тем не менее на большинстве предприятий Центрального района именно с этого момента вводится практика выдачи рабочим пособий: на похороны, по беременности, а также в случае потери имущества из-за пожара, кражи и т.п.

На фабриках Коншина штрафной капитал расходовался исключительно на выплаты пособий на похороны (двух типов: семье умершего рабочего или же рабочим — на похороны кого-то из членов семей) и пособий потерявшим имущество при пожаре. В статистическом очерке о деятельности ткацких фабрик представлены сведения о том, какими в среднем были эти пособия в первые годы XX в.

**Сведения о пособиях из штрафного капитала для рабочих
прядельно-ткацкой и Новой ткацкой фабрик Товарищества
Н.Н. Коншина. 1904—1908 гг.**

| Год | Общее число рабочих на ткацких фабриках | На похороны | | | По случаю пожара | | |
|------|---|-------------|--------------|-------------------------------|------------------|--------------|-------------------------------|
| | | случаев | сумма (руб.) | средний размер пособия (руб.) | случаев | сумма (руб.) | средний размер пособия (руб.) |
| 1904 | 8145 | 392 | 2249 | 5,73 | 32 | 585 | 18,28 |
| 1905 | 8137 | 342 | 1783 | 5,21 | 12 | 340 | 28,33 |
| 1906 | 8366 | 201 | 1010 | 5,02 | 6 | 130 | 21,66 |
| 1907 | 8498 | 97 | 619 | 6,38 | 49 | 855 | 18,06 |
| 1908 | н/д | 195 | 1115 | 5,72 | 2 | 35 | 17,50 |

Источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 41.

Необходимо отметить, что, хотя данные пособия выплачивались из штрафного капитала, общая сумма пособий в каждый год превышала общую сумму штрафов. По фабрикам Коншина на этот счет имеются следующие данные (табл. 9).

**Статистика штрафов и пособий на прядельно-ткацкой фабрике
Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1904—1910 гг.**

| Год | Выдано пособий | | | | Всего штрафов (руб.) | Всего пособий (руб.) |
|------|----------------|------|----------------------|------|----------------------|----------------------|
| | на похороны | | потерпевш. от пожара | | | |
| | случаев | руб. | случаев | руб. | | |
| 1904 | 274 | 1587 | 32 | 585 | 1798,80 | 2172,00 |
| 1905 | 272 | 1357 | 12 | 340 | 798,60 | 1697,00 |
| 1906 | 167 | 816 | 6 | 130 | 690,35 | 946,00 |
| 1907 | 67 | 420 | 47 | 825 | 560,10 | 1245,00 |
| 1910 | 268 | 1530 | 2 | 40 | 846,54 | 1564,00 |

Источник для табл. 9—11: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 202. Л. 108; Д. 259. Л. 47, 183; Д. 438. Л. 133; Д. 601. Л. 135.

Таблица 10

**Статистика штрафов и пособий на ситценабивной фабрике
Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1904—1910 гг.**

| Год | Выдано пособий | | | | Всего штрафов (руб.) | Всего пособий (руб.) |
|------|----------------|------|----------------------|------|----------------------|----------------------|
| | на похороны | | потерпевш. от пожара | | | |
| | случаев | руб. | случаев | руб. | | |
| 1904 | 66 | 147 | 1 | 10 | 257,58 | 157,00 |
| 1905 | 55 | 126 | 1 | 10 | 115,92 | 136,00 |
| 1906 | 51* | 130 | — | — | 165,27 | 130,00 |
| 1907 | 104 | 245 | — | — | 143,53 | 245,00 |
| 1910 | 129 | 496 | 2 | 30 | 450,61 | 526,00 |

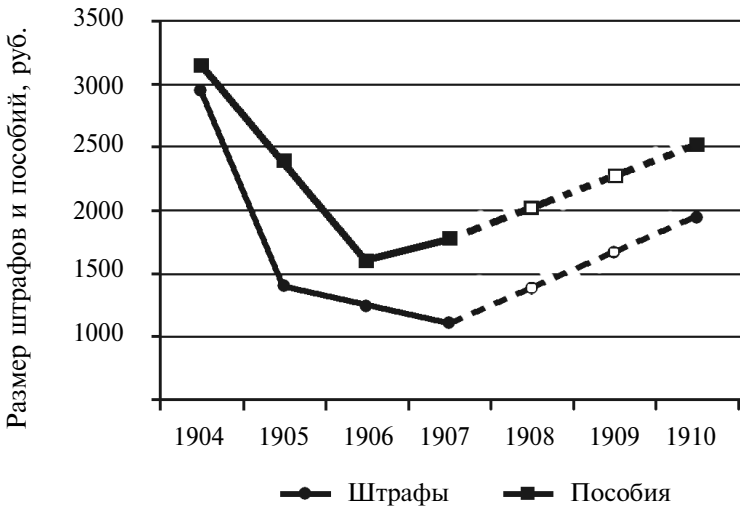
* Данные получены также из помесячных материалов в деле № 202; в сводной таблице здесь указано, что пособий не было вовсе. То же и с цифрами за 1907 год: в сводной таблице указано лишь одно пособие на похороны (2 руб.), и данные восстанавливаются из помесячных — по материалам дела № 438.

Таблица 11

**Статистика штрафов и пособий на всех фабриках Товарищества
мануфактур Н.Н. Коншина. 1904—1910 гг.**

| Год | Выдано пособий | | | | Всего штрафов (руб.) | Всего пособий (руб.) |
|------|----------------|------|----------------------|------|----------------------|----------------------|
| | на похороны | | потерпевш. от пожара | | | |
| | случаев | руб. | случаев | руб. | | |
| 1904 | 481 | 2549 | 33 | 595 | 2935,37 | 3144 |
| 1905 | 427 | 2027 | 14 | 360 | 1398,48 | 2387 |
| 1906 | 292 | 1324 | 11 | 260 | 1229,46 | 1584 |
| 1907 | 206 | 877 | 51 | 885 | 1092,67 | 1762 |
| 1910 | 444 | 2382 | 6 | 130 | 1933,96 | 2512 |

Динамика общих сумм штрафов и пособий на всех фабриках Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1904—1910 гг.



Примечание. Пунктиром условно восстановлены данные за те годы, по которым не имеется сведений.

Видно, что Правление Товарищества Коншина выплачивало рабочим в виде пособий каждый год суммы, превышающие поступления в штрафной капитал на несколько сотен рублей. Похожую картину можно наблюдать и на материалах предприятий по обработке хлопка по всей Московской губернии, начиная с 1905 г.

Мы видим, таким образом, что на коншинских фабриках как относительная сумма пособий, так и отношение пособий к штрафам были даже меньшими, чем в среднем по губернии. Если же брать только крупнейшие предприятия, с числом рабочих более тысячи, то разница вырастает еще больше: в 1908 г. на одного рабочего приходилось 50,17 коп. пособий⁵⁸. Превышение пособий над штрафами, которое исключительно заметно по всей губернии в первые годы после революционных событий 1905 г. и которое постепенно сокращается к 1910 г., у Коншинских меньше, зато здесь сумма пособий была больше, чем сумма штрафов, уже до 1905 г., чего в среднем в губернии не было.

**Размеры штрафов и пособий на одного рабочего (в коп.) на фабриках Московской губернии в целом
и на фабриках Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина.
1901—1909 гг.**

| Год | Московская губерния | | | Все фабрики Коншина | | | Только ткацкие фабрики Коншина | | |
|------|------------------------|------------------------|-----------------------------------|------------------------|------------------------|-----------------------------------|--------------------------------|------------------------|-----------------------------------|
| | штрафов (коп./чел.) | пособий (коп./чел.) | отношение пособий к штрафам | штрафов (коп./чел.) | пособий (коп./чел.) | отношение пособий к штрафам | штрафов (коп./чел.) | пособий (коп./чел.) | отношение пособий к штрафам |
| 1901 | 32,2 | 26,3 | 0,82 | | | | | | |
| 1902 | 31,7 | 34,3 | 1,08 | | | | | | |
| 1903 | 33,4 | 27,8 | 0,83 | | | | | | |
| 1904 | 35,6 | 34,6 | 0,97 | 25,74 | 27,57 | 1,07 | 31,03 | 34,79 | 1,12 |
| 1905 | 21,4 | 38,9 | 1,82 | 12,02 | 20,52 | 1,71 | 14,51 | 26,09 | 1,80 |
| 1906 | 16,8 | 38,9 | 2,32 | 10,83 | 13,95 | 1,29 | 12,19 | 13,63 | 1,12 |
| 1907 | 19,6 | 49,8 | 2,54 | 9,52 | 15,35 | 1,61 | 10,26 | 17,35 | 1,69 |
| 1908 | 24,1 | 48,8 | 2,02 | | | | 8,19 | 13,53 | 1,65 |
| 1909 | 28,4 | 41,9 | 1,48 | | | | | | |

Источники: по Московской губернии: Козьминых-Ланин И.М. Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губернии. М., 1911. С. 65; по фабрикам Коншина: данные уже приведенных таблиц.

Возможно, превышение суммы выданных пособий над суммой взысканных штрафов в отдельных случаях объясняется тем, что владельцы предприятий расходовали по этой статье и собственные средства. Однако более вероятным выглядит следующее объяснение. Штрафной капитал составлялся не только из штрафов, но и из некоторой основной, выданной из средств предприятия, суммы, вложенной в ценные бумаги. Начислявшихся на них процентов было достаточно, чтобы выдавать больше пособий, чем собрано штрафов. Так, на ЯБМ в 1900—1909 гг. проценты, начисленные на суммы штрафного капитала, составляли ежегодно порядка 1500—1900 рублей⁵⁹. Наше предположение наглядно иллюстрируется таблицей 13, отражающей природу штрафного капитала.

Таблица 13

**Сведения о штрафном капитале Товарищества ЯБМ (в руб.).
1902—1903 гг.**

| Год | Вычтено с рабочих штрафа | На внесенные штрафные суммы начислено % | Итог штрафного капитала с % | Выдано рабочим | Убыток от курсовой разницы при продаже процентных бумаг | Наличный остаток штрафного капитала к концу года |
|------|--------------------------|---|-----------------------------|----------------|---|--|
| 1902 | 7402,89 | 1980,14 | 61206,12 | 10144,17 | 317,02 | 50744,93 |
| 1903 | 6601,53 | 1974,52 | 59320,98 | 8357,63 | 22,26 | 50941,09 |

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 242.

Данные о видах пособий и размерах выплат из сумм штрафного капитала на Ярославской Большой мануфактуре, которые удалось собрать, представлены в таблице 14.

Пособия, выданные рабочим ЯБМ из сумм штрафного капитала. 1899—1912 гг.

| Год | Потерявшим навсегда способность к труду | | Потерявшим временно способность к труду по болезни | | По беременности и родам | | На похороны | | По случаю пожара и пропажи имущества | | В разных других случаях | | Общая сумма (руб.) |
|------|---|--------------|--|--------------|-------------------------|--------------|----------------|--------------|--------------------------------------|--------------|-------------------------|--------------|--------------------|
| | кол-во пособий | сумма (руб.) | кол-во пособий | сумма (руб.) | кол-во пособий | сумма (руб.) | кол-во пособий | сумма (руб.) | кол-во пособий | сумма (руб.) | кол-во пособий | сумма (руб.) | |
| 1899 | 15 | 148,70 | 41 | 256,78 | 979 | 2898,27 | 79 | 815,76 | 25 | 398,00 | 47 | 75,28 | 4592,79 |
| 1900 | 13 | 132,20 | 33 | 247,00 | 925 | 2775,00 | 81 | 837,50 | 36 | 1394,00 | 50 | 85,00 | 5470,70 |
| 1901 | 126 | 3464,27 | 116 | 663,00 | 1010 | 3030,00 | 117 | 1342,50 | 14 | 240,00 | 57 | 79,00 | 8818,77 |
| 1903 | 119 | 5959,63 | — | — | 859 | 1718,00 | 68 | 597,00 | — | — | 82 | 83,00 | 8357,63 |
| 1907 | 142 | 6009,20 | н/д | н/д | 1063 | 2131,00 | 103 | 1069,00 | н/д | н/д | 85 | 85,00 | |
| 1908 | 144 | 5190,70 | н/д | н/д | 966 | 1932,00 | 102 | 1029,00 | н/д | н/д | 70 | 70,00 | |
| 1909 | 125 | 4134,90 | н/д | н/д | 973 | 1946,00 | 132 | 1312,00 | н/д | н/д | 128 | 128,00 | |
| 1912 | 91 | 3125,00 | — | — | 1026 | 2052,00 | 96 | 980,00 | 31 | 1904,00 | 199 | 199,00 | 8260,00 |

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 5 об.—6; Д. 8140. Л. 35—36.

Выплаты из штрафного капитала носили как единовременный, так и регулярный характер. В конце каждого года фабричная администрация составляла и подавала на утверждение фабричного инспектора список рабочих, которые получали ежемесячные пособия из штрафного капитала и выплаты которым фабрика хотела продлить.

Таблица 15

Статистика ежемесячных пособий из сумм штрафного капитала на ЯБМ. 1902—1909 гг.

| Год | Кол-во пособий | Общая сумма пособий за месяц (руб.) | Средний размер пособий за месяц (руб.) |
|------|----------------|-------------------------------------|--|
| 1902 | 119 | 507,00 | 4,26 |
| 1903 | 119 | 495,50 | 4,16 |
| 1904 | 133 | 496,50 | 3,73 |
| 1906 | 139 | 493,00 | 3,63 |
| 1909 | 104 | 298,50 | 3,09 |

Примечание. Приводятся данные на январь каждого года.

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 2. Д. 97. Л. 6—8; Оп. 3. Д. 126. Л. 256—259; Д. 258. Л. 2—5, 27—29.

В начале марта 1900 г. на заседании Административного совета Ярославской Большой мануфактуры, происходившем в присутствии старшего фабричного инспектора, рассматривались вопросы о порядке выдачи рабочим пособий из сумм штрафного капитала. В результате обсуждения было принято решение: во-первых, установить размер пособий по беременности и родам — 3 руб., а в остальных ситуациях разбирать каждый случай отдельно; во-вторых, «подать в Губернское фабричное Присутствие прошение о разрешении фабрике производить выдачи из сумм штрафного капитала в размере до 15 рублей единовременно без особого на то каждый раз разрешения от старшего фабричного инспектора»⁶⁰. Такое разрешение было получено.

Однако в августе—сентябре 1910 г. фабричная инспекция обратила внимание на систематические нарушения, допускаемые на ЯБМ. Дело было достаточно сложным, о чем свидетельствует вмешательство старшего фабричного инспектора Н.Н. Мартынова. По результатам разбора ситуации он писал: «Администрация фабрики, получив разрешение Присутствия на право расходовать штрафной капитал по своему усмотрению с тем, чтобы

каждое пособие не превышало 15 р., слишком широко поняла это право и присвоила себе не принадлежащее ей ни по закону, ни по изданным в развитие его Правилам, дискреционное право отказывать рабочим в принятии их просьб и установить раз навсегда размер пособий на похороны и по случаю беременности, не соображаясь в каждом отдельном случае с действительной нуждою»⁶¹.

Недовольство инспектора было вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, выплата по беременности была в какой-то момент снижена и к моменту проверки составляла фиксированные 2 руб. (вместо определенных в 1900 г. на заседании Административного совета с участием фабричного инспектора 3 руб.). На похороны же умерших рабочих выплачивалось по 10 руб., независимо от материального положения семьи. Во-вторых, фабричным инспектором было отмечено, что «по случаю пожара и пропажи имущества, а также на похороны членов семьи рабочего пособия вовсе не выдаются, и, по объяснению помощника директора А.Б. Никифорова, рабочим даже отказывают в приеме заявлений о выдаче на этот предмет. Между тем, на других крупных фабриках других губерний эта статья расходов — наибольшая, т.к. падеж скота и деревенские пожары — явления обычные, и нельзя допустить, чтобы рабочие Ярославской М-ры никогда не нуждались в пособиях на этот предмет». В-третьих, выдавая из штрафных сумм пособия «потерявшим навсегда способность к труду» (причем именно на эту статью приходилась наибольшая часть выплат из штрафного капитала), фабрика, по мнению старшего фабричного инспектора, «уменьшает тот расход, который она нравственно обязана принимать на свой счет». А сложившийся на ЯБМ порядок назначения пособий из штрафных сумм он охарактеризовал «как незаконный, и кроме того, поселяющий в рабочих убеждение, что штрафной капитал составляет собственность хозяев фабрики, а не капитал, находящийся в ведении органов правительственного надзора»⁶².

Последнее нарушение, очевидно, было наиболее серьезным. Данные табл. 14 тоже показывают, что штрафной капитал на ЯБМ тратился в значительной степени на выплаты, предусмотренные законом 1903 г. Между тем в законе была некоторая неопределенность относительно источника требуемых средств; там говорилось только, что «владелец предприятия обязан вознаграждать рабочих». Поэтому по букве закона в принципе можно было сделать вывод, что пособия по несчастному случаю можно выплачивать из штрафного капитала, хотя по духу его это было совсем не так. Именно поэтому Н.Н. Мартынов гово-

рил одновременно как о незаконности порядка, так и о нравственной обязанности владельцев предприятия.

Мартынов потребовал изменить установившийся порядок, тем более, что «наличность штраф[ного] капитала позволяет его расходовать в широкой степени»⁶³. Старший фабричный инспектор предложил администрации ЯБМ немедленно «оповестить рабочих особым объявлением, что с просьбами о назначении пособий они могут обращаться в Контору фабрики, когда им необходимо и испрашивать таковые не только по случаю беременности, на похороны самих рабочих и вследствие постоянной потери трудоспособности, но и в других случаях, а именно по случаю падежа скота, ухода его, пожара и на похороны членов семьи, указывая размер испрашиваемого пособия. По получении заявлений по форме, установленной для всех фабрик Ярослав[ской] губ[ернии] или назначать пособие в зависимости от действительной нужды, соображаясь притом с семейным положением и заработком семьи, своей властью, если испрашиваемое пособие не превышает 15 р., или, если оно превышает эту сумму, направлять таковое на разрешение инспектора с заключением директора». В случае если в ближайшие дни объявление такого содержания не появится, Мартынов предупредил, что оно будет составлено и вывешено за его собственной подписью⁶⁴.

Однако нельзя не отметить, что хотя в данном случае в вопросе о распределении пособий рабочим и было выявлено довольно грубое нарушение закона, на фабричную инспекцию ложилась не меньшая ответственность. Не так уж просто объяснить, почему отсутствие порядка в распределении штрафного капитала оставалось незамеченным вплоть до 1910 г., ведь фабричный инспектор обязан был визировать как выплаты пособий из штрафного капитала, так и назначения пенсий и пособий по закону 1903 г. Можно только предположить, что именно разрешение уйти от постоянного контроля, полученное администрацией ЯБМ в 1900 г., послужило причиной этого, и нарушения вскрылись только в 1910 г., притом, возможно, именно с приходом нового старшего фабричного инспектора.

С другой стороны, хотя администрация ЯБМ использовала для выплаты части пособий и пенсий штрафной капитал, который не был для этого предназначен, одновременно фабрика оплачивала «из собственных средств» часть пособий, на которые следовало расходовать именно штрафной капитал. Так, например, из отдельных средств предприятия получали пособие погорельцы. Из табл. 14 видно, что выплаты из штрафного капитала рабочим, потерпевшим от пожара, прекратились в 1902 г.

Но это еще не означает, что подобные выплаты не производились вовсе. Вероятно, их действительно не было в 1902—1904 гг., но, во всяком случае, с 1905 г. мы можем уверенно говорить о практике этих выплат, только теперь они производились не из штрафного капитала, а из фабричных средств. На заседании Административного совета мануфактуры в мае 1905 г., проходившего в присутствии одного из директоров Правления Товарищества Н.В. Скобеева, было принято решение «выдавать от Т-ва* в виде пособия [сумму] в размере 10 % понесенного рабочими убытка от пожара». Причем если сгоревшее имущество было застраховано, то эти 10 % рассчитывались от суммы убытка, не покрывавшейся страховкой. «Если же строение не было застраховано», то пособие следовало «в том же размере с общей суммы убытка»⁶⁵. И только после распоряжения фабричного инспектора, с 1910 г., эта статья расходов снова переходит на счет штрафного капитала.

Таким образом, говоря о социальном страховании, невозможно игнорировать тот факт, что Товарищество ЯБМ, как, впрочем, и ряд других крупных предприятий, ежегодно тратило собственные немалые средства на выплату пособий работникам и членам их семей.

«Особый капитал для вспомоществования», проценты с которого использовались для выплаты пособий рабочим и их семьям, существовал на ЯБМ уже в 1890-х гг.⁶⁶ Нам не удалось найти сведений о каком-либо утвержденном решении Правления, регулирующем механизм выплат и размеры пособий рабочим из фабричных средств. По-видимому, каждый конкретный случай разбирался отдельно. Например, если фабричный инспектор отказывал в выдаче денежного вспомоществования из сумм штрафного капитала, а управляющий полагал, что данному работнику или его семье действительно необходима помощь, то, согласовав свои действия с членами Правления, управляющий давал «добро» на выплату пособия, которое впоследствии могло неоднократно продляться. Естественно, при этом членам Правления предоставлялись все собранные сведения, подтверждающие бедственное положение просителя (справки о заработной плате работающих членов семьи и причинах незанятости остальных, о состоянии здоровья, об условиях проживания и т.д.).

На ЯБМ существовал особый вид пособий — «добавочное пособие к жалованью». Оно не было связано с какими-то опре-

* Формулировка «от Товарищества» в документации ЯБМ всегда с определенностью указывает на то, что источник средств — не штрафной капитал.

деленными неблагоприятными поводами, но служило материальной поддержкой работникам предприятия. Прежде всего на это пособие могли рассчитывать мужчины преклонного возраста, имевшие большой стаж работы и находившиеся на хорошем счету у администрации вследствие добросовестного выполнения своих обязанностей. Большинство из них по каким-либо причинам вынуждены были перейти на менее оплачиваемую должность, и если они были обременены большой семьей, то они попадали в бедственное положение. В таком случае они могли подать прошение руководству предприятия и в случае положительного ответа получать дополнительную сумму к заработку⁶⁷. Например, И.А. Забалуев (на ЯБМ с 1868 г.) в феврале 1913 г. вынужден был перейти с должности прядильщика, в которой проработал много лет, в «подметальщики лестницы» с ощутимым снижением зарплаты. С этого момента он начал получать 1 руб. в месяц дополнительно — «пособие из средств фабрики как прибавку к жалованью»⁶⁸. Рабочему В.А. Вдовину в такой же ситуации (большой стаж, перевод из прядильщиков в сторожа в 1901 г. по состоянию здоровья) было назначено пособие в сумме 4 руб. в месяц, поскольку на его иждивении находились двое детей⁶⁹. Пособие назначалось тогда, когда не было других альтернатив; но фабрика могла, например, принять на работу вне очереди кого-либо из членов семьи просителя. Так, Н.К. Баранов (тазовщик), работавший на ЯБМ с 1878 г., в ноябре 1910 г. из-за болезни и преклонного возраста вынужден был перейти в сторожа, что привело к существенному снижению заработка. Он обратился с просьбой к фабричной администрации: либо взять на фабрику его 16-летнюю дочь, либо за его 30-летнюю «безукоризненную работу на фабрике назначить пособие отдельно от заработка». Через две недели девушка была принята на Мануфактуру вне очереди⁷⁰. Женщинам «добавочное пособие» не выдавалось, во всяком случае, нам не удалось найти ни одного упоминания такого рода. Возможно, это связано с тем, что этот вид пособия был направлен на поддержку не просто рабочего, а всей семьи, и выплачивался мужчине как главе домохозяйства.

В 1910 г. «добавочное пособие» получали 28 рабочих в среднем по 2,20 руб. в месяц на человека⁷¹, в 1912 г. — 27 рабочих в среднем по 2,06 руб. в месяц на каждого⁷².

Причины действительно сложных, даже бедственных для рабочих ситуаций могли быть иными. Достаточно распространенной являлась ситуация, когда семья оставалась без основного кормильца, и содержать детей или престарелых членов семьи на заработок остальных не было никакой возможности. Говоря

здесь о потере кормильца, мы подразумеваем не только смерть такового и утрату им трудоспособности в результате несчастного случая или болезни. Нередко женщина с детьми оказывалась в бедственном положении по причине алкоголизма «кормильца», либо последний просто бросал семью. В таком случае фабрика нередко поддерживала своих работниц.

В январе 1897 г. директор ЯБМ С.А. Федоров составил докладную записку на имя ярославского губернатора, где изложил свои соображения о причинах и возможностях снижения пьянства среди рабочих ЯБМ и других предприятий, находящихся в Ярославле и городской округе. В ней он, в частности, указывал, что рабочие фабрики «нередко покидают путь мирного труда и предаются пьянству и разгулу; иные доходят до того, что бросают свои семьи и пропадают без вести, другие теряют всякое человеческое достоинство и превращаются в небезопасных бродяг. Случаи обращения с просьбами о вспомоществовании брошенных жен и детей, доведенных до крайней степени нужды и отчаяния пьянством мужей и отцов, стали обычными на нашей фабрике»⁷³.

Так, в 1897 г. в Правление с просьбой о выдаче пособия обратилась Д.Е. Андреева, работавшая ткачихой с 1884 г. Ее муж, страдавший алкоголизмом, одно время состоял в Обществе трезвости при церкви св. Иоанна Предтечи, но затем «вновь начал пить». В одиночку ей было очень сложно содержать четверых сыновей, учившихся в фабричной школе. В 1898 г. ей было выплачено единовременное пособие в размере 50 руб.⁷⁴

Практически всегда в более тяжелом положении оказывались рабочие, имевшие на иждивении нетрудоспособных членов семьи, так что объектом социальной помощи нередко становился не рабочий сам по себе (в связи с производственной травмой, утратой трудоспособности в силу болезни или преклонного возраста и т.д.), а члены его семьи или семья как единое целое. Именно поэтому, собственно, мы можем говорить о том, что на описываемых предприятиях делались шаги к созданию настоящей системы социальной поддержки рабочих: для такой системы не столько важна ценность и незаменимость работника, сколько его реальные нужды. Система социальной поддержки означает, что предприятие несет некоторую ответственность перед хорошими работниками, и эта ответственность не должна прекращаться даже в случае смерти работника. Значительная часть обнаруженных нами случаев подобной помощи семьям рабочих относится именно к поддержанию детей, оставшихся по каким-то причинам без попечения родителей или одного из родителей. При этом, как видим, пособие на со-

держание детей необязательно выплачивалось человеку, работающему (или ранее работавшему) на фабрике.

Так, в личном деле Ф.Н. Базылева указано, что он поступил на ЯБМ в апреле 1886 г. в возрасте 23 лет. Вместе с семьей снимал жилье в городе. С января 1910 г. он не работал «по болезни глаз», с мая 1910 г. был рассчитан и переведен на ежемесячное пособие в размере 5 руб. В ноябре 1910 г. Ф.Н. Базылев умер. Трое его старших детей к этому моменту уже трудились на ЯБМ: Татьяна (22 года) — ватерщица с заработком до 9 руб. в мес., Марфа (16 лет) — ватерщица с заработком до 8 руб. в месяц, Василий (13 лет) — ставильщик с заработком до 7 руб. в месяц. А на младшего сына, девятилетнего Степана, из средств фабрики вдове Ф.Н. Базылева было назначено пособие 1,5 руб. в месяц, несмотря на то что она на Ярославской Большой мануфактуре не работала⁷⁵.

В данном случае еще нельзя исключать, что поддержка распространялась на эту семью прежде всего из-за того, что из членов семьи трое все же работали на фабрике. Однако есть и другие примеры, в которых пособие выдавалось семье умершего рабочего даже тогда, когда в семье вовсе не оставалось работников фабрики. А.Г. Забалуева начала работать на ЯБМ в 1888 г. в возрасте 15 лет. В августе 1908 г., проработав без малого 20 лет, она умерла. В личном деле в пункте «семейное положение» на 1900 г. указано: «Муж ее в настоящее время находится неизвестно где». После смерти А.Г. Забалуевой осталось трое детей — Сергей (7 лет), Екатерина (5 лет), Елизавета (1 год). Детей взяли родители умершей женщины, которые никак не были связаны с ЯБМ (отец трудился на другом предприятии, мать не работала нигде). Им выплачивалось ежемесячное пособие (из сумм штрафного капитала) в размере 6 руб. на содержание троих детей⁷⁶.

Случаев, подобных вышеприведенным, встречается достаточно много⁷⁷. Отметим, что пособие из фабричных средств могло частично или полностью выплачиваться харчами (продуктами). Размер выплат обычно колебался в пределах от 1 до 3 руб. на одного ребенка. Как правило, пособие на мальчиков выплачивалось до достижения ими 12—13-летнего возраста, на девочек — до 15 лет, после чего большинство этих детей принимались на ЯБМ, особенно если они прошли курс обучения в фабричной школе. Но будущая трудовая деятельность на ЯБМ ни в коей мере не являлась обязательным условием выплаты пособия.

Супруги Базуновы — Марфа Илларионовна и Матвей Абрамович — пришли на ЯБМ в середине 1870-х гг. и без перерывов трудились на фабрике долгие годы, зарекомендовав себя

добросовестными и дисциплинированными работниками. Женщина уволилась в сентябре 1899 г. по состоянию здоровья, а с ноября того же года ей было назначено пособие на троих детей в размере 5 руб. в месяц. В декабре 1901 г. старший сын Андрей, которому исполнилось 12 лет, был принят на фабрику подметальщиком с заработком до 5 руб. в месяц. После этого размер пособия сократился до 3 руб., поскольку оно выплачивалось уже на двоих детей: Петра (9 лет) и Татьяну (15 лет). Заметим, что девочка училась на портниху и явно не собиралась работать на фабрике. В декабре Татьяна начала работать портнихой, после чего выплаты пособия прекратились, так как руководство предприятия пришло к выводу, что трое работающих членов семьи в состоянии обеспечить остальных. В декабре 1912 г. глава семьи — Матвей Абрамович — был рассчитан и переведен на пособие из средств фабрики в размере 10 руб. в месяц⁷⁸.

Как видно из приведенных примеров, работники, члены семей которых получали помощь от предприятия, трудились на ЯБМ достаточно долгий срок. Это являлось обычной практикой: рабочий со стажем имел больше шансов на получение любого вида денежного вспомоществования, на заселение в фабричные жилые помещения, на помещение в богадельню и т.д.

Архивные документы свидетельствуют, что не мог рассчитывать на получение какого-либо вспомоществования от предприятия ребенок, родившийся вне законного брака. Так, А.В. Васильев поступил на ЯБМ в 1872 г. К 1909 г. он — вдовец, живущий гражданским браком и имеющий в этом браке двухлетнюю дочь. После смерти А.В. Васильева в 1909 г. его гражданская жена подала просьбу в Правление о выплате пособия на его дочь, однако получила отказ⁷⁹.

Случалось, что дети рабочих оставались совершенно одни, и опекунство над ними некому было поручить. Тогда фабрика из собственных средств могла оплачивать пребывание этих детей в приюте. Так, в 1902 г. две девочки (10 и 15 лет), родители которых работали на ЯБМ с 1880-х гг., остались без опекунов. По решению фабричной администрации старшую девочку вне очереди приняли на работу и выделили ей место в казармах, а младшую на средства Товарищества поместили в приют при церкви св. Иоанна Предтечи и оплачивали ее пребывание там до 1908 г., а затем также взяли на фабрику.

Имеются и другие примеры, когда из фабричных средств оплачивалось содержание в приюте детей рабочих Ярославской Большой мануфактуры. Так, Д.И. Баранов поступил на ЯБМ в 1881 г., жил с семьей в фабричных казармах. К 1907 г. он — вдовец, имеющий двоих детей: Марию (7 лет) и Григория (2 года).

Держал для них няньку, которой платил 3 руб. в месяц. В октябре 1908 г. он умер. Мария и Григорий были приняты по просьбе Грязнова в Предтечевский приют. За каждого из них ежемесячно из средств фабрики выплачивалось по 7,5 руб.⁸⁰ Приведем другой пример: в 1914 г. оставшаяся сиротой Антонина Базанова также была определена на средства ЯБМ в Предтечевский приют. В 1917 г. она была принята на работу на фабрику и получила возможность проживать в фабричных казармах⁸¹.

Вместе с тем говорить о полноценной системе социальной поддержки, очевидно, нельзя. Никто из рабочих не был застрахован от нужды, и каждое дело рассматривалось отдельно. Поддержка оказывалась именно тем семьям, которые в ней нуждались в наибольшей степени, и только до тех пор, пока она была, по мнению администрации, действительно необходима.

Так, рабочий Н.М. Бакин пришел на ЯБМ в середине 1860-х гг. С 1890-х гг. до 1912 г. он работал пряядильщиком (в 1903 г. зарабатывая до 24 руб. в месяц). Получил награду за 25 лет службы, затем добавочную награду. В 1911 г. он начал сильно болеть, лежал в больнице. Жена его на ЯБМ не работала. В январе 1912 г. Н.М. Бакин обратился с просьбой о пособиях в связи с большим числом иждивенцев: в семье было 8 детей: трое работали на фабрике (суммарный заработок 35 руб. в месяц), двое — не работали, хотя по возрасту уже работать могли (14,5 и 12 лет), и трое детей в возрасте до 9 лет. Вся семья жила на вольной квартире, и трое работающих на ЯБМ получали квартирные деньги. Рассмотрев всю ситуацию, фабричная администрация приняла решение отказать в выдаче пособия⁸².

Таблица 16

Просьбы о пособиях рабочих фабрики Ярославской Большой мануфактуры, поданные в администрацию. 1901 г.

| Содержание просьбы | Всего просьб | Удовлетворено | Отказано | % отказов |
|--|--------------|---------------|----------|-----------|
| Пособие на детей | 31 | 27 | 4 | 12,9 |
| Пособие по болезни, старости | 38 | 26 | 12 | 31,6 |
| Пособие по увольнению | 4 | 2 | 2 | 50,0 |
| Единовременные пособия | 20 | 18 | 2 | 10,0 |
| Помещение в богадельню, больницу | 8 | 7 | 1 | 12,5 |
| Выдать пособие вперед за несколько месяцев | 2 | 2 | 0 | — |

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4040.

Просьбы о пособиях рабочих фабрики Ярославской Большой мануфактуры, поданные в администрацию. 1902 г.

| Содержание просьбы | Всего просьб | Удовлетворено | Отказано | % отказов |
|----------------------------------|--------------|---------------|----------|-----------|
| Пособие на детей | 48 | 35 | 13 | 27,1 |
| Пособие по болезни, старости | 17 | 14 | 3 | 17,6 |
| Пособие по увольнению | 20 | 11 | 9 | 45,0 |
| Единовременные пособия | 29 | 27 | 2 | 6,9 |
| Помещение в богадельню, больницу | 6 | 5 | 1 | 16,7 |

Источник: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4040.

Таблицы 16 и 17 дают представление, о каких пособиях (из средств фабричных) чаще всего просили рабочие, каков был процент удовлетворенных просьб и отказов. Судя по этим данным, только в исключительных случаях (видимо, при нехватке мест) рабочему отказывали в помещении в богадельню Товарищества. Как правило, фабрика шла навстречу нуждам рабочих и при выплате единовременных пособий. С пособиями ежемесячными дело обстояло иначе. Самый высокий процент отказов (почти половина — при разном количестве просьб — 4 и 20) приходится на статью «пособия по увольнению». Причиной отказа в этом случае чаще всего был небольшой стаж работы на фабрике. Просьбы о пособиях на детей, а также в случае болезни или старости составляют самые многочисленные группы, и значительное количество этих просьб удовлетворялось Товариществом.

* * *

В военные годы многие элементы трудовых отношений менялись, и правления предприятий принимали на себя новые обязательства — теперь по отношению к семьям мобилизованных рабочих. 11 октября 1904 г. на заседании Правления Товарищества ЯБМ рассматривался вопрос о мобилизации рабочих и служащих предприятия. К этому времени с фабрики были мобилизованы 16 служащих и 250 рабочих. Хозяева ожидали, что этим дело не ограничится, поскольку по спискам общее число запасных чинов на фабрике составляло до 650 человек. Учитывая сложное материальное положение семей, которые остались без основных кормильцев, Правление постановило: «Всем ныне

и впоследствии призываемым служащим фабрики выдавать единовременное пособие в размере 2 годового оклада жалованья», сохранив при этом за ними рабочие места; «призываемым рабочим выдавать единовременно по 25 рублей на человека и сложить с них мелкие долги, числящиеся за ними по харчевой лавке и другим расчетам»⁸³.

К началу Первой мировой войны государство уже взяло на себя обязанность выплачивать семьям мобилизованных на войну нижних чинов денежные пособия. Соответствующий закон был принят незадолго до войны — 23 июня 1912 г. — и вступил в силу с 1 января 1913 г.⁸⁴ Согласно статье 63 закона о призрении семей нижних чинов денежное пособие должно было составлять сумму, выражавшуюся в цене 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла в месяц на каждое призреваемое лицо (скажем, в Серпухове в октябре 1915 г. это составляло примерно 4 руб. 20 коп.). Насколько действительно выполнялись эти обязательства государства — отдельный вопрос, но и фабрика со своей стороны предпринимала усилия по некоторой поддержке семей мобилизованных. Так, на коншинских фабриках за семьями мобилизованных рабочих сохранялись места в фабричных казармах, и им выплачивалось пособие в размере от 2 до 8 руб. на семью. Таким образом, можно сказать, что во время войны поддержка фабричной администрации семьям мобилизованных рабочих стала еще одним элементом социальной системы, принятой на фабриках, и очень вероятно, что это в плане мотивации труда благотворно воздействовало и на тех, кто не был призван в армию.

Порядок содержания стационарных больных

Еще один вопрос, непосредственно связанный с проблемами социального страхования, — это правила содержания и выплаты пособий заболевшим, оказавшимся на излечении в фабричной больнице.

Закон требовал от владельцев предприятий лишь предоставления врачебной помощи заболевшим рабочим, но если необходимость стационарного лечения не была вызвана несчастными случаями на производстве, то до 1912 г. по закону никакого обеспечения им не полагалось. На практике, однако, даже кратковременное прекращение поступления заработка приводило в совершенно бедственное состояние многих рабочих, особенно семейных. Поэтому на некоторых фабриках постепенно приходили к решениям о выплате пособий заболевшим.

На фабриках Коншина правила, которыми определялось содержание больных рабочих, были приняты 2 июня 1905 г и введены в действие с 10 июня⁸⁵. В соответствии с этими правилами заболевшие рабочие, как и требовал закон, бесплатно лечились в фабричной больнице, но притом еще в течение трех месяцев болезни получали пособие в размере половинного заработка (в качестве такового принимали средний суточный заработок рабочего за предыдущие три месяца). По истечении трех месяцев болезни рабочим переставали выплачивать пособие, даже

Таблица 18

Пособия по болезни, выплаченные рабочим Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина. 1902—1917 гг.

| Год | Пособия пострадавшим на производстве — по закону 2.6.1903 (руб.) | Пособия госпитальным больным — по внутреннему положению 2.6.1905 (руб.) |
|-------------------|--|---|
| 1902/03 | 891,5 | — |
| 1903/04 | 1464 | — |
| 1904/05 | 1601 | — |
| 1905/06 | 3903 | 8753,5 |
| 1906/07 | 3194 | 16116 |
| 1907/08 | 3923 | 17950 |
| 1909/10 | 14500 | 21500 |
| 1910/11 | 17500 | 21500 |
| 1911/12 | 15000 | 22000 |
| 1912/13 | 18000 | 25000 |
| 1913/14 | 15000 | 26000 |
| 1914/15 | 16000 | 26000 |
| 1915/16 | 20714 | 27298 |
| 1916/17 | 20000 | 35000 |
| 1917/18 (полгода) | 25000 | 75000 |

Источники: для 1902/03—1907/08 (первый столбец): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 51; для 1905/06—1907/08 (второй столбец): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47 об.—48; с 1909/1910 г. общий источник: ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 37, при этом выплаты по закону 2 июня 1903 г. считаются вместе с пенсиями. Курсивом даются сметы, обычным шрифтом — реальные затраты. С 1912/13 г. с принятием нового закона исчезает графа «По положению 5.6.1905», вместо нее появляется «В больничную кассу».

если они продолжали лечение в больнице. В порядке исключения пособие по болезни получали и те рабочие, которые лечились дома, но для этого нужно было разрешение врача, и такие больные должны были периодически являться на обследование. Таблица 18 показывает динамику выплат больничных пособий.

Нам не удалось обнаружить подобных правил для Ярославской Большой мануфактуры. В изданиях, подготовленных Товариществом к промышленным выставкам 1896 и 1900 гг. — в разделах, посвященных общей характеристике положения рабочих — есть упоминания о том, что на стадии разработки находится «Устав вспомогательной кассы», в которую ежегодно отчисляется часть прибыли. Этот устав должен был гарантировать «вполне целесообразное и справедливое назначение пособий, обеспечивая рабочим дни болезни и старости и помощь на случай какого-нибудь несчастья»⁸⁶. Период в четыре года, прошедший между выходом в свет этих изданий, оказался недостаточным для завершения разработки и утверждения «Устава вспомогательной кассы». Остается неясным, был ли этот документ принят впоследствии и предусматривались ли в нем какие-либо выплаты рабочим, оказавшимся на излечении в больнице не вследствие несчастного случая на производстве, а по иным причинам. В утвержденных 21 марта 1910 г. «Правилах внутреннего распорядка для рабочих и мастеровых, работающих на фабрике Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, находящейся в г. Ярославле» совершенно определенно говорится: «Во время нахождения рабочего в больнице не вследствие несчастного случая заработной платы ему не полагается»⁸⁷. Вряд ли ситуация была иной и в предшествующий период. Это косвенно подтверждают и личные дела рабочих. В них, как правило, указывались все случаи получения работником любого вида пособий (и их размеры) за весь период работы на предприятии. И когда речь идет о пребывании рабочего в больнице вследствие обычного заболевания (а не несчастного случая), то указывается опять-таки только нерабочее время, и ни разу не встречается упоминания о выплате пособия за этот период. Когда же речь шла о несчастном случае, фиксировались и время болезни, и размер пособия. На самом деле в случае длительной нетрудоспособности основного кормильца в семье пособие могло выплачиваться деньгами или продуктами (как это уже описано), но это рассматривалось администрацией именно как помощь семье, оказавшейся в очень сложных материальных условиях, а не пособие по болезни.

Отдельно следует сказать о положении рожениц. На коншинских фабриках такие работницы получали пособие по болезни наравне с другими больными только за то время, пока находились в больнице — непосредственно при родах и некоторое (по усмотрению врачей) время после родов. Кроме того, они могли, «если пожелают», брать четырехнедельный отпуск, который оплачивался по особой фиксированной ставке в 1,5 руб. в неделю. Для большинства работниц эта ставка была меньшей, чем половина заработка — ватерщицы получали примерно 70 коп. в день, т.е. около 15 руб. в месяц), но были и те, кто получали менее 12 руб. в месяц, и для них такая ставка была более предпочтительной. Большого отпуска не предоставлялось.

Указанные условия трудно считать нормальными. Однако и это было большим шагом вперед, потому что проблема отпуска для беременных в это время фактически вообще никак не решалась ни на уровне законодательства, ни на уровне фабричных правил. Можно привести целый ряд описаний, подобных следующему: «На фабриках Дмитровского уезда беременные и родильницы никакими льготами не пользуются; ткачиха и т.п. в течение 1 месяца сохраняет за собой право занять, по выздоровлении, свое прежнее место, не получая, однако, за это никакой платы. Обыкновенно беременные оставляют работу за день до родов, встают же с постели спустя 7—9 дней; при родах остаются в своих каморках, пользуясь пособием простой сельской повитухи»⁸⁸. Приведенный порядок выявлен в начале 1880-х гг., но и через четверть века здесь мало что изменилось: «До самых последних дней беременности женщина продолжает трудиться в убийственной атмосфере фабрики. Случай освобождения работницы до и после родов с сохранением содержания до сих пор единичны (С. Морозов в Орехове, бр. Леонтьевы в С.-Петербурге). В 1907 г. во время забастовочного движения на Выборгской стороне петербургские рабочие выдвинули компромиссное требование: отпускать женщин с сохранением половинной платы за 2 недели до и на 4 после родов. Но и это требование осталось неудовлетворенным»⁸⁹. Коншинская фабрика была одним из этих «единичных случаев»: даже на приведенной в пример Никольской мануфактуре С.Т. Морозова беременным работницам, правда, давали более длительный отпуск — на две недели до родов и на шесть недель после, но зато и платили лишь по 5 руб. в месяц⁹⁰. То что ставка пособия обычно была такой низкой, в большинстве случаев обесценивало возможность отпуска: если женщины физически были способны пойти на работу, они стремились сделать это как можно скорее. Описывая положение рожениц на промышленных предприятиях Богородского уезда

Московской губернии в 1902 г., один фабричный врач показывал, что средняя продолжительность их пребывания в больнице составляла всего 4,2 дня. Далее он писал: «Не способствует продолжительности пребывания и выдаваемое на некоторых фабриках пособие; оно, очевидно, слишком мало по сравнению с заработком, который родильницы теряют, оставаясь в приютах до 8—9 дней». Отсюда делался очевидный, но практически мало реальный вывод: «Желательна выдача всем материально необеспеченным родильницам вспомоществования в размере заработка»⁹¹.

Выплата пособий по болезни уже в самом начале XX в. не была исключительной редкостью на фабриках. Некоторые полезные сведения дает обработка анкеты с вопросами о состоянии медицинской помощи на фабриках города Москвы за 1902 г.⁹² Так, пособия по болезни уже в это время так или иначе выплачивались рабочим на 151 предприятии (22 %), причем 51 фабрика платила рабочим полное жалованье в течение всего срока болезни, и еще 15 — полное жалованье в течение месяца. А вот помощь роженицам была обставлена совсем плохо — только 8 фабрик платили хотя бы какое-то пособие, от 1,5 до 10 руб. в месяц, в основном из сумм штрафного капитала⁹³.

Что касается порядка обеспечения беременных и рожениц на Ярославской Большой мануфактуре, то его явно нельзя отнести к числу лучших. Таким работницам были разрешены «отпуски, часто весьма продолжительные (от двух недель до шести месяцев)»⁹⁴, что подтверждают и записи в их личных делах. Однако размер получаемого ими пособия, выплачивавшегося из средств штрафного капитала, никак не зависел от продолжительности этого отпуска и был явно недостаточным. Динамика этого процесса представлена в таблице 14; если же по этим данным рассчитать среднюю величину пособий по беременности, то получится, что в 1899—1901 гг. пособие каждой роженице составляло 3 руб., а начиная с 1902 г. его размер даже уменьшился до 2 руб. В сентябре 1910 г. старший фабричный инспектор Ярославской губернии, среди прочего, также высказывал недовольство тем, что на ЯБМ беременным выдают лишь по 2 руб., хотя в этом случае женщины прекращали работу на целый месяц и больше: «не может быть, чтобы они все, точно сговорившись, просили не больше двух рублей... администрация сама устанавливает такой размер пособий, не считаясь с действительной нуждой работниц»⁹⁵. Однако это, видимо, никак не повлияло на ситуацию, и в 1912 г. размер пособия по беременности и родам по-прежнему составлял 2 руб. (см. табл. 14). Рабочие ЯБМ в начале XX в. неоднократно выдвигали требование опла-

чиваемого в половинном от зарплаты размере отпуска для женщин на 6 недель (за 2 недели до родов и 4 недели после родов), но неизменно получали отказ Правления⁹⁶.

В постановлении Правления коншинских фабрик о порядке выплаты пособий по болезни говорилось, что это постановление не относится к травматическим больным, поскольку для тех действует закон. Однако в действительности положение травматических больных у Коншиных было таким же — если они лечились в больнице, то согласно статье 6 закона они получали такое же пособие, как и находящиеся на стационарном излечении по болезни — в размере половинного заработка. Разница лишь в том, во-первых, что на травматических больных не распространялось требование о трехмесячном лечении, а выплата производилась «по день восстановления трудоспособности», и, во-вторых, возможно, что на них не распространялось требование об обязательности пребывания в больнице для получения пособия.

Все заболевшие рабочие, в т.ч. и травматические с временной утратой трудоспособности, пропуская работу, все же теряли половину заработка и старались свести к минимуму пребывание в больнице. В ноябре 1907 г. на заседании Больничного совета был поднят вопрос о недостаточности определенного законом 1903 г. пособия травматическим больным. Заведующий больничными учреждениями Н.М. Крашенинников отметил, что «больные отказываются лечиться достаточно продолжительное время из-за экономических побуждений», вследствие чего «потеря трудоспособности выражается в более крупных размерах». Он предложил платить таким пострадавшим полную сумму заработка вместо половинной, поскольку таких случаев немного. Однако председатель Совета, заведующий административно-хозяйственной частью Товарищества Е.Е. Тизенгаузен сразу высказался против, мотивируя это тем, что такое «вскоре станет рядовым случаем». В качестве решения в журнал было внесено именно это мнение: «Председатель полагает, что травматических больных закон от 2 июня 1903 г. берет под свою защиту, и нам нет надобности исправлять закон». Позднее вопрос, очевидно, рассматривался и в Правлении, т.к. в журнале есть приписка, сделанная председателем Правления А.Н. Коншиным в феврале 1908 г.: «Нет ли других средств уменьшения потери трудоспособности? Правление считает возможным лишь выполнение требований закона 2 июня 1903 г.»⁹⁷ Таким образом, даже достаточно скромное требование врачей в пользу травмированных, потерявших здоровье на предприятии рабочих показалось администрации завышенным.

Законодательно вопрос о выплате пособий больным рабочим был решен только в 1912 г.* К закону «Об обеспечении рабочих на случай болезни» прилагалось «Положение об обеспечении рабочих на случай болезни», определявшее порядок и размер выплат заболевшим рабочим пособий из средств организуемых в обязательном порядке больничных касс. Владелец предприятия по-прежнему был обязан обеспечить первую врачебную помощь и амбулаторное лечение, а также предоставить или оплатить больничное лечение и все медикаменты (в т.ч. роженицам) до выздоровления, но не более 4 месяцев. При этом больным должно было выдаваться денежное пособие (от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка — имеющим иждивенцев, от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ заработка — остальным) с четвертого дня болезни до выздоровления, но не более 26 недель в течение одной болезни и не более 30 недель в течение года, а при временной утрате трудоспособности в результате увечья — с момента несчастного случая до выздоровления, но не более 13 недель (§ 54—55 «Положения»). В случае родов выдавалось пособие от $\frac{1}{2}$ до полного заработка — за две недели до родов и четыре недели после родов, но только тем участницам кассы, которые состояли в ней не менее 3 месяцев до родов (§ 56 «Положения»). Законы 23 июня 1912 г. были несколько пересмотрены в июле 1917 г. (в сторону повышения участия рабочих в деятельности больничных касс, увеличения размеров самих больничных касс и перераспределения вкладов предпринимателей и рабочих в их фонды), но размеры и сроки выплаты пособий не были изменены даже тогда⁹⁸.

Средства больничных касс в основном формировались из взносов участников (от 1 % до 3 % суммы заработка) и приплат владельцев (в размере $\frac{2}{3}$ взносов участников кассы). Таким образом, по этому положению предприниматель, если отвлечется от мелочей, нес лишь 40 % расходов на пособия, а доля в 60 % ложилась на рабочих. Это вызывало недовольство последних. 11 февраля 1914 г. начальник Ярославского губернского жандармского управления сообщал ярославскому губернатору, что большинство рабочих ЯБМ настроены «против введения больничной кассы и что первые же вычеты в кассу неминуемо вызовут со стороны рабочих требования о прибавках к заработной плате»⁹⁹.

Исследователи разработки закона 1912 г. отмечали, что к его обсуждению активно привлекались представители администра-

* Имеются в виду только территории, на которые практически распространились законы 1912 г.; Центральный промышленный район в их число, разумеется, входил.

ции крупных предприятий. Так, октябрист барон Е.Е. Тизенгаузен, бывший некоторое время заведующим административно-хозяйственной частью коншинских фабрик, был председателем думской комиссии по рабочему вопросу во время разработки проекта¹⁰⁰. Более важным представляется то, что готовый проект был разослан на ряд предприятий — экспертам-практикам, далеким от законотворческой деятельности. В частности, запрос на экспертную оценку был получен и на ЯБМ, и в фонде имеется реакция заведующего ЯБМ А.Ф. Грязнова на проект закона¹⁰¹. Интересно, что Грязнов, очевидно, тоже посчитал исключительно полезным то обстоятельство, что проект закона был передан на экспертизу таким практикам, как он. Он отметил ряд «небольших промахов», объяснявшихся, с его точки зрения, тем, что лица, составляющие законопроекты (чиновники Министерства торговли и промышленности), «далеко стоящие от условий каждодневной будничной жизни фабрик и заводов, со многими мелочами этой жизни, быть может, и не знакомы»¹⁰².

Во-первых, он считал нежелательным предусмотренное законопроектом добровольное участие в кассах наиболее обеспеченных служащих (директоров, мастеров и т.п., годовой доход которых превышал предлагавшуюся в законопроекте сумму в 1500 руб. в год), аргументируя это тем, что если они добровольно и пойдут в кассы, то явно не для получения пособия, а преследуя какие-то свои цели. Это «неизбежно будет нарушать единство тех целей, с которыми кассы учреждаются». С его точки зрения, лучше было бы повысить размер «предельного содержания, при котором служащие в промышленных предприятиях по найму лица обязаны вступать в кассу, например, вместо 1500 рублей в год сделать, скажем, хоть 20 тысяч, но отнюдь не предоставляя это «добровольному» выбору членов администрации промышленных заведений». Заметим, что из окончательной редакции закона это положение о добровольном участии служащих в больничных кассах было удалено.

Во-вторых, Грязнов предлагал передавать больничным кассам только часть штрафного капитала, а оставшуюся часть «временно, впредь до издания законов о страховании рабочих от инвалидности и старости, оставить под действием ныне действующих правил 4 декабря 1890 г.» Он аргументировал свое предложение тем, что «многие промышленные заведения, помимо выдач пособий роженицам и на погребение, выдают также ежемесячные пособия тем из бывших своих рабочих, которые навсегда лишились своей трудоспособности, кто вследствие

болезни, кто по старости». Собственно, здесь мы снова возвращаемся к вопросу о распределении штрафного капитала, который на ЯБМ (и, наверное, на других предприятиях, к практике которых апеллировал Грязнов) понимался немного иначе, чем в фабричной инспекции. Заведующий ЯБМ полагал, что полная передача штрафного капитала в больничную кассу не позволит фабрикам продолжать выплаты таких пособий, «что, во-первых, до крайности ухудшит их положение и, кроме того, во-вторых, поставит работодателей в крайне затруднительное положение — что с этими лицами делать»¹⁰³. Подобные соображения, очевидно, поступали из многих мест и оказали свое действие, потому что положение о передаче штрафных капиталов в больничные кассы вообще не вошло в закон и было проведено только в сентябре 1917 г., за месяц до полной отмены штрафов¹⁰⁴.

В-третьих, предлагаемое установление различного размера пособий для семейных и одиноких рабочих, являющихся абсолютно равноправными участниками больничной кассы, Грязнов рассматривал как несправедливость, способную привести к конфликтам, с одной стороны, в рабочей среде, с другой — между рабочими и Правлением кассы. Кроме того, он высказал опасение, что «проведение разницы между рабочими семейными и одинокими, притом законодательным порядком, внесет в промышленность и в среду рабочих совершенно новый, доселе не имевший места, взгляд, что и вознаграждение, выплачиваемое промышленными заведениями рабочим за произведенные ими работы, должно сообразоваться с семейным положением каждого рабочего: у одиноких оно должно быть меньше, у семейных больше и т.п.» Положение о разнице размера пособий исходя из семейного состояния рабочих, однако, прошло в финальный вариант закона (ст. 54).

Кроме того, выдача больничными кассами пособий не только заболевшим, но и пострадавшим в результате несчастных случаев могла, с точки зрения Грязнова, создать у рабочих впечатление, что на них возложили часть обязанностей и расходов предпринимателей, «и сколько бы рабочим ни объясняли, что в Германии взносы предпринимателей в больничные кассы равны половине взносов рабочих, а в России — двум третям, и что вот именно эта разница в $\frac{1}{6}$ и установлена нашим русским законом специально для выплаты больничными кассами пособий пострадавшим от несчастных случаев, все равно это рабочих не переубедит и взглядов их на эти выплаты не изменит...»

Однако в целом заведующий ЯБМ заключил, что последствия осуществления нового закона на практике «и для промышленности, и для рабочих будут самые благотворные, что многие ныне существующие неприятные стороны рабочего вопроса потеряют свою остроту, и что многие шероховатости взаимоотношений между работодателями, с одной стороны, и рабочими, — с другой, в значительной степени сгладятся и улучшатся»¹⁰⁵.

Сохранившийся отчет о деятельности больничной кассы при Ярославской Большой мануфактуре за 1914 г. позволяет составить представление о деятельности этого нового для России учреждения. Управление делами больничной кассы закон сосредоточивал в Общем собрании кассы и ее Правлении. Председателем Правления кассы «по доверию владельцев предприятия» стал заведующий мануфактурой А.Ф. Грязнов. Среди десяти членов Правления кассы шесть были избранными, четыре — назначены владельцами¹⁰⁶. Согласно отчету число участников больничной кассы за 1914 г. увеличилось на 275 человек (или на 2,5 %). При этом процентное соотношение мужчин и женщин практически не изменилось (женщины составляли 52,4 % в начале года и 53,4 % — в конце года). Всего за 1914 г. зафиксирован 6491 случай заболевания, причем из них 6 % (5 % дней болезни) являлись последствиями несчастных случаев, 12 % (26 % дней) — это отпуск по беременности и родам, и оставшиеся 82 % случаев и 68 % дней проходят по графе «прочие заболевания». На долю женщин приходится 68,1 % всех случаев заболеваний и 72,9 % дней болезни, что отчасти объясняется рассмотрением беременности и родов как заболевания. Однако женщины и вообще больше болели: из заболевших «прочими заболеваниями» 65 % как случаев, так и дней болезни относятся к женщинам. Зато среди пострадавших в результате несчастных случаев женщины составляли 44 % (41 % дней болезни). Средняя продолжительность одного заболевания составляла 22 дня. Больничные же длительностью более 13 недель являлись в основном последствиями несчастных случаев. 12,4 % дней болезни было проведено в больнице, остальное время лечение проводилось амбулаторно. Пособие же было выплачено за 54,3 % дней болезни (при этом данный показатель у женщин и мужчин не сильно различается). Интересные результаты дает рассмотрение имеющейся в отчете таблицы о размерах выданных пособий. На ее основе мы подсчитали размеры пособий для мужчин и женщин, приходящийся на один случай заболевания.

Сведения о размерах пособий, выданных участникам больничной кассы на ЯБМ в 1914 г.

| Причина выдачи пособия | Средний размер пособия (руб.) | |
|------------------------|-------------------------------|-------|
| | муж. | жен. |
| Несчастный случай | 7,71 | 4,80 |
| Роды | | 12,69 |
| Прочие заболевания | 9,93 | 5,64 |
| На похороны | 26,86 | 17,87 |

Мужчины имели бóльший размер пособий, что объяснимо. Во-первых, мужчины, как правило, имели бóльший заработок, во-вторых, они могли получать бóльший процент от заработка как имеющие иждивенцев. Следует особо отметить рост размеров пособий по сравнению с предшествующим периодом. Так, например, женщины, ранее на протяжении многих лет получавшие по 2 руб. в период отпуска по беременности и родам, теперь стали получать в среднем в 6 раз большее пособие. Однако некоторые моменты в деятельности больничной кассы вызывали недовольство и нарекания ее участников.

В своем донесении на имя губернатора от 15 июня 1914 г. начальник Губернского жандармского управления сообщал следующее: «Среди рабочих Карзинкинской фабрики наблюдается недовольство правлением больничной кассы, которое в большинстве случаев будто бы задерживает, под различными предлогами, разрешение вопросов о выдаче пособий участникам кассы и вообще критически относится к их просьбам и заявлениям, так, например, в одном случае вместо положенных по уставу кассы 13-ти рублей на похороны взрослого выдано только 8 рублей, а от одного рабочего, похоронившего свою мать, требуются счета и расписки, оправдывающие расход на погребение. Кроме того, практикуются недопустимые способы проверки заявлений о болезни. К числу таких способов относится, между прочим, обход квартиры больных не фельдшером, но простым рабочим или хожалым, которые и констатируют факт по своему усмотрению.

Для того чтобы лишить заболевшего рабочего права на сохранение известной доли заработка — достаточно доноса по

злобе или вздорного заявления соседа, что-де такой-то под предлогом болезни гулял или занимался своими делами.

Подобная система проверок заявлений, порождая среди рабочих междоусобицу и вражду, дает оппозиционному элементу обильный материал для агитации, направленной к поддержке в рабочей массе брожения, которое рано или поздно должно выразиться в предъявлении требований о смене уполномоченных и назначении новых выборов, главная цель которых — проведение для участия в делах кассы возможно бóльшего числа социал-демократических рабочих, а не “хозяйских ставленников”, получающих полтора рубля в день»¹⁰⁷.

Как бы то ни было, закон 1912 г., потребовавший в обязательном порядке создание больничных касс при фабрично-заводских предприятиях и выплату пособий по болезни, был значительным шагом вперед в деле создания системы социальной поддержки рабочих.

* * *

В данной статье мы рассмотрели — на примере двух крупных текстильных предприятий — систему социального обеспечения, включавшую в себя организацию пенсий и пособий рабочим, оказавшимся (временно или навсегда) нетрудоспособными. Само существование этой системы обычно оставалось незамеченным в работах, посвященных рабочему вопросу в России; иногда, вопреки очевидным фактам, даже утверждалось, что подобной системы не было вовсе. Между тем в описываемый период в России, как и в других странах, как раз и начиналось осуществление на практике той идеи, что человек, не способный работать, вправе все же рассчитывать на материальную поддержку за то, что он уже сделал, когда был способен работать. Эта идея почти никогда даже не возникала раньше, в предыдущие периоды исторического развития. Поэтому, конечно, никаких механизмов обеспечения старых или больных рабочих не существовало еще в 1860-х гг. Однако уже с 1870—1880-х гг. постепенно начинают появляться и развиваться первые элементы того, что в XX в. вырастет в приемлемую систему социального обеспечения.

Надо отметить еще то обстоятельство, что введение пенсий и пособий, в отличие от других направлений социальной политики предпринимателей, не вызывалось прямой производственной необходимостью. Действительно, при крупной фабрике в Центральной России обычно не было инфраструктуры, которая

позволяла бы расселить нужное число рабочих, и поэтому фабрикантам приходилось строить казармы. Не хватало больниц, но хотя бы эпидемии нужно было останавливать, и вот в 1866 г. правительство нашло подходящий для себя ответ на вопрос о том, кто это будет делать, обязав промышленников предоставлять рабочим бесплатное лечение. Вопрос же о пенсиях не был вызван ничем, кроме новых представлений о социальной справедливости (независимо от того, откуда — сверху или снизу, — исходило в первую очередь понимание этой справедливости). Поэтому критика неразвитости данной системы в дореволюционное время не слишком конструктивна; напротив, стоит считать немалым достижением, что эта система начала развиваться.

Инициатива исходила от крупных предпринимателей. До 1886 г. закон даже не упоминал о каких-либо пособиях, до 1902 г. не требовал назначения пенсий, однако в некотором виде — в порядке ли благотворительности или через добровольное признание необходимости назначения хотя бы какой-то компенсации тем, кто пострадал на производстве, — на ряде крупных предприятий (еще до принятия соответствующих законов) выплачивались рабочим определенные пособия. На коншинских фабриках первая пенсия семье рабочего была назначена в 1883 г., на ЯБМ — примерно в это же время, не позднее 1884 г., а, например, у Морозовых «капитал благотворительных сумм», средства которого использовались на социальные выплаты рабочим, был образован еще в 1873 г.¹⁰⁸

Следует обратить внимание и на относительно быстрое развитие социальных программ, тем более, что правительство со временем подключилось к решению этого вопроса. Если за первые 10 лет выплаты пенсий Коншины назначили их всего 9, из которых 6 — в связи с гибелью рабочего, то еще через 15 лет здесь уже были четкие правила, в соответствии с которыми не только каждый пострадавший от несчастного случая на производстве, но и заболевший или состарившийся рабочий имел право на определенную компенсацию. Если в первый год XX в. закон не предусматривал выплату пенсий или пособий даже пострадавшим от несчастных случаев, то в 1913 г. подавляющее большинство рабочих имели право на получение пособия во время болезни, и существовал практический механизм для реализации этого права.

Право стариков на получение пенсий так и не было заложено в законе Российской империи, но крупные предприятия демонстрировали быстрый прогресс в решении и этого вопроса,

формируя для своих рабочих новые мотивы работать здесь долго и добросовестно.

Конечно, по сравнению с нынешней системой социального обеспечения описанные в данной статье программы не выглядят убедительными. Но подобное сравнение исторически некорректно: для своего времени системы пенсий и пособий рабочим, принятые на крупных предприятиях, были достаточно прогрессивными и динамично развивались.

Примечания

¹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. Изд. 2-е. М., 1989. С. 330.

² Герасимов Н.В., Карасев С.М., Тарасов Е.П., Басков В.П. Красный Перекоп: очерки истории Ордена Ленина комбината «Красный Перекоп». Ярославль, 1972. С. 29.

³ Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 83—84.

⁴ См.: Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1717—1917. М., 2004. С. 177—184.

⁵ Подробное рассмотрение эволюции законодательства о страховании промышленных рабочих в России начала XX в. дается в недавних публикациях С.В. Ашмариной. См., напр.: Ашмарина С.В. Разработка закона 1903 г. о страховании промышленных рабочих // Историки размышляют. Сборник статей. Вып. 3. М., 2002. О практике применения страховых законов 1903 и 1912 г. в промышленности Урала см., напр.: Ашмарина С.В., Бородкин Л.И. Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ // Экономическая история. Обозрение. Вып. 9. М.: Изд-во МГУ, 2003.

⁶ Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих. ПСЗ-П. Т. 36 (отд. 1). № 36793. § 60—61.

⁷ См.: Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. М., 1904. С. 94—95; Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX века). М., 1947. С. 37—53; Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999. С. 345—349, 351—354.

⁸ Литвинов-Фалинский В.П. Указ. соч. С. 94.

⁹ Там же.

¹⁰ «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». ПСЗ-П. Т. 23. Отд. I. № 23060.

¹¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее — ЦДНИЯО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 150.

¹² Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 43.

¹³ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО).
Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 58.

¹⁴ Там же. Д. 82.

¹⁵ Там же. Д. 119.

¹⁶ Там же. Д. 84.

¹⁷ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 37.

¹⁸ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ).
Ф. 673. Оп. 8. Д. 18. Л. 2 об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1202.

²⁰ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 61.

²¹ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 16—17.

²² Особенно высоким был травматизм в тяжелой промышленности. Так, на Московском металлическом заводе Гужона, прозванном «костоломным», в середине 1890-х гг. в среднем в год приходилось по несчастному случаю на каждых двух рабочих. См.: Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. М., 2005. С. 23—24.

²³ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 473. Л. 108.

²⁴ «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев». ПСЗ-III. Т. 32. № 37444—37447.

²⁵ Подробные описания законов 1912 г. см., например, в работах: Нолькен А.М. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. Практическое руководство. СПб., 1913; Литвинов-Фалинский В.П. Как и для чего страхуются рабочие. Полный текст новых законов о страховании рабочих с объяснениями. СПб., 1912; Вигдорчик Н.А. Что должен знать каждый участник больничной кассы. СПб., 1913. Довольно серьезная критика этих законов с точки зрения обеспечения интересов рабочих имеется в работе: Данский Б.Г. Дореволюционная страховая кампания. М., 1923. Относительно практики реализации законов см.: Маркузон Ф.Д. Статистика социального страхования. М., 1925; Иванов Л.М. Страховой закон 1912 г. и его практическое применение // Отечественная история, 1995, № 5.

²⁶ См., например: Иловайский С.И. Учебник финансового права. Одесса, 1912. С. 82—89.

²⁷ Борисович Б. Пенсии и инвалидные ренты для городских служащих в Риге // Известия Московской городской Думы. Отдел общий. 1907, № 21 (ноябрь). С. 1—3.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1202. Такой внушительный стаж означает, конечно, что все они начали работать еще у отца владельца, Н.М. Коншина, когда собственно Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина еще не было организовано.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 51.

³⁰ Там же. Д. 62. Л. 17.

³¹ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 18. Л. 2 об. Сумма достаточно большая, так что можно предположить, что она не накапливалась постепенно, но что основная часть ее была выделена разом в пенсионно-страховой капитал (возможно, по окончании расчетного года, на Пасху 1898 г.) с тем, чтобы на нее начислялись проценты, которые бы в основном и расходовались на выплату пенсий. Быстрый рост числа пенсионеров в последующие годы, очевидно, должен был привести либо к значительному увеличению капитала, либо к изменению системы его расходования.

³² ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 62. Л. 46—47.

³³ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 245—255.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 7568. Л. 1—3.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 62. Л. 72.

³⁶ Там же. Л. 66.

³⁷ Там же. Ф. 673. Оп. 8. Д. 22. Л. 17 об., 19.

³⁸ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 224.

³⁹ Там же. Д. 335.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 5823. Л. 10.

⁴¹ Там же. Д. 5243. Л. 17.

⁴² Терентьев П.Н. Прохоровы: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. 1799—1915 гг. М., 1996. С. 255.

⁴³ Поткина И.В. Указ. соч. С. 179.

⁴⁴ Терентьев П.Н. Указ. соч. С. 211.

⁴⁵ Поткина И.В. Указ. соч. С. 181, 182.

⁴⁶ ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 19. Л. 150.

⁴⁷ Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 52.

⁴⁸ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2221. Л. 114.

⁴⁹ Там же. Д. 2744. Л. 154; Д. 3336. Л. 205; Д. 21417. Л. 42—45.

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 97.

⁵¹ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 138. Л. 1—2.

⁵² Там же. Д. 48. Л. 1.

⁵³ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 97.

⁵⁴ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 346.

⁵⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2739. Л. 8 об.

⁵⁶ Там же. Л. 9.

⁵⁷ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 8. Д. 93. Л. 111—112 об.

⁵⁸ Козьминых-Ланин И.М. Указ. соч. С. 65.

⁵⁹ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 126. Л. 242.

⁶⁰ Там же. Д. 48. Л. 12.

⁶¹ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 6—7.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 7—9.

⁶⁵ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 48. Л. 1.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 68. Л. 97.

- 67 ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 3, 57.
- 68 Там же. Оп. 5 «З». Д. 1.
- 69 Там же. Оп. 5 «В». Д. 227.
- 70 Там же. Оп. 5 «Б». Д. 332.
- 71 Там же. Оп. 3. Д. 126. Л. 249—250.
- 72 Там же. Оп. 1. Д. 7568. Л. 3 об.
- 73 ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 56. Л. 178.
- 74 ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «А». Д. 423.
- 75 Там же. Оп. 5 «Б». Д. 144.
- 76 Там же. Оп. 5 «З». Д. 6.
- 77 См., например: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 3, 56, 67, 153, 167, 175, 190, 241, 244, 264, 332, 339, 340 и др.; Оп. 5 «В». Д. 21, 181, 234, 568 и др.; Оп. 5 «З». Д. 5, 19 и др.
- 78 ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 138, 139.
- 79 Там же. Оп. 5 «В». Д. 101.
- 80 Там же. Оп. 5 «Б». Д. 323.
- 81 Там же. Д. 126.
- 82 Там же. Д. 184.
- 83 Там же. Оп. 1. Д. 4664. Л. 29.
- 84 См.: Устав о воинской повинности со всеми изменениями и дополнениями, внесенными законом 23 июня 1912 г. об изменении Устава о воинской повинности и другими законоположениями, изданными по 20 марта 1913 г., с очерком основных положений нового закона, разъяснениями, извлеченными из определений Правительствующего Сената, циркуляров министерств, инструкций и т.д., и с алфавитным предметным указателем. Сост. Я. Ливин и Г. Ранский. СПб., 1913. С. 510—528.
- 85 Здесь и далее (насчет рожениц и травматических больных): ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 358. Л. 47 об.; Оп. 8. Д. 22. Л. 64 об.—65.
- 86 Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 26; см. также: Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 38.
- 87 ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 108.
- 88 Перфильев М.О. Указ. соч. С. 19.
- 89 Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 298.
- 90 Поткина И.В. Указ. соч. С. 363.
- 91 Эрк В.В. О состоянии медицинской помощи на фабриках и заводах Богородского уезда за 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии, 1904. № 3. С. 288.
- 92 Астрахан И.Д. Врачебная помощь на фабриках г. Москвы // Известия Московской городской Думы, 1904. № 1. С. 67—89.
- 93 Там же. С. 82.
- 94 Ярославская Большая мануфактура. М., 1900. С. 83—84; ГАЯО. Ф. 674. Оп. 5 «Б». Д. 66, 119, 131, 227, 247, 287, 297, 334, 674 и др.
- 95 ГАЯО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6345. Л. 5 об.—6.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 13, 16—17; ГАЯО. Ф. 674. Оп. 3. Д. 254. Л. 68, 82.

⁹⁷ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 472. Л. 101 об.—102 об.

⁹⁸ «Об изменении правил об обеспечении рабочих на случай болезни» (25.07.1917). Собр. узак., 1917. № 208. Ст. 1313.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 62. Л. 22.

¹⁰⁰ См.: Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 123.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 132—148.

¹⁰² Там же. Л. 133.

¹⁰³ Там же. Л. 141—145.

¹⁰⁴ «Об утверждении правил о порядке хранения и расходования штрафных капиталов, образуемых из взысканий с рабочих фабрично-заводских, горных и горно-заводских предприятий (за исключением золотых и платиновых промыслов)» (7 сентября 1917 г.) Собр. узак., 1917. № 231. Ст. 1606.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 61. Л. 132.

¹⁰⁶ Там же. Д. 62. Л. 108 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 101—102.

¹⁰⁸ Поткина И.В. Указ. соч. С. 177.

Экономическая история СССР

*И.В. Гончарова**

Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг.

Одиозность политики коллективизации с ее воздействием на социально-экономический уклад деревни оставляет в тени ранние аналоги колхозов — коллективные хозяйства периода нэпа. С самого начала положение в деревне было одной из ключевых проблем пришедших к власти большевиков. Сразу после революции внедрение новых форм сельского быта выглядело скорее импровизацией, чем продуманной политикой. Рассматриваемый в данной статье опыт первых коллективных хозяйств выявляет весьма интересные процессы адаптации крестьянства к новой аграрной ситуации. Особенно это актуально для Центрального Черноземья, сельскохозяйственного региона в 20-е гг. в границах Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской губерний.

Упоминания о первых коллективных объединениях встречаются в документах 1918 г. В Селиховской волости Орловской губернии 30 семей организовали Парамоновскую коммуну¹. Газета «Голос трудового крестьянства» 28 августа 1918 г. сообщала о крестьянах Вятической волости той же губернии, организовавших артели по уборке урожая и обработке земли. «Волжская коммуна» упоминала о сельскохозяйственной артели, созданной в имении графа Орлова-Давыдова воронежскими крестьянами². «Первые ласточки» коллективного быта подчинялись органам государственной власти, с введением нэпа коммуны и артели были превращены в кооперативные единицы. Хозяйства переводились на самообеспечение и больше не получали дотаций из госбюджета. В социальном плане создание коммун и артелей было нацелено на поглощение маргинальных элементов, порожденных распадом промышленности и войной. В коммуны рекомендовалось привлекать в первую очередь вернувшихся с фронта красноармейцев, особенно приветствовались побывавшие в Германии солдаты, рабочие, бывшие военнопленные. В 1918 г. в Городищенской волости Орловской губернии солдат Тимофеев, участник I Всероссийского съезда земотделов, ком-

* Гончарова Ирина Валентиновна — кандидат исторических наук (Орловский государственный университет).

бедов и коммун, вернувшись с фронта, организовал коммуну «Восходящее солнце»³. В Мценском уезде той же губернии во главе почти всех коммун стояли приехавшие в деревню шахтеры⁴. Колхозы должны были стать средством политического и культурного влияния на крестьянское мировоззрение, будучи своеобразным каналом взаимодействия между городом и деревней.

Таким образом, с введением нэпа колхозы оказались в сфере сельскохозяйственной кооперации. Она, по меткому выражению известного деятеля кооперации Г.Н. Каминского, «в условиях новой экономической политики возникла как-то сама собой и пришлось считаться с ней как с фактом»⁵. Возрождение этого вида кооперации в аграрном регионе было обусловлено его прочными традициями, уходящими корнями в начало XX в. Сельскохозяйственная кооперация в Центральном Черноземье за 10—12 лет перед Первой мировой войной выросла в мощную, хорошо организованную систему, которую несильно затронула разрушительная стихия первых лет революции. К 1919 г. на 155 волостей Орловской губернии имелось 198 кредитных товариществ, являвшихся параллельно сельскохозяйственными кооперативами. В состав каждого входило до 1000 домохозяев. Таким образом, около 80 % всех дворов губернии было охвачено сельскохозяйственной кооперацией. Отдельные кредитные товарищества обладали оборотным капиталом до 100 000 руб. Их деятельность разворачивалась на прочном финансовом фундаменте: вклады давали до 58 % оборотных средств, чистая прибыль держалась на постоянном уровне — 1,5 %, посреднические операции достигали к 1918—1919 гг. очень крупных размеров.

Советская власть упразднила сельскохозяйственную кооперацию в 1920 г., потому что последняя лишилась экономических основ существования в эпоху «военного коммунизма» и стала сосредоточением «политически вредных элементов». В условиях новой экономической политики сельскохозяйственная кооперация возродилась в аграрных районах как институт социальной взаимопомощи, тогда большевики увидели в ней возможности политического влияния на деревню.

По проекту Наркомзема, сельскохозяйственная кооперация являлась «одной из предпосылок обобществления крестьянского хозяйства и своеобразной переходной формой от индивидуального хозяйства к коллективистическому»⁶. Предполагалось, что эта школа коллективизации будет «отрывать» мелких производителей от рынка, подавлять «собственнические инстинкты» и укреплять «чувство солидарности»⁷.

Утопичная формула имела и вполне прагматичный социальной подтекст, делая ставку на объединение вокруг кооперации беднейших слоев крестьянства как опоры большевиков в деревне. Поэтому идею колхозов предполагалось интегрировать в структуры сельхозкооперации⁸.

Создаваемые коллективные хозяйства можно было отнести к кооперативным с большой долей условности, так как организационно они не были связаны с кооперативной системой по разным причинам: малочисленность, неопределенная специализация, нестабильность, разные целевые установки у организаторов и участников. Последняя проблема обозначилась на съезде коммун в Орле еще осенью 1918 г.: «Более пестрыми по составу оказались деревенские коммуны. На съездах коммун в Орле осенью 1918 года обнаружилось разное понимание сущности коллективных хозяйств у инициаторов. Одни участники съезда — люди типа “хозяйственных мужичков” — видели в них лишь способ поправить дела в своих единоличных хозяйствах и ориентировались на артель. Другие считали коммуны ячейками нового строя и стремились реализовать положения устава коммуны с целью достижения социалистического идеала. Наконец, выделялось и третье течение, особенно заметное в тех уездах, где жили сектанты евангелического толка. Коммунары этого типа хотели создать в коммунах религиозные братства, члены которых были бы связаны христианской любовью»⁹.

Малочисленность первых коммун (в среднем 3—8 человек) позволила В.В. Кабанову идентифицировать этот вид объединения с традиционной формой временного крестьянского объединения внутри общины — супрягой. В супряги входило 2—5 крестьянских хозяйств с недостатком скота и инвентаря. Они создавались на один сезон и для определенного вида работ, не имели динамического развития. Главным стимулом объединения были не туманные перспективы светлого будущего, а реальная нужда. При достатке в хозяйстве крестьянин предпочитал работать единолично, используя труд своей семьи или наемных работников. «Здесь мы сталкиваемся, — пишет В.В. Кабанов, — со своеобразным, чисто крестьянским пониманием коллективного хозяйствования, когда колхоз строится по принципу традиционной, хорошо известной крестьянской взаимопомощи, типа супряги, объединявшей 2—3—5 хозяйств. Как и у членов супряги, в таких карликовых объединениях также отсутствовали: в одном хозяйстве — рабочий скот, в другом — инвентарь, в третьем — рабочие руки и т.д. Простое сложение средств производства давало выход из положения. А если принять во внимание тот факт, что некоторые такие хозяйства не

обобществляли скот, инвентарь, а то и посев, то перед нами по существу остается та же супруга»¹⁰. В.П. Данилов, разделяя данную концепцию, называл это время «мануфактурным» периодом колхозного строительства¹¹.

Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в период нэпа представляли собой многоплановое явление. Кооперативное движение в целом в деревне обнаруживало устойчивый рост, но приоритетное для власти направление — коммуны и сельскохозяйственные артели — занимало весьма скромное место. Сельскохозяйственный отдел Орловского Губземууправления объяснял это явление «выкристаллизацией наиболее стойких и жизнеспособных объединений, так как для этой формы кооперативного движения требуется особое психологическое состояние человека, способное воспринять эту высшую форму хозяйствования». Другие же формы расценивались как «примитивные, доступные всякому трудовому человеку»¹². В том же отчете при оценке развития сельскохозяйственной кооперации в 1923 г. подчеркивалось, что оно будет происходить пропорционально кредитным возможностям кооперации. «Что касается коммун, то последние в течение ближайшего десятилетия не могут получить широкого распространения ввиду специфических условий хозяйствования в коммуне, не совпадающих с общей психологией крестьянского населения»¹³.

И действительно, прогноз, данный в 1923 г., оправдался: наиболее интенсивно в губернии росли сельхозкредитные, садово-огородные и мелиоративные товарищества, что было обусловлено стремлением крестьянства к улучшению землепользования и увеличению доходности единоличного хозяйствования. Коллективизм этих форм кооперации был принципиально иной природы, чем его расценивали сторонники искусственного насаждения коллективных хозяйств. Он был прямо противоположен коллективизму общины, якобы коренившемуся в самобытности русского крестьянства, привыкшего работать артельно. Он зиждился на личной свободе и инициативе, был тождествен добровольности. Подобные кооперативы, таким образом, являлись не столько коллективами, сколько союзами индивидуалов. Это обстоятельство делало расчет партийных теоретиков на сельскохозяйственную кооперацию как школу коллективизации несостоятельным, вступая в противоречие с ее внутренней сущностью. Собственно колхозы не являются в этом плане исключением из правила. Были часты случаи подчинения колхозов общине. Многие первые колхозы оставались на земле, не выделенной из общества. В.В. Кабанов считает неправильным рассматривать их как разновидность кооперации:

«Можно ли их рассматривать как некую разновидность кооперации? Вряд ли. Ведь община по-прежнему, если не происходило выдела, не давала возможности таким объединениям “выпрыгнуть” из мира. Они оставались в сфере общины»¹⁴.

Вопрос об идентификации колхозов в Центральном Черноземье в годы нэпа осложняется их различным функциональным назначением: от идейного воплощения в «зародышах» социализма совместного образа жизни и труда до завуалированной формы сохранения бывших владений. Социальный состав товариществ, наиболее распространенной формы колхозов, по данным на 1926 г., в Орловской губернии дублировал социальный спектр деревни: 34,5 % бедняков, 60 % середняков, 5,5 % зажиточных¹⁵.

Социальный статус организаторов колхозов был различным в послереволюционный период и в период нэпа. Коммуны и артели в 1918—1919 гг. в большинстве случаев создавались бедняками, за редким исключением в них участвовали середняки. Образцовой считалась «Коммуна III Интернационала» Орловского уезда, организованная в августе 1918 г. членами Никольской организации РКП(б) из 80 беднейших крестьян села Никольского. Ее история во многом показательна. «Весной 1919 года коммуна принимала деятельное участие в борьбе с бандитизмом, она борется с бандами Силаева. Осенью 1919 года при нашествии банд Деникина коммунары эвакуировали женщин и детей за Орел, сами же с оружием в руках отступали последними, раздавая войскам и местному населению все продукты, собранные с урожая. Самое тяжелое время с осени 1919 года до весны 1920 года, когда, поехав в Самарскую губернию, коммуна погибала, теряя свои силы, живой и мертвый инвентарь. Большинство членов заболело тифом в пути в холодных вагонах, приехали на место все больные и затем настал кошмарный период смертей по несколько человек в ночь, и много погибло коммунаров, и остались лежать в голодной Самарской губернии»¹⁶.

Весной 1920 г. коммунары вернулись в Орловскую губернию, основали свое хозяйство на средства, вырученные после продажи урожая из сада, освободились от «случайных» элементов. В 1925 г. в состав коммуны входило 24 семьи, 4 одиночки, общая численность составляла 97 человек, большинство из которых принадлежало к беднякам, в подавляющем большинстве это были молодые люди. В коммуне была своя школа, свой детдом, 5 молодых коммунаров обучались в партшколе и на рабфаке. Идеологическую работу проводили ячейки РКП и РКСМ. Имелся даже клуб с библиотекой и роялем, с оборудованным

красным уголком, где часто читались доклады и лекции для крестьян из округа. Во время революционных праздников устраивались торжественные заседания, проводились демонстрации и митинги, концерты и спектакли. «Словом, коммуна живет новым бытом без всяких старых обветшалых культов, обычаев и суеверий. Внутренняя коммунальная жизнь постепенно налаживается. В коммуне общий стол для взрослых. Отдельное общее питание детей, общий труд и специализированный труд по отдельным отраслям хозяйства, мастерству и ремеслам. Общее снабжение одеждой, обувью и другими предметами домашней жизни. Имеется портняжная мастерская. В ближайшее время дома будут перестроены для правильного нормального планомерного приспособления их для квартир взрослым и для общежитий для молодежи и детей»¹⁷. Никто из членов «III Интернационала» не имел права производить какие-либо работы без ведома и контроля коммуны, даже в свободное время. Так, по мнению «Орловской правды», должна выглядеть «созидающая пролетарская семья», «семья общих интересов, с одним стремлением — выявить небывалые творческие силы пролетариата»¹⁸.

Однако такие островки коммунистического быта были редкостью, и удержаться в период нэпа им было трудно. В документах тех лет сообщается: «В некоторых коллективах занялись торгашеством разного рода, отсутствие заработков и кредитов препятствует развитию коллективов»¹⁹. Чаще всего в артелях подобного рода в 1920-е гг. стремление членов к индивидуальному пользованию подрывало коллективный способ ведения хозяйства, «новый быт» не укладывался в жизненные реалии, скудность средств сворачивала культурные преобразования. Например, в Оптушанской коммуне Орловского уезда: «В коммуне общий стол и общее пользование продуктами. Было введено правильное счетоводство и отчетность, была устроена школа для детей и летний театр, но теперь за недостатком сил все это временно сокращается». Другие рассыпались и возвращались к «трехполке и бездоходному крестьянскому хозяйству» или же реорганизовывались в товарищества²⁰.

В отношении коллективных хозяйств «Орловская правда» в 1923 г. рисовала «чрезвычайно мрачные перспективы», вызванные не только отсутствием материальных средств, кадров агрономических работников, проводников «коллективного и кооперативного строительства», но и странной позицией местной власти. «Колхозам нужна моральная и административная поддержка со стороны местной власти, а им угрожают разгромом, как “врагам республики” (подлинные слова одного из председа-

телей сельсовета)»²¹. Поводом для конфликтов колхозов с общинами, единоличниками и местной властью, которая в большинстве случаев в Орловской глубинке была подотчетна сельскому сходу, были «лакомые кусочки» — лучшие участки земли, которые передавались колхозам. Примером служит конфликт между земельным обществом и артелью, которая смогла наладить свое производство: «Успехи артели были так очевидны, что у деревенских кулачков сейчас же расширились зрочки на чужое достояние, и они повели работу в сторону ликвидации артели и вливания их земли в общество. Соблазн был велик — сельсовет не выдержал и себя примкнул к кулакам. Таким образом, в лице сельсовета и кулаков организовалась довольно сильная оппозиция, которая всячески старается мешать спокойствию артели, прибегая для этого к самым гнусным способам. Так, например, заывают в свою пьяную компанию кого-либо из членов артели, принудительно спаивают его самогонкой, а потом избивают и выкидывают, по ночам разрушают артельные постройки, являются в нетрезвом виде к председателю артели и требуют сдачи штампа и печати, препятствуют прогону артельного скота, словом артель поставлена в такие условия, что никакая работа немислима»²². При этом в газете отмечалось, что такие случаи не единичны.

Наряду с революционным энтузиазмом были и другие мотивы создания первых коммун и артелей. «Среди сельскохозяйственных коллективов России видное место занимают так называемые коммуны, учреждаемые большевиками и бывшими землевладельцами вокруг больших городов», — отмечал В. Тотианц²³. В Орловской губернии они подчас создавались бывшими владельцами имений с целью сохранения родовых гнезд, ведь для колхозов и совхозов в большинстве случаев отводилась бывшая помещичья земля. Успенская коммуна была организована на земле бывших помещиков Казаковых в 1918 г. Организатором и председателем ее стал сам Казаков. В коммуне числилось 99 человек, выходцы из Польши, Поволжья, все они ранее обладали имениями. Трудоспособных было всего 49 человек, да и то в основном крестьяне, работавшие на бывших хозяев в артели и не порвавших связи со своими хозяйствами. Другой пример: Луначарская сельскохозяйственная артель была образована по инициативе бывшего помещика Лисичкина на месте его прежнего имения. Лисичкин в своей артели объединил 26 человек: 9 бывших владельцев; родственников, проживающих в Москве, Петрограде и Орле; 7 наемных рабочих. В результате родовое имение было спасено от передела, а льготы, предоставляемые советской властью, пошли на его восстановление²⁴. О наличии

подобных прецедентов свидетельствует и вопрос к докладчику из зала на Орловской губернской партконференции в 1926 г.: «Чем объясняется восстановление некоторых из помещиков в своих имениях?»²⁵

Покровительство советской власти коллективным хозяйствам, предоставление им бывших дворянских усадеб привлекало в колхозы и местных управленцев. Отбросив идеологическую ширму, они часто эксплуатировали землю в свою пользу. В 1922 г. в «Правде» была опубликована статья «Мценские потемки» о злоупотреблениях мценской администрации, она явилась прологом к серии последующих публикаций²⁶. Пересылаемые губкомом в ГПУ для расследования, они стали основой для одноименного дела. В 1925 г. в материалах по делу «Мценские потемки» рассматривалась деятельность председателя мценского кредитного товарищества, бывшего эсера Помазкова Василия Осиповича. При его содействии в 1923 г. была сдана в аренду на 10 лет усадьба «11-е Волково», бывшая усадьба А. Фета. Арендатор, житель Мценска, некогда богатый лесопромышленник Киселев, получил усадьбу для организации плодпитомника на очень выгодных условиях: «Первые три года ничего не платит, с четвертого уплачивает по 2000 прививок фруктовых саженцев». Предприимчивый Киселев стал извлекать доход из имения различными способами: «За 500 рублей сдал урожай из сада, да за 500 рублей двухэтажный дом для детей, привезенных из Орла на лето подышать воздухом и покупаться в речке. Эти же дети у него и на огороде подешевле работали — пололи... К усадьбе принадлежит 11 десятин лучшей усадебной земли. Постройка богатейшая. Арендатор понемногу “использует”: снял железо с крыши конюшни, кирпич продает и все сходит как с гуся вода»²⁷.

В письме в «Крестьянскую газету» под названием «Касьяновский царек» рассказывается о председателе волостного исполнительного комитета Тельчинской волости Болховского уезда Орловской губернии члене РКП(б) Кузнецове, хозяйничавшего в деревне Касьяновка. В письме сообщается, что, женившись на поповской дочери, «разъезжая по волости на поповском сером жеребце, тов. Кузнецов уже не напоминает собой нашего предвика, а физиономия и ухватка его носит эпоху времен Наполеона Бонопарта, да и сам он от Наполеона Бонопарта в настоящее время не отличается». Воспользовавшись разделом земельного общества на 3 части, Болховский Наполеон, используя свое служебное положение, расколол среднюю группу на 2 части и «сам из себя создал 5 группу», выделив для себя лучшую землю. В ответ на подобный произвол «мужики

потолкались в земорганах, но везде их [дело] не выиграло, и остались [они] с мнением, что «до бога высоко, до царя далеко»²⁸.

В годы нэпа идейные соображения создания колхозов вытеснялись практическими. Участились случаи аренды совхозов организованными в товарищества середняками и кулаками. В 1923 г. по инициативе внука помещика на арендованной в совхозе земле было организовано земельное товарищество Клесовское²⁹. Члены товарищества, бывшие кулаки, арендовали у своего же руководителя маслобойный завод на условиях 40 % отчислений на ремонт. В марте 1924 г. 9 зажиточных семей и 11 семей кулаков организовали в Орловском уезде земельное товарищество «Новый путь» для аренды местного Башкатовского совхоза. Сразу же установили девятипольный севооборот, оборудовали нефтяную мельницу, поставили маслобойку³⁰. Естественно, в подобного рода объединениях коллективный устав и совместная обработка земли обозначались только на бумаге. Были случаи образования колхозов общинами с целью аренды прилегающего земельного госфонда (коммуна «Надежда»), что являлось попыткой выхода из условий малоземелья³¹. Иногда колхозы организовывались и на собственной надельной земле, но этот путь не был успешным — такие хозяйства, как правило, самоликвидировались.

Земельный голод в Орловской губернии был мощнейшим стимулом создания коллективных хозяйств, в руки которых передавались бывшие помещичьи усадьбы с постройками, живым и мертвым инвентарем, предоставлялись льготы по семсуде, кредиты. Эти условия привлекали в колхозы предприимчивых крестьян гораздо эффективнее, чем чуждое российской глубинке представление о новом совместном быте. Земельное товарищество «Свободная жизнь», пользуясь льготами, как артель, купило все земельные постройки, находящиеся в усадьбе бывшего помещика Шеншина, построило дома для каждой из 13 семей (118 человек) и использовало по своему усмотрению 251 десятину земли, забыв про необходимость обобществления инвентаря, выборного совета и коллективной системы ведения хозяйства. Состав этого товарищества «был и раньше из крепких зажиточных мужичков, теперь кулацкий уклон»³².

В поисках новых земельных угодий крестьяне в обход закона организовывали колхозы, продолжая пользоваться своей надельной землей. Завуалированный передел собственности порождал многочисленные казусы. В Дмитровском уезде был случай организации товарищества «Костобобровское» на купленной через Поземельный банк надельной земле, хотя такая сделка шла

вразрез с законом³³. Дело вылилось в судебное разбирательство между кулаком, купившим землю, и остальными членами товарищества. Часто в колхозах вопреки уставам применялся наемный труд.

В годы нэпа предпринимались попытки возврата и дележа собственности, пусть на новых социалистических основаниях, теми, кто ею владел до революции. Земельное товарищество «Новоприборное» организовалось в 1919 г. в форме артели из трех бывших купцов Минаевых, четырех крупных землевладельцев и мещан на бывшей церковной земле и на земле Минаевых. В 1922 г. братья Минаевы образовали свое кирпично-известковое товарищество (такое наименование, очевидно, от названия предприятия), отняв с помощью Мценского земуправления все имущество и землю у «Новоприборного» земельного товарищества³⁴.

Возможность возврата к своей земле и привычному образу жизни вдохновила бывших монашек создать в 1921 г. артель «Объединение». Артель была организована на принадлежащей ранее монастырю земле, причем из 142 женщин, ее составивших, 62 были нетрудоспособны. Бывшие монашки дружно наладили работу и возвратились к прежней религиозной практике, отправлению церковных обрядов. И хотя монастырь был официально закрыт, к нему потянулись паломники из крестьянской округи. Монашки сохранили свою иерархию и наделы в деревнях, большое количество земли позволило им содержать родственников и родителей³⁵.

В новых пристижных советских организациях нашли пристанище и стражи порядка Российской империи: среди членов товарищества «Красная звезда» находились бывшие полицейские и жандармы, кстати, это объединение отличалось образцовым делопроизводством³⁶.

Во время нэпа в черноземной глубинке мы можем наблюдать много разного рода «перевертышей». Новые символы, знаковые понятия весьма своеобразно препарировались в регионе, где радио было доступно двум-трем ответственным работникам, а подавляющее большинство населения было неграмотным. Местная власть Дмитровского уезда Орловской губернии запретила базары во время церковных праздников и приурочила их к революционным. Метаморфозой нэпа выглядит оценка этого в «Орловской правде»: «Так и нужно: это будет способствовать революционизированию нашего быта»³⁷. В черноземной глубинке крестьяне смутно разбирались в том, что происходило в центре, и были почти изолированы от «большой» политики, за исключением разве что визитов сборщиков продналога и агита-

торов. Тем не менее, как отмечали московские наблюдатели, крестьяне имели достаточно «точное» представление «насчет суцилизмы». «Сулили нам суцилизацию по всей России, а после сулили суцилизацию губернскую. Потом уездную, тепереча сулят волостную. А мы сумлеваемся. Землемеры за эту “суцилизацию” 20 вагонов хлеба требуют!» Так понятие «социализм» у крестьян трансформировалось в понятие «землеустройство», т.е. абстракция опосредовалась житейским опытом и локализовалась в традиционном вопросе землепользования. Таким же приземленным было и представление о коммунизме, ассоциировавшемся с «коммуной»: «При коммуне нет жен, все общее. Если бы согнать баб в коммуну, то вот была бы чертовщина»³⁸.

При этом под «коллективизацией» подразумевалось умение устроиться при новой власти. Косвенным доказательством этого является динамика колхозов в 1920-е гг. в губерниях, позже вошедших в состав Центрально-черноземной области (ЦЧО*). Данная динамика повторяет колебания экономической ситуации в деревне. Допущение арендных отношений, максимальная вовлеченность в рынок вместе с бухаринским «Обогащайтесь!» вызвали устойчивый рост коллективов всех видов в 1925/26 г. в Воронежской губернии 117,9 % по отношению к 1924 г., в Курской — 167 %, а оголенная недородом орловская деревня сократила численность колхозов до 54,2 %. По всем губерниям рост колхозов, несмотря на обрывочные статистические сведения, был зарегистрирован к 1928 г. По данным на 1 июля, в среднем по ЦЧО рост составил 174,6 % по отношению к 1927/28 г.³⁹ Это было связано с увеличением кредитования коллективных хозяйств. Примечательно, что к 1928 г. в социальном составе «колхозников» увеличилось число зажиточных крестьян с 5,5 до 12 %⁴⁰. В спецсводку ОГПУ попало высказывание крестьянина об организации колхоза в Курской губернии в 1928 г. из «кулаков и зажиточных»: «Один — зажиточный крестьянин, в 1926 г. загнал кооперацию, все время держит на кабальных условиях землю бедняков, второй — кулак, сын которого был в белой армии офицером, в довоенное время имел в банке до 10 000 руб., третий — зажиточный, который занимается эксплуатацией своих односельчан, вот эти-то граждане и будут создавать коллектив, разве это можно допустить...»⁴¹

* Центрально-черноземная область — административно-территориальная единица РСФСР, образованная в 1928 г. В ее состав вошли территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний, а также Раненбургский уезд Рязанской губернии и два уезда Тульской губернии — Волынский и Шиловский.

С наступлением политических «заморозков» колхозы оказались под пристальным вниманием власти. Партийные и кооперативные органы губернии должны были проделать огромную работу, чтобы «отсталые в своем развитии»⁴², часто карликовые объединения из 5—6 дворов стали бы прологом коллективизации и демонстрировали бы ее позитивы орловскому крестьянству. Губернские органы власти не располагали даже четкой статистикой по этому поводу — в конце 1927 г., по данным Селькредсоюза, насчитывался 331 колхоз⁴³, включая товарищества по совместной обработке земли, при этом 225 объединений не были включены в систему союзной кооперации и именовались «дикими»; в отчетности губернского земельного управления говорилось о 259 колхозах⁴⁴. При этом «высшей формой» коллективного хозяйства считалась коммуна, в губернии их насчитывалось всего 21, включая 8 «диких».

Смотр колхозных рядов, I съезд колхозов, прошел в Орле 10—12 января 1928 г., на нем присутствовали 78 представителей от 69 колхозов (именно столько объединений удалось вовлечь в орбиту политической активности). Делегаты нарисовали губернским властям неблагоприятную картину. Колхозник из «Красной звезды» отмечал: «У нас при условиях колхозной жизни еще наблюдается склонность к индивидуальной жизни. В колхозах еще нет производительности труда. Есть отлынивание от работы...»⁴⁵ Склоки, незаинтересованность в результатах работы, пьянство, текучка кадров, низкая трудовая дисциплина, отсутствие учета и контроля — только небольшой перечень проблем коллективного быта.

Классовая политика в деревне и стремление властей произвести колхозы в образцовые организации привели к увеличению кредитования (в 1926/27 г. было выдано 367 тыс. руб.), налоговым льготам, снабжению техникой и инвентарем, ускоренному землеустройству, мелиоративным мероприятиям. Кредиты на фоне часто списываемой задолженности привлекали в колхозы «крепких мужичков». В социальном составе колхозников было 12 % зажиточных, 40 % середняков, остальные были представлены беднейшим крестьянством, использовавшим производственные кредиты для внутреннего потребления. Частым явлением были растраты. Успенская коммуна распалась по вине ее председателя, бывшего помещика Казакова, который не смог погасить кредита на сумму 23 000 руб.⁴⁶ Объединения ради использования государственных субсидий на фоне слабой финансовой дисциплины, как правило, состоящие из родственников, сохраняющих наделы параллельно колхозному участию, полу-

чили название «лжекооперативы». Местная власть объявила им войну, так же, как и «диким», которых пытались насильно вовлечь в кооперативную систему и «закредитовать». Но как ни дискредитировали эти организации коллективный опыт, не они больше всего волновали власть. Все источники пестрят сообщениями: «степень обобщенности в коллективах слаба» и постоянно падает⁴⁷.

По образу жизни колхозы не отличались от окружавших их крестьянских хозяйств, разве что более низким уровнем производства. Обследование ГубРКИ констатировало падение товарности колхозов с 1926 по 1927 г. с 34 до 17 %⁴⁸. Инспекция констатировала и большую текучесть кадров, особенно в коммунах. Состав обновлялся до 3 раз за 2 года. Первые колхозы губернии оставляли много вопросов открытыми: что делать с детьми (ясли имелись только в «Коммуне III Интернационала») и стариками, содержать которых коллективу было очень тяжело; как установить ответственность и учет при подавляющей неграмотности; как уравнивать в правах мужчин и женщин — новое для традиционной ментальности явление и, пожалуй, самым болезненным вопросом было распределение продукции. В последнем случае было множество вариантов: распределение по семьям, по едокам, по паям, по трудовому вкладу, по затраченному времени, по потребности и т.д.

Участники II пленума Окружкома в октябре 1928 г. весьма нелицеприятно отзывались о существовавших колхозах: «Существующие колхозные хозяйства далеко не коллективны. Кредиты, отпускаемые коллективным хозяйствам, переходят в пользу кулака. Зная, что коллективные хозяйства имеют право на лучшие участки земли, кулаки собирают нужное количество бедняков, организуют колхоз, затем бедняков постепенно выживают». Один из выступавших подытожил: «Несмотря на наши мероприятия, не имеем ни одного показательного колхоза». На пленуме приводились и любопытные примеры поведения коммунистов в «колхозном вопросе». После расформирования колхоза бывшие члены-коммунисты «отрезали себе отруба и как-то обрастают», а в коллективизации по линии партии участвовать не желают, или «говорят, что создавать коллектив надо, а сами сидят отдельно»⁴⁹.

Стремление колхозов к рыночной самостоятельности было поводом для конфронтации их с властью. Во время хлебозаготовительного нажима в конце 20-х, несмотря на специальные постановления, колхозы продавали хлеб частнику. В информации-

онном письме секретаря Орловского окружкома 5 июня 1929 г. приводился пример «недостойного» поведения: «Колхоз “Красный Октябрь” излишки хлеба государству не сдавал, а разбрасывал их по лесу»⁵⁰. Неудивительно, что в директивных указаниях сквозили настойчивые требования «чистки» существующих колхозов.

Некоторые «коммунары» упорно не желали сдавать своих позиций. С 1928 по 1930 г. продолжалась тяжба между местной властью Козловского округа (ранее входившего в состав Тамбовской губернии) и семьей Воробьевых, составлявших костяк коммуны «Заря социализма». В спор были вовлечены «Колхоз-центр» и редакция «Правды». Для рассмотрения правильности «чистки от классово чуждых элементов» направлялись комиссии из Москвы по поручению Каминского.

Некогда малоземельные крестьяне, разбогатевшие на отхожих промыслах, в 1904 г. Воробьевы купили 40 десятин земли. Сохранить свой участок от передела смогли, организовав в 1920 г. колхоз «Новый путь» на уставе артели. Состоявший из одних представителей семьи Воробьевых, «этот патриархальный колхоз считался образцовым и показательным». В 1926 г. колхоз слился с коммуной «Вольная община», организованной анархистом Реповым. «Заря социализма» (так стала называться новая организация) оказалась многоцветной: в ней преобладали анархический, сектантский и предпринимательский оттенки. Партийное влияние, как отмечалось в докладе московской комиссии, проникло в «Зарю социализма» только на десятом году ее существования, правда, ненадолго. Разоблачив одного пьяницу, бывшего «по недоразумению партийцем», Воробьевы усилили свой авторитет среди крестьян. Местные власти во что бы то ни стало хотели зачислить Воробьевых в категорию «кулаков», они стали собирать всевозможные доказательства, показания и т.д. «Воробьевы, в свою очередь, занялись этим же, собирая подписку среди граждан, доказывая, что с 1920 г. они колхозники». Инструктор Колхозцентра Чиненов назвал этот колхоз «патриархальным», считая, что получаемые «колхозниками» льготы шли фактически крупному патриархальному хозяйству. Личные средства Воробьевых составляли 50 % всех вкладов коммуны. Доступ в коммуну имели только состоятельные крестьяне, при этом вместо общественной работы существовал принцип для новичков: в течение первого года они ничего не получали.

«Нэповские коммунары» чутко улавливали новшества и не были консерваторами. Их молодежь была направлена на учебу в

вузы и на тракторные курсы. «Зарю социализма» можно привести в качестве редкого примера пользующегося авторитетом в крестьянской среде колхоза. Воробьевы выступали защитниками деревенских жителей от притеснения большевиков, играли «роль ходатаев при случаях различных перегибов на местах». Нападки местных властей были парированы хвалебными статьями московских корреспондентов в «Правде». «И немудрено, — делал вывод инструктор, — что население больше прислушивалось к Воробьеву, чем к местной организации»⁵¹.

Тенденция создавать коммуны для прикрытия своих материальных интересов людям, близким к власти, была настолько устойчива, что отдельные эпизоды случались даже в 1928 г., когда курс партии в отношении всех форм самодеятельности заметно ужесточился. В Льговском районе ЦЧО по инициативе местных партработников была образована коммуна «1 Мая», среди ее «учредителей» были также агрономы, студенты сельскохозяйственной Тимирязевской академии и лектор школы ОГПУ. Дополнили состав коммуны «ряд кулацких хозяйств». Новоиспеченный колхоз противопоставил себя вопреки всем установкам местной бедноте, организовавшейся в ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли). До осени 1929 г. коммунарам удавалось получать льготы и избегать налогообложения. Общая сумма налога на всех членов коммуны в случае их индивидуального обложения составляла бы 2701,17 руб., из которой только зажиточная ее часть должна была бы уплатить 1647,59 руб., коммуна же уплатила налог в размере 400 руб. За фасадом коллективизации скрывалось не только почти семикратное сокращение налога, за год грамотные колхозники заняли государственных кредитов на 32 661 руб., превратив их в недвижимость⁵².

Таким образом, большинство колхозов Центрального Черноземья накануне коллективизации мало походило на «островки социализма» в деревне. Их опыт кооперации не имел ничего общего со «школой коллективизации», готовящей деревню к социалистическому типу хозяйства, непонятному крестьянскому сознанию. Опыт колхозов 1920-х гг. был связан с попыткой адаптироваться, приспособиться к новым политическим и экономическим условиям, «правилам игры», установленным советской властью. Состояние колхозов, в особенности коммун региона в конце нэпа не позволяло связывать с ними большие надежды на преобразование деревни. Власти потребовался другой способ «популяризации» колхозной практики. Колхозы 1920-х были побочной ветвью социалистического эксперимента в деревне.

Примечания

¹ Аграрная политика Советской власти (1917—1918): Документы и материалы. М., 1954. С. 478.

² Там же. С. 477, 488—489.

³ «Беднота». 1918. 15 декабря.

⁴ Там же. 1919. 14 января.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5466. Оп. 1. Д. 317. Л. 18.

⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 478. Оп. 5. Д. 985. Л. 2.

⁷ Там же.

⁸ Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1505. Л. 24.

⁹ Голос трудового крестьянства. 1918 г. 16 ноября.

¹⁰ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 76.

¹¹ Данилов В.П. Изучение истории крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962.

¹² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2000. Л. 140.

¹³ Там же. Л. 142.

¹⁴ Кабанов В.В. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1557. Л. 12.

¹⁶ Там же. Д. 1305. Л. 73.

¹⁷ Там же. Л. 74.

¹⁸ Орловская правда. 1923. 2 сентября. № 197.

¹⁹ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1127. Л. 64. Протокол заседания Деревенской комиссии при губкоме. 2 июля 1925 г.

²⁰ Там же. Д. 1305. Л. 91.

²¹ Орловская правда. 1923. 14 июля. № 156.

²² Там же.

²³ Тотомианц В. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 169.

²⁴ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1127. Л. 71. Анкета обследования Луначарской сельскохозяйственной артели.

²⁵ Там же. Д. 1879. Л. 17.

²⁶ «Правда». 1922. 21 мая. № 112.

²⁷ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1—2.

²⁸ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 462. Л. 67.

²⁹ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 99.

³⁰ Там же. Л. 91.

³¹ Там же. Л. 82.

³² Там же. Л. 97.

³³ Там же. Л. 95.

³⁴ Там же. Л. 85.

³⁵ Там же. Л. 94.

³⁶ Там же. Д. 2037. Л. 9.

³⁷ Орловская правда. 1923. 12 октября. С. 3.

³⁸ Яковлев Я. Деревня как она есть. М., 1924. С. 128.

- 39 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2 Д. 34.
- 40 ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2044. Л. 66.
- 41 «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М., 2002. Т. 6. С. 245.
- 42 ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2044. Л. 43.
- 43 Там же. Д. 2037. Л. 32.
- 44 Там же. Д. 1948. Л. 12.
- 45 Там же. Д. 2044. Л. 55.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Д. 2037. Л. 72.
- 48 Там же. Л. 15.
- 49 Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 8. Л. 21, 38, 40.
- 50 Там же. Д. 218. Л. 21.
- 51 РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 109.
- 52 Там же.

*Т.В. Юдина**

Право на труд советских рабочих на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг.

В 1990-е гг. в Российской Федерации возможности экономического развития государства оказались ограниченными в связи с осуществлением перехода от административного регулирования и директивного планирования к рыночной системе хозяйствования.

Тысячи людей остались без работы, внутренние производственные ресурсы в стране истощались. Для структурной перестройки хозяйства, восстановления экономики, роста научно-технического потенциала потребовались финансовая и инвестиционная поддержка. В повестке дня появились вопросы об использовании иностранных инвестиций в российской экономике, создании новых рабочих мест. Поэтому обращение к историческому опыту восстановления народного хозяйства, решения проблем занятости населения, повышения его жизненного уровня с помощью иностранного капитала в форме концессий в 1920-е гг., годы новой экономической политики, остается актуальным сегодня и представляет практический интерес.

В 1920-е гг. в реконструкции и техническом переоснащении нуждались почти все предприятия советской промышленности. Нужно было закупать импортное оборудование, обучать отечественных специалистов и рабочих современным технологиям. Отношение большевистской партии к привлечению иностранного капитала в форме концессий было осторожным и непоследовательным. Опасаясь усиления предпринимательских интересов в советской России, отвергая предпринимателей, лидеры большевиков в то же время осознавали, что советской экономике нужны концессионные предприятия, применение новых технологий. Необходимость привлечения иностранного капитала отстаивали российские эмигранты. Например, М.В. Брайкович в журнале русского зарубежья «Современные записки» утверждал: «коммунисты в России ясно видят, что без притока крупно-

* Юдина Таисия Васильевна — кандидат исторических наук (доцент, проректор по учебно-воспитательной работе ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»).

го капитала извне российского национального хозяйства скоро не восстановишь»¹.

С созданием новых предприятий можно было частично решить вопросы занятости неработающего населения.

Отечественными и зарубежными учеными сделана большая работа по изучению советской концессионной практики в 1920-е гг. Однако вопросы, касающиеся соблюдения трудового законодательства при найме работников на концессиях, регулирования трудовых и социальных отношений между иностранными предпринимателями и советскими рабочими, условий труда последних ждут более подробных исследований. Проблема занятости нетрудоспособного населения не стала предметом широкого и углубленного анализа исследователей. Меры, проводимые иностранными предпринимателями по уменьшению безработицы, предоставлению рабочих мест отечественным рабочим недостаточно изучены в отечественной и зарубежной литературе. Одной из основных причин такого положения является то, что в начале 1930-х гг. в Советском Союзе согласно официальным данным была ликвидирована безработица. Данная тема оказалась закрытой для ученых, а многие документы, связанные с этой проблематикой, засекреченными. Безусловно, в той или иной мере эта тема затрагивалась в отечественной и зарубежной историографии, посвященной концессионной деятельности советского государства². В настоящее время возрастает интерес к социальным аспектам работы иностранных управляющих, выявлению роли профессиональных организаций в защите прав наемных работников, который объясняется функционированием в Российской Федерации подразделений иностранных транснациональных компаний.

Целью настоящей статьи является попытка на основе имеющейся литературы, опубликованных и архивных документов проанализировать условия найма отечественных рабочих и их численность на концессиях, исследовать опыт государства и иностранных предпринимателей по разрешению проблемы занятости населения СССР.

* * *

В начале 1920-х гг. в советскую промышленность стали привлекаться иностранный капитал и рабочая сила. Это было вызвано необходимостью восстановления разрушенного национального хозяйства, преодоления всеобщего кризиса после Первой мировой и Гражданской войн. Иностранный капитал в форме концессий³ использовался в горнодобывающей, обрабатывающей, строительной, лесной, промысловой, сельскохозяй-

ственной, торговой отраслях промышленности, транспорте и связи. Ряд современников, оценивая значение концессий с точки зрения экономического развития страны, полагали, что без концессий восстановить экономику и, следовательно, удержать власть большевиков было невозможно⁴. В отдельных отраслях народного хозяйства германский и американский капиталы стал играть доминирующую роль, концессионные предприятия — занимать лидирующее положение⁵.

В 1920-е гг. было заключено 153 концессионных договора⁶. Постоянных советских рабочих на концессиях насчитывалось 20 000—25 000 человек, 30 000 сезонников (в лесной отрасли промышленности), что составляло 0,7 % от общей численности рабочих в стране⁷. Отсутствие точной цифры постоянных рабочих объясняется менявшимся числом действовавших концессионных предприятий. Например, в конце 1925 г. на 88 концессиях насчитывалось 35 000 рабочих (18 000 — в лесной отрасли, 14 000 — в горнодобывающей, 3000 — в сельскохозяйственной, транспортной и других), из которых иностранцы составляли 3—5 %⁸.

В 1925/26 хозяйственном году (хозяйственный или операционный год начинался 1 октября и заканчивался 30 сентября) в лесной отрасли («Руссанглолес», «Русснорвеголес», «Руссголландолес», «Двинолес Лимитед», «Репола Вууд»*, «Мологолес») насчитывалось 32 193 рабочих, из них сезонных 29 180, постоянных 3013 человек⁹. В обрабатывающей промышленности («Юнкерс», «СКФ», «Газоаккумулятор», «Ян Серковский», «Рейсер», «Борунский», «Брюк», «Шток», «Рагаз», «Берсоль», «Бергер и Вирт», «Лео», «Шульман», «Альфтан», «Гаммер», «Лопато», «Раабе») — 1825 рабочих¹⁰. В сельскохозяйственной («Маныч», «Друзаг», «Нансен», «Голландия-Украина», «Прикумское Товарищество», «Немволбанк», «Друзаг») — 572 рабочих¹¹. В телеграфной отрасли («Большое Северное Телеграфное Общество», «Индо-Европейская линия») — 88 рабочих¹².

По прогнозам немецкого журнала «Экономическая служба», на всех концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг. «должно быть занято в общей сложности 75 000 рабочих»¹³. Однако укомплектовать квалифицированной силой в таком количестве концессионные предприятия не представлялось возможным

* В «Двинолес Лимитед», «Репола Вууд» рабочих и служащих в штате не имелось. По остальным концессиям рабочих насчитывалось: «Руссанглолес» — постоянных — 322, сезонных — 3000; «Русснорвеголес» — соответственно 809 и 6180; «Руссголландолес» — 642 и 5000; «Мологолес» — 1240 и 15 000 рабочих / Иностранные концессии в СССР (1920—1930 гг.): документы и материалы / Т. II. С. 227.

из-за недостатка «подходящих кадров из российской рабочей среды». Приходилось привлекать иностранных рабочих. В зависимости от отрасли народного хозяйства соотношение численности советских и иностранных рабочих на концессиях было разным. В сельскохозяйственных концессиях преобладали отечественные рабочие. В концессиях других отраслей в соответствии с договорами иностранных предпринимателей и советского правительства отечественных рабочих должно было насчитываться не меньше 50 % от общего числа занятых. Численность рабочих, занятых на концессионных предприятиях, составляла от нескольких десятков до нескольких тысяч. Эта зависимость была прямо пропорциональна размерам предприятий. На самых крупных концессиях «Лена Гольдфильдс Лимитед», «Грузинский марганец», «Тетюхэ» (горнодобывающая отрасль), «Мологолес» (лесная отрасль) численность рабочих была самой высокой.

В Главном концессионном комитете при Совете Народных Комиссаров СССР была создана постоянная комиссия по наблюдению за выполнением обязательств иностранных предпринимателей по концессионным договорам, в том числе и по найму рабочей силы¹⁴.

Приглашая зарубежных предпринимателей, руководители советских органов власти требовали в первую очередь от профсоюзов осуществления контроля над их деятельностью.

Не допуская конкуренции частного предпринимателя и государственного собственника, профсоюзы стали предъявлять концессионерам более жесткие условия по найму, заработной плате для отечественных рабочих и по отчислениям на культурно-массовую работу. Профсоюзные работники оценивали иностранных предпринимателей как капиталистических работодателей, поэтому максимально использовали свои властные полномочия в интересах рабочего класса, повышения его благосостояния. Профсоюзы активно участвовали в регулировании зарплаты — одной из важнейших функций государственной экономики, вмешивались в хозяйственную жизнь концессий¹⁵.

На начальном этапе привлечения иностранного капитала в национальную экономику иностранные предприниматели не соглашались с предложениями советской стороны о контроле профессиональными объединениями за условиями найма и увольнения рабочих, их труда и быта. Л. Уркварт, крупный английский предприниматель, усматривал в этом чрезмерную для предприятия политизацию рабочего класса, а сферу влияния профсоюзов он считал опасным и непредвиденным фактором нестабильности в управлении предприятием¹⁶.

Однако уже в начале 1920-х гг. профсоюзам фактически были переданы функции государственных органов в сфере организации системы общественного контроля над состоянием найма и увольнения рабочих, их заработной платы, охраны и условий труда, трудовой дисциплины.

Не все зарубежные исследователи соглашались с суждениями Л. Уркварта о роли профсоюзов в общественно-политической и экономической жизни социалистического общества. Немецкий исследователь В. Кох, сравнивая советские и германские профсоюзы, выявил общее и особенное в немецком и русском опыте рабочего контроля (несмотря на различие экономических систем) и обосновал необходимость использования различных средств регулирования найма и увольнения отечественных рабочих, их оплаты и условий труда¹⁷.

Часто требования государственных и профсоюзных руководителей в вопросах найма, оплаты труда, предоставления льгот и пособий советским рабочим были более завышены к иностранным предпринимателям, чем к руководителям государственных предприятий. Отсюда — дискуссии, споры, конфликты, порой приводившие к дестабилизации производства, ухудшению экономического положения отечественных рабочих на концессиях.

Немецкий исследователь Г. Гершуни уверял читателей, что в советской России концессионеру невозможно было свободно принимать на работу людей, так как это являлось обязанностью государства¹⁸. Действительно, наем рабочих и служащих осуществлялся через посредничество Народного Комиссариата по труду (биржи труда и профессиональные союзы) и проводился концессионером самостоятельно лишь в определенных случаях, установленных договором. Для определения соотношения численности иностранных и советских рабочих (в пользу последних) в концессионные и коллективные договоры в обязательном порядке включался пункт, где обозначались конкретные цифры приема рабочих.

Нередко концессионные договоры по вопросам найма нарушались. Администрация сельскохозяйственной концессии «Друаг» в Саратовской губернии «...пользуясь тем, что хозяйство находится от района, где по закону должна иметься биржа труда, на расстоянии 100 верст, найм и увольнение рабочих производит без ведома профсоюза»¹⁹.

Из-за недостатка отечественных квалифицированных рабочих на концессиях острова Сахалин преобладали иностранные рабочие. В. Галузин — представитель ЦК Союза горнорабочих — описывает, как трудно велись переговоры с японскими

предпринимателями по сдаче концессий на острове Сахалин и найму отечественных рабочих: «Мы выдвинули предложение, что концессионер должен нанимать русских и иностранных рабочих в таком % соотношении: соотношение высококвалифицированных рабочих — 50 % русских и 50 % иностранных, сюда не входят управляющие предприятиями и заведующие отделами, которые могут приглашаться по усмотрению концессионера. Что же касается рабочих средних, низших квалификаций и чернорабочих, то тут должно быть соотношение — 75 % русских и 25 % иностранных. При этом мы добавляем, что если Дальневосточная биржа труда окажется не в состоянии дать указанное количество рабочих, то в таком случае концессионер может нанимать недостающую часть рабочих по своему усмотрению. Японцы не соглашаются принять такое предложение»²⁰. На руднике Дуэ (концессия «Мицубиси Госи Кайся») в 1924 г. насчитывался 151 рабочий, из них: 136 — китайцы, или 90 % от общего числа рабочих; 5 — японцы, или 3,3 %; 10 — русские, или 6,7 %. На руднике Рогатом (та же концессия) из 360 рабочих — 77,5 % или 279 человека — китайцы, 22,5 % или 81 — японцы и ни одного русского²¹ (отсутствие отечественных рабочих на данном руднике объяснялось их нежеланием заниматься нелегким физическим трудом. — *Т.Ю.*). Конечно, каменноугольные работы — тяжелые работы. И, по мнению автора, в условиях отсутствия квалификации и возможности трудоустройства пренебрегать отечественным гражданам этой работой, наверное, было неправильно.

Часто возникающие разногласия по вопросам найма между иностранными предпринимателями и профессиональными организациями становились предметом обсуждения на заседаниях центральных отраслевых комитетов профессиональных союзов. Иностранные предприниматели, по мнению профсоюзных работников, прибегали к «различным уловкам». Председатель центрального правления профессионального союза рабочих горнодобывающей промышленности Грузии Р. Циркеидзе был уверен в том, что на концессии «Грузинский марганец» «каждое сокращение работ концессионер сопровождает отбором и увольнением нежелательных ему элементов рабочих»²². Основания для такого вывода имелись. Администрация концессии останавливала работы или сокращала определенные должности. Спустя некоторое время работы возобновлялись, но уже с новыми рабочими. Р. Циркеидзе сокрушался: «Поскольку союз не имеет права вмешиваться в хозяйственную жизнь и в хозяйственные мероприятия концессионера, подобные его действия остаются безнаказанными»²³. На самом деле возможности опре-

деления вины концессионера имелись, но для этого необходимы были свидетели и время.

Вопросам найма отечественных рабочих на концессии значительное внимание уделяли не только профессиональные организации, но и народные комиссариаты иностранных дел и труда. Из телеграммы Главного концессионного комитета от 15 сентября 1925 г. узнаем, что комиссия ГKK по переговорам с японской делегацией о нефтяных и угольных концессиях на острове Сахалине «19 августа т.г. возложила на НКЗ*, НКИД и ВЦСПС разработку вопроса о переселении на о. Сахалин квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы...»²⁴. Протокол совещания при отделе рынка труда НКТ СССР от 18 сентября 1925 года говорит: «о необходимости предоставления японским концессионным нефтяным и угольным промыслам русской рабочей силы 75 % неквалифицированной и 50 % квалифицированной»²⁵. В телеграмме Народного Комиссариата иностранных дел отдела Дальнего Востока от 8 апреля 1926 г. читаем: «Отдел Дальнего Востока... просит сообщить, в каком положении находится подготовка мероприятий, связанных с необходимостью снабжения рабочей силой японских концессионеров на Северном Сахалине»²⁶.

Трудности в найме отечественной рабочей силы оставались на многих дальневосточных концессиях: «Кита Карафуто Секио Кабусики Кайся», «Кита Карафуто Коогии Кабусики Кайся», «Кита Сагарен Кумий» и других²⁷. Большая потребность возникла в сезонных рабочих. Органы Дальневосточного народного комиссариата труда не справлялись с заявками концессионеров из-за недостаточно налаженной ими работы по привлечению отечественной рабочей силы. Поэтому на концессиях преобладали корейцы, китайцы и японцы.

Профсоюзы и органы власти требовали от концессионеров при приеме работников знакомить их с условиями труда предприятия («...граждане должны быть ознакомлены с основными возможными условиями труда применительно к Кодексу — зарплата, время работы, отпуска, компенсации и проч., чтобы не возникало надежд «на золотые горы» на этих предприятиях»²⁸), заключать трудовые договоры. Не на всех концессионных предприятиях соблюдали трудовое законодательство. В «Мицубиси Госи Кайся» «никаких трудовых договоров или контрактов у предприятия с рабочими не имеется. Все рабочие наняты на месте и работают через подрядчика, который взимает 10 % с общей суммы всей выплачиваемой рабочим заработной пла-

* Народный комиссариат земледелия.

ты»²⁹, расчетные книжки не только рабочим, но и служащим не выдавали.

Концессионеры не всегда соглашались с советскими условиями по рабочему вопросу. Например, предложения японского предпринимателя Масао Окумура по угольным концессиям на западном берегу Северного Сахалина (14 августа 1925 г.) сводились к следующему: «Рабочее законодательство СССР будет нами принято во внимание. Учитывая однако специальные условия на Северном Сахалине, я желал бы, чтобы Вы нашли возможным для настоящего времени применение нашего обычного права». Сотрудники Главного концессионного комитета отвергли предложения Масао Окумура и настаивали: «Ввиду того, что Кодекс о Труде является основным законом СССР, регулирующим минимальную охрану условий труда по всей его территории, с соблюдением которого заключены все концессии с иностранными подданными, никакие изменения в Кодексе о Труде для концессионера невозможны. Точно также невозможно применение на территории СССР японского обычного права»³⁰.

Иностранным предпринимателям разрешалось использовать иностранную рабочую силу, но при условии обязательного привлечения отечественных рабочих на концессии. От концессионеров требовали предоставления отечественным рабочим высокой зарплаты, повышения их жизненного уровня, лучших условий быта и труда по сравнению с оплатой и условиями труда рабочих на государственных предприятиях³¹. Органы власти, настаивая на предоставлении рабочим благоприятных условий труда и быта, справедливо полагали, что таким образом возможно привлечь отечественную рабочую силу на концессии. Совещание 18 сентября 1925 г. в Народном Комиссариате труда СССР «вынесло ряд постановлений, устанавливающих, что привлечение русской рабочей силы на японские концессионные промыслы возможно будет лишь при существовании особых преимущественных условий труда и быта, которые были бы направляющими на работу обеспечены концессионерами или государством»³².

Более высокие требования в отношении иностранных предпринимателей в вопросах улучшения условий труда и быта работников («сдавая предприятия в концессии, пролетарское государство выставляет непременным требованием не только усовершенствованные методы работы, но и сто процентов охраны труда»³³), играли, безусловно, положительную роль и позволяли добиваться определенных результатов в повышении жизненного уровня отечественных рабочих. Большое внимание

профсоюзные организации, в отличие от ряда иностранных предпринимателей, уделяли вопросам снабжения рабочих продуктами питания и товарами первой необходимости. Так, по мнению рабочих, руководство «Лены Гольдфильдс Лимитед» «использует предоставленные ей льготы (премии, субсидии на возмещение убытков, беспошлинный ввоз. — Т.Ю.) лишь для бóльшей наживы и даже не заботится о ввозе предметов широкого потребления, а завозит огромные запасы предметов роскоши, на которых она получает колоссальные суммы прибыли»³⁴.

Подтверждением снабжения рабочих «Лены Гольдфильдс Лимитед» недоброкачественными продуктами служит информация, выявленная профсоюзными работниками: «...мясо в лавках попадает гнилое. При выдаче продуктов рабочих часто обвешивают. На Артемовском руднике рабочие говорят по этому поводу: “Концессия нас кормит одними костями. Продаваемое в лавках мясо, собственно, нельзя и назвать мясом, оно не годно к питанию. Мясо, которое продает нам концессия, обыкновенно обливают керосином, а мы здесь едим его. Администрация старается на каждом шагу урвать у рабочего — вместо фунта продает $\frac{3}{4}$ и т.д.”»³⁵. Не обременяли себя определенными условиями в вопросах снабжения представители концессионера и в отношении старателей: «Артели принимали на себя обязательство снабжаться из продовольственных магазинов “Лена Гольдфильдс”, но при этом концессионер не связывал себя тем регулированием цен, которое установлено для рабочих в концессионном договоре и развивается в колдоговоре с профсоюзом»³⁶.

Приведем интересный материал, подтверждающий незаинтересованность иностранного предпринимателя «Лена Гольдфильдс Лимитед» в создании не только благоприятных условий труда, но и психологического климата на концессионном предприятии. 14 декабря 1927 г. на данной концессии по инициативе профсоюза комиссия по охране труда запретила продавать часть мяса, негодного к употреблению. Администрация «Лены Гольдфильдс Лимитед», недовольная предписаниями комиссии, создала новую — без представителей профессионального союза. Последняя разрешила продавать мясо плохого качества. В продовольственных лавках концессии «имелось много хорошего мяса, однако принудительная выдача плохого мяса не прекращалась. Рудком ВСГ Артемовского прииска опечатав продлавку и запретил продавать плохое мясо, причем рабочие были предупреждены о плохом качестве мяса»³⁷. Администрация концессии, выразив свое несогласие с решением рудничного комитета, «срывает печать и открывает лавку». Не соблюдая правил торговли, представители концессионера вступали в конфликт

не только с профессиональным комитетом рудника, но и с рабочими, не беспокоясь о здоровье последних.

К увеличению числа пострадавших на производстве приводили не только безответственность руководителей в вопросах питания и снабжения рабочих, но и износ производительных фондов, неисправность оборудования, его нехватка, устаревшие технологии, недостаточная обеспеченность работников специальной одеждой, специальной обувью и другими средствами индивидуальной защиты. Подтверждением этому может служить документ ГА РФ: на концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» «отдельные шахты, идущие в отработку, не ремонтируются и не оборудуются, следствием чего являются несчастные случаи с рабочими»³⁸. Так, 8 декабря 1927 г. на одной из шахт вышеуказанной концессии «произошло крушение вагончика» из-за отсутствия освещения пути³⁹. Был уволен пикетчик. Рабочие, возмущенные действиями администрации, так охарактеризовали условия труда: «...в крушении виновата концессия, а не пикетчик. Концессия обещала механизацию ввести, когда брала шахты, а сейчас ничего не делает, только разрушает старое»⁴⁰. Рабочие уличили концессионера в уничтожении оборудования, облегчавшего их труд. Например, «был паровой молот, а в настоящее время на нем запретили работать из-за экономии двух сажень дров и рабочие теперь бьют, что есть силы, руками. Лошадь, которая была в шахте, заменена людьми. Теперь двое или трое рабочих с трудом катят порожний вагон»⁴¹. Такие условия труда, несомненно, отражались на добыче золота, а точнее, на его сокращении, и, следовательно, на снижении заработной платы, уменьшении численности рабочих на концессии.

Поэтому не случайно многие иностранные предприниматели рассматривали вопросы условий, охраны, гигиены труда, здоровья, техники безопасности как важное условие повышения экономической эффективности концессионного предприятия. Социальной значимости безопасности труда они старались уделять больше внимания.

Однако со второй половине 1920-х гг. противоречия между иностранными предпринимателями и советскими органами власти, профсоюзами стали усиливаться. Правовое поле для деятельности иностранных партнеров суживалось. Государство не было заинтересовано в стабильной и эффективной работе концессионных предприятий. В условиях социально-экономической системы администрирования, постепенной ликвидации частного предпринимательства, установления господства государственной собственности и изоляции страны от внешнего мира меньше привлекалась иностранная рабочая сила.

Еще в 1924 г. председатель постоянной комиссии Совета труда и обороны по сельскохозяйственной и промышленной иммиграции СССР В.А. Смольянинов заявил, что промышленные рабочие ввиду существующей безработицы внутри страны не допускаются в СССР⁴². При найме специалистов и служащих из русских работников у иностранного предпринимателя появлялись новые сложности. Граждане СССР, занимающие руководящие должности на концессиях, не могли быть членами профсоюза, что фактически означало изоляцию от общества. Право концессионера привозить с собой в советскую Россию руководящий персонал на практике также оказалось иллюзией⁴³, — считал немецкий ученый Е. Вилиш. Тем не менее иностранные предприниматели продолжали приглашать специалистов и рабочих из своих стран, нарушая обязательства по концессионным договорам о соотношении иностранных и русских рабочих.

Профсоюзы отстаивали сокращение числа ввоза иностранных служащих и рабочих и требовали обучения отечественной рабочей силы. Предложения предпринимателей о приглашении большего числа иностранных рабочих принимались тогда, когда не хватало отечественной рабочей силы. Этот вывод автор делает, изучив протоколы заседаний Дальневосточной концессионной комиссии. Из-за отсутствия квалифицированных служащих и рабочих на Дальнем Востоке, знающих нефтяное дело, предприниматели продолжали ввозить несколько больший процент иностранных (японских) рабочих и служащих на промыслы, чем это было предусмотрено концессионными договорами⁴⁴.

Администрация «Кита Карафутто Секио Кабусики Кайся» неоднократно обращалась в Главный концессионный комитет с просьбой изменить § 31 концессионного договора о соотношении японских и русских работников и разрешить использовать 50 % японских специалистов и рабочих. У японского предпринимателя имелись основания для таких просьб. Во владивостокском и хабаровском отделах труда не состояло на учете необходимое число квалифицированных рабочих (75 %) для «Кита Карафутто Секио Кабусики Кайся». И тем не менее руководство Главного концессионного комитета настаивало, ссылаясь на заявления органов народного комиссариата труда, увеличить прием отечественных рабочих (90 %) и специалистов (60 %) на «Кита Карафутто Секио Кабусики Кайся», полагая, что невыполнение указанных норм «несет советской стороне определенный политический вред»⁴⁵.

В 1927—1928 гг. иностранных рабочих стали меньше привлекать в золотодобывающую отрасль промышленности на Дальнем

Востоке. В конце 1927 — начале 1928 г. дважды на закрытых заседаниях Президиума ЦК профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности СССР обсуждался вопрос о привлечении иностранной рабочей силы. Нецелесообразность ее использования, особенно китайской, объяснялась необходимостью занятости отечественных рабочих⁴⁶.

Но нарушения оставались. На «Тетюхэ» в начале 1930 г. не соблюдался концессионный договор: «...по договору им разрешено иметь 45 % иностранной рабочей силы, в самом деле имеется 52,73 %»⁴⁷, — сообщил 21 января 1930 г. председатель рудничного комитета Самарин в вышестоящие профсоюзные организации. Концессионер «Кита Карафуту Секио Кабусики Кайся» в 1929 г. привлекал из-за отсутствия отечественной рабочей силы китайских и корейских сезонных грузчиков, лодочников⁴⁸.

* * *

Со второй половины 1920-х гг. на крупных концессионных предприятиях особенно острым оказался вопрос сокращения отечественных рабочих. Если профсоюзные организации на концессиях не могли решить проблему занятости рабочих, они принимали непосредственное участие в их дальнейшей судьбе. В Бодайбинском районе концессионного предприятия «Лена Гольдфильдс Лимитед» рабочие «не могущие быть использованными на приисках, должны быть вывезены органами НКТ и союза из пределов района»⁴⁹. Требования органов власти по вопросу занятости на концессионных предприятиях сводились если не к увеличению, то к сохранению численности рабочих. Заместитель председателя ВСНХ СССР М.Л. Рухимович, обращаясь в Совет Народных Комиссаров, Народный Комиссариат труда, Главный концессионный комитет, Центральный Комитет профессионального союза рабочих горнодобывающей промышленности, настаивал на следующем: «...необходимо наметить твердый курс в борьбе против дальнейшего сокращения рабочих на промыслах Лены. ...Наша линия должна быть, путем разумных уступок, добиться, во чтобы то ни стало, увеличения добычи золота, а, следовательно, и числа занятых рабочих»⁵⁰.

По данным председателя ЦК союза горнорабочих С. Шварца, на 1929 г. концессия «Лена Гольдфильдс Лимитед» планировала «оставить всего 400 хозяйских работника (в конце 1928 г. рабочих насчитывалось свыше 2000. — Т.Ю.)». Семен Шварц полагал, что сокращение рабочих концессия производит по причинам «стремления освободиться от норм советского трудового законодательства, вырвать рабочую массу из-под влияния

профсоюза... в бодайбинских условиях это означало бы ликвидацию профсоюза и отдачу всего района (в части рабочего вопроса) на полное усмотрение концессионера»⁵¹.

Сокращение рабочих на концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» вызывало беспокойство профессиональных работников. Заведующие тарифно-экономическим отделом Я. Абрамов и производственно-экономической частью И. Майзель ЦК союза рабочих горнодобывающей промышленности постоянно уведомляли Главный концессионный комитет, ВЦСПС, ВСНХ, НКТ СССР, НКТ РСФСР о том, что «происходит распыление ленского пролетариата, совершенное свертывание профсоюзной работы в районе и отдача ленских рабочих под полное и бесконтрольное влияние концессии»⁵², а «прогрессивный процесс сокращения пролетариата в Ленско-Витимском округе приводит к депролетаризации значительной части Ленского рабочего класса»⁵³.

К сокращению на «Лена Гольдфильдс Лимитед» на 1929 г. были представлены следующие рабочие специальности: забойщики — 682 человека; чернорабочие — 360; слесари — 61; электромонтеры — 26; плотники — 66; горнорабочие — 504; машинисты — 14; железнодорожники — 44; квалифицированные рабочие — 84. Всего — 1841 человек. На предприятиях концессии насчитывалось рабочих к концу 1928 г. «от 2 тысяч до 2300»⁵⁴. Поэтому опасения профессионального союза рабочих горнодобывающей промышленности не были лишены оснований. Сокращение рабочих могло привести к «деградации всего местного района», где добыча золота являлась фактически «единственным фактором хозяйственной жизни»⁵⁵.

Организация работ на другой крупной концессии — «Грузинском марганце» — также не являлась последовательной. Участники конференции рабочих Чиатурского района, констатируя «неплановость работы» концессии, «результатом чего является частое массовое сокращение рабочих», обращались в ЦК профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности «срочно поставить перед соответствующими организациями вопрос об урегулировании работы концессии»⁵⁶. Председатель центрального правления профессионального союза горнорабочих Грузии Р. Циркеидзе отмечал: «рудник закрывается, рабочие ликвидируются, а через несколько дней на том же самом руднике начинаются опять работы»⁵⁷.

На этой же концессии предприниматель нарушил советское трудовое законодательство, концессионный договор и приступил в 1927 г. к строительству обогатительного завода без проек-

та. При этом он настаивал, что если ему не разрешат данное строительство без согласования с органами Народного Комиссариата труда, то он не успеет в срок выполнить строительный план и тем самым увеличится «безработица в Чиатурском районе»⁵⁸.

Такие действия концессионера способствовали усилению напряженности среди рабочих, увольнению и пополнению рядов безработных. Руководители профсоюза не оставались безучастными и пытались регулярно запрашивать данные о предстоящих изменениях на концессиях, причинах увольнения рабочих. Однако увольнения продолжались. На Шукруто-Перевисской секции концессии «Грузинский марганец» до 1 апреля 1928 г. администрация предупредила об увольнении 190 рабочих, одновременно запросив Биржу труда в необходимости принятия в эту же секцию 14 человек на временные двухнедельные работы.

Квалифицированной отечественной рабочей силы по-прежнему не хватало. Советские рабочие обладали меньшей производственной квалификацией, чем иностранные. Проблему обучения отечественных рабочих советские органы власти решали с помощью иностранных специалистов. Но это был очень сложный вопрос, и порой среди представителей власти отсутствовало единое мнение о соотношении иностранной и отечественной рабочей силы. Из доклада «Основные выводы из работ технико-экономической партии Сахалинской экспедиции 1925 г. по углям и предварительные соображения по вопросу об угольных концессиях» автор находит подтверждение этому выводу: «Процент от общего числа рабочих представляется в двух вариантах, поскольку мнение членов Комиссии в этом вопросе разделилось, а именно: 1) не менее 25 % в первый год с последующим увеличением в пятилетний срок по 5 % или же просто 2) не менее 50 %. Причем в том случае, если органы НКТ не смогут на договорных условиях предоставить концессионеру необходимое количество рабсилы, то последний имеет право прибегнуть к иностранной силе. Вопрос о снабжении Сахалина русской рабочей силой имеет общегосударственное значение и должно происходить при непосредственном участии центральных органов»⁵⁹.

Вызывало недоумение у профессиональных работников несоответствие на ряде концессий штата служащих и рабочих. Ярким примером «раздутости» штатов служащих является концессия «Грузинский марганец». В таблице 1 приведены данные за III квартал 1925 — I квартал 1928 г., где на одного служащего приходилось в разное время от 4,7 до 10,3 рабочих.

**Численность рабочих и служащих концессии
«Грузинский марганец»⁶⁰**

| Дата | Число рабочих | Число служащих | Соотношение служащих и рабочих, отн. ед. |
|---------------------|---------------|----------------|--|
| III квартал 1925 г. | 3008 | 337 | 8,9 |
| IV квартал 1925 г. | 3504 | 399 | 8,8 |
| I квартал 1926 г. | 4147 | 546 | 7,6 |
| II квартал 1926 г. | 2689 | 503 | 5,3 |
| III квартал 1926 г. | 2327 | 475 | 4,9 |
| IV квартал 1926 г. | 1739 | 367 | 4,7 |
| I квартал 1927 г. | 2349 | 329 | 7,1 |
| II квартал 1927 г. | 4456 | 432 | 10,3 |
| III квартал 1927 г. | 3823 | 398 | 9,6 |
| IV квартал 1927 г. | 2412 | 369 | 6,5 |
| I квартал 1928 г. | 1612 | 345 | 4,7 |

Как видно из таблицы 1, в I квартале 1928 г. число рабочих на концессии «Грузинский марганец» сократилось в 1,86 раза по сравнению с III кварталом 1925 г., служащих — возросло.

Концессии учреждались с различным числом рабочих. Например, в 1924 г. в концессии «Итало-бельгийское анонимное горнопромышленное общество», созданной с помощью итальянского и бельгийского капитала для нефтяных разведывательных работ, насчитывалось 17 человек: 15 рабочих и 3 служащих. Иностранцев рабочих на концессию не приглашали. На угольной японской концессии «Кита Карафутто Секио Кабусики Кайся» помимо японских рабочих трудились корейские, китайские и европейские, в том числе и русские (отечественных рабочих в предоставляемых отчетах администрация концессии не выделяла. — Т.Ю.). На данном предприятии мы отмечаем увеличение численности рабочих на 1 августа 1928 г. (см. таблицу 2).

Численность рабочих в 1927—1928 гг.⁶¹

| Национальная принадлежность | На 1.01.1927 г. | На 1.07.1927 г. | На 1.01.1928 г. | На 1.07.1928 г. | На 1.08.1928 г. |
|-----------------------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|
| Европейские | 184 | 191 | 244 | 655 | 650 |
| Японские | 130 | 436 | 205 | 810 | 216 |
| Корейские | 4 | 17 | 34 | 129 | 111 |
| Китайские | 1 | 1 | 10 | 14 | 8 |
| Всего | 319 | 645 | 493 | 1608 | 985 |

В связи с предоставлением неполных данных о национальной принадлежности рабочих сотрудники Главного концессионного комитета в 1928 г. провели обследование «Кита Карафутто Секио Кабусики Кайся». Русские рабочие здесь работали, но члены комиссии отметили их недостаточную производственную квалификацию. От Дальневосточного комиссариата труда ГКК потребовал перевести «русских рабочих из разряда низших квалификаций в высококвалифицированные, пересмотрев для этого порядок испытания и установив наблюдение за правильностью производства испытания в интересах русских рабочих»⁶². Освоение новых технологий отечественными рабочими происходило довольно сложно. Иностранные предприниматели утверждали, что по окончании нескольких месяцев обучения при постоянном контроле советские рабочие не могли достигнуть американского уровня; другие указывали на то, что, несмотря на приложенные усилия, производительность труда остается ниже, чем на Западе — при наличии одинакового промышленного оборудования. Во многом это объяснялось низкой образованностью рабочих.

На Дальнем Востоке квалифицированных отечественных рабочих не хватало. В неквалифицированной рабочей силе недостатка не наблюдалось. Ее ряды пополняли безработные, крестьянство, сезонные рабочие (строители, рыбаки): «...чернорабочей силой концессии будут на ближайший период достаточно обеспечены с самого Сахалина и навряд ли понадобится ввоз чернорабочих»⁶³. Советским правительством предполагалось выделить средства на колонизацию указанного региона путем переселения рабочих из других территорий страны⁶⁴.

В других регионах проблема с квалифицированной рабочей силой так остро не стояла. Отечественные рабочие, поступавшие на службу в концессионные предприятия, несмотря на сложное и медленное освоение современных технологий, все-таки представляли собой квалифицированные кадры. Они разбирались в новейшем западном оборудовании, перенимая знания и опыт, методы организации хозяйствования у иностранных специалистов и рабочих.

Модернизация советского производства, создание новых отраслей экономики в начале 1930-х гг. были осуществлены не без участия отечественных рабочих, занятых на концессионных предприятиях в 1920-е гг. Хотя их число и было незначительно от общего числа рабочих в СССР, но государственная политика требовала привлечения советских рабочих на концессионные предприятия, повышения их производственной квалификации.

Занятость безработных, наем рабочей силы на концессии в общегосударственном масштабе дополнялись возможностями коллективной защиты концессионного рабочего путем распространения на него коллективного договора.

Государственная форма занятости населения в 1920-е гг. являлась преобладающей, в том числе и для частных, и для концессионных предприятий. Наем работников концессионерами допускался в исключительных случаях по согласованию с органами труда. Самостоятельный наем считался нарушением, к концессионеру могли быть применены меры воздействия. Трудоустройство рабочих на концессии через органы НКТруда обеспечивало гарантии их стабильности, повышения жизненного уровня и сокращения безработицы в стране.

Примечания

¹ Брайкович М.В. О частной промышленной деятельности в России // Современные записки. Париж, 1924. № 18. С. 330.

² Буянов В. Трудовые конфликты и политика профсоюзов // Вестник труда. 1926. № 2; Буянов В.А. О работе профсоюзов на частных и концессионных предприятиях. М.; Л., 1927. (В помощь низовому профработнику); Работа союза горнорабочих СССР на концессионных предприятиях. М., 1926; Белкин Г. Рабочий вопрос в частной промышленности. М., 1926; Богданов Н.П. Профсоюзы и концессионные предприятия. М.; Л., 1928; Завьялов В. Работа ВЛКСМ на концессионных, арендных и частных предприятиях / Под ред. и с предисловием экономкомиссии ЦК ВЛКСМ. М.; Л., 1928; Кунин В. Концессионная политика в советской России (1923—1929 гг.) // Вестник Московского университета. 1993. № 5; Марьясова Н.В. Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20—30-е годы (концессии и концессионная

политика Советского государства). Владивосток, 2000; Новиков М.Н. Из истории концессионных предприятий Москвы в период нэпа. М., 1997; Gerschuni G. Die Konzessionspolitik Sowjetrusslands. Berlin, 1927; Haensel P. Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands. Tübingen, 1930; Gleinow G. Die ausländische Hilfe // Dobbert G. Die Rote Wirtschaft. Probleme und Tatsachen. Königsberg, Berlin, 1932; Koch W. Die bol'sevistischen Gewerkschaften. Jena, 1932; Spectator. Der neue Kurs in der Wirtschaftspolitik Sowjet — Russlands (Die Politik der Sowjet-Regierung und die Zukunft Russlands). Berlin, 1921; Flechtheim O. K. Bolschewismus 1917—1967. Wien, Frankfurt, Zürich, 1967; Wilisch E. Die Bedeutung der Konzessionen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken für die deutsch — russischen Wirtschaftsbeziehungen. Breslau, 1932 (литература на немецком языке из фондов библиотеки Кёльнского университета (Германия) использована в авторском переводе) и др.

³ Концессией в современной литературе называется передача на исключительную разработку и пользование частным владельцем, чаще иностранным, какой-либо доходной государственной деятельности (добыча каменного угля, нефти, разработка леса, пользование железными дорогами и т.д.) (См.: «Концессионная практика не дала сколько-нибудь значительных результатов» / Публикацию подг. О.Б. Мозохин, В.П. Ямпольский // Исторический архив. 2002. № 1. С. 101). Это определение мало чем отличается от общепринятого в советской литературе значения термина «концессия». Концессия означала договор на сдачу в эксплуатацию на определенных условиях природных богатств, предприятий и других хозяйствующих объектов, принадлежащих государству или муниципалитетам (См.: Большая Советская энциклопедия. М., 1973. Т. 13. С. 95).

⁴ См.: Янин М. Новые черты в концессионной политике // Плановое хозяйство. 1925. № 7. С. 32.

⁵ О концессиях в горной, обрабатывающей и других отраслях советской промышленности можно подробно узнать: Загорулько М.М., Иншаков О.В. Концессии в годы нэпа: исторические корни, принципы и механизмы реализации (научно-методические основы исследования): Препринт # WR/2002/16. Волгоград, изд-во ВолГУ, 2002.

⁶ С 1 января 1921 г. по 1 января 1931 г. по количеству предложений на 1-м месте находилась Германия (Иностранные концессии в СССР (1920—1930 гг.): документы и материалы / Серия «Отечественный опыт концессий» / Т. II / Под ред. проф. М.М. Загорулько. М., 2005. С. 21, 197).

⁷ Шишкин В.А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924—1928 гг.). Л., 1983. С. 266—267.

⁸ См.: Иностранные концессии в СССР... Т. II. С. 195.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 229—231.

¹¹ Там же. С. 233.

¹² На концессии «Большое Северное Телеграфное Общество» насчитывалось 66 рабочих, «Индо-Европейская линия» — 22 (Иностранные концессии в СССР... Т. II. С. 235).

¹³ См.: Wirtschaftsdienst. 1926. № 14. S. 473; 1930. № 8. S. 321.

¹⁴ См.: Иностранные концессии в СССР... Т. II. С. 64.

¹⁵ См.: Wilisch E. Die Bedeutung der Konzessionen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken für die deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen. S. 47; Ларин Ю. Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка // Большевик. 1927. № 11—12. С. 79; Koch W. Die bol'sevistischen Gewerkschaften. S. 176.

¹⁶ См.: Wilisch E. Die Bedeutung der Konzessionen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken für die deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen. S. 47.

¹⁷ См.: Koch W. Die bol'sevistischen Gewerkschaften. S. 191, 233.

¹⁸ См.: Gerschuni G. Die Konzessionspolitik Sowjetrusslands. Berlin, 1927. S. 53.

¹⁹ Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе. Ф. 849. Оп. 3 о/д. Д. 12. Л. 90.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5459. Оп. 6. Д. 280. Л. 7—8.

²¹ Подсчитано автором по: ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 281. Л. 25, 42.

²² ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 311. Л. 29 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Оп. 6. Д. 281. Л. 75.

²⁵ Там же. Л. 68.

²⁶ Там же. Л. 13.

²⁷ Со списком всех дальневосточных концессий можно ознакомиться: Марьясова Н.В. Указ. соч. С. 161.

²⁸ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 281. Л. 14.

²⁹ Там же. Л. 44—45.

³⁰ Там же. Л. 118.

³¹ См.: Богданов Н.П. Профсоюзы и концессионные предприятия. М., Л., 1928. С. 29; Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917—1959. М., 1961. С. 76; Очерки экономических реформ / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. М., 1993. С. 75, 76; Шишкин В.А. Указ. соч. С. 266—267 и др.

³² ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 281. Л. 67.

³³ См.: Бенсман А. Охрана труда на концессионных предприятиях // Охрана труда. Ежемесячный научно-популярный журнал по охране труда и социальному страхованию. М., 1928. № 9 (38); Ларин Ю. Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка // Большевик. 1927. № 11—12.

³⁴ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 313. Л. 204.

³⁵ Там же. Л. 277 об.

³⁶ Там же. Л. 279 об.

³⁷ Там же. Л. 278.

³⁸ Там же. Л. 279.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 767. Л. 23.

⁴³ См.: Wilisch E. Die Bedeutung der Konzessionen der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken für die deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen . S. 52.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 6. Д. 280. Л. 72—73.

⁴⁵ Там же. Оп. 9. Д. 312. Л. 28 об.

⁴⁶ См. протоколы № 42 от 16 ноября 1927 г. и № 50 от 17 февраля 1928 г. заседания Президиума ЦК профсоюза рабочих горнодобывающей промышленности СССР // ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 381. Л. 185, 211.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 304. Л. 360.

⁴⁸ Там же. Оп. 9. Д. 312. Л. 46. Следует добавить, что в 1937 г. сотрудников Главного концессионного комитета резко подверг критике исполняющий обязанности председателя ГКК З.М. Беленький за разрешение ввозить рабочую силу из Японии. К 26 июля 1937 г. на «Кита Карафуту Секио Кабусики Кайся» 34,3 % неквалифицированных рабочих и 71,5 % квалифицированных рабочих составляли японцы (Иностранные концессии в СССР... Т. II. С. 174—176).

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 313. Л. 222—223.

⁵⁰ Там же. Л. 281 об.—282.

⁵¹ Там же. Л. 283 об.

⁵² Там же. Л. 284.

⁵³ Там же. Л. 331.

⁵⁴ Там же. Л. 284.

⁵⁵ Там же. Л. 331 об.

⁵⁶ Там же. Л. 21.

⁵⁷ Там же. Оп. 9. Д. 311. Л. 20.

⁵⁸ Там же. Л. 24.

⁵⁹ Там же. Оп. 6. Д. 280. Л. 74, 81.

⁶⁰ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 311. Л. 19.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 5459. Оп. 9. Д. 312. Л. 11.

⁶² Там же. Л. 46.

⁶³ Там же. Оп. 6. Д. 281. Л. 16.

⁶⁴ Иностранные концессии в СССР... Т. II. С. 355.

*А.А. Цепкалова**

Главпромстрой в системе ГУЛАГа: экономика принудительного труда на «Великих стройках коммунизма»**

В современной исторической науке традиция освещения темы советской системы исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в 1930—1950-е гг. имеет две грани. Во-первых, это исследования, посвященные рассмотрению модели отношений «ГУЛАГ — человек», которые уже имеют определенный опыт разработки в исторической науке и публицистике. Работы по этой тематике поднимают сюжеты беспощадной эксплуатации заключенных, иллюстрируют тяжелые условия их существования и безжалостного отношения к ним надзоровосстава и руководства лагерей. Источниковой базой для таких исследований стали в основном многочисленные воспоминания и дневники бывших узников ГУЛАГа.

Во-вторых, это исследования, рассматривающие модель отношений «ГУЛАГ — государство». Причиной этому во многом послужило открытие в первой половине 1990-х ранее секретных архивов; с «архивной революцией» историк получил доступ к делопроизводственной документации ГУЛАГа с грифом «Совершенно секретно». Основной задачей исследований этого направления является определение места и роли ГУЛАГа в советском государстве, его экономике и государственного регламентирования лагерной системы. Синтез этих двух подходов в изучении системы лагерей СССР «высветит два лица ГУЛАГа, — одно, увиденное жертвами, а другое — их палачами»¹, что даст возможность получить более полное представление о целях создания системы ГУЛАГа, законах его функционирования и результатах трудового использования заключенных в системе принудительного труда СССР.

В данной статье в центр исследования поставлена модель отношений «ГУЛАГ — государство». Объектом изучения является советская лагерная система в послевоенный период, в частности,

* Цепкалова Анна Александровна — аспирантка (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

** Исследование проводилось в рамках проекта РГНФ, 09-01-0256а.

лагеря Главного управления лагерей промышленного строительства (Главпромстрой или ГУЛПС) — одного из крупнейших экономических главков НКВД/МВД СССР. Не секрет, что капстроительство было одним из основных направлений деятельности советской лагерной системы: страну покрывала сеть строительных управлений, подчиненных НКВД/МВД СССР, на которых использовался труд заключенных ГУЛАГа. В тяжелых условиях форсированной индустриализации, предвоенной мобилизации, в годы войны и послевоенного восстановления народного хозяйства трудовой ресурс ГУЛАГа был брошен на строительство множества крупных объектов, которые во многом обеспечили жизнеспособность экономики СССР в самые не легкие периоды.

Следует отметить, что понятие «строительство» для советских лагерей не ограничивалось возведением различных промышленных, инфраструктурных или коммунальных сооружений. Оно трактовалось значительно шире: заключенные ГУЛАГа, по мнению лагерного начальства, должны были стать «строителями нового общества». Руководство исправительно-трудовых учреждений, следуя воспитательно-исправительным функциям ИТЛ и советскому социалистическому пафосу, пыталось перековать «злых нарушителей режима и дезорганизаторов производства» в «людей новой эпохи», зачастую прибегая к методам унижений, мучений и устрашения сотен тысяч узников лагерей.

Но все же следует признать, что «перевоспитание» не было основной задачей советской лагерной системы. Приоритетным направлением деятельности ИТЛ ГУЛАГа было экономическое использование трудового потенциала их заключенных, что соответствовало хозяйственным интересам страны. Одним из наиболее значительных секторов экономики принудительного труда в системе ГУЛАГа было промышленное строительство, осуществляемое Главпромстроем. Понятие «промышленное строительство» в данном исследовании неоднозначно и не вполне соответствует общепринятой трактовке. Здесь оно включает в себя помимо индустриального строительства строительство объектов военно-стратегического значения, которые зачастую скрывались за тривиальными формулировками: «рудник», «угольная шахта» и т.д. Конечно, труд заключенных в СССР не афишировался — государственная тайна надежно охраняла все, что было связано с советской системой ИТЛ, с производственными главками НКВД/МВД, а результаты их строительной деятельности приписывались другим секторам советской экономики, где использовался свободный труд. И если результаты экономической

деятельности ГУЛАГа стали предметом исследования около десяти лет назад, то результаты отдельных его производственных главков, в том числе Главпромстроя, является новым предметом для научных изысканий.

Для того чтобы оценить размеры капитального строительства, выполненного Главпромстроем, необходимо решить ряд задач:

1) определить секторы советской экономики, где использовался труд заключенных ГУЛАГа;

2) охарактеризовать функции и задачи Главпромстроя;

3) проанализировать процесс эволюции структуры Главпромстроя;

4) выявить основные строительные объекты Главпромстроя;

5) охарактеризовать географию и структуру ИТЛ Главпромстроя;

6) определить численность и состав заключенных ИТЛ Главпромстроя.

Рассмотрим данные вопросы поэтапно.

1. Использование труда заключенных ГУЛАГа в разных секторах советской экономики

В начале 1940-х гг. в истории системы НКВД СССР наступает новый этап: именно к этому времени НКВД приобретает значение наркомата с четко оформившимися народно-хозяйственными задачами, приоритетной целью которого становится эксплуатация труда заключенных².

Направления экономической деятельности НКВД/МВД в 1930—50-е гг. были крайне разнообразны: от машиностроения до улова рыбы, от черной металлургии до изготовления валенок, от строительства электростанций до производства шелковых тканей, от лесозаготовки до изготовления чулочно-носочных изделий, от химической промышленности до добычи минеральных вод и т.д. В качестве трудового фонда, позволявшего реализовывать хозяйственные проекты, порученные наркомату советским руководством, выступали заключенные исправительно-трудовых лагерей и колоний (ИТК) ГУЛАГа. Если попытаться определить ключевые направления экономической деятельности НКВД/МВД, то их можно свести к двум основным блокам: промышленность и капитальное строительство.

В области промышленности сектор НКВД/МВД был представлен как в добывающей, так и в обрабатывающей отраслях. Согласно проекту пятилетнего плана на 1951—1955 гг. МВД СССР по промышленной продукции³ трудовые ресурсы минис-

терства были заняты в отраслях цветной и черной металлургии, топливодобывающей и перерабатывающей, энергетической, слюдяной, асбестовой, химической, в отраслях машиностроения и металлообработки, лесопиления и деревообработки, в производстве строительных материалов и товаров широкого потребления. В добывающей отрасли Наркомвнудел зачастую занимал лидирующие позиции. Например, во время ВОВ, когда страна особенно нуждалась в этой продукции, предприятия наркомата перевыполнили свой годовой план по добыче золота, платины, радия, никеля, олова, меди, молибдена, вольфрама, угля, нефти, сажи, леса и др. Причем себестоимость промышленной продукции, выпускаемой предприятиями НКВД в 1944 г., была значительно ниже стоимости аналогичной продукции в других наркоматах. Например, золото: в Наркомцветмете — 20 руб. 50 коп., в НКВД — 11 руб. 32 коп. за г; никель: соответственно 31 руб. и 20 руб. 50 коп. за кг, олово в концентратах: 100—165 руб. и 52 руб. 80 коп. за кг⁴.

В обрабатывающих отраслях, напротив, НКВД/МВД не занимал позиции лидера. В машиностроении и металлообработке, нефтепереработке, химической отрасли НКВД/МВД уступал гражданским наркоматам. Продукция текстильной, швейной, обувной отраслей, производства строительных материалов зачастую обеспечивала нужды самих ИТЛ и строителей, где они были заняты, но не имела промышленного значения. А вот в ИТК ГУЛАГа деревообрабатывающая и легкая промышленность, сельскохозяйственная деятельность были основным производством. На нем были заняты преимущественно заключенные, осужденные на короткие сроки наказания, женщины, несовершеннолетние, престарелые, инвалиды и ограниченно годные к физическому труду⁵.

Таким образом, принудительный труд ГУЛАГа НКВД/МВД использовался как в производстве средств производства, так и в производстве предметов потребления, но с разной долей участия и разной степенью эффективности. Как считает английский исследователь Р. Конквест: «Есть области, где наемная рабочая сила обходится невероятно дорого и где принудительный труд, по-видимому, экономически предпочтителен — например, на шахтах... Хотя система принудительного труда годится отнюдь не везде, есть определенные области, где она может быть доходной»⁶. Применение вольнонаемного труда в отдаленных районах СССР или в отраслях, где использовался тяжелый физический труд, было дорогостоящим. Решение использовать труд заключенных ГУЛАГа сулило более высокую рентабельность, учитывая бесплатность (на первых этапах) подневольного труда

и невысокие расходы по созданию ограниченной инфраструктуры для жизни и работы заключенных.

В этой связи достаточно результативным оказалось применение принудительного труда ГУЛАГа НКВД/МВД в сфере капитального строительства. Именно это направление экономической деятельности наркомата принято считать одним из традиционных и первостепенных по значимости. В 1949—1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемые МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. около 9 % общих государственных капиталовложений⁷.

подавляющее большинство ИТЛ системы ГУЛАГа было занято на строительных работах: сооружении железнодорожных путей, гидротехнических систем, строительстве автодорог, промышленных объектов и т.д. Более того, строительная деятельность в некоторых лечебных учреждениях ГУЛАГа рассматривалась без доли сомнения в качестве оздоровительных процедур для больных с алиментарной дистрофией. Об этом очень обстоятельно рассуждает О.А. Мербунутов в своем рукописном труде «Лечение трудом», датированном 1952 г.⁸ Он пишет: «У больных желание больше кушать и больше лежать. Остальное их мало интересует, мало беспокоит. Настроения иждивенческие...»⁹ Следует напомнить, что алиментарная дистрофия характеризуется глубоким нарушением обмена веществ, с исхуданием, слабостью, отеками подкожной клетчатки, асцитом (водянкой живота) и т.д., обусловленное белковым голоданием, сочетающимся с другими неблагоприятными воздействиями (холод, физическое и психическое напряжение и др.). Но автор находит ряд причин, объясняющих решение применять строительную деятельность в качестве лечения: «строительные работы, сами по себе объемистые и разнообразные, могли охватить большое количество больных, в том числе и специалистов и неспециалистов. Кроме того, строительные работы удобны больше, чем другие формы труда, для дозирования врачом и по времени, т.е. по продолжительности рабочего дня, и по тяжести самой работы. Строительные работы дают более убедительные результаты в смысле создания очень крупных наглядно осязаемых материальных ценностей (жилой дом, больничный корпус и пр.) (что должно было, по мнению О.А. Мербунутова, принести больным моральное удовлетворение. — А.Ц.) И, наконец, наша больница в ту пору ощущала большую потребность именно в строительных работах. Все это вместе определило и утвердило наше решение начать лечение дистрофиков строительными работами»¹⁰. В результате у больницы появились новые оштукатуренные корпуса общей площадью больше 3 тыс. м² и сотни леталь-

ных исходов строителей-дистрофиков (о последнем автор простодушно не упомянул в своей работе). Этот эпизод красноречиво говорит о том, что безжалостная система лагерного труда нередко использовала человека до предела его физических сил. Советское руководство, осуществляя строительство ряда крупных хозяйственных объектов, достигало своих экономических целей ценой жизни тысяч людей.

Конечно, капитальное строительство являлось важнейшей из задач советской экономики как в годы индустриализации, так и во время ВОВ, и в период послевоенного восстановления. Структура капстроительства представляла собой сложную производственную систему, осуществлявшую строительство новых и расширение действующих объектов производственного и непроизводственного назначения. Она включала в себя:

- 1) промышленное строительство (индустриальное, доменных печей, электростанций, гидростанций);
- 2) транспортное строительство;
- 3) сельскохозяйственное строительство;
- 4) строительство в водном хозяйстве;
- 5) коммунальное и городское строительство¹¹.

Оценить роль НКВД/МВД в общесоюзном капитальном строительстве помогают показатели капиталовложения и объема выполненных работ. Доля выполненных капитальных работ по НКВД/МВД в общем объеме государственного капстроительства не была постоянной и варьировалась от 6,2 % (1700 млн руб.) в 1935 г. до 14,9 % (в среднем 3659 млн руб.) в 1941—1944 гг.¹² Очевидно, что во время ВОВ значение строительной деятельности наркомата возросло. В среднем же за период 1935—1953 гг. Наркомвнудел обеспечивал 8,6 % общесоюзного капитального строительства, причем эта доля была существенно больше для отдаленных районов СССР.

В начале 1940-х гг. в связи с растущим экономическим значением участия НКВД в народно-хозяйственном секторе в наркомате была проведена организационная реформа¹³. Система ГУЛАГа представляла собой сложный административно-хозяйственный комплекс в составе учреждений и хозяйстве СССР, что было отмечено в рукописи для внутреннего пользования с названием «Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР»¹⁴, подготовленной НКВД в 1940 г. Согласно реформе начала 1940-х гг. создавались главки с определенными экономическими задачами: Главное управление лагерной лесной промышленности (ГУЛЛП), Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей железнодорожного строительства

(ГУЛЖДС), Главное управление аэродромного строительства (ГУАС), Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой), Главное управление лагерей гидротехнического строительства (Главгидрострой) и т.д. Реорганизация была проведена с учетом основных направлений экономической деятельности ГУЛАГа НКВД, в том числе с учетом структуры выполняемых работ в капстроительстве. Было организовано 9 производственных главков. К 1953 г. система ГУЛАГа насчитывала уже 16 производственных главков и 166 лагерных комплексов¹⁵.

Оценивая вклад труда заключенных ГУЛАГа в советскую экономику, следует учитывать, что он был неравномерным в разных секторах народного хозяйства. Лидирующие позиции в экономической деятельности НКВД/МВД принадлежали горнодобывающей и лесозаготовительной отраслям. Силами НКВД/МВД осуществлялась примерно десятая часть государственного капстроительства, и ведомство давало в среднем 2,3 % стоимости промышленной продукции страны¹⁶. Но эти показатели лагерной экономики не могут быть приняты в качестве окончательной оценки вклада принудительного труда в народное хозяйство СССР, поскольку они не учитывают все виды производственной деятельности ГУЛАГа (например, деятельность конструкторских бюро — «шарашек», — поставляющих интеллектуальный продукт).

Но все же не стоит переоценивать значение использования труда заключенных ГУЛАГа в экономике СССР, т.к. ни производственные результаты, ни численность трудового фонда ГУЛАГа не были особенно внушительными.

Максимальная численность заключенных в СССР составляла 2,5 млн человек (в 1950 г.), в то время как общее число рабочих и служащих в народном хозяйстве в том же году равнялось 40,4 млн человек. При этом из 2,5 млн заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа трудоспособных насчитывалось около 2 млн человек¹⁷. Очевидно, что трудфонд ИТЛ и ИТК был невелик и составлял чуть более 6 % общесоюзного. Но лагерный контингент, с точки зрения советского руководства, выгодно отличался мобильностью и неприхотливостью к условиям жизни и труда, что позволяло, во-первых, беспрепятственно посылать заключенных в самые отдаленные районы страны с тяжелым климатом, во-вторых, для этих контингентов власть не планировала создания сложной социальной инфраструктуры (как полагалось при использовании вольнонаемной рабочей силы). Так с помощью трудового ресурса ГУЛАГа советское руководство

реализовывало крупномасштабные хозяйственные проекты, в том числе в области промышленного строительства.

Одним из важнейших производственных главков НКВД/МВД, «форпостом лагерной экономики»¹⁸ стало Главное управление лагерей промышленного строительства, или Главпромстрой. Главпромстрой был организован 26 февраля 1941 г. приказом НКВД № 00212¹⁹ на базе Управления лагерей промышленного строительства ГУЛАГа НКВД. На момент организации в его ведении находились 17 ИТЛ, обслуживавших строительства предприятий черной металлургии, целлюлозно-бумажной и спиртовой промышленности, алюминиевых и судостроительных заводов²⁰. Постепенно число подведомственных лагерей увеличивалось, количество объектов производства и строительства росло; так Главпромстрой превратился в одну из важнейших производственных структур МВД СССР.

2. Функции и задачи Главпромстроя

В начале 1950-х в Вильнюсской офицерской школе МВД СССР проводилась подготовка руководящего состава МВД (начальников ИТЛ, Управлений ИТК и их заместителей), для чего была разработана учебная программа, в которую входили материалы к лекциям по истории возникновения лагерей, структуре и задачам ГУЛАГа. В числе основных задач и функций ГУЛАГа значилось: «использование труда заключенных в интересах народного хозяйства СССР на предприятиях и строительствах, порученных Правительством МВД СССР, а также в сельском хозяйстве. Кроме того, заключенные используются на предприятиях и строительствах, входящих в систему других Министерств и ведомств СССР»²¹.

В этом курсе лекций не остался без внимания и факт наличия в МВД лагерно-производственных управлений. Отмечено, что в апреле 1951 г. в министерство входили Главпромстрой, ГУЛЖДС, ГУЛЛП, ГУЛГМП, Главгидроволгодонстрой, Дальстрой, Енисейстрой, Главслюда и Главасбест. Согласно рассматриваемому лекционному материалу главки руководили производственно-хозяйственной деятельностью лагерей, а также обеспечивали строительство лагерей, оборудование жилых и коммунально-бытовых помещений для заключенных, надлежащее санитарное состояние лагерей, правильное трудовое использование заключенных²². Тогда как к компетенции ГУЛАГа как отдельного главка лагерной системы относились вопросы ру-

ководства оперативной работой, военизированной охраны, учета заключенных, аппаратами режима и надзирательской службы.

Действительно, как уже было отмечено, главной задачей производственных главков лагерной системы было экономическое использование заключенных лагерей. Их основные функции определялись согласно специфике производства лагерного управления. Так, Главпромстрой был занят на строительстве промышленных объектов: металлургических комбинатов, предприятий черной металлургии, целлюлозно-бумажной и спиртовой промышленности, алюминиевых и судостроительных заводов и т.д. Но исключительно промышленным строительством его хозяйственная деятельность не ограничивалась. Контингенты ГУЛПС направлялись и на объекты коммунально-бытового строительства. В связи с тем что во второй половине 1930-х гг. был определен курс на обеспечение квартирой каждой семьи²³, роль жилищного строительства значительно возросла. Помимо жилищных комплексов, Главпромстрой также возводил городские коммунальные сооружения, здания архивов и учебных заведений, ведомственные дачи и даже занимался благоустройством курортов.

Помимо этого на Главпромстрой было возложено строительство гидротехнических сооружений, в том числе ГЭС (например, Опокский и Широковский ИТЛ), а также реконструкция Беломорско-Балтийского канала (ИТЛ Беломорстроя)²⁴, хотя для возведения гидротехнических объектов 13 сентября 1940 г. было создано специальное лагерное управление — Главгидрострой (Главное управление лагерей гидротехнического строительства). В некоторых крупных строительных проектах главки принимали совместное участие, объединяя трудовой потенциал своих лагерей. Нередко ИТЛ передавались из одного управления в другое в связи с новыми экономическими заданиями МВД или реорганизацией лагерной системы. Так, 10 ноября 1947 г. Главгидрострою был передан один из лагерей Главпромстроя — Широковский ИТЛ, который был занят на строительстве Широковской ГЭС, Вилухинской ГЭС и Косьвинского гидролизного завода.

Значительную роль сыграл Главпромстрой в возведении объектов военно-стратегического назначения, которые обычно скрывались под номерными или литерными наименованиями. Строительство оборонных спецобъектов приобрело особенное значение в военный период и в послевоенное время, когда отчетливо проступило противостояние «холодной войны». На 1 января 1949 г. из 2 млн трудоспособных заключенных на строитель-

стве спецобъектов были заняты 140 тыс. человек²⁵. Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд руб., на спецстроительство приходилось более 1 млрд руб. Оно было связано, в первую очередь, с развитием военно-промышленного комплекса и, в частности, с реализацией атомного проекта²⁶.

Именно Главпромстрой был в 1945 г. передан НКВД СССР Первому Главному Управлению (ПГУ) для строительства важнейших производственных объектов будущей советской атомной промышленности. К концу 1946 г. в составе Главпромстроя было уже 11 специальных строителей ядерных объектов. Объем работ был так велик, что главк освободили от других задач, о чем сообщалось в приказе МВД № 00932 от 19 октября 1946 г. за подписью Министра внутренних дел Круглова²⁷. Но фактически и после этого в ведении Главпромстроя оставались лагерь и стройки, прямо не связанные с атомным проектом. На 1 января 1946 г. в ведении этого главка находились Соликамстрой, Ягринлаг, Тавдинлаг, Богословлаг, Челябинметаллургстрой, строительство Актюбинского ферросплавного комбината, Широлаг, Опокстрой, Волгострой, Закавказметаллургстрой и Беломорстрой.

Кроме реализации собственных строительных проектов, Главпромстрой, как и все остальные главки, передавал другим министерствам рабочий ресурс своих лагерей на контрагентских началах.

Ниже представлена таблица 1, в которой дается классификация видов производственной деятельности Главпромстроя. При ее составлении в качестве источника использовались статьи справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960»²⁸ (составитель — М.Б. Смирнов). На сегодняшний день в данном издании наиболее полно и детально представлены сведения о каждом из исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Авторами была проделана масштабная архивная работа по выявлению материалов, содержащих данные о каждом лагере. Информация организована в тематические блоки, которые повторяются при описании отдельного лагерного управления: время существования, подчинение, дислокация, производство, численность, начальники и др. При составлении таблицы 1 использовались сведения из графы «Производство». В ряде случаев для удобства понимания были применены обобщающие категории, которые включили в себя объекты одного рода назначения. Например, «гидротехническое строительство» или «спецстроительство».

Таблица 1

| Виды производственной деятельности Главпромстроя | Количество объектов |
|---|---------------------|
| Строительство промышленных предприятий: комбинатов, заводов, фабрик и т.д. | 275 |
| Жилищное, культурно-бытовое строительство | 241 |
| Работа на заводах, их обслуживание | 103 |
| Добыча полезных ископаемых: руд, камня; разработка карьеров, обслуживание шахт, геологоразведочные работы, строительство рудоуправлений, рудника, шахт и т.д. | 91 |
| Спецстроительство: литерное, номерное | 71 |
| Строительство ж/д, автодорог, мостов | 68 |
| Строительно-монтажные работы | 64 |
| Лесоразработки, лесозаготовки | 52 |
| Строительство подсобных предприятий: мех. мастерских, складов, лесопилок, МТС, депо, гаражей, складов и т.д. | 52 |
| Достройка, расширение, реконструкция предприятий | 44 |
| С/х работы | 35 |
| Гидротехническое строительство: плотин, гидростанций, водохранилищ, шлюзов, водосброса, гидроузлов, дноуглубительные работы, улучшение судоходных условий и т.д. в том числе: ГЭС 8 Каналов 2 | 34 |
| Строительство ТЭЦ | 28 |
| Бытовое строительство: канализации, водопроводов, коллекторов | 24 |
| Производство стройматериалов | 23 |
| Строительство ЛЭП, ГРЭС | 23 |
| Швейное, сапожное производство | 21 |
| Горнопроходческие, буровые, земляные работы | 16 |
| Строительство электроподстанций | 11 |
| Изготовление деталей, металлоконструкций, ЖБК | 10 |
| Изготовление мебели, деревообработка | 10 |
| Строительство совхозов | 10 |

Таблица 1 (окончание)

| Виды производственной деятельности Главпромстроя | Количество объектов |
|--|---------------------|
| Рыболовство | 8 |
| Погрузочно-разгрузочные работы | 6 |
| Обслуживание строительных организаций | 6 |
| Изготовление боеприпасов, спецукупорки | 5 |
| Проектирование, обслуживание КБ | 4 |
| Строительство дизельных электростанций | 4 |
| Ремонтные работы | 4 |
| Производство буксиров, барж, деревянных судов | 4 |
| Строительство объектов ПВО | 3 |
| Строительство портов | 3 |
| Строительство аэродромов | 2 |
| Монтаж оборудования | 2 |
| Строительство радицентра | 2 |
| Строительство нефтепромыслов | 2 |
| Строительство станции азрации | 1 |
| Кладка промышленных печей | 1 |
| Строительство газопровода | 1 |
| Строительство танкодрома | 1 |
| Сбор дикорастущих | 1 |
| Корзино-лаптеплетение | 1 |

Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1999 // <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>.

Неудивительно, что промышленное строительство идет впереди с заметным опережением. Это соответствует главной цели Главпромстроя, заложенной в самом названии. На втором месте жилищное и культурно-бытовое строительство, которое зачастую велось параллельно с сооружением крупных промышленных объектов: строились поселки и городки для строителей, создавалась соответствующая городская инфраструктура, на базе чего

росли новые населенные пункты. Так ГУЛАГ выполнял функцию колонизации отдаленных районов СССР.

Но среди видов производственной деятельности Главпромстроя можно обнаружить и такие, как сельскохозяйственные работы, рыболовство, швейное производство, лаптеплетение и т.п., что мало согласуется с задачами капстроительства. Этот факт объясняется в первую очередь отдаленностью лагерей ГУЛПС, тяжелыми условиями доставки необходимого продовольствия и вещдovsky. Поэтому лагерным управлениям приходилось создавать вспомогательные комплексы по обеспечению лагерей всеми необходимыми предметами, что позволяло ИТЛ автономно существовать и выполнять производственную программу, определенную Москвой.

Таким образом, экономическая деятельность Главпромстроя МВД СССР не ограничивалась функцией строительства промышленных объектов. Это лагерное управление было занято и в коммунально-бытовом строительстве, возводило гидротехнические сооружения, строило военно-стратегические объекты, участвовало в реализации атомного проекта СССР и предоставляло свой лагерный контингент для контрагентских работ. Соотношение этих функций изменялось в зависимости от задач того или иного исторического периода. Как правило, задачи и цели Главпромстроя были созвучны общим задачам и целям системы ГУЛАГа. В период форсированной индустриализации еще до официального образования главка одной из приоритетных задач НКВД было строительство промышленных предприятий, которые выводили народное хозяйство СССР на новый качественный уровень. Во время ВОВ экономика страны перестраивалась на военные рельсы, и силами Главпромстроя разворачивалось активное строительство предприятий, обеспечивавших нужды фронта, и возведение оборонных объектов. В послевоенный период перед главком ставились задачи реконструкции разрушенных довоенных предприятий и строительство новых, восстановления коммунально-бытового сектора, жилищного строительства и развития новых отраслей производства. В начале 1950-х в ситуации новых военных угроз в связи с изобретением ядерного оружия, в атмосфере опасности атомной бомбардировки и противостояния «холодной войны» на Главпромстрой возлагались задачи строительства новых для того времени военно-стратегических объектов. ИТЛ Главпромстроя возводили объекты для обслуживания ядерного арсенала Советского Союза. Очевидно, что на каждом этапе исторического развития страны

перед ГУЛАГом и главками НКВД/МВД СССР ставились новые задачи, которые во многом определяли направление развития лагерной системы и ее экономики.

3. Структура и эволюция Главпромстроя

Как уже было отмечено, официальное оформление Главпромстроя НКВД СССР произошло в 1941 г. Преобразования лагерной системы начала 1940-х гг. были следствием очевидных трудностей в управлении таким многопрофильным отраслевым ведомством, как ГУЛАГ образца 1939—1940 гг., когда здесь работали 1500—1600 человек (пик штатной численности за всю историю ГУЛАГа с 1930 по 1956 г.). Чем дальше, тем больше влияла на реорганизацию системы и вспыхнувшая осенью 1939 г. Вторая мировая война: страна начинала готовиться к ней²⁹.

На момент 31 января 1941 г. лагерная система представляла собой структуру, состоящую из двух самостоятельных производственных главков (ГУЖДС и Главгидрострой) и отдельного главка — ГУЛАГа (его девяти отделов: политический, кадров, административно-хозяйственный, секретариат, мобилизационный, ветеринарный, санитарный, учета и распределения заключенных, общего снабжения и его восьми управлений, пять из которых производственные)³⁰. В феврале 1941 г. отраслевые управления ГУЛАГа были преобразованы в ряд самостоятельных главков и управлений НКВД СССР, в их числе Главпромстрой НКВД СССР.

В состав Главпромстроя входили специализированные управления и отделы, отвечающие за строительство объектов для определенных отраслей народного хозяйства, например, Отдел черной металлургии, Отдел гидротехнических работ, Управление по строительству предприятий нефтяной промышленности, Промспецстрой (осуществлял номерное строительство) и т.д. За время существования Главпромстроя его структура претерпела ряд преобразований: из управлений и отделов главка выростали новые главные управления НКВД/МВД. В этой связи количество лагерей Главпромстроя не было постоянным, структура главка формировалась под влиянием основных тенденций в развитии пенитенциарной системы и народного хозяйства СССР и в связи с изменением объема работ главка.

Постепенно из структурных единиц Главпромстроя — отделов и управлений — формировались самостоятельные лагерные управления. Например, 14 мая 1941 г. приказом НКВД № 00576

на базе Отдела черной металлургии ГУЛПС было организовано Управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии НКВД (УЛСПЧМ)³¹. Перед новым лагерным управлением ставились масштабные производственные задачи: УЛСПЧМ обслуживало строительство Актюбинского ферросплавного комбината, Аллуйвского феррониобиевого комбината, Череповецкого металлургического завода, Пудожгорского феррованадиевого комбината, Енских горнорудных предприятий, Заимандровских горнорудных предприятий и сырьевой базы «Амурстали» (горнорудных комплексов, карьеров известняков, магнезитов, кварцитов и огнеупорных глин). Однако уже 2 июля 1941 г. согласно приказу НКВД № 00855 «ввиду сокращения объема строительства» УЛСПЧМ утратило свою самостоятельность, но не вернулось в подчинение Главпромстроя, а вошло в состав Главного управления горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП).

6 октября 1951 г. приказом МВД № 0720 на базе Управления по строительству предприятий нефтяной промышленности Главпромстроя был организован новый главк — Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива (Главспецнефтестрой)³². Причины создания самостоятельного главка объясняются в приказе МВД: «Совмин СССР в Постановлении от 2 октября 1951 г. № 3719-1726с отметил значительное увеличение объема строительства нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива, осуществляемого МВД СССР, а также поставил задачу перед МВД СССР ускорить строительство этих предприятий»³³. Основной специализацией лагерей Главспецнефтестрой было строительство предприятий по выпуску моторного топлива и различных масел. Единственным лагерем этого главка, не связанным непосредственно с нефтяной промышленностью, был «ИТЛ и Строительство Особого района», который был создан для строительства в Москве комплекса зданий МГУ на Ленинских горах (в октябре 1952 г. был передан Главпромстрою). В марте 1953 г. Главспецнефтестрой МВД был ликвидирован согласно постановлению Совмина СССР. Его производственные структуры были переданы Министерству нефтяной промышленности СССР. Входившие в состав главка лагеря приказом Министерства юстиции СССР № 0013 от 2 апреля 1953 г. были переданы ГУЛАГу, который в этот период находился в подчинении этого министерства.

В некоторых случаях при упразднении других производственных главков НКВД/МВД их лагеря передавались Главпромстрою. Например, в октябре 1941 г. «в связи с сокращением объема работ» Главное управление лагерей гидротехнического строительства было упразднено; приказом НКВД № 0450 от 24 октября 1941 г. руководство строительства (Волгостроем и стройкой № 201) и лагерями передавалось Главпромстрою НКВД СССР³⁴. Для этого в ГУЛПС был создан Отдел гидротехнических работ в составе 35 человек. А 25 января 1942 г. в ведение Главпромстроя из Управления особого строительства НКВД перешел Бакальский ИТЛ, контингент которого был занят на строительстве Челябинского металлургического завода.

В то же время и Главпромстрой передавал свои ИТЛ другим главкам, чаще всего образованным на его базе лагерным управлениям (например, Актюбинский и Заимандровский ИТЛ вошли в состав УЛСПЧМ). С расширением производственных задач и увеличением объема работы некоторые специализированные отделы и управления ГУЛПС приобретали статус самостоятельных главков, что приводило к очередной перестройке Главпромстроя.

С момента своего создания Главпромстрой находился в ведении НКВД/МВД СССР. Но в связи с реорганизацией лагерной системы, последовавшей за смертью И.В. Сталина, его подчиненность менялась. Когда в 1953 г. ГУЛАГ передавался из МВД Министерству юстиции, производственные главки системы переподчинялись гражданским министерствам. Так, 18 марта 1953 г. постановлением Совмина СССР Главпромстрой был передан Министерству среднего машиностроения СССР. ИТЛ, входившие в состав главка, были подчинены ГУЛАГу МЮ. Однако 16 марта 1954 г. Главпромстрой был возвращен ненадолго в МВД. 24 марта 1955 г. приказом МВД № 00135 Главпромстрой снова, и уже окончательно, передан в Министерство среднего машиностроения, а обслуживавшие его лагеря возвращены в ведение ГУЛАГа МВД.

Таким образом, в марте 1955 г. МВД рассталось с одним из своих старейших главков — Главпромстроем. Это не означало, что труд заключенных перестал использоваться на строительстве промышленных, коммунальных и военных объектов. Однако в целом, как считает Г.М. Иванова, лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный преимущественно на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего труда заключенных, к середине 1950-х свое существование прекратила³⁵.

4. Лагеря Главпромстроя: география, структура, численность заключенных

До открытия архивов ГУЛАГа и НКВД/МВД СССР в начале 1990-х существовало мнение, что исправительно-трудовые лагеря системы ГУЛАГа были распространены исключительно в отдаленных и малонаселенных районах севера и востока СССР. Но после «архивной революции» стало ясно, что подобное утверждение неверно. Советская пенитенциарная система покрывала сеть исправительно-трудовых лагерей, лагерных отделений, лагерных пунктов практически всю территорию страны.

Необходимость в использовании принудительного труда существовала не только в районах Сибири, Дальнего Востока, но и в европейской части советской России. Зачастую ИТЛ концентрировались вокруг крупных городов, иногда зона ИТЛ размещалась и в пределах города, обеспечивая строительство городской инфраструктуры или промышленных объектов. Нередко строительство и лагерная зона становились градообразующим ядром в необжитых районах СССР (примеры — г. Норильск или г. Печора³⁶). А если лагерь был занят на сооружении линейных объектов, например, автомагистралей или железных дорог, то по мере выполнения работ управление ИТЛ и лагерная зона перемещались на следующий участок строительства.

Исправительно-трудовые лагеря Главпромстроя НКВД/МВД дислоцировались как в азиатской, так и европейской части территории СССР. Их сеть раскинулась от Приморского края на востоке до Эстонской ССР на западе, от Карело-Финской ССР на севере до Крымской области на юге. Во многих автономных республиках страны (Мордовской АССР, Башкирской АССР, Удмуртской АССР и Якутской АССР) располагались управления ИТЛ и строительства Главпромстроя. Нередко лагерная зона находилась рядом с крупными городами — такими, как Архангельск и Мурманск на севере; Челябинск и Свердловск (Екатеринбург) на Урале; Омск, Новосибирск, Томск, Кемерово, Красноярск в Сибири; Москва, Ленинград, Ярославль в европейской части России и др.³⁷ Строительства и ИТЛ Главпромстроя были зафиксированы в большинстве союзных республик: в РСФСР, Украинской ССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Грузинской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Эстонской ССР, Карело-Финской ССР.

Учитывая такую обширную географию лагерей, в Главпромстрое была разработана система районов и поясов расположе-

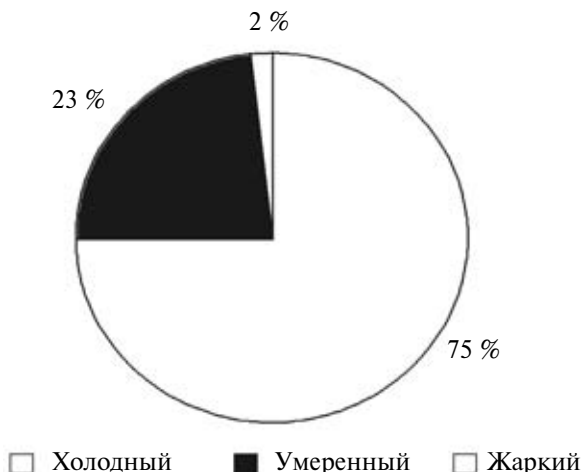
ния ИТЛ. Четыре вида районов: жаркий, умеренный, холодный и северный включали в себя по три пояса каждый, которые обозначались римскими цифрами: I, II и III. Судя по названиям районов, они учитывали климатические характеристики регионов.

Согласно справке о численности заключенных по поясам и районам, в августе 1954 г. в состав Главпромстроя входили 13 ИТЛ в холодных районах (Свердловская обл., Иркутская обл., Новосибирская обл. и др.), 16 ИТЛ в районах с умеренным климатом (Московская обл., Удмуртская АССР, Крымская обл. и др.) и всего 1 ИТЛ в районе с жарким климатом (Киргизская ССР)³⁸.

На рисунке 1 видно, как был распределен лагерный контингент ИТЛ Главпромстроя по климатическим зонам СССР.

Рисунок 1

**Численность заключенных ИТЛ Главпромстроя
по климатическим зонам**

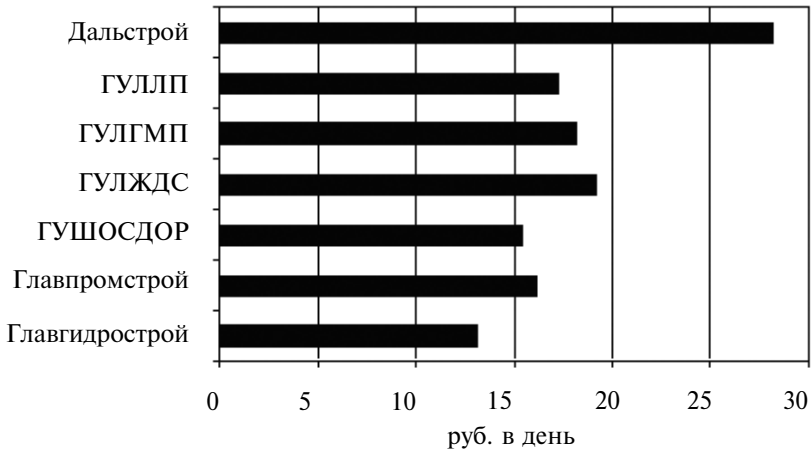


Источник: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 1757. Л. 49—50 (Справка о численности з/к по поясам и районам к смете по содержанию ИТЛ Главпромстроя МВД СССР на 1955 г. от 31 августа 1954 г.).

Большинство заключенных отбывало наказание в лагерях «холодного района» (в основном на территории Сибири), где явственно ощущалась нехватка вольнонаемных работников.

В зависимости от климатических условий расположения ИТЛ рассчитывалась стоимость содержания заключенных (см. рис. 2).

**Средняя плановая стоимость содержания
одного заключенного (на 1950 г.)**



Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 150. Л. 10. (Справка о средней плановой (на 1950 г.) стоимости содержания одного заключенного по главкам).

Из данных диаграммы следует, что максимальная стоимость содержания заключенных — 28,23 руб. в день — приходилась на лагерь Дальстрой. Это объясняется их отдаленной дислокацией и тяжелыми природно-климатическими условиями. Главпромстрой же занимает среднее положение по стоимости содержания заключенных, в денежном выражении — 16,09 руб. в день на одного заключенного.

Нередко исследователь сталкивается с проблемой точного определения дислокации ИТЛ. В конце 1930-х происходило окончательное засекречивание деятельности ГУЛАГа. Главпромстрой как главк, осуществлявший строительство секретных объектов, присваивал многим своим лагерям номерные или литерные наименования. В делопроизводственной документации сведения о местонахождении ИТЛ заменялись номерами почтовых ящиков. Как пишет Г.М. Иванова: «Страна покрывается сетью «почтовых ящиков», «спецобъектов», «подразделений», «хозяйств», «леспромхозов», и нигде ни звука о лагерях и их обитателях... На каждой лагерной газете стоял гриф «За пределы лагеря не выносить». Сотни цензоров бдительно следили, чтобы в гулаговскую прессу не просочились случайные, пусть даже косвенные сведения о географии лагеря, об адресе редакции, о характере работ, выполняемых заключенными»³⁹. Заключенным

ИТЛ было строго запрещено упоминать даже о климатических и географических условиях в письмах на родину⁴⁰.

В послевоенное время ситуация не изменилась, число номерных строителей только росло. 15 января 1949 г. заместитель министра внутренних дел по кадрам генерал-лейтенант Б.П. Обручников подписал приказ № 0035 «С объявлением дислокации УИТЛ, УИТЛК и ОИТК МВД — УМВД». В приложенной к приказу «Инструкции о порядке пользования дислокацией» отмечалось: «Дислокация является документом особой важности и хранится начальником секретной части... Литерные обозначения применяются исправительно-трудовыми лагерями только при выдаче справок освобожденным заключенным и в переписке с частными лицами...»⁴¹. Только в 1953 г. с передачей ГУЛАГа Министерству юстиции литерные наименования ИТЛ были заменены с целью придания единообразия в названиях исправительно-трудовых учреждений, чтобы не вызывать лишних подозрений относительно задач строительства отдельных лагерей.

Как правило, дислокация лагеря, его численность, организационная структура, размеры лагерной зоны определялись теми хозяйственными задачами, для осуществления которых создавался ИТЛ. Так, в целом от объема работ, возложенных на главк, зависела динамика численности его лагерного контингента.

Обратившись к рисунку 3, можно представить динамику численности заключенных ИТЛ Главпромстроя.

Рисунок 3



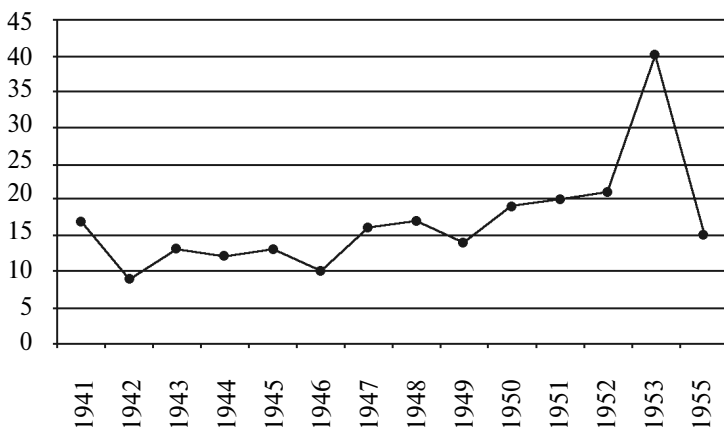
Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Рост численности заключенных приходится на первую половину 1950-х гг., что совпадает с динамикой общеуголовской численности лагерных контингентов. Если максимальное число заключенных ИТЛ ГУЛАГа было зафиксировано в 1950 г. (2,5 млн человек), то максимальное число заключенных ГУЛПС приходится на 1953 г., что составило 221 944 человек или 13 % общего числа заключенных всех ИТЛ ГУЛАГа (1 727 970 человек на 1 января 1953 г.⁴²). Если учитывать, что из-за отсутствия данных по шести ИТЛ число заключенных должно быть выше еще на 12—15 тыс. человек, то становится ясно, что к моменту передачи Главпромстроя Министерству среднего машиностроения СССР 18 марта 1953 г. это была достаточно мощная производственная организация со значительным трудовым ресурсом.

Соответственно, количество лагерей и лагерных пунктов росло с увеличением численности заключенных, что отражено на рисунке 4. Если в 1952 г. Главпромстрой насчитывал 21 ИТЛ, то в уже 1953 г. контингент ГУЛПС был размещен в рекордном для главка числе лагерей — в 40 ИТЛ. Численность заключенных в отдельных лагерях главка варьировалась от десятков тысяч до нескольких сотен человек. Это зависело в первую очередь от производственных задач ИТЛ. В 1955 г. число лагерей ГУЛПС составило 15 и далее постепенно снижалось до упразднения системы.

Рисунок 4

Количество ИТЛ Главпромстроя МВД СССР



Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Средняя численность заключенных лагеря Главпромстроя в середине 1950-х гг. составляла 5,5—6 тыс. человек. Но были ИТЛ, численность контингента которых почти в десять раз превышало средний показатель. Например, в августе 1954 г. в подчинении Главпромстроя находилось Строительное управление № 16 (СУ № 16 или Китайский ИТЛ), численность которого планировалась на 1955 г. в 50 000 заключенных⁴³, а реально 1 января 1955 г. составила 22 185 человек. Такой значительный трудовой фонд обеспечивал реализацию масштабного производственного плана: СУ № 16 было занято на строительстве комбината № 16 Главгазтоппрома, Черногорского завода гидрирования, Усольского кирпичного завода, на жилищном строительстве, строительстве водозабора, ремонтно-механического завода, заводов минеральной пробки, ферробитуминозных плит, пенобетона, авторемонтного цеха и цеха металлоконструкций, ТЭЦ, водопровода и канализации, кислородного завода, автомобильных и железных дорог, путепроводов, углеобогадательной фабрики, вагонно-паровозного депо. Кроме этого ИТЛ работал на лесозаготовках, на соцкультбытовом строительстве, строительстве барж на судоверфи, обслуживал кирпичный завод, гипсовый рудник, имел подсобное сельское хозяйство и занимался рыболовным промыслом. Трудно представить, что все эти направления были совмещены в производственном плане одного ИТЛ. Естественно, что для его реализации потребовался многочисленный лагерный контингент.

Как отмечал министр внутренних дел Н.П. Дудоров: «Дислокация исправительно-трудовых лагерей, их организационная структура и размеры лагерных городков, в которых содержатся заключенные, определялись, как правило, интересами хозяйственной, производственной деятельности»⁴⁴. В зависимости от характера строительства и разнообразия производства определялась и структура лагерей Главпромстроя: как правило, в состав типичного лагеря входило определенное число лагерных отделений и пунктов (ЛО и ЛП). Чем шире была программа экономической деятельности лагеря, тем больше количество ЛО и ЛП. Лагерные подразделения располагались вблизи производственных зон строительства и перемещались или ликвидировались с завершением работ.

Как показывает таблица 2, на фоне других производственных главков показатели по трудовому использованию заключенных ГУЛПС в начале 1950-х гг. были выше среднего.

Число неработающих заключенных на первый квартал 1951 г.

| Название производственного главка | Численность ИТЛ главка (человек) | Численность неработающих заключенных | Процент неработающих заключенных |
|-----------------------------------|----------------------------------|--------------------------------------|----------------------------------|
| ГУЛЖДС | 253 859 | 16 848 | 6,6 |
| Главпромстрой | 211 172 | 6 428 | 3 |
| ГУЛЛП | 307 400 | 8 008 | 2,6 |

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 150. Л. 23—26 (Докладная записка министру внутренних дел СССР Круглову С.Н. о неудовлетворительном трудовом использовании заключенных в лагерях МВД).

Со временем показатели менялись. Структура трудового использования заключенных Главпромстроя в 1954 г. уже выглядела следующим образом: 82,5 % заключенных были заняты на оплачиваемых работах, 7,8 % — на хозобслуживании, 9,7 % — не работали, не использовались по болезни или другим причинам⁴⁵.

Как правило, по мере выполнения плана численность заключенных в ИТЛ снижалась, контингенты направлялись на другие объекты, а с окончанием строительства лагерь закрывался. Оставшиеся заключенные передавались другому ИТЛ главка, занятому на строительстве подобных сооружений. Эта тенденция особенно характерна для послевоенных лет, когда ИТЛ создавались для конкретных строительных работ, нередко для строительства спецобъектов.

Выполняя хозяйственные поручения советского руководства, Главпромстрой, как и другие производственные главки МВД, вступал в полемику с главком ГУЛАГа по вопросам использования трудового фонда ИТЛ. В своем выступлении на восьмой партконференции МВД начальник ГУЛАГа И.И. Долгих говорил о плановой политике производственных главков: «Планы, как правило, являются нереальными, заявки на рабочую силу в несколько раз превышаются против плана, однако ГУЛАГом эти заявки удовлетворяются, т.е. иначе говоря, главки не дорожат рабочей силой, они считают, что коль есть ГУЛАГ с резервом рабочей силы, следовательно, можно рабочую силу не экономить, распоряжаться в любое время и как хочешь»⁴⁶. Но все же заявки Главпромстроя на пополнение лагерного контингента удовлетворялись ГУЛАГом в первую очередь, так как главк осуществлял спецстроительство, которое имело стратегическое значение для СССР.

5. Основные объекты строительства Главпромстроя

Главпромстрой, являясь многоотраслевой строительно-монтажной организацией, возвел немалое количество объектов для всех отраслей народного хозяйства.

Определить долю предприятий, построенных силами заключенных ГУЛАГа, в союзном промышленном строительстве нелегко. На сегодняшний день обобщающая статистика результатов ГУЛПС в области промышленного строительства отсутствует. Имеют место лишь фрагментарные региональные исследования, которые освещают историю возведения наиболее крупных промышленных объектов⁴⁷, или исследования, посвященные в целом капитальному строительству в системе ГУЛАГа⁴⁸. Проблему отсутствия статистики промышленных объектов Главпромстроя объясняет ряд причин. Во-первых, архивный фонд данного главка до сих пор не рассекречен, и сведения о его строительной деятельности приходится собирать в документах ГУЛАГа и НКВД/МВД СССР. Во-вторых, даже в архивных материалах зачастую отсутствуют объективные данные о задачах конкретных строительных управлений, что связано с повышенной секретностью и стратегическим значением возводимых объектов, истинные цели которых скрываются за официальными формулировками («строительство угольной шахты» или «нефте-разведочной экспедиции»). В-третьих, часто на строительстве объектов ГУЛПС работали не только заключенные ИТЛ, но и вольнонаемные строители и строители военно-строительных частей, поэтому порой сложно вычислить долю работ, выполненную заключенными.

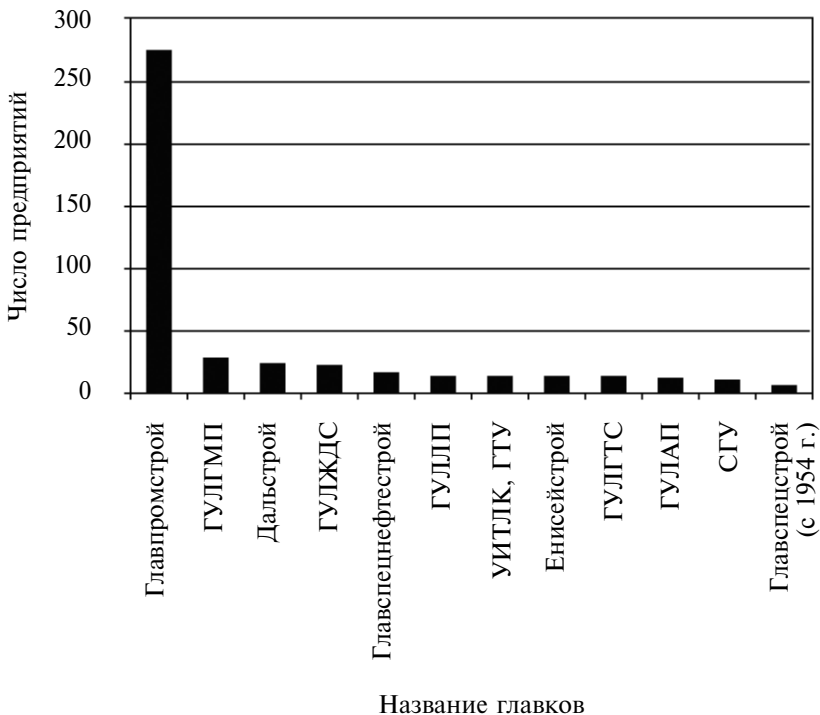
Но все же в числе трудовых достижений гулаговского контингента значится ряд строительства крупных промышленных предприятий, которые играли важную роль в экономике СССР. Как уже отмечалось, предприятия, возводимые Главпромстроем, имели самые разные производственные профили. Особое значение имели металлургические, алюминиевые, нефтеперерабатывающие, дробильно-сортировочные, химические, гидролизные, сульфитно-спиртовые заводы, ферросплавные комбинаты. В годы войны возросла доля строительства предприятий военно-промышленного назначения, обеспечивающих нужды фронта, в их числе авиационные и артиллерийские заводы, заводы коллоксилина и нитроглицериновых порохов и аммиачно-селитренных взрывчатых веществ. В послевоенный период для восстановительных работ особенно возросло значение предприятий по производству стройматериалов: ГУЛПС строил заводы металлоконструкций, сухой штукатурки, армопенобетона,

кирпичные, бетонные, асфальтовые заводы, которые иногда играли роль лишь подсобных предприятий для реализации основного строительства ИТЛ. Помимо этого Главпромстрой возводил судоремонтные, электровакуумные, машиностроительные заводы и предприятия по производству контрольно-измерительной аппаратуры. По подсчетам автора, за период с 1941 г. по 1956 г. с участием главка было возведено около 275 крупных предприятий: заводов, фабрик, комбинатов (без учета строительства мастерских, отдельных корпусов заводов, цехов и их реконструкции, восстановления и ремонта)⁴⁹.

Конечно, из всех производственных главков НКВД/МВД СССР Главпромстрой возвел наибольшее количество промышленных объектов, что показано на рисунке 5.

Рисунок 5

Количество предприятий, построенных производственными главками МВД СССР в 1940—1950-е гг.

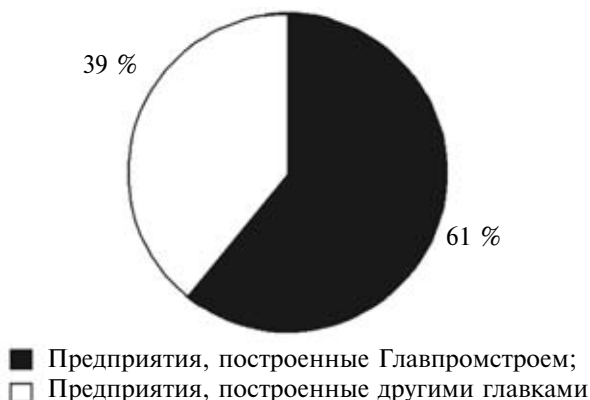


Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Очевидно, что в промышленном строительстве в системе ГУЛАГа был занят не только Главпромстрой. На втором месте по количеству возведенных предприятий стоит Главное управление горно-металлургической промышленности (ГУЛГМП), но оно построило только 29 промышленных объектов, что почти в десять раз меньше по сравнению с результатами ГУЛПС. Третье место занимает Дальстрой — Главное управление строительства Дальнего Севера, осуществлявшее сооружение 24 пром-объектов на территории Дальневосточного края. Но все же львиная доля возведенных промышленных предприятий — результат работы заключенных ИТЛ Главпромстроя.

Рисунок 6

**Доля промышленных предприятий,
построенных Главпромстроем и другими главками**



Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Как показано на рисунке, даже если объединить результаты всех производственных главков ГУЛАГа и сопоставить их с итогами строительной деятельности Главпромстроя, последний возвел более 60 % промышленных предприятий на территории СССР.

К наиболее крупным промышленным объектам, построенным Главпромстроем, следует отнести не один десяток комбинатов и заводов. Наиболее значительные из них — Челябинский металлургический комбинат, Новотагильский металлургический и коксохимический заводы, Богословский алюминиевый завод, Закавказский металлургический завод и др. Как правило, пред-

приятия строились на базе месторождений сырья для будущего производства (как, например, Челябинметаллургстрой на базе руд Бакальского месторождения)⁵⁰.

Параллельно с возведением промышленных объектов заключенные ИТЛ были заняты на коммунально-бытовом строительстве, создавая городскую инфраструктуру. Например, специально созданное управление лагерей «Саратовстрой» Главпромстроя МВД осуществляло строительство не только промышленных предприятий, но и соцкультбытобъектов. В 1946—1952 гг. в г. Саратове заключенные построили уникальный комплекс военно-промышленного назначения, в который вошли: завод по производству станочного оборудования и полуфабрикатов из тугоплавких металлов; завод по производству специальных ламп для радиолокационных установок, радиоприемников и телевизоров; завод по производству мощных генераторных ламп и научно-исследовательский институт электровакуумной промышленности. Одновременно с военно-промышленными объектами были построены: благоустроенный жилой поселок из 52 домов, 3 школы на 2100 учащихся, больничный городок, детские сады, ясли, магазины, поликлиники. Наряду с трудом заключенных на строительстве широко использовался труд военно-строительных частей.

Как видно на примере «Саратовстроя», для организации строительства промышленных предприятий создавались строительные управления и ИТЛ, в которых заключенные использовались в качестве рабочей силы. Численность заключенных лагерей Главпромстроя не была равномерной и варьировалась от тысячи до нескольких десятков тысяч человек в зависимости от объема работ: например, на момент 1 января 1945 г. в ИТЛ Закметаллургстроя содержалось 8827 заключенных, в Челябинском ИТЛ — 11 071, в Тагильском ИТЛ — 17 003⁵¹.

Но располагая значительным трудовым фондом, строительные управления НКВД/МВД не всегда выполняли план. В 1940 г. план ввода новых предприятий в целом по НКВД был выполнен на 82,3 %, по Главпромстрою — на 60,6 %. Для сравнения: по ГУЛЛП — на 37,7 %, по Управлению лагерей топливной промышленности — на 85 %. Справились с плановыми заданиями по отдельным видам производства только ГУЛЖДС и Дальстрой⁵².

Показатели дневной выработки в Главпромстрое по сравнению с показателями гражданских наркоматов отставали. Согласно сведениям начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, выработка в день на строительномонтажных работах составляла в январе 1941 г. по ГУЛАГу 23 руб. 50 коп., а по союзным нарком-

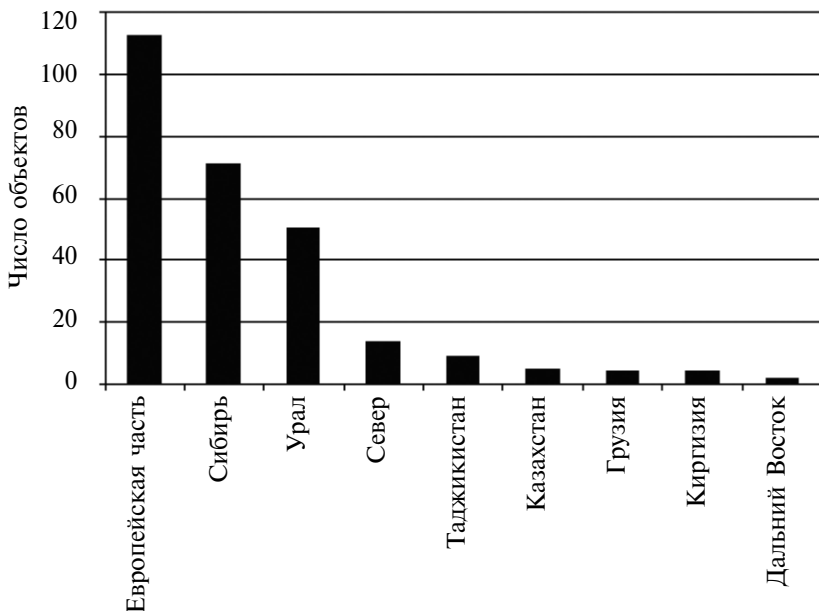
матам 44 руб. 98 коп. Уровень производительности труда на стройках НКВД был ниже, чем на стройках союзных наркоматов в среднем на 50 %, а в ГУЛПС ниже, чем в Наркомстрое, на 55 %⁵³.

Но следует учесть, что зачастую советское руководство меньше волновали показатели выработки, чем конечный результат строительства, проще говоря, построено и пущено ли запланированное предприятие. Конечно, острее всего проблема нехватки вольнонаемного трудового фонда стояла в отдаленных восточных и северных районах СССР, поэтому именно туда направлялись лагерные контингенты ГУЛАГа в целях промышленного строительства и освоения этих территорий.

Если обратиться к рисунку 7, то видно, что максимальное число построенных промышленных объектов попадает на европейскую часть СССР, а именно 112 предприятий.

Рисунок 7

Распределение объектов строительства Главпромстроя по географическим районам

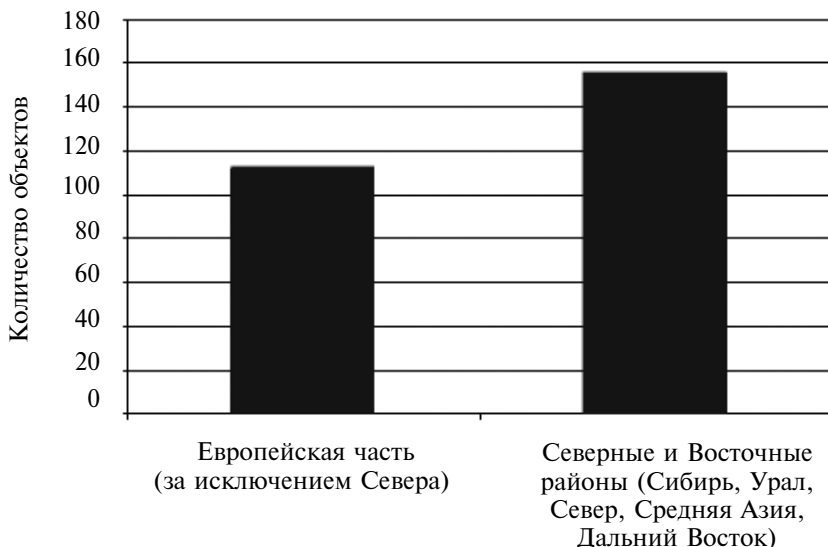


Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Но если сложить количество предприятий северных и восточных районов (Урала, Сибири, Севера, Азиатской части, Дальнего Востока) и сравнить с данными по европейской части, то мы увидим следующую картину (рис. 8).

Рисунок 8

Распределение объектов строительства Главпромстроя по географическим районам

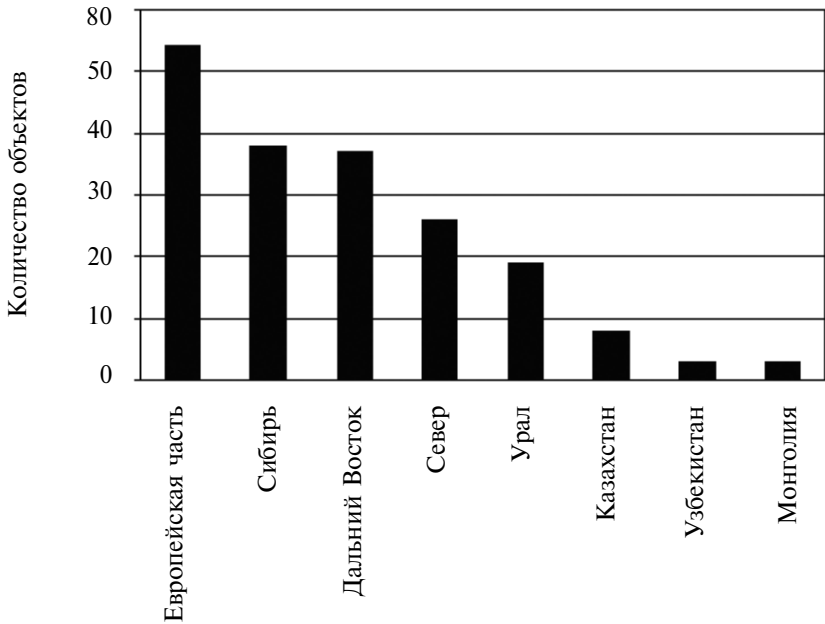


Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Очевидно, что количество заводов, комбинатов, фабрик, возведенных Главпромстроем в районах неевропейской части СССР, превышает примерно на треть число промобъектов европейской территории и составляет приблизительно 155 предприятий.

Еще более показательной (рис. 9) выглядит графическая обработка данных по всем производственным главам системы ГУЛАГа (за исключением Главпромстроя).

Распределение объектов строительства производственных главков ГУЛАГа по географическим районам (кроме Главпромстроя)



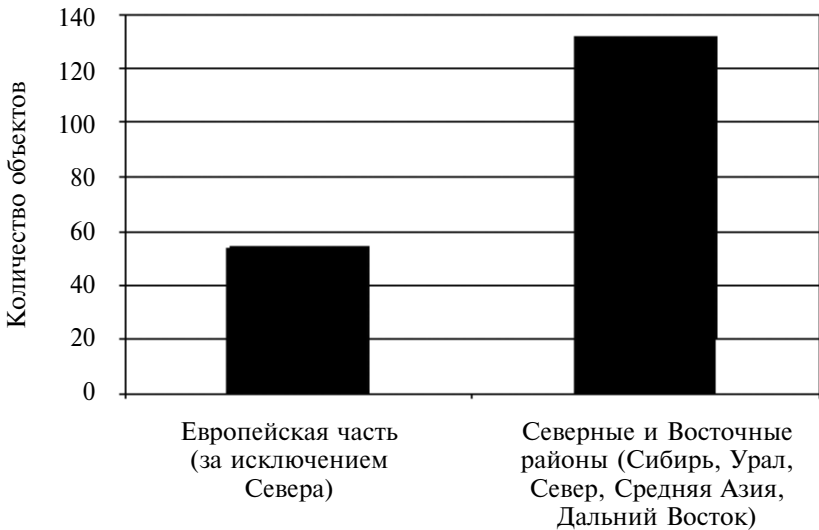
Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

Как видно, предприятия европейской части СССР снова оказываются впереди (54 объекта), но уже с небольшим опережением. Значительно возросли данные по Дальнему Востоку (37 предприятий), где осуществляли строительство заключенные ИТЛ Дальстроя.

Если объединить число промышленных объектов, построенных производственными главками ГУЛАГа за Уралом, то станет ясно, что доля предприятий европейской территории СССР была не так велика и их число по сравнению с числом объектов остальной части СССР было меньше приблизительно в 2,5 раза (рис. 10).

Таким образом, основная масса комбинатов, заводов, фабрик, возведенных силами заключенных ИТЛ Главпромстроя и других производственных главков системы ГУЛАГа, географически расположена в районах СССР, где не было достаточного

Распределение объектов строительства производственных главков ГУЛАГа по географическим районам (кроме Главпромстроя)



Составлено по: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960...

вольнорабочего трудового фонда. Возводя промышленные предприятия, лагеря и стройуправления становились зачастую градообразующим ядром, вокруг которого разрастались новые населенные пункты.

Поэтому одним из результативных направлений производственной деятельности Главпромстроя было жилищное и культурно-бытовое строительство. Заключение ИТЛ ГУЛПС строили не только поселки для строителей и хозяйственной службы лагерей, но и участвовали в сооружении грандиозных проектов с применением новейших инженерно-технических разработок. Наиболее показательным примером квалификации специалистов и рабочих Главпромстроя в этой области могут служить выстроенные в Москве высотные здания, вступившие в строй в 1950-х гг. Первым из них был дом на Котельнической набережной. 15 апреля 1949 г. приказом № 223 на начальника ГУЛПС МВД А.Н. Комаровского возлагалась ответственность за изготовление на Рыбинском механическом заводе № 1 Главпромстроя металлического каркаса жилого дома МВД на Котельнической

набережной в Москве⁵⁴. Это здание было верхом технического прогресса в строительных технологиях первой половины 1950-х гг. О нем писали как о чуде строительного мастерства: «Здание имеет более 700 квартир, оборудовано быстроходными пассажирскими лифтами, вполне обеспечивающими удобное и быстрое передвижение жителей в любые этажи дома. Кроме обычного в условиях Москвы оборудования квартир электрическим освещением, центральным отоплением, газом, радиотрансляционной сетью, каждая жилая ячейка в доме оборудована горячим водоснабжением, телефонной и телевизорной проводкой, что обеспечивает жильцам дома все возможные при существующем уровне техники удобства»⁵⁵.

Заслугой Главпромстроя стало строительство еще одной «сталинской высотки» — здания Московского государственного университета на Ленинских горах. На строительстве высотного здания МГУ был задействован контингент подведомственных Главпромстрою ИТЛ строителей № 560 и № 352.

Интересно, что 21 февраля 1950 г. приказом № 00133 на стройуправления Главпромстроя МВД возлагалось строительство «дач с обстановкой» (одна из наград создателям советской атомной бомбы). Предстояло построить «17 дач и один дом-особняк в районе Москвы, Ленинграда и Крыма»; в Московской области такие пяти- и шестикомнатные дачи строились вблизи «селения Барвиха—Жуковка» силами стройуправления № 560, в Ленинградской области — в районе дачного поселка Комарово стройуправлением № 258, на Южном берегу Крыма — стройуправлением № 940⁵⁶.

Помимо промышленного и коммунально-бытового строительства Главпромстроем реализовывалась важная программа строительства объектов для атомного проекта СССР. В 1945 г. был создан Спецкомитет при ГКО по «использованию внутриатомной энергии урана». Вскоре после организации Спецкомитета и Первого Главного Управления (ПГУ) головной организацией по строительству объектов ПГУ станет номинально освобожденный от всех других работ Главпромстрой НКВД во главе с А.Н. Комаровским. В непосредственном подчинении ПГУ находились важнейшие производственные объекты будущей советской атомной промышленности, в том числе: завод № 48 (для производства горнорудного и химико-технологического оборудования уранодобывающих предприятий); строительство комбината № 6 (для добычи и переработки в концентрат урановой руды); завод № 12 (для производства металлического урана); строительство комбината № 817, или п/я Челябинск-40 (для получения радиохимическим методом плутония-239); стро-

ительство комбината № 813, или п/я Свердловск-44 (для обогащения урана-235 газодиффузным методом); строительство Завода № 412, или п/я Свердловск-45 (для обогащения урана-235 методом электромагнитного разделения изотопов)⁵⁷. Кроме производственных объектов атомной индустрии Главпромстрой возводил научно-исследовательские, экспериментальные институты и лаборатории для зарождающейся ядерной отрасли. Как вспоминает начальник ГУЛПС А.Н. Комаровский: «В 1946 г. состоялось решение о строительстве исследовательского комплекса для нужд атомной энергетики. Строить надо было недалеко от научно-исследовательских институтов столицы. Выбор пал на район у села Петякино вблизи станции Обнинская Киевской ж. д. Одновременно с научно-исследовательскими объектами строился и город, который назвали Обнинском»⁵⁸.

Для выполнения производственных задач атомной промышленности уже к концу 1945 г. в состав Главпромстроя входили 13 ИТЛ, в которых находились 103 тыс. заключенных. Одновременно с этим в ПГУ было передано также и Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий НКВД, объединившееся с ГУЛПС. Как вспоминает профессор И.Н. Головин, первый заместитель руководителя советского атомного проекта И.В. Курчатова: «Все стройки, рудники, даже наш институт в Москве, на всех этих объектах работали заключенные... Сейчас это кажется невероятным, но когда возникала нехватка строителей и Берия говорил: “Что ж, завтра подошлем дополнительный контингент”, это воспринималось спокойно»⁵⁹. Уже в 1950 г. число людей, вовлеченных в систему ПГУ, превысило 700 тыс. Больше половины из них составляли заключенные, треть — военно-строительные части МВД. Лишь около 10 % приходилось на вольнонаемных, свобода передвижения которых была тоже сильно ограничена⁶⁰. В результате в 1949 г. СССР впервые испытал свое ядерное оружие, а к началу пятой пятилетки началось применение атомной энергии в мирных целях⁶¹. Для дальнейшего развития атомной индустрии и использования нового вида вооружения по всей стране стройуправлениями ГУЛПС возводились спецобъекты.

Специализированный отдел Главпромстроя — Промспецстрой — осуществлял «номерное» строительство в системе ГУЛАГа с начала 1940-х гг. Его капиталовложения составляли в 1941 г. 3,5 % от общего объема капитальных затрат по СССР, при этом вся сумма вложений приходилась на строительство сугубо военно-промышленных предприятий. В 1940 г. начались работы по сооружению трех авиационных заводов в районе Куйбышева. За год в это строительство вложили 850 млн руб.,

чего никогда не бывало ранее, т.к. более 400 млн руб. ни в один объект не вкладывали⁶². Принудительный труд часто использовался на строительстве спецобъектов, хотя фактическая дневная выработка заключенного была ниже запланированной. Согласно данным за 1940 г. план дневной выработки на 1 заключенного составлял в Промспецстрое 46 руб. 27 коп., фактически же в среднем заключенные вырабатывали 41 руб. 80 коп.⁶³

В послевоенные годы доля спецстроек возросла: в 1947—1949 гг. они занимали от 21 до 30 % в общем объеме капитальных работ МВД⁶⁴. Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд руб., на спецстроительство (объектов ВПК и реализации атомного проекта) приходилось более 1 млрд руб.⁶⁵ С начала 1950-х гг. под воздействием разворачивавшейся «холодной войны» и гонки вооружений советское руководство приступило к строительству нового ряда военно-стратегических объектов, в том числе для обслуживания и использования советского ядерного арсенала. Число спецобъектов быстро увеличивалось. Создавались новые номерные строительства и ИТЛ Главпромстроя с литерными наименованиями. Например, только в Московской области в январе 1952 г. были организованы ИТЛ «ВЧ», ИТЛ «ГБ», ИТЛ «ДТ», ИТЛ «ДЮ», ИТЛ «ГА» и др., работавшие на спецстройках. Эти лагеря строили секретные военные объекты. Постановлением Совмина СССР № 1032-518 сс/оп от 31 марта 1951 г. на МВД возлагалось строительство объектов системы ПВО вокруг столицы, для чего в Москве организовывалось Строительство и ИТЛ № 565 МВД. Для сооружения системы «Беркут» в военно-строительные части Главпромстроя передавалось 40 тыс. солдат и офицеров и около 50 тыс. заключенных с других предприятий и строек⁶⁶. Конечно, спецстройки располагались не только вокруг столицы, но и в других стратегически важных районах страны. Приказом МВД СССР в 1951 г. создавались литерные лагеря «ЕЛ», «ЕМ», «ЕН», «ЕО» для строительства подземных объектов: ракетных шахт и ядерных хранилищ. Таким образом, труд заключенных ИТЛ ГУЛАГа использовался как на строительстве объектов для гражданских секторов экономики, так и при создании системы безопасности советского государства.

* * *

Как показывает материал данной статьи, определение Главного управления лагерей промышленного строительства НКВД/МВД СССР как «форпоста лагерной экономики»⁶⁷ вполне оправданно. Во-первых, разнообразие строительной де-

тельности Главпромстроя позволяет говорить о нем не только как о главке промышленного строительства. Являясь многопрофильным строительным ведомством, ГУЛПС реализовывал масштабные проекты в областях промышленного, коммунально-бытового, социально-культурного и военно-стратегического строительства.

Во-вторых, учитывая приоритеты СССР в области индустриального строительства и создания военно-стратегических объектов в период «холодной войны», значение Главпромстроя в послевоенный период многократно возросло. Поэтому Главпромстрой, как правило, снабжался рабочей силой в первую очередь.

В-третьих, все реформы лагерной системы, нововведения в области организации труда и жизни заключенных применялись на объектах ГУЛПС в числе первых. Так, повторное введение зачетов рабочих дней⁶⁸ в лагерях МВД СССР в конце 1940-х гг. в первую очередь отразилось на спецстроительствах Главпромстроя (объектов ПГУ при СМ СССР)⁶⁹, в то время как на строительствах других главков зачеты вводились в течение 1949—1950 гг. Это объясняется опять-таки участием Главпромстроя в сооружении важных объектов в оборонных целях и целях гражданского строительства.

В-четвертых, количество высококвалифицированных специалистов, работавших в Главпромстрое, существенно превышало их число в других главках. Например, на 1 сентября 1944 г. специалистов с высшим образованием работало в ГУЛПС — 2142 человека, что значительно больше, чем в других главках (в ГУЛЖДС — 1652 человека, в УЛЛП — 743 человека)⁷⁰. Причем численность лагерного контингента Главпромстроя уступала аналогичным показателям других производственных главков: на момент 1 января 1944 г. ГУЛПС насчитывал 83 355 заключенных (в это же время ГУЛЖДС — 121 462 заключенных, УЛЛП — 122 960 заключенных). Этот факт говорит о сложности строительных работ, выполняемых Главпромстроем, для чего были необходимы высококлассные специалисты с высшим образованием и опытом.

Но даже при этих условиях Главпромстрой сумел обеспечить выполнение плана в 1952 г. только на 85 %. Весьма велики были убытки главка, перерасход средств составил 4 % сметной стоимости. Анализируя причины сложившейся ситуации, руководитель Главпромстроя А.Н. Комаровский пришел к однозначному выводу — «основной причиной является низкий уровень производительности труда»⁷¹. Показатели производительности труда Главпромстроя уступали аналогичным в гражданских министер-

ствах. Но несмотря на невысокую производительность труда, результатом производственной деятельности Главпромстроя стали сотни промышленных предприятий, жилые поселки, десятки крупных спецобъектов стратегического значения, многие из которых не утратили своей значимости и сегодня. Как отмечено в данном исследовании, за период 1935—1953 гг. доля капитального строительства НКВД/МВД, выполненная трудовым ресурсом заключенных ГУЛАГа, в среднем определяется как 9 % от общесоюзного. При том что основные силы советской промышленности были сосредоточены в европейской части СССР, значительное число промышленных объектов было возведено ГУЛАГом и Главпромстроем в восточных районах страны, в тяжелых природно-климатических условиях, в условиях географической отдаленности и отсутствия достаточного вольнонаемного контингента.

Зачастую непросто определить вклад принудительного труда в разные секторы советской экономики. Это относится и к результатам строительной деятельности в системе ГУЛАГа, в частности, к строительно-монтажным работам Главпромстроя. Если существуют обобщенные результаты о доле ГУЛАГа в капитальном строительстве СССР, то вычленив вклад лагерного труда в определенные его секторы на сегодняшний день не представляется возможным. Это связано в первую очередь с отсутствием обобщающих статистических данных о результатах производственной деятельности Главпромстроя, т.к. эта работа еще не была проведена исследователями. Напомним: архивный фонд главка засекречен и сейчас. Фрагментарные сведения о строительной деятельности ГУЛПС, полученные из материалов фондов ГУЛАГа и НКВД/МВД СССР, не дают возможности нарисовать объективную картину результатов производственной деятельности главка. Плюс ко всему у историков до сих пор нет доступа к архивным делам некоторых стройуправлений и ИТЛ, которые были заняты на сооружении спецобъектов, т.к. эти сооружения не утратили своего военно-стратегического значения и в настоящее время. Поэтому поиск новых архивных материалов и статистических данных еще предстоит, поскольку работа по определению вклада труда заключенных ИТЛ Главпромстроя в экономику СССР не закончена.

Примечания

¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 1. М., 2004. С. 42.

² История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 21.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 4. Д. 1394. Л. 1—9. (Проект пятилетнего плана 1951—1955 гг. по МВД СССР по промышленной продукции и справка о разногласиях Министерства с Госпланом СССР. 21 августа 1952 г.)

⁴ Докладная записка наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину и заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову о капитальном строительстве и выпуске промышленной продукции предприятиями НКВД СССР в 1944 г. от 27 января 1945 г. // История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 213—216.

⁵ Докладная записка министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова И.В. Сталину, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, Н.А. Булганину, Н.С. Хрущеву о выполнении плана промышленного производства на 1952 г. предприятиями МВД СССР от 28 января 1953 г. // История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 353—354.

⁶ Conquest Robert. The Great Terror: A Reassessment. London, 1990. P. 333.

⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 34.

⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 2. Д. 178 (Мербунутов О.А. «Лечение трудом (по материалам Центральной больницы ЛО-1 Ухткомбината МВД)» 1952 г. (рукопись).

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 6—7.

¹¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 5. Предисловие.

¹² История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 40—41.

¹³ См. подробнее: Эртц С. Лагерная система в 1930-е — 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005. С. 90—128.

¹⁴ Пронько В.А., Земсков В.Н. Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 131.

¹⁵ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е — середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда... С. 63.

¹⁶ История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 44.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Иванова Г.М. «Лагерная экономика» послевоенного периода // Вопросы истории экономических и политических отношений в России (XX в). М., 1996. С. 42.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 86. Л. 26—27 (Приказ НКВД СССР № 00212 от 26.02.1941 г. Об организации управлений и отделов НКВД СССР и назначении руководящего состава этих управлений и отделов).

²⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1999 // <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>.

²¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 502. Л. 32. (Материалы по разработке программ и тематических планов для учебных заведений МВД СССР. Лекции по истории возникновения лагерей, структуре и задачах ГУЛАГа. Март 1951 — март 1958 г.)

- 22 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 502. Л. 45.
- 23 ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 46.
- 24 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960.
- 25 Иванова Г.М. Послевоенные репрессии и ГУЛАГ // Сталин и холодная война. М., 1997. С. 263.
- 26 Там же. С. 269.
- 27 Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 11. С. 116.
- 28 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960.
- 29 Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 99.
- 30 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 846. Л. 1.
- 31 Там же. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 88. Л. 63.
- 32 Там же. Д. 409. Л. 258—261.
- 33 Там же.
- 34 Там же. Д. 99. Л. 110.
- 35 Иванова Г.М. Послевоенные репрессии и ГУЛАГ. С. 271.
- 36 Глухова С.В. ГУЛАГ как градообразующий фактор (на примере г. Печоры) // Политические репрессии в России. XX век: (Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7—8 декабря 2000 г.). Сыктывкар, 2001. С. 154.
- 37 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960.
- 38 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 1757. Л. 49—50.
- 39 Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 96.
- 40 Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 11.
- 41 Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 111.
- 42 Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // <http://hronos.km.ru/statii/2001/zemskov.html>
- 43 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 1757. Л. 49—50.
- 44 Иванова Г.М. «Лагерная экономика» послевоенного периода. С. 31.
- 45 ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 1757. Л. 40.
- 46 Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе... С. 143.
- 47 Кузьмина М.А. Строительство № 15. Нефтепровод. Комсомольск-на-Амуре, 2000.
- 48 Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ — НКВД — МВД СССР в 1930—1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 67—89.
- 49 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960.
- 50 Комаровский А.Н. Записки строителя. М., 1972. С. 122.
- 51 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923—1960.
- 52 Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе... С. 100—101.
- 53 Там же. С. 102.
- 54 Свободная мысль. 2001. № 3. С. 116.
- 55 Кобалевский В.Л. Жилищное строительство в пятой пятилетке. М., 1954. С. 26—27.

- ⁵⁶ Свободная мысль. 2001. № 4. С. 94.
- ⁵⁷ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление // http://militera.lib.ru/research/simonov_ns/index.html
- ⁵⁸ Комаровский А.Н. Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁹ Иванова Г.М. Послевоенные репрессии и ГУЛАГ. С. 270.
- ⁶⁰ Медведев Ж. Сталин и атомная бомба // <http://courier.com.ru/energy/en0800medv.htm>.
- ⁶¹ Об итогах выполнения пятого пятилетнего плана развития СССР и союзных республик на 1951—1955 годы. М., 1956. С. 5.
- ⁶² Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе... С. 100—101.
- ⁶³ Там же. С. 102.
- ⁶⁴ История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. С. 39.
- ⁶⁵ Иванова Г.М. Послевоенный репрессии и ГУЛАГ. С. 269.
- ⁶⁶ Свободная мысль. 2001. № 5. С. 104.
- ⁶⁷ Иванова Г.М. «Лагерная экономика» послевоенного периода. С. 42.
- ⁶⁸ Зачеты рабочих дней позволяли сократить срок заключенному при перевыполнении запланированной нормы выработки: один рабочий день засчитывался за полтора-два дня срока в зависимости от процента перевыполнения нормы.
- ⁶⁹ Докладная записка министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова заместителю председателя СМ СССР Л.П. Берии о применении зачета рабочих дней в лагерях МВД СССР. 13 сентября 1950 г. // История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 290—292.
- ⁷⁰ Свободная мысль. 2000. № 8. С. 121.
- ⁷¹ Иванова Г.М. «Лагерная экономика» послевоенного периода. С. 42.

*А.К. Соколов**

Советское нефтяное хозяйство накануне войны (1938—1941 гг.)**

Нефтяные планы на третью пятилетку

По плану третьей пятилетки (1938—1942 гг.) добычу нефти в стране намечалось довести до 54 млн т. Если сравнить эту цифру с предшествующими планами, очевиден дальнейший сдвиг в сторону большего реализма. Несмотря на изменения в нефтяном хозяйстве, достигнутые в предшествующие годы, заметнее стало его отставание. Создание индустриальной базы страны, новых отраслей, в том числе машиностроения, авиастроения, автомобилестроения, тракторостроения, химии и т.д., требовали намного больше нефтепродуктов, чем производилось в стране, как по количеству, так и качеству. К тому же непрерывно осложнялась международная обстановка в связи с возрастанием агрессивности таких держав, как Германия и Япония, не скрывавших своих завоевательных целей. К концу 1930-х гг. война уже близко подкатывалась к границам Советского Союза. Задачи обороны страны и подготовки к войне также требовали внесения корректив в нефтяные планы, и сталинскому руководству волей-неволей пришлось вплотную заняться проблемами топлива и горючего для оборонных нужд. На самом высшем уровне принимались решения, касающиеся состояния дел в районах нефтедобычи, в отдельных трестах и на предприятиях. Обстановка требовала переходить от громких слов к созданию нефтяной базы на востоке страны — «Второго Баку». Решение об этом было закреплено на XVIII партийном съезде в 1939 г. Среди многочисленных постановлений по нефти, которые следовали одно за другим, можно назвать постановление ЦК ВКП(б) и СНК в июне 1939 г. о получении бензина из жирных нефтяных

* Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

** Статья является продолжением и тесно соприкасается с содержанием предшествующей статьи в ежегоднике «Экономическая история». См.: Иголкин А.А., Соколов А.К. Нефтяной штурм и его последствия // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М., 2006.

газов, в июле того же года — о мерах подъема Грозненской промышленности, в январе 1940 г. — о мерах усиления добычи и переработки нефти в Азербайджанской ССР, в декабре 1940 г. — снова об укреплении материально-технической базы и обеспечении добычи и переработки нефти в Бакинском районе, в феврале 1940 г. — о выполнении заказов авиационной промышленности по производству авиабензинов, в мае того же года — о производстве высокооктанового топлива и авиамасел, в декабре 1940 г. — о развитии нефтяного машиностроения и другие. Выдвижение новых задач предполагало дальнейшие сдвиги в разведке, бурении, добыче и переработке нефти. Однако если посмотреть, что происходило в нефтяной промышленности за три года до начала войны, то сразу бросается в глаза, что она, по существу, топталась на месте.

По официальным данным, добыча нефти в 1940 г. составила 31 млн т. Но вследствие возросших приписок и потерь, допущенных при хранении и переработке, о размерах которых еще будет речь, нефти фактически было меньше. Дело, однако, не только в количестве, а в том, насколько хозяйственная система и структурные изменения в нефтяном производстве поспевали за растущими потребностями. Сложным в это время было положение не только по нефти. Ситуация, названная «экономической лихорадкой», поразила все народное хозяйство страны. Не случайно советская литература обходила молчанием эти годы, глухо упоминая лишь об отдельных достижениях и об отдельных недостатках. Чтобы разобраться в том, что же происходило в действительности и к чему это привело, надо принять во внимание несколько обстоятельств. Первое, о чем нужно сказать, — о ситуации в стране, которая оказывала воздействие на все стороны жизни общества.

Ситуация в стране

В конце 1936 г. Сталин заявил о построении социализма в СССР, и об этом постоянно твердила советская пропаганда. Продолжительный марш, под знаменем которого прошли первые пятилетки, заканчивался. Жизнь обретала будничные черты, проникнутые постоянными нуждами и заботами. Попытки воодушевить общество программой построения коммунизма, намеченной на ближайшие годы, не сопровождалась больше массовым общественным порывом, сравнимым с периодом «социалистического наступления». Волны энтузиазма пошли на убыль, хотя внешние формы его проявления оставались те же:

лозунги, призывы, бесконечные митинги и собрания, развертывание соревнований. Эффект от них становился все меньше и меньше. Заметнее стало возрастание политической апатии, уклонение от общественной активности. Начался процесс «окостенения» системы. Говорят, что хозяйственные трудности перед войной во многом были связаны с последствиями массовых репрессий, нанесших урон кадрам управления и ИТР. Однако основные причины «экономической лихорадки» конца 1930-х гг. лежали глубже.

В этот период окончательно сложилась система управления экономикой и государством, которую называют административно-командной. Хозяйственные трудности проистекали из ее органических дефектов. Если последовательно день за днем проследить деятельность сталинских органов управления экономикой, выраженную в постановлениях, распоряжениях, инструкциях, приказах, можно увидеть срывы планов, неправильное использование оборудования и техники, задержки в их установке, распыление средств, диспропорции на различных производственных участках и другие факты, свидетельствующие о противоестественном надрывном ходе хозяйственных процессов, не гарантирующем от провалов и сбоев и требующем постоянного вмешательства сверху для «развязывания узлов». Карательно-административные методы скорее препятствовали, чем способствовали выполнению планов.

Директивное планирование представляло собой систему приоритетов в снабжении и распределении средств. Экономика, следуя законам планово-распределительной системы, приобретала ярко выраженный ведомственный характер со складывающейся иерархией отраслей и возрастанием их обособленности. Свою основную задачу их руководители видели в том, чтобы выбить средства для выполнения плановых заданий, убедить Сталина (ЦК, СНК, Госплан) в первоочередности своих нужд, уберечь свой наркомат от наскоков и поползновений со стороны других ведомств.

Борьба за благосклонность центра повторялась на региональном уровне. Предприятия старались получить больше ресурсов, дабы иметь возможность маневрировать, способствуя тем самым нарастанию дефицитов. Одним из способов разрешения трудностей продолжала оставаться репрессивная политика, которая, не устраняя их причин, способствовала нагнетанию противоречий, складыванию особого типа руководителей, умеющих «держат нос по ветру», «устроить разнос», «втереть очки», «пустить пыль в глаза» и т.п. Окончательно оформилась номенклатура — штатное расписание огромного государствен-

ного хозяйства. Назначение разного рода комиссий, создание «штабов» с большими полномочиями, проведение «хозяйственных активов», комплексных проверок с весьма неприятными для проверяемых последствиями — тоже типичная черта советской действительности того времени.

В трудовых отношениях на производстве явно обнаружился поворот к принуждению, ужесточению наказаний за нарушение дисциплины. По указу Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. был запрещен «самовольный уход с предприятий» и «одностороннее расторжение трудового договора». Работники прикреплялись к предприятиям, как во времена крепостного права. В случае неоправданного отсутствия на работе указ предусматривал судебный приговор либо к исправительным работам на рабочем месте сроком до 6 месяцев с удержанием 25 % заработка, либо тюремное заключение на срок до 4 месяцев. Уголовные наказания назначались за брак в работе. Увеличены были сроки наказаний за экономические преступления, мелкие хищения, пьянство и хулиганство. Одновременно вместо 7-часового вводился 8-часовой рабочий день и семидневная рабочая неделя. Все эти меры раньше объяснялись оборонными интересами, однако больше были обусловлены возникшими производственными трудностями. Попытки «подтянуть гайки» в разболтанной хозяйственной системе наблюдались везде. На основе мобилизации и принуждения перестраивалась подготовка кадров, прежде всего молодых рабочих в школах ФЗО, названная теперь системой подготовки трудовых резервов.

Неотъемлемой чертой советской экономики стал дефицит, как «большой», так и «маленький», а нехватка товаров и продуктов первой необходимости превратилась в постоянное явление. Их распределение приобретало иерархический характер в зависимости от роли и значения той или иной отрасли. Велась борьба за преимущественное снабжение, высказывались даже предложения снова ввести карточки и, несмотря на репрессии, на ужесточение контроля, уголовных и административных наказаний, предвоенные годы отмечены ростом коррупции и экономических преступлений.

Все это не замедлило сказаться на нефтяной отрасли, которая накануне войны тоже оформляется в отдельное ведомство.

Наркомнефть

Еще в 1937 г. Наркомтяжпром, в ведении которого находилась нефть, стал распадаться. Хотя Главнефть оставалась в его подчинении, она разделилась на три управления: Главнефтедо-

быча, Главнефтепереработка, Главнефтесбыт. В 1939 г. был образован Наркомат топлива во главе с Л.М. Кагановичем, которому теперь подчинялась Главнефть, а в октябре 1939 г. создан Наркомат нефтяной промышленности (НКНП), возглавил который тот же Лазарь Моисеевич, «попутно» занимая ряд других высоких постов. Таким образом, более двух лет Каганович фактически руководил нефтяной отраслью. В июле 1940 г. с подачи Г.М. Маленкова, ответственного за кадры, на этот пост был назначен И.К. Седин.

В плеяде советских нефтяных руководителей о Седине мало что известно. В официальных биографических данных о нем говорилось, что Иван Корнеевич появился на свет в 1906 г., в семье кубанского казака. Трудовую деятельность начал батраком, какое-то время вел собственное крестьянское хозяйство. Закончил педагогический техникум в Майкопе, там же в 1928 г. вступил в партию. Заведовал школой, был председателем колхоза. В 1937 г. закончил Московский химико-технологический институт. Его стремительный взлет приходится как раз на пик массовых репрессий. Из начальника цеха на химическом заводе имени Менжинского он в 1938 г. становится партийным секретарем в Тамбове, в том же году занимает важный пост секретаря Ивановского обкома ВКП(б). В декабре 1939 г. Седин назначается первым заместителем Кагановича, а с июля 1940 г. — наркомом нефтяной промышленности, оставаясь на этом посту до ноября 1944 г., до перевода в «резерв». О причинах перевода не говорилось, хотя известно, что несколько позже ему было предъявлено обвинение в «злоупотреблении служебным положением».

Заместителем Седина накануне войны стал Н.К. Байбаков, позже сменивший его на посту наркома, человек для советской нефти куда более известный, и к Седину у него отношение было пренебрежительное. Специалистом в области нефти Байбаков его не считал. Более того, с удовольствием рассказывал в своих воспоминаниях, как тот попадал впросак перед Сталиным, якобы вынуждая вмешиваться знающего дело Байбакова. Карьера самого Байбакова до войны развивалась столь же стремительно, хотя в отличие от Седина Байбаков был потомственным нефтяником. Он родился в 1911 г., в 1928—32 гг. учился в Азербайджанском нефтяном институте, потом работал инженером; в 1935—1936 гг. служил в армии на Дальнем Востоке. Вернувшись из армии, стал работать по специальности в Баку в тресте Лениннефть. В 1938 г. стал управляющим трестом. В августе 1938 г. был назначен управляющим Востокнефтедобычи, а в сентябре 1940 г. — замнаркома НКНП. О своей деятельности Байбаков много рассказывал в своих автобиографических мемуарах. Им

присущ пиетет перед Сталиным как выдающимся организатором и специалистом нефтяного дела. Более того, автор постоянно пытается противопоставить «мудрого Сталина» его ближайшим сподвижникам: Кагановичу, Берии и другим, что, вообще-то говоря, не выдерживает никакой критики. У воспоминаний есть много недостатков: личные пристрастия, ошибки памяти и т.д. Память обычно высвечивает наиболее запомнившиеся события, например, как и благодаря чему делались первые успешные шаги в карьере, и в этом смысле воспоминания Байбакова, ставшего сталинским наркомом, представляют интерес.

С образованием отдельного наркомата, по сути министерства нефтяного хозяйства, система руководства отраслью не упростилась. Каждое управление в ней имело сложную структуру. Так, Главнефтедобыча в 1938—1939 гг. включала центральный аппарат и отделы: производственно-распределительный, Закавказья, отдел Северного Кавказа и Краснодарского края, отдел Востока, Средней Азии и Казахстана, технический отдел, в котором выделялись группы добычи, бурения, энергетики, анализа работы нефтепредприятий, НИИ, изобретательства, геологический отдел, конструкторский, плановый, финансовый, кадровый, труда и зарплаты, секретная часть и спецснабжение, отделы снабженческий и бухгалтерский — оба с множеством групп и подотделов.

Следующим уровнем управления были объединения и Главки. Объединение нефти Кавказа с центром в Баку включало в себя Азнефтекомбинат. К прежним трестам, входившим в его состав, в связи с освоением новых месторождений добавились новые: Сиазаньнефть, Слаиннефть и множество других контор и подсобных предприятий типа Азнефлеснаб, Дорстрой, Азгаз, Азнефтепроект, Азнефестрой.

Объединение Главнефтедобычи Востока с центром в Куйбышеве, которым одно время руководил Н.К. Байбаков, включала две группы трестов. В первую входили Эмбанефть, Актюбнефть, Сахалиннефть, Востокнефть, Камчатнефтеразведка. В 1940 г. был образован Казнефтекомбинат, объединявший нефтяные тресты Казахстана. Вторая группа трестов объединяла Урало-Волжский район: Башнефтекомбинат, тресты Башнефть, Башнефестрой, Прикамнефть, Сызраньнефть, Бугурусланнефть. В 1940 г. в Башнефтекомбинат добавились тресты Ишимбайнефть и Туймазанефть.

В Главк Нефтепереработка включался отдел нефтепереработки Кавказа, трест «Авиатоп», которому подчинялись многие из нефтеперегонных заводов, трест «Маслозаводы», экспериментально-конструкторская контора Нефтемашпроект. Главк Неф-

теразведка включал Московский геолого-разведочный трест, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Якутский и т.п.

Разумеется, помимо нефтяных органов, к управлению отраслью имели непосредственное отношение партийные органы сверху донизу, Госплан (отдел топлива, сектор нефти). Накануне войны вместо СТО были образованы Экономсовет и Комитет Обороны СНК, каждый из которых имел топливный отдел и прямое отношение к нефти. Во главе Экономсовета стоял «бакинец» А.И. Микоян. Комитет Обороны по сути возглавил сам Сталин. Оба органа накануне войны заседали практически ежедневно. Заметной в нефтяных делах становится в это время фигура председателя Госплана Н.А. Вознесенского, делавшего в тот период успешную карьеру. Прямое отношение к нефтяным делам имели уполномоченные КПК, представители советского контроля, органов НКВД, гостехнадзора, пожарной безопасности и др.

Через все эти структуры управления проходили миллионы бумаг, требующие согласования тысяч показателей: плановых наметок, распределения капиталовложений, финансовых средств, материально-технического снабжения, строительства жилья и т.д. и т.п. Чем сложнее становилось управление, тем труднее было пробиваться через эти многочисленные конторы и обивать пороги кабинетов. Здесь могли увязнуть любые начальственные решения, и никакие репрессии не могли помочь делу.

Встает вопрос, какое место принадлежало Наркомнефти в структуре примерно 40 наркоматов, образовавшихся накануне войны. Следует заметить — далеко не последнее, так как интересы многих ведомств так или иначе соприкасались с нефтью, и особенно — военного производства.

Нефть и военная промышленность

В 1930-е гг. в СССР в связи с подготовкой к войне происходила постоянная милитаризация экономики. Официально проводился курс на «моторизацию Красной Армии». Но, как часто бывало в плановом ажиотаже, об отдельных участках порою забывали. В годы первой пятилетки, например, проблеме топлива для военной техники не уделяли достаточного внимания, как показывает анализ планов, составляемых на случай войны (мобилизационных планов, мобпланов). В январе 1933 г. Наркомвоенмор (НКВМ) оказался вообще снятым со снабжения нефтетопливом, так как не вовремя поступили заявки. Военные предприятия остались без топлива¹. Авиационный завод № 29,

например, прекратил испытание и сдачу моторов в связи с отсутствием бензина. Возникли проблемы с топливом на флоте, в танковой промышленности, в авиации, в других отраслях военпрома, в складском хозяйстве и на транспорте. Забили тревогу военные, ОГПУ, ЦКК—РКИ. Составленный аналитический доклад о положении с горючим и жидким топливом на случай войны отмечал крайнее неблагополучие в этом деле. Особенно страдало создание машин с сильными моторами для истребительной авиации и тяжелых бомбардировщиков. Как говорил в то время Орджоникидзе, «положение хуже некуда, а агрессоры не спят». Госплан вынужден был вплотную заняться вопросами топлива при разработке и реализации планов. Вторая и третья нефтяные пятилетки поэтому получили военную направленность.

Военно-морская инспекция РКИ первой сигнализировала о том, что положение с топливом на флоте плачевное. В связи с этим было принято решение о строительстве Нефтегавани в Севастополе. СТО в марте 1933 г. принял решение о создании мобзапасов на Волге, предусматривающее хранение на складах для военных целей 500 тыс. т нефтетоплива, 200 тыс. т керосина и 100 тыс. т бензина². В апреле 1933 г. НКВМ вошел с ходатайством в Госплан об увеличении отпуска горючего для авиации, автопарка и мехпарка РККА. Было принято решение о том, что горючее для военного ведомства поставляется вне всякой очереди наряду с экспортными поставками. Тяжелые бензины, производимые на грозненских заводах, были непригодны для авиации, поэтому ставился вопрос о замене их бакинским экспортным бензином. На имя председателя Нефтеэкспорта К.С. Рябовола шли требования сократить вывоз нефтепродуктов, необходимых для нужд Красной Армии. В частности, бензола, который, как пояснялось, есть авиабензол и в смеси с низкооктановым бензином, производимом на нефтеперегонных заводах в СССР, служит горючим для авиации и танков и для производства толуола. В 1932 г. производство бензола для армии составило в 18 250 т (потребность — 27 700 т), бакинского бензина — 57 800 т (потребность 100 тыс. т), прочего авиабензина — 105 тыс. т (потребность 93 тыс. т)³.

В колхозно-совхозное строительство тоже был внесен военный уклон. Все нефтебазы и склады, создаваемые по линии Трактороцентра и Наркомата совхозов, брались на военно-стратегический учет. В них предусматривались нормы необходимых на случай войны запасов нефтепродуктов.

На Дальнем Востоке, где явно наблюдалось обострение обстановки в связи с продвижением на север японских войск и за-

хватом ими Маньчжурии, бензохранилища практически отсутствовали. Поскольку Госплан забыл о финансировании на их строительство, возник спор, за счет каких средств их создавать. Поднимается вопрос о крекингах на Хабаровском нефтеперегонном заводе, строительство которого велось медленно. Хотя пуск его намечался на 1933 г., годовой план был выполнен только на 25 %. Причиной были большая текучесть кадров, плохие условия жизни рабочих. Возникли проблемы доставки грузов для строительства из-за напряжения на Транссибирской магистрали, отсутствия на месте подъездных путей. Спорили о том, кто должен финансировать их строительство: трест Нефтезаводстрой или НКПС. Не хватало буквально всего — от труб до гвоздей. В 1934 г. потребность в нефтепродуктах могла быть обеспечена только на 15 дней войны⁴.

НКВМ составлял мобилизационные заявки на нефтепродукты. Вот, например, как выглядела такая заявка, составленная 5-м управлением Штаба РККА, для Главнефти на 1934 г. (табл. 1)⁵:

Таблица 1

Мобилизационная заявка военведа на нефтепродукты в 1934 г.

| Номенклатура | Общая потребность на год ведения войны (т) | Стоимость единицы изделия (в руб.) | Общая стоимость (в руб.) |
|---------------------------------------|--|------------------------------------|--------------------------|
| Авиабензин бакинский | 244 535 | 23—40 | 5 712 000 |
| грозненский | 97 565 | 23—40 | 2 288 000 |
| краснодарский | 37 900 | 24—90 | 944 000 |
| Авиабензол | 12 000 (зимний)/ 20 000 (летний) | 396—90 | 4 763 000 7 940 000 |
| Этиловая жидкость | 300 | 40 000 | 12 000 000 |
| Бензин грозненский экспортный, 1 сорт | 90 000 | 13—80 | 1 242 000 |
| 2 сорт | 1 300 000 | 13—70 | 17 810 000 |
| Лигроин | 300 000 | 18—00 | 5 400 000 |
| Керосин тракторный | 245 000 | 16—20 | 3 969 000 |
| обыкновенный | 125 000 | 16—20 | 2 025 000 |
| Солярное масло | 110 000 | 20—70 | 2 277 000 |
| Мазут флотский марки «А» | 980 000 | 13—30 | 13 084 000 |
| топочный | 40 000 | 14—50 | 580 000 |
| | 70 000 | 12—70 | 889 000 |

Таблица 1 (окончание)

| Номенклатура | Общая потребность на год ведения войны (т) | Стоимость единицы изделия (в руб.) | Общая стоимость (в руб.) |
|---------------------|--|------------------------------------|--------------------------|
| Нефть моторная | 50 000 | 13—00 | 650 000 |
| Масло авиационное | 46 000 | 150—00 | 6 900 000 |
| Автол | 190 000 | 13—00 | 24 700 000 |
| Солидол «Л» | 18 000 | 214—00 | 3 852 000 |
| «Т» | 14 000 | 299—00 | 4 186 000 |
| Масло машинное «2» | 14 500 | 140—00 | 2 300 000 |
| турбинное «М» | 4 300 | 134—00 | 576 200 |
| «Л» | 350 | 120—00 | 42 000 |
| Масло моторное «Т» | 1 700 | 158—00 | 268 600 |
| цилиндровое | 400 | 120—00 | 48 000 |
| вапор «Л» | 350 | 170—00 | 59 500 |
| «Вольта» | 16 | 200—00 | 1 200 |
| компрессорное | 90 | 150—00 | 13 500 |
| Вискозин «З» | 60 | 168—00 | 10 080 |
| Кастроиль | 500 | 250—00 | 125 000 |
| Вазелин технический | 60 | 300—00 | 18 000 |
| Отбеливающие земли | 16 000 | 100—00 | 1 600 000 |
| Итого | | | 124 637 511 |

В генеральном плане второй нефтяной пятилетки, задания которой постоянно уточнялись, большое место заняла проблема перевозок нефти в случае войны. Схема движения нефтепотоков в Госплане была измусолена буквально до дыр⁶. Ближайшие задачи моборганов сводились к изучению грузопотоков мирного времени и всех имеющихся перевозочных средств, возможности их максимального увеличения и оптимизации в случае мобилизации, взаимозаменяемости, так как считалось, что морские перевозки выпадут сразу после начала военных действий, корректировки капитального строительства с учетом развертывания ПВО и пожарной безопасности.

С учетом этого составлялась программа развития нефтяной отрасли на 1936 г., а в генеральном плане нефтяной промышленности на следующую пятилетку отмечалось, что будущее ее развитие должно происходить таким образом, чтобы можно

было легко обратить ее на военные нужды, чтобы обеспечивалась безопасность нефтяных районов и нефтеперегонных заводов. «В настоящее время, — говорилось в заключении Сектора обороны Госплана, — ни размещение, ни строительство новых объектов этой задаче не отвечают, как и состояние транспортных путей». Мощность нефтеперегонных заводов (НПЗ), по расчетам военных, составляла 25,9 млн т, часть из которых в случае войны, по их мнению, выпадет из переработки (Батумские, Туапсинский, Краснодарский и др. заводы). Основные НПЗ страны были сосредоточены на Кавказе. Самым крупным из них, который насчитывал в 1934 г. 2336 рабочих, находился в Баку и назывался, как и положено, именем Сталина.

При разработке третьего пятилетнего плана было решено значительно расширить географию НПЗ. Часть новых заводов было решено строить в центре, часть — на Урале и Волге, а также на Дальнем Востоке. Это диктовалось военно-стратегическими соображениями. Оценивая перспективы на пятилетку в размере добычи 79 млн т нефти, начальник Военного сектора Госплана С. Ботнер писал правительству, что из 4 групп советских нефтей на долю кавказской нефтедобычи придется 62,5 млн т и переработки 60 млн т (48 млн т на внутренние нужды и 12 млн т на экспорт); на Эмбенский район — 6 млн т; на Урал, Западную Сибирь и Среднюю Азию — 4 млн т. С точки зрения обороны Эмбенский район рассматривался как наиболее благополучный, но его слабое место — отсутствие транспортных путей. Отмечалось, что в отношении Баку «следует учитывать его прошлое, тесную связь с английским капиталом, возможность вредительства, как показали недавние события» (т.е. события 1937—38 гг., связанные с репрессиями). В Грозненском районе, как говорилось, в результате «вредительской теории затухания Грозного» дело обстояло плохо. В военных расчетах он, по сути, не принимался. На Сахалине объем нефтедобычи намечалось довести до 3 млн т., а также усилить нефтедобычу и нефтепереработку в Башкирии, на Ухте, на Камчатке. Указывалось, что новые нефтехранилища на селе надо обязательно создавать с учетом военных интересов. Предусматривались дополнительные ассигнования на создание на НПЗ закрытых цехов (на заводе «Нефтегаз» № 2 в Горьком, на заводе «Нефтегаз» № 3 в Воронеже, им. Буденного в Баку, на Краснодарском заводе цеха по производству толуола, на Менделеевском заводе под Ярославлем и т.д.)⁷. Эти задачи были доведены до сведения Военного отдела созданного Наркомата нефтяной промышленности⁸.

С 1937 по 1940 г. степень милитаризации экономики СССР увеличилась более чем вдвое. В связи с задачами подготовки к

войне в 1939 г. были внесены коррективы в пятилетний план по нефти. Так, в него включалось сверхлимитное строительство газOLIновых заводов в нефтепереработке Кавказа и выделялись дополнительные средства. Сверх лимита финансировались дополнительные мощности НПЗ по созданию авиационных топлив и масел на заводах № 2—3 в Грозном, производства высокооктановых бензинов в Туапсе, Баку и Батуми. В список включалось также строительство газOLIновых заводов на Эмбе и в Ишимбае, 4-й очереди Саратовского НПЗ, изОоктанового завода в Москве, крекинг-завода в Сызрани, новых цехов на Менделеевском заводе, Комсомольского завода. На треть увеличивалось финансирование строительства 3-й очереди Уфимского НПЗ, и значительно — строительство спецустановок на заводах в Одессе, Херсоне, Осипенко (Бердянске), Саратове, Люберцах, каталитического крекинга на заводах в Молотове (Перми), в Гуймазах, Ишимбае, завода консистентной смазки в Куйбышеве, установки алкилирования в Горьком⁹.

Особый упор сталинское руководство делало на авиацию. Если в 1938 г. было произведено 4435 самолетов, то в 1939 г. — сразу 10 758, в 1940 г. — 10 585. Правда, самолеты новых конструкций, снабженные более экономичными и безопасными моторами, составляли лишь от 12 до 17 %. Естественно, что производству авиационного бензина и высококачественной смазки для самолетов уделялось первоочередное внимание. Положение выглядело далеко не благополучным. В стране производились следующие марки бензинов: Б-59 в Грозном; Б-70 — в Баку, Батуми, Туапсе; типа Б-70 — в Грозном и Краснодаре; Б-74 — в Баку, Орске и Хабаровске. Авиакрекинг был на заводах в Грозном и Ярославле. На производство авиабензина, в первую очередь, было ориентировано строительство нового самого большого НПЗ СССР — Уфимского. На нем создавались установки для выпуска изОоктанового бензина и производства пентановой смеси. Большинство советских бензинов не годилось для авиации и повышение их октанового числа приобретало огромное оборонное значение. Работы по вторичной перегонке и получения высокооктановых бензинов были возложены на ГрозНИИ на базе бакинской и грозненской нефти путем смешивания и внесения бензольных добавок. Установки алкилирования и производства алкилбензола строились на ряде заводов в Уфе, Горьком и др. Авиационное горючее и масла намечалось производить на Саратовском НПЗ, крекинг-заводе в Сызрани, изОоктановом заводе в Москве, Комсомольском, Ярославском заводах. В тресте Нефтемаслозаводы создавались цеха авиамасел на Нефтегазе № 3 (Воронеж), строительство ко-

торого началось в 1938 г. Наряду с этим вставал вопрос об увеличении добычи качественных нефтей. Началось освоение новых месторождений в Эмбенском районе: Косчагыл и Кульсары. Косчагыльская нефть содержала свыше 50 % светлых фракций и 30 % бензина, а в Кульсарах даже выше — 76 % и 50 % соответственно. ЦК ВКП(б) и СНК приняли специальное постановление о выделении дополнительно из резервного фонда СНК 27,5 млн руб. при общих затратах на освоение месторождений в 106 млн руб.¹⁰

Военная направленность стала сказываться на развитии всех отраслей экономики, а оборонный комплекс превращался в сектор, «пожирающий» гражданское производство. Так, развитие танковой промышленности происходило в ущерб поставке тракторов для сельского хозяйства, тракторные заводы приспособлялись к выпуску новых танков. В 1938 г. в СССР было произведено 2271 танков разных конструкций, в 1939 г. — 2986, в 1940 г. — 2790. Однако значительную часть танкового парка составляли легкие танки, требовавшие высококачественного топлива. Нужны были машины не такие прихотливые, не столь легко воспламеняемые. Накануне войны тракторные заводы начали выпуск дизельных тракторов, танковая промышленность перестала применять как топливо легковоспламеняющийся керосин. В результате накануне войны улучшилась, но не намного, ситуация с керосином для населения. В конце 1939 г. началось производство средних танков Т-34 и тяжелых танков КВ, но оно разворачивалось медленно. К середине 1941 г. новые образцы составили лишь 9—10 % от всех бронеединиц, состоявших на вооружении Красной Армии.

Существовали большие нефтяные проблемы при обеспечении боеприпасами, в частности, связанные с производством церезина из нефтепродуктов, шедшего на изготовление ружала, спецпушсала, снарядного производства, низкозастойной смазки, белых и желтых церезиновых композиций. Церезин производился из парафина, нефтяных остатков на заводе им. Джапаридзе в Баку и из озокерита, добываемого на полуострове Челекен. Потребность армии в церезине составляла примерно 15 тыс. т. В 1939 г. было получено только 1475 т. Расширению производства, как указывалось, в документах, мешали бедные породы, отсутствие механизации, недостаток электроэнергии для строительства механизированной шахты на Челекене, недостаток рабочей силы. Только на 1941 г. было намечено строительство церезинового завода в Грозном по заказу Артиллерийского управления РККА. Были проблемы с производством пиробен-

зола на заводах им. Буденного в Баку, Нефтегазе № 1 (Москва), № 2 (Горький), от которого зависело производство толуола¹¹.

Несмотря на приоритетные позиции, которые занял оборонный комплекс в предвоенные годы, ему были присущи все огрехи, свойственные затратной экстенсивной экономике, провалы и сбои на различных участках. Производство вооружений шло зачастую путем их количественного наращивания. Новые системы внедрялись с существенными задержками. Намеченные планы снабжения армии нефтепродуктами постоянно срывались. В 1940 г. Госплан сигнализировал о существенном отставании в производстве авиабензина и авиамасел на Константиновском заводе, на Уфимском НПЗ, в связи с чем Н.А. Вознесенский требовал принять самые строгие меры, обращая внимание на особое значение последнего, так как он поставляет продукты для авиации, танков и протехники. Строительство второй очереди Хабаровского нефтеперегонного завода затягивалось по причинам недофинансирования, текучести кадров, отсутствия нормальных условий труда и быта. К тому же часть средств была передана для строительства объектов Сахалиннефти¹².

В апреле 1941 г. А.К. Байбаков (брат Н.К. Байбакова), уполномоченный Комиссии партийного контроля, образованной в 1934 г., составил для руководства справку о производстве авиационных бензинов. В ней указывалось, что в 1940 г. общее количество произведенных бензинов по сравнению с предшествующим годом составило 148 %, в том числе по Б-78 увеличилось в 2,5 раза, Б-74 — в 1,9 раза, Б-70 — в 1,4 раза, но плановые цифры не были достигнуты. Отмечалось крайне неудовлетворительное состояние по авиакрекингу — 74 % плана, по уфимскому бензину — 30 %. Как неудовлетворительная оценивалась работа Башнефтекомбината и Майкопнефтекомбината. По первому выполнению плана было фактически сорвано. То же положение, сообщал А.К. Байбаков, сохранилось и в 1941 г. К тому же, добавлял он, резко ухудшили свою работу заводы Грознефтекомбината¹³. Специально назначенная группа Комиссии советского контроля (созданной в 1934 г. взамен РКИ) проверяла в апреле 1940 г. состояние производства авиационных масел селективной очистки на заводе № 3 в Грозном и отмечала неудовлетворительную работу стройорганизаций, недостаток электрооборудования, рабочей силы.

Невыполнение планов сказывалось на боеготовности военных округов. Так, на западных границах их потребность в горючем на 1941 г. определялась в 168 тыс. т, в наличии же на нефтебазах была только 31 тыс. т. На строительство новых емкостей выделялось только 11 млн руб. В Белорусском военном округе

ставился вопрос о строительстве дополнительных нефтяных емкостей в Гродно и Слониме. Состояние Бензоскладстроя на Дальнем Востоке по-прежнему оценивалось как плачевное¹⁴.

Связь нефтяного производства с военным вела к ужесточению режима на предприятиях, их засекречиванию. В 1940 г. было признано, что существовавшая охрана (ВОХР) на нефтеперегонных заводах не обеспечивала необходимой безопасности и секретности. Было принято решение ввести охрану заводов силами войск НКВД, особенно тех, которые имеют исключительное оборонное значение. Одновременно ставился вопрос о введении закрытого снабжения. Между тем режим секретности настолько затруднял работу нефтяных предприятий, что Наркомнефть вынуждена была обратиться в Комитет обороны с просьбой перевести в открытые титула целый ряд нефтяных объектов. Было получено разрешение перевести в таковые газопровод Малгобек—Грозный, строительство газолиновых заводов в Ишимбаево и Баку, крекинг-завода в Сталинграде, нефтеперегонного завода в Комсомольске и некоторые другие, но устанавливался список закрытых материалов и показателей (данные о названии, производстве и его мощности, размещении, технической документации и т.д.). Большинство же новых предприятий и производств, предназначенных к строительству и расширению, остались в закрытом титульном списке¹⁵.

Изменения в изучении и технологии нефтяного дела

В результате сдвигов, происшедших в годы первых пятилеток, советская наука и техника в области нефти, как говорится, встала на ноги. Была создана сеть научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, экспериментальных лабораторий, отвечающих за новые разработки, система подготовки кадров в высших и прочих учебных заведениях. Многие в этой области было скрыто завесой секретности и стало известно только в последние годы. Изучение этих материалов показывает громадный разрыв между достижениями отечественной науки и их внедрением.

В 1939 г. умер главный авторитет в нефтяном деле страны академик И.М. Губкин. В соответствии с правилами советской канонизации, якобы перед смертью он сделал «завещание» собравшимся у него на даче ведущим геологам и нефтяникам — идти дальше за нефтью в Заволжье, на Урал, на Север, в Западную и Восточную Сибирь. В 1940 г. посмертно вышла его книга о нефтеносности Урало-Поволжья — тоже своего рода завеща-

ние. В 1939 г. было принято решение о расширении геолого-разведочных работ в Сибири, а в 1940 г. в Новосибирске был создан Западно-Сибирский геолого-разведочный трест.

Движение на Восток требовало расширения поисковых и геолого-разведочных работ, перехода к более совершенным способам разведки: геофизическим, сейсмометрическим и др. Опыт подсказывал, что нельзя допускать распыления средств на больших пространствах, поэтому в предвоенные годы наблюдается тенденция к их концентрации, приведшей к многократному росту хозяйства поисковых партий. Благодаря этому за один 1938 г. было открыто 12 месторождений, в том числе Сиазань в Баку, новые месторождения в Грозном: Южный Малгобек, Гудермес, которые рассматривались как способ выведения района из кризиса. В сентябре 1938 г. Госплан отмечал крайне неудовлетворительное выполнение плана бурения и добычи нефти в новых районах, и в 1939 г. в районе «Второго Баку» приступили к работе одновременно 19 геологических партий. Сразу было открыто 12 новых месторождений. К сожалению, техника и организация работ продолжали отставать. Лишь 19 % разведочных скважин, начатых бурением, было закончено к 1940 г., в связи с чем было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК о неправильной постановке нефтеразведок.

«Второе Баку» должно было стать экспериментальным полем для применения более совершенных способов нефтедобычи, борьбы за повышение отдачи нефтяных пластов и обновления всей технической базы нефтепромышленности. Работа Института горючих ископаемых, созданного в 1930-е гг., в основном была направлена на освоение «Второго Баку». В марте 1938 г. СНК принял решение о выделении для этой цели дополнительных капиталовложений. Однако в целом по стране показатели скорости бурения в предвоенные годы снизились: в 1940 г. — до 487 м на станок в месяц. В советской литературе это объяснялось более сложными условиями проходки скважин в районе «Второго Баку» и увеличением глубины проходки скважин в старых районах¹⁶.

Продолжались работы по увеличению прочности и испытанию новых типов бурильных долот (шарошечных, дисковых, трехлопастных), но в 1940 г. они применялись лишь на 16,5 % общей проходки нефтяных скважин, и трудности прохождения твердых пород оставались. Основным способом проходки скважин оставалось роторное бурение, недостатки которого были связаны с кривизной скважин, удлиняющей сроки проходки, изнашиванием насосных труб и шлангов. Поскольку необходимо было вращать всю колонну труб, то это требовало больших

расходов энергии. К тому же этот способ был сопряжен с высоким риском аварийности. Все большее значение приобретал вопрос, как бурить прямые скважины. Официально давалась установка на внедрение турбинного бурения. Хотя разработка отечественных турбин и турбобуров велась давно, до войны они практически так и не нашли применения. Лишь в 1940 г. в тресте Азизбековнефть появилась первая скважина, пробуренная электробуром, хотя его разработки появились еще в начале 1930-х гг. То же касалось методов торпедирования скважин, основанных на разрушении пород, которые препятствовали бурению. Заметные успехи были сделаны в облегчении конструкции скважин. Если в 1928 г. расход металла на 1 м проходки в СССР составил 340 кг, то в 1940 г. — 70 кг, но отставание от Америки оставалось, особенно в области бурения скважин малого диаметра.

К 1930-м гг. относится замена деревянных нефтяных вышек крестовой системы металлическими. Прежний способ был трудоемким, длительным и опасным. Советскими инженерами предлагались конструкции вышек и способы их установки, выгодно отличавшиеся от зарубежных, в том числе для глубокого бурения, которые позволяли устанавливать тяжелое оборудование до 300 т весом. В 1940 г. в тресте Малгобекнефть состоялся первый крупноблочный монтаж нефтяной вышки. В том же году было издано постановление о замене всех деревянных вышек металлическими¹⁷. Тем не менее деревянные вышки продолжали устанавливаться и с поставками леса были большие проблемы. На каждую буровую требовалось примерно 8 вагонов леса.

Одним из приоритетов, которым обладали советские инженеры и ученые, было морское бурение, однако нельзя не заметить замедление его темпов в 1930-е гг. Еще в 1935 г. инженеры Н.С. Тимофеев и К.М. Михайлов предложили метод установки металлических трубчатых свай, забуриваемых на дно. Число необходимых свай сокращалось до 16—20. Это позволяло вести нефтедобычу на большей глубине (30—40 м)¹⁸. Но для советской нефтепромышленности этот способ оказался слишком дорогим. Осуществлялась разработка проектов сборно-разборных платформ, но их внедрение тоже задерживалось.

В эксплуатации скважин продолжалось внедрение глубинных насосов, сконструированных АзНИИ и производимых машиностроительным заводом им. Дзержинского в Баку. Были разработаны плунжерные, манжетные насосы, глубинные штуцеры. Большое значение имела очистка скважин от песка и отложений парафина в трубах. В этой области тоже наблюдалось отставание. Применялись насосные штанги, которые часто об-

рывались. Среди нефтяников ходило мнение, что глубинные насосы не могут вытеснить компрессорные, которые позволяют качать нефть с любой глубины. В НИИ и нефтяных институтах продолжалась разработка насосов, позволяющих работать на все больших глубинах их подвески. Наибольшая глубина подвески в СССР была отмечена на промыслах Лениннефти в Баку — 1450 м¹⁹. Накануне войны на отечественных заводах было налажено производство нескольких типов отечественных станков-качалок, которые заменяли иностранные системы Веккерса, но слишком медленно.

Большое место в научных разработках занимала борьба с обводнением скважин, методы кислотно-щелочной очистки нефти от ненужных примесей и парафиносмоляных наслоений. Большое внимание уделялось приготовлению глинистых растворов для укрепления скважин и добавок к ним. В институте им. Губкина академик П.А. Ребиндер разработал способ цементирования скважин для борьбы с обводнением. В 1937 г. Н.К. Байбаков, тогда еще молодой инженер, предложил производить заливку цементного раствора под давлением, который рассматривался как хороший метод для изоляции внешних вод, прорывающихся в скважину в ходе эксплуатации²⁰, но сказать о том, что эти методы нашли широкое применение, нельзя. Как отмечалось даже в советских официальных источниках, «несмотря на то что большое количество скважин выходит из бурения обводненными или быстро обводняются в процессе эксплуатации, борьба с верхними и пластовыми водами ведется по кустарному, без достаточного теоретического и технологического обоснования. Опыт тампонажа и изоляции верхних вод в глубоких скважинах никем не обобщается, а иностранная техника в этой области никем не изучается»²¹.

В области нефтепереработки в мировой практике в те годы все шире применялось производство горючего из нефтяных газов (газолина или газойля) и добыча газа из собственно газовых месторождений. Это нашло отражение в советской программе строительства газолиновых заводов, но в очень скромных размерах по сравнению с Западом. Добыча же газа для топливных нужд планировалась на 1942 г. в объеме всего 5 млн т, а вопрос о его использовании для бытовых нужд стоял главным образом теоретически.

В те годы научные исследования в области переработки нефти явно приобретали военную направленность. Комитет обороны постановлением от 10 августа 1939 г. определил особый порядок финансирования оборонных опытных работ. Из общего объема ассигнований на научные разработки в области нефти

предусматривалось по плану 12 919 тыс. руб., в том числе непосредственно Наркомнефти — 7892 тыс. руб. Наркомнефть, однако, просила дополнительно выделить на пятилетку 4937 тыс. руб. для развертывания работ в ЦИАТИМе, ГрозНИИ, Химгазе, АзНИИ, НИИ ВВС, конструкторских бюро заводов и в других организациях²².

В начале 1940 г. нарком Седин докладывал Сталину, что в исследовательской лаборатории треста Прикамнефть и промотделе завода № 13 была разработана методика повышения октановых чисел отечественных бензинов на базе цимола, желтых кетонных и сильвановых масел. По указанию Наркомнефти на стандартной установке «Бокеш» в ЦИАТИМе было проверено полученное на этой основе новое авиационное топливо, которое показало октановое число 112. Состав топлива при этом: 25 % ацетона, 25 % цимола, 25 % пентанов и 25 % изооктана. Для получения 100-октанового бензина к нему добавлялось 50 % обычного бензина с октановым числом 70. К сожалению, говорилось в письме, производство ацетона в стране было мизерным — всего 600 т. Предполагалось немедленно приступить к строительству заводов для производства ацетона из пропилена (пропиленовая фракция в процессе крекинга и пиролиза). Но производство цимола в СССР не было налажено. Цимол оставался в отходах целлюлозно-бумажной промышленности и уходил в сточные воды. Если установить отстойники с фильтрами, говорилось в письме, можно наладить производство цимола в 1941 г. в размере 20 тыс. т. Кетонные же и сильвановые масла можно было бы получать из отходов лесохимической и сахарной промышленности. Указывалось, что если принять на вооружение эту методику, то в 1942 г. можно будет получить авиационных топлив: с октановым числом 112 — 100 тыс. т, 100-октановым — 100 тыс. т, 92-октановым — 10 тыс. т. При смешивании 112-октанового с обычными бензинами можно было получить таким образом около 300 тыс. 100-октанового авиационного топлива. Но эта идея с началом войны осталась невоплощенной.

В технологии нефтяного дела в 1930-е гг. сложились любопытные советские и национально-климатические особенности. Значительная часть нефтепереработки шла на нужды резиновой и обувной промышленности. Для этого вырабатывалась особая марка бензина «Калоша». По производству резиновой обуви (калош, резиновых сапог, бот и т.д.), в которой «щеголяло» большинство советских граждан, СССР неизменно занимал первые строчки в мировой таблице. Более того, рост производ-

ства подобной обуви был символом повышения благосостояния советских людей, и не раз в партийных решениях ставился вопрос об увеличении удельного веса бензина «Калоша» в выпуске нефтепродуктов. Но военный уклон сказался и на этом участке. Бензин-растворитель этой марки производился из сураханской нефти, обладавшей наибольшим октановым числом. Наркомнефть приходила к выводу, что если увеличить его производство, это вызовет сокращение ресурсов авиатоплива. Поэтому ставился вопрос о создании нового завода для этой цели на базе метана, получаемого из грозненской нефти²³. Но, как говорят, это «когда на горе рак свистнет».

Но, пожалуй, наиболее уязвимым участком советской промышленности продолжало оставаться качество поставляемого нефтяного оборудования, несмотря на то что к его производству все чаще подключались военные заводы. Так, в 1939 г. на Бакинских промыслах произошло около 1200 аварий, в основном из-за поломки бурильных труб. Из-за низкого качества насосов потери нефти в 1940 г. в Азербайджане, где имелось около 5200 глубоконасосных скважин, составили сотни тысяч тонн. Только из-за бракованных клапанов было потеряно около 200 тыс.²⁴ Постоянными были некомплектные поставки. Все это происходило уже после устранения «врагов народа». На шпионов, диверсантов и прочих вредителей сваливать было уже невозможно.

Медленно осуществлялся прогресс в транспортировке нефти. Планы строительства больших магистральных трубопроводов оставались в основном на бумаге, в том числе нефтепродуктопровода Трудовая—Воронеж—Москва. Длина местных нефтепроводов, правда, существенно увеличилась, но их качество было низким. Время от времени на них происходили серьезные аварии. В 1940 г. общая длина трубопроводов в стране составила 7900 км. По ним доставлялось 7,9 млн т нефти. Основную роль играли водные перевозки нефтегрузов, осуществляемые государственными пароходствами. В тресте Касптанкер, например, на судах было частое обводнение грузов. В 1940 г. было отмечено 113 таких случаев. Причинами обводнения называлось халатное отношение к очистке судов. Только Дагестанская контора Главнефтеснабжения предъявила Касптанкеру штрафов на сумму 2 736 985 руб. На танкерах «Киров», «Горняк», «Азия» произошли серьезные аварии. При доставке нефтегрузов по железным дорогам нередко возникали пробки, чреватые простоями и потерями. В связи с недостатком нефти на востоке туда приходилось везти грузы из южных нефтяных районов, что вызывало громадное напряжение на Транссибирской магистрали.

Сотрудничество с иностранцами и иностранная технология

Как уже говорилось в предыдущей статье, в середине 1930-х гг. международное сотрудничество в нефтяной технологии фактически было свернуто, но накануне войны оно несколько расширилось. И до этого советское руководство выражало стремление к тому, чтобы ряд специалистов, успешно сотрудничавших с Советами, продолжали его на уровне консультаций. В 1936 г. возобновились контакты с американскими компаниями Баджер, Алко Продактс, Юниверсал Ойл Продактс, Уинклер-Кох и Мак-Ки, Луммус и Макс Миллер, Петролеум инженеринг и др. Американские фирмы оказывали помощь в строительстве нефтеперегонных заводов в Баку и Батуми. Юниверсал Ойл Продактс помогала строить высокооктановые газолиновые заводы в Грозном и Саратове. Оказывалась помощь в строительстве полимеризационных установок. Но главным объектом сотрудничества с американцами стал Уфимский НПЗ. О том, как это было, на основе отчетов американских специалистов подробно рассказывается в упоминавшейся ранее книге Э. Саттона. Советские заводы, писал автор, не могли производить 87- и 94-октановый бензин для авиации. Смысл работы американцев на Уфимском НПЗ состоял в том, чтобы с помощью гидрогенизационных установок и путем полимеризации на установках Алко и Луммус превращать бензин, производимый на советских заводах, в 95-октановый бензин. Компания Алко должна была осуществлять общее наблюдение за строительством и технической помощью. С этой целью на заводе работали пять иностранных инженеров, которые, по их свидетельствам, находились под плотным наблюдением НКВД. Подробно описывались связанные с этим мытарства иностранцев.

Инженер Мередит сообщил, что, когда он приехал, советские инженеры уже сделали предварительную работу, изменив первоначальный проект и закупив установку, которая находилась в стадии экспериментальной разработки и не годилась для ишимбаевской нефти. Инженер просил впредь не делать подобных «улучшений». Он также пришел к выводу, что нефтепровод Ишимбай—Уфа, обеспечивавший завод сырьем, оказался крайне несовершенным, предсказывая, что тот постоянно будет выходить из строя. И, действительно, советские источники часто сообщали об авариях на трубопроводе. Саттон признавал, что строительство Уфимского НПЗ нельзя считать исключительно советским или иностранным. Но там, где были наиболее передовые участки, устанавливалось иностранное оборудование. В этой связи им была составлена схема работы Уфимского

НПЗ. В 1941 г., когда американские специалисты уже выехали из СССР, работы на заводе были сделаны наполовину. Общий объем американской помощи накануне войны измерялся суммой в 2,5 млн долл.²⁵

Продолжались закупки иностранного оборудования. На 1941 г. Наркомнефть составила заявку на импорт для обеспечения ввода в действие заводов, строившихся по решению Комитета обороны при СНК. Заявка подверглась экспертизе в Госплане (отдел внешней торговли), который вынес заключение, что в нее включены многие материалы, которые уже производились в Советском Союзе или были, по мнению экспертов, излишними. В результате заявка на сумму почти 34 млн руб. была сокращена на 14 млн. По мнению экспертов, сильно завышено было количество труб, фитингов, насосов. Излишней представлялась покупка ретурбендов для Сызранского крекинг-завода, центрофуги типа Шарплесс, стальная арматура, электроприборы и другие изделия, которые изготовлялись в стране на заводах авиапрома, или же производство которых можно было быстро наладить в Союзе. Завышение заявок, впрочем, вполне понятно, ибо в условиях отсутствия рынка предприятия старались включить в список как можно больше изделий, изготавливаемых за границей. Что же все-таки оставалось в списке? Он довольно четко показывает слабости советской нефтепереработки. Для строительства второй очереди (крекинга) Херсонского завода закупились насосы и безопасная осветительная аппаратура, насосы для летучих жидкостей, газомоторные компрессоры «Кларк». Примерно то же — для крекинг-установки Осипенковского завода, включая еще оборудование водородной установки. Для Московского завода — оборудование для гидрогенизационной, водородной установок, изопропилового эфира. Сызранский крекинг-завод включал в список оборудование для головной трубчатки, трехпечного крекинга, сернокислотной очистки и вторичной перегонки нефти. Уфимский завод — установку для алкилирования, то же — Саратовский НПЗ. Завод имени Менделеева — пробковую изоляцию, пилотную установку, запасные части для компрессоров холодильной установки и т.д.²⁶

«Товарищ Каганович знает все!»

Одной из причин неудовлетворительного состояния дел в нефтяной отрасли были сложившиеся порочные методы управления, основанные на приказе, администрировании, догляде, окрике, разносе и угрозе репрессий. Ярким примером в этом

отношении был Л.М. Каганович, о чем хорошо свидетельствуют воспоминания Н.К. Байбакова, столкнувшегося с Кагановичем в делах управления нефтяной отраслью:

«“Железный нарком” был фигурой во всех смыслах внушительной. Его известность, влияние и власть удивляли многих своей огромностью и могли приводить простых смертных в трепет и страх. Мы все знали, как близко он тогда стоял к Сталину. Во времена тяжелейших физических перегрузок поражала его неистощимая работоспособность, но это было скорее всего проявление физической энергии и выносливости типичного руководителя силового стиля. Ему ничего не стоило грубо и часто ни за что обругать, обидеть и оскорбить подчиненного. А необузданная вспыльчивость часто вредила и делу... Хозяйственным управленцам наркомата нередко приходилось менять толстые стекла на его письменном столе, потому что он разбивал их вдребезги, швыряя на стол трубку в бешеной ярости... А иногда до того раскалялся, что грозил карами и тюрьмой за невыполнение его, наркомовских указаний... Люди из его “аппарата” вдруг без всяких причин исчезали и больше нигде не появлялись. Доходило дело и до рукоприкладства».

Вот один из случаев, связанных с транспортным затором в Ишимбайнефти:

«Голос его звенел на предельных нотах, губы нервно дрожали, пальцы сжались в кулаки. В ярости нарком схватил меня за грудки — в этот момент он был действительно страшен и неуправляем — и с бешеной силой отбросил от себя. Я, скорее всего, упал бы, но успел ухватиться за край тяжелого стола...»

Байбаков описывал, что каждый его шаг, вплоть до личной жизни, был под контролем Кагановича и Берии. Вместе с тем, по его свидетельству, Каганович не очень знал нефтяное дело, поверхностно оценивал его проблемы, игнорировал мнение специалистов. Заставляя работников ночами готовить справки и докладные, он, бывало, утром, читая их, морщился. Видно было, что «смысл читаемого не доходил до него. Иногда, не сдержав себя, швырял бумаги в корзину и давал нам новое топливоуказание»²⁷.

В 1938 г., когда Каганович непосредственно взялся за топливные проблемы, он издал приказ о преодолении последствий вредительства, о необходимости укрепления финансовой дисциплины, снижении себестоимости продукции, правильной

расстановке кадров, выявлении внутренних резервов производства и т.п. По всей стране начались непрерывные совещания, посвященные обсуждению приказа наркома. Выступая перед работниками нефти, Каганович сказал, что *его интересуют предложения, направленные на выполнение плана, а не объяснения, почему план не выполнен*. Сама постановка вопроса является абсурдной: не узнав реального состояния дел, нельзя найти пути решения проблем. В ином случае ничего не остается, как твердо и неукоснительно следовать указаниям сверху, где якобы знают все. Каганович, в силу близости к Сталину и «осененный мудростью вождя», накопил большой опыт административного рвения. Он уже знал, как «развязывать узкие места на транспорте», как ускорить строительство Московского метро, как поступать с теми, кто не выполняет партийных директив, как руководить пионерской организацией, воспитывая строителей социализма. Теперь эти «знания» и «опыт» следовало применить в нефтяном деле, чтобы вывести ее из прорыва. В качестве примера того, как это происходило, можно привести совещание руководителей заводов Азнефтепереработки, состоявшегося в ноябре 1938 г.²⁸

Дух совещания следовал из наркомовской критики состояния дел в отрасли и все выступавшие должны были заниматься самобичеванием. Попытки оправдаться, сослаться на объективные трудности встречали решительный отпор: «Вы хотите сказать, что у вас все гладко, вы ставите под сомнение приказ тов. Кагановича? Тов. Каганович знает все! ...Мы забыли и не учли указаний наркома. Указания тов. Кагановича не вошли в обычай». Это определяло направленность подобных совещаний, которые на практике превращались в констатацию болезненных проблем советского производства.

Одной из них стал постоянный перерасход фонда заработной платы. По бакинским НПЗ этот перерасход составил в 1938 г. 6,1 %, или 1,5 млн руб., а первое место принадлежало заводу имени самого тов. Сталина, где план по валу был перевыполнен только на 2,9 %, в то время как перерасход фонда зарплаты составил 13,6 %. В качестве оправдания выступавшие на совещании говорили, что на заводе оказалось много вредителей и тамошним работникам приходится очень трудно. Не намного отличалось положение на заводах им. Буденного, Андреева, Стуруа, Батумском НПЗ. Указывалось на несбалансированность финансирования и снабжения, отмечалась нехватка рабочей силы, но главные недостатки были отнесены к организации труда, простоям, сверхурочным, аккордной работе, неправильным, по мнению выступавших, тарифным ставкам в оплате тру-

да и заниженным нормам. Главный вывод, который из этого следовал: «не взялись за дело по-большевистски». «По-большевистски» означало организационную суетню и упор на развитие стахановского движения. Говорилось о том, что на заводе им. Сталина рабочие почти полдня ходят без дела, что ничего не делается для уплотнения рабочих мест. Чтобы исправить положение завода им. Андреева, была прислана стахановская бригада, но ее работа, как отмечалось, была сорвана из-за противодействия ИТР, которые якобы «не борются за социалистическую копейку». Между тем причина была очевидной: средний заработок на заводе им. Сталина составлял 430 руб., а на им. Андреева — 380 руб. Подрыв более высоких ставок, естественно, вызывал противодействие.

На всех НПЗ, как отмечалось в выступлениях, зарплата разная и выплачивалась по-разному. На одном — по месяцам, на другом — по нормам, на третьем — в зависимости от выполнения плана. Указывалось, что нормы пересматриваются формально и через 2—3 месяца они снова перевыполняются за счет небольших усовершенствований. Но больше на заводах занимаются приписыванием, так как понимают, что если не будет выполнения норм (а значит оплаты), рабочий будет жаловаться, будет недоволен, может уйти. Говорилось о том, что есть нормы, которые не под силу лучшим стахановцам, и когда дают наряды-задания, уже заранее приписывают. Надо такие нормы составить, взывали некоторые выступавшие, чтобы они стимулировали рост производительности труда, ориентировались на «средних лучших стахановцев». Сей безграмотный с точки зрения статистики термин был в ходу у Сталина и Кагановича. Психология же многих стахановцев, как отмечалось в выступлениях: «пойду туда, где платят 900 руб., и буду целый день чай пить». Следуя указаниям Кагановича, указывалось на необходимость пересмотра норм, так как они составлены «на глазок», и те, что есть на сегодня, не должны оставаться на завтра. «Но если рабочие говорят, что больше данной нормы выполнить нельзя, это будет зажим стахановского движения... Как мы работаем со стахановцами, говорил один выступавший, как przygotowляем место для стахановского рекорда? Стахановец за болтом бегаёт за 5 км, в результате теряем 2 часа. 601-я установка на заводе Сталина стояла 5 мес., и никто палец о палец не ударил, и только когда сверху нажали, то за месяц путем сверхурочных и аккордных работ ввели ее в строй. На селективной установке поставили стахановцев, а фонда заработной платы для них не предусмотрели. Они от скуки мотаются по заводу целый

день, ничего не делают, не передают свой стахановский опыт, а получают в среднем свой заработок в 600—800 рублей».

Перерасход фонда заработной платы, следуя указаниям Кагановича, считался теперь антигосударственным актом. В августе 1939 г. было принято постановление о порядке контроля над фондом заработной платы, в июне 1940 г. о повышении норм выработки и снижении расценок в связи с указанным постановлением. Между тем именно жесткое плановое ограничение фонда заработной платы служило главным препятствием для роста производительности труда и укрепления трудовой дисциплины, что никак не могло дойти до сознания руководства. Вместо этого причиной перерасхода назывались сверхурочные выплаты, аккордная бригадная работа как скрытая форма сверхурочных, и особенно — прогрессивная сдельщина (повышение оплаты труда в зависимости от процента выполнения производственных заданий по количеству и качеству). Прогрессивная шкала, дескать, ломает планирование. Премии для руководителей тоже рассматривались как скрытая форма повышения окладов без увязки с ростом производительности труда. По сути, с новых указаний Кагановича был взят курс на уравниловку в оплате труда, которая получила наибольшее развитие в послевоенные годы.

Почти все выступавшие отмечали нехватку рабочей силы, прежде всего, квалифицированных рабочих, но настаивали на решении проблемы путем плановой переброски с других заводов, которая, по мнению руководителей, должна была быть маневренной и гибкой. Однако какой завод добровольно хотел бы расстаться со своими лучшими кадрами, как можно было не считаться с жизненными планами людей и их интересами? Только углубление рыночных отношений в сфере труда могло бы стать способом решения проблемы, но вместо этого вскоре был взят курс в совершенно ином направлении. Не удивительно, что следовали жалобы на то, что в плановом порядке перебрасывают неквалифицированных рабочих, которых некуда деть. На завод им. Сталина перевели 25 рабочих амбарного хозяйства, однако при этом фонд зарплаты увеличить забыли. Все руководители жаловались на большое подсобное хозяйство (товарное хозяйство, лаборатории, паровое хозяйство, хозяйственное отделение и т.д.). В структуру завода им. Буденного перевели, например, мостовую эстакаду. В результате «обрастания» дополнительным хозяйством происходил рост себестоимости продукции по многим заводам, усугубленный за счет плохой глубины отбора и плохого качества сырья. В результате возрас-

тали убытки по многим показателям производства нефтепродуктов. Создание новых управленческих структур, воровство и хищения, расходы на охрану также вели к удорожанию производства.

Отмечалось, что все заводы планируют производство с превышением заявок. Делают, например, заявки на болты и заклепки, затем отправляют наверх. Там верстают план, и... пошло и поехало. На неизрасходованные запасы поступают новые. Так, на НПЗ в Батуми сделали заявку на одеяла. После долгого прохождения и согласования в разных инстанциях одеяла начали поступать. На складах их образовалось большое количество. Сдали излишки в техснаб, но одеяла продолжали идти и идти... Одновременно образовались острейшие дефициты на ряд материалов и, как следствие, — незавершенное производство, замены, брак. Назывались «заводы-ловушки», виновники недопоставок, которые присваивали себе чужие средства и материалы. Отмечалось, что непрерывно поступают срочные задания, одно сменяется другим, откладывается в сторону. В результате «незавершенка», или превышение объема, когда вдруг выяснялось, что заказанная продукция не нужна. Все выступавшие жаловались, что много средств уходит на текущий ремонт, на изготовление ширпотреба, планы которого постоянно выполнялись только на 30—60 %. В ожидании транспорта и отгрузки на заводах постоянно находились 55—65 % работ. Простой оплачивался по тарифным ставкам. «Вот где корень перерасходов!», — восклицал один из выступавших.

С внедрением новой техники и совершенствованием производства было туго. Говорилось, что заводские лаборатории работают по принципу: чем хуже положение на заводе, тем больше они зарабатывают, ибо им больше поступает заказов на анализы. Вскрывались некоторые особенности «внедрения» новой техники: поступает на завод готовая установка, с нею чертежи, но их тут же начинают переделывать под имеющиеся неполадки. «Какого черта не сделать это с самого начала?» — в сердцах задавался вопрос на совещании.

Каганович в своем приказе указывал на укрепление финансовой дисциплины, поясняя это тем, что «вредители» воспитывали у работников барское пренебрежение к работе. Пользуясь тем, что директора не умели читать балансы, враги народа, якобы сидевшие в финансовом хозяйстве, заставляли их подписывать перерасходы, занимались приписками, что также сказывалось на себестоимости продукции. Теперь согласно указаниям Кагановича администрация обязывалась детально вникать во все хозяйственные вопросы, а не только планово-финансовые

службы. Был сделан вывод, что нужно увеличить армию нормировщиков. С нынешнего дня, говорила резолюция совещания, будем выполнять план, как того требует тов. Каганович, чаще будем проводить хозяйственные активы, мобилизующие на выполнение плана.

Зря, конечно, тов. Кагановича не интересовало положение дел. Но в связи с массой решений по нефти, принятых наверху, накануне войны чрезвычайно участились проверки того, как идет их выполнение. Попробуем вслед за уполномоченными и контролерами пройтись по основным нефтяным районам страны.

Бакинский район

Основным районом нефтедобычи и нефтепереработки в стране по-прежнему оставался Бакинский. В январе 1940 г. было принято постановление ЦК и СНК о мерах усиления добычи и переработки нефти в Азербайджане. Через год состоялась проверка, в результате которой было признано, что оно выполняется неудовлетворительно. Только два треста — Сталиннефть и Орджоникидзенефть — выполнили план. Делался вывод, что «управление Азнефтекомбината не превратилось в боевой штаб по выполнению постановлений». Самым отстающим участком признавалось бурение. Не был выполнен план по нефтеразведке и оконтуриванию нефтеносных площадей, особенно в западном Апшероне. Плохо работали обслуживающие предприятия: трубные базы, глинозаводы, конторы по монтажу вышек, водоснабжению и др. План по разведочному бурению был выполнен на 85 %, в том числе на газовый горизонт — 62 %, по эксплуатационному бурению — 76 %. Отмечалось огромное количество аварий, главным образом из-за халатности буровых бригад (плохой уход за инструментом и оборудованием), отсутствие технического надзора, и еще добавлялось — «отсутствие большевистской бдительности». План освоения капиталовложений был выполнен на 79 %: вместо 485 млн руб. было освоено только 377 млн и, как отмечалось, по причине безответственности руководителей Наркомнефти и Азнефтекомбината, а также плохой работы строительных трестов Азнефгестрой, Азнефтезаводстрой, Азнефтегазстрой, которым присущи «организационная распушенность, консерватизм и неповоротливость». То же самое относилось к работе проектирующих организаций Азнефтепроект, Азнефтегазпроект, Бакпроект, техническо-проектным бюро трестов и предприятий. Неудовлетворительным было признано состояние строительства электростанций и подстанций в Ба-

кинском районе. Говорилось о том, что нет герметизации и плохо ведется борьба с потерями на промыслах и нефтеперегонных заводах. Причины халатности в этом деле виделись в недостаточном изучении Краткого курса истории ВКП(б).

В тресте Сталиннефть из 44 фонтанно-компрессорных установок были пущены в эксплуатацию всего 25, из 12 глубоконасосных установок — 3. В освоении скважин глубокими насосами не было сделано ничего. Не был налажен выпуск станков-качалок. Не был внедрен бесштанговый насос и все еще находился в стадии экспериментирования. В области вторичной эксплуатации скважин отмечались одни постановления. Как велись эти работы только на 5-м промысле Сталиннефти, так и продолжалось, и лишь в 1940 г. было составлено проектное задание по внедрению этого метода путем нагнетания газа в пласты в трестах Кагановичнефть и Азизбековнефть. Работа по улавливанию газов и сохранению легких погонов нефти была организована настолько плохо, что нефть из закрытых установок зачастую поступала в открытые амбары. Хотя азербайджанские тресты располагали достаточными емкостями для посортного хранения нефти, уход за ними был не налажен. Они были загрязнены и не полностью герметизированы. Многие вообще не имели крыш, что приводило к большим потерям легких погонов. Из-за неудовлетворительной работы по герметизации скважин на промыслах и заводах было потеряно около 500 тыс. т нефтепродуктов.

На установках бакинских НПЗ одновременно перерабатывалось несколько сортов нефти. На заводе им. Андреева, например, на установке № 27 перерабатывалась сураханская масляная, сураханская парафинистая и биби-эйбатская парафинистая. На установке № 40 — балаханская тяжелая с сураханской отбензиненной, в результате чего, как констатировалось в проверке, происходила порча керосина лучшего качества. Вместо установленных двух она перерабатывала шесть видов сырья. На установках № 16—17 вследствие смешения сырья не выходил авиационный бензин Б-74 из сураханской отборной и обыкновенной нефти. На установку № 51 поступали одновременно кергезская высококачественная с локбатанской смолисто-парафинистой, из-за чего срывалось получение авиационного бензина. То же самое происходило на заводе им. Сталина. И на других заводах вместо высокооктанового авиационного бензина часто производился менее качественный. Делался вывод, что причина состоит в неправильной работе нефтепроводной конторы, в нарушении ею графиков поставок нефти.

Планами на третью пятилетку предусматривалось строительство в Азербайджане четырех новых заводов по выпуску газомо-

торных компрессоров, турбобуров и электробуров, подвижных и полуподвижных станков. В первом квартале 1941 г. работы были выполнены только на 12 %. Главной причиной таких темпов назывался срыв жилищного строительства. К проектированию рабочего поселка в Наркомнефти даже не приступили. На стройплощадке находилось всего 35 человек вместо 440, намеченных по плану. Строительство новых заводов, не обеспеченное оборудованием, рабочей силой, находилось под угрозой постоянного срыва, а сроки их ввода в действие постоянно откладывались. Так, например, завода нефтегаз № 1 (Сталиннефть) — 3 раза. В результате завод работал только на 20 % мощности. На конец 1939 г. не начато было и строительство намеченных на пятилетку газолиновых заводов.

Поставка оборудования Наркомнефтью признавалась неудовлетворительной. В 1940 г. вместо 187 американских компрессоров типа «Кларк» получено 70; других типов, в том числе немецких, — вообще не поступило. Многие ведомства не полностью выделили материалы и оборудование по госплановским лимитам, в частности, Наркомчермет и наркомат электропромышленности. К тому же часть выделенных станков оказалась не той спецификации. Не выполнили план поставок заводы машиностроения. Нефтьтресты недополучили большого количества вертлюгов, фонтанной арматуры, бурильных замков, долот, глубоких насосов, кронблоков, запасных частей. Заводы Азнефтемаша не обеспечили освоение новых видов оборудования и механизмов, таких как для бурения под давлением, бесштанговых насосов, колонковых долот и проч. Говорилось о том, что фактически не велась борьба за внедрение ценных изобретений и рационализаторских предложений. Недостаточной признавалась также борьба за рост стахановского движения. Не были использованы средства, отпущенные на герметизацию скважин и раздельный сбор нефти. В результате было потеряно около 150 тыс. т газа.

В 1940 г. трест Сталиннефть должен был установить 47 фонтанно-компрессорных и глубоконасосных установок и комбайнов для герметизации промыслов, но эта работа была выполнена лишь на 20 %. Отмечалось, что не выполнялся указ об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Очень высоким был, например, брак при ремонте тракторов, в результате чего многие скважины простаивали. Ремонтные работы на скважинах также делались некачественно, вели к повторным авариям.

О том, как выполнялся указ от 26 июня 1940 г., приводились данные по Азизбековнефти. Из 5941 человека, работавших в

тресте, прогулы и опоздания за полгода допустили 949 человек, в том числе 32 коммуниста, а коммунисты Кафаров и Величко спали вместе с бригадами на своих буровых. По вине ряда коммунистов произошли сложные аварии на скважинах. Рабочее время многие руководители проводили в Баку, а не на промыслах. Отмечалась непрерывная кадровая чехарда. За 1940 г. сменилось 4 управляющих трестом, 10 директоров предприятий, 5 начальников отделов кадров.

В материалах проверок есть любопытный эпизод, связанный с последствиями массовых репрессий, правда, относящийся уже к началу войны. Суть его состояла в том, что на протяжении долгого времени в ЦК Азербайджана непрерывно поступали заявления от работников треста Сиазаньнефть о недостойном поведении первого секретаря Сиазаньского райкома Гусейнова, который, дескать, «терроризирует специалистов, занимается избиением кадров, склоками, насаждает семейственность и подхалимство». Содержались обвинения в том, что он проявляет политическую близорукость и непростительную беспечность, что тогда служило самым сильным аргументом. Дескать, на митинге в тресте, посвященном назначению Сталина председателем ГКО, «Гусейнов дал слово возвратившемуся из концлагеря троцкисту Шаумяну, снова изъятому органами НКВД как враг народа». Гусейнов якобы поддерживал связи с неблагонадежными элементами, бывшими ираноподданными, дезертирами из Красной Армии. В результате возникла склока, затронувшая все местное руководство. В ходе проверки выяснилось, что начальник конторы бурения Сиазаньнефти четыре раза привлекался к судебной ответственности за хулиганство и оскорбления, за простой вагонов с грузами, за пожар на буровой. Часть жалобщиков при изучении материалов наверху была названа клеветниками. Один из авторов писем, орденноносец, геолог и начальник промысла Саркисов, был определен как плохой работник. Проверяющие пришли к выводу, что в руководстве района сложились клановые группировки: между возглавляемой прокурором Кязимовым и начальником РО НКВД Кулиевым, с одной стороны, и Гусейновым — с другой. Но самым любопытным был результат проверки — все участники склоки были разбросаны по руководящим постам в другие районы республики.

Никак «не хотело» налаживаться снабжение продуктами. Руководитель Азербайджана Багиров в начале 1940 г. писал Сталину:

«Открытая торговая сеть и общественное питание в нефтяных районах не обеспечивают бесперебойного снабжения нефтяников и затрудняют борьбу с текучестью рабсилы и привлечения новых кадров в нефтяную промышленность...

При создавшемся положении вполне целесообразно, по примеру Донбасса и новых нефтяных районов, перевести торговлю и общественное питание в нефтяных районах на закрытый тип торговли»²⁹.

Учитывая это, а также просьбы, шедшие из всех районов, в апреле 1940 г. было издано постановление об организации закрытой торговли и общественного питания на всех предприятиях Наркомнефти, которое, однако, мало способствовало решению проблемы.

Грозненский район

Накануне войны предпринимались меры, чтобы, наконец, вывести Грозный из состояния кризиса. Но, как докладывал уполномоченный КПК по Чечено-Ингушетии А.К. Байбаков в сентябре 1940 г., в Грознефтекомбинате не были установлены очередность и приоритетность строительства новых объектов, что вело к распылению сил и средств. Было намечено строительство 66 объектов, каждый из которых не был обеспечен полностью стройматериалами, оборудованием, рабочей силой. Уже при планировании было ясно, констатировал Байбаков, что ни один объект не войдет в строй в 1940 г. Было также очевидно, что поскольку первоочередное внимание уделялось промышленным объектам, то будут резко отставать жилищное строительство, снабжение и т.п., что неизбежно сорвет нормальную работу предприятий в случае пуска. Предлагалось в срочном порядке рассмотреть вопросы о выполнении в Грозном принятых решений по нефтяной промышленности (о получении бензина из жирных нефтяных газов, о выработке высокооктановых бензинов и др).

По решению Комитета обороны СНК от 26 августа 1939 г. в Грозном предусматривалось строительство газолиновых заводов. В проверке по этому поводу говорилось, что строительство газолинового завода № 3 затягивается, что данные о получении газов с необходимыми для производства качественными характеристиками с промыслов трестов Малгобекнефть и Горскнефть — несостоятельные. Пуск газолинового завода № 2 был сорван, так как Наркомнефть не обеспечила поставку оборудования. Обнаружилась нехватка рабочих. При потребности в 1200 человек на строительстве работали в среднем 500—600, большей частью завербованные из других районов, но не обеспеченные жильем. Отмечалась неудовлетворительная организация

труда. Загрузка сварщиков составляла 30—40 %, плотников — 40—45 %, бетонщиков — 20—25 %. Делался вывод, что задержка со строительством приведет к срыву пуска газолинового завода № 4, который должен получать полупродукцию с завода № 2. На подготовительные работы по заводу № 4 отпускалось 7 млн 308 тыс. руб. Предусматривалось строительство железной дороги, водопровода, барачков, линии электропередачи. Но по существу никаких работ в 1940 г. произведено не было. Срывалось также строительство завода № 9 сугубо оборонительного значения, рассчитанного на производство твердого бензина для авиации.

План добычи нефти и газа в Грознефтекомбинате за 1940 г. был выполнен на 80 %. В результате, как говорилось, было недодано стране около 500 тыс. нефти. Самым отстающим назывался трест Горскнефть, выполнивший план лишь на 53 %. За 11 месяцев 1940 г. в комбинате произошло 1211 аварий на эксплуатационных скважинах, 211 — при бурении, длительность простоев составила 447 943 час. Общая себестоимость продукции увеличилась на 3307 тыс. руб., а перерасход государственных средств достиг 34 млн руб. Ни один объект, намеченный специальным постановлением ЦК и СНК к строительству в Грозном, трестом Грознефтистрой в 1940 г. выполнен не был. Трест Грознефтеразведка не был обеспечен снабжением продуктами питания и товарами, так как Наркомторг отказывался снабжать разведочные районы и поисковые партии, мотивируя это тем, что они находятся вне радиуса действия Наркомторга — 20 км. В результате тресту пришлось выделять средства для снабжения рабочих и служащих за счет фонда капитального строительства, что также дало увеличение себестоимости, а перерасход средств на эти цели с 1938 по 1940 г. составил 760 тыс. руб.

Как и раньше, Грозный испытывал трудности с подготовкой молодых кадров. Создание единой системы трудовых резервов и мобилизации среди молодежи привели к кампанейщине. К лету 1941 г. для Грознефтекомбината школы ФЗО намечали выпустить 2475 человек, тогда как фактическая потребность составляла 1475. То есть, учитывая текучесть среди учащихся, заранее планировалось больше, чем нужно. Более того, Главным управлением трудовых резервов при СНК планировалось завезти в республику еще около 400 человек. Между тем ни один трест комбината не был подготовлен к наплыву такого количества выпускников. Строительство общежитий для них велось вяло и не было закончено.

В управлении сказывались последствия массовых репрессий. Проверки отмечали «засорение руководящего аппарата чуждыми элементами, родственниками репрессированных». Разбиралось

дело директора Грозненского нефтяного института А.С. Смирнова, который якобы скрывал факты своего «неустойчивого поведения» в прошлом, задействуя блат и связи для продвижения. В результате он был исключен из партии и освобожден от должности за «политическую неустойчивость и колебания». В работе национальных кадров отмечались клановость и семейственность, недостойное для руководителей поведение, свадьбы по восточному обычаю, случаи пьянства. На отчетном партийном собрании одного из заводов секретарь Дидигов был настолько пьян, что не мог сделать отчет. В Малгобекском районе вместо собрания устроили пьянку. Отмечались случаи отказов от подписки на займ третьей пятилетки.

Казахстан

В Казахстане накануне войны произошло снижение нефтедобычи, несмотря на то значение, которое придавалось Эмбенскому району в планах руководства. Велось освоение новых месторождений в районе Кульсары, Косчагыл и Байчунас. Общий объем добычи по Эмбанефти в 1939 г. был по плану 800 тыс. т. Якобы было добыто 768 тыс. т, но фактическая добыча оказалась ниже, так как 190 тыс. т было списано на потери и приписки. За приписки были сняты с работы директора промыслов Косчагыл и Байчунас. Но в 1940 г. положение явно не улучшилось. Если среднесуточная добыча в 1939 г. на промыслах составляла 2024 т, то в 1940 г. упала до 1873 т. Нефти было добыто меньше, чем в предыдущем году, хотя по плану она должна была составить 1100 тыс. т. Экономсовет при СНК специально рассматривал причины и приходил к выводу, что требуется специальное постановление на самом высшем уровне о развитии материально-технической базы и обеспечении развития добычи нефти в Казахской ССР. На места беспрерывно курсировали контролеры, которые отмечали «слабую работу партийных организаций и недостаточное изучение Краткого курса истории ВКП(б)», а также «игнорирование указаний т. Кагановича», «несоблюдение технологической дисциплины, приводящее к катастрофическому обводнению скважин». По докладной записке уполномоченного КПК А.К. Байбакова также говорилось о необходимости принятия срочных мер по Эмбанефти. Но обсуждение вопроса застряло в высших инстанциях. В июле 1940 г. замнаркома Н.К. Байбаков просил ускорить обсуждение вопроса.

Констатировалось, что в эксплуатационном фонде Эмбанефти 1021 скважина, действуют 942, а нефть дают только 816. На промысле Косчагыл до 90 % скважин давали нефть с водой, в то время как изоляционно-оздоровительные работы на скважинах почти не велись. По всем промыслам Эмбанефти разведанного фонда имелось на 350 скважин, ввести в эксплуатацию в 1940 г. намечалось 304 скважины, увеличить число разведочных на 97. Но, как отмечалось, вследствие плохой организации буровых работ трестом и конторой бурения, несвоевременной подвозки обсадных труб, цемента, леса и т.д. работы идут медленно. Велико было количество простоев и аварий. В 1939 г. на Косчагыле произошла крупная авария на скважине № 61, возник пожар при фонтанировании, сгорело немало нефти, станок глубинного бурения, много другого оборудования. Общая сумма потерь составила более 1 млн руб. Говорилось, что, вместо выполнения указания т. Кагановича о недопустимости хранения нефти в открытых емкостях, произошло увеличение ее слива в земляные амбары. По этой причине на Косчагыле и в Байчунасе было потеряно 53 тыс. т нефти. Нефть загрязнялась, уходила в почву, испарялись ее светлые бензиновые и керосиновые фракции. Создавались благоприятные условия для приписок. В 1940 г. Эмбанефть не поставила нужное количество нефти Орскому крекинг-заводу, несмотря на грозные телеграммы замнаркома Н.К. Байбакова. В оправдание приводились тысячи причин, по которым задание не могло быть выполнено. Говорилось, что на завод поступает нефть с низким содержанием светлых фракций, содержит много примесей и солей. В результате завод не смог выработать даже стандартного керосина. Указывалось на то, что на Доссорском нефтепромысле в предшествующие годы произошло сильное обводнение скважин, и борьба с ним в настоящих условиях невозможна. Указывалось, что меры по наибольшему отбору жидкости, компрессорная эксплуатация и индивидуальные качалки могли бы дать рост добычи, но мешает непоставка нужного оборудования. Проверка строительства Эмбенского газолинового завода показала, что в Казнефтекомбинате «преступно безответственно отнеслись к выполнению приказа наркома Седина о проведении изысканий и выборе площадки для строительства».

Основными причинами отставания нефтяной промышленности в Казахстане признавались те же: неудовлетворительное состояние материально-технической базы, недостаток квалифицированных кадров, необеспеченность снабжением и жильем. Кроме того, как докладывал нарком Седин члену Политбюро Маленкову, Казахстан не имеет своей индустриальной базы для

развития нефтепромышленности, строительства электростанций, нефтебаз, дорог и жилья. Поэтому обеспечение нефтепромыслов велось в экстренном порядке. Для интеграции их в единое нефтяное хозяйство была построена железная дорога Гурьев—Кандагач, соединившая район с большой магистралью, но внутренний транспорт Эмбанефти находился в совершенно разбитом состоянии. Всего в тресте было 317 автомашин, работали лишь 44 %. На промысле Доссор из 109 автомашин на ходу было только 48, а технически исправных — 25. На промысле Косчагыл было 57 автомашин и 10 тракторов, но на ходу — 25 автомашин и 4 трактора. Водителей — только 28. Отмечалось, что работа транспорта никем не контролируется, происходит большой перерасход горючего. За состоянием дорог никто не следит. На высохших солончаковых озерах машины часто ломались и застревали в пути, а с приходом дождей все останавливалось. Строительство узкоколейной железной дороги, которая была рассчитана на то, чтобы связывать нефтепромыслы, не велось. Вместо 15 млн руб., предусмотренных планом, на нее было выделено только 3. Основным транспортным средством оставался верблюд. Для перевозок было мобилизовано более 1000 этих великолепных животных.

Особенно неудовлетворительными были жилищно-бытовые условия. Большинство рабочих жили в землянках или ютились в казахских аулах. Не было бань. Баня на Косчагыле не работала 9 месяцев из-за неисправности котла. Сообщалось, что в магазинах огромные очереди, нет сахара, мыла, макарон, крупы, махорки и т.п. За 1938/39 г. картофель продавали только один раз по 10 кг на руки. Рабочие днями оставались без хлеба и питьевой воды. 5 машин, имевшихся в распоряжении торга треста, рейсы делали нерегулярно, во время грязи сообщение вообще останавливалось. Только пуск водопровода Гурьев-Косчагыл ослабил напряженность с водой. Постоянно принимались решения об улучшении снабжения, но их выполнением никто не занимался. Что касается досуга и развлечений, то сообщалось, что клубы и красные уголки используются главным образом как спальни для рабочих. Кинокартины на промыслы доставляли из Гурьева на верблюдах на расстояние более 200 км.

Постоянными были огромная текучесть кадров, прогулы и опоздания. В тресте Эмбанефть в 1940 г. было 7778 рабочих и служащих, 70 % которых составляли казахи. Сообщалось, что после указа 26 июня 1940 г. стали без разбору сажать за прогулы и опоздания. Одному работнику, призванному на сборы РККА, вынесли за прогул заочно 4 месяца тюрьмы, и по возвращении он попал в кутузку. Пока разобрались, что да как, находился в заключении.

Значительная доля вины за состояние дел в комбинате возлагалась на местные партийные органы, в том числе на первого секретаря ЦК Казахстана Скворцова и председателя СНК Ундасынова. Досталось и второму секретарю Шаяхметову, который, как говорилось, «занимался присвоением государственных денег». Вместо выполнения партийных решений по нефти партийные начальники в Алма-Ате вместе с контролерами гуляли по ресторанам, брали оттуда продукты, показывая пример остальным, а уполномоченный КПК в Казахстане Джамбеков, прибыв на промыслы, вместо проверки «приставал к работницам». Отмечалось, что «местные работники плелись в хвосте бракоделов и немало их было привлечено к уголовной ответственности». В то же время отмечалась и такая черта руководства, как «иждивенческие настроения»: все работники чего-то, мол, «требуют, постоянно ссылаясь на Сталина».

«Второе Баку»

Одним из трестов «Второго Баку» был Бугурусланнефть, управление которого находилось в Чкалове (Оренбург). В 1939 г. трест вместо 40 тыс. т топлива произвел 4665 т. Убыток составил 1 млн 666 тыс. руб. История повторилась в 1940 г. В результате проверки треста было установлено, что «и наркомат, и главк, и трест, на словах признавая перспективность Бугурусланского месторождения, на деле его недооценивали, не принимали мер к устранению серьезных недостатков в его разработке, эксплуатации, в развитии комплекса производственных, подсобных предприятий и других сооружений». Что «партийные руководители (Чкаловский обком и Бугурусланский РК) пребывали в состоянии самодовольства и самоуспокоенности, равно как и работники треста». Между тем отмечалось, что небольшая глубина залегания пластов, высокие начальные дебиты скважин, наличие железной дороги и технической воды создавали благоприятные условия для нефтедобычи в тресте. На 1941 г. был утвержден план добычи 500 тыс. т, т.е. увеличен многократно, запланировано 35 тыс. м эксплуатационного и 25 тыс. м разведочного бурения. На самом деле делался вывод, что ввиду плохого состояния оборудования, низкой дисциплины не было создано никаких условий для достижения этих цифр. Более того, возникла угроза выполнения даже установленного Наркомнефтью плана в 333 тыс. т. Оправдываясь в срыве плана, администрация Бугурусланнефти писала, что у них долго не было постоянного нефтепровода, сборных коллекторов, достаточного

количества емкостей, что вместо 15 буровых станков поступило 7, что осваивать район приходилось в глухой степи на протяжении 20 км, причем в тяжелых зимних условиях. Тресту была оказана помощь: прислано 5 станков, большое количество труб, оборудование, тракторы, автомашины. Однако следующая проверка показала, что работы ведутся неудовлетворительно, что строящийся нефтепровод в Калиновке так и не готов к сроку.

Такое положение было свойственно не только Бугуруслан-нефти. Проверками отмечалась плохая работа всех трестов Башнефтекомбината, т.е. на территории Башкирской АССР, управление которого находилось в Уфе. В 1940 г. комбинат вместо намеченной прибыли в 31,5 млн руб. дал убыток в 35,5 млн руб. Тем не менее в результате выполнения программы трестами Ишимбайнефть и Туймазанефть всего лишь за один месяц Башкирский обком вынес решение о зачислении нефтяной отрасли республики в число передовых. Особенно плохо работали строительные тресты: Башнефестрой, Уфимнефестрой, Башнефтегазстрой.

Трест Ишимбайнефть выполнил план 1940 г. только на 60 % и дал 1400 тыс. т нефти вместо 2300 тыс., но, как отмечалось, Наркомнефть вступил на путь потворствования замедлению темпов и снизил план на 1941 г. до 1750 тыс. т. В 1941 г. трест продолжал не выполнять эти заниженные планы. Из 497 скважин простаивали 70. План по разведочному бурению был выполнен на 77 %, эксплуатационному — на 75 %. За два месяца 1941 г. произошло 369 аварий по причинам обрыва труб, но гораздо чаще — глубоконасосных штанг. Обрывы объяснялись «усталостью металла» и «действием сероводорода на штанги». На самом деле никто в тресте не занимался вопросами транспортировки и хранения штанг. Штанги в беспорядке сбрасывались из вагонов, лежали под снегом, по ним ездили на тракторах с грузом. Оргпростои в тресте составили 20 % рабочего времени, отмечался острый недостаток подъемников.

Особое внимание контролеров привлекал Уфимский НПЗ, входивший в трест Ишимбайнефть, но находившийся под бдительным оком высшего начальства. В результате проверки в марте 1941 г. была составлена справка о неудовлетворительной работе завода: за 1940 г. он дал только 55 % плана, а по моторному и авиационному бензину и того меньше — 32 и 30 %. Объяснение причин такого положения давал руководству страны сам нарком Седин, указывая на затянувшееся освоение первого в Советском Союзе четырехпечного крекинга системы Луммус; разрыв в строительстве производственных объектов и пароэнергетического, подсобного хозяйства, жилищно-бытовых

объектов; трудности переработки сернистых и засоленных нефтей «Второго Баку», приводящие к коррозии аппаратуры, частой смене, особенно теплообменных пучков, и сокращению пробега установок.

Намечались срочные меры для вывода завода из прорыва. Сделали смену руководителей, в том числе директора и главного инженера, управляющего треста Уфимнефтезаводстрой. На завод были направлены ответственные работники Наркомнефти. Но положение на заводе не улучшалось вплоть до начала войны. Согласно постановлению ЦК и СНК, принятому в январе 1940 г., в течение года должен был введен в строй изооктановый цех, но спустя год и позже ситуация оставалась почти без изменений. Не было выполнено постановление о строительстве алкилированных установок: вместо трех в мае 1941 г. строились только две, причем окончание строительства было намечено на 1942 г. Больше всего проблем на заводе было связано с комбинированной установкой Луммус. Она должна была давать 60 % годовой продукции завода и вырабатывать 3060 т нефтепродуктов в сутки. Но через семь месяцев после начала работы было достигнуто только 40 % от намеченной цифры. Виновниками отставания в освоении установки были названы студенты нефтяного института, проходившие практику на заводе и не имевшие опыта. Интересно, кто же доверил им такое ответственное дело и почему? А так, как говорилось, закончили практику, ушли, пришли другие, такие же. Были названы и другие причины. Хваленый соцгород для НПЗ, о котором шумели газеты, получился совсем неустроенным. На 15 тыс. населения не было бани, поликлиники, яслей, кинотеатра, предприятий бытового обслуживания, керосина, питьевой воды.

Проверка того, как выполняется на заводе указ от 26 июня 1940 г., показала, что в январе 1941 г. было 22 прогула, в феврале — 36. О том, какая на заводе была дисциплина, говорят следующие свидетельства:

«...В один день обход дежурного по заводу установил, что на гидрогенизационной установке цеха № 3 спали на вахте оператор Асланов и его помощница Десяткина, на асфальтовой установке оператор Шилоносов и его помощница Дунюшкина, в ремонтной мастерской — рабочие Смеленков и Токарев. Директор завода Поляков вместо того, чтобы отдать нарушителей под суд, ограничился взысканием...

Инженер Балавин по халатности отправил с завода цистерну с неслитым каустиком, в котором была острая необходимость...

Оператор атмосферно-вакуумной трубчатки Соловьев не проверил поступление воды в конденсатор стабилизатора, отчего вода в трубопроводе замерзла и трубопровод порвало...

Начальник асфальтовой установки Коротенко, не проверив наличие воды в кубе, разрешил закачать в него горячий продукт, в результате куб вышел из строя...

Главный механик завода Шикоян и механик крекинг-установки Иоселевич из-за пренебрежения предупредительным ремонтом горячих насосов допустили две аварии, после чего пришлось остановить установку на длительный ремонт...

На установке реформинга прогорела труба из-за самовольного изменения режима температуры. Зная об этом, начальник цеха Бикбов не принял меры. Получилась авария с простоем 17 часов, приведшая к сокращению выпуска высококачественного бензина...»

Таких примеров было множество. Одной из виновниц низкого состояния дисциплины называлась охрана завода, которая не была организована. Говорилось о том, что на завод «валят кому не лень» с мешками и чемоданами. Помимо главного входа существует еще много лазеек. Одна из них была совсем рядом с бюро пропусков. Все это расценивалось как «притупление классовой бдительности».

В тресте Туймазанефть отмечался постоянный рост потерь на крекинг-заводе и на Ишимбаевском НПЗ (в 2 раза по сравнению с 1938 г.). В ноябре 1940 г. на последнем назначен был новый директор Бушаев. Отчитываясь о своей работе за несколько месяцев, он начал с того, как увеличились цифры под его руководством, но все равно оставались ниже плановых. «Где ж тут подъем?» — писала местная газета. Директор крекинг-завода Жуков был арестован в 1940 г. и назначен новый директор Рябчиков. Его проверяли на предмет исполнения указа Президиума Верховного Совета от 10 июня 1940 г. об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции. Например, были привлечены к ответственности главный инженер завода Загриценко и начальник очистного отдела Дробышева, после чего якобы выпуск недоброкачественной продукции на заводе уменьшился. Но в целом в работе треста отмечались декларативность и заседательская суетня.

Управление Башнефтекомбината во главе с Мироновым подвергалось постоянной критике. Говорилось о том, что в штате 416 специалистов с высшим образованием, но только 68 из них работают на промыслах и 66 на нефтезаводах, а 60 % сидят

в управлении и аппарате трестов. При этом происходила постоянная кадровая чехарда. В трест Башнефтьстрой было прислано из главка 30 руководящих работников, но через несколько месяцев 21 из них были уволены, в том числе арестованные органами НКВД «за расхищение социалистической собственности» или по другим причинам. Другие были уволены, потому что оказались «форменными проходимцами». Отмечалось, что в комбинате маломощная разведка, а в Башгеологотресте совсем мало специалистов и основные силы находились в Москве в Главгеологии.

Для ликвидации многих недостатков в Башнефтекомбинате в 1941 г. в Уфу из Наркомнефти была выслана бригада во главе с замнаркома Н.К. Байбаковым.

Накануне войны как один из самых перспективных районов для развертывания промышленности, в том числе нефтяной, рассматривалась Куйбышевская область, а трест Сызраньнефть как «одна из точек крутого поворота в освоении Второго Баку, внедрения новой техники во все отрасли нефтяного производства». В промышленное строительство области на 1941 г. планировалось вложить более 1 млрд руб. Намечалось строить нефтепровод Ставрополь—Батраки—Сызрань, Сызранский нефтеперегонный завод, долотный и газокompрессорный заводы, техникум и другие объекты. Планы, однако, систематически не выполнялись. Кагановичу сообщали в 1939 г. со Ставропольских промыслов Куйбышевской области: «на промысле 250 человек. Рабочие живут в отвратительных условиях. У них нет столовой, клуба, ясель, никакой медицинской помощи... Нет также специальной торговой точки для нефтяников. Вот почему с промыслов уходило по 150 человек в месяц... Все присланные из Сызрани коچهгары ушли»³⁰.

Огромная текучесть рабочих, главным образом из-за отсутствия жилья, отмечалась на всех предприятиях нефтедобычи Востока. «На протяжении многих лет, — сообщали в центр из Куйбышева в 1939 г. — жилищное строительство велось совершенно безобразно, прирост жилой площади совершенно ничтожен. Вторая причина отставания — отсутствие какой-либо подготовки вновь приходящих рабочих. Руководители предприятий и трестов посылают в буровые бригады или бригады по добыче вчерашних колхозников без какого-либо инструктажа». При таких условиях, естественно, бригады становились проходным двором³¹.

В 1939 г. в Сызраньнефти вместо 200 тыс. т по плану было добыто 171 тыс. т, т.е. 85 %. На следующий год задание было удвоено, но дело шло своим чередом и выполнено было чуть

больше 50 % плана, причем по разведочному бурению — на 46 %, по эксплуатационному — 53 %. В результате Наркомнефть понизила задание на 1941 г. до 297 тыс. т, подвергшись критике за «слабый» план, не мобилизующий нефтяников на выполнение заданий. Проверяющие констатировали, что в Сызраньнефти «не принимаются меры по наведению большевистского порядка на промыслах». В одной из проверок в середине 1940 г. отмечались простои, рост аварийности, отвратительное состояние подсобного хозяйства (транспорт, паросиловое хозяйство). Если в 1938 г. было зарегистрировано 157 аварий, то в 1939 г. — 375 и только за первую половину 1940 г. — более 300. На нефтекачке — запущенный котельный цех, котлы парят, везде сырость и грязь и огромные потери пара. Там же, не проработав и двух месяцев, вышел из строя новый насос, создав угрозу остановки нефтепромысла. На многих скважинах отсутствовали вышки, которые строить некому и нечем. Борьба с обводнением скважин и проведение изоляционных работ, по сути, игнорируется. В таком же положении находится вопрос о деэмульсации, так как деэмульсионная установка не устроена. По всей территории промыслов в беспорядке валяются трубы, штанги, другое оборудование. Строительство нефтепровода фактически провалено. Говорилось о том, что администрация все это безобразие видит, но никаких мер не принимает. Из года в год Сызраньнефть несла колоссальные убытки, которые за 1939 и 1940 гг. превысили 4 млн руб. На их покрытие главным было отпущено 3,5 млн руб. Но, как отмечалось, вместо реальной помощи Наркомнефть взяла курс на частую смену руководства. За три года сменилось 5 управляющих треста, а те, в свою очередь, устраивали кадровую чехарду в смене руководства контор и инженерно-технического персонала. Строительство Сызранского НПЗ началось в начале 1939 г. Первая очередь его мощностью 500 тыс. т должна была вступить в строй в середине 1941 г. Проверка хода работ показала, что сделать это совершенно нереально. На конец 1940 г. из средств, ассигнованных на строительство первой очереди, было освоено лишь 6 %, причем по причине нераспорядительности происходило постоянное удорожание строительства. На протяжении двух лет оно четыре раза передавалось Наркомнефтью из одного треста в другой. Соответственно менялись начальники и персонал. Не лучше складывалось положение на строительстве завода буровых инструментов, где к промышленному строительству даже не приступили, освоив только 12 % средств на подготовительные работы. На строительстве газокomppressorного завода ситуация была еще хуже. Там за два года было освоено только 4,8 % средств. Н.К. Байбаков раз за разом

докладывал о принятых мерах, но сообщения из треста продолжали приходить неутешительные. Добыча снижалась и в 1941 г. Главной причиной было быстрое обводнение месторождения. Приезжали на место шесть различных комиссий, но, как говорилось, их выводы, что в результате царящей кадровой чехарды за развал работы ответственности никто фактически не несет, не дали положительных результатов. Делались крутые выводы в отношении Куйбышевского обкома и местных парторганизаций, якобы устранившихся от выполнения важнейшего государственного дела. На самом деле было принято немало бумажных решений: усилить, поднять, через некоторое время, снова усилить, поднять и т.д.

Не лучше обстояло дело в других трестах «Второго Баку». В 1940 г. весь район, включая Бугурусланское, Ишимбаевское, Туймазинское, Сызранское, Краснокамское, Северокамское и другие месторождения, дал всего 1,8 млн т нефти. При тех капиталовложениях, которые были направлены на развитие «Второго Баку», следовало бы ожидать большей отдачи.

Дальний Восток

Главным производителем нефти на Дальнем Востоке был трест Сахалиннефть, подчиненный Главнефтедобыче Востока. Отдельного управления нефтяным хозяйством в районе не было до создания Дальнефтекомбината с центром в Хабаровске. Сахалиннефть объединяла три промысла — Охинский, Эхабинский и Катангли. Кроме того, в трест входили 15 «самостоятельных хозрасчетных контор», обслуживающих промыслы (бурения, геолого-поисковая, строительная, транспортная, лесозаготовительная, электроток и др.). Трест имел 2 резервуарных парка емкостью 300 тыс. т. Один — в районе Охи на восточном побережье, другой — в районе Москальво на западном. Между ними был протянут нефтепровод. Транспортировка нефти на материк осуществлялась Нижнеамурским речным пароходством с помощью нефтеналивных барж. Эхабинское месторождение по качеству и количеству нефти рассматривалось как имеющее огромное значение для экономики Дальнего Востока и укрепления его обороноспособности. Эхабинская нефть содержала 40—50 % бензиновых фракций, причем для всех сахалинских промыслов было характерно неглубокое залегание нефтяных пластов.

Как и в других местах, развитие нефтедобычи на Сахалине шло крайне медленными темпами. В 1939 г. только Оха выполнила план, тогда как на Эхаби его выполнение составило 89 %,

а в Катангли — всего 15 %. Причиной срыва называлось бурение. Проверка показала, что в этом году не было пробурено новых скважин. Использование буровых механизмов оценивалось как «преступное». Новые буровые станки сразу пришли в негодность и выведены из строя. На Эхабинском промысле, где положение было лучше, из 18 годных к работе станков — 8, но фактически работали 4, остальные лежали на свалке. Буровые трубы и инструменты находились в плачевном состоянии. Сообщалось, что «никто не знает, сколько проработали трубы, что приводит к большим авариям». Так, в Эхаби «на скважине № 23 авария ликвидируется уже пять месяцев, и никто не знает, когда же скважина вступит в строй. То же самое на скважине № 14». Кроме того, отмечалась масса мелких аварий. Трубопроводы для нефти и воды при подготовке на зиму остались неотепленными. С наступлением холодов это привело к их замерзанию и простоям скважин. На Охе по этой причине не было получено 6 тыс. т нефти. На Эхаби был сорван график промывки скважин. В результате понизился их дебит, а часть вообще вышла из строя. В результате — недополучено 8 тыс. т нефти. Говорилось о том, что бездействующие скважины простаивают годами. Так, «на Охе бездействуют 64 скважины. От песка и минералов скважины не очищаются. Организация труда и дисциплина — в отвратительном состоянии». Отмечалось неправильное использование квалифицированных рабочих, необеспеченность их материалами, отсутствие механизации и т.д., которые «снижают производительность труда, а с нею и заработок». Так, у котельщиков, работавших на резервуарах, 50 % рабочего времени уходило на подтаскивание листов котельного железа. Говорилось о том, что «по приказу т. Кагановича на Охинском промысле ведется строительство ямы-амбара, но мерзлый грунт выбирается вручную, причем рабочие не обеспечены даже лопатами и приносят из дома свои. Рабочие совершенно не знают, за что они работают». Перевод на сдельную оплату на промыслах в Охе привел к тому, что многие не выполняли нормы, то же самое произошло на других промыслах. За прогулы и опоздания в 1939 г. в тресте было уволено более четверти работающего состава, в том числе на Эхаби — 70 %, на Охе — 50 %. Отмечалось, что руководители покрывают прогульщиков. Инженер электростанции Королев из-за пьянки три раза опоздал на работу, на четвертый день совсем не вышел, а начальник Гордеев оформил ему отпуск задним числом. Начальник депо транспортной конторы коммунист Нуждин обыкновенно выходит на работу пьяным, но в ответ на жалобы рабочих начальник конторы Махин просто отмахивался. Сообщалось о коллективных пьянках с участием начальства.

Частыми были уходы с предприятий раньше времени. Говорилось о том, что борьба с нарушениями дисциплины в тресте не ведется, так как существуют затруднения с кадрами. Особенная неукомплектованность рабочей силой наблюдалась на промыслах. На Эхабинских промыслах производственных рабочих было чуть более половины от нужного числа.

Рабочие промыслов находились в жутких бытовых условиях. На Эхаби 70 % занятых не имели жилья и снимали его в Охе за 12 км от промысла, совершая ежедневный пешеходный рейс 24 км. Правда, говорилось, что руководящий персонал, оставив семьи в Охе, живет в маленьких и грязных комнатах по 5—6 человек, где подчас не имеет даже койки. В общежитиях, где в большинстве жили демобилизованные красноармейцы, «холодно и грязно. Спят в шубах и шапках. Постельные принадлежности не меняются и не стираются 2—3 месяца, стали черного цвета. Умывальников нет, сушилок для спецодежды нет. В столовой огромные очереди». То же самое наблюдалось на других промыслах. Естественной была огромная текучесть. В 1939 г. было принято на работу в трест 2132 человека, уволились 2700. Из числа завербованных в Оху в годы первой пятилетки там осело только 29 человек, в годы второй — 161 человек. Сезонный завод рабочей силы на Сахалин оказался крайне невыгодным. В 1939 г. из Татарии и Орловской области по договору на 6 месяцев было завезено 774 человека. На их доставку было затрачено более 1 млн руб., причем большую часть договорного срока они провели в пути.

Совершенно отсутствовали нормальные условия труда и техника безопасности. Работая все время на холоде, имея дело с тяжестями, при отсутствии спецодежды, люди получали травмы и часто болели. В 1939 г. было зарегистрировано более 600 несчастных случаев и потеряно примерно 6 тыс. человеко-дней. Отмечалось, что в тресте среди рабочих 27 % стахановцев и ударников и «руководством стахановским движением никто не занимается».

Самым «узким местом» был систематический невывоз нефти с острова. В результате Хабаровский крекинг-завод вынужден был простаивать 2—3 месяца в год. В 1938 г. добыча нефти на Сахалине составила 361 тыс. т, но половина ее осталась невывезенной. Сообщалось, что «невывезенная нефть заливается в открытые амбары и теряет свое качество». Чтобы как-то выйти из положения, в 1940 г. у японской Сахалинской нефтяной концессии (о ней будет особый разговор) было арендовано на 100 тыс. т нефтяных емкостей, что потребовало больших затрат государственных средств. Были большие простои нефтеналив-

ного флота из-за отсутствия угля. Сверху было получено указание перевести на нефтетопливо 13 буксиров, но форсунки и вентили для этого не были изготовлены. Благовещенская судостроительная верфь и Хабаровский судоремонтный завод не обеспечили поступление нефтебензиновых барж. Строительство нефтемембранной емкости для Комсомольского завода не было даже начато. На строительство привезли 220 т металлоконструкций, которые сбросили, как попало, в 2 км от места сборки среди сплошных марей и пней, где не было дороги. Механизмов для установки емкостей не поставили. Вместо 800 человек, необходимых для этого, на прокладке узкоколейки и нефтепровода работали всего 170, занятых преимущественно на вспомогательных работах.

На Иннокентьевской перевалочной базе строительство почти заглохло. Имелось только 2 резервуара, установленных еще в 1935 г. Присланные для установки 4 резервуара оказались с большими дефектами: один — ранее горевший, другой — без крышки, третий — гнутый и покореженный, четвертый требовал ремонта. Говорилось, что прежний руководитель базы был арестован как вредитель, а нового не прислали. Никто не хотел брать такую базу на свой баланс: ни директор Хабаровского завода Лебедев, ни начальник Крайнефлесбыта Крупеник, что еще больше усугубляло положение. В титульный список база оказалась не включенной, и банк не финансировал строительство.

Непоставка нефти и нефтепродуктов сказывалась на положении населения, на боеготовности Дальнего Востока. Потребность созданного Тихоокеанского флота в жидком горючем определялась на 1939 г. в 320 тыс. т, но в наличии на складах оказалось только 73 тыс. т, 1-й Особой Красной Армии требовалось 160 тыс. т нефтепродуктов, в наличии было 59 тыс. т. Комитет обороны СНК постановил форсировать строительство складов горючих и смазочных материалов. Был образован трест Владнефтестрой, который представлял собой строительный трест, переброшенный из Махачкалы. На организационный период ушло несколько месяцев, и, упустив благоприятное время, только с наступлением дождей трест начал строительные земляные работы. Ни одного резервуара не было сдано в эксплуатацию. От строительства подъездных путей трест отказался, ссылаясь на отсутствие специалистов. План был по существу сорван. Одновременно происходила кадровая неразбериха, сменилось 3 управляющих, 4 главных инженера, 10 из 20 начальников стройучастков. Отмечалось, что «работники не имеют допуска к секретным документам, на их оформление уходят месяцы». На строительстве работали 1214 человек при потреб-

ности в рабочей силе в 5700 человек. За 6 месяцев уволились 2575 человек завербованных. Простой людей и техники, особенно автомашин, коэффициент использования которых составил 0,26.

Нефть и ГУЛАГ

Испытывая недостаток рабочей силы для освоения новых районов и строительства производственных объектов в северных, труднодоступных, отдаленных и малонаселенных районах, сталинское руководство решило шире использовать для этих целей принудительный труд заключенных. В 1930-е гг. в стране оформляется и ширится сеть исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), подчиненных Главному управлению лагерей (ГУЛАГу). Часть лагерной рабочей силы использовалась на нужды нефтяной промышленности, особенно там, где обнаруживался острый недостаток в рабочих. На основе контрактов с лагерной администрацией заключенные работали на строительстве бензохранилищ и других объектов на Дальнем Востоке, на Эмбенских нефтепромыслах и т.д. Особенно усилился производственный уклон в деятельности ГУЛАГа накануне войны, когда в этой системе были образованы специальные производственные управления.

Районом, где с самого начала промышленное освоение, в том числе месторождений нефти, должно было строиться на основе лагерной системы, была территория Коми АССР, где давно было известно о выходах нефти. Осенью 1930 г. было открыто месторождение легкой нефти в Чибью (позднее переименованного в Ухту), которое имело промышленное значение, в 1932 г. — Ярегское.

К 1937 г. объем бурения на нефть в районе достиг 64 тыс. м. Если в 1931 г. объем добычи нефти составлял всего 250 т, то в 1937 г. он достиг 51 тыс. т, которые добывались заключенными Ухтижемлага НКВД, которые одновременно должны были «исправляться» в процессе труда. В лагере регулярно выходила газета с многозначительным названием «Вышка» под девизом: «За перевоспитание лагерных масс».

Возникла идея созданию на основе лагеря новой нефтяной базы Союза на Крайнем Севере, а также добычи радия из радиоактивных вод. Кроме того, в районе было открыто крупное месторождение газа, в составе которого был обнаружен (наряду с метаном) газ гелий, представлявший особый интерес для промышленности СССР. Свой вклад в усиление внимания к райо-

ну внесли военные, так как Ухтинский район рассматривался как наиболее безопасный в оборонном отношении.

Геологические изыскания в районе показали, что Чибьюкское месторождение содержало легкую нефть типа грозненской с большим количеством светлых продуктов, Ярегское — тяжелую, малоподвижную, вязкую нефть с высоким удельным весом. Ее добычу намечалось вести с помощью первой в СССР рудничной шахты, а ее строительство становилось первоочередной задачей Ухтижемлага, а попутно — добывать легкую нефть в размере примерно 15 тыс. т. Кроме того, на лагерь возлагалась добыча радия из радиоактивных вод — уникальный в мировой практике случай. Вода извлекалась буровыми скважинами глубиной 500—600 м при помощи компрессоров высокого давления. Площадь распространения вод признавалась весьма обширной, охватывавшей всю ухтинскую нефтеносную складку вплоть до Тиманского кряжа. Запасы воды оценивались приблизительно 1 млрд куб. м при содержании примерно 3 кг радия³².

В 1940 г. был подготовлен проект специального постановления ЦК и СНК о развитии нефтепромышленности Коми, подписанный совместно руководителем Госплана Вознесенским и главой НКВД Берией³³. Постановлением предусматривалось, что НКВД должен произвести до конца 1942 г. геолого-поисковые и разведочные работы в ряде районов Коми АССР на площади примерно 20 тыс. кв. км. Особенно интенсивно они должны были вестись в районе Верхней Ижмы. Намечалось пройти разведочным бурением — 425 тыс. м, в том числе в Верхнеижемском районе — 142 тыс., в Вымском — 108 тыс., Ухтинском — 76 тыс., Печорском — 40 тыс. т. Немедленно на место направили 4 геофизические (1 сейсмометрическая) партии, а в 1941 г. — 13. Предполагалось заснять районы аэрофотосъемкой. Упор делался на освоение шахтного метода добычи тяжелой нефти и создание новых нефтепромыслов. Тяжелая ухтинская нефть рассматривалась как сырье, необходимое для производства качественных лаков и красок, идущих, прежде всего, на нужды военной промышленности. Эксплуатационное бурение намечалось довести до 437 тыс. м, в том числе по новым районам — до 319 тыс. м, а общий объем добычи довести к 1944 г. до 950 тыс. т, в том числе шахтным способом — 500 тыс. т. Намечалось построить крекинг-завод в Ухте, Ухтинскую электростанцию, цементный завод. Для этих целей импортировались две турбины и два котла. В районе В.-Ижмы было открыто крупное месторождение газа. Намечалось силами лагеря строительство газопровода Ухта-

Крутая. Наркомату общего машиностроения предписывалось сделать для Ухтижемлага специальные бурильные станки, Наркомзему — отвести в распоряжение лагеря земли промышленного и жилищного строительства и поставить 500 лошадей. Предусматривалось сверхлимитное выделение средств. Кроме того, в распоряжение лагеря направлялось: инженеров-геологов — 30 человек, геофизиков — 5, промысловиков — 30, технологов — 5, горных инженеров для шахтного строительства — 20, инженеров-электриков — 15, инженеров-строителей — 35. За ИТР, направленных на стройку, бронировалось прежнее место жительства. Обеспечивался дополнительный завоз продовольствия, вещевого довольствия и ларьковых товаров. Персоналу лагеря, как работавшему в тяжелых и северных условиях, назначались льготы и повышенные оклады³⁴.

Планы в отношении лагеря росли. На 1942 г. Госплан запланировал строительство сажевого завода в Ухте, а в перспективе намечалось строить газопровод Ижма—Соликамск—Молотов—Ижевск параллельно с прокладкой автомобильного тракта. Особой целью этого строительства было обеспечить топливом оборонные заводы г. Молотова (Пермь): № 172 НКВ, № 19 НКАП, № 10 НКБП и г. Ижевска: № 3, № 71, № 180³⁵.

На 1941 г. лагерь намечал произвести 250 тыс. т нефти, но фактическая добыча в 1940 г. составила около 70 тыс. т.³⁶ То есть и здесь наблюдалось резкое отставание от плановых цифр, хорошо показывающее «эффективность» принудительного труда. Тем не менее, как видим, ГУЛАГ брался за решение крупных народно-хозяйственных задач.

Накануне войны ГУЛАГовская система распространилась на большие территории, но и сама обросла хозяйством, требующим все большего количества нефтепродуктов. Особенно наглядно это было видно на примере Дальстроя — системе лагерей на Дальнем Востоке. Для их обслуживания намечалось строить НПЗ в бухте Нагаево (Магадан) производительностью 350 тыс. т нефтепродуктов, второй завод — во Владивостоке. Постановлением Экономсовета при СНК в январе 1940 г. строительство завода в Магадане возлагалось на Дальстрой НКВД, завод во Владивостоке намечалось строить на договорных началах ГУЛАГу НКВД вместе с Наркомнефтью³⁷. Для их строительства требовалось 532 млн руб. Намечено было также строительство нефтепровода Оха — с. Софийское на Амуре через пролив Невельского длиной 630 км, который рассматривался как 1-я очередь нефтепровода. Его планировалось завершить к

концу 1941 г. 2-я очередь — от с. Софийского до Комсомольска-на-Амуре — была намечена на более поздние сроки. Потребность в трубах, необходимых для нефтепровода, намечалось удовлетворить за счет закупок в Германии и США. Строительству придавалось исключительное оборонное значение и возлагалось на ГУЛАГ НКВД. Нефтепровод ударными темпами строился уже в годы войны. О том, как это происходило, рассказывается в духе социалистического реализма о перевоспитании заключенных в одном из самых популярных романов советского времени Василия Ажаева «Далеко от Москвы».

Нефть и советско-германский пакт 1939 г.

Одним из главных потребителей советской нефти традиционно была Германия. Но здесь СССР постоянно теснили конкуренты. С приходом Гитлера к власти условия для экономического сотрудничества осложнились. Первым его намерением стало вытеснить с рынка наиболее ненавидимых им большевиков, которые продолжали поставлять нефть в Германию и даже построили здесь свою сеть бензоколонок. Последовал приказ: «Разорить осиное гнездо!» Если в 1932 г. в Германию вывозилось 540 тыс. т нефти, то в 1938 г. только 26 тыс. т.

Чтобы как-то обезопасить страну перед лицом германской агрессии, Сталин счел необходимым сблизиться с нацистским режимом. В августе 1939 г. был заключен пакт о ненападении между СССР и Германией, а в сентябре 1939 г. германские войска вторглись в Польшу. Началась Вторая мировая война. Советский Союз принял участие в разделе Польши. Советские войска заняли Западную Украину, на территории которой находился Галицийский нефтяной район. В 1938 г. Польша добывала в этом районе 507 тыс. т нефти, вчетверо меньше чем Австро-Венгрия в 1909 г., когда ей принадлежала Галиция. Оборудование на промыслах было старое и изношенное, намного хуже, чем в СССР. Центром нефтедобычи был г. Борислав, а в Дрогобыче находился нефтеперегонный завод, разрушенный немцами при нападении на Польшу. На присоединенной территории был образован советский трест Укрнефтегаз, включенный в состав созданного Укрнефтекомбината. В 1940 г. он дал 396 тыс. т нефти и газа. Между тем территория страны на Западе существенно выросла. Снабжать нефтепродуктами пришлось не только Западную Украину, но и другие присоединенные районы, в том числе Западную Белоруссию, Прибалтику, Мол-

давию, создавать в них новые укрепленные районы, нефтебазы. Война с Финляндией зимой 1939/40 года обнаружила явные слабости в снабжении Красной Армии.

Следствием германо-советского пакта в августе 1939 г. стало возобновление связей с Германией. Более того, Советский Союз, заключив в феврале 1940 г. соглашение с Германией об экономическом сотрудничестве, внес свою лепту в возрастание ее военной мощи, поставляя нефть, сырье и сельскохозяйственные продукты. В 1940 г. поставки нефти в Германию достигли 657 тыс. т. Для поставок нефти была использована старая сеть, остатки которой сохранились от прежних времен, включая бензоколонки. Эшелоны с нефтью следовали на запад даже в момент нападения Гитлера на Советский Союз.

Расширились планы закупок в Германии нефтяного оборудования, сотрудничества с германскими фирмами. Так, компании «Борзиг» намечалось привлечь к строительству объектов на Дальнем Востоке, закупить трубы и другое оборудование, но немцы, понимая, что дело идет к войне, не спешили к разрыву сотрудничества. В то же время гитлеровское руководство с вожделием смотрело на запасы нефти в Советском Союзе и решение напасть на нашу страну строилось с учетом этого обстоятельства.

Общая ситуация с нефтью в стране накануне войны

Уже говорилось о том, каким было положение с нефтью в отдельных районах. Везде отмечается одно и то же: завышенные планы и систематическое их невыполнение. Не были исключением другие объединения и тресты. Все это сказывалось на ситуации с нефтью в целом по стране. О том, каким оно было, бесстрастно свидетельствуют сухие цифры статистических отчетов, и особый интерес вызывает отчет Наркомнефти за последний предвоенный 1940 г., где рядом стоят плановые и действительные показатели³⁸. По плану капитальные вложения в отрасль должны были составить в этом году 2036 млн руб. (в ценах 1936 г.), на самом деле они составили 1369 млн руб., т.е. были выполнены на 63,7 %, в том числе по строительно-монтажным работам — 59,4 %, по строительству скважин — 68,8 %. Рост основных фондов отрасли составил 1154 млн руб. вместо 1621 млн руб. по плану, в том числе план по нефтескважинам был выполнен на 74 %, по крекингам — 71,4 %, нефтепроводам, которых было построено 477 км, — 63,9 %, по нефтебазам —

63,9 %, по турбинам — 0. Только на 23,8 % был выполнен план добычи озокерита. Немного быстрее росла нефтепереработка по сравнению с нефтедобычей, достигнув примерно 40 % всех капиталовложений на конец 1940 г.

Строительство жилья составило 33,5 % плана (причем из построенных 72 тыс. кв. м приходилось на временные сооружения, т.е. бараки — 58 тыс. м), детских садов — 30,1 %, детских яслей — 21,9 %. Отмечалось крайнее напряжение с жилищно-бытовой сферой, особенно на периферии. Указывались факты незаконного капитального строительства за счет оборотных средств в размере 6,7 млн руб., за счет чего было построено объектов на сумму 3,6 млн руб. Отмечалось, что выработка по строительству объектов хозспособом (за счет предприятий) значительно ниже.

Недостаток оборотных средств составил 212 млн руб., в том числе в нефтедобыче — 13,2 млн руб., в нефтепереработке — 33 млн, в сбыте — 97,8 млн, в строительстве и бурении — 94 млн. Только в машиностроении образовался излишек в 3,5 млн руб. за счет незавершенного строительства машиностроительных заводов. Общий же недостаток покрытия собственных оборотных средств исчислялся суммой 370,6 млн руб. Одновременно при остром недостатке оборотных средств сверхнормативные запасы в отрасли составили 158,8 млн руб.

Говорилось о том, что Наркомнефть по сути завязла в строительстве, которое поглощало все больше средств, вызывая невыполнение планов и цепочку отставаний по всем видам работ. Выполнение плана по товарной продукции было еще ниже, чем по валу, из-за незавершенного строительства.

Отмечалось фактическое проедание оборотных средств. Причиной этого было не только незаконное капстроительство, но и перерасход по себестоимости — 142 млн руб., убытки от списания безнадежных долгов, непроизводительные расходы и штрафы, недостача материальных ценностей на сумму 19 млн руб. (т.е. разбазаривание и воровство). Штрафы по сбытам и снабдам составили 72,7 млн руб.

Себестоимость 1 т продукции, исчисленная по наркоматскому методу, составила 20,99 руб. вместо 18,87 руб. по плану. Этот показатель служит измерением всей суммы затрат Наркомнефти, включая стоимость сырья и вспомогательных материалов, накладные расходы, заработную плату, затраты на амортизацию основных фондов. Различия в себестоимости производства в отрасли были следующими (стоимость 1 т продукции в руб.):

| | |
|------------------|--------|
| Азнефтекомбинат | 16,94 |
| Грознефть | 32,94 |
| Майнефть | 17,47 |
| Башнефтекомбинат | 23,26 |
| Казнефтекомбинат | 49,84 |
| Дальний Восток | 65,15 |
| Волжские тресты | 62,25 |
| Грузнефть | 236,46 |
| Туркменнефть | 15,63 |
| Ворошиловнефть | 66,79 |
| Калининнефть | 111,90 |
| Туркменозокерит | 125,88 |

Удорожание себестоимости бурения в 1940 г. составило 18,7 %. Перерасход из-за аварий составил 23,9 млн руб., простоев — 22,3, брака — 4,3 млн руб. Удорожание происходило также вследствие роста транспортных тарифов, стоимости строительных и монтажных работ, возрастания непроизводительных расходов из-за простоев вагонов, недостатка материальных ценностей, штрафов за несвоевременные и некачественные поставки. Обще-заводские непроизводительные расходы составили 31 млн руб. Потери от простоев на заводах насчитывали 13,8 млн руб., от брака — 11,6 млн руб., причем удержано было за брак только 187 тыс. руб. В результате брак по сравнению с предшествующим годом не снизился.

Накладные и административно-хозяйственные расходы, которые также были включены в себестоимость, составили по Наркомнефти 29,9 % против 26,8 % по плану. Отмечался значительный перерасход командировочного фонда, видимо, вследствие роста числа «толкачей», командированных в Москву.

Затраты на капитальный ремонт составили 226,7 млн руб.

Получено было прибыли (вместе с трестом Укрнефтегаз) на сумму 1,2 млн руб. вместо плановых 446,4 млн руб. В строительстве и бурении убыток составил 139,3 млн руб.

Внесено было в бюджет 59,1 млн руб. вместо 73,4 (недовзнос — 14,3 млн руб.). В Промбанк перечислено 104,6 млн (недовзнос — 132 млн руб.). На амортизацию в Промбанк было внесено 284,3 млн (недовзнос — 11,8 млн руб.). По постановлению Экономсовета СНК внесено на амортизацию по Укрнефтекомбинату и пополнение оборотных средств 17 млн руб.

Столь же неутешительными были показатели годовых отчетов по труду, а кое в чем выглядели хуже, чем производственные показатели (они вследствие так называемого «двойного планирования» не всегда увязывались с показателями по труду). Так, в бурении, которое в первую очередь обеспечивалось рабочими, реальная ситуация была сложнее, чем представлялось в отчетах по капитальному строительству.

Численность рабочих на предприятиях Наркомнефти выросла за год на 4,4 %, фонд заработной платы — на 6,9 %. Произошло снижение производительности при росте заработной платы: средняя зарплата составила 101,5 %, а выработка на одного рабочего уменьшилась на 1,1 % по сравнению с предшествующим годом, при том что в отчетах отмечалось превышение средней годовой выработки рабочих. Советский плановый принцип: производительность должна расти быстрее, чем зарплата, не срабатывал. Призывы к рационализации и сокращению управленческого аппарата тоже оставались на бумаге. Численность ИТР и служащих составила 111,4 % вместо 92 % по плану.

Такой ход развития отрасли вызывал явное неудовлетворение наверху. Неоднократно в правительственных постановлениях отмечалось невыполнение производственного плана, плана накоплений, превышение себестоимости и большое количество непроизводительных расходов и потерь. Постановления обязывали Наркомнефть принять меры по устранению бесхозяйственности, перерасхода фонда заработной платы, простоев, аварий, брака, убытков и установить строгий контроль за соблюдением предприятиями сметно-финансовой дисциплины. Одновременно не было другого выхода, как списывать задолженность, пополнять недостаток оборотных средств за счет резервного фонда СНК и выделять дополнительные ассигнования³⁹.

Отставание нефтяной отрасли было тем более очевидным, что в результате проведенных геологоразведок по видимым запасам нефти Советский Союз принадлежал к числу наиболее перспективных стран. В то время как в США, обладающих меньшими ресурсами, доля нефти в топливном балансе приближалась к 50 %, в СССР в 1940 г. удельный вес нефти составлял только 19 % (в 1928 г. — 11 %). На долю угля приходился 61 % топливного баланса, дров — 12,5 %, торфа — 5,5 %, газа — всего 1,7 %. Отсталой по сравнению с другими странами выглядела и структура потребления нефтепродуктов. Хотя доля моторного топлива под влиянием происшедших изменений повысилась до 50 %, масел — 5,5 %, но 42 % приходилось еще на долю топливного мазута, а битума — только 1,4 %⁴⁰.

Американский инженер Линн М. Фэриш, побывавший в СССР, писал в журнале «Mining and Metallurgy» в июне 1940 г.: «Огромные резервы, плохая техника и организация производства, отсутствие приемлемых условий для жизни и работы характеризуют советскую нефтяную промышленность».

Резкое невыполнение плана в 1940 г., которое оказалось ниже 1939 г., привело к острой нехватке нефтепродуктов в стране, быстрому «проеданию» складских запасов Главнефтебюта. Потребность в автотракторном горючем и нефтетопливе удовлетворялась не полностью, а в связи с расширением территории нужда в них еще более обострилась. Не удивительно, что на 1941 г. провозглашалась политика экономии нефтетоплива. В постановлении по этому поводу, подготовленном Н.К. Байбаковым, говорилось, что «...отношение к нефтепродуктам варварское, потери при хранении и отпуске с нефтебаз, на транспорте — огромные». Отмечалось неудовлетворительное состояние нефтетары. В результате того что не герметизированы крыши и протекают нефтехранилища, было потеряно 425 тыс. т нефти. Говорилось о том, что «трубопроводов нет, слив производится примитивно: ведрами, самотеком из бочек. Много горючего просто разливается. Система зажигания и отсутствие автоматической регулировки системы питания и зажигания и охлаждения моторов, несовершенные карбюраторы, несвоевременный ремонт вызывают повышенный расход горючего и масел. Много горючего сжигается при холостых пробегях». Особенно плохо обстояло дело с экономией топлива в МТС⁴¹.

Вопрос о производстве искусственного топлива

Чтобы возместить нехватку горючего, возникла идея возместить его с помощью производства топлива из заменителей нефти и газа. Сама идея зародилась в Германии, которая, как известно, практически не имела собственных нефтяных и газовых месторождений. Производством искусственного топлива занималась компания Фарбен-индустри (ИГ Фарбен). Идея производства была основана на гидрогенизации угля, т.е. превращении его в жидкость и ее последующей перегонки под высоким давлением. Наиболее известным был способ немецкого ученого Бергиуса, получившего за него Нобелевскую премию. Он позволял получать из угля не только различные сорта топлива, но даже высокооктановый бензин, необходимый для авиации.

С приходом Гитлера к власти руководству ИГ Фарбен удалось убедить его в необходимости государственной поддержки и

налоговых льготах для производства синтетического жидкого топлива из угля. Наряду с программой вооружения Германии, строительством вермахта, крупных надводных кораблей и подводных лодок фюрер провозгласил широкую программу автомобилизации страны на базе Фольксвагена, т.е. народного автомобиля, производства грузовиков, строительства автобанов и заправочных станций. К началу Второй мировой войны производство жидкого синтетического топлива в Германии достигло больших масштабов: 14 гидрогенизационных заводов и 6 в стадии завершения. Фарбен-индустри увеличила свое производство в 5 раз и намерена была продолжать его наращивание. В то время химические заводы компании производили почти половину топлива, потребляемого Германией, и покрывали 95 % потребностей Люфтваффе. Причины такого развертывания ясны — отсутствие у Германии собственных источников нефти и стремление освободиться от иностранной зависимости в ее поставках. Тем временем молва о развертывании производства топлива из заменителей нефти достигла нефтепромышленников Запада. Бывая на германских заводах, они поражались их индустриальной мощью, прикидывали перспективы, еще не представляя, что стоит за этим производством.

Между тем производство синтетического топлива требовало огромных средств, большого количества стали, труб, электроэнергии, квалифицированных специалистов. Оно было в три раза дороже нефтяного, а стоимость 1 л бензина из искусственного топлива была равна примерно производству 40 л обычного, получаемого из нефти. Не удивительно, что Фарбен-индустри едва сводила концы с концами, требуя дальнейших инвестиций от имперского Министерства вооружений и военной промышленности. К этому добавились еще разговоры о возможности получать нефть и газ из горючих сланцев, и в Америке появились первые опытные установки. Вскоре выяснилось, однако, что и этот способ слишком дорог.

Весь этот ажиотаж вокруг искусственного топлива не остался без внимания в Советском Союзе. В августе 1938 г. в Госплане состоялось совещание по вопросам производства жидкого искусственного топлива из угля и горючих сланцев, где отмечалось, что несмотря на громадные нефтяные ресурсы, вопрос о его производстве назрел ввиду недостатка нефти в восточных районах и крайней загруженности транспортных путей для ее перевозки. При этом ссылались на США, которые несмотря на имеющиеся запасы, строят подобные заводы, а также опыт Германии, Италии, Японии. На процесс их развертывания намечалось 10 лет. В первую очередь предполагалось строить заводы

жидкого искусственного топлива в Гдове под Ленинградом, в Подмоскowie, в Черемхове Иркутской области, в Иванове, в Артеме на Дальнем Востоке, в Амурской области на Бурее, на Колыме и в Сызрани. Сроки строительства намечались на 1939—1941 гг.⁴² в дополнение к Кемеровскому гидрогенизационному заводу, строительство которого велось с 1935 г. Все заводы искусственного топлива относились к номерным (№ 270—277), т.е. имеющим особое оборонное значение, и были секретными. На их строительство выделялось 342 млн руб. Однако выполнение плана по вводу в 1939 и 1940 гг. ряда заводов было сорвано. Только для завершения в 1941 г. трех заводов (Гдовского, Черемховского и в Артеме) нарком Седин дополнительно запрашивал у Госплана 60 млн руб.⁴³ В связи с пуском в 1940 г. Кемеровского завода намечался перевод автотехники г. Кемерово с бензина на газовое топливо, получаемого из угля. Всего должно было переводиться 567 машин. При этом исходили из того, что стоимость переоборудования одной обойдется в 3500—3800 руб. Но сразу же выяснилось, что строительство газонаполнительных станций, специального оборудования и т.д. влетит в куда большие расходы. Тем не менее на 1941 г. намечалось произвести 42 тыс. газогенераторных машин и 17 тыс. переоборудовать под искусственное топливо, что, по мнению руководства, позволило бы сэкономить 240 тыс. т автобензина. Дополнительно предполагалось произвести 12 тыс. газогенераторных тракторов и 5 тыс. переоборудовать, сэкономив тем самым 353 тыс. т тракторного горючего⁴⁴. Дальнейшая история, связанная с использованием заменителей нефтяного топлива, приходится уже на годы войны.

Готовность советского нефтехозяйства к войне

Плодами советско-германского пакта в наибольшей степени воспользовался Гитлер. Именно пакт открыл дорогу победному шествию армий вермахта по Европе. Занятый своими делами, гитлеровский режим сквозь пальцы смотрел на экспансию Советского Союза, приобретая себе военных союзников в лице «обиженных» стран, таких как Финляндия и Румыния. Сталинское руководство, взяв курс на поддержку наиболее агрессивных режимов и оказавшись с ними в одной упряжке, все более оказывалось в крайне неудобном и двусмысленном положении. Оно продолжало слать приветственные телеграммы по случаю «блистательных побед германского оружия», словно не замечая, как возрастает военная угроза. После захвата Франции Гитлер

решил, что следующей жертвой должна стать Россия, и начал массивную подготовку к войне на Востоке.

Сталинское руководство, получая предупреждения о готовившемся нападении, игнорировало их, беспокоясь прежде всего о том, как бы не спровоцировать Гитлера, втайне надеясь, что тот будет соблюдать условия соглашений, и внушая населению чувство спокойствия и шапкозакидательские настроения. Между тем современные исследования говорят, что экономика Советского Союза не была готова к ведению современной широкомасштабной войны — к «войне моторов», и дело заключалось не только в недостаточности мобилизационных мероприятий. Их, как можно убедиться из сказанного, было немало. Но экономика, вследствие органических пороков советской хозяйственной системы, находилась в состоянии разбалансированности и плохой управляемости, очевидных на примере нефтяной отрасли. Надежда на то, что как-то все устроится само собой, становилась крайне опасной. Советская литература в послевоенное время писала о том, как страна готовилась к войне, но этому не стоит доверять. Наверное, лучше всего сослаться на мнения со стороны, на тех, кто уже в то время понимал, что происходит, а именно — донесения секретных агентов о степени готовности советской нефтяной промышленности к войне. Конечно, цифровые оценки в них приблизительны, но в целом, как показывает и вышеприведенный анализ, верно отражают ситуацию.

Вот, например, отрывок из донесения американского военного атташе в Вашингтон от 14 ноября 1940 г.⁴⁵:

«Советская пресса за последние 4 месяца сообщает о новых скважинах и открытии новых нефтяных площадей, но общий тон — пессимистический. Большая часть новых скважин в осваиваемых районах обводнена... В то время как отдельные тресты упоминаются как успешно выполняющие месячные программы, есть основание полагать, что вся промышленность далеко отстает от плановых заданий. Американские инженеры сообщают, что многие площади истощены, особенно в Грозном, в остальных, таких как Ишимбаево, нефть содержит столько серы и солей, что крекинговые устройства работают далеко ниже своих возможностей. Специалисты считают, что в 1940 г. реально добыто не более 22 млн т нефти, из которых 18 млн крайне необходимы для внутренних потребностей. Они же полагают, что в 1941 г. цифры будут еще ниже. Подтверждение этим цифрам усматривается в том факте, что 40 или 50 % грузовиков в районе

Москвы стоят, а их водители из-за отсутствия бензина ищут новую работу. Вдобавок, удивительно, почему одна из богатейших по запасам нефти стран имеет постоянное стремление перевести моторную технику и транспорт на другие виды топлива...»

Из донесения от 16 апреля 1941 г.:

«...Автомобильный завод в Горьком производит теперь только 2-тонные грузовики ГАЗ, на 50 % которых устанавливаются угольные или дровяные топливники. Из анализа прессы очевидно, что стремление увеличить добычу в Майкопе, на Эмбе и во Втором Баку не получается. Это означает, что Советский Союз вынужден обратиться к старым производящим районам: Грозному и Баку, которые сильно истощены. Советы едва ли произведут более 60 % заявленных на этот год 34 млн т нефти... За два последних года каждая торговая делегация в Москву тщетно пыталась договориться о сделках с нефтью, за исключением Германии и Румынии. В случае Германии перед угрозой вторжения Советы вынуждены были продавать около 1,5 млн т нефти в год... Тот же наблюдатель сообщает, что Советский Союз попал в ловушку собственной программы моторизации и провала нефтяных планов... Перевод транспорта на другие источники топлива не может рассматриваться иначе, как показатель индустриальной слабости страны. Более того, не имея жизненно важных запасов нефти для ведения войны, ей сегодня предстоит схватиться с самым мощным из ее противников, мобилизовавшим свои силы на ее границах...»

Слабости советского нефтяного хозяйства сказались в период Великой Отечественной войны. Пришлось приложить немало усилий, чтобы обеспечивать потребности страны в нефтепродуктах. Но это тема для отдельной статьи.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1461. Л. 153.

² Там же. Л. 154.

³ Там же. Л. 118.

⁴ Там же. Л. 109.

⁵ Там же. Л. 93—94.

⁶ Там же. Л. 92—91.

⁷ Там же. Л. 118—117.

⁸ Там же. Д. 2166. Л. 15.

- ⁹ Там же. Д. 1461. Л. 143.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Д. 295. Л. 703.
- ¹² Там же.
- ¹³ Материалы докладов уполномоченных КПК, которые часто используются в книге, см.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд 6. Оп. 1—2. Дела, сосредоточенные в оп. 2, содержат материалы проверок выполнений партийных постановлений по нефти с 1939 по 1952 гг.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 295. Л. 303.
- ¹⁵ Там же. Ф. 4722. Оп. 92. Д. 179. Л. 157—150.
- ¹⁶ Лисичкин С.М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М., 1958. С. 78.
- ¹⁷ Там же. С. 81.
- ¹⁸ Там же. С. 84.
- ¹⁹ Там же. С. 91.
- ²⁰ Там же. С. 99.
- ²¹ Нефтяное хозяйство. 1940. № 4—5. С. 3.
- ²² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1461. Л. 153.
- ²³ См.: РГАЭ. Ф. 7950. Оп. 1. Д. 128.
- ²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 96. Л. 96.
- ²⁵ Работа американских компаний в нефтяной промышленности СССР накануне войны подробно освещается во втором томе труда Э. Саттона. См. Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930—1945*. Stanford, 1975. P. 80—87.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 2. Д. 701. Л. 106—100.
- ²⁷ Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 40—43.
- ²⁸ См.: РГАЭ. Ф. 7950. Оп. 1. Д. 6.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 562. Л. 88—89.
- ³⁰ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 37. Л. 59.
- ³¹ Там же. Д. 310. Л. 92.
- ³² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1461. Л. 168.
- ³³ Там же. Л. 167—160.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 562. Л. 116.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 2. Д. 701. Л. 244.
- ³⁶ Нефть и газ Коми АССР. Сыктывкар. 1979. С. 259.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1461. Л. 169.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 15. Д. 4. Л. 3—21.
- ³⁹ См., например: РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 15. Д. 4. Л. 21.
- ⁴⁰ Лисичкин С. М. Указ. соч. С. 205—206.
- ⁴¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1461. Л. 186.
- ⁴² Там же. Л. 411.
- ⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 701. Л. 177.
- ⁴⁴ Там же. Л. 135.
- ⁴⁵ Донесения находятся в фонде Айвена Итона (военного атташе США в Советском Союзе в 1939—1941 гг.) в Гуверовском центре изучения мира, войны и революции (Стэнфорд, США).

Проблемы российской модернизации

*В.А. Мау**

Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы

Введение

«Русский народ обвенчался со Свободой... Мы собираемся, и мы обязаны строить новую жизнь на началах, о которых издавна мечтали. Мы понимаем эти начала разумом, они знакомы нам в теории, но — этих начал нет в нашем инстинкте, и нам страшно трудно будет ввести их в практику жизни... Ибо мы, повторяю, народ, совершенно невоспитанный социально, и так же мало воспитана в этом отношении наша буржуазия, ныне идущая к власти».

Эти слова, которые вряд ли вызовут возражения у любого россиянина, каких бы политических взглядов он ни придерживался, были написаны М. Горьким в 1917 г., в первые дни Февральской революции¹. Их актуальность в наши дни является своеобразным подведением итогов работы всей страны в XX в.: мы развивались, но мы не решили тех фундаментальных задач, которые стояли перед Россией сто лет назад. Это, конечно, не означает, что XX в. был для России потерян: мы развивались, мы двигались вперед. Однако основные задачи, стоявшие перед страной, решены так и не были — ни экономические, ни политические, ни социальные.

И вот в начале XXI в. мы стоим, по большому счету, перед теми же проблемами, с которыми Россия сталкивалась в начале XX в. Справедливости ради надо признать — и в начале века XIX, и в начале века XVIII. Трехсотлетний вызов России — **задача комплексной модернизации**, если точнее — задача догоняющей модернизации, задача преодоления отрыва от наиболее развитых стран мира. Причем речь идет о модернизации как комплексном феномене общественной жизни, не сводимом только к экономической или, скажем, военной сфере. Реальная модернизация охватывает экономику и политику, социальную жизнь и научное творчество, военное дело и библиотечное хозяйство.

* Мау Владимир Александрович — доктор экономических наук (профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ).

В чем особенности российской модернизации? В чем особенности современной модернизации? Как соотносится современная российская политика и задачи модернизации? Какие риски и опасности подстерегают современную Россию на путях модернизации в XXI в.? Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Раздел 1. Модернизация России: вызовы и задачи

1.1. Лозунг, которому триста лет

«Догнать и перегнать» — отнюдь не изобретение сталинских пиарщиков времен индустриализации. Эта задача стоит перед Россией вот уже на протяжении нескольких столетий, а в качестве стержня внутренней политики не сходит с повестки дня со времен Петра I. Российские власти и российская элита всегда хорошо осознавали необходимость преодоления отставания своей страны от наиболее развитых стран мира (поначалу — Европы), и уж по крайней мере недопущения того, чтобы отставание это достигало опасных масштабов с военно-политической точки зрения.

Сутью модернизации является формирование сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения. Модернизация предполагает комплексное обновление общества, когда трансформация различных его секторов осуществляется во взаимосвязи.

Если отбросить политкорректные условности, то модернизация представляет собой достижение уровня технологий и институтов, характерных для современных западных демократий. Можно сколько угодно говорить о ценности различных цивилизаций и уважении к ним, о важности сохранения национальной идентичности, но непреложным фактом является то, что лидерами современного экономического роста являются западные страны. Более того, страны иных регионов мира, успешно решающие задачи модернизации, в процессе своей трансформации становятся все более похожими на западных «пионеров современного экономического роста» — как по структуре своей экономики, так и по существенным характеристикам политических институтов. Первой это продемонстрировала Япония, теперь в этом направлении идут и другие, менее развитые европейские и неевропейские страны. Тем самым понятие «Запад» в современном политическом языке имеет не столько географический, сколько институциональный контекст.

Пока мы не знаем модели более эффективной, чем современная западная экономико-политическая система. Разумеется, путь к ней может быть весьма специфичен, должен опираться на собственные традиции и особенности национальных институтов. Однако по мере продвижения вперед, по мере приближения к уровню наиболее развитых стран мира страна, которой удастся совершить этот прорыв (а таких успешных случаев существует немного), становится *в институциональном отношении* все более западной. Иными словами, «Восток», которому удастся совершить модернизационный рывок, становится «Западом». В противном случае *им не сойтись никогда*.

Российская элита петровской эпохи очень точно почувствовала тот исторический момент, когда задача модернизации стала критически важной, — и обратилась на Запад. Именно на рубеже XVII—XVIII вв. намечается появление нового, доселе невиданного в мировой истории феномена — современного экономического роста. Начатый в Англии, он постепенно втягивал в свою орбиту другие западноевропейские страны. На протяжении предыдущей мировой истории экономический рост происходил темпом, невидимым невооруженным глазом, т.е. не приводил к сколько-нибудь заметным изменениям в производстве и быте в течение столетий. Различия существовали в странственном отношении (быт менялся от страны к стране и тем более в разных регионах мира), но не во временном измерении — многие поколения людей данной страны жили примерно одинаково. Теперь же все радикально поменялось: сдвиги в экономике, быте и, главное, в военном деле заметно ускорились и стали очевидны всем. И российское правительство ответило на этот вызов почти мгновенно, поставив перед страной задачу европеизации, т.е. овладения самой передовой на тот момент техникой и технологией².

Вместе с тем наличие существенного отставания от наиболее развитых на тот момент государств изначально поставило Россию в положение страны догоняющей модернизации. Как было показано позднее в историко-экономической литературе, догоняющее развитие создает для страны сложности, но и дает ряд преимуществ. Сложности очевидны и связаны с тем, что преодоление отставания должно происходить в острой борьбе с «передовиками», которые отнюдь не рады поделиться своей монополией на успех. (Этот вечный конфликт существует и в современном мире, в наших отношениях с Западом, и его нельзя недооценивать при политическом планировании. Однако суть его не в противостоянии Запада России, а в противостоянии экономически более развитых стран потенциальному конкуренту. То

есть, по моему мнению, конфликт этот имеет не культурную, а экономико-политическую природу.)

Преимущества же отсталости состоят в возможности использования технологических и институциональных находок наиболее развитых стран для более быстрого решения модернизационных задач отсталой страной. Последнее означает, что *термин «догоняющая модернизация» не совсем точен* — на самом деле для преодоления разрыва отсталая страна должна найти возможность совершить рывок, т.е. не повторять этапы роста «передовиков», а перескочить через некоторые из этих этапов.

Мировой опыт успешного решения задач догоняющей модернизации свидетельствует, что задача эта очень сложная. Очень немногие страны смогли успешно решить ее — Франция, Япония и Германия в XIX — начале XX в., Италия, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Финляндия в XX в. Ряд стран Европы и Юго-Восточной Азии в настоящее время более или менее успешно движутся по этому пути (Ирландия, Испания, Португалия, Южная Корея и др.). Однако гораздо более богатым является опыт провальных модернизационных экспериментов и даже отката назад. Примером последнего является Аргентина, которая в начале XX в. входила в десятку наиболее развитых стран мира.

У российского опыта модернизации есть одна особенность, отличающая его от многих других стран. Как показывают историко-экономические исследования, Россия на протяжении последних примерно 200 лет сохраняет стабильное отставание от таких более развитых в экономическом отношении стран, как Франция и Германия (табл. 1 и 2). Этот интервал составляет 45—55 лет, и хотя он то несколько увеличивается, то сокращался, но в общем глубина отставания колеблется в указанных пределах³.

Здесь надо обратить внимание на три обстоятельства участия России в модернизационной гонке.

Во-первых, неравномерность развития отдельных секторов жизни. По некоторым параметрам и на отдельных этапах истории происходит гораздо более сильное сближение (например, по военному потенциалу), а по другим — сохраняется гораздо более сильное отставание (по производительности труда).

Во-вторых, неустойчивость модернизационных достижений. Никогда не удавалось закрепиться на достигнутых рубежах — после прорыва в той или иной сфере начинался откат. Причем откат этот происходил не только из-за кризиса в самой России,

т.е. прямого ухудшения положения в данном секторе. Гораздо чаще отрыв начинал увеличиваться из-за ускорения развития передовых стран на новом технологическом витке и отсутствия у России заранее подготовленных ресурсов для очередного рывка.

В-третьих, время отставания оказывается почти индифферентным к политическому строю и характеру правительств.

Таблица 1

Структура занятости в основных отраслях экономики России в сравнении с другими странами в XIX—XX вв., %

| Год | США | Франция | Германия | Голландия | Великобритания | Япония | Россия |
|---|------|---------|----------|-----------|----------------|--------|--------|
| Сельское, лесное и рыбное хозяйство | | | | | | | |
| 1820 | 70,0 | — | — | — | 37,6 | — | — |
| 1870 | 50,0 | 49,2 | 49,5 | 37,0 | 22,7 | 70,1 | |
| 1913 | 27,5 | 41,1 | 34,6 | 26,5 | 11,7 | 60,1 | 70,0 |
| 1950 | 12,9 | 28,3 | 22,2 | 13,9 | 5,1 | 48,3 | 46,0 |
| 1992 | 2,8 | 5,1 | 3,1 | 3,9 | 2,2 | 6,4 | 17,0 |
| Обрабатывающая и горная промышленность, строительство и обслуживание коммунального хозяйства | | | | | | | |
| 1820 | 15,0 | — | — | — | 32,9 | — | — |
| 1870 | 24,4 | 27,8 | 28,7 | 29,0 | 42,3 | — | — |
| 1913 | 29,7 | 32,3 | 41,1 | 33,8 | 44,1 | 17,5 | — |
| 1950 | 33,6 | 34,9 | 43,0 | 40,2 | 44,9 | 22,6 | 29,0 |
| 1992 | 23,3 | 28,1 | 37,3 | 24,3 | 26,2 | 34,6 | 36,0 |
| Сфера услуг | | | | | | | |
| 1820 | 15,0 | — | — | — | 29,5 | — | — |
| 1870 | 25,6 | 23,0 | 21,8 | 34,0 | 35,0 | — | — |
| 1913 | 42,8 | 26,6 | 24,3 | 39,7 | 44,2 | 22,4 | — |
| 1950 | 53,5 | 36,8 | 34,8 | 45,9 | 50,0 | 29,1 | 25,0 |
| 1992 | 74,0 | 66,8 | 59,1 | 71,8 | 71,6 | 59,0 | 47,0 |

Источник: Maddison A. Monitoring the World Economy 1820—1992. Development Center Studies. — OECD, 1995. P. 39.

**Отставание России по уровню среднедушевого ВВП
от Германии и Франции, %***

| Страны | Год | | | |
|----------|------|------|------|------|
| | 1870 | 1913 | 1950 | 2001 |
| Франция | ≈ 60 | 63 | 46 | 50 |
| Германия | ≈ 60 | 63 | 55 | 48 |

* Душевой ВВП: до 1913 г. по Российской империи в границах СССР, для 1870 г. — 1023 долл., для 1913 г. — 1488 долл.; для 1950 г. — по СССР, 2834 долл.; для 2001 г. — по Российской Федерации, 3650 долл.

Источники: данные о душевом ВВП за 1870—1950 гг. см.: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820—1992*. Development Center Studies. — OECD, 1995; данные о душевом ВВП за 2001 г. см.: *World Development Report 2003*. The World Bank. Данные приведены к долларам Geary—Khamis (название так называемого международного доллара — условной денежной единицы, иногда применяемой международными организациями, такими как мировой банк, МВФ) 1990 г.

Причиной такой ситуации являлась *некомплексность модернизационных усилий российского государства*. Власти всегда сосредоточивались на отдельных аспектах модернизационной задачи, игнорируя остальные или даже принося их в жертву. Можно даже выделить некоторую закономерность, прослеживаемую в трехсотлетней истории российской модернизации. В первую очередь страна ставила и решала задачи модернизации в военной сфере и в отраслях, с ней сопряженных (будь то металлургия в XVIII в., железнодорожный транспорт в конце XIX—XX вв. или космические исследования во второй половине XX в.). На втором месте стояла экономическая модернизация, которая, естественно, должна была дать базу для решения военных задач. Меньше уделялось внимания культурной модернизации, которой начинали всерьез заниматься тогда, когда общее отставание оказывалось критически опасным. И, наконец, полностью игнорировалась модернизация политических институтов, которые, напротив, пытались консервировать на максимально продолжительные периоды. Только тяжелейшие системные кризисы (в середине XIX в., в начале и в конце XX в.) приводили к политическим реформам, причем в двух из трех случаев политические трансформации имели форму полномасштабной революции, т.е. через полный слом государства с присущими революции колоссальными издержками.

Таким образом, опыт российской модернизации позволяет сделать *первый важный вывод*: устойчивые и долгосрочные результаты могут быть достигнуты только при осуществлении комплексной модернизации данного общества, включая его технологическую базу и институты. Модернизация не может решить вопрос сокращения разрыва, если она протекает в одних секторах при игнорировании или за счет других. Иными словами, логика «поэтапной модернизации» — сперва экономика и армия, потом, может быть, политика и социальные отношения — не дает устойчивого результата. Представляется, что именно эту мысль имел в виду М. Горький в приведенной выше цитате, говоря об «асоциальности» основных субъектов нашей общественной жизни.

В свою очередь, несистемность модернизационных усилий может объясняться отсутствием механизмов адекватной реакции на модернизационные вызовы. Российская модернизация всегда была верхушечным проектом, замышлялась и насаждалась правительством и потому ориентировалась исключительно на правительственное понимание иерархии задач. Общественных институтов, ее обеспечивающих или корректирующих, практически не существовало (если не считать таковыми КПСС или ВЛКСМ), а потому и задача корректировки курса не могла вовремя осознаваться.

В результате *модернизация в России всегда происходила через разрушительные кризисы*. Строго говоря, модернизация всегда и везде происходит через кризисы: наступление нового этапа в современном экономическом росте предполагает определенные структурные кризисы, ведущие к отказу от старых форм и появлению новых. Однако в России эти кризисы нередко принимали особенно острый, разрушительный характер, ведущий к быстрому (революционному, а не эволюционному) слому всех или большей части институтов, в том числе и самого государства.

1.2. Пути модернизации: общее и особенное

Вопрос о путях ускоренной модернизации отсталых стран (или, говоря политкорректно, стран, отстающих от лидеров) обсуждается экономистами уже на протяжении полутора веков. Еще в середине XIX столетия выдающийся экономист Дж.С. Милль сформулировал общие принципы политики, нацеленной на преодоление отсталости. У этих принципов есть две важные особенности: они актуальны и по сей день, а их автор упомянул Россию среди тех европейских стран, к которым его рекомендации имеют непосредственное отношение.

Милль писал в 40-х гг. XIX в., что по отношению к «неразвитым в промышленном отношении районам Европы, например России, Турции, Испании и Ирландии» средствами достижения задач экономического роста служат, «во-первых, улучшение форм управления, более совершенная защита собственности; умеренные налоги и уничтожение произвольных вымогательств, осуществляемых под видом сбора налогов... Во-вторых, желаемого результата можно достичь посредством повышения уровня умственного развития народа... В-третьих, средством достижения указанных целей является внедрение заимствованных из-за рубежа ремесел, позволяющих увеличить прибыли, которые можно извлечь из дополнительного капитала., а также привлечение иностранного капитала, что делает рост производства независимым более от бережливости или предусмотрительности самих жителей»⁴. Таким образом, основными факторами роста здесь называются: гарантии прав собственности и отсутствие произвола власти, развитие образования населения, а также привлечение иностранного капитала (в виде финансовых ресурсов и технологий, know-how).

Понятно, что это лишь общая постановка. На ее основе необходимо выработать набор конкретных мер, позволяющих воплотить перечисленные три условия на практике, решать задачу социально-экономического прорыва.

Исторический опыт модернизации (и, в частности, догоняющей модернизации) позволяет делать определенные выводы относительно путей и механизмов решения этих задач. Коротко эти выводы выглядят следующим образом.

Во-первых, существуют некоторые общие закономерности, учет которых создает необходимую базу для успешной модернизации. Правда, поскольку успешных случаев немного, то и закономерности эти не носят статистический характер, а основаны лишь на изучении опыта как успешных, так и неудавшихся модернизаций. Во-вторых, существует специфика модернизационных процессов в зависимости от особенностей отдельных этапов развития общества, его производительных сил.

В исходной точке осуществление модернизационных проектов связано с возникновением определенных политических предпосылок, необходимых для современного экономического роста. Рост начался в Англии после того, как в этой стране в ходе Славной революции 1689 г. были достигнуты политическое и финансовое соглашения (*political settlement* и *financial settlement*). Был принят Habeas Corpus Act, в соответствии с которым никто из граждан не мог быть подвергнут аресту, лишен жизни и собственности без решения открытого и независимого

от Короны суда. Кроме того, король признал исключительное право парламента устанавливать налоги и сборы, отказавшись от произвола в организации государственных финансов. Финансовое соглашение было естественным продолжением политического, поскольку к этому времени было широко распространено понимание того факта, что произвольные налоги и большие финансы (с неизбежной инфляцией) — это такой же незаконный (внесудебный) отъем собственности, как и произвольная конфискация. Необходимость соблюдения этих договоренностей со стороны Короны обеспечивалась воспоминаниями о событиях 1649 г., когда король Карл I был казнен за злостные злоупотребления королевской прерогативой, выразившейся в попытках правления без парламента, произвольного установления налогов и подчинения судей своей воле.

Заметим, что во всех этих соглашениях не было и речи о введении принципов современной демократии. Политическими правами обладало незначительное меньшинство населения, свобода слова была очень условной, сохранялась политическая цензура, веротерпимость была крайне ограниченной. Однако все это не помешало предпринимателям (среди которых было немало и полностью лишенных политических прав евреев) начать активную деятельность, что через несколько десятилетий привело к невиданному в мировой истории ускорению экономического роста. И лишь постепенно, по мере укрепления экономического и политического могущества Британии, расширялись политические права ее граждан, причем всеобщее избирательное право стало здесь реальностью лишь в XX в.

Разумеется, история последних ста лет знает случаи высоко-го экономического роста и без этих предпосылок, наиболее ярким примером чего является СССР. Однако в таких случаях рост всегда оказывался непродолжительным, сопровождавшимся колоссальными ресурсными потерями и, главное, всегда приводил к тяжелому системному кризису страны.

В дальнейшем мир прошел через два крупных модернизационных этапа — индустриальный и постиндустриальный, механизмы осуществления которых радикальным образом отличались друг от друга. До сих пор нередко можно услышать призывы при решении современных российских проблем опереться на опыт индустриального рывка первой половины XX в. Между тем, как будет показано ниже, такого рода политика в принципе невозможна, поскольку принципиально различна экономическая, социальная, интеллектуальная, демографическая структура трансформируемых обществ — аграрного в первом случае и индустриального во втором.

Опыт успешных догоняющих модернизаций XIX—XX вв. продемонстрировал *наличие серьезных специфических особенностей решения этих задач на индустриальной и постиндустриальной фазах* развития мира. Хорошо известен опыт индустриальной модернизации, т.е. перехода от традиционных аграрных обществ к обществам с доминированием промышленного производства. Индустриальные экономики характеризовались преобладанием крупных индустриальных форм, массовым производством и экономией на масштабах, активным использованием конвейера в качестве стержня технологического процесса. Это была эпоха унификации и централизации. Поэтому в тех условиях абсолютно доминирующим фактором ускорения социально-экономического развития становилось наличие единого управляющего центра, роль которого исполняло государство. Ускоренная индустриализация характеризовалась масштабным вмешательством государства в процесс аккумуляции и перераспределения капитала от традиционных секторов экономики к приоритетным.

Возможности такого вмешательства определялись тремя группами причин. *Во-первых*, относительно невысоким уровнем и примерно равным набором потребностей основной массы членов общества. Объем и динамику потребностей было нетрудно планировать, а на этой основе — координировать производителей, оптимизировать хозяйственные связи между ними. Этому способствовал и *второй фактор*: технологическая база промышленности основывалась на крупных производственных формах («гигантах индустрии»), которые одновременно и нуждались в координации (чтобы не допустить торжества частномонополистических интересов) и одновременно порождали ее. *В-третьих*, относительно устойчивостью производственных и технологических процессов. В первой половине XX в. можно было четко выделить отраслевые приоритеты, развитие которых обеспечит стране технологический и экономический прорыв, причем имелся, как правило, горизонт в 30—40 лет, в течение которого эти приоритеты будут сохраняться. Естественно, все это способствовало заметному повышению координирующей роли государства, которое могло позволить себе установить отраслевые приоритеты и сконцентрировать на них ресурсы путем соответствующей налоговой и бюджетной политики, а также разных форм планирования (от индикативного планирования в деголлевской Франции до директивного в СССР).

Механизм догоняющего развития в постиндустриальном мире существенным образом отличается от решения аналогичных проблем в эпоху индустриализации. Специфика постиндустриальной

системы создает дополнительные трудности для анализа, поскольку *происходит очевидное усиление неопределенности* всех параметров жизнедеятельности общества. Это связано с двумя особенностями постиндустриального общества, радикально отличающими его от общества индустриального. Во-первых, резкое повышение динамизма технологической жизни, что обуславливает столь же резкое сужение временных горизонтов экономического и технологического прогноза. Во-вторых, практически безграничный рост потребностей и, соответственно, резкое расширение возможностей их удовлетворения (как в ресурсном, так и в технологическом отношении). Тем самым многократно увеличиваются масштабы экономики и одновременно она резко индивидуализируется (можно сказать, приватизируется): как потребности, так и технологические решения становятся все более *индивидуальными*⁵, что и обуславливает повышение общего уровня неопределенности.

Сказанное означает, в свою очередь, резкое сужение временных горизонтов, на которые можно делать ответственные прогнозы относительно особенностей и приоритетных направлений технологического развития стран и отдельных секторов. Если в индустриальную эпоху можно было наметить приоритеты роста на 20—30 лет и при достижении их действительно войти в ряды передовых стран (что и сделала в XIX в. Германия, а затем Япония и СССР), то теперь приоритеты быстро меняются. И сейчас можно попытаться превзойти весь мир по производству компьютеров на душу населения, разработать программы производства самых лучших в мире самолетов и телефонов, но к моменту их успешного осуществления выяснится, что мир технологически ушел далеко вперед. Причем ушел в направлении, о возможности которого при разработке программы всеобщей компьютеризации никто и не догадывался. Потому что главным в наступающую эпоху являются не железки (пусть даже и из области пресловутого high tech), а информационные потоки. Злоупотребление государством пресловутым стратегическим планированием есть «опасная самонадеянность» (если использовать выражение Ф. Хайека) и может привести лишь к консервации отставания.

Действительно, как генералы всегда готовятся к сражениям прошлой войны, так и структурные прогнозы всегда ориентируются на опыт прошлого, на опыт тех, кого принято считать «передовиками». Это имело определенный смысл на этапе индустриализации, когда представления о прогрессивности хозяйственной структуры и об отраслевых приоритетах оставались

неизменными по крайней мере на протяжении нескольких десятилетий.

Тем самым *проблема выявления сравнительных преимуществ страны становится гораздо более значимой, чем в условиях индустриализации*. Вновь, как и на ранних стадиях современного экономического роста, необходимо отказаться от политики заранее заданных секторов прорыва и ориентироваться на выявление тех факторов, которые наиболее значимы для данной страны при данных обстоятельствах.

Индивидуализация обуславливает также важность *децентрализации*. Если для индустриального общества важнейшей характеристикой была экономия на масштабах, то в постиндустриальном мире роль ее все более сокращается. Разумеется, там, где остается массовое типовое производство, сохраняется и экономия на масштабах, сохраняется и роль крупнейших централизованных фирм. Но по мере того как на первый план выходят наука и возможности ее практического применения в экономической и социальной жизни, снижается и возможность экономии на масштабах, а за этим снижается и созидательный потенциал централизации.

В качестве важнейшей функции государства на место концентрации ресурсов на приоритетных направлениях приходит обеспечение условий для того, чтобы экономические агенты (фирмы) максимально точно улавливали направления развития производительных сил и учитывали эти вызовы в своей хозяйственной деятельности. *Адаптивность хозяйственной системы становится гораздо более важным условием успеха, чем способность к мобилизации материальных и людских ресурсов*, что было предметом особой гордости СССР.

Обеспечение адаптивности общества предполагает раскрытие творческой активности всех агентов и вряд ли достижимо при подавлении их инициативы — как экономической, так и политической. Свобода творчества, свобода информационных потоков, свобода включения индивидов в эти потоки является важнейшей предпосылкой прорыва. Иными словами, необходимо создание политических и экономических условий, благоприятных для развития в стране интеллекта. Перефразируя известный штамп советских времен, можно сказать, что *свобода превращается в непосредственную производительную силу общества*.

Особенности постиндустриальной эпохи объясняют и тот расцвет либерализма, который происходит уже примерно четверть века. Расцвет, который Ф. Фукуяма романтически провозгласил «концом истории»⁶. Дело здесь, разумеется, не в абсолютном и окончательном торжестве либерализма, а в том, что

нынешний уровень развития производительных сил и соответствующие ему модели успешных модернизаций опираются в основном или на либеральную экономическую политику (как в развитых странах Запада), или несут в себе тенденцию к либерализации (как в быстро растущих странах ЮВА). Аналогично обстоит дело и в современной России: какими бы ни были лозунги и декларации российских правительств, начиная с 1992 г., все они основывали свои действия на принципах экономического либерализма. Особенно показательным в этом отношении правительство Е.М. Примакова, которое, несмотря на жесткую антилиберальную риторику, в своей экономической политике осуществляло рекомендации либеральных экономистов, причем в некоторых случаях (например, в области бюджетной и денежной политики) даже более жестко и последовательно, чем находившиеся ранее у власти правые либералы. (Точно так же, как в эпоху торжества развитого индустриализма в первой половине XX в. не только большевики, но и практически все правительства дореволюционной России, да и все правительства западных стран, активно исповедовали идеи централизации и дирижизма⁷).

Экономический либерализм, таким образом, оказывается важным фактором успешного осуществления модернизационных проектов в современном мире. Однако он отнюдь не тождествен либерализму политическому. Политический либерализм является философской доктриной, объясняющей определенным образом предпочтительные механизмы функционирования человеческого общества, и в этом смысле не имеет жесткой временной привязки. Экономический либерализм осуществляется на практике только на определенных исторических этапах. Обычно это происходит тогда, когда резко возрастает неопределенность путей дальнейшего развития общества, когда происходит существенная динамизация его производственной базы. Так было в конце XVIII — первой половине XIX в., когда, собственно, и возник современный экономический либерализм. Так же обстоят дела и в наше время, когда ускорение технологического прогресса, вступление мира в постиндустриальную эпоху вновь делает развитие крайне неустойчивым и очень плохо прогнозируемым, а потому либеральные рецепты становятся более адекватными. (Но это отнюдь не означает вневременного торжества либерализма.)

Таким образом, можно выделить следующие важные аспекты экономической политики, которые надо принимать во внимание в условиях постиндустриальной фазы модернизации. Понятно, что они имеют непосредственное отношение и к современной России.

Во-первых, отказ от промышленной политики в традиционном значении этого слова, т.е. от попыток определения долгосрочных отраслевых приоритетов, на которых государство могло бы сосредоточить внимание и сконцентрировать ресурсы. Пока все попытки такого рода проваливались, поскольку на самом деле не существует объективного критерия для выделения отраслевых приоритетов. Политика не должна ориентироваться ни на «назначение приоритетов», ни на «выбор победителей». Такие подходы означают консервацию формирующихся пропорций, а попытка их практической реализации приведет лишь к тому, что в качестве приоритетных будут выделяться секторы, обладающие максимальными лоббистскими возможностями. Гораздо важнее *способность своевременно корректировать отраслевую структуру*, при которой власть готова гибко защищать политическими (в том числе и внешнеполитическими) методами всех, кто добивается успеха в мировой конкуренции.

Во-вторых, выдвижение на передний план задачи обеспечения гибкости и адаптивности экономической системы, способность экономических агентов быстро и адекватно реагировать на вызовы времени. В качестве ключевого ориентира государственной политики адаптивность приходит на место концентрации ресурсов. Адаптивность гораздо важнее формальных показателей уровня экономического развития, измеряемого данными о среднедушевом ВВП.

В-третьих, ограниченная возможность долгосрочных прогнозов и важность обеспечения максимальной адаптивности системы позволяет высказать гипотезу о том, что догоняющая страна в современном мире должна иметь более низкую бюджетную нагрузку на экономику, нежели наиболее передовые страны мира. В этом состоит существенное отличие современного мира от индустриальной эпохи, когда догоняющим странам приходилось концентрировать в бюджете гораздо больше ресурсов, чем странам — пионерам индустриализации.

В-четвертых, приоритетное значение для государства и частного предпринимателя имеют инвестиции в человеческий капитал. Прежде всего это относится к таким сферам, как образование и здравоохранение. Инвестиции в здравоохранение, помимо гуманитарной составляющей, могут иметь значительный мультипликативный эффект. При всей условности подобного примера стоит отметить, что здравоохранение может в современных условиях сыграть ту же роль, что и железнодорожное строительство в индустриализации конца XIX в.

В-пятых, обеспечение достаточного уровня открытости экономики. Причем внешнеэкономическая политика должна быть

сориентирована на формирование и стимулирование развития новых, высокотехнологичных секторов, а также глубокой переработки продукции традиционного экспорта. Открытость экономики важна и как инструмент, позволяющий ограничить тенденции крупнейших производителей (финансово-промышленных групп) к монополизации экономической и политической жизни страны. Именно на постиндустриальный прорыв, а не на примитивную защиту «отечественных товаропроизводителей», должны быть нацелены переговоры по вступлению в ВТО, а затем и по вопросам формирования общего европейского экономического пространства⁸.

Эти проблемы задают лишь общую базу выработки политики успешной модернизации, являются необходимыми, но отнюдь не достаточными условиями прорыва. *Каждый успешный модернизационный проект уникален, т.е. предполагает способность политических лидеров и интеллектуальной элиты найти те ключевые решения, которые обеспечат искомый прорыв в данной стране и в данную эпоху*⁹. Все эти меры плохо поддаются теоретическому анализу и прогнозу. Именно поэтому искусство экономической политики было и остается ключевым моментом при выработке стратегии рывка — будь то индустриальный или постиндустриальный. **Только экономические историки будущего могут четко и окончательно сказать, почему у одной страны модернизационный проект оказался успешным, а у другой — провальным.**

1.3. Современная российская модернизация

Существуют два основных фактора, определивших характер трансформационных процессов в СССР и современной России. Во-первых, СССР столкнулся с кризисом индустриального общества, что поставило в повестку дня необходимость системных изменений. Во-вторых, трансформация приняла форму полномасштабной революции, сопоставимой по своему характеру и глубине с великими революциями прошлого. Если первый фактор определяет направленность и характер трансформации, то второй — ее форму.

Оба обозначенных здесь фактора являются принципиально важными для понимания существа советско-российской трансформации и должны быть предметами специальных исследований. Здесь же мы позволим себе лишь краткие пояснения, важные для дальнейшего анализа¹⁰.

Советская система была порождением индустриальной эпохи. Эта система, как было отмечено выше, характеризуется доминированием крупных промышленных форм, проникающих

во все сферы общественной и личной жизни; преобладанием технологий массового производства, обеспечивающих свою эффективность за счет стандартизации и эффекта масштаба; усилением монополистических тенденций в экономической и политической жизни. Экономическая политика этой системы предполагает усиление роли прямого государственного вмешательства в хозяйственные процессы, расширение роли (и доли) госсобственности, ослабление конкурентных начал в экономике вообще и тенденцией к ограничению (преодолению) внешней конкуренции, в частности. Индустриальная эпоха позволила решить ряд важных производственных и социальных задач, включая заметное повышение производительности труда, урбанизацию и обеспечение базовых потребностей для всего населения соответствующих стран. СССР, продолжив движение к индустриализации, начатое царским правительством, решил в основном эту задачу на рубеже 1950-х—60-х гг.

Примерно в это же время в развитых индустриальных странах обозначился поворот к новой экономике, основанной на информационных технологиях и всем том, что позже стали называть «высокими технологиями». Новая экономика сопровождалась ослаблением монополистических тенденций, активизацией конкуренции, снижением роли крупных хозяйственных форм, повышением гибкости производственных процессов и индивидуализацией производственно-технологических решений. Глобализация — один из важнейших компонентов новой экономики. Соответствующая экономическая политика характеризовалась заметным снижением роли государства в хозяйственной жизни, либерализацией хозяйственной и внешнеэкономической деятельности.

Западная экономика столкнулась с кризисом индустриального общества к началу 1970-х гг., и все это десятилетие в большинстве наиболее развитых стран отмечено системным кризисом, описываемым термином «стагфляция», — уже подзабытым к настоящему времени, но очень популярным тридцать лет тому назад. Тогда казалось, что на Западе происходит системный кризис, очередной этап «общего кризиса капитализма». И лишь позднее выяснилось, что на самом деле происходила адаптация к новому этапу технологического развития (или к новому уровню развития производительных сил, если использовать марксистскую терминологию).

Перед СССР встали аналогичные по сути своей вызовы. Однако жесткость политической и экономической системы не позволила своевременно начать процесс адаптации к новым вызовам. Советская экономика была крайне невосприимчива к

нововведениям. Последнее ни для кого не было тайной: в официальных партийных документах (включая материалы съездов КПСС) регулярно подчеркивалась необходимость стимулирования внедрения в производство достижений научно-технического прогресса. Но все это оставалось на уровне деклараций, поскольку реальные стимулы ориентировали предприятия и работников всех уровней на выполнение и перевыполнение плановых заданий, чему обновление производства и всяческие научно-технические нововведения могли лишь помешать.

В результате, в то время когда на Западе через кризис происходила адаптация к новым вызовам, СССР демонстрировал устойчивые, хотя и невысокие темпы роста и одновременно шел к тяжелому системному кризису. Традиционные отрасли продолжали доминировать в ущерб развитию передовых направлений научно-технического прогресса, связанных с компьютеризацией, средствами связи и т.п.¹¹ Оборонный сектор играл в экономике центральную роль, причем не только потому, что этого требовал статус мировой сверхдержавы, но и по причине адекватности механизмов централизованного управления задачам его развития. Проблема состояла не просто в том, что по мере формирования основ новой экономики темпы роста в СССР неуклонно снижались (табл. 3), но, главное, в 1980-е гг. обозначилось отставание от стран Запада¹².

Неспособность СССР к эволюционной трансформации, приведшая к системному кризису и полному развалу страны, была результатом трех важнейших особенностей советского строя.

Во-первых, институциональная жесткость системы, ее направленность на выполнение централизованно устанавливаемых показателей, прежде всего количественных. Когда-то, на этапе индустриализации, эта особенность позволила осуществить быстрые преобразования в мобилизационном режиме, способствуя превращению СССР в индустриальную сверхдержаву. Теперь эта же система не позволяла вовремя реагировать на вызовы новой эпохи. Обновление, подстройка под новые вызовы требовали децентрализации решений, а главное — отказа от фетишизации количественных ориентиров при оценке деятельности фирм. Такого советская система позволить себе не могла, так как иных критериев оценки хозяйственной деятельности у нее просто не было.

Во-вторых, отсутствие в системе механизмов обратной связи, которые способны вовремя дать сигналы о назревших переменах и стимулировать начало реформ. Тоталитарная власть, запрет на свободу слова, с одной стороны, создавая комфортные

условия высшей власти, с другой — не позволяли ей же получать своевременную информацию о протекающих в стране и в мире процессах.

В-третьих, зависимость советской системы от дешевых ресурсов вообще и от нефтегазового комплекса, в частности. Можно было позволить себе не заниматься всерьез никакими реформами, поскольку начало трансформационного кризиса на Западе совпало со скачком нефтяных цен и вводом в строй в СССР богатейших западносибирских месторождений. Огромный поток валюты позволил более или менее стабильно прожить десятилетия, но результатом его стало резкое усиление зависимости советской экономики от внешнеэкономической конъюнктуры.

Устойчивость системы, основанной на эксплуатации природных ресурсов и не имеющей современных механизмов «обратной связи», оказалась эфемерной. Она могла функционировать лишь постольку, поскольку сохранялась благоприятная окружающая политическая и экономическая среда. Первый же серьезный кризис — резкое падение цен на нефть в середине 1980-х гг. — привел ее к гибели.

Таблица 3

Темпы роста экономики СССР (% в год в среднем за пятилетку)

| Показатель | 1951— 1955 гг. | 1956— 1960 гг. | 1961— 1965 гг. | 1966— 1970 гг. | 1971— 1975 гг. | 1976— 1980 гг. | 1981— 1985 гг. |
|----------------------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|
| Произведенный национальный доход | 11,4 | 9,2 | 6,5 | 7,8 | 5,7 | 4,3 | 3,2 |
| Валовая продукция промышленности | 13,1 | 10,4 | 8,6 | 8,5 | 7,4 | 4,4 | 3,6 |

Кризис, начавшийся в 1980-х гг., стал кризисом советской модели модернизации. Выяснилось, что эффективность этой модели ограничивается рамками догоняющей индустриализации. Теперь предстояло найти механизмы, обеспечивающие постиндустриальный рывок. А эти механизмы, как было показано выше, существенно отличаются от механизмов догоняющей индустриализации.

Постиндустриальный характер кризиса predetermined и общую направленность реформаторских мероприятий в области экономики и политики. Я имею в виду решения о либерализации всех сторон общественной жизни. Как уже отмечалось выше, если индустриальная эпоха вообще и конкретно решение

задач догоняющей индустриализации предполагали активизацию мобилизационных усилий, концентрацию ресурсов в секторах, обозначавшихся как «точки роста», то постиндустриальная эпоха требует активизации творческого, адаптационного потенциала людей и фирм, всемерного развития человеческого капитала. Это объясняет, почему все правительства СССР и России, безотносительно к их партийной ориентации, продолжали курс на либерализацию — более или менее последовательную.

Решение собственно модернизационных задач было осложнено началом системного кризиса — экономики, политики, идеологии. На структурный кризис индустриального общества накладывались еще три кризиса и, соответственно, три трансформационных процесса.

Во-первых, кризис коммунистической системы и осуществление посткоммунистической трансформации. Это был уникальный эксперимент — никогда в мировой истории (в том числе в экономической истории) не осуществлялся переход от тотально государственной экономики к рыночной.

Во-вторых, макроэкономический кризис, ставший результатом популистской экономической политики (начиная со второй половины 1980-х), что привело к развалу бюджетной и денежной системы, к высоким темпам инфляции, к падению производства.

В-третьих, кризис и развал государства, характерный для полномасштабных социальных революций. Системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство страны, протекали в условиях слабого государства, что и представляет собой сущностную характеристику революции¹³. К началу посткоммунистических преобразований разрушенными оказались практически все институты государственной власти, и их восстановление было, по сути, центральной политической задачей посткоммунистических реформ (гораздо более важной, чем задачи экономические). Более того, экономические реформы продвигались только по мере восстановления институтов государственной власти, что обусловило гораздо более медленные темпы преобразований, чем в большинстве других посткоммунистических стран.

В переплетении этих кризисов состоит важная особенность современной России. Каждый из этих процессов не представлял собой чего-то уникального, неизвестного из опыта других стран или из исторического опыта самой России. *Уникальным стало их переплетение в одной стране в одно и то же время. Именно их переплетение создавало те своеобразные процессы, которые обуслови-*

вали специфику российской трансформации и ставили в тупик многих исследователей посткоммунизма.

1.4. Этапы посткоммунистических преобразований

За полтора десятилетия посткоммунистической трансформации Россия прошла два этапа реформ и теперь находится на третьем.

Первый этап, охвативший большую часть 1990-х гг., ушел на создание базовых институтов рыночной демократии и восстановление стабильности — макроэкономической и политической. Наведение экономического порядка в основных чертах было завершено к 1999 г., и в результате начался экономический рост.

К концу 1991 г. в России отсутствовали институты, которые должны обеспечивать устойчивое функционирование, и даже существование любой страны. Были разрушены экономические институты, что проявлялось в масштабных рыночных дисбалансах (экономический спад, товарный дефицит, надвигавшаяся угроза голода и холода). Но еще большую опасность представляло то, что с фактическим, а затем и формальным распадом СССР в России рухнули институты государственной власти. Поэтому первой задачей было восстановление институтов, без которых не может функционировать ни одна страна.

Проблемы этого этапа, как правило, плохо осознаются западными аналитиками и критиками российских реформ. Они нередко пишут о недооценке российскими реформаторами институциональных проблем и об увлечении финансово-политикой. Это несправедливо: основное внимание на первых этапах реформ уделялось как раз институциональным проблемам, а макроэкономическая стабилизация являлась вторичной по отношению к ним. Просто те институты, которые должна была создавать Россия, оказывались вне поля зрения большинства западных экспертов. Это были элементарные институты, без которых не может существовать государство, а значит, и экономика. Прежде всего надо было воссоздать денежную систему и границы, налоги и бюджетное право, силовые структуры и институт собственности, — словом, все то, что любому западному специалисту представляется изначально данным, пришедшим из глубины веков. Все эти базовые институты или рухнули с распадом СССР, или просто не существовали в России по политическим или идеологическим причинам. И только на этой основе можно было идти дальше, разрабатывая современное экономическое и социальное законодательство.

К концу 1990-х гг. были решены следующие задачи: созданы и укреплены некоторые политические институты; осуществлена макроэкономическая стабилизация, которая дала стране устойчивую валюту и сбалансированный бюджет; проведена массовая приватизация, заложившая основы перехода российской экономики на рыночные рельсы.

Более того, анализ экономической динамики 90-х гг. свидетельствует, что этот период характеризуется не только спадом экономической активности. Несмотря на состояние тяжелого кризиса, в стране начались стихийные сдвиги в направлении пропорций, характерных для постиндустриализма. Так, доля сферы услуг увеличилась с 37 % в 1980 г. до 49—51 % к концу 1990-х, что наряду с сокращением доли промышленности является важнейшей характеристикой модернизации.

Несмотря на общую негативную экономическую динамику, обозначился прорыв в сфере информационных технологий, быстро росли показатели автомобилизации и телефонизации, по которым отставание СССР в 70-е гг. от общемировых тенденций было наиболее значительным. Обеспечение населения телефонными аппаратами возросло в 2,5 раза (или в 3 раза из расчета на 100 семей), а протяженность междугородных телефонных каналов — в 50 раз (в 5 раз по сравнению с 1985 г.). За 1990-е гг. с 2 тыс. до 111 тыс. увеличилось количество только зарегистрированных факсовых аппаратов (понятно, что в реальности их гораздо больше), а число сотовых телефонов с 1994 по 1998 гг. выросло почти в 30 раз. (В конце 1999 г. прирост числа абонентов сотовой связи составлял порядка 100 тыс. в месяц.) Количество телевизионных станций за тот же период увеличилось почти в 3 раза. Очевиден быстрый рост компьютеризации¹⁴. За 1990-е гг. электронная промышленность освоила порядка 700 новых изделий, отвечающих мировому уровню, освоила 800 видов товаров народного потребления. С конца 1990-х гг. стал расти экспорт электронной продукции (70—80 млн долл. в год), в основном в страны дальнего зарубежья¹⁵.

Наблюдаются важные структурные сдвиги и в традиционных секторах промышленности. Характерно в этом отношении положение в черной металлургии. На протяжении примерно двух десятилетий (в 70—80-е) мы слышали жалобы высоких руководителей о том, что прогрессивные технологии здесь не внедряются, и даже те изобретения, которые были сделаны в СССР (вроде непрерывной разливки стали), широкое распространение получили в США и Японии, но не у нас. И лишь в кризисные 90-е наметился перелом: удельный вес производства электростали и кислородно-конверторной стали (т.е. прогрессивных техноло-

гий) в общем объеме выплавки возрос с 47 до 72 %, с помощью машин непрерывного литья заготовок — с 23 до 47 %, а отношение готового проката к выплавке стали (показатель, характеризующий эффективность производства) выросло с 71 до 78 %. Прогрессивные сдвиги наблюдаются и в других отраслях.

При всех разговорах о деградации образования и культуры в России на протяжении 90-х гг. росло количество школ и школьников (с 67,6 до 68,5 тыс. и с 20,3 млн до 21,7 млн соответственно). Количество вузов почти удвоилось (с 514 в 1990 г. до 914 в 1998), причем на 27 % увеличилось число студентов, на 90 % число аспирантов и на 15 % — профессорско-преподавательский состав (с 220 до 250 тыс.).

Модернизация затронула и трудовую мотивацию работников, особенно молодых. Исследования показывают, что молодежь в значительной мере не приемлет наиболее характерные черты труда многих категорий работников в зрелом индустриальном обществе (низкая квалификация, однообразность), равно как и принципы социальной стратификации, характерные для советской системы. Молодежь все менее готова жертвовать во имя работы своим здоровьем, выполнять низкоквалифицированные функции ниже своих способностей и умений, делать однообразную работу, трудиться в условиях сурового климата. Она настроена преодолевать трудности, связанные с учебой в «трудном» институте, выполнять работу с повышенной ответственностью, переучиваться и осваивать новые профессии, не заводить семью до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения. Повышается внимание и к качеству жизни: обеспеченности жильем, экологическим условиям¹⁶.

Второй этап в основном относится к 2000—2003 гг. Суть его состояла в том, чтобы на основе достигнутой макроэкономической стабильности начать формирование политических и экономических институтов, характерных для современного общества и более точно ориентированных на особенности России. Основными задачами этого этапа были: во-первых, завершение политической стабилизации и, во-вторых, разработка и принятие развернутой нормативно-правовой базы посткоммунистической России (прежде всего экономического законодательства). Поскольку к этому моменту программа реформ 1992 г. («программа Гайдара») была практически полностью выполнена, по инициативе президента В.В. Путина был разработан новый документ — Стратегия социально-экономического развития до 2010 года («программа Грефа»).

Администрация В.В. Путина уделила первостепенное внимание восстановлению политической стабильности в стране. Основная тяжесть работы пришлось на обеспечение условий для реального функционирования российского единого экономического пространства и на преодоление зависимости государства от влияния групп частных интересов. Региональная политика позволила преодолеть возникшие в начале 90-х гг. сепаратистские тенденции, на деле (а не только по букве закона) обеспечить приоритет федерального законодательства над региональным. Произошло упорядочение правового и политического поля страны. Это позволило ликвидировать необоснованные льготы, которые в прежние годы смогли выторговать себе отдельные регионы.

Серьезнейшей проблемой 1990-х гг. было абсолютное господство в политической жизни страны представителей хозяйственных группировок, и прежде всего наиболее богатых из них — олигархов. Мощный удар по олигархическому правлению был нанесен оздоровлением бюджета, преодолением бюджетного дефицита. Экономическая основа олигархии состояла в том, что правительство находилось в полной зависимости от готовности финансового капитала (олигархов) давать ему займы, т.е. покупать ГКО. В результате от действий одного-двух крупнейших предпринимателей, от их поведения на рынке госдолга зависела судьба правительства, не только экономическая, но и политическая стабильность страны. Это и превращало очень богатых людей в олигархов. Теперь благодаря ответственности финансовой политике зависимость власти от финансового капитала преодолена. Одновременно власть предприняла шаги по решительному дистанцированию от основных бизнес-групп, отделению их от участия в политическом процессе, что является важным шагом на пути политического выздоровления.

Основное внимание на этом этапе реформ уделялось формированию таких базовых институтов рыночной экономики, как Гражданский, Налоговый, Бюджетный, Трудовой и Земельный кодексы, пенсионное законодательство; начались процессы дерегулирования (снижения административных барьеров предпринимательской деятельности); проводилось совершенствование межбюджетных отношений (федеральный бюджет, регионы и местное самоуправление); удалось приступить к реформированию естественных монополий и многое другое. Важнейшим фактором обеспечения финансовой устойчивости стало принятие законодательства, регулирующего создание и функционирование Стабилизационного фонда. Были сделаны важные шаги по присоединению к ВТО, активизировались интеграционные

процессы с ближайшими соседями России — членами СНГ. Признанием успешности социально-экономического развития России стало последовательное повышение кредитного рейтинга, предоставления нашей стране Европейским Союзом и США статуса страны с рыночной экономикой. Реализация этих реформ позволила России продвинуться по пути экономических преобразований, обеспечить экономический рост. Начал обновляться производственный потенциал. Быстро росли золотовалютные резервы Центрального банка, постепенно (хотя и медленно) снижалась инфляция.

Экономический рост на этом этапе носил преимущественно восстановительный характер, т.е. опирался на активное вовлечение в производство не задействованных в период кризиса производственных мощностей. Другой особенностью восстановительного роста является его постепенное затухание, происходящее по мере исчерпания свободных и пригодных для использования мощностей.

В 2004 г. стало заметно исчерпание задач второго этапа трансформации. С одной стороны, появились признаки перехода к новой модели экономического роста — от восстановительного роста к инвестиционному. С другой стороны, настало время разработки стратегии и тактики социально-экономического прорыва, определения инструментов, призванных и способных обеспечить решительное сокращение разрыва между Россией и наиболее развитыми странами мира.

Первые два этапа реформ привели к исключительно важным сдвигам как институционального, так и структурного характера. По нашему мнению, три из четырех перечисленных выше кризисов в результате были преодолены, а соответствующие трансформационные процессы — исчерпаны.

Прежде всего, *была проведена макроэкономическая стабилизация*. Кризис оказался довольно длительным по продолжительности (около десяти лет), однако не беспрецедентным в экономической истории. Стабилизация была осуществлена при помощи набора стандартных мероприятий (либерализация, бюджетная и денежная стабилизация), и ее успешное завершение сформировало основу для восстановления экономического роста. Разумеется, решение задач стабилизации не является раз и навсегда данным. Экономическая система не застрахована от ошибок власти, от ее неадекватных и популистских решений. Хотя в 1999—2004 гг. власть России прошла через серьезное испытание — благоприятной ценовой конъюнктурой на товары российского экспорта — и пока это испытание выдержала, не

попав в крайне опасную западную бюджетного популизма (см. на эту тему ниже, в Разделе 2).

Практически *исчерпаны процессы революционной трансформации*. В первый президентский срок В.В. Путина удалось закрепить политическую стабилизацию, восстановить престиж государственной власти, а тем самым удалось синхронизировать макроэкономическую стабилизацию с политической. При всех различиях политических партий они уже не столь радикально расходятся, как это было в 90-е гг. Возникает общая система базовых ценностей, которые не являются уже предметом политической борьбы. В частности, мало кто ставит под сомнение частную собственность в качестве основы экономической и политической жизни (хотя оценки итогов приватизации остаются противоречивыми); все (даже левые) поддерживают политику снижения налогового бремени; все согласны с необходимостью перенесения центра тяжести на проведение глубоких институциональных реформ. Конечно, практические рекомендации политических сил существенно различаются, но уже не настолько, чтобы привести к разрушению политической стабильности. Способность власти обеспечить базовую макроэкономическую стабильность является важнейшей экономико-политической характеристикой преодоления революционного кризиса¹⁷.

Можно говорить и об *исчерпании задач посткоммунистической трансформации*. Этот вывод нередко вызывает особенно острые возражения и поэтому требует пояснений. Три основные характеристики отличают коммунистическую систему: тоталитарный политический режим, абсолютное господство государственной собственности в экономике и товарный дефицит¹⁸. К началу нового века в России были преодолены все три черты коммунизма. Это не означает, разумеется, что был полностью преодолен кризис, с которым страна вступила в 1990-е гг. Однако тяжелые структурные и макроэкономические проблемы, которые продолжают стоять перед Россией и которые делают ее очень уязвимой перед угрозой внешних шоков, не являются, строго говоря, наследием коммунистической системы. Они — результаты развития и кризиса индустриальной системы, и недаром практически все страны, которым приходилось решать задачи перехода к постиндустриальному обществу, сталкивались со схожими вызовами.

Словом, *доминирующей социально-экономической проблемой современной России является кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ постиндустриального общества*. Этот процесс предопределяет существо происходящей ныне трансформации и основные вызовы, с которыми

будет сталкиваться страна на протяжении ближайшего десятилетия. Именно они должны стоять в центре внимания на нынешнем, *третьем этапе* социально-экономического развития России.

1.5. Современная (третья) фаза модернизационных реформ

Теперь можно говорить о переходе к *третьему этапу* экономических реформ и, соответственно, экономической политики. *Речь идет о выработке стратегии социально-экономического прорыва в условиях современного постиндустриального общества.* Задачи эти являются исключительно сложными, и сам по себе факт перехода к данному этапу реформ еще не гарантирует успешности достижения стоящих перед страной стратегических целей. Успех или неуспех дальнейшего развития зависит в первую очередь от политики власти.

На этом этапе ключевыми являются так называемые проблемы «третьего поколения» — проблемы развития человека, инвестиций в человеческий капитал, а также задачи развития и совершенствования политических институтов. Главными теперь становятся не макроэкономика (ее проблемы в основном решены) и даже не экономические институты (они уже в основном сложились). Главное конкурентное преимущество современной высокоразвитой страны связано с человеческой личностью и с теми факторами, которые непосредственно обеспечивают жизнедеятельность человека. К таковым относятся сферы образования и здравоохранения, жилье, инфраструктура, устойчивость политической демократии.

Это новые задачи, для решения которых практически не существует успешного зарубежного опыта. Поиск приходится вести с нуля, что существенно отличает новые задачи от задач первых двух этапов, при решении которых можно было использовать богатый зарубежный опыт¹⁹. Однако сама постановка задач «третьего поколения» свидетельствует о довольно высоком уровне развития современной России — только развитые страны выдвигают человеческий потенциал в качестве своей приоритетной задачи.

Понятие приоритета, «точки роста» применительно к современным экономикам существенно меняется по сравнению с тем, что принято рассматривать в качестве таковых в менее развитых обществах. Приоритетными теперь являются не отдельные отрасли и секторы промышленности, но институты, связанные с развитием личности и через человека влияющие на состояние экономики. Эта особенность современного мира

была обозначена в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2004 г., где в качестве главных проблем были обозначены образование, здравоохранение, жилищная политика и другие социальные проблемы.

Можно выделить три принципиальные особенности этого этапа. Во-первых, теперь должны вырабатываться тонкие механизмы экономической настройки, требующие очень осторожного вмешательства в ткань экономической жизни. Во-вторых, за последние годы существенно возрос административный ресурс власти — государство укрепились и теперь может позволить себе быть более активным, чем это было на протяжении большей части 1990-х. В-третьих, Россия подошла к такому моменту создания новых институтов, когда опыт других стран начинает играть крайне ограниченную роль.

На предыдущих этапах, формируя базовые предпосылки современной рыночной экономики, можно было опираться на достижения других стран, а также учитывать их провалы, чтобы не повторять чужих ошибок. Это касалось денежной и бюджетной стабилизации, дерегулирования, гражданского и банковского законодательства и др. Хотя по целому ряду проблем даже тогда приходилось искать оригинальные решения, которые действительно оказывались весьма эффективными (например, налоговое законодательство).

Однако учет опыта других в лучшем случае позволяет не совершить грубых ошибок (и то далеко не всегда), помогает сформировать необходимые условия устойчивого развития — но не достаточные. Дело не только в уникальности решений, которые обеспечили бы социально-экономический прорыв. Россия не единственная страна, которая столкнулась с проблемами коренного реформирования секторов, связанных с развитием человеческого потенциала. Этот кризис является вообще не посткоммунистической проблемой, а имеет гораздо более глобальный характер. Все развитые страны мира стоят сейчас перед необходимостью коренной перестройки своих социальных систем, прежде всего здравоохранения и образования. Причины нарастающего кризиса в том, что современные социальные системы были сформированы в эпоху индустриализации, т.е. в принципиально иных демографических и социальных обстоятельствах, — когда преобладало население молодого возраста, продолжительность жизни была относительно невелика, а абсолютно преобладавшее по численности сельское население почти не пользовалось услугами социального сектора. Теперь ситуация коренным образом изменилась, даже самые развитые страны с трудом справляются с резко возросшей социальной нагрузкой²⁰.

Словом, теперь предстоит решать задачи, гораздо более сложные, чем в предыдущее десятилетие. Опасностью же являются искушение преувеличить административные возможности власти и отсутствие жестких бюджетных ограничений. А что творческому человеку посоветовать?.. Последнее будет сопровождаться постоянным лоббистским давлением на правительство с требованиями «дать денег» на сооружение никому не нужных объектов.

Существенной особенностью третьего этапа реформ является то, что практически *полностью исчерпанными оказываются возможности повышения экономической эффективности, консолидации роста исключительно за счет совершенствования собственной экономической сферы, экономического законодательства*. Страна подошла к такой фазе, когда дальнейшее экономическое развитие в значительной мере будет определяться состоянием политических и правовых институтов.

Для решения задач экономического рывка сейчас недостаточно иметь хорошее трудовое и земельное законодательство, законы о банках и банкротстве, налоговое и бюджетное право. Все эти нормы и правила должны эффективно осуществляться на практике, а это требует эффективного госаппарата, справедливого суда, достойной правоохранительной системы. Словом, эффективного функционирования базовых институтов государственной власти. Ни один закон не будет приносить те результаты, которых от него ждут, если все органы государственной власти не обещают его исполнение, а суд не защитит гражданина при нарушении его прав.

Российская элита все более сознает важность этих проблем. Активно обсуждаются вопросы административной и судебной реформы, реформы комплектования армии. Однако проработка и глубина осознания остроты этих проблем различна.

Сложнее всего обстоят дела с судебной реформой. Подавляющее большинство экономической элиты и значительная часть политической элиты осознают, что сохранение нынешнего уровня коррупции резко тормозит предпринимательскую деятельность. На необходимость повышения эффективности судопроизводства, преодоление судейской коррупции неоднократно указывал В. Путин в посланиях, об этом же осенью 2004 г. резкое заявление сделал В. Зорькин²¹. Острота этой проблемы, правда, пока не привела к нахождению понятного механизма ее решения: судебная реформа началась несколько лет назад и считается, что проходит она успешно, а само судейское сообщество не склонно признавать наличие внутри себя острейших проблем.

Словом, состояние институтов государственной власти выходит сейчас на передний план, становится главным «узким местом».

Подчеркивая приоритетность институциональных проблем, нельзя забывать о необходимости обеспечивать и укреплять макроэкономическую стабильность, достигнутую за предыдущее десятилетие. Денежная и финансовая стабилизация является важнейшим достижением России, ее существенным отличием от многих других переходных экономик, условием формирования благоприятного инвестиционного климата. Главными факторами обеспечения макроэкономической стабильности в настоящее время являются проведение сбалансированной бюджетной политики, сохранение режима плавающего валютного курса, значительные золотовалютные резервы Центрального банка, а также Стабилизационный фонд.

Раздел 2. Опасности и риски современного этапа российской модернизации

Модернизация — исключительно сложный процесс, далеко не всегда предполагающий *happy end*. Как известно, случаев успешной модернизации пока гораздо меньше, чем попыток совершения этого рывка. Успех в конечном счете зависит от политики, от способности властей и общества создать институты, обеспечивающие ускоренный рост при необходимых (прогрессивных) структурных трансформациях. На этом пути политиков и общество подстерегают риски. Четкое осознание этих рисков ничуть не менее важно, чем выработка позитивных рекомендаций по принятию тех или иных мер.

Эти риски существуют в самом процессе социально-экономического развития страны. На всех этапах этого развития возникают определенные «развилки», появляются возможности выбора альтернативных решений. При этом очень важно избегать заблуждений, основанных на иллюзиях и опыте прошлых периодов.

В данном разделе будут рассмотрены некоторые из этих рисков и развилок. При их анализе мы будем опираться на опыт как нашей страны, так и других стран, решавших аналогичные задачи. Этот опыт может играть и позитивную роль, служить предостережением для современных политиков. В других случаях — может оказаться неуместным для использования в наши дни.

2.1. Абсолютизация темпов экономического роста и риски восстановительного роста

Задача обеспечения высоких темпов экономического роста является, несомненно, одной из важнейших в деятельности любого правительства. Высокие темпы роста свидетельствуют, как правило, об эффективности экономической политики, осуществляемой в данной стране.

Однако роль темпов роста, как и любых других количественных показателей, не следует абсолютизировать. Нам действительно нужны высокие темпы роста, но такого роста, который удовлетворял бы ряду дополнительных критериев.

Во-первых, рост должен сопровождаться прогрессивными структурными сдвигами, а не консервировать экономическую отсталость и неэффективность. (Достаточно вспомнить пример таких стран, как Белоруссия или Туркмения, которые достигли докризисного уровня производства при консервации или даже деградации экономической структуры). Более того, прогрессивные структурные сдвиги могут сопровождаться снижением темпов роста. Отчасти это происходит по причинам статистического характера, когда новые сектора экономики плохо учитываются статистикой, ориентированной на традиционную экономическую структуру. Достаточно вспомнить уже приводившиеся примеры «стагнирующего» Запада и растущего СССР в 1970-е гг., когда на самом деле в первом случае шла глубокая структурная трансформация, а во втором накапливались предпосылки будущего краха.

Во-вторых, темпы роста должны быть устойчивыми на протяжении длительного периода. Альтернативой является искусственное ускорение темпов роста (как правило, популистскими методами финансовой накачки спроса и госинвестиций), после чего следует кризис или стагнация. Эта ситуация также не относится к разряду благоприятных.

Так, в настоящее время при разработке сценарных прогнозов предлагается три варианта развития страны: инерционный, за счет развития экспорта (в основном топливно-сырьевого) и инновационный, причем лишь второй и третий сценарии обеспечивают удвоением ВВП за десятилетие. Казалось бы, по критериям роста наихудшим является первый вариант. На самом же деле второй гораздо более опасен, если исходить не из желания похвастаться выполнением «поручения по росту», а из задачи реального повышения конкурентоспособности страны. Второй вариант по сути своей повторяет путь СССР, т.е. предполагает резкое усиление нефтяной зависимости от внешнеэкономиче-

ской конъюнктуры с перспективой социально-экономического краха. Зато «задание об удвоении» будет исполнено.

В-третьих, рост должен обеспечивать сокращение разрыва между Россией и наиболее развитыми странами мира. Иными словами, темп роста должен превышать соответствующий среднемировой показатель и показатели стран — пионеров постиндустриальной модернизации. Пока России удастся обеспечивать такую динамику. Учет этого фактора тем более важен, что показатель роста может колебаться в соответствии с колебаниями внешнеэкономической конъюнктуры (современная открытая экономика не может быть полностью нечувствительна к подобным колебаниям), однако и в этом случае принципиально сохранение превышения темпа роста экономики России по сравнению с наиболее развитыми странами.

В-четвертых, это должен быть реальный рост, не фальсифицируемый в угоду политической конъюнктуре и для удовольствия политических лидеров. Стоит лишь намекнуть губернаторам, что их деятельность будет оцениваться по достигнутым в их регионах темпам роста, а последним трем по итогам года будет выражаться недоверие, и с темпами у нас все будет великолепно. В результате, правда, ситуация может дойти до того, что уже никто в стране не будет знать, что же реально происходит в отечественной экономике, а за справками придется обращаться к ведущим зарубежным спецслужбам (примерно так обстояли дела в последний период существования СССР)²².

Чувствительность властей к проблемам экономического роста приобретает подчас довольно странные формы. В результате у нас уже даже Генпрокуратура начинает заниматься этим проблемами, требуя у руководства Центробанка объяснения причин укрепления реального курса рубля, подрывающего конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей. С не меньшим основанием можно было бы допрашивать руководство Гидромета по поводу погоды, неблагоприятной для урожая, а потому подрывающей продовольственную безопасность страны.

Особенно опасна абсолютизация задачи роста в период восстановления после тяжелого и длительного кризиса. То есть в тех условиях, в которых находится Россия в настоящее время. Восстановительные процессы охватывают как экономические, так и политические сферы. Однако, как свидетельствует опыт прошлого, политические и экономические процессы развиваются неравномерно и в ряде случаев разнонаправленно. Политическая система укрепляется обычно быстрее, чем формируется новая экономическая база. Это вызывает недовольство поли-

тиков, искушение прибегнуть к экзотическим (и зачастую популистским) методам подхлестывания экономического роста.

Наиболее яркий пример дает ход восстановительных процессов в 1920-е гг. Тогда, после Гражданской войны, происходило укрепление политической власти правящей партии и бурно развивались восстановительные процессы в экономике. Но уже к середине десятилетия выявилась неприятная особенность экономического роста — его затухающий характер. Экономисты объясняли, что снижение темпов роста является характерной чертой восстановительного процесса, т.е. происходит по мере исчерпания свободных мощностей и перехода на инвестиционную модель. Это крайне раздражало власть, верившую, что рост своего политического могущества она может непосредственно конвертировать в экономический рост.

Это была серьезная развилка. Правительство могло сосредоточиться на создании благоприятных условий для предпринимательской деятельности, для притока не только государственных, но и частных инвестиций. Вместо этого власти решили прибегнуть к политическому нажиму и активизации государственного участия в экономике. Стали усиливать обложение частного и снижать закупочные цены на сельхозпродукты, кроме того, частные производители были лишены избирательных прав. В ответ крестьяне стали сокращать посевы, а городские предприниматели проявлять повышенную осторожность при принятии инвестиционных решений.

Если в первой половине 1920-х появление подобных затруднений побуждало правительство корректировать свою политику, то теперь, укрепившись политически (в том числе благодаря разгрому троцкистской оппозиции), власть могла позволить себе жесткую реакцию. Неэффективность проводимой политики «объяснили» пороками нэпа, а потому был взят курс на его ликвидацию. Частных производителей обвинили в саботаже, а экономистов и политиков, ратовавших за органичное, бескризисное развитие экономики, за сбалансированные по секторам темпы роста, за интеграцию всех социальных слоев («врастание кулака в социализм»), обвинили во вредительстве, и они предстали перед пролетарским судом.

Процессы 1928—1931 гг. над инженерами и экономистами, критиковавшими проекты «социалистической реконструкции», осуществлявшейся за счет массового ограбления большей части народа, стали первыми в череде сталинских чисток. И именно тогда, отказываясь впредь от серьезного экономического анализа, С. Струмилин произнес слова: «Лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие»²³. Темпы были достигнуты

действительно высокие, но ценой таких человеческих, интеллектуальных, социальных и материальных жертв, последствия которых не преодолены в нашей стране до сих пор.

Таким образом, период восстановительного роста и консолидации власти является временем повышенной опасности для устойчивости социально-экономической системы. На этом этапе очень важно избежать разного рода непродуманных шагов, которые якобы подхлестывают экономический рост, а на самом деле способны только запугать предпринимателя, оттолкнуть его от инвестиций в российскую экономику. А оттолкнуть его можно не столько авторитарными тенденциями в политике, сколько непонятными и плохо предсказуемыми действиями в экономике.

2.2. Проблемы авторитарной модернизации

Сам по себе авторитарный или демократический характер власти не является однозначно позитивным или негативным фактором экономического роста. Исторический опыт последних трех веков убедительно свидетельствует, что предпринимательская активность практически индифферентна к характеру политического режима. Однако это отнюдь не означает, что этим фактором можно всегда пренебрегать. Существует сложная и уже неплохо изученная взаимосвязь этих параметров, важная для понимания процессов современной российской модернизации.

Политический режим связан с уровнем экономического развития, измеряемым показателем среднедушевого ВВП²⁴. Определенным уровням экономического развития соответствует тот или иной тип политического режима. Скажем, страна с уровнем 1200—1400 долл. (1990 г.) ВВП на душу населения является аграрной (примерно $\frac{2}{3}$ населения и столько же ВВП связано с сельским хозяйством), с низким уровнем образования (неграмотно более половины населения), причем если речь идет о периоде до начала XX в., то это — монархия. Страны с уровнем порядка 2000—6000 долл. являются аграрно-индустриальными или индустриальными, с доминированием промышленности в производстве и занятости, увеличивающимся городским населением и, как правило, с авторитарными (или тоталитарными) политическими режимами. А в странах с уровнем выше 10 тыс. долл. интенсивно идет структурная трансформация в направлении постиндустриализма. Уровень среднедушевого ВВП хорошо коррелирует с индексом человеческого развития и индексом

экономической свободы, с развитием процессов политической демократии.

Таким образом, *уровень экономического развития в значительной мере предопределяет политические институты, предпочтительные для данной страны. Следовательно, и оптимальный для устойчивого экономического роста политический режим зависит от уровня ее экономического развития.* Страны высокого уровня развития могут решать задачи адаптации к постиндустриальным вызовам при наличии достаточно развитых институтов современного демократического общества.

Понятен механизм такого взаимодействия. Высокий среднедушевой ВВП означает наличие зажиточного, образованного и преимущественно городского населения. То есть людей, которым есть что терять в случае неэффективной политики властей и которые достаточно развиты, чтобы принимать ответственные решения относительно этой политики. Эти люди имеют неплохую историческую память и их гораздо труднее обманывать популистскими посулами, чем население менее развитых аграрных (доиндустриальных) стран. Именно поэтому образованное городское население не готово активно участвовать в хозяйственной деятельности (и как налогоплательщик, и, тем более, как предприниматель), если его мнением пренебрегают²⁵.

Естественно, не существует автоматически действующей зависимости политического режима от уровня экономического развития. Однако практика последних 30 лет свидетельствует, что по достижении определенного уровня среднедушевого ВВП страны разных регионов и культур начинают осуществлять демократические преобразования. Современный процесс, получивший название «третьей волны демократизации», был начат в середине 1970-х гг. в Португалии и Испании, а затем распространился на страны Европы, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. При всем различии государств (от Южной Кореи и Тайваня до России, от Польши до Бразилии), их уровень экономического развития в период начала демократизаций был сопоставим.

Возможны и задержки на этом пути. Чаще всего они связаны с наличием мощного потока природной ренты, позволяющей, как в странах Персидского залива, откупаться от населения и не проводить политическую либерализацию. Однако такое торможение назревших реформ не снимает противоречия, а лишь коптит потенциал гораздо более мощного взрыва, который может оказаться настолько сильным, что уничтожит не только господствующий режим, но и само государство.

Наконец, принципиально важным является вопрос о соотношении тех или иных политических институтов, об их относительной значимости по отношению друг к другу. В отличие от учебников по демократии и советов западных «специалистов», в реальном политическом процессе все демократические институты не могут возникнуть одновременно. Требуется немалое время для их внедрения в повседневную практику. Можно выделить институты («правила игры», законы), принципиально необходимые для обеспечения устойчивого экономического роста, по отношению к которым остальные выступают вторичными.

К первичным политическим условиям, необходимым для экономического роста, относятся гарантии неприкосновенности человека, его жизни и свободы. Это предполагает также наличие независимой от госвласти судебной системы, а также определенного уровня независимости СМИ, их способности обеспечивать общественный контроль за ситуацией. Защита жизни и собственности от произвола является абсолютно необходимой основой современного экономического роста. И это совершенно естественно: ведь прежде чем накапливать и инвестировать, организовывать и производить, и даже прежде чем сохранять собственность и тратить деньги, человек должен быть уверен, что его жизнь и свобода не зависят от произвола начальства.

Мы провели обширное статистическое исследование, в котором измерялось влияние разных политических институтов на экономический рост в более чем полусотне стран, проходивших через глубокую трансформацию во второй половине XX в. Анализ подтверждает, что по сравнению с перечисленными факторами гораздо меньшую роль играют конституционная система (президентская или парламентская республики), территориальное устройство (федерация или унитарное государство), налоговый режим и административные барьеры — и многое, многое другое. Опыт Англии — первой страны современного экономического роста — полностью подтверждает этот вывод.

Этот тезис очень хорошо характеризуется диалогом между видным советским юристом С.Б. Членовым и нэпманом. **«Советская власть приняла решение о гарантии сохранности банковского вклада. Понесет ли теперь буржуазия деньги в банки?» — спросил юрист. И получил ответ: «А как насчет сохранности жизни вкладчика?»**

Таким образом, сам по себе характер политического режима (авторитарный или демократический) не является критически важным для экономического роста, он не пугает инвесторов, особенно иностранных. Для них более важны гарантии непри-

косновенности личности и собственности, а также понятность и предсказуемость «правил игры», принятых в данной стране.

2.3. Богатство природных ресурсов — источник повышенной опасности

Специальной проблемой является оценка роли природных ресурсов с точки зрения их влияния на экономический рост. В последнее время широко распространена точка зрения, в соответствии с которой экономический рост в России определяется высокой ценой на нефть, и при ее снижении существенно сократится — в крайних вариантах утверждается, что рост может даже смениться спадом. На самом же деле роль природных ресурсов в обеспечении высоких темпов роста не столь однозначна, как это выглядит на поверхности.

Не вызывает сомнения, что роль сырьевого (особенно топливно-энергетического) сектора в российской экономике исключительно велика, как это было и в экономике позднесоветской. Признание этого предполагает и признание принципиальной уязвимости не только экономической, но и политической системы — ведь крах СССР был в значительной мере связан с резким снижением того уровня цен на нефть, к которому за 1970-е гг. адаптировалась советская экономика. Однако здесь не может быть прямых аналогий.

Обильная природная рента (в частности, высокие цены на нефть), стимулируя экономический рост в одних секторах, создает препятствия на пути долгосрочного роста, обеспечивающего структурные сдвиги.

Можно перечислить ряд факторов, оказывающих негативное влияние на экономическую ситуацию в условиях обилия природных ресурсов.

Во-первых, механизм, известный под названием «голландской болезни», подхлестывая повышение реального курса национальной валюты, снижает конкурентоспособность значительной части экономики. Меры, принимаемые денежными властями для сдерживания реального курса рубля, подхлестывают инфляцию.

Во-вторых, значительный отрыв сырьевых отраслей по уровню доходности приводит к дестимулированию инвестиций в иные секторы. Тем самым сдерживается структурная трансформация, подрываются стимулы к диверсификации. Замедляются и структурные реформы.

В-третьих, возникает конфликт между интересами бюджета и интересами экономического развития. «Дешевые деньги» облегчают положение бюджета и возможности бюджетного маневра.

В то же время значительная часть экономических агентов отнюдь не заинтересована в такой ситуации, когда снижается конкурентоспособность отраслей, работающих на внутренний спрос.

В-четвертых, государственная власть подвергается испытанию экономическим популизмом и коррупцией. Наличие значительных финансовых ресурсов провоцирует усиление лоббистской активности, которая захватывает не только предпринимателей, но и представителей власти, отвечающих за решение конкретных отраслевых проблем. Правительству все труднее сопротивляться этому давлению, и с течением времени может начаться неконтролируемый рост бюджетных расходов, что усилит опасность макроэкономической дестабилизации в будущем.

В-пятых, ряд эконометрических исследований показывает, что страны, более богатые топливно-энергетическими ресурсами, имеют относительно более низкий уровень развития человеческого капитала (прежде всего образования)²⁶. Это объясняется снижением интереса к человеческому капиталу при наличии мощного потока денежных средств, не связанных с ростом производительности труда. Сырьевые секторы в общем предъявляют более низкие требования к квалификации рабочей силы, а потому доминирование этих секторов в экономике страны снижает спрос на образовательные услуги, что может иметь весьма опасные долгосрочные последствия.

Таким образом, влияние возможного снижения цен на нефть на экономическое развитие России представляется не столь уж однозначным. Ведь снижая роль внешнеэкономического источника роста, более низкие цены на нефть создают дополнительные возможности развития национальной экономики. Однако, для того чтобы это произошло, необходима адекватная экономическая политика, причем адекватной она должна быть в двух отношениях. Первое: быть ответственной на этапе высокой ценовой конъюнктуры, т.е. не допускать значительного усиления бюджетной зависимости от «дешевых денег». И второе: точно реагировать на этапе ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры, прежде всего посредством регулирующей деятельности денежных властей.

Сказанное позволяет сформулировать один важный экономико-политический вывод. Нам необходимо разработать стратегический план действий на случай падения цен на нефть или наступления глобальной рецессии. Он должен включать широкий комплекс скоординированных мер в области валютно-денежной, бюджетной, долговой, структурной политики, а также многих других вопросов развития национальной экономики и ее отдельных секторов. По сути, целесообразна разработка соответствующей

шего приложения к Среднесрочной программе социально-экономического развития России.

Адекватность политики предполагает недопущение усиления структурной зависимости экономики от высоких цен на нефть. В принципе эта зависимость не столь опасна при условии сохранения данного уровня цен на нефть в будущем. Главная опасность состоит в том, что хозяйственная структура (спрос и его удовлетворение, структура импорта и потребления) подстроится под высокую экспортную конъюнктуру, а после падения цен на экспортные товары последует тяжелый структурный кризис, который с высокой степенью вероятности будет сопровождаться кризисом политическим.

Одним из первых примеров разрушения страны, не справившейся с обильным притоком природной ренты, является собой Испания XVI—XVII вв. В начале XVI в. это было ведущее европейское государство, создавшее империю и претендовавшее на статус сверхдержавы, обладавшее самой мощной армией и здоровым бюджетом. Однако начавшийся приток золота и серебра из американских колоний привел к тяжелому экономическому кризису, хроническому бюджетному дефициту и развалу империи. Из начавшегося к концу XVI в. кризиса Испания не могла выбраться на протяжении следующих четырех столетий²⁷.

Эти проблемы хорошо известны и из нашего недавнего прошлого. Как уже отмечалось, крах советской системы связан с неосторожной экономической и прежде всего инвестиционной политикой в 1970-е гг., когда резкое повышение цен на нефть обернулось экономико-политической эйфорией. Были свернуты экономические реформы, разрабатывавшиеся на рубеже 60—70-х и нацеленные на повышение эффективности советской экономики, на ее адаптацию к новым вызовам (которые позже стали называться вызовами постиндустриального общества). Началась структурная трансформация, отход от сложившегося к 60-м равновесного состояния со слабой зависимостью от внешней конъюнктуры и резкое усиление влияния мирового рынка на положение дел в стране. Менее чем за десятилетие советское хозяйство попало в зависимость от импорта, т.е. от наличия валютных ресурсов для его обеспечения. Это касалось в особенности потребительского рынка (в том числе и продовольственного) и машиностроения для добычи дополнительных энергоресурсов. Фактически в стране осуществлялась программа «нефть (и газ) в обмен на продовольствие». Такая политика позволяла поддерживать экономический рост, отложить назревшие экономические и структурные реформы, однако в итоге привела к развалу государства.

Другой пример демонстрирует Мексика того же периода. Получив благодаря высоким ценам на нефть огромные ресурсы, правительство страны решило, что нашелся простой способ решения всех проблем²⁸. Мексика встала на путь резкого повышения темпов роста и обеспечения экономической самостоятельности через развитие госсектора. Осуществлялись различные инвестиционные программы, темпы роста возросли с 3—4 % (1975—1977) до 8—9 % (1978—1981), а среднегодовой рост инвестиций составлял 16 %. Правда, оставался дефицитным бюджет, поскольку в ожидании будущих доходов правительство шло на широкие заимствования. Ситуация начала ухудшаться с изменением тренда нефтяных цен в начале 1980-х: ВВП стал снижаться, песо было девальвировано более чем на 40 %, внешний долг вырос с 40 млрд долл. в 1979 г. до 97 млрд долл. в 1985-м, резко ускорилось бегство капитала, золотовалютные резервы упали до 1,8 млрд долл. Если в первые годы правления Портилло на него возлагали большие надежды как внутри страны, так и за рубежом, то к исходу президентского шестилетия его обвиняли в «растранжиривании нефтяных доходов страны, экстравагантных внешних заимствованиях, в раздувании бюджетных расходов». После отставки Портилло вынужден был уехать из страны, а когда он умер в начале 2004 г., то даже не были организованы принятые в таком случае государственные похороны.

Наконец, стоит упомянуть Иран — еще одну страну, режим которой первоначально выиграл от роста нефтяных доходов, а затем потерпел полное фиаско. Причем в Иране крах произошел на пике нефтяной конъюнктуры, а не в результате ее снижения. Ключевым фактором дестабилизации здесь стала ускоренная модернизация, которая проводилась шахским правительством и в значительной мере оказалась модернизацией сверху, не имевшей глубоких корней в экономической и социальной жизни страны. В результате напряженность в обществе стала резко нарастать, и в конце 1970-х последовал взрыв «исламской революции».

Однако у правительств 1970-х гг. было хотя бы то оправдание, что к тому времени практически не имелось опыта проведения экономической политики в условиях негативной динамики цен на нефть. Руководители нефтедобывающих стран могли искренне верить, что цены на нефть имеют только повышательную динамику. На предостережения ученых (впрочем, весьма редкие) советские руководители презрительно морщились: разве мы можем машины водой заправлять? Теперь же у нас этого оправдания нет. Практика показала, что цены на основные товары российского экспорта могут идти как вверх, так и вниз и

что их динамика непредсказуема. Ответственная экономическая политика должна принимать во внимание эти факторы.

Разумеется, перечисленные факторы и обстоятельства не являются абсолютными. Известен ряд примеров ресурсобогатых стран с очень высоким уровнем экономического развития. Другое дело, что обилие природных ресурсов при определенных обстоятельствах становится барьером для выработки и реализации осмысленной, эффективной экономической политики. Важную роль играет уровень политического развития в момент появления изобилия природных ресурсов. Бывают случаи (довольно редкие), когда изобилие это обрушивается на страну, уже находящуюся на очень высоком уровне экономического развития, т.е. обладающей полным набором институтов, характерных для современной демократии. Иными словами, политическая система общества является высокоразвитой и обеспечивает прозрачность процедур выработки и принятия государственных решений относительно использования ресурсов, уровень коррупции близок к нулю, а экономика диверсифицирована и высокоэффективна. Таков пример Великобритании и особенно Норвегии, которые неожиданно стали богатыми углеводородами после открытия месторождений в Северном море. Эти страны смогли более или менее адекватно справиться с неожиданно возникшим потоком ресурсов, не допустив экономического торможения и деградации. Однако даже в этом случае правительственная политика подвергается серьезному испытанию популизмом, и в среднесрочной перспективе, как свидетельствует опыт Норвегии последних 20 лет, неизбежно происходит снижение качества экономической политики, находящейся под давлением разного рода лоббистов²⁹.

В настоящее время Россия сталкивается с очень серьезными рисками, связанными с внешнеэкономической конъюнктурой. Велика опасность принятия таких долгосрочных решений, которые резко усилят зависимость страны от внешней конъюнктуры и почти монопродуктового экспорта. Более того, уверенность в наличии «дешевых денег» может обернуться неадекватной бюджетной экспансией («бюджетной распущенностью»). Наличие больших денежных средств будет провоцировать все новые группы интересов потребовать их у государства — тем более, что перед Россией действительно стоят серьезные проблемы в области социальной сферы, финансирования армии и т.п. В результате страна может оказаться в ловушке бюджетного дефицита даже при нынешнем, очень высоком уровне цен на продукты ТЭК. Подчеркиваю: такого развития событий исключить нельзя.

2.4. Сила и слабость экономических прогнозов

Советская экономическая наука сформировала богатые традиции экономического планирования и прогнозирования. Богатые, хотя и не очень успешные, поскольку советские планы выполнялись лишь потому, что они корректировались и подгонялись под получаемые результаты. На самом же деле ни одна из двенадцати пятилеток так и не была полностью выполнена. Однако эти планы играли немалую роль в решении задач социально-экономической стратегии.

В условиях кризисных 90-х гг. интерес к долгосрочному планированию практически исчез, поскольку на повестке дня были прежде всего вопросы текущего выживания страны. И столь же естественно, что при достижении политической стабильности политическая и интеллектуальная элита России вновь стали интересоваться долгосрочными перспективами.

Наиболее четко этот вопрос был обозначен в идее В.В. Путина 1999—2000 гг. разработать Стратегическую программу на 10-летний период. Практически одновременно несколько коллективов профессиональных экономистов и менеджеров задались целью провести исследования долгосрочных тенденций развития общества. Правительство стало принимать трехлетние Среднесрочные программы развития страны и своей деятельности. В последнее время на повестку дня встал вопрос о разработке проекта трехлетнего бюджета, коррелируемого с соответствующими прогнозом и Среднесрочной программой.

Усиление интереса к планово-прогнозной деятельности понятно. Макроэкономическая и политическая стабилизация, набор экономикой определенной инерционности делают такого рода деятельность в принципе возможной. А выдвижение на передний план стратегических проблем развития страны обуславливает повышенный интерес к этой тематике.

Однако общественность идет еще дальше. Все большее число предпринимателей и ученых обращаются к правительству с настоятельным требованием определиться в своих отраслевых и иных приоритетах. В правительстве все чаще появляются прогнозы, рассчитывающие динамику роста российской экономики с десятками долями процента на 10-летнюю перспективу. И, наконец, в программных документах появился новый термин — «индикативный (или целевой) прогноз», который трудно интерпретировать иначе как шаг на пути к возрождению полноценного государственного плана. Здесь уже речь идет не просто о прогнозе, а о формировании специфических групп интересов,

рассчитывающих получить дивиденды от планово-прогнозной деятельности.

Признавая объективную обоснованность такого рода разработок в современной России, я не могу не поделиться некоторыми соображениями, близкими к предостережениям. Их игнорирование может привести к тому, что стратегические исследования могут принять в лучшем случае карикатурный характер.

Менее всего имеет смысл затевать абстрактный спор о том, хорошим инструментом является государственный план или плохим. Ответ на него должен быть привязан к конкретным условиям данного времени. А наше время, как было показано выше, отличается крайне низкими возможностями социально-экономического прогнозирования. Причем проблема эта связана не с качеством исследователей или инструментария планирования, а с характером технологической базы (производительных сил) постиндустриального общества.

Выше мы уже отмечали, что фундаментальной чертой современных социально-экономических процессов является резкое повышение уровня неопределенности. Вариативность «поворотов судьбы» (технологической, социальной) сегодня резко возрастает. Всякое же прогнозирование вольно или невольно навязывает существующие логику и тренды, следуя за которыми можно упустить реальные возможности стратегических прорывов. Достаточно помнить хрестоматийный пример, как, стремясь превзойти Запад по выплавке чугуна, стали, производству тракторов, танков и цемента, советские вожди задавили (разумеется, руководствуясь стратегическими соображениями индустриального мира) информационные технологии, биотехнологии и все, что относится к миру постиндустриальному.

Впрочем, снижение определенности — это черта, характерная не только для современного мира. Так не раз бывало в истории, особенно в периоды смены модели, научно-технической парадигмы общественного развития. Приведу очень характерный пример.

Для начала — цитата. «Крестьяне здесь так ленивы и медлительны, что они не утруждают себя сеять больше зерна, чем это необходимо для их собственного пропитания. Они предпочитают даже не обрабатывать землю, а оставлять ее под пастбища, на которых пасется огромное количество овец». Если прочитать первую половину, то создается впечатление, что принадлежит она какому-то иностранцу, пишущему о пресловутой лениности русского крестьянина. Казалось бы, теперь надо порассуждать о

непродуктивности культурных традиций православия и важности их изменения как основы стратегического плана.

Однако все не так просто. Цитата принадлежит итальянцу, путешествовавшему по Англии в самом конце XV столетия. Итальянские государства тогда были самыми развитыми в Европе, а Англия, только что выходящая из «войны роз», — одной из самых бедных. И консультант из развитой страны предлагает вполне естественную с точки зрения его опыта оценку ситуации. Мол, крестьяне недостаточно трудолюбивы, трудовая этика хромает. А главное, структура производства сугубо неэффективна: гораздо выгоднее сеять зерно, чем пасти овец. Казалось бы, исходя из «мирового опыта», надо разработать стратегический план замещения овцеводства хлебопашеством. Но ведь сейчас, с высоты прошедших веков, мы знаем: именно то, что итальянский путешественник считал источником застоя, позднее оказалось главным фактором начала небывалого роста, начала промышленной революции и превращения Великобритании в ведущую мировую державу.

И это очень важно. При всем обилии наших знаний нельзя не признать известной правоты и агностицизма. **Мы не знаем и принципиально не можем знать, какой наш порок или какая наша добродетель окажется источником прорыва в будущем или приведут к гибели. Более того, мы далеко не всегда можем знать, какой кризис послужит во вред, а какой во благо.**

Все это требует существенного переосмысления своей роли — экономистами, с одной стороны, и государством (т.е. политиками), с другой.

Экономисты должны признать принципиальную ограниченность своих прогностических способностей и отказаться от «опасной самонадеянности» предложения рецептов экономического чуда. В исходном пункте экономической политики любой успешной страны, осуществлявшей прорыв, никто точно не знал, к каким результатам она приведет в долгосрочной перспективе. И лишь по прошествии значительного времени можно было делать выводы об успехе или неудаче принятых мер. Иными словами, *лучшими специалистами по «экономическим чудесам» являются экономические историки будущего.* Если в прошлую эпоху экономическое чудо было феноменом не столько экономического прогноза, сколько экономической истории, то тем более это справедливо для современного общества.

Это должно признать и государство. Как только экономический прогресс перестал базироваться на угле, стали, танках и

ракетах, государство продемонстрировало крайне ограниченные возможности видения приоритетов. Отношение советской власти к генетике и кибернетике является лишь наиболее диким проявлением этой ограниченности.

Вот почему с предельной осторожностью надо относиться сейчас к разного рода предложениям о выработке и реализации некоторой промышленной политики. Естественно, если под промышленной политикой понимать формирование благоприятного предпринимательского климата, развитие человеческого капитала, обеспечение экономической и политической стабильности, включая укрепление правоохранительной системы, то против этого никто не может возражать. Однако термин «промышленная политика» имеет исторически обусловленное содержание. При его упоминании обычно имеют в виду действия властей по определению отраслевых приоритетов, «назначению победителей», которые в качестве награды должны получать политическую и финансовую поддержку. Идти по этому пути, «зажать» естественную динамику официальным прогнозом, строить ради этого государственные планы было бы сегодня крайне опасно.

Предприниматели, требующие определиться с долгосрочными отраслевыми приоритетами, в лучшем случае хотят снять с себя груз ответственности за принятие долгосрочных хозяйственных решений. Они небезосновательно полагают, что определение приоритетов будет сопровождаться выделением бюджетных средств, и из этого живительного источника можно будет получить неплохие дивиденды. Деньги сегодня, в процессе дележа бюджета на приоритетные статьи развития, для такого рода бизнеса гораздо важнее, чем возможность получать высокие доходы от правильно оцененной экономической тенденции будущего. Понятна и мотивация политиков, роль которых в подобной плановой системе существенно возрастает, поскольку им в руки попадает мощный перераспределительный рычаг. Если же в будущем сегодняшние решения и приоритеты окажутся ошибочными, то отвечать за это придется политикам и предпринимателям следующего поколения, а расплачиваться — всему обществу.

Да и в методологическом плане наша прогностическая деятельность сегодня оставляет желать много лучшего. Наши современные прогнозы основаны по преимуществу на оценке двух параметров — объема частных инвестиций и уровня цен на нефть. Однако такой подход может скорее ввести в заблуждение, чем помочь найти правильное решение.

Во-первых, весь мировой опыт свидетельствует о принципиальной непрогнозируемости цен на энергоресурсы, и всякая основанная на этом стратегия обрекает страну на тяжелое поражение. Чем дольше держатся высокие цены на нефть, тем более энергично звучат заверения о том, что теперь это навсегда. Это очень опасное основание для прогноза, поскольку в долгосрочном плане, в силу технологических сдвигов, цены на энергоресурсы имеют тенденцию к снижению. К этому сектору, как ни к какому другому, применимо *«первое правило экономического прогнозирования»*: строгий научно обоснованный прогноз отличается от гадания на кофейной гуще тем, что последнее иногда сбывается. Подобные вещи хорошо «предсказываются назад», когда находятся очень убедительные объяснения, почему данное событие произошло.

Во-вторых, будущее нашей экономики в гораздо большей степени зависит от состояния ее политических и правовых институтов, от способности стимулировать предпринимательскую активность, нежели от узкоэкономических параметров. Влияние институционального строительства на рост плохо прогнозируемо — вряд ли кто-то может точно спрогнозировать, через какой промежуток времени и в какой мере улучшение судебной системы, административная реформа или совершенствование образования приведут к экономическому росту. Однако несомненно, что институциональные факторы, раз обретенные, будут иметь гораздо более устойчивое и мощное воздействие на рост, нежели цены на нефть или бюджетные вливания.

Сказанное не следует понимать как абсолютное отрицание работ, посвященных народнохозяйственному прогнозированию. Эти работы предельно важны, если они осуществляются в адекватной организационной форме. Опасно, если стратегические исследования и их итоговые документы приобретут характер государственных. Гораздо эффективнее, если стратегические исследования, требующие вневедомственного подхода, будут вести коллективы, не имеющие четко выраженных ведомственных интересов. И материалы будут более интересные, да и дешевле это обойдется. А при необходимости использования чего-то монументального можно вспомнить и о Всемирном банке, где действительно сосредоточены весьма квалифицированные экономисты, чьи исследования и рекомендации, когда они не увязаны с предоставлением кредитов, полезнее самих денег.

Словом, долгосрочными прогнозами должны в первую очередь заниматься исследовательские и общественные организации, предлагая государству и обществу свои разработки для принятия политических решений. Именно так была поставлена

работа в 2000 г., и поэтому тогда были достигнуты убедительные результаты, которые до сих пор используются как основа среднесрочных правительственных программ.

2.5. Опыт Китая для современной России

С проблемой характера политического режима тесно связаны и рекомендации активнее использовать опыт КНР для решения задач экономического и структурного обновления России. Китай действительно демонстрирует чудеса экономического роста на протяжении последних полутора десятилетий. Однако вопрос об использовании китайской модели модернизации требует гораздо более детального сравнения, чем простая констатация успехов одной страны и трудностей другой.

Можно привести ряд аргументов как экономического, так и социально-политического характера в пользу тезиса о непригодности китайского опыта в условиях современной России, да и позднего СССР.

Политическая невозможность использования китайского опыта в посткоммунистической России достаточно очевидна. Фундаментальной политической характеристикой этого опыта является наличие тоталитарного режима, способного через партийную вертикаль и органы госбезопасности осуществлять всеобъемлющий контроль за ситуацией во всей стране. Либеральные реформы были начаты в России на рубеже 1991—1992 гг. в отсутствие не то что сильного государства, а государства как такового — СССР уже не было, а российский суверенитет существовал только на бумаге.

Социально-экономическая структура китайского общества близка к советскому, однако не 80-х гг., а периода нэпа. Соотношение городского и сельского населения, структура ВВП и занятости, уровень грамотности, система социального обеспечения населения и соответствующие всему этому показатели среднедушевого ВВП и бюджетной нагрузки на экономику (доля бюджета в ВВП) в СССР 1920-х—1930-х гг. и в КНР 1980-х—1990-х гг. в значительной мере совпадают (таблица 4). Не вдаваясь здесь в более подробное рассмотрение этого вопроса, отметим лишь, что китайская трансформация является свидетельством в пользу принципиальной возможности «мягкой» индустриализации нэповской России. В лучшем случае китайский опыт служит лишь подтверждением обоснованности экономической программы развития нэпа Н. Бухарина в его полемике с И. Сталиным³⁰.

**Некоторые социально-экономические показатели развития
СССР (1930 г.) и КНР (1980 г.)**

| Показатель | СССР, 1930 г. | КНР, 1980 г. |
|---|---------------|--------------|
| Среднедушевой ВВП, в международных долл., в ценах 1990 г. | 1386 | 1462 |
| Доля городского населения, % | 20,0 | 19,6 |
| Доля занятых в сельском хозяйстве от общего числа занятых, % | 86,7 | 74,2 |
| Доля грамотных от общего числа населения (для населения в возрасте от 15 лет и старше), % | 61,8 | 67,1 |

Источники: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820—1992*. Paris: OECD, 1995; Bairoch P. *Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Chicago, 1988; Mitchell B.R. *International Historical Statistics, Europe 1750—1993*. London: Macmillan, 1998; Гайдар Е.Т. *Долгое время: Россия в мире*. М., 2005. С. 306.

Иными словами, для реализации китайской модели ускоренного экономического развития важны три взаимосвязанных условия. Во-первых, невысокий уровень экономического развития, выражающийся в наличии значительного количества невовлеченных в эффективное производство трудовых ресурсов (аграрное перенаселение). Во-вторых, низкий уровень социального развития, когда государство не имеет характерного для развитого общества уровня социальных обязательств. (Так, если в КНР социальным страхованием и пенсионным обеспечением охвачено не более 20 % населения, то в СССР оно распространялось на все население.) В-третьих, низкий культурно-образовательный уровень, когда требование демократизации еще не является одним из ключевых для значительной массы населения.

Все эти факторы налицо в КНР — и всех их не было в Советском Союзе 1980-х гг. Поэтому те кто выражает сожаление, что СССР не пошел по пути Дэн Сяопина или рекомендует России учиться у Китая, должны согласиться со следующими предпосылками этого развития. Прежде всего, правительству следует отказаться от социальных обязательств и перестать платить большую часть пенсий и социальных пособий. Правительству следует также сократить объем предоставления бесплатных услуг в области здравоохранения и образования. И, наконец, довести

уровень бюджетной нагрузки в ВВП с нынешних 36—40 процентов до примерно процентов 20—25.

Аналогично и с уровнем демократизации. Советское общество 1980-х было уже достаточно зрелым и образованным, а страна относительно открытой для знакомства с западным образом жизни, чтобы реформаторские инициативы партийного руководства воспринимались населением без соответствующих политических подвижек. После неудачного опыта 1960-х (отказ от начатых экономических реформ и подавление реформ в Чехословакии) никто бы не поверил в серьезность намерений партийных лидеров, а реформаторская риторика воспринималась бы как попытка спецслужб проверить благонадежность граждан. Лишь готовность к политическим изменениям могла подтолкнуть экономические реформы.

Наконец, существует еще одна иллюзия относительно характера экономического роста Китая. Вот уже на протяжении ряда лет эта страна занимает лидирующие в мире позиции по притоку иностранных инвестиций. В сознании многих исследователей китайские реформы однозначно связаны с инвестиционным бумом, и в результате создается впечатление, что реформы и инвестиции все эти годы идут параллельно. Однако статистика позволяет уточнить этот вывод. Как известно, **реформы в Китае начались в 1978 г., а вот иностранные инвестиции бурно потекли в страну лишь в 1992-м. Иными словами, потребовалось тринадцать лет реформ и политической стабильности, чтобы инвесторы поверили в страну. Подчеркиваю, что это был период не только реформ, но и политической стабильности.**

2.6. Риски популизма

Необходимость обеспечения высоких темпов экономического роста повышает риск перехода к популистской экономической политике. Суть популизма в экономической сфере состоит в поиске простых и на поверхности очень легких решений, стимулирующих экономический рост и повышающих популярность властей (во всяком случае, в краткосрочном периоде).

Хорошо известны разного рода популистские рецепты о стимулировании экономического роста путем массивных бюджетных вливаний при усилении госконтроля за движением цен, товаров и капитала. За последние сто лет десятки стран пытались вырваться вперед, прибегая к подобного рода мерам, но всегда рано или поздно они приводили к тяжелому поражению. Именно таким путем Аргентина, которая в начале XX в. входила в десятку наиболее развитых стран мира, за несколько десятиле-

тий скатилась далеко вниз. Показателен и опыт СССР, хотя он охватывает более длительный интервал, включающий моменты, когда казалось, что избранный путь верен. Но экономическую логику все равно обмануть не удалось.

Логика развертывания экономической политики популизма достаточно хорошо изучена на примере многих стран, особенно латиноамериканских. Логика популистской политики описана в классической работе Р. Дронбуша и С. Эдвардса «Макроэкономика популизма в Латинской Америке»³¹. Вот как описывают они стандартную последовательность событий при реализации подобного рода программ. На *первой* фазе правительство ускоряет рост, перекачивая ресурсы из экспортных секторов в сектора «национальной гордости» (обычно машиностроение) и одновременно стимулируя спрос через повышение оплаты труда; экономика и благосостояние начинают расти, а с ними и популярность власти. На *второй* фазе появляются макроэкономические дисбалансы (ухудшение торгового и платежного балансов, сокращение валютных резервов, увеличение внешнего долга, нарастают трудности с бюджетом), однако на фоне экономического роста эти мелочи мало кого заботят. На *третьей* фазе быстро увеличивается товарный дефицит в контролируемом государственном секторе и резко ускоряется рост свободных цен; попытки заморозить цены ведут к усугублению товарного дефицита, а неизбежная девальвация курса национальной валюты оборачивается взрывом инфляции; ухудшается собираемость налогов, разваливается бюджет, снижается уровень благосостояния народа. На *четвертой* фазе происходит падение правительства, а новые (нередко военные) власти принимают радикальные меры по стабилизации социально-экономической ситуации по рецептам правых либералов.

Вряд ли есть серьезные основания утверждать, что подобный сценарий никак не применим к современной России. Тем более что за последние год-два у нас вполне политически оформилось популистское представление о механизме подстегивания экономического роста и структурных сдвигов. Это подход, характерный для левых сил, программные установки которых включают в себя стандартный набор действий, характерных для левопопулистских партий и правительств Латинской Америки 30-х—50-х гг. XX в. Основными элементами этой программы применительно к современной России являются:

- перераспределение собственности и доходов («обеспечение справедливости»);
- возврат к прогрессивному налогообложению — как по подоходному налогу, так и по ренте;

- проведение активной промышленной политики в традиционном смысле этого понятия, т.е. выделение приоритетов (отраслей «национальной гордости») и поддержка их методами бюджетной и налоговой политики;
- изъятие сверхдоходов у экспортно-ориентированных отраслей и использование их в «приоритетных» направлениях;
- макроэкономическая дестабилизация, включая не только отказ от профицита федерального бюджета, но возврат к практике дефицитного бюджета с направлением средств на увеличение государственного спроса. Выдвигаются даже предложения об использовании на цели развития экономики резервов Центрального банка;
- частичное восстановление государственного регулирования цен.

Попытка практической реализации этого курса приведет к серьезной дестабилизации экономической и политической ситуации, к заметному (даже в сравнении с нынешним уровнем) усилению коррупции в государственном аппарате.

Впрочем, популизм бывает не только левым, основанным на старомодных дирижистских идеях. Опасность (хотя на сегодня меньшую) представляет и правый популизм, также предлагающий легкие ответы на трудные вопросы об экономическом росте. Здесь налицо упование на решительное снижение бюджетной нагрузки на экономику (расширение «экономической свободы»), вслед за чем должен произойти всплеск экономического роста. Для подтверждения этих выводов приводят многочисленные корреляционно-регрессионные расчеты, призванные доказать, что страны с более низкими бюджетными расходами демонстрируют более высокие темпы роста.

Однако при переходе на уровень практической политики возникает ряд серьезных опасностей, связанных как раз с ограниченностью «одномерного» видения проблемы. Концепция взаимосвязи экономической свободы и роста в данном ее виде статична и не вскрывает реального причинно-следственного механизма взаимодействия соответствующих параметров. Из нее следует, что страны с низкой экономической нагрузкой развиваются более быстрым темпом. Из нее также следует, что экономическое развитие и экономическая свобода движутся однонаправленно. Но из нее *вовсе не следует, что расширение экономической свободы непосредственно и однозначно ведет к росту*. С не меньшим основанием (и с примерами из истории XX в.) можно утверждать, что *экономический рост создает условия для роста экономической свободы*. Или, что более правильно, рост и свобода идут рука об руку, подталкивая друг друга впе-

ред. Понятен и механизм такого влияния, поскольку рост способствует развитию личности, которая начинает требовать политических и экономических свобод. А это, в свою очередь, создает противоядие против популизма правительств, способствует проведению стабильного экономического курса и, соответственно, формирует здоровые основания для роста.

Отметим: из того факта, что страны сопоставимого уровня экономического развития при прочих равных условиях развиваются тем быстрее, чем ниже бюджетная нагрузка, не следует, что ситуация симметрична — что снижение бюджетной нагрузки обязательно приводит к появлению устойчивого экономического роста. Статический анализ не может объяснять динамические закономерности. Достаточно сравнить Россию с Польшей, Чехией или Венгрией. Сокращение доли государства в ВВП происходило у наших соседей гораздо медленнее, и экономический рост возобновился при показателе доли бюджета в ВВП гораздо более высоком, чем в России. Более того, снижение бюджетной нагрузки происходит гораздо более органично как раз в условиях устойчивого экономического роста, а не при глубоком спаде.

Поиск простых ответов на сложные вопросы — типичная характеристика популизма. А популизм опасен всегда, каким бы по своим рекомендациям он ни был. Впрочем, в настоящее время в России гораздо более опасен левый популизм, дирижизм, претендующий на обладание абсолютным знанием приоритетов и потребностей развития российской экономики.

2.7. Опасности политической дестабилизации³²

На протяжении первого президентского срока В. Путина происходило укрепление российской государственности (которая выглядела как прямолинейный процесс политической стабилизации, «заглядывающий» на годы и десятилетия вперед). Казалось, что эта стабильность закрепляется очень надолго, если не навсегда. Однако опыт других постреволюционных стран показывает, что *успешные модернизационные проекты будут встречать сопротивление и сами могут оказаться источниками формирования группировок и антиреформаторских коалиций.*

Оценивая с этих позиций консолидацию последних лет, надо понимать, что речь идет пока лишь о некоторой консолидации элит, а не о формировании устойчивого национального консенсуса по базовым ценностям. Стабилизация общества, выходящего из революции, является временным, неустойчивым явлением, в основном достигаемым на элитном уровне. Формирование подлинного национального консенсуса требует про-

должительного времени, исчисляемого десятилетиями. Длительное отсутствие этого консенсуса приводит к тому, что после завершения полномасштабной революции еще на протяжении достаточно длительного времени (измеряемого десятилетиями) периоды относительной стабильности чередуются с крутыми политическими поворотами.

Воспроизводство нестабильности непосредственно связано с характером политического режима. В марксистской традиции этот режим принято называть бонапартистским³³. Его важнейшей чертой является постоянное маневрирование власти между социальными группировками с существенно различными социально-экономическими интересами. В результате возникает система, в которой сама стабильность обеспечивается за счет колебаний власти, стремящейся к созданию новых коалиций. Текущая устойчивость при ощущении долгосрочной нестабильности — такова важнейшая характеристика бонапартизма.

Закладывается и механизм долгосрочной нестабильности. Опыт революций свидетельствует о возможности (если не неизбежности) повторяющихся с периодичностью в 10—20 лет политических взрывов, оставляющие заметный след в истории данной страны и нередко также определяемые термином «революция»³⁴.

Иными словами, несмотря на очевидную консолидацию элиты, долгосрочный анализ требует говорить о длительном периоде постреволюционной нестабильности. Разумеется, это уже нестабильность совсем иного рода, нежели нестабильность революционной эпохи, поскольку теперь в стране в течение некоторого времени будут сохраняться стабильность и порядок, а существенные политические колебания и взрывы будут происходить периодически, время от времени. Хотя сам факт их возможности, повышая общий уровень политической неопределенности, создает достаточно неприятный фон для социально-экономического развития страны.

Подобные угрозы будут существовать и для России XXI в. Можно выделить несколько источников (причин) периодической дестабилизации в будущем. Перечислим некоторые из них.

Смена поколения политической и деловой элиты, которая уже не будет связана с коммунистическим прошлым и потому может не иметь устойчивых антикоммунистических (антисоциалистических) установок. Приход нового поколения к власти может сопровождаться обострением политической борьбы и серьезной сменой идеологических ориентиров. Утверждения о том, что левая идеология в России уйдет вместе с поколением, выросшим при коммунизме, очень наивны. Напротив, поколение людей, не

испытывавших тягот «реального социализма», может вновь вернуться к доктрине, выглядящей в теории разумной и справедливой. Другое дело, что это уже не будет ортодоксальный коммунизм бедной страны — по мере материального прогресса социализм будет принимать формы, более типичные для стран Запада на соответствующей ступени их экономического развития.

Реальная смена правящей группировки, через которую России еще только предстоит когда-нибудь пройти.

Изменение социальной опоры власти может произойти и без выборов. «Наследие прошлого» в виде групп интересов, связанных со старым режимом, является постоянным фактором современной российской общественной жизни. В настоящее время это прежде всего касается тех структур, которые избежали реального реформирования и теперь стремятся к восстановлению своей традиционной роли. Они могут быть поддержаны частью экономической элиты, не нашедшей своего места в современной системе экономических отношений.

Экономическая дестабилизация как основа политического кризиса. Серьезные социально-политические сдвиги вполне возможны и в случае существенного изменения конкурентоспособности отраслей и секторов отечественной экономики. Здесь возможно несколько вариантов факторов дестабилизации.

- Прежде всего к ним относится существенное повышение цен на энергоносители. Это поведет к значимым сдвигам в конкурентоспособности национального производства с неизбежным ростом социально-политического напряжения. Ряд высокорентабельных и экспортно-ориентированных в настоящее время секторов могут потерять свои относительные преимущества и оказаться в оппозиции политическому режиму.
- Другой вариант аналогичного развития событий связан с резким повышением открытости российской экономики, например, в случае быстрого вступления во Всемирную торговую организацию. В стратегическом плане присоединение к ВТО было бы благоприятно для российской экономики, однако в краткосрочном периоде может произойти некоторое усиление напряженности, связанное с разной степенью готовности различных секторов к внешнеэкономической либерализации.
- Аналогичные проблемы могут возникнуть на пути к Обще-европейскому экономическому пространству, особенно если оно в первую очередь будет трактоваться как формирование зон свободной торговли (или даже общего рынка) между Россией и ЕС.

- Наконец, фактором дестабилизации может стать существенный рост реального курса рубля, если он не будет сопровождаться притоком инвестиций и, соответственно, ростом производительности труда. Такая ситуация будет снижать конкурентоспособность внутреннего производства и подкреплять аргументы сторонников радикальной смены экономико-политического курса.

Реальное отделение государства от собственности, которое в России в значительной мере состоялось пока только формально. Во всяком случае, по отношению к крупной собственности и к возможностям ведения бизнеса независимо от власти любого уровня еще рано говорить о реальной независимости товаропроизводителя. Подобная ситуация свидетельствует о неразвитости гражданского общества, а потому длительный процесс преодоления постреволюционной нестабильности будет тождественен формированию гражданского общества как важнейшей предпосылки реального национального консенсуса.

Перераспределение власти на региональном и муниципальном уровнях также может способствовать воспроизводству нестабильности в долгосрочной перспективе. Можно выделить несколько источников возникновения соответствующих конфликтов.

- В регионах взаимодействуют различные группы интересов, борющиеся за контроль над властью и собственностью. Эта борьба проходит по разным линиям — между губернаторами и мэрами крупных городов, между разными секторами регионального хозяйства. (Новая процедура формирования губернаторского корпуса может смягчить возникающие здесь противоречия.)
- Ситуация может обостряться при активном вмешательстве федеральной власти в осуществляемые в регионах процессы. Это вмешательство может происходить в форме пересмотра взаимоотношений федерации с регионом либо региона с муниципалитетом. Наконец, источником дестабилизации может стать и попытка перекройки границ существующих субъектов Федерации и муниципалитетов.
- Наконец, можно ожидать активного вмешательства в региональную жизнь представителей крупнейших финансово-промышленных групп, которые в настоящее время стремятся к установлению контроля над отдельными регионами страны.

Невозможно однозначно предсказать, какие именно факторы приведут к политической дестабилизации. Важно зафиксировать лишь разнообразие факторов дестабилизации. Само по себе наличие такого рода факторов не представляло бы угрозы

для политической стабильности, если бы не недавний революционный кризис. В постреволюционной же ситуации каждый из перечисленных факторов может оказаться поводом для крутых политических поворотов и даже взрывов. Хотя в любом случае их последствием уже не станет полномасштабная социальная революция.

Заключение

Неоднозначные выводы вытекают из нашего анализа логики и тенденций развития современной российской модернизации. Россия действительно движется в направлении модернизации. Особенно важно, что вокруг самого этого требования — требования модернизации как центральной задачи экономической политики — в обществе уже сложился консенсус. Однако остаются острейшие противоречия относительно принципиальных механизмов осуществления этого курса. А ведь последнее и является на сегодня главным. Но общественные противоречия пока слишком серьезны, чтобы выйти на согласованную экономическую политику. В результате экономические агенты получают от властей противоречивые сигналы, что никак не способствует предпринимательской и инвестиционной активности.

Можно перечислить ряд важных направлений деятельности властей, важных для консолидации экономического роста.

Прежде всего необходимо четко осознать, что **именно ускоренная модернизация (или, если угодно, догоняющее постиндустриальное развитие) является целевым ориентиром развития страны, деятельности всех ветвей власти. Это — идея прорыва, резкого сокращения и преодоления разрыва с наиболее развитыми странами мира.** Решение этой задачи сложно, но возможно. Тем более что у современной России есть ряд сравнительных преимуществ, главное из которых — достаточно высокий уровень образования.

1) Решение этой задачи требует выработки Национальной стратегии, которая была бы признана основными (доминирующими) социальными силами страны. Вокруг этой стратегии должна строиться деятельность властей. Это должна быть оригинальная Стратегия, учитывающая опыт прошлого, но основанная на осознании беспрецедентности нынешней задачи, неприменимости механизмов ускоренной индустриализации первой половины XX в. для решения современных проблем.

2) Политические и социальные институты являются сегодня абсолютным приоритетом деятельности власти, в том числе бюд-

жетной политики. Прежде всего необходимо создание условий для эффективного функционирования госаппарата, судебной и правоохранительной систем, институтов свободы слова и прав собственности. В этих секторах должны в первую очередь концентрироваться ресурсы государства.

Параллельно необходимо концентрировать ресурсы на развитии человеческого потенциала (прежде всего образования и здравоохранения, жилищного сектора и ряда других отраслей).

Экономическая активность государства, участие его в финансировании хозяйственных проектов окажутся лишь неэффективным расходованием средств, если судебная и правоохранительная системы не находятся на должном уровне. Экономическая активность государства является и безнравственной, если недофинансированными остаются отрасли социальной сферы.

Отказ от традиционной промышленной политики не означает полного отсутствия приоритетов, к таковым относятся вложения в государство и в человека (политические и социальные институты).

3) Обеспечение макроэкономической стабильности, ослабление зависимости от ТЭК является самостоятельной важной задачей власти. Это достаточно длительный и сложный процесс, предполагающий комплекс разнообразных мероприятий. В настоящее время целесообразно обеспечить движение в двух направлениях.

Во-первых, в тактических соображениях укреплять Стабилизационный фонд, основная задача которого отнюдь не защита от падения цен на нефть, а недопущение подстройки структуры экономики под нынешнюю конъюнктуру.

Во-вторых, целесообразно разработать специальный план действий на случай падения цен на основные товары российского экспорта — секретное приложение к Среднесрочной программе, — который должен охватывать практически все основные макроэкономические проблемы развития страны в экстренной ситуации.

4) Четкое позиционирование России в мире, осознание ее принадлежности западной цивилизации. В практическом отношении это означает обеспечение участия России в работе основных международных организаций развитых стран. После ВТО на повестке дня должна стоять ОЭСР.

5) Не требуется специальная забота о предпринимателях, даже о малом бизнесе. Создание благоприятного предпринимательского климата — достаточное условие для резкого повышения активности предпринимателей, для притока частных инвес-

тий (внутренних и внешних). Главное — снятие барьеров на пути бизнеса.

Барьеры, с которыми приходится сталкиваться бизнесу, не являются принципиально новыми для современной России. Практически все те же проблемы, которые препятствуют бизнесу в настоящее время (административный произвол, коррупция, сложность создания фирмы и др.) были актуальны и сто лет назад. Во всяком случае, в записке С.Ю. Витте императору Николаю II перечисляются все те же барьеры входа, которые хорошо известны и в наши дни. (За одним, пожалуй, исключением: Витте видит серьезное препятствие для развития бизнеса в сохранении черты оседлости и предлагает ее устранить. Это действительно было в XX в. сделано³⁵.)

б) Настало время смены экономической терминологии. От «осуществления реформ» (очередных) надо перейти к позитивной интерпретации деятельности президента и правительства, которые должны в настоящее время заняться реальной экономической политикой. Итак, на смену экономическим реформам должна прийти нормальная экономическая политика.

Примечания

¹ Летопись. 1917. Апрель. № 2—3—4.

² Своевременное осознание важности модернизационного проекта и постановка его в повестку дня является несомненной заслугой российской элиты. Этим она существенно отличалась, например, от китайской, которая проигнорировала начало современного экономического роста. В результате Китай, уровень экономического развития которого в XVIII в. примерно соответствовал западноевропейскому, в течение следующих двух столетий резко увеличил свое отставание, что привело к колонизации этой страны. И только во второй половине XX в. Китай приступил к решению модернизационных задач. Возможно, такое развитие событий связано с географическим фактором. Россия территориально гораздо ближе к странам — пионерам современного экономического роста и не могла не увидеть начинавшиеся там перемены.

³ На устойчивость пятидесятилетнего отставания России указывали самые разные авторы, писавшие на протяжении по крайней мере последних двухсот лет. «Русские сознательно копируют французские нравы, только с опозданием лет на пятьдесят», — заметил когда-то А. Стендаль. «Россия отстала от всей Западной Европы на полстолетия», — писал в 1880 г. Н.Х. Бунге Александру П. И, наконец, в наши дни строгий статистический анализ этой проблемы провел Е.Т. Гайдар (см., соответственно: Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.; СПб., 2004. Кн. 1. С. 18; Власть и реформы. М., 2006. С. 349; Гайдар Е. Долгое время. М., 2005. С. 325).

⁴ Милье Дж.С. Основы политической экономии. М., 1980. Т. 1. С. 322—323.

⁵ «По некоторым оценкам, современное массовое производство в развитых странах составляет уже не более трети всей продукции, остальное приходится на мелкосерийные изделия (от 10 до 2000 штук), ориентированные на вкусы того или иного контингента покупателей, причем значительно сокращается цикл изготовления» (Глобальное общество: Новая система координат. СПб., 2000. С. 170).

⁶ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

⁷ Об этом подробнее: Май В.А. Реформы и догмы: 1914—1929. М., 1993.

⁸ В дискуссии о ВТО основной проблемой является отсутствие четкого понимания цели страны при вступлении в эту организацию. Между тем, можно выделить четыре возможные цели, которые требуют разных решений. Во-первых, присоединение ради присоединения, ради участия в основных международных институтах, однако требующее защиты отечественного товаропроизводителя от иностранной конкуренции. В этом случае необходимо отстаивать максимальные защитные меры, ни в коем случае не форсируя присоединение к ВТО, процесс которого может продолжаться сколь угодно долго.

Во-вторых, поддержка российских экспортеров, которые благодаря ВТО получают новые инструменты для защиты своих интересов, включая возможность противодействия антидемпинговым процедурам. В центр внимания здесь ставятся интересы российской металлургии, химии, некоторых других предприятий.

В-третьих, стимулирование развития новых секторов (прежде всего высокотехнологичных услуг), которые принципиально важны для стратегического прорыва России в постиндустриальный мир.

В-четвертых, ограничение всевластия отечественных монополий (финансово-промышленных групп), стремящихся к расширению своего экономического и политического контроля.

Представляется, что ключевое значение применительно к современной России имеет достижение третьей и четвертой целей: недопущения всевластия монополий (финансово-промышленных групп) и, главное, — создание благоприятных условий для формирования и экспансии новых секторов экономики.

⁹ Выявление точных рецептов ускоренного экономического развития было весьма затруднительно даже в индустриальную эпоху. Одним из ярких примеров в этом отношении является история индустриализации России и Испании в XIX в. В обеих странах железнодорожное строительство рассматривалось как центральное звено индустриализации, развитие которого стимулирует рост в других секторах национальной экономики. Однако результаты обеих стран существенно различались. В России железнодорожное строительство действительно привело к росту промышленности, к возникновению новых крупных предприятий и целых отраслей. В Испании железнодорожное строительство стимулировало промышленный рост во Франции, что стало результатом близости двух стран в совокупности с некоторыми другими особенностями

экономико-политической жизни. Разумеется, все это вряд ли могло быть спрогнозировано в начале индустриализации, хотя постфактум кажется вполне очевидным.

¹⁰ Эти вопросы подробно рассмотрены в книге: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004.

¹¹ По некоторым оценкам, отставание России в области телекоммуникаций составляет 25—30 лет (Шульцева В. Телекоммуникации мира и России // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 9. С. 118).

¹² Понимание кризиса советской системы как реакции на кризис индустриального общества (или как на «постмодернизационный» кризис) получила определенное распространение в экономической литературе. «В своем практическом воплощении коммунизм был системой, довольно односторонне приспособленной к решению задач мобилизации социальных и природных ресурсов для модернизации, как она виделась в XIX веке, — модернизации и изобилия на базе паровой энергии и чугуна. На этом поле коммунизм, во всяком случае по его собственному убеждению, мог конкурировать с капитализмом, но лишь с капитализмом, стремящимся к тем же целям. А вот на что коммунизм оказался не способным, так это состязание с капитализмом, с рыночной системой, когда эта система стала уходить от рудников и угольных шахт и двинулась в постмодернизационную эру... Постмодернизационный вызов стал чрезвычайно эффективным в ускорении разрушения коммунизма и триумфа антикоммунистической революции...» — писал З. Бауман (цит. по: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 1994. С. 107).

¹³ Подробную характеристику этого вывода см.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Указ. соч.

¹⁴ Общественное мнение (ВЦИОМ). 1997. № 6. С. 15.

¹⁵ См.: Смирнов В. Большие перспективы микротехнологий и схем // Красная звезда. 2001. 17 марта; Смирнов В. Российская электроника — богач и бедняк // Российская газета. 2001. 17 апреля.

¹⁶ Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1996. С. 306—317.

¹⁷ Высокая инфляция является не только экономическим, но и политическим индикатором. Действительно, неспособность государственной власти обеспечить набор мер макроэкономической стабилизации является результатом ее слабости, зависимости от баланса различных групп интересов, заинтересованных в слабой денежной и бюджетной политике. Именно поэтому макроэкономическая стабилизация возможна лишь при укреплении политических институтов, т.е. является одним из важнейших критериев политической стабилизации.

¹⁸ Сущностная связь, неразделимость коммунистической системы и товарного дефицита была показана еще в первые годы практического

осуществления коммунистического эксперимента (см.: Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1—3; Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2). Любопытно, что это было фактически признано И. Сталиным. В «Экономических основах социализма в СССР» в качестве одного из фундаментальных законов построения под его руководством общества называется «закон опережающего роста потребностей по сравнению с возможностями их удовлетворения» (Сталин И. Сочинения. Т. 16. М., 1997).

¹⁹ Вывод об ограниченной роли зарубежного опыта при проведении реформ «третьего поколения» ни в коем случае не означает призыва к игнорированию этого опыта и тем более не тождественен выводу о приоритете пресловутого «третьего пути», отличного от пути западных демократий. Речь идет лишь о том, что в настоящее время мы столкнулись с задачами, которые не имеют успешного опыта решения в современном мире. Всем странам, достигшим определенного уровня развития (или даже существенно превышающим его), придется решать схожие задачи повышения эффективности вложений в развитие «человеческого капитала». Сказанное относится и к устранению серьезнейшего ограничителя экономического роста — неэффективности госуправления. Эти проблемы не могут быть решены по сколько-нибудь типовому стандарту — все страны, которым удавалось с ними справиться, должны были находить собственные пути их решения.

²⁰ Мы часто ссылаемся на Германию как на страну, где успешно решено большинство социальных проблем и с которой следует брать пример. Между тем исследования серьезных немецких специалистов наиболее болезненных проблем современной Германии дают нам список тем, удивительно похожих на повестку дня нынешних российских реформ. Чтобы не перечислять хорошо известный список, приведу лишь одну цитату, весьма характерную: «Немецкая университетская система, привлекавшая в XIX в. иностранных студентов и ученых и создавшая основу для нынешних четырех экспортных отраслей — машиностроения, автомобилестроения, электротехники и химии — сегодня оставляет желать много лучшего. Мне бы очень хотелось получить результаты обследования, сколько сыновей и дочерей немецких политиков, рьяно защищающих статус-кво нашей системы высшего образования, зачислены в элитные университеты США и Великобритании» (Зиберт Х. Эффект кобры. СПб., 2003. С. 191). Замените здесь XIX в. на первую половину XX, а в перечне отраслей укажите ВПК и космос, и приведенное рассуждение будет полностью применимо к России. Иными словами, перед Германией стоят те же проблемы повышения конкурентоспособности образования, что и перед современной Россией.

²¹ Нет ничего удивительного в том, что именно Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин решительно поставил вопрос о коррупции в судебной системе. Конституционный Суд РФ является уникальным судебным заведением, непосредственно связанным с верховной властью и не имеющим разбросанной по стране сети, и в

этом отношении действительно свободен от коррупции в ее вульгарном понимании как получение судьей денег за принятие того или иного решения. И столь же естественно, что с отповедью В. Зорькину выступил Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев, представляющий систему наиболее «несконцентрированного» (по территории и по количеству решаемых проблем) судопроизводства.

²² Кстати, схоже обстоят дела в Китае и во Вьетнаме. Эти страны действительно быстро развиваются, но реальной ситуации со статистикой не знает никто — слишком высоки стимулы к фальсификации в условиях сохранения партийной вертикали.

²³ Кстати, С. Струмилин стал единственным экономистом — Героем Социалистического Труда, получив эту награду к своему девяностолетию.

²⁴ Взаимосвязи формирования демократической системы с достижением определенного уровня экономического развития и благосостояния населения посвящена обширная литература. См., например: Lipset S.M.. *Political Man. The Social Basis of Politics*. New York: Doubleday, 1960; Huntington S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991; Vanhanen T. *Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries*. London and New York: Routledge, 1997; May В. Экономические реформы сквозь призму конституции и политики. М., 1999. Глава 2.

²⁵ Проблему взаимосвязи уровня экономического развития и политического режима С. Хантингтон очень убедительно раскрыл в логике «демократии налогоплательщика»: «тезис “нет налогов без представительства” являлся политическим лозунгом, тогда как тезис “нет представительства без налогов” отражает политические реалии». Тем самым становится понятным и исключение из общего правила — нефтяные монархии, сочетающие высокий уровень среднедушевого ВВП с авторитарным политическим режимом. Здесь практически нет налогов, бюджет в основном формируется за счет нефтяной ренты, что дает возможность игнорировать политические требования общества, обуславливая очень своеобразный «общественный договор»: мы не берем у вас налогов, а вы не требуете политических прав. (См. Huntington S.P. *The Third Wave...* P. 65.)

²⁶ Гильфасон Т. Природа, энергия и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. 2001. Т. 5. № 4. С. 473—474.

²⁷ См. подробный анализ этих проблем: May В.А. Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005.

²⁸ Президент Мексики Хосе Лопес Портилло тогда не без гордости заявил: «...нашей главной задачей является управление ростом благосостояния». Он же стал использовать термин «административное изобилие».

²⁹ См.: Hoj J., Wise M. *Product Market Competition and Economic Performance in Norway*. OECD Economic Department Working Paper № 389. Paris: OECD, 2004.

³⁰ Движение по пути постепенной индустриализации через развитие крестьянских хозяйств, легкой и пищевой промышленности в со-

ветской истории связано с именем Н. Бухарина, выдвинувшего в связи с индустриализацией лозунг «Обогащайтесь!» (Точнее, воспользовавшегося лозунгом, выдвинутым примерно на сто лет раньше Ф. Гизо). Предложенная Бухариным модель индустриализации была заклеена Сталиным как «правый уклон», а ее приверженцы поплатились жизнью. На протяжении последующих десятилетий вопрос о жизнеспособности бухаринской модели, о ее совместимости с коммунистическим тоталитаризмом являлся предметом теоретических дискуссий. Китай продемонстрировал, что эта модель является реальной, практической альтернативой. Правда, здесь следует особо оговориться, что речь идет о принципиальной *экономической* возможности такого развития, но не о его *политической* реализуемости в конкретных советских условиях 1920-х—1930-х гг.

³¹ Классическая критика популистской экономической политики содержится в книге: Dornbusch R., Edwards S. (eds). *The Macroeconomics of Populism in Latin America*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991.

³² Этот раздел полностью взят из: Стародубровская И.В., Май В.А. Указ. соч.

³³ Глубокий анализ этого явления содержится в работе К. Маркса «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», т.е. в исследовании, специально посвященном одному из наиболее ярких примеров постреволюционного политического кризиса. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8).

³⁴ Так, применительно к постреволюционной Англии речь идет о Реставрации 1660 г., Славной революции 1689 г., конституционном кризисе 1711 г. и, наконец, о последней попытке возвращения Стюартов в 1745 г. После этого политическая ситуация стабилизируется и ускоряется экономический рост. После Великой Французской революции происходили Реставрация 1815 г., Июльская революция 1830 г., революции 1848 и 1870 гг. В СССР периоды относительной стабильности регулярно сменялись обострением борьбы за власть — будь то в форме «великого перелома» (1929—1930), «большой чистки» (1937—1938) или острых столкновений наследников Сталина в 1953, 1957, 1964 гг.; период постреволюционной нестабильности завершается здесь с формированием режима Л. Брежнева, главным политическим лозунгом которого была «стабильность».

³⁵ Витте С.Ю. О положении нашей промышленности. Всеподданнейший доклад министра финансов // Историк-марксист. 1932. № 2/3. С. 131—139.

Публикации источников

Е.И. Ламанский и его проект восстановления денежного обращения в России (1861 г.)*

Известный государственный деятель и банкир Евгений Иванович Ламанский (1825—1902) был автором нескольких проектов по устройству кредитно-финансовой системы страны. Часть из них к настоящему времени опубликована¹, другая сохранилась в архивах или представлена редкими изданиями, которые известны всего в нескольких экземплярах. К их числу относится проект «Причины расстройства денежной кредитной системы и средства к ее восстановлению», написанный в ноябре 1861 г. Это 16-страничное издание было издано ограниченным тиражом и предназначалось для служебного пользования. Посвященный преодолению инфляции бумажных денег, начавшейся в России после Крымской войны, проект некоторое время считался утерянным. Сложность состояла в том, что его автор не был обозначен на титульной странице.

Долгое время проект был известен по работам И.И. Кауфмана, в которых содержались обширные цитаты из этого документа². Именно по ним библиографам Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге удалось идентифицировать автора. То что работа бесспорно принадлежит перу Е.И. Ламанского, свидетельствует также экземпляр проекта, сохранившийся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Он отложился в фонде журнала «Русская старина»³, куда приемная дочь Е.И. Ламанского Александра фон Таль в 1914 г. отдала печатать рукопись его воспоминаний. Возможно, она надеялась на публикацию и этого проекта, отдавая ценный документ из архива отца. Однако журнал «Русская старина» ограничился лишь публикацией «Воспоминаний» Е.И. Ламанского⁴, положив текст проекта в свой архив.

О своем авторстве Е.И. Ламанский писал также в своих воспоминаниях⁵. Проект предназначался для обсуждения в рабочей группе по проработке мер, направленных к «исправлению» бумажно-денежного обращения. Из-за высоких государственных расходов, связанных с русско-турецкой войной 1853—1856 гг., количество отпечатанных бумажных денег превысило допустимую норму, по которой ранее было возможно осуществлять размен кредитных билетов на золотую и серебряную монету (по

* Вступительная статья и примечания — Бугров Александр Владимирович (кандидат исторических наук; Центральный банк Российской Федерации).

паритету 1:1)⁶. В 1858 г. Министерство финансов внутренним распоряжением приостановило размен в казначействах, и к 1862 г. между рублем бумажным и рублем металлическим образовался лаж в 12 коп. (т.е. за один бумажный руб. давали 88 «серебряных» коп.).

Задача нормализации денежного обращения была одной из главных, обозначенных при создании Государственного банка в 1860 г. Она была отражена в первой статье его устава, согласно которой он учреждался «для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы»⁷. Разработка проекта реформы была поручена товарищу (заместителю) управляющего банком Е.И. Ламанскому в 1861 г. При написании проекта он опирался на опыт европейских стран, в том числе на труды двух парламентских комиссий Англии 1819 г.⁸ С последними он, очевидно, познакомился во время заграничного путешествия 1857—1858 гг. Известно, что весной 1858 г. Евгений Иванович жил в Лондоне, где подробно знакомился с деятельностью Банка Англии и вообще с устройством финансовой системы Великобритании.

Проект Ламанского обсуждался на его казенной квартире в здании Государственного банка во второй половине января 1862 г. Среди приглашенных были известные в будущем государственные деятели либерального направления: А.И. Бутовский, И.В. Вернадский и Ф.Г. Тернер. Поскольку М.Х. Рейтерн вступал в это время в управление финансовым министерством, он, как вспоминал Е.И. Ламанский, не смог прийти на обсуждение⁹.

Возможно, реальная причина кроется в их различиях во взгляде на проведение реформы. Известно, что еще в конце 1850-х гг. М.Х. Рейтерн предлагал провести реформу, сформировав разменный фонд из выручки по специально заключенному заграничному займу¹⁰. Однако Е.И. Ламанский был противником формирования разменного фонда на внешнем рынке. Он предлагал использовать для накопления золота и серебра внутренние ресурсы. В том числе он связывал реформу с преобразованием Государственного банка в государственно-акционерное учреждение, не подчиненное Министерству финансов и обладавшее исключительным правом денежной эмиссии банкнот, обеспеченных в платеже самим банком.

Помимо этого Е.И. Ламанский предлагал увеличить тогда небольшой разменный фонд (к началу 1862 г. он составлял около 98 млн руб.) за счет других источников, в том числе путем продажи избыточных государственных имуществ.

Эти требования вызвали возражение М.Х. Рейтерна, который настоял на своем плане размена: за счет средств заграничного займа, без дальнейшего преобразования Государственного банка. Из проекта Е.И. Ламанского была взята лишь идея постепенного повышения курса кредитного рубля, который публиковался официально — подобно тому, как это было в Англии в 1819 г.¹¹

Е.И. Ламанский и М.Х. Рейтерн были единого мнения насчет сроков начала реформы (1862 г.). Известно, что реформа была начата 1 мая 1862 г., а планировали ее закончить в начале 1864 г.¹² Примерно в 1865 г. Е.И. Ламанский хотел преобразовать Государственный банк по образцу центральных банков Европы, считая его устав 1860 г. «промежуточным» документом на пути к новому устройству.

Ход и последствия денежной реформы изучены в отечественной историографии, поэтому мы не останавливаемся на них подробно¹³. Отметим лишь, что в истории России это был, пожалуй, единственный пример денежной реформы «компенсационного» типа, когда государство брало на себя расходы по ее проведению, не затрагивая накопления граждан. Все остальные денежные реформы в стране, как правило, проводимые путем девальвации рубля, по сути оставались «конфискационными» — население в итоге теряло часть своих сбережений.

К сожалению, реформа «свободного размена» 1862—1863 гг. не увенчалась успехом. Иностранные займы для такой страны, как Россия, стремившейся играть одну из ключевых ролей в мировой политике, стали уязвимым ресурсом, тем более что займы заключались в бывших странах-противниках России по Крымской войне — Великобритании и Франции. Поэтому не случайно, что в период Польского восстания 1863—1864 гг. доставление выручки по займам стало политическим козырем в руках правительств этих стран.

Неудача свободного размена надолго отодвинула денежную реформу. Вопрос о создании независимого от Министерства финансов государственно-акционерного центрального банка в России (по Ламанскому, «Общественного банка России») более не обсуждался. Впрочем, именно по такой модели в объединившейся Германии в 1875 г. создавался Рейхсбанк¹⁴. Есть сведения, что при изучении этого вопроса немецкие чиновники учитывали среди многих наработок проект «русского экономиста Ламанского»¹⁵.

М.Х. Рейтерн, для которого реформа свободного размена должна была быть «дебютом» в его новой роли министра финансов¹⁶, вплоть до начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

планировал возобновить размен. Для этой цели Государственный банк под руководством Е.И. Ламанского прилагал усилия к увеличению золотого запаса, который с начала 1862 г. по начало 1876 г. вырос более чем в 4 раза (с 71,89 до 310,12 млн руб.). Показательно, что для увеличения доходов казны с 1867 г. принимались масштабные меры по продаже убыточных государственных имуществ. Так, по договору от 18 марта 1867 г. правительству США были проданы российские владения в Северной Америке (за 7,2 млн долл. или около 11 млн руб.), а 1 сентября 1868 г. Главному обществу российских железных дорог была уступлена казенная Николаевская железная дорога¹⁷.

На 1876 г. золотой запас страны, хранившийся в Государственном банке, составлял свыше 310 млн руб. — эту отметку он преодолел только в 1886 г., когда до проведения знаменитой денежной реформы С.Ю. Витте оставалось менее десяти лет. Отметим также, что к началу 1876 г. золотой запас покрывал бумажно-денежную наличность на 41 %, что даже несколько превышало этот параметр на 1888 г. (40 %). А германский Рейхсбанк начал заменять имперскую марку при покрытии всего 33 % золотом. Поэтому проведение во второй половине 1870-х гг. денежной реформы в России не кажется утопией: реформа готовилась путем накоплением золотого запаса.

Таким образом, многие из намеченных в проекте Е.И. Ламанского мер были осуществлены на практике в России или в соседних с ней странах. Уже в силу этого мы считаем, что публикация этого документа вызовет интерес у читателя. Не публиковавшийся с 1861 г. текст оригинала приводится в современной орфографии и пунктуации. Сохранены выделенные Е.И. Ламанским выражения (курсивом), текст проекта снабжен комментариями.

Е.И. Ламанский

Причины расстройтва денежной кредитной системы и средства к ее восстановлению

Одно из главных финансовых затруднений настоящего времени состоит, бесспорно, в непрочности денежного нашего обращения, в колебании монетной единицы¹⁸.

Затруднение это заключается в том, что между действительными орудиями мены — металлическими деньгами — и кредитными представителями денег, которые всегда должны быть раз-

менны одни на другие, образовалась разница вследствие прекращения способов обмена билетов на золото или на серебро. Кредитные представители денег сделались *обязательными* в обращении *знаками*. Ценность их основывается теперь на приеме их за условную цену по силе закона, но не на свободном обращении вместо золота и серебра. Словом, кредитные билеты стали бумажными деньгами, *ассигнациями*¹⁹, и относительно к ним золото и серебро, которых они более не представляют, сделались товаром, покупаемым и продаваемым по вольной цене.

Со своей стороны золото и серебро, которые суть общий товар, имеющий постоянную и почти одинаковую ценность в Лондоне, Петербурге, Одессе, Марселе, Москве, Берлине, Гамбурге и т.д. и которые как орудия мены обмениваются свободно на все товары и на все вещи, изменив свою цены в отношении к бумажным знакам, увлекли за собой и цены всех товаров и вещей при обмене последних на бумажные деньги. Таким образом, последние сохранили только название денег или прежней единицы, но утратили металлическое достоинство монетной единицы. Кредитный билет в один рубль с тех пор, как он не может свободно и во всякое время быть разменен на рубль серебряный, или на 4 золотника и 21 долю чистого серебра²⁰, не может уже быть общим представителем ценности, *монетной единицей* в денежной системе.

Ценность его зависит как от удобства его, служит орудием уплаты податей и налогов, так и от возможности приобрести на него более или менее металла. За прекращением свободного размена из разменных касс золото и серебро, имеющиеся в частных руках, уже не обмениваются, а продаются на кредитные билеты.

Оставаясь между тем в официальных актах²¹ и частных сделках законными представителями ценностей, бумажные деньги при колебании и изменении курса, размеры коего не могут быть вычислены вперед, представляют такие неудобства, с которыми не возможно ни народное, ни частное хозяйство, ни в особенности какие бы то ни были кредитные операции на сроки.

Купец, продавая товар на срок, не знает, сколько он получит в день уплаты. Казна, собирая подати и пошлины, не в состоянии определить, достаточно ли будет исчисленных доходов на покрытие издержек, оцененных по курсу рубля, изменяющего свою цену. Все лица, живущие постоянно доходами, определенными в рублях; чиновники, получающие жалованье по окладам, не могут судить о том, сколько стоят их доход и жалованье. Словом, являются затруднения и неудобства во всех делах и контрактах, где деньги служат мерилем ценности, и затруднения, истекающие единственно оттого, что бумажные деньги не

размениваются на золото и на серебро, которые в основании одни только и могут быть постоянными и самыми удобными мерилami ценности.

В этом положении вещей займы капиталов становятся почти невозможными. Капиталист не отдаст охотно своего капитала на срок, не обеспечив себя возможностью получить свой капитал обратно в целости. Он не может оценивать своей ссуды такими бумажными деньгами, которые меняются в цене и которые в определенный срок уплаты будут представлять ценность меньшую. Для совершения займа заемщик должен обеспечить сумму, и потому он не может в договоре оценивать ее бумажными деньгами, потерявшими свое достоинство, а должен принять более постоянную единицу, золотую или серебряную, или вперед определенный курс бумажных денег по времени заключения займа или по времени уплаты.

Мы видим, что само правительство во внешних займах своих включает это условие для обеспечения своих кредиторов. Это же условие признано было необходимым для привлечения иностранных капиталов в акции Главного общества железных дорог²².

Одним словом, без прочных представителей ценности нет кредита, нет сделок, нет мерила, столь необходимого для всех государственных и частных надобностей. Старые контакты нарушены, новые невозможны, цены подвержены изменениям и колебаниям независимо от других случайных причин; затруднения общие как для кредиторов, так и для дебиторов, в особенности же для самого правительства, которое состоит кредитором как получатель доходов и сборов, и дебитором по заключенным займам и по выдаче окладных содержаний. К этому же оно является и покупателем многих свободных ценностей или товаров для своих хозяйственных надобностей и несет со всеми потребителями одинаковую потерю при падении ценности бумажных денег.

Поэтому прочная монетная единица есть главное необходимое условие для правильного развития производительности. Предмет этот сосредоточивает в себе интересы всего общества: общественной власти столько же, сколько и частного лица; иностранных кредиторов России столько же, сколько русских подданных; продавцов и промышленников, равно как и потребителей.

По нашему крайнему убеждению, ни одна общественная нужда настоящего времени, имеющая материальный характер, не может быть удовлетворена ранее и предпочтительнее разрешения вопроса об упорочении денежного обращения, ибо деньги

как общее мерило ценностей проникают во все дела, во все многочисленные отношения граждан между собой и граждан к общественной власти.

В этих обстоятельствах обратить внимание на предмет с указанием главных причин явления и способов устранить причины и восстановить достоинство бумажных представителей денег мы считаем совершенно современным и исполнением гражданской обязанности перед теми, на ком лежит долг исправления нарушенной системы. Пределы записки и, наконец, известность предмета принуждают нас быть сколь возможно краткими и ограничиться положениями, развитие которых мы готовы всегда пояснить впоследствии примерами и фактами.

Чтобы отыскать способы восстановления достоинства кредитного рубля и указать на средства дать прочное основание бумажным представителям денег, то есть возможность постоянного по желанию предъявителей размена кредитных знаков на металл, необходимо остановиться на самом характере денежного нашего обращения. Значение его укажет на те недостатки, которые должны быть отстранены как препятствия к восстановлению денежной кредитной системы.

Металлические деньги суть орудия мены, имеющие в то же время внутреннюю постоянную ценность как товар. Цена их в монете не есть условная, зависящая от закона. Она устанавливается экономическим законом отношений между спросом и предложением на рынке всего света. Отсюда само собой разумеется, что правительство ничего не может сделать ни к увеличению, ни к уменьшению цены денег. На этом основании и платиновая монета²³ будет только денежным знаком, а не деньгами, цена коим определяется не правительством, а общим спросом на рынке. Вследствие сего испробованные почти всеми народами в свое время средства перечековки монеты с уменьшением пробы и с оставлением прежнего названия оказались безуспешны как финансовый способ.

Бумажные представители денег, или кредитные знаки, так же, как заменяющие деньги, должны иметь безусловное качество свободного размена для правильного обращения. Такой результат достигается только в том случае, когда выпуск бумажных представителей денег предоставлен оборотным банкам, которые по существу своих операций могут выпускать, или, вернее сказать, *обменивать* бумажные кредитные знаки только в двух случаях: или в обмен за приносимое золото и серебро, или в обмен краткосрочных торговых бумаг и векселей, принимая их в учет на 3 и на 6 месяцев²⁴. Исследования торговых потребностей в монете и кредитного денежного обращения доказыва-

ют, что при таких условиях выпуска размен билетов на металл обеспечен вполне и что кредитное денежное обращение позволяет народу сберегать огромный денежный капитал в металле и обращать его на производительное употребление, не держа всей массы орудий мены в металле, а заменяя часть их равнозначными разменными *банковыми билетами*.

В России денежное кредитное обращение, напротив того, всегда составляло и составляет поныне *финансовый способ правительств*, которое выпускает свои билеты не как банк — взамен краткосрочных обязательств, а как *деньги* для своих государственных надобностей.

История первых и вторых ассигнаций²⁵ очевидно доказывает несостоятельность начал нашей денежной системы. Кроме металлического фонда, обеспечивающего часть кредитных билетов, у нас нет на остальную часть их — и на большую — другого специального обеспечения, исключая весьма неопределенных слов об обеспечении их всем *достоянием империи*²⁶, тогда так во всех банках на всю сумму билетов находится частью металл, частью лежат в портфеле векселя, сроки уплаты которых наступают ежедневно и оканчиваются в течение 3 и 6 месяцев.

История представляет примеры несостоятельности и банков — это правда, но она учит в то же время средствам ограждения частных интересов от произвола банков и сверх того она свидетельствует, что примеры прочного денежного кредитного обращения существуют исключительно при банковом устройстве и что все причины замешательства и затруднений происходят от вмешательств и требований финансового управления от банков несвойственных им ссуд на правительственные надобности. Напротив того, история не в состоянии привести ни одного примера прочного денежного обращения при выпуске знаков со стороны общественной власти. Правительства всегда и везде рассматривали выпуск бумажных представителей денег как способ увеличения своих финансовых средств.

В нашем отечестве мнение о подобном значении бумажных кредитных знаков укрепилось более чем где-либо вследствие многих обстоятельств. Как земледельческая страна при недостаточном развитии промышленности фабричной, при ограниченных потребностях народа в иностранных продуктах, при стеснительности таможенных постановлений, поддерживавших столь долго запретительную систему²⁷, Россия могла и может переносить огромное количество бумажных знаков, требующих размена только для внешних издержек.

Огромность протяжения государства, отсутствие переводов сумм без употребления самих денежных знаков, привычка и до-

верие народа к бумажным знакам, недостаток других платежных средств, кроме казенных, особенность устройства казенных касс, отдельных в каждом управлении, — все эти обстоятельства поддерживают у нас и по настоящее время огромную и несравнимую ни с каким другим государством потребность в денежных знаках и сравнительно весьма ничтожную необходимость в их размене.

Сверх сего этой же потребностью вызвана была другая особенность и неправильность нашего денежного обращения, исключительно свойственная нам и положительно не допускаемая нигде, кроме России. Наши банковые установления, не пользуясь правом выпуска банковых билетов, *разменных на золото и серебро по предъявлении*, имели особое право выпуска в обмен бумажных денег *банковых билетов, разменных по предъявлении на бумажные деньги*, передаточных из рук в руки и приносивших проценты, а прежде даже проценты на проценты²⁸. Билеты эти могли быть выпускаемы на всякие суммы, начиная с 30 руб., и без всякой со стороны банков возможности прекращения процентов и расплаты с кредитором.

Понятно, что с течением времени банковые процентные билеты, разменные по предъявлении, которые служили такими же представителями бумажных денег, как сии последние представителями металлических денег, должны были получить огромное значение в денежном обращении страны, единственно правильной основой которого тем не менее оставалась одна звонкая монета.

По мере увеличения в обращении бумажных знаков, выходящих по мере недостатка финансовых средств казны на покрытие общественных расходов, увеличивались и банковые билеты в обращении. При том же банки, выпуская билеты, приносившие проценты, не обменивали бумажные денежные знаки на свои билеты с уничтожением первых или с хранением в кассе до востребования, а снова выпускали их в обращение для получения по ним процентов от своих заемщиков.

Это обстоятельство обращения вдвойне бумажных денежных знаков, процентных и беспроцентных, с обязательным для банков и для казны разменом, весьма долгое время оставалось без внимания. Наконец, независимо от сего правительство имело в своем распоряжении выпуск еще третьего вида денежных знаков — билетов казначейства, или так называемых серий²⁹. Эти последние знаки приносили проценты, но в то же время они имели также *платежное* или *денежное* свойство во всех платежах в казну. Кроме всех сих бумажных знаков, у нас были даже

одно время и *платиновые знаки*, о восстановлении которых писали в последнее время.

Мы считаем весьма важным обстоятельством указать на это свойство банковых билетов и серий как на особенность, исключительно свойственную нашему Отечеству, и как на фактическое доказательство той огромной потребности в денежных орудиях, которая существует в России без необходимости фактического размена на звонкую монету.

Ни один из этих трех видов бумажных денежных знаков не может быть признан наукой рациональным, ибо все они как по способу выпуска первых, так и по свойству обращения, передаточности и платежности двух последних составляют одно и то же видоизменение денег, которых они должны быть представителями по отношению к размену. Металлический фонд отвечал за все сии бумаги одинаково.

Каждый из этих видов составлял часть из массы обращающихся знаков и каждый имел более или менее ограниченные пределы обращения: кредитные билеты ходили как деньги наравне со звонкой монетой; банковые билеты — наравне с кредитными билетами, смотря по местностям, в которых они разменивались на кредитные билеты; серии — наравне с билетами и деньгами. Там, где надобны были наличные деньги для платежа, охотно принимались банковые билеты как неизменный в цене товар. Серия как обязательный для казны знак платежа и принималась тем охотнее, что получатель сохранял за каждый день продержания сих билетов в руках своих $\frac{1}{90}$ % в свою пользу без всякой возможности потери в цене, как с наличными деньгами.

Таким образом, влияние всех сих трояких видов денежных знаков отражалось на денежном обращении и, по-видимому, в следующей постепенности. Серии как билеты безымянные в мелких суммах с высшими процентами $(4\frac{1}{3})^{30}$ и обязательные в казенных платежах вытесняли из обращения банковые билеты. Эти, в свою очередь, как знаки постоянно разменные *al pari*³¹ и приносящие проценты, пользующиеся удобством перехода из рук в руки между частными лицами, вытесняли с денежного рынка кредитные билеты. Последние, будучи заменены в обращении другими орудиями мены и знаками, становились лишними и как таковые требовали размена на звонкую монету для выхода с рынка и уменьшения обращения — или же, наконец, врывались снова в банки для процентного помещения. С прекращением размена они потеряли, наконец, свое достоинство представителей денег и произвели общее расстройство системы.

Такой результат можно было ожидать вперед. Он является следствием самого устройства денежного обращения. При первых потребностях размена кредитных билетов на монету и банковых на кредитные, вызванных как несоответственным понижением процентов на вклады, так и потребностями внешних платежей, и металлический фонд кредитных билетов, и наличные кассы банков подверглись опустошительному набегу каждый в свою очередь³².

Сто с лишним млн руб. фонда металлического не могли, казалось, отвечать огромному арсеналу бумажных орудий в 635 млн руб. кредитными билетами — в то время как за ними могло следовать почти столько же банковых билетов (более 600 млн руб. частных вкладов) и билетов казначейства на 93 млн руб., которые заняли бы место первых в обращении³³.

Нам кажется, что страх был несколько напрасен и преждевременен. Начало размена было только предостережением, признаком переполнения рынка и следствием временных потребностей в платежах за границу. Не останавливая размена, а предупреждая панику и недоверие, нужно было освободить рынок от излишних бумажных знаков и преобразовать саму систему обращения для предупреждения подобных результатов на будущее время. Границы свободного курса на золото, хотя и поддерживаемого с некоторыми пожертвованиями правительства, тем не менее показывают, что размеры потребностей промена не превышали способов и что, напротив, следовало освободить рынок насчет разменного фонда.

Начавшиеся вскоре затем преобразования банков подали надежду на осуществление новой системы денежного обращения. Государственный банк явился учреждением с новыми атрибутами, вместил в себя обязанности бывшей Экспедиции кредитных билетов³⁴ и принял исключительно торговое значение с обязательством ликвидировать старые банковые счета по комиссии за счет казны³⁵. Все в устройстве его обещало дальнейший переход к форме общественного оборотного банка с правом выпуска своих взамен кредитных билетов беспроцентных же банковых билетов, разменных по предъявлению³⁶.

Устройству банка предшествовала коренная мера, облегчавшая дальнейшие преобразования, и задуманная в связи с ними — это обращение банковых разменных билетов в 5 % срочные бумаги, уплачиваемые по тиражу в продолжение 37 лет³⁷.

Выпущенные перед тем непрерывно-доходные билеты³⁸ как по недостаточности для свободных капиталов приносимого ими билетами процента, так и по некоторым другим неудобствам своего обращения не имели большого влияния на консо-

лидацию банковых билетов или на уменьшение денежных знаков. Из свободных капиталов обратились в эти билеты весьма немногие. В этот разряд перешли по распоряжению самого правительства те только банковые билеты, которые принадлежали церквам, благотворительным заведениям, воспитательным учреждениям, условные наследственные капиталы и тому подобные — или другими словами те билеты, которые по самому свойству своему не имели характера денежных знаков и которые оставались бы в банке³⁹ постоянно не только за 4, но и за 3 %. Превращение некоторых из сих билетов в 4 % непрерывно-доходные имело результатом увеличение доходов владельцев сих капиталов, ибо многие из них внесены были при 3 %, а постоянно открытая и донныне подписка на сии билеты лишает их всякой цены на рынке. Как бы то ни было, эти последние бумаги образовались главнейше из банковых билетов, которые не имели подобно частным вкладам значения денежных знаков и которые, несмотря на свою значительность, не стесняли денежного рынка.

При остановлении размена бумажных знаков на звонкую монету главным опасением была несоответственность металлического фонда с общей массой как существовавших в обращении кредитных билетов (110 млн против 640 млн в 1859 г.), так и тех, выпуск коих мог бы потребоваться в обмен на банковые билеты (600 с лишком млн [руб.] свободных капиталов в билетах) или обращение которых даже в виде банковых билетов могло освободить из обращения для размена значительную массу денежных знаков.

Прекращение размена было решено неофициально, частной мерой финансового управления, что в свою очередь не могло не действовать на ослабление доверия к знакам. Переполнение же рынка кредитными билетами произошло главнейше от быстрых выпусков их со стороны казначейства на издержки последней войны⁴⁰.

Действительно, выпуск билетов, если бы в самом деле не было никаких других средств у финансового управления, мог быть отчаянным, последним способом для спасения страны. Но он должен быть, как о том заявлено в указе покойного государя императора, быть только *временным средством*, и выпущенные билеты подлежали *немедленному* изъятию из обращения посредством займа⁴¹. К сожалению, финансовое управление не могло и по окончании военных действий отказаться от дальнейших выпусков. Несмотря на прекращение размена, признававшегося им же необходимым вследствие обременения обращения, оно

продолжало увеличивать массу денежных знаков в обращении во всех трех упомянутых нами видах.

Обращение банковых билетов в срочные бумаги и реформа банковых установлений посредством учреждения Государственного банка была первым заявлением рациональных мер нового финансового управления, которые должны были при дальнейшем развитии привести и — и мы твердо в том убеждены при настойчивом преследовании начала — приведут к желаемым результатам.

Консолидация вкладов в 5 % бумаги имела последствием не только упрочение подвижного долга банков, но как операция, уничтожившая разом 278 млн руб. обращавшихся денежных знаков⁴², она в то же время произвела сильную реакцию в денежном обращении.

Кредитные билеты должны были силой самих обстоятельств занять пустое место банковых билетов в тех случаях, где последние заменяли деньги.

Продолжавшийся затем размен банковых билетов на кредитные, или востребования вкладов, со своей стороны, способствовал к дальнейшему уничтожению денежных знаков в виде процентных, передаточных и постоянно разменных билетов. Но, с другой стороны, он же частью потребовал нового выпуска кредитных билетов в обращение и, к сожалению, не временного, а постоянного, как мы объясним ниже.

Главная заслуга этой реформы и этой огромной по своим размерам операции заключалась в том, что ей консолидировано положение банков на 280 млн руб., состоявших из таких билетов, которые могли бы по желанию владельцев обменены быть в короткое время на кредитные билеты, и в то же время снято с рынка столько же лишних денежных знаков, заменявших в обращении деньги.

Более рационального способа к уменьшению денежных знаков и знаков, начинавших терять цену по случаю прекращения размена на звонкую монету, нельзя было принять. Сверх того, за окончанием подписки продолжался, как мы сказали, обмен банковых билетов на кредитные билеты и замен их свидетельствами Государственного банка⁴³, который, принимая во вклады и наличные кредитные билеты, и прежние банковые, заменял их свидетельствами на имя вкладчика, ни в каком случае *не передаточными из рук в руки* наподобие денег.

Действием обеих этих мер в короткое время двух лет уничтожено более 500 млн руб. в банковых билетах или в таких орудиях денежного обращения, которые составляют самую нерациональную форму бумажного знака, сияющего разрешить

невозможную задачу соединения в себе значения *денег* и *капитала*, приносящего проценты. Форма эта до такой степени неестественна, что она не существует ни в одном государстве и держалась у нас только вследствие огромного требования на денежные знаки и вследствие недостаточного сознания вреда от подобных знаков.

Казна освободилась, таким образом, от огромной массы плавающего долга и освободила денежное обращение от существовавших опасностей размена, продолжение которого *могло бы* оказаться невозможным при столь огромном количестве меновых орудий. Результат этот тем более заслуживает внимания, что он произошел совершенно свободно, в самое удачное для помещения капиталов время и вдобавок не стоил правительству жертвований, ибо консолидация эта в связи с переустройством банков была уплачена процентами, получаемыми с заемщиков банка и сбережениями в процентах, платимых на остающиеся банковые билеты.

Между тем последствия этой меры оказались по отношению к денежному обращению незамеченными со стороны финансового управления, которое вслед за сим не только приостановилось в дальнейших стремлениях к восстановлению денежной кредитной системы, но даже повторило прежние финансовые меры, кои были главной причиной всех затруднений.

По мере размена банковых билетов на кредитные правительство снова, вместо того чтобы предоставить банку выпуск последних в случае недостатка у него наличности, произвело выпуск кредитных билетов само за свой счет и погасило ими свой долг сему учреждению. Прибегая к прежнему, не свойственному для казначейства способу выпуска денег на расходы, оно впало в прежнюю ошибку и увеличило в два года, в 1859 и 1860 гг., без потребности и обеспечения массу кредитных знаков в обращении еще на $88\frac{1}{2}$ млн руб. Разница в выпуске билетов из банка с выпуском их из казначейства очевидна: если бы банк разменивал банковые билеты на кредитные от себя, то на каждый вновь выпускаемый билет в обмен банкового у него оставался бы срочный долг, обеспечивавший прежний билет, и постепенный срочный возврат этого долга в кассу банка уничтожал бы из обращения такую же сумму выпущенных билетов. Напротив того, казначейство, уплатив банку свой долг, не возвратит ему суммы выпущенных билетов, которая таким образом выходит в обращение от казны без всякого обеспечения кроме общего всем выпущенным прежде билетам обеспечения металлическим фондом и неопределенным значением всего достояния империи. Словом, подобный выпуск становился снова финансовым спо-

собом правительства, если и не для новых расходов казны, то тем не менее, для погашения старого своего процентного долга, который составлял обеспечение банковских операций.

Действительно, уменьшение денежных знаков в обращении вследствие консолидации вкладов осталось без внимания. Правительство не решилось и затем приступить к немедленному восстановлению размена остальных уменьшившихся денежных знаков или к принятию приготовительных или постепенных мер упрочения поколебавшейся системы. В его понятиях масса бумажных денег все еще была несоразмерна с фондом, а между тем финансовое управление вместо естественного в таком случае уменьшения знаков оставалось в необходимости или увеличивать их количество или же заменять эту необходимость выпуском бумаг, хотя и приносящих проценты, но со всеми свойствами прежних финансовых ресурсов казначейства.

В отношении к денежному обращению между тем и серии казначейства суть те же денежные и вместе процентные знаки. Любовь публики к сериям доказывает только потребность в распоряжении свободными капиталами, легко обращающимися в деньги, или саму потребность в денежных знаках. Но постоянно возрастающее количество их подготавливает тем не менее для финансового управления в будущем новые затруднения и необходимость в превращении этого текущего долга в постоянный и в то же время при свойстве этих билетов теснить свободу и прочность денежного кредитного обращения.

В других государствах, где существует финансовое средство выпуска билетов казначейства, они принимают вид краткосрочных долговых обязательств, или векселей, казначейства, но не пользуются нигде обязательным курсом приема во все платежи и потому не имеют характера денежных знаков.

Мы считаем особенно важным остановиться на этих мерах финансового управления, чтобы обратить внимание его на то, что уже было им сделано в видах восстановления системы.

У нас вообще не приписывают должного значения тому, что процентные бумаги суть капитал, помещенный в обороты и приносящий известный процент. Это товар, имеющий свою цену на рынке, срочное или бессрочное обязательство, являющееся вследствие займа денежного капитала, уже существующего в обществе. При таких условиях процентная бумага не может быть кредитным представителем денег или орудий мены, которые играют в обращении совершенно другую роль: служат посредниками мены, мерилом ценности, с которым сравниваются все прочие ценности. Перемешивать эти характеристические признаки и соединять их в одном предмете — в процентной бу-

маге — значит нарушать естественные условия обращения каждого из сих предметов. Ни теория, ни практика не могут оправдать подобного соединения несовместимых признаков. Процентная бумага, которой придают не принадлежащие ей качества размена по определенному, неизменяемому курсу, приема в платежи, свободной передачи из рук в руки, теряет свое значение как *помещение капитала*. Подобные заемные обязательства не обеспечивают дебитора, выдавшего их, не обеспечивают прочного размещения процентных бумаг по твердым рукам или, другими словами, не приобретаются с целью сохранения их и пользования процентами. Они не обеспечивают заемщика в распоряжении капиталами, полученными взамен таких постоянно обязательных для него к расплате документов. В действительности же для благонамеренного заемщика они невозможны. Если он решается платить проценты, то он платит их за то, что пользуется чужим капиталом, который поступает в его распоряжение. Но если, с другой стороны, он не обеспечивает себя сроком возврата и предоставляет кредитору во всякое время представить обязательство обратно и получить деньги, то он не имеет из чего уплатить проценты (если капитал занят на лицо) или же не имеет самого капитала, если он помещен в оборот и приносит проценты. Распространите частный случай подобного займа на банк, на казначейство — неудобства его остаются те же. Выпуск подобных обязательств становится выпуском денег, которые обращаются наравне с беспроцентными денежными знаками.

Придайте, с другой стороны, денежным знакам качества процентных бумаг — вы не остановите тем движения их как орудий обращения. Но вы только измените и испортите правильность их обращения и нарушите естественные условия рынка, на который собираются свободные капиталы, отыскивающие себе помещения. Допустим, что все кредитные билеты на 700 млн руб. во всех своих достоинствах приносят проценты по копейке в день. Это условие нисколько не мешало бы им обращаться как теперь и не изменило бы значения и достоинства их в денежном обращении.

Не будучи разменны на звонкую монету, они продолжали бы иметь цену только по отношению к металлу, как и теперь. При размене же на золото проценты не остановили бы их от обмена, если их много как орудий мены. При всяком другом более выгодном помещении они, как и настоящие беспроцентные билеты, являлись бы также свободно и в тех же количествах, как и ныне в качестве свободных подвижных знаков. Между тем как процентные деньги они нарушали бы за собой естественные условия рынка к действительной норме среднего текущего на

рынке процента за наем капиталов, прибавляли бы только даровые 3,65 % в год по всем обязательствам.

И что бы выражал собой в таком случае процент на деньги? Новую прибавку в количестве знаков, которую следовало бы *создавать* для обращения.

Вследствие ясного анализа значения денег и значения процентных бумаг подобные предположения о выпуске бумаг с двойственным характером, составляющие любимейшую мечту социальной школы⁴⁴ и кажущиеся невинным средством обогащения страны, везде встречали сильный отпор со стороны людей науки и финансовой практики.

Не говоря о попытках гг. Перейр⁴⁵ в 1831 г., затем других общественных преобразователей Франции в 1848 г., упомянем о последнем проявлении подобного желания в Великобритании. В 1860 г. некто г[осподин] Сайкс (Sykes), желая популяризовать сберегательные кассы, предлагал снабдить почтовые конторы королевства процентными бумагами для выдачи вкладчикам сберегательных касс с предоставлением сим бумагам обращения из рук в руки и предъявления к размену во всех почтовых конторах. Мысль эта как всей финансовой литературой, так и парламентом была признана непрактичной и несообразной с законами денежного обращения.

Достаточно сказать, что во всех государствах существуют банки, принимающие вклады на процентное обращение. Но нигде ни одному из них не предоставлено и ни один из них и не считает возможным выдавать вкладчикам *билеты на предъявителя*, передаточные и бессрочно обязательные для платежа из банка, подобно нашим бывшим билетам кредитных учреждений.

Разобрав в сущности самые причины, давшие начало затруднениям настоящего времени, укажем на положение денежного обращения и на факты, которыми оно выражается.

К 1862 г. денежное обращение состоит:

— Из 700 с небольшим млн руб. кредитными билетами.

— [Из] 108 млн руб. билетами казначейства.

[Все это] знаки, выпущенные как финансовый способ правительства.

[Всего] 808 млн руб.

Из 150 млн руб. или около этой суммы — старых банковых билетов по частным вкладам.

— 28 [млн руб.] — 4 % металлических билетов [Государственного] банка⁴⁶ (мы не считаем тех, которые лежат в банке и в обращении не участвуют).

[Всего] 178 млн руб. (И те, и другие из этих денежных знаков выпущены банком как оборотные знаки по операциям.)

Всего 986 млн руб. Но из них 150 млн руб. банковых билетов как по своей редкости в массе населения, так и по пребыванию в руках людей, не умеющих пользоваться более выгодным помещением, утратили почти совершенно характер подвижности в обращении. Средним числом обращение состоит из 850 млн руб. Два года тому назад это же обращение имело 635 млн руб. в кредитных билетах, столько же в банковых и 93 млн руб. — в сериях, или всего 1360 млн руб., то есть более с лишком на 500 млн руб. денежных знаков.

В отношении к способам размена их на звонкую монету средства и в тот, и в другой период времени почти одинаковы. Они заключаются в следующем:

Знаки, выпущенные правительством или казной, обеспечиваются:

- 700 млн руб. *кредитных билетов*. В числе 100 млн руб.: частью металлическим фондом — до 84 млн руб., частью обязательствами, постепенно обращающимися в золото, — до 17 млн руб. Остальные 600 м[лн руб.] не имеют никакого обеспечения в настоящее время и составляют *беспроцентный долг* государственного казначейства, или *недостаток*, указывающий на размеры тех издержек, на которые правительство выпустило сии билеты.
- 108 млн руб. *серий* не имеют также равно никакого обеспечения, кроме общего обеспечения бюджета, которым одинаково обеспечиваются все долги государства и все его надобности.

Знаки, выпущенные банками:

- 150 млн руб. вкладов или *банковых билетов*. Обеспечиваются вполне ссудами и постепенно возвращаются в банк с процентами в виде наличных кредитных билетов, которыми производятся платежи заемщиков.
- 28 млн руб. 4 %[-ных] *банковых билетов*. Обеспечены рубль за рубль металлическими обязательствами казначейства, уплачиваемыми в 41 год и с процентами по 4 со ста во все время⁴⁷.

Из этого сравнения денежных знаков по отношению к степени обеспечения каждого из них и по отношению к размену на звонкую монету или к восстановлению достоинства представляемых ими монетных единиц можно вывести следующее заключение.

Разменный фонд сам по себе представляет, бесспорно, довольно слабое отношение к числу разменных знаков. Но тем не менее само назначение его везде состоит в том, чтобы движением своим определять большее или меньшее количество орудий

мены, необходимых для потребностей той или другой страны. Держание фонда без употребления равняется полному его уничтожению, предоставлению общественных представителей ценностей или денег на произвол частного рынка и, наконец, возбуждению затруднений во всех экономических явлениях и недоверия к кредиту правительства и частных заемщиков.

Теперь, когда, с одной стороны, в потребностях размена на рынке, или в спросе на металл, участвуют тем не менее все существующие денежные знаки (остановить их от желания разменяться на золото правительство не может), а в предложениях за них золота и серебра участвуют только частные владельцы металла и денег, цена на золото не может подняться более, как на 12 или 15 %. Отсутствие на рынке такого богатого сравнительно меновщика денег, как разменный фонд [Государственного] банка, понятно, нарушает весьма сильно естественную цену металла и, возвышая его, роняет достоинство бумажных представителей. В то же время продажа денег как товара частными лицами не ослабляет денежного обращения, ибо знаки остаются в обращении, между тем как обмен со стороны банка есть только средство сокращать обращение и восстанавливать его в настоящие границы потребностей — потому что с обменом каждой суммы на золото обращение теряет знаки, служившие представителями металла.

Размеры продажи не могут в то же время не указывать на самую незначительность потребностей в размене. Они ограничиваются внешними платежами, которые тем или другим путем должны быть уплачены и остановить которые нет ни возможности, ни надобности. Всякое препятствие в этом отношении может только действовать на уменьшение достоинства денег и на возвышение цен.

Между тем при правильном размене с требованием золота на кредитные билеты возбуждалось бы требование на денежные знаки для внутренних оборотов, и требование это, выражаясь в возвышении процента на наем капитала в поднятии учетных процентов, в падении продажных цен на процентные бумаги, на товары вообще снова привлекало бы в страну золото и серебро и снова порождало бы требование в обмене их на бумажных представителей, более удобных в обращении. Этот ход вещей мы видим отчасти и теперь. С одной стороны, чистое золото продается и покупается в портовых городах за 1 золотник 39 долей⁴⁸ по 5 руб. 75 коп.⁴⁹ и 80 коп. в кредитных билетах. А с другой стороны, и в Государственный банк, и в Сибири в назначенные разменные кассы (Енисейск, Иркутск, Барнаул и Екатеринбург) несут серебро и золото и меняют их на кредитные

билеты по цене 5 руб. 15 коп. за 1 золотник 39 долей чистого металла. Стоит обратить внимание на размеры потребностей в денежных знаках в России, на отсутствие общего центра, в котором бы собирались деньги и на массу знаков, по необходимости остающихся постоянно без обращения! Одни почтовые конторы пересылают (в 1860 г.) в пакетах, в натуре более 765 млн руб. кредитных бумажек из одного места в другое (чего нет ни в одной другой стране), не говоря о миллионах, пересылаемых по железным и другим дорогам частными лицами и казенными местами с приказчиками, чиновниками и т.д. Сколько остается ежедневно в кассах частных лиц и казенных мест таких денег, которые при другом устройстве, при прекращении выпуска процентных денег шли бы на рынок или собирались бы в капиталы в кассах банка.

Взвешивая все эти обстоятельства, мы не можем разделять убеждений, чтобы размен при всех затруднениях, с которыми сопряжен он, после столь долгого прекращения и возбужденно-го недоверия сам по себе был невозможен.

Внимательный разбор обеспечений, представляемых нашими денежными знаками, очевидно доказывает, что они недостаточны и распределены неравномерно с требованиями и свойствами этих бумаг.

Для начала размена у нас еще есть 84 млн руб. в металле и для продолжения его — обязательства, реализация которых, может быть, окажется медленной — это правда, но обстоятельства, которые стоят того, что они представляют. Но всех этих обеспечений только на 100 млн руб., а остальные 600 млн [руб.] ничем не обеспечены таким, что могло бы в случае продолжающегося размена быть реализовано на металл.

Следовательно, первая потребность относительно восстановления размена заключается в полном обеспечении кредитных билетов, и при том обеспечении таком, которое представляло бы из себя ценности, возможные к обращению за деньги.

Вопрос размена поэтому не разрешится окончательно еще тем, если будет 200 млн руб. металла вместо нынешних 90 или 85 млн [руб.] или 100 млн руб. Для открытия и продолжения операции обмена и для восстановления рубля *навсегда* нужно *полное обеспечение всей суммы билетов*, хотя реализация всего обеспечения в сущности никогда не потребуется и не может потребоваться. Собственно для начала дела, для производства обмена и для возбуждения доверия к билетам, по нашему мнению, довольно и того количества, которое есть, или, лучше сказать, что могло бы быть при открытии размена — ибо пока фонд взаимности, то действие его таково же, как бы его не было вовсе, и

даже хуже, ибо оно доказывает кредиторам казны, что можно лишить их собственности и запереть принадлежащий *им* фонд без всякого предупреждения и обеспечения в возврате.

Задача настоящего положения состоит не в том, чтобы сделать размен возможным в течение двух-трех лет, четырех, пяти и т.д. Напротив того, подобная мера была бы наилучшим средством к возбуждению размена свыше потребностей, в видах спекуляции, или из недоверия и опасения дальнейшего приостановления размена. Вот почему мы не можем согласиться с необходимостью предпослать открытию размена заем и затем уже приступить к размену билетов.

Частные меры или полумеры в этом деле и в настоящем положении вещей недостаточны. При утвердившемся недоверии заем капиталов до открытия размена не будет иметь успеха, как уже тому были недавние примеры. Всякие специальные преимущества для привлечения денег, как то обещания в уплате процентов и капитала *рублями по курсу или металлом*⁵⁰, непомерно высокое назначение процентов и другие особенные условия будут противоречить цели займа и утверждать недоверие. Кроме того, высокий процент по займу подействует неблагоприятно на другие утвердившиеся бумаги и, наконец, при недостатке капиталов отвлечет только небольшие свободные суммы от других отраслей промышленности, столь для них необходимые, а правительству не доставит достаточных средств для предположенной цели. И отчего, спрашивается, владельцы заемных обязательств по новому займу имели бы [первоочередные] права и надежды на получение золота, нежели владельцы кредитных билетов, с которыми был сделан тот же уговор? Напротив того, специальное условие об уплате звонкой монетой как этого займа, так и всяких других займов и бумаг позволяет усомниться в том, чтобы само правительство убеждено было в будущем даже тождестве между кредитным рублем и металлом.

Когда ошибки и ложные теории привели к такому печальному расстройству, в котором находится денежное обращение в настоящее время и печальному не потому, чтобы оно было безвыходно, а потому что оно есть результат непризнания практикой основных начал, положенных в условия государственного и экономического развития народов. В это время не годятся полумеры, а нужно ясное и гласное сознание ошибок и меры энергичные, не позволяющие вернуться к прошедшему. Для этого нужны смелость и система действий, к которым приводят глубокое убеждение и уверенность знания.

Изложив недостатки нашего денежного обращения, нам остается указать на истекающие из них же способы, которые мы

находим необходимыми для коренного восстановления денежной единицы и без совокупного принятия которых положение останется то же и даже делается худшим.

Способы эти должны заключаться в следующих общих и частных мерах в отношении к денежному обращению и к устройству общественного банка.

1. В издании манифеста о прекращении навсегда со стороны правительства выпуска сначала кредитных билетов и затем всяких других денежных знаков со свойством обязательного приема в платежи — как беспроцентных, так и процентных. В случаях чрезвычайных надобностей казначейство имеет прибегать исключительно к правильным займам и к выпускам краткосрочных обязательств (*bon du Tresor, Exchequer Bills*), продаваемых по соглашению с кредиторами и обращающихся по вольной цене.

2. Существующие кредитные билеты обменять на билеты банковые, беспроцентные, но разменные на монету по предъявлению. Выпуск сих билетов предоставить во всей империи, исключая Великого княжества Финляндского и Царства Польского, одному Государственному банку на срок до 28 лет или до 1900 г.

3. [Государственному] банку предоставляется выпустить своих билетов на всю сумму, какая будет им извлечена из обращения в кредитных билетах, в банковых вкладных билетах, принадлежащих частным лицам, и в 4 % банковых билетах, и без ограничения суммы — за вносимые в банк слитки золота, серебра и монеты — как русской, так и иностранной — по цене за золотник чистого серебра 22 коп.⁵¹ и за золотник чистого золота по 3 руб. 66 коп.

4. Для обеспечения Государственному банку средств к размену билетов, выпускаемых взамен нынешних кредитных билетов до 700 млн руб., предоставляется в его распоряжение: весь разменный фонд, состоящий в металлах и в обязательствах, погашаемых в назначенные сроки металлом — всего на 100 млн руб. Остальные 600 млн руб. кредитных билетов обеспечиваются банку тремя частями: 1. 200 млн руб. — обязательствами Государственной комиссии погашения долгов внутреннего бессрочного займа на 10 млн руб. постоянного дохода в достоинствах 5, 10, 50, 100 и 1000 руб. ежегодных процентов. Заем этот записывается немедленно всей суммой в Государственную долговую книгу на имя Государственного банка и билеты поступают в его распоряжение. 2. Вторые 200 млн руб. вносятся равномерно долгом в Государственную долговую книгу займом из 1 %, обращаемого на постепенное

погашение билетов в течение 100 лет. На сей заем выдается банку одно неотчуждаемое обязательство. 3. Остальные 200 млн руб. обеспечиваются государственными имуществами: лесами, оброчными статьями, горными заводами, фабриками, железной дорогой⁵² на полную сумму. Доход с сих имуществ останется в распоряжении государственного казначейства, но отчуждение самих имуществ предоставляется по соглашению правления [Государственного] банка с Министерством финансов, которому разрешается выкупить сии имущества по цене, в которой они были отданы в обеспечение. 4. С сими обеспечениями вменяется [Государственному] банку в обязанность приступить немедленно к открытию размена своих билетов в следующей постепенности:

Приняв за исходную точку ныне существующий курс на золото, банк разменивает свои билеты по требованию предъявителей в Петербурге в разменных своих кассах: сначала слитками в соответствующей цене, а затем монетой по 5 руб. 70 коп. за полуимпериал⁵³ в течение 1862 г.; по 5 руб. 50 коп. с 1 января 1863 г. по 1 июля того же года; по 5 руб. 35 коп. с 1 июля 1863 г. по 1 января 1864 г.; по 5 руб. 25 коп. в течение всего 1864 г. и по 5 руб. 15 коп. с 1865 г. Государственному банку предоставляется по мере возможности сократить сии сроки и уплачивать серебром $83\frac{1}{3}$ пробы⁵⁴ с надлежащей в те же сроки надбавкой сравнительно с золотом. *Примечание.* Пока существует указанная градация цен, банк покупает также металл с соответствующим ей возвышением и с премией, если бы это было необходимо.

5. В случае усиливающейся надобности в подкреплении своих разменных касс Государственному банку предоставляется продавать выданные ему 5 % доходы способами и в размерах, какие он признает наиболее удобными, с предупреждением господина министра финансов в случае открытой продажи по подписке о времени реализации и сроках взносов⁵⁵.

6. Государственному банку с принятием на себя сих обязанностей следует состоять в исключительном и непосредственном ведении одного Совета государственных кредитных установлений⁵⁶ с увеличением состава его членов со стороны правительства, дворянства и купечества и с назначением от каждой из сих сторон двух членов в должности директоров. С 1865 г., если окажется неудобным исполнить сие ранее, увеличить основной капитал банка взносом 20 млн руб. в акциях из частных капиталов. Капиталы сии принимаются по частям в билетах кредитных, банковых, золоте, серебре и

всяких других правительственных бумагах с освобождением на равную сумму государственных имуществ, отданных банку. Чистые прибыли банка по преобразовании его в общественный разделяются между правительством и акционерами пополам. Первая половина обращается на выкуп обеспечений, данных со стороны правительства.

Общественный банк России — таково должно быть его название с того времени — имеет управляющего, товарища и 6 директоров из акционеров по назначению правительства и такое же число директоров по выбору акционеров, и затем составляет свободное учреждение, подчиненное одному своему уставу и общим законам. В обязанность банка вменяется довести число своих контор до 40 в течение первых 15 лет. Устав банка имеет быть пересмотрен согласно назначению.

7. С утверждением первых их сих мер дальнейший прием вкладов на процентное обращение до востребования прекращается как в Петербурге, так и во всех конторах Государственного банка. Прием срочных вкладов может быть продолжен до 1865 г. единственно от частных лиц, опекунов, благотворительных и богоугодных заведений, но ни в каком случае от казенных административных мест, которые должны быть обязаны доверяемые им частные капиталы помещать в процентные государственные бумаги.

На прежние билеты банков, все без исключения, назначить с 1 июля 1862 г. по 1 % в год, а с 1863 г. течение процентов прекратить, исключая тех из сих капиталов, которые связаны условиями возврата и владельцами востребованы быть не могут. Суммы, поступающие на срочное обращение, принимать в банк за счет Министерства финансов, которое отвечает как за платеж процентов, так и за возврат капиталов в срок. Размеры *maximum*'а сих вкладов от одного лица или учреждения имеют быть определены самим министерством, которое обращает все сии капиталы на приобретение 5 % билетов по выкупу и на земские облигации.

8. В случае надобностей банка на оживление торговых оборотов впредь до окончательного утверждения устава в 1865 г. предоставляется банку с открытием размена своих билетов через полгода после начала увеличить сумму выпуска своих билетов до 20 млн руб. под залог краткосрочных торговых бумаг.

9. С прекращением приема вкладов в Государственный банк имеют быть разрешаемы к открытию сберегательные кассы во всех уездах в селах, местечках и городах по однообразному плану, с приемом на книжки сумм от 20 коп. до

25 руб. за раз и с накоплением сумм до 750 руб. на лице. Все вклады этой суммы имеют быть обращаемы в государственные процентные бумаги покупкой на бирже или через банк.

10. В С.-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и в других городах открываются биржи с назначением дней и часов исключительно для продажи процентных бумаг и переводных векселей. Продажи производятся посредством публичных маклеров в присутствии публики и гласно. Уставы об учреждении и обязанностях биржевых маклеров имеют быть рассмотрены.

Только общая связь сих мер и распоряжений с признанием и заявлением цели преобразования в состоянии возбудить общее доверие к реформам, касающимся самых животрепещущих потребностей, и вызвать сочувствие и содействие со стороны всех к восстановлению монетной единицы и упрочению достоинства ее.

Подобное заявление цели и гарантии, предоставляемые правительством общественному кредитному установлению, укрепляют поколебавшийся за границей кредит России и откроют ему новые правильные средства для чрезвычайных финансовых надобностей.

Упрочение денежной кредитной системы на основаниях, не подверженных разрушению от финансовых затруднений правительства, и свободное предложение и накопление капиталов на рынках предоставят самому правительству средства к сокращению расходов и к уравнению государственной росписи на обыкновенные постоянные нужды, равно как обогатят денежный рынок свободными капиталами, столь необходимыми в настоящее время как для частной промышленности, так для устройства финансовых отношений казначейства.

Все указанные выше способы и органическая между ними связь с применением формы и способа исполнения к потребностям современного развития понятий в нашем отечестве, по нашему крайнему убеждению, суть *единственные меры*, от которых можно ожидать успеха, ибо цель их — общая, [она] удовлетворяет интересам всех и ослабляет необратимый кризис всякой реформы, преследующей какую-нибудь частную цель.

Заем со стороны правительства, взятый отдельно, поставит в невыносимые затруднения всех прочих заемщиков, столь сильно нуждающихся ныне в капиталах.

Размен без указания на средства его продолжения и без обеспечения их вперед возбудит только недоверие и лихорадочную торопливость в обмене, от которой не удержит никакая постепенность в курсе.

Продолжение приема вкладов в банке и выпуск других процентных ходячих бумаг даст снова ложное направление свободным капиталам, обременит денежное обращение и оставит без всяких свободных средств частные кредитные учреждения и без покупателей правительственные обязательства.

Оставление выпуска билетов и операций банка в руках финансового управления после столь долгого сохранения за банком и за выпуском бумаг характера финансового учреждения и ресурса правительства лишит всякие попытки к восстановлению курса необходимого доверия и общего сочувствия к содействию в этом государственном деле.

Итак, способы к упрочению системы существуют, и время к применению их не потеряно.

По самом строгом разборе и добросовестном размышлении мы остановились на них как на единственно возможных. Будут ли они приняты или нет, мы считаем свой долг исполненным посредством самого откровенного заявления нашей мысли и результата наших убеждений, основанных на изучении предмета. Спешим заключить, что чем сильнее затруднения и чем общераспространеннее заблуждения и недоверие, тем сильнее должны быть средства, тем полнее должны быть обдуманы меры к исправлению и тем настойчивее следует исполнять задуманную систему преобразования. Оставаться в бездействии и ждать дальнейшего развития затруднений или возлагать надежды на случайности значило бы предоставить судьбу всего общества слепому произволу.

Примечания

¹ См.: Ламанский Е.И. Избранные сочинения / Сост. А.В. Бугров. М., 2005. Там же помещен биографический очерк о Е.И. Ламанском (авт. А.В. Бугров).

² Кауфман И.И. Обзор проектов, вышедших в 1861—1878 гг. о преобразовании кредитной денежной системы в России. СПб., 1878. С. 1—9; Он же. Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы. СПб., 1879. С. 1—7.

³ См.: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 1417.

⁴ См.: Ламанский Е.И. Воспоминания // Русская старина. 1915. Январь. С. 73—87; Февраль. С. 367—375; Март. С. 576—589; Апрель. С. 60—71; Май. С. 338—352; Сентябрь. С. 475—500; Октябрь. С. 58—68; Ноябрь. С. 203—213; Декабрь. С. 402—415.

⁵ Ламанский Е.И. Избранные сочинения... С. 141—142.

⁶ С начала 1853 г. по начало 1858 г. бумажно-денежная масса в обращении возросла с 311,4 млн руб. до 735 млн руб., а их покрытие ме-

таллическим фондом сократилось с 45,1 % до 19,2 % (См.: Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 63).

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее — ПСЗ 1). Т. 35. Отд. I. СПб., 1862. № 35847. С. 646.

⁸ Кауфман И.И. Обзор проектов, вышедших в 1861—1878 гг. о преобразовании кредитной денежной системы в России. СПб., 1878. С. 9.

⁹ Ламанский Е.И. Избранные сочинения... С. 142.

¹⁰ Кауфман И.И. Обзор законодательных и административных мероприятий, вызванных расстройством бумажно-денежного обращения. СПб., 1896. С. 124.

¹¹ Согласно акту о постепенном восстановлении размена банкнот Банка Англии на звонкую монету, принятому в 1819 г., Банк Англии был обязан производить размен с 1 февраля по 1 октября 1820 г. по расчету 1 унция золота за 4 фунта стерлингов и 1 шиллинг банкнот; с 1 октября 1820 г. по 1 октября 1821 г. — по расчету 1 унция золота за 3 фунта стерлингов 19 шиллингов 6 пенсов; с 1 октября 1821 г. по 1 мая 1823 г. — по расчету 1 унция золота за 3 фунта стерлингов 17 шиллингов 10¹/₂ пенса; после 1 мая 1823 г. — по нарицательной цене 3 фунта стерлингов 17 шиллингов 6¹/₂ пенса. (См.: Обзор иностранных законодательств об эмиссионных банках. Б.м. и г. С. 4.)

¹² Бугров А.В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. М., 2001. С. 191.

¹³ Из последних работ на эту тему см.: Бугров А.В. Указ. соч. С. 186—197; Лизунов П.В. Неудачное начало «новой эры» русских финансов // Страницы российской истории: проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 100—106.

¹⁴ Германский Рейхсбанк (Reichsbank) был образован по закону от 14 марта 1875 г., согласно которому он был «юридическим лицом, состоявшим под контролем и управлением государства» с капиталом 120 млн марок, разделенным на 40 тыс. паев. При этом правительство по закону не могло состоять пайщиком банка.

¹⁵ Юргенс Ф.А. Воспоминания об Евгении Ивановиче Ламанском в связи с деятельностью Государственного банка. СПб., 1903. С. 50—51.

¹⁶ М.Х. Рейтерн был назначен управляющим министром финансов 23 января 1862 г., а министром финансов — 6 декабря того же года.

¹⁷ См.: Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 108.

¹⁸ Прямой размен кредитных билетов на серебряные рубли, производившийся в казначействах, был отменен в 1858 г. из-за истощения золотого и серебряного запасов страны вследствие разорительной русско-турецкой войны 1853—1856 гг.

¹⁹ Ассигнации — бумажные денежные знаки, выпущенные в России в 1769—1839 гг. от имени правительственных Ассигнационных банков (с 1786 г. — единого Ассигнационного банка). Несмотря на замену ассигнаций кредитными билетами в 1840-е гг., последние еще в конце XIX в. нередко в народе именовали ассигнациями — как по привычке, так и по тому, что оба эти вида денежных знаков со временем обесценились.

²⁰ 4 золотника и 21 доля, или 18 г — содержание чистого серебра в российской рублевой серебряной монете с 1798 г., подтвержденное в 1810 и 1839 гг. (при общем весе серебряного рубля 20,73 г).

²¹ Е.И. Ламанский имеет в виду, прежде всего, манифест «Об устройстве денежной системы» от 1 июля 1839 г., объявлявший денежной единицей Российской империи серебряный рубль. (См.: ПСЗ 2. Т. 14. Отд. I. СПб., 1840. № 12497. С. 600—602.)

²² Главное общество российских железных дорог было создано под патронажем российского правительства по указу императора Александра II от 26 января 1857 г. с основным капиталом 75 млн руб. Его облигации имели гарантию царского правительства.

²³ Российская платиновая монета в 3, 6 и 12 руб. чеканилась в небольших количествах с 1828 по 1854 г.

²⁴ Е.И. Ламанский имеет в виду, прежде всего, опыт Банка Франции, Банка Англии и Бельгийского банка, с деятельностью которых он познакомился в период своего заграничного путешествия 1857—1858 гг.

²⁵ Подразумеваются ассигнации и кредитные билеты (последние выпускались с 1843 г.).

²⁶ Неточное воспроизведение фразы манифеста «О замене ассигнаций и других денежных представителей кредитными билетами» от 1 июня 1843 г.: «Государственные кредитные билеты обеспечиваются всем состоянием государства», которая помещалась на оборотной стороне кредитных билетов.

²⁷ Имеются в виду протекционистские таможенные тарифы 1822 и 1851 гг., особенно тариф 1822 г., введший высокие пошлины на импортные изделия.

²⁸ Имеются в виду вкладные билеты казенных банков, выдававшиеся за внесенный в банк вклад, а также государственные 5 %-ные банковые билеты, выпускавшиеся на основании императорского указа от 1 сентября 1859 г. для расчета с вкладчиками упраздняемых казенных банков.

²⁹ Билеты государственного казначейства, именовавшиеся в народе «сериями», были формой внутреннего займа российского правительства и выпускались для покрытия его расходов в 1831—1917 гг. (на основании манифеста от 13 июля 1831 г.).

³⁰ С 1840 по 1884 г. билеты государственного казначейства выпускались исключительно номиналом 50 руб. и приносили держателю 4,32 % в год.

³¹ *Al pari*, итал. — буквально «наравне». В данном случае имеется в виду безусловная разменность билетов казначейских серий по номиналу на российские деньги.

³² Из-за невозможности выплачивать высокие проценты по вкладам в казенных банках в 1857 г. они были понижены с 4 % до 3 %, что вызвало значительный отток денежных вкладов публики как из крупнейшего среди казенных Заемного банка, так и из Коммерческого банка и Ссудных казен Воспитательных домов.

³³ Приводимые данные относятся к 1859 г.

³⁴ По указу об основании Государственного банка от 31 мая 1860 г. к нему присоединялась Экспедиция государственных кредитных билетов (п. 7.). (См.: ПСЗ 2. Т. 35. Отд. I. СПб., 1862. № 35847. С. 645.)

³⁵ В соответствии с указом об основании Государственного банка от 31 мая 1860 г., а также с его уставом, он был банком кредитования «торговых оборотов», к которому перешли активы и пассивы прежних казенных банков. К задачам нового банка относилась ликвидация долгов казенных банков по вкладной операции и ликвидация помещичьего долга казенным банкам (завершена в 1885 г., главным образом, за счет поступлений по крестьянским выкупным платежам).

³⁶ Е.И. Ламанский намекает здесь на первоначальный подготовленный им в 1859 г. проект устава Государственного банка, по которому он имел право денежной эмиссии. Поскольку она оставалась для правительства излюбленным инструментом латания бюджетных дыр, новому банку не было предоставлено эмиссионного права, которое вплоть до 1897 г. оставалось прерогативой Министерства финансов (в 1897 г. передано Государственному банку).

³⁷ Согласно Положению о государственных 5 %-ных банковых билетах, утвержденному 1 сентября 1859 г., 4 %-ные непрерывно-доходные билеты, предназначенные для консолидации вкладов казенных банков, были конвертированы в 5 %-ные банковые билеты, рассроченные в погашении на 37 лет.

³⁸ Правила о государственных непрерывно-доходных билетах, по которым осуществлялась их эмиссия, были утверждены Александром II 13 марта 1859 г. (См.: ПСЗ 2. Т. 34. Отд. I. СПб., 1861. С. 200—204.)

³⁹ Имеется в виду Государственный банк.

⁴⁰ То есть русско-турецкой войны 1853—1856 гг. (Крымская война).

⁴¹ Эти «временные выпуски кредитных билетов», иногда называемые в литературе просто «временными выпусками», эмитировались на основании указа от 10 января 1855 г.

⁴² Ламанский имеет в виду общую сумму консолидированных в 5 %-ные билеты вкладов. Известно, что в ноябре и декабре 1859 г. в 5 %-ные бумаги было консолидировано вкладов на 270 млн руб.

⁴³ Здесь имеются в виду вкладные свидетельства Государственного банка

⁴⁴ Социальная школа — так в 1860-е гг. называли социалистическое направление экономической мысли. Прежде всего, имеются в виду экономические воззрения П.Ж. Прудона (1809—1865), считавшего за благо выпуск банками собственных билетов, которые бы циркулировали наравне со звонкой монетой. По Прудону, кредит покровительствует труду, а меновая ценность — условие «полезности». Основная идея его учения — «раскрепощение труда», которое наиболее полно раскрывается в социально ориентированном государстве. Прудоном было спроектировано устройство народного банка (*banque d'échange*), выпускающего собственные билеты, которые обращались между рабочими как «действительные ценности».

⁴⁵ Перейры (Pereire) Эмиль (1800—1875) и Исаак (1808—1880), французские коммерсанты, основатели банка «Креди мобилье» (1852)

по кредитованию промышленности и железных дорог. Поклонники социально-экономического учения К.А. Сен-Симона.

⁴⁶ 4 %-ные металлические билеты Государственного банка выпускались на основании императорского указа от 16 декабря 1860 г. для подкрепления средств Государственного банка. Они свободно обменивались на золотую и крупную серебряную монеты; выпускались в одном номинале — 300 руб. — до 1867 г. Эти билеты имели характер банковских сертификатов, имевших платежную силу и выданных в обмен на принесенное в Государственный банк золото и серебро.

⁴⁷ Сверх этих обеспечений 4 %[-ные] билеты как бумаги, выпускаемые [Государственным] банком, имеют на всю сумму обеспечений в банковских операциях, так что обязательства г[осударственного] казначейства представляют собственно обеспечение дополнительное, которое следует распространить и на кредитные билеты. — *Прим. автора.*

⁴⁸ 1 золотник 39 долей = 6 г — чистый вес золота 5-рублевой монеты российского чекана до 1886 г. 5-рублевая (полуимпериял) монета была наиболее употребляемой среди золотых монет.

⁴⁹ Официальная цена 5-рублевой золотой монеты в России тогда составляла 5,15 руб. серебром.

⁵⁰ «Металлом» — т.е. золотой и серебряной монетой.

⁵¹ В тексте ошибочно напечатано «82 коп.». Данная ошибка распознается по приведенной далее цене золота. Известно, что ко времени составления проекта соотношение (рацио) между золотом и серебром на европейских биржах и в России составляло 1:15.

⁵² Имеется в виду Николаевская железная дорога между Петербургом и Москвой, открытая в 1851 г.

⁵³ Полуимпериял — 5-рублевая российская золотая монета, чеканившаяся с середины XVIII в. российского чекана.

⁵⁴ 83 $\frac{1}{3}$ проба — золотниковое значение 868 пробы, в которой чеканилась русская серебряная монета: крупная (от 25 коп. до рубля) — до 1886 г., разменная — до 1859 г.

⁵⁵ Государственный банк, имея своим 4 %-ным билетам (на 28 млн руб.) дополнительное обеспечение в обязательствах государственного казначейства, по коим поступит в 41 год времени более 57 млн руб. золотом, всегда будет в состоянии реализовать 5 %[-ные] доходы без затруднения и несколько ниже *at par*, если бы это было необходимо. — *Прим. автора.*

⁵⁶ Совет государственных кредитных установлений — высший орган надзора за кредитными учреждениями в Российской империи, учрежденный по манифесту от 7 мая 1817 г.



Густав Гартман и его воспоминания о Луганском заводе*

Предлагаемая вниманию читателя памятная записка (оригинальное название: *Denkschrift über die Entstehung und die Entwicklung der Russischen Maschinenbaugesellschaft Hartmann in Lugansk, Gouvernement Jekaterinoslaw, Südrussland*) германского предпринимателя Густава Гартмана (1842—1910), основателя одного из крупнейших паровозостроительных заводов дореволюционной России, публикуется впервые. Записка посвящена истории возникновения и развития компании луганского завода, названной в честь своего основателя (Русское общество машиностроительных заводов Гартмана). Особый интерес этот документ представляет в связи с тем, что в нем затронута проблема предпринимательской стратегии иностранных фирм на российском рынке, общей тенденцией которой был переход от торговли к прямым инвестициям.

Будущий основатель завода в Луганске Г. Гартман — сын владельца Саксонского машиностроительного завода в Хемнице. Окончив коммерческое училище в Хемнице, он стажировался на германских и зарубежных (в Бельгии, Англии, Франции) метал-

* Вступительная статья — Петров Антон Юрьевич (аспирант; исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), Петров Юрий Александрович (доктор исторических наук; Центральный банк Российской Федерации).

лургических и машиностроительных предприятиях. С 1865 г. Гартман, как пишет он в своей записке, предпринимал длительные поездки в Россию в интересах предприятия своего отца; с 1867 г. являлся совладельцем семейной фирмы, после ее акционирования в 1870 г. — ведущим акционером, директором правления, а с 1880 г. — председателем наблюдательного совета компании.

Не пересказывая содержания записки, заметим лишь, что решающим толчком к переносу производства в Россию стало повышение ставок таможенного тарифа в 1891 г., что ослабило позиции немецких и прочих иностранных машиностроительных фирм. Исходя из удачного опыта бельгийских и французских промышленников, в 1890-е гг. создавших значительное число металлургических заводов в России, Гартман приходит к мысли, что прямое участие в русской промышленности является самым перспективным методом действия и для немецких предпринимателей.

Предложение Гартмана о строительстве завода было благосклонно принято российским правительством, в частности, министром путей сообщения М.И. Хилковым и главой финансового ведомства С.Ю. Витте. Это предложение отвечало стратегии Витте на максимальное привлечение в Россию иностранных инвестиций, с помощью которых, как он рассчитывал, империя могла бы совершить рывок в индустриальном развитии и догнать ушедшие вперед западноевропейские страны.

Записка содержит любопытные подробности о деятельности российской бюрократии, обычно неповоротливой и медлительной, но умевшей максимально ускорять прохождение дел, в которых было заинтересовано правительство. Увлечателен рассказ мемуариста о поиске места для строительства завода, раскрывающий замысел предпринимателя, тщательно взвесившего все за и против и сумевшего учесть даже такой неочевидный факт, что луганские рабочие охотно вернулись бы в город к семьям из отходных промыслов, что обеспечило заводу необходимую рабочую силу.

Заметим, что выбор Луганска, который был расположен на восточной границе Донецкого угольного бассейна, был отчасти продиктован и желанием российского заказчика. Министр путей сообщения князь Хилков при свидании с Гартманом прямо указал, чтобы новый завод был построен не слишком близко к западной границе империи и тем самым в случае войны не оказался бы в пределах досягаемости противника. Под последним, очевидно, подразумевалась Германия, но деловой интерес в данном случае превалировал над патриотическими соображениями.

ями. Гартман четко исполнил указание российских властей и построил завод, из цехов которого за дореволюционный период вышло более 2 тыс. паровозов.

Правление основанной в 1896 г. компании располагалось в С.-Петербурге, по уставу в составе директоров не могло быть более трех иностранных подданных. Таким образом, были защищены как интересы Гартмана, так и русского правительства. Основной капитал общества при основании составлял 4 млн руб. золотом и был разделен на 40 тыс. акций номиналом по 100 руб. (или 324 немецких марки). Акции были распределены между учредителем общества и приглашенными им к участию финансовыми группами. 17 950 акций принадлежало Дрезденскому банку, С.-Петербургский Международный банк обладал 10975 акциями. Лично Гартману принадлежало 1000 акций, но с помощью «дружественного» Дрезденского банка он являлся безраздельным хозяином компании.

Записка Гартмана интересна и тем, что от первого лица повествует о стратегии развития предприятия, с которой владелец фирмы связывал надежды на освоение российского рынка. В качестве причин успешного развития Луганского завода Гартман выделяет «непревзойденное оснащение цехов всеми специальными машинами». Гартман справедливо подчеркивает тот факт, что поставки машинного оборудования и металлических конструкций велись исключительно германскими фирмами. В записке приводятся развернутые данные об объемах и характеристиках завезенных машин, приводятся сведения о немецких фирмах — поставщиках.

Другим важным элементом деловой стратегии стало независимое положение завода в сравнении с другими предприятиями отрасли, поскольку все без исключения необходимые для сборки локомотивов полуфабрикаты и детали изготавливались на месте. Выпуску паровозов предшествовало создание множества вспомогательных производств, что, разумеется, благоприятно сказалось на себестоимости продукции. Такая стратегия требовала крупных инвестиций на начальном этапе, но в будущем открыла перспективы динамичного и стабильного развития.

В записке приводятся и крайне интересные сведения о работе мартеновского и прокатного цехов завода. Дело в том, что, как пишет Гартман, при налаживании этих производств ставилась цель, чтобы они не только покрывали потребности внутреннего паровозостроения, но две трети своей продукции реализовывали на рынке. Это свидетельствует о развитой бизнес-стратегии, в соответствии с которой вспомогательные подразделения паро-

возрожденной компании были призваны стать самостоятельным источником прибыли.

Остановившись на схеме расположения отдельных цехов на территории завода, Гартман отмечает, что определяющим был принцип экономии времени и удобства подвоза сырья, равно как и транспортировки готовой продукции. Пространственная оптимизация производства также является важным пунктом предпринимательской стратегии, обычно ускользающим от внимания исследователей, поскольку о ней речь ведется, как правило, в документах личного происхождения, очень плохо сохранившихся в отечественных архивах. Немаловажным являлся и фактор привлечения квалифицированной рабочей силы, в публикуемом документе подробно говорится об успешных попытках администрации привлечь кадры с других паровозостроительных заводов.

Вскоре после открытия завода в России разразился острый экономический кризис рубежа XIX—XX вв. Гартман лишь слегка касается этой не слишком приятной темы, ограничиваясь замечанием, что за 1899—1901 гг. молодое предприятие оказалось не в состоянии выплатить дивиденд своим акционерам. Несомненно, что казенные заказы позволили предприятию Гартмана избежать участи многих металлургических и машиностроительных заводов, вынужденных резко свернуть объемы производства. Именно то обстоятельство, что, как пишет Гартман, «главным клиентом завода является русское правительство в лице казенных железных дорог», помогло пережить кризисную пору, а с началом русско-японской войны новые массовые заказы локомотивов позволили заводу выйти на пик своего производства. Заметим, что построенный на немецкие капиталы и оснащенный германскими же машинами завод обеспечивал потребности российской экономики и геополитики, что, по справедливому замечанию Гартмана, означало, что «предприятие сохраняет чисто русский характер».

В целом представленная в записке картина позволяет расценить Луганский завод Гартмана как успешный проект иностранных предпринимателей, которые вслед за повышением ставок российского таможенного тарифа были вынуждены переходить от торговли к прямому инвестированию и выпуску промышленной продукции на территории империи. При этом высока была роль как технологического трансферта, поскольку подавляющая часть оборудования для предприятия ввозилась из-за границы, так и значение правительственных заказов на подвижной состав, которые обеспечивали Обществу Гартмана стабильный спрос на продукцию.

В 1908 г. Гартман вышел по возрасту из состава директоров правления русской компании, поселившись постоянно в Германии. Скончался он в октябре 1910 г. в Дрездене. К тому времени его Луганский завод превратился в гигантское предприятие, к 1912 г. на нем действовало 1265 металлообрабатывающих станков и механизмов, приводимых в движение 191 электромотором и 20 паровыми машинами мощностью свыше 8 тыс. л.с., а также электрокраны, гидравлические и пневматические подъемники и др. В 1919 г. паровозостроительный завод Гартмана в Луганске был национализирован, он успешно работал и в советский период, а ныне носит название Луганский тепловозостроительный завод ОАО «ХК Лугансктепловоз».

Публикуемая записка составлена Гартманом в 1905 г. в Дрездене, когда у автора на склоне лет возникла, очевидно, потребность подвести итоги жизни, оставив потомству мемуарные записи. Типографски отпечатанный экземпляр документа, изданного, вероятно, небольшим тиражом для близкого круга мемуариста, сохранился в Публичной библиотеке г. Дрездена. С любезного разрешения дирекции библиотеки текст был передан публикаторам д-ром Йохеном Хойслером, которому мы выражаем искреннюю признательность.

Г. Гартман

Записка о возникновении и развитии Русского общества машиностроительного завода Гартмана, Луганск, Екатеринославская губерния, Юг России*

С 1865 г. один-два раза в год я совершал длительные поездки в царскую империю в интересах предприятия моего отца, который с 1870 г. владел акционерной компанией Саксонского машиностроительного завода (Sächsische Maschinenfabrik vorm. Rich. Hartmann Aktiengesellschaft), ранее единоличное предприятие Рихарда Гартмана в Хемнице¹, во все большем объеме поставлявшее в Россию локомотивы, паровые двигатели, станки

* Перевод с немецкого языка — Ю.А. Петров.

и ткацкое оборудование, чтобы поддерживать дружественные отношения отцовской фирмы с русскими властями и тамошней частной промышленностью. Благодаря этим регулярным долговременным поездкам я подробно изучил рынок и потребности Российской империи.

Примерно спустя два десятилетия российское правительство, вдохновляемое идеей защиты собственной промышленности, серьезно осложнило экспорт иностранных машин в Россию путем повышения таможенных тарифов². Когда вследствие этих мер поставки в Россию продукции Саксонского завода, равно как других немецких и прочих иностранных машиностроительных фирм, все более стали сокращаться, и мы в итоге безвозвратно теряли прежний столь благоприятный рынок сбыта, я задался вопросом, нельзя ли все же немецкому капиталу и немецкому духу предприимчивости сохранить, точнее говоря, завоевать заново, часть российского рынка ввиду его потребности в машинах. В начале 1890-х гг. французские и бельгийские промышленники, опираясь на свои банковские группы, уже создали значительное число металлургических заводов в различных частях России, и часть этих предприятий процветала³. По основательном размышлении я пришел к убеждению, что данный способ участия в русской промышленности может стать самым перспективным и надежным и для нас, немцев.

Поскольку благодаря моим многолетним поездкам по России мне было известно, что имевшиеся русские машино- и паровозостроительные заводы, частью устаревшие, были больше не в состоянии удовлетворять существенно возросший спрос на локомотивы, а со стороны одного активного русского министра⁴ при случайном зондировании мне было ясно дано понять, что правительство заинтересовано в строительстве такого нового завода с современным оборудованием, то я вместе с друзьями взялся за детальную проработку этого вопроса. В результате наших размышлений и обсуждений в апреле 1895 г. я подал прошение одновременно министрам финансов⁵ и путей сообщения, в котором просил разрешить строительство в России завода по производству паровозных котлов, топок и труб, в случае если правительство предоставит многолетний контракт на поставку такого рода изделий.

Мое ходатайство встретило самый благосклонный прием в правительстве, и министры финансов и путей сообщения назначили комиссию для всесторонней проверки моего прошения и возможных переговоров со мной по поводу цен и объемов продукции, которую предстояло поставлять по контракту с казной. Комиссия в составе 10 человек провела со мной в высшей

степени детальные переговоры. С 11 июня по 16 ноября 1895 г. состоялось 9 заседаний комиссии, и в течение этого времени я был вынужден провести в Петербурге около 30 недель, непрерывно давая разъяснения и ответы на всевозможные вопросы, замечания и сомнения.

Это был действительно сложный и по преимуществу также скучный этап работы, но он завершился полным успехом, когда комиссия на своем последнем заседании 16 ноября 1895 г. вынесла решение о выгодности для государства заключения просимого мной 6-летнего контракта на поставку 280 паровозных котлов, 1070 медных паровозных топков, 135 тыс. жаровых труб и 78 тыс. пудов металла для паровых котлов на общую весьма значительную сумму в 32 млн руб. Эти поставки распределялись на 1898—1903 гг. следующим образом:

| | | 1898 | 1899 | 1900 | 1901 | 1902 | 1903 |
|---------------------------|-----|--------|--------|--------|--------|--------|--------|
| Паровые котлы | Шт. | 40 | 45 | 50 | 50 | 50 | 50 |
| Паровозные топки | » | 120 | 150 | 200 | 200 | 200 | 200 |
| Жаровые трубы | » | 15 000 | 20 000 | 25 000 | 25 000 | 25 000 | 25 000 |
| Металл для паровых котлов | П. | 9000 | 10 500 | 12 000 | 13 500 | 15 000 | 18 000 |

Моя идея в отношении создаваемого предприятия заключалась в следующем: сначала следовало построить литейную мастерскую, чтобы по возможности на месте производить необходимые для строительства простые и более сложные отливки из чугуна, затем создать мартеновский цех для производства мартеновской стали, прокатный цех для переработки произведенной стали в листовую металл, трубопрокатный цех для производства из листового металла жаровых труб для паровозных котлов и, наконец, кузнечный цех, где будут изготавливаться по государственному заказу металл для паровых котлов, медные паровозные топки, жаровые трубы и паровозные котлы, а потом, после создания прочного предприятия на основе этих цехов и после того, как станет очевидно, что необходимую специальную рабочую силу легко привлечь на завод, отстроить сооружения для постоянного паровозостроительного завода, снабженные всеми вспомогательными производствами, чтобы самим удовлетворять потребность в полуфабрикатах для изготовления паровозов.

Я стал действовать согласно этой программе, как подробнее будет сказано ниже.

Как уже отмечалось, комиссия, созданная для проверки моего предложения, 16 ноября 1895 г. представила свое положительное заключение министру путей сообщения, и после его одобрения министром договор был представлен на утверждение в Государственный совет, который, наконец, 17 мая 1896 г. одобрил заключение договора со мной.

С этим обсуждением в Госсовете связан один примечательный эпизод. Когда договор был предложен на утверждение Госсовету, который по случаю коронационных торжеств собрался на заседание в Москве⁶, тот отклонил проект, поскольку договор не получил достаточной поддержки ввиду отсутствия князя Хилкова, министра путей сообщения, который хотел сам представить проект, но ввиду служебных затруднений приехал в Москву через день после обсуждения. По установившейся традиции отклоненный Госсоветом проект мог быть вновь вынесен на обсуждение только год спустя. Поскольку министр ввиду упомянутых выше обстоятельств был склонен реализовать контракт, ему удалось, преодолев значительные затруднения, назначить через 14 дней новое обсуждение проекта в Госсовете в своем присутствии, и на этот раз Госсовет одобрил договор⁷. Высочайшее утверждение договора последовало через несколько дней, 23 мая 1896 г.

Уже во время переговоров, занявших продолжительное время, причем их исход оставался для меня сомнителен, я послал несколько толковых немцев, специалистов со знанием русского языка, среди которых был и коммерции-советник Халльбауер (Hallbauer), директор акционерной компании Лауххаммер (Lauchhammer)⁸, помогавший мне советом при разработке проекта, для поиска в различных промышленных центрах громадной империи подходящего места для строительства будущего завода. Разведка этих «пионеров индустрии» заняла несколько месяцев, в течение которых они исколесили Польшу и губернии Центральной и Южной России. Было обследовано множество перспективных мест, проверены и подвергнуты сравнению имеющиеся условия, прежде чем было обнаружено одно многообещающее место, отвечавшее всем необходимым условиям сооружения крупного металлургического завода, как они мне представлялись, а именно располагавшее углем, железом, водой и рабочей силой.

Избранное место называлось город Луганск⁹, который был расположен на восточной границе весьма оживленного Донецкого угольного бассейна в Екатеринославской губернии на Юге России, где уже утвердилась относительно крупная промышленность. Непосредственно через Луганск протекает река Лу-

ганка, не слишком большая, но тем не менее способная снабдить водой крупное промышленное предприятие, особенно при той жаре и засухе, которые царят в этом степном крае несколько летних месяцев.

Луганск, через который сейчас проходят две железнодорожные линии, вскоре после возведения первой очереди завода объединился с крупным селом Цариброд, лежавшим напротив него на противоположном берегу Луганки, в единый город Луганск. В то время число его жителей не превышало 20 тыс. человек. Но вследствие строительства завода, в котором приняли участие множество коммерсантов и несколько банков, эта цифра выросла минимум вдвое. Одновременно существенно поднялась в цене городская земля. За несколько лет до этого бельгийские промышленники в 25 км от Луганска выстроили металлургический завод с доменными печами, выплавлявшими качественный металл. Также в нескольких верстах находились угольные копи, где добывался превосходный каменный уголь. Обе этих компании воспринимались нами как естественные поставщики создаваемого предприятия.

Наряду с крайне благоприятной ситуацией с углем и железом имелись и особые обстоятельства для выбора Луганска в качестве площадки для строительства. Почти за столетие до описываемых событий русская казна основала там завод по производству пушек и боеприпасов. Отделение по литью пушек было закрыто уже в 1817 г., но примерно 20 лет назад на месте старой фабрики в Луганске, где отливались пули, казна построила патронный завод, на котором сейчас занято около 1,5 тыс. рабочих, точнее говоря, работниц. Луганские рабочие-мужчины, которые почти поголовно имели в городе свои домишки, не находя работы на месте, были вынуждены покидать Луганск в поисках работы в черноморских портах или других промышленных центрах, оставляя свои семьи в городе. У этих рабочих, вполне подготовленных для работы на металлургическом заводе, не было большего желания, чем вернуться домой, в Луганск, лишь бы найти в городе подходящее занятие. Вследствие стремления осесть на родной земле эти рабочие обещали вскоре стать ядром рабочей силы нового завода.

Взвесив все эти обстоятельства, я пришел к убеждению, что Луганск является наиболее подходящим местом для будущего завода, и тогда приобрел земельный участок, включавший р. Луганку и железнодорожную линию, общей площадью 60 десятин, а также другой, еще более крупный участок для домов служащих завода, расположенный в некотором отделении от первого. О домах для рабочих ввиду изложенных выше обстоятельств

первое время можно было не заботиться. Возведение относительно небольшого поселения рабочих стало необходимым гораздо позже. На земельном участке, купленном для строительства домов служащих, уже находились здания бывших владельцев с красивыми, но летом выгоравшими от безводья парковыми насаждениями, которые я также выкупил и впоследствии использовал в качестве дома директора завода. Затраты на приобретение недвижимости в Луганске составили в общей сумме около 170 тыс. руб.

Официальная церемония закладки предприятия, названного по единодушному желанию участвовавших в деле Русским обществом механического завода Гартмана (Hartmann), состоялась после того, как подготовленный устав общества 3 мая 1896 г. удостоился Высочайшего утверждения. В учреждении компании приняли участие две финансовые группы вместе со своими друзьями, а именно Дрезденский банк (Dresdner Bank)¹⁰ в качестве представителя германского капитала и Петербургский Международный¹¹ банк как представитель русского капитала, контролировавшие почти половину акционерного капитала (общий размер капитала — 4 млн золотых рублей или 6 млн серебряных). Я оставил за собой контрольный пакет акций, обеспечив себе и родственной фирме (Акционерной компании Саксонского машиностроительного завода, бывш. Рихард Гартман в Хемнице) долговременное влияние на предприятие, председателем правления которого я был избран при учреждении. В этом качестве я и сегодня нахожусь в тесной связи с созданным мною заводом¹².

В сентябре 1896 г. строительство завода было начато под руководством технического директора Я. Андерсона (J. Anderson), и благодаря кипучей энергии и недюжинным способностям этого человека и двух приданных ему архитекторов уже через 20 месяцев, 24 мая 1898 г., в присутствии официальных представителей власти и почетных гостей состоялась торжественная церемония пуска завода, хотя в некоторых цехах работа уже давно шла полным ходом. На заводе действовали:

Ремонтная мастерская с поздней осени 1896 г.

Чугунолитейный цех с марта 1897 г.

Мартеновский цех с двумя домнами с 1 января 1898 г., еще две печи пущены 1 марта 1898 г.

Трубопрокатный цех с февраля 1898 г.

Прокатный цех с 19 марта 1898 г.

Медеплавильный цех с рафинированием меди с мая 1898 г.

Пуск кузнечного цеха, где изготавливали паровые котлы, был проведен в июле 1898 г., уже после официального открытия предприятия.

Отдельные постройки завода были возведены из камня и железа. Камень и известняк доставлялись из расположенных неподалеку от Луганска каменоломен на крестьянских телегах, причем ежедневно было задействовано от 800 до 1000 повозок. Строительную документацию по сооружению чугунолитейни, мартеновского и прокатного цехов предоставила компания Лауххаммер, прочие здания завода возведены по проекту и под наблюдением приглашенного на строительство архитектора. Материал для стальных конструкций поставлялся из Германии фирмой Лауххаммер в необработанном виде и на месте обрабатывался и подгонялся в специально созданной временной мастерской. Работы велись немецкими инженерами и монтажниками из фирмы Лауххаммер с помощью русских рабочих. Поскольку я оставил за собой функции надзора за строительством и техническим оснащением завода, то был вынужден во время 20-месячного строительного периода часто наезжать в Луганск, причем поездка туда из Дрездена и обратно занимала тогда четыре полных дня и ночи. Благодаря пущенному три года назад на Юге России новому скорому поезду теперь путешествие можно совершить за трое суток.

Поскольку мне, как уже было сказано выше, было предоставлено право выбора поставщиков, я позаботился о том, чтобы поставка машинного оборудования и металлических конструкций была передана исключительно германским фирмам и компания Луххаммер, к которой я был близок в качестве председателя наблюдательного совета, взяла в свои руки, помимо поставок металлических конструкций, оснащение чугунолитейного цеха, а также мартеновского, трубопрокатного и прокатного, причем к сооружению и техническому оснащению последнего эта фирма, не имевшая собственных мастерских, привлекла машиностроительный завод, бывш. Камп и Ко. в Рурской области (Märkischen Maschinenfabrik vorm. Kamp & Cie. in Wetter an der Ruhr). Поставку крупных паровых машин и станков, а также весивших до 25 т кранов для прокатного цеха взяла на себя компания Саксонского машиностроительного завода в Хемнице (Sächsische Maschinenfabrik vorm. Rich. Hartmann A.-G. in Chemnitz).

В отношении порядка расположения отдельных строений замечу следующее.

Определяющим для положения отдельных зданий по отношению друг к другу должен быть хронологический принцип

производства и удобства подвоза сырья, равно как и транспортировки готовой продукции.

Поблизости от железнодорожного моста через Луганку сначала был отстроен мартеновский цех, оснащенный четырьмя 20-тонными мартеновскими печами и тремя кранами, с доломитовой мельницей, лабораторией и чугунолитейней. На некотором отдалении, чтобы обеспечить запланированное расширение мартеновского цеха, расположился прокатный цех с шестью прокатными станами. Газовые генераторы и мартеновские печи для выплавки стали, равно как и подогревающие печи с их газовыми генераторами для прокатного цеха изготовлены на самом Луганском заводе по проектам фирмы Лауххаммер. Позади объемного здания прокатного цеха находится центральная электростанция, оборудованная поначалу четырьмя паровыми машинами мощностью 150 л. с. каждая, сейчас же, с пуском паровозостроительного цеха, здесь работают пять таких же установок и две более мощных по 550 л. с. Паром эти машины снабжает расположенная поблизости центральная котельная.

Вся электростанция с элегантно-смонтированными, мощными и совершенно бесшумно работающими паровыми машинами представляет собой весьма привлекательную картину. Поставку паровых машин и центрального парового котла осуществила также акционерная компания Саксонского машиностроительного завода, бывш. Рихард Гартман, а поставка оборудования для электростанции стало образцовым деянием Соединенного общества электричества (Union Elektrizitäts-Aktiengesellschaft), ныне вошедшего в состав Всеобщей компании электричества в Берлине (Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft)¹³.

Неподалеку от электростанции находится котельный цех, оснащенный новейшим оборудованием и рассчитанный на производство 200—250 паровозных и стационарных котлов в год. Справа от него стоит трубопрокатный цех, специально ориентированный на изготовление жаровых труб для локомотивов.

На некотором отдалении от котельного цеха, почти напротив него, возведено здание фабричного управления, на первом этаже которого расположилась главная фабричная контора, а второй занимают технические бюро.

В целях соблюдения пожарной безопасности отдельные здания выстроены на достаточном расстоянии друг от друга. Непосредственная близость реки и постоянная пожарная охрана на заводе обеспечивают максимально возможную защиту от огневой опасности.

В транспортном отношении отдельные корпуса завода связаны друг с другом двумя железнодорожными путями — с нор-

мальной колеей и узкоколейной. Общая протяженность проходящего по территории завода рельсового пути с движением локомотивов составляет около 40 верст. Завод, кроме того, связан отдельным рельсовым путем с Луганским вокзалом.

В превосходно сооруженном прокатном цехе прокатывают также листы для паровозных топков и штыри из меди, после того как поставляемая по договору русская сырая медь проходит очистку в специальном рафинировочном цехе. Изготовление этих медных деталей после пуска завода поначалу вызывало серьезные сложности, так как технические условия договора о поставке меди содержали чрезвычайно трудно выполнимые условия по качеству меди. Эти осложнения последовательно преодолевались, так что некоторое время спустя завод был в состоянии выпускать безупречные и соответствующие самым высоким требованиям паровозные топки и медные валы. В листопрокатном цехе также поначалу не обошлось без сложностей, связанных с тем, что большая часть рабочих была совершенно не подготовлена к этой работе, но и с ними со временем удалось справиться благодаря обучению рабочей силы. Поскольку в этот период все русские заводы, производившие железо и сталь, были полностью загружены работой, в прокатный цех удалось привлечь со стороны лишь малое число подготовленных лучших рабочих.

Согласно моей программе компания, после того как первая очередь завода начала удовлетворительно функционировать и оказалось, что удалось подготовить квалифицированную рабочую силу также для паровозостроительного предприятия, приступила к осуществлению поставленной ей дальнейшей задачи, т.е. к изучению вопроса о сооружении самого паровозостроительного завода. Прежде всего этот вариант был рассмотрен в рамках подготовки договора с правительством на поставку локомотивов. После неизбежно длительных переговоров этот договор был заключен 15 октября 1898 г. По его условиям правительство предоставляло Русскому акционерному обществу механических заводов Гартмана заказ на поставку по фиксированной цене 240 паровозов на общую солидную сумму 16 млн марок, а компания обязывалась с 1 июля 1900 г. поставлять на казенные железные дороги ежемесячно по 5 паровозов.

Уже во время продолжительных переговоров с правительством дружественной мне банковской группой был обсужден и положительно разрешен вопрос о привлечении новых денежных средств для сооружения паровозостроительного завода. Было принято решение повысить основной капитал общества до 9 млн руб. за счет выпуска новых акций. Новые акции при но-

минале в 150 руб. были размещены по курсу 200 руб. штука, а полученная таким образом прибыль зачислена в запасной капитал компании. Разработка планов строительства завода началась также в ходе переговоров с правительством, и в течение 5 месяцев они были в превосходной, образцовой форме подготовлены Ойгеном Брюкманном (Brückmann), в то время главным инженером, а теперь директором правления компании Саксонского машиностроительного завода, бывш. Рихард Гартман в Хемнице.

Закладка паровозостроительного завода состоялась 24 августа 1898 г., и сооружение его, под руководством того же директора Я. Андерсона, продвигалось столь успешно, что уже 28 мая 1900 г., т.е. спустя 21 месяц, первый полностью собранный на заводе паровоз был сдан в эксплуатацию¹⁴. Большая часть станков и машин для производства локомотивов, которая размещалась в отдельном корпусе общей рабочей площадью 17,5 тыс. кв. м, что помогало избежать потери времени при транспортировке отдельных деталей, также была поставлена компанией Саксонского машиностроительного завода, бывш. Рихард Гартман в Хемнице, а меньшая часть машин, по желанию руководителя паровозостроительного завода, выдающегося русского инженера Й. Глеб-Кожанского (J. Gleb-Koshansky), была заказана у других фирм.

Завод быстро развивался благодаря превосходному оснащению цехов всем специальным оборудованием, которое только можно было пожелать, а также вследствие независимого положения завода в сравнении с другими предприятиями, поскольку все без исключения необходимые для сборки локомотивов полуфабрикаты и детали, вплоть до бандажей и деталей арматуры, изготавливались на самом предприятии. Кроме того, чрезвычайно предусмотрительному директору завода удалось в короткий срок привлечь на предприятие квалифицированных рабочих с других заводов. В итоге уже к 22 апреля 1901 г. завод изготовил и передал заказчику 100 паровозов; к 14 декабря 1901 г. — 200; 27 августа 1902 — 300; 25 марта 1903 — 400; 22 апреля 1904 — 500 и 20 октября 1904 г. — 600 машин вместе с тендерами.

С началом русско-японской войны, которая вызвала усиленный спрос на локомотивы для перевозки войск и их обслуживания в Маньчжурии, завод работал в усиленном режиме и получил возможность доказать свою особую производительность, когда без особого напряжения сумел в течение второй половины 1904 г. выполнить заказ на поставку 102 паровозов. Также и в текущем (т.е. в 1905. — *Сост.*) году завод выполнил очень крупные заказы, поставляя в среднем 20 паровозов ежемесячно¹⁵.

Русское общество механических заводов Гартмана, на котором при открытии было занято около 1,5 тыс. человек, сейчас располагает примерно 4 тыс. постоянных рабочих, переживает пору в высшей степени удовлетворительного развития и относительно быстро сумело преодолеть вызванные различными факторами детские болезни, которых не в силах избежать ни одно новое промышленное предприятие. Среди прочих здесь, конечно, сыграло свою немалую роль то обстоятельство, что завод был сооружен, так сказать, в степи, поскольку Луганск расположен посредине громадных южно-русских степей, и тем не менее, возведенный в таком месте и в короткий срок, завод уже вскоре после начала деятельности, в операционном 1897/98 г. принес дивиденд в 2 руб. на акцию номиналом 150 руб., в 1901/02 г. — 7 руб., 1902/03 — 11 руб. и в 1903/1904 — 12 руб. при значительных отчислениях на амортизацию в запасной капитал. Благодаря чрезвычайно осторожной политике составления балансов финансовое положение компании настолько окрепло, что правление смогло отказаться от выпуска 5 % облигационного займа на сумму 4,5 млн руб., о котором первоначально ходатайствовали перед правительством для усиления оборотных средств и даже получили разрешение на эмиссию.

В 1899—1901 гг. в России, впрочем, как и у нас, свирепствовал тяжелый промышленный кризис, вследствие которого резко снизились цены почти на все изделия индустрии, особенно пострадала от него металлургия, так что молодое предприятие в течение этих лет было не в состоянии выплачивать дивиденд своим акционерам.

Несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, производственные условия в мартеновском и прокатном деле становились все лучше, хотя результаты деятельности этих подразделений существенно зависели от конъюнктуры, поскольку при налаживании этих производств ставилась цель, чтобы они не только покрывали потребности внутреннего паровозостроения, но реализовывали на рынке две трети своей продукции. С постоянным улучшением конъюнктуры в металлургической отрасли России, которая фактически достигла постоянного прогресса, результаты деятельности вспомогательных подразделений паровозостроительной компании также становятся все более удовлетворительными.

Высшее руководство предприятием находится в руках правления в Петербурге. Оно состоит на данный момент из шести членов, председателем правления состою я¹⁶. В Петербурге располагается также бюро компании по связям с государственными ведомствами, а также по общей закупке и сбыту. В Луганске

руководство заводом осуществляет технический директор, который назначает начальников отдельных производств. Эти руководители подразделений, среди которых значатся три немца, являются полностью компетентными и ответственными за свой участок работы служащими.

В плане заботы о заводских рабочих также достигнуты значительные результаты. Для всех занятых на предприятии не только действует страхование от увечья при несчастном случае на производстве, но и открыта собственная заводская больница с врачом, оплачиваемым за счет компании, где рабочим обеспечены лечение и уход. Кроме того, на средства завода в Луганске открыты две школы — русская и немецкая (последняя для детей немецких рабочих и служащих), а также компания ежегодно выделяет значительные субвенции другим луганским учебным заведениям.

Число занятых на заводе иностранцев и особенно немцев невелико, а то обстоятельство, что главным клиентом завода является русское правительство в лице казенных железных дорог, с неизбежностью означает, что предприятие сохраняет чисто русский характер.

Общая стоимость недвижимого имущества компании в Луганске превышает 9 млн руб., или около 20 млн марок. Курс акций компании, который подвергался разнообразным колебаниям, в настоящее время на бирже составляет 225 руб. за акцию.

Объем годового производства завода в течение последних четырех операционных лет в среднем достигал уровня основного капитала в 9 млн руб.¹⁷

Условия жизни в Луганске, конечно, стали совсем иными, лучшими, поскольку те средства, которые получал город от завода, а именно попудный сбор в размере 1 копейки со всех грузов прибывающих на завод и отправляемых оттуда, в том числе по железной дороге, позволили городской управе благоустроить улицы, создать и содержать городские сооружения, так что Луганск теперь совершенно изменил свой облик. Прелестный вид открывается из завода на город с его двумя храмами и множеством побеленных домиков с зелеными и красными крышами, равно как и наоборот, из города на предприятие, а именно с расположенной перед собором площади, откуда предстает громадный, растянувшийся более чем на километр завод с дымящимися трубами, железнодорожными путями и бегущими по ним локомотивами, на месте которого еще 9 лет назад было пустое поле со скудной степной травой, где горожане выпасали скот.

Дрезден, 27 января 1905 г.

Примечания*

¹ Завод был основан в 1837 г. в Хемнице отцом мемуариста Рихардом Гартманом, выходцем из Эльзаса. В короткий срок Саксонский завод стал одним из ведущих машиностроительных предприятий Германии, к 1869 г. на нем было занято уже более 3 тыс. рабочих. С 1868 г. завод поставлял паровозы в Россию, в частности, на линии известного «железнодорожного короля» С.С. Полякова.

² Имеется в виду таможенный тариф 1891 г., которым осуществлена последовательная защита всех отраслей и стадий внутреннего производства, от добычи сырья до конечной выделки изделий. Пошлины на ввозимые товары резко увеличивались, особенно в отношении сырых материалов и полуфабрикатов.

³ Речь идет о французских и бельгийских инвестициях в горно-металлургические предприятия Юга России, в Донецком бассейне. Подр. см.: McKay J.P. *Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurs and Russian Industrialization, 1885—1913*. Chicago, 1970; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Рук. проекта В.И. Бovyкин. М., 1997. О германских инвестициях в этом регионе см.: Щербаков И.В. Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. — 1914 г.) // *Экономическая история: Ежегодник*. 2007. М., 2008. С. 59—117.

⁴ Очевидно, имеется в виду М.И. Хилков, министр путей сообщения в 1895—1905 гг.

⁵ С.Ю. Витте, министр финансов в 1892—1903 гг. Имеются сведения, что Гартмана, который являлся зятем Фридриха Круппа (с Круппом Гартман имел также давние деловые контакты и в 1903 г. был избран председателем наблюдательного совета фирмы), связывали с Витте близкие, почти дружеские отношения (см.: Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 362).

⁶ Имеются в виду торжества по случаю коронации императора Николая II, проходившие в мае 1896 г. в Москве.

⁷ Помимо Хилкова активное участие в продвижении дела Гартмана по правительственным канцеляриям принимал сотрудник С.Ю. Витте, директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов В.В. Максимов (см.: Лебедев С.К. Указ. соч. С. 365). По всей очевидности, в организации повторного обсуждения в Госсовете активную роль сыграл и сам министр финансов С.Ю. Витте.

⁸ Речь идет об основанной в 1874 г. компании Лауххаммер, наблюдательный совет которой Гартман возглавлял с 1883 г. Компания являлась одним из крупнейших металлургических и машиностроительных комбинатов Германии, в конце XIX в. на предприятии было занято около 4 тыс. рабочих.

* Составлены А.Ю. Петровым и Ю.А. Петровым.

⁹ Луганск (в 1935—1958 и 1970—1990 гг. — Ворошиловград), основан в 1795 г., расположен на слиянии рек Лугань и Ольховая, в советское время областной центр, ныне входит в состав Украинской Республики.

¹⁰ Гартман в 1881—1887 гг. входил в наблюдательный совет Дрезденского банка, в 1887—1895 гг. являлся директором его правления. При содействии Дрезденского банка акции Русского общества Гартмана были введены в котировку на биржах Парижа и Брюсселя. Помимо частных лиц, крупными держателями акций являлись С.-Петербургский Международный коммерческий банк, Петербургский учетный и ссудный банк, а также Дрезденский банк.

¹¹ Для С.-Петербургского Международного банка, который в середине 1890-х под влиянием директора правления А. Ротштейна занялся грюндерскими операциями в промышленности, завод Гартмана стал первым опытом участия в учреждении машиностроительных предприятий. Ротштейн, который, как известно, в тот период являлся финансовым советником Витте, сыграл заметную роль в продвижении проекта. В дальнейшем, вплоть до экономического кризиса рубежа XIX—XX вв., С.-Петербургский Международный банк являлся главным источником кредитов для общества Гартмана. Глава банка А. Ротштейн вплоть до своей смерти в 1904 г. состоял вице-председателем правления компании (см.: Лебедев С.К. Указ. соч. С. 358—370).

¹² Г. Гартман возглавлял правление Русского общества машиностроительных заводов до июня 1908 г., скончался в октябре 1910 г. (Gustav Hartmann // Kruppsche Mitteilungen. Eisenach. Den 20 Oktober 1910).

¹³ Всеобщая компания электричества (ВКЭ) — германский электротехнический концерн, действовал в России с 1892 г. под руководством главы компании Вальтера Ратенау.

¹⁴ Первый паровоз типа 0-4-0 серии ОД был спроектирован инженером В.И. Лопушинским.

¹⁵ В 1905 г., на который пришелся пик производства, завод построил 245 паровозов, или свыше 20 % общероссийского производства. Всего в 1900—1917 гг. завод выпустил 2116 паровозов разных типов.

¹⁶ В состав правления компании к тому времени входили Г.А. Блох, В.Ф. Давыдов, М.Э. Верстрат, Ф.А. Пфейфер, П.Г. Шайкевич, Р.С. Яниковский.

¹⁷ Годовая производительность завода составляла около 6 млн руб. в 1908 г., 9 млн руб. в 1914 г. В канун Первой мировой войны на предприятии было занято свыше 5,3 тыс. рабочих.

SUMMARIES*

Pavel V. Lizunov

Banking-house «A.A. Pechenkina and C^o»: historical milestones and the reasons of failure

The article is devoted to the history of the one of the oldest Russian banking-houses «A.A. Pechenkina and C^o». The partnership had a reputation for being a trustworthy institution for over 30 years (1872–1904). It had grown from small money-changing bureau to banking house with numerous branches across Russia. The banking house failed suddenly in August 1904, to everybody's surprise. The author analyses the bankruptcy reasons and finds that it was a miracle that the firm lasted for so long. The failure was caused by incompetent management, unprofessional accounting, owners' indifference toward their business and the unfounded trust to managers, uncontrolled expenses, including unwarranted cash payments. Finally, the inability to control the financial risk and the absence of midterm and long term planning contributed to the failure.

Elena N. Savinova

Entrepreneurs as country estates owners in Moscow Guberniya

The article, based on comprehensive analysis of the sources, paints a detailed picture of how agricultural estates operated in the Moscow Gubernia. Each of the estates was an independent economic entity. Moscow bourgeoisie constantly enlarged and developed their estates, rationalizing their work, introducing new technologies and market orienting their production. The paper presents numerous examples of land usage within estates owned by Moscow businessmen that demonstrate the overall tendencies and their particular manifestations at the micro level.

Elena G. Petrova

Wool textile mill «Jokisch»: stages of development and the impact of state institutions (1838–1918)

This article main stages of historical development of the wool textile mill «Jokisch» — one of the oldest and largest in Russia, which grew from small dyeing works in the middle of the nineteenth century to a large-scale enterprise at the beginning of the twentieth century. The author presents a biography of the mill's founder V.I. Jokisch and discusses his place among Russian textile entrepreneurs. The article studies the following issues: mill's industrial and financial results, labor relations, interactions with the government, review of Russian pre-revolutionary wool industry development.

* Редактор Г. Перельман (Калифорнийский университет, США).

Anastasia V. Tikhonova

Swiss entrepreneurs and industrial cheese-making development in Smolensk Guberniya in nineteen and early twentieth century

This article examines participation of Swiss entrepreneurs in industrial cheese-making in Smolensk Guberniya in the nineteenth and early twentieth century. The author reveals reasons of Swiss business interest in this Russian region and investigates the history of regional cheese-making from the period of the first cheese dairies in the 1820s to World War I. The article discussed the production technology, the range of products and the distribution process.

The study of Swiss community in the Smolensk Region reveals its strong confessional, family, and business ties. Based on the presented materials, the author proves that Swiss entrepreneurs' cheese making stimulated production by local population. However the growth of the Swiss colony up to the early twentieth century indicates that its inhabitants were successful competitors of local producers.

Inga V. Maslova

Stakheevs — entrepreneurs and philanthropists

The article investigates the business culture of Russian regional merchants in the nineteenth century. Hunger for gain had not been merchants' primary value; they rather appreciated wealth received by means of enterprise spirit, hard work, and thrift. Regional merchant was a very contradictory person: his hard-hearted character could combine with large-scale charitable activity, traditionalism and inertness in everyday life with innovative, vital and skilful business style. Paternalism towards their employees was a very important feature of merchants' business ethics in pre-revolutionary Russia. There was a traditional norm to support families of clerks and shop assistants, including payment for employees' and their children's education.

Boris I. Podkolzin

Microcredit development in rural Russia in the last third of the nineteenth century: self-organization and influence of government authorities

The article studies microcredit development in pre-revolutionary rural Russia. There was a 40-year historical experience of peasants' economic and public self-organization. The article reveals Russian microcredit characteristic features that are different from European ones. Loan association became the main form of Russian peasants' microcredit. This institution stimulated peasants' economic activity and at the same time it was optimal for effective government control and financial support. The loan associations made even small loans economically sound and helped active peasants to get access to credit market.

Leonid. I. Borodkin, Timur Y. Valetov, Irina V. Shilnikova

Social insurance and social support to the Russian industrial workers in the late imperial period: a micro-analysis

The paper's goal is to research the emergence and the development of a social support system (with different payments and benefits) for Russian industrial workers in 1880–1910s. Two large cotton textile factories of the

Central region are presented as a case study where a considerable number of archival documents were used. The system of social support was actually very poor at the beginning, however, when large factories started the system in the 1880s there was notable dynamics in its progress. Some workers, who had suffered from the work accidents as well as those who had temporarily lost their ability to work, could expect to get extra-payments. A relationship between private social programs and the government rules has been also studied.

Irina V. Goncharova

Collective farms in the central regions of Soviet Russia in the 1920s

The article investigates the reasons for organization of the first Soviet collective farms (kolkhozes) in the 1920s and the social and economic features of kolkhozes. The author studies the cases of Russia's central regions, especially Orel Guberniya. First kolkhozes were not connected with cooperative associations, and were driven by pragmatic and not ideological reasons. There were few communes and artels. Typical collective farm — TOZ (association for joint tillage) — were organized because of peasant's shortage of arable land. There were some cases when TOZs were former gentry estates disguised as kolkhoz. Enterprising peasants were interested in TOZ because these institutions were usually able to get better arable lands and had access to state credits. By 1928 the percentage of wealthy peasants in collective farms had increased. Most of the kolkhozes were temporary organizations with shifting membership. There was internal exploitation, unproductive spending of state funds, low working discipline, and production was lower than in individual farms. Almost always there was a tendency to follow market incentives. Before collectivization most of the kolkhozes had failed economically. The reorganization (or chistka - «cleansing») was accomplished by substituting richer peasants with impoverished peasants.

Taisiya V. Yudina

Labour relations at concession enterprises in the USSR in the 1920s

The article analyzes Soviet employment at concession enterprises in the 1920s. Based on the archive documents, the author illustrates government policies intended to decrease unemployment, investigates the major role of the government form of employment during the years of the new economic policy, determines the difficulties in relationships between Soviet authorities, labor unions and foreign entrepreneurs in the sphere of the Soviet labor laws, and describes opportunities for using foreign labor force by concession enterprises.

Anna A. Tchepkalova

Glavpromstroy in the GULAG system: forced labour economy at the «great construction projects of communism»

Modern historiography has not addressed some aspects of Gulag history. One of them is studied in this paper — the major central administrative board of the soviet camp system — Glavpromstroy, created in the early 1940s. The main component of its activity was the organization of labour resources of the

labour camps prisoners and their utilization for construction of numerous industrial, residential and military objects in the USSR. The article analyzes the functions and the tasks of Glavpromstroy, the evolution of its structure, describes the main construction projects, geography and the number of labour camps under the authority of the central administrative board. This research enables the reader to estimate the scale of the capital construction completed by Glavpromstroy, which was the «outpost of the camp economy».

Andrei K. Sokolov

Soviet oil industry before World War II, 1938–1941

The paper analyzes in details the conditions of the Soviet oil industry on the eve of German invasion of the USSR, both at the total industry level and in various areas of the country. Because oil played a major role in the looming «war of engines», a great attention is paid to the issue of how Stalin's leadership dealt with the fuel production for military needs. Additionally, the reasons for the failure of the oil industry to meet the planned output are discussed as well. Among them: whether shortfall was caused by the fundamental flaws of the Soviet economy or by particular issues relevant to the industry, such as technological backwardness, the need to develop oil fields in the underdeveloped and inaccessible areas of the East of the country (Kazakhstan, Sakhalin, the Northern regions, etc.), lack of appropriately trained workforce, and other factors.

Vladimir A. Mau

Logic of Russian modernization: historical trends and current challenges

The article analyses modernization in Russia and its current challenges. The author views modernization as reaching the level of institutional and technological development of the western countries. There is an extraordinary task, and historically there are known examples of successes and failures. The article analyzes the crisis in the USSR at the end of the 1980s as a combination of the crisis of an industrial society complicated by crises in economy, ideology, and political structure. The crisis of 1991–2003 and the consequent recovery are reviewed. Currently, the dominant social-economic problem facing Russian society is the crisis of industrial system and the need to create the social-economic basis of post-industrial society. The risks and dangers of the current stage of modernization in Russia are discussed.

Economic history sources: *E. I. Lamansky.*

Reasons of monetary system disorder and the resources for recovery

The paper of a noted Russian statesman and banker Eugeny I. Lamansky, presents his plan to restore the paper exchange into metallic money. It was written in 1861, but has not been published in full since then. This is an important document on the history of the failed attempt to restore bimetallic standard in 1862–1863. Lamansky proposed monetary reform based on the pattern of English reform of 1819, bimetallic reserve accumulation (gold and large silver coins) based on internal resources, paralleled with the reform on the Russian State Bank on the pattern of European banks which had the right

to issue paper currency. The failed reform of 1862–1863 was carried out according to another plan by the Minister of Finance M. Kh. Reitern, who did not approve the Lamansky's proposal. The exchange resources were funded by a large foreign loan, which later became an instrument of foreign political pressure from the creditor countries (England and France). The restoration of paper currency exchange was delayed for several decades and was eventually conducted on the principles proposed by Lamansky.

The text is based on 1861 edition.

Economic history sources: *G. Hartmann*.

Notes on making and development of Hartmann's Russian Machine-building Society in Lugansk, Ekaterinoslav guberniya, the South of Russia

Published in Russian for the first time, this memoir-based source describes the Hartmann Russian Machine-Building Society. It traces the evolution of foreign entrepreneurs' strategy in Russia before Revolution from the trade activities to direct investment. The Hartmann's Note reveals an important tendency of foreign entrepreneurs to move their production facilities to Russia after an increase in customs tariffs. The transfer of technology was an important component in this process as most of the equipment was imported, while government orders maintained a stable demand for Hartmann's production.

Содержание

| | |
|-----------------------|---|
| Предисловие | 3 |
|-----------------------|---|

История предпринимательства дореволюционной России

| | |
|--|-----|
| <i>Лизунов П.В.</i> Банкирский дом, «который лопнул» | 11 |
| <i>Савинова Е.Н.</i> Землепользование предпринимателей в имениях Московской губернии | 33 |
| <i>Петрова Е.Г.</i> Мануфактура «Йокиш»: из истории российской суконной промышленности (1838—1918 гг.) | 58 |
| <i>Тихонова А.В.</i> Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX — начале XX в. | 82 |
| <i>Маслова И.В.</i> Стахеевы — предприниматели и благотворители . . | 103 |

Институциональные аспекты экономической истории дореволюционной России

| | |
|---|-----|
| <i>Подколзин Б.И.</i> Самоуправление и государственная власть в становлении ссудных товариществ в российской деревне последней трети XIX в. | 119 |
|---|-----|

История трудовых отношений в дореволюционной России

| | |
|---|-----|
| <i>Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Шильникова И.В.</i> Социальное страхование и обеспечение рабочих в России конца XIX — начала XX в.: опыт микроанализа | 161 |
|---|-----|

Экономическая история СССР

| | |
|---|-----|
| <i>Гончарова И.В.</i> Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг. | 221 |
| <i>Юдина Т.В.</i> Право на труд советских рабочих на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг. | 238 |
| <i>Цепкалова А.А.</i> Главпромстрой в системе ГУЛАГа: экономика принудительного труда на «Великих стройках коммунизма» . . | 258 |
| <i>Соколов А.К.</i> Советское нефтяное хозяйство накануне войны (1938—1941 гг.) | 297 |

Проблемы российской модернизации

| | |
|---|-----|
| <i>Мау В.А.</i> Логика российской модернизации: исторические тренды и современные вызовы | 359 |
|---|-----|

Публикации источников

| | |
|--|-----|
| Е.И. Ламанский и его проект восстановления денежного обращения в России (1861 г.) | 423 |
| <i>Ламанский Е.И.</i> Причины расстройства денежной кредитной системы и средства к ее восстановлению | 426 |
| Густав Гартман и его воспоминания о Луганском заводе | 453 |
| <i>Гартман Г.</i> Записка о возникновении и развитии Русского общества машиностроительного завода Гартмана, Луганск, Екатеринославская губерния, Юг России | 457 |
| Summaries | 471 |

Contents

| | |
|---------------------------|---|
| Editorial notes | 3 |
|---------------------------|---|

Business History of Pre-Revolutionary Russia

| | |
|---|-----|
| <i>P.V. Lizunov.</i> Banking-house «A.A. Pechenkina and C ^o »: historical milestones and crash reasons | 11 |
| <i>E.N. Savinova.</i> Åntrepreneurs as country estates owners in Moscow Guberniya | 33 |
| <i>E.G. Petrova.</i> Woollen textile mill «Jokish»: stages of development and impact of state institutions (1838–1918) | 58 |
| <i>A.V. Tikhonova.</i> Swiss entrepreneurs and industrial cheese-making development in Smolensk guberniya in the nineteenth century and in the beginning of the twentieth century | 82 |
| <i>I.V. Maslova.</i> Stakheevs — entrepreneurs and philanthropists | 103 |

Economic History of Pre-Revolutionary Russia: Institutional Perspectives

| | |
|---|-----|
| <i>B.I. Podkolzin.</i> Microcredit development in rural Russia in the last third of the nineteenth century: self-organization and influence of government authorities | 119 |
|---|-----|

Labor History of Pre-Revolutionary Russia

| | |
|--|-----|
| <i>L.I. Borodkin, T.Y. Valetov, I.V. Shilnikova.</i> Social insurance and social support to the Russian industrial workers in the late imperial period: a micro-analysis | 161 |
|--|-----|

Economic History of USSR

| | |
|--|-----|
| <i>I.V. Goncharova.</i> Collective farms in the central regions of Soviet Russia in the 1920s | 221 |
| <i>T.V. Yudina.</i> Labor relations at the concession enterprises in the USSR in the 1920s | 238 |
| <i>A.A. Tchepkalova.</i> Central authority «Glavpromstroy» in the GULAG system: forced labor economy at the «Great construction projects of communism» | 258 |
| <i>A.K. Sokolov.</i> Soviet oil industry before World War II, 1938–1941 | 297 |

Topical Problem of Russian Modernization

| | |
|--|-----|
| <i>V.A. Mau.</i> Logic of Russian modernization: historical trends and up-to-date challenges | 359 |
|--|-----|

Economic History Sources

| | |
|--|-----|
| <i>E.I. Lamansky</i> . Reasons of monetary system disorder and the means of its recovery. (<i>Introductory article and commentary by A.V. Bugrov</i>) . . . | 426 |
| <i>G. Hartmann</i> . Notes on making and development of Hartmann's Russian Machine-building Society in Lugansk, Ekaterinoslav guberniya, the South of Russia (<i>Introductory article and commentary by A.Y. Petrov and Y.A. Petrov</i>) | 457 |
| Summaries | 471 |

Научное издание

**Экономическая история
Ежегодник. 2008**

Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Корректоры *Г.Н. Алимова, К.М. Корепанова*
Технический редактор *М.М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И.В. Киселева*
Компьютерная верстка *Л.А. Кругова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.10.2008.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Тираж 800 экз.
Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)